ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

1976-1977

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА
1976
1977

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1976–1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

П 35

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.Ф. Гирс (председатель), Е.А. Давидович, Е.И. Кычанов, Л.Н. Меньшиков,
М.-Н.О. Османов, С.Б. Певзнер (ответственный секретарь),
И.Д. Серебряков, И.В. Стеблева, А.Б. Халидов

Очередной, сдвоенный, выпуск Ежегодника содержит статьи, посвященные различным теоретическим и практическим вопросам изучения письменных памятников Востока.

П $\frac{0503000000-144}{013(02)-84}$ КБ-13-46-84

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1984.

БЛИЖНИЙ
И СРЕДНИЙ ВОСТОК

О. Ф. Акимушкин

"ТУТИ-НАМЕ" И ПРЕДШЕСТВЕННИК НАХШАБИ

(К вопросу об индо-иранских культурных связях)

В 730/1329-30 г. выходец из мавераннахрского города Нахшаба Зийа ад-Дин, переселившийся в молодости в Индию в г. Бадаун, завершил свой труд, названный им "Ҳикāйат ад-дирāйат" (Повествование о проницательности). Так случилось, что авторское название не прижилось и сочинению было суждено получить известность и широко распространиться по всему мусульманскому Востоку под обиходным и менее вычурным названием "Тӯṭӣ-нāме", т.е. "Книга попугая"[1].

Интерес к этому произведению, повествующему о проделках, кознях, коварстве и уловках женщин, был велик и не снижался в течение всех последующих веков[2]. Сам Нахшаби следующим образом объясняет причину, побудившую его взяться за калам и приведшую к созданию знаменитого "Тӯṭӣ-нāме": "Как-то раз повествовал я о любовной истории из времен моей юности, рассказывал повесть о чарующем сердце горе из времен ранней молодости, и один вельможа сказал мне:

– "Недавно одна книга, заключающая в себе пятьдесят два рассказа, была переведена с одного языка на другой, была переложена с языка индийского на язык персидский. При этом конь речи был пущен в поле многословия и изложению была придана чрезмерная длина. Основы требований хорошего вкуса и основные правила изящества не были соблюдены совершенно. Начало рассказов и окончания повестей были перемещены и опущены. Ко всем правилам красноречия составитель отнесся с полным пренебрежением, и посему читатель не достигает при чтении своей цели, то есть наслаждения, а у слушателя ускользает та услада, к которой он стремится. Если бы ты взял это произведение, относящееся к числу индийских книг, и изложил его в сокращенной редакции и связной обработке, придал бы ему достойную форму и подобающий порядок, то и читатель и слушатель этой книги должны были бы считать себя безгранично обязанными тебе... Я немедленно повиновался приказу этого вельможи, повелевающего моим сердцем, и покорился его велению, которого слушается моя душа. И хотя по поводу красноречия и говорилось слово, что слишком длинную речь надо, мол, сокращать, а слишком краткую удлинять, но слова этого раба не столь безыскусны и длинны, чтобы их не стали читать вельможи, и не столь искусны и кратки, чтобы простой люд не пожелал выслушать их. Нет, я придерживался повеления избирать середину, ибо, сказал посланник, мир да будет с ним: "Лучшее из дел – это середина"...

Мною было составлено пятьдесят два рассказа в новой обработке, были сочинены новые притчи и повествования. Если рассказы были бессвязны, я придавал им связь, вступления и заключения каждого из них я украсил и разнообразил. Некоторые безвкусные рассказы заменил другими и таким образом украсил своей рукой эту райскую невесту изящества, эту матрону на троне остроумия, дабы порадовать царей искусства речи"[3].

В вышеприведенном пассаже Нахшаби особого внимания заслуживают следующие моменты: 1. До Нахшаби был выполнен перевод на персидский язык некой книги "из числа индийских книг". 2. Этот перевод содержал 52 дастана. 3. В предисловии Нахшаби не указал имени автора-переводчика. 4. Нахшаби обработал произведение своего предшественника, сохранив число дастанов - 52, изрядно их сократив, причем вместо исключенных он написал новые, а также изменил зачины и концовки рассказов-рамок каждой ночи. Вместе с тем мы не находим в тексте Нахшаби сведений о том, что он "переработал его в соответствии с индийскими источниками"[4].

Удивительно, что только В.Перч серьезно отнесся к вышеприведенным словам Нахшаби, где последний говорит, что он "составил пятьдесят два рассказа в новой обработке", внеся значительную авторскую обработку в перевод, выполненный неизвестным лицом незадолго до него[5]. Остальные же специалисты (за исключением А.Алимардонова), обращавшиеся к труду Нахшаби как до исследования В.Перча, так и после него, почти все считали "Ṭӯṭӣ-нāме" Нахшаби прямым переводом с санскрита или хинди на персидский язык соответствующего индийского сборника рассказов, например "Шукасаптати", а самого Нахшаби первым переводчиком, осуществившим это предприятие[6].

В качестве объяснения этого факта можно высказать предположение, что они, видимо, рассматривали указанные слова Нахшаби просто как литературный прием, призванный заинтриговать читателя, вызвать у него повышенный интерес. Но оказывается, Нахшаби не было нужды прибегать к подобному приему, поскольку такой перевод действительно существовал. Можно сказать, что именно от него, собственно, берут начало все последующие обработки-редакции[7] и на их основе переводы[8] "Ṭӯṭӣ-нāме". На его долю выпала нелегкая судьба: вскоре[9], видимо, мастерски исполненная обработка Нахшаби - знаменитое "Ṭӯṭӣ-нāме", полностью отвечавшая литературным вкусам и оценочным категориям своего времени, вытеснила его, и он был практически забыт последующими поколениями. Но первый перевод все-таки выжил и вопреки сложившемуся мнению[10] сохранился и дошел до наших дней.

В 1973 г. в Тегеране Шамс ад-Дин Ал-и Ахмад издал по единственной известной в настоящее время рукописи XIУ в. текст "Книги попугая. Самоцветы ночных бесед"[11]. Этот труд был составлен в Индии неким Имадом б.Мухаммадом ан-Наʿри[12], посвящен и поднесен делийскому султану из династии Халджи Ала ад-Дину Мухаммад-султану (695-715/1296-1316). Точная дата составления неизвестна, но, по словам Имада б.Мухаммада, когда его друзья стали порицать его за то, что он устранился от службы при дворе, "которая является /его/ наследием, перешедшим от отцов и дедов", этот султан уже правил семнадцать-восемнадцать лет[13]. В таком случае период, в который было составлено "Джавāхир ал-асмāр", очерчивается достаточно четко - это 713-715/1313-1316 гг.[14].

Те весьма скудные данные, которые известны нам об авторе, встречаются лишь в его труде[15], и все они были скрупулезно собраны и обобщены издателем в его "Предисловии"[16]. Отсылая интересующихся к этому разделу "Предисловия", заметим, что мы не знаем, когда и где родился в Индии Имад б.Мухаммад, и можем только с известной степенью приближенности предполагать, из какой семьи он происходил и в каком возрасте создал свое произведение. По всей видимости, Имад б.Мухаммад был родом из семьи дабиров средней руки, потомственных государственных служащих, к числу которых относились его дед, отец и брат[17]. Сам же он, несомненно готовя себя к работе на этом поприще, с детских лет обратился к изучению целого ряда дисциплин, знание которых обязательно для каждого профессионально подготовленного дабира. Стремясь как можно глубже овладеть тайнами этого ремесла, он постоянно искал общения с наиболее известными специалистами и знатоками секретарского искусства, нередко довольствуясь, как отметили его друзья, "сухой лепешкой и глотком горячей воды"[18]. Вместе с тем образо-

вание он получил отменное, свидетельством чему является его "Джавāхир ал-асмāр". В этом труде мы видим превосходное знание Корана и хадисов, а также связанного с ними всего комплекса "коранических" дисциплин, свободное владение персидской поэзией (Анвари, Хакани, Низами, Джалал ад-Дин Руми, Са'ди и др.); не чувствовал себя наш автор новичком и в арабской литературе, он свободно и уверенно ориентировался в вопросах риторики и стилистики, этики и политики, истории и литературы, тонкостях музыки и астрологии; наконец, он несомненно был знаком с языками народов Индии. Словом, когда пришло время проявить себя, он по настоянию друзей "написал сию сшитую тетрадь, являющуюся переводом, как подношение для хранилища книг его величества халифского достоинства"[19]. Вот, что говорит Имад б.Мухаммад о том, как пришла к нему мысль написать "Джавāхир ал-асмāр": "Поскольку внимание к историям и сказаниям, рассказам и повествованиям является для уха изящных натур и слуха тонких умов стремлением полным и желанием истинным и постоянно халифы и султаны, мудрецы и советчики той эпохи – будь то в своем узком кругу или в многолюдном обществе – широко практиковали чтение рассказов и следовали обычаю рассказывать истории, в особенности же это относилось к слушанию тех повествований, что были наряжены в костюм ясных выражений и платье выразительных уподоблений, украшены чистой воды самоцветами цитат из Корана и изречений пророка, пересыпаны арабскими и персидскими стихами, нравоучительными притчами и примерами, пробуждающими мысль – а должно быть /их/ непременно больше. И особенно это привлекательно, когда передаются они дикими зверями и птицами, представителями мира животных и мира камней, ибо хранить их в памяти не является тем, что вызывает удивление, а слушание их не привносит чувства скуки; тогда скрытый смысл того намека, что заключен в рассказе, постигается, и то, в чем состояла его цель, раскрывается, то именно по этой причине во всякую эпоху любой из признанных мудрецов /своего/ времени переводил с индийского языка какую-либо книгу, посвятив /ее/ властелину и благодетелю, дабы вознестись над равными себе и нижестоящими и прославиться среди коллег и друзей. Свиток тот он отдавал в хранилище правителя или эмира того времени и /тем самым/ он сохранял его имя до истечения времени и пресечения дней. Как /это произошло/ с книгами "Калīла и Димна", "Синдбāд", "Нафḥат ар-райḥāн"[20] и им подобными (с. 16). Ничтожный раб /сей/ в счастливую пору такого государя и во время правления и царствования подобного миродержца, когда изящные науки имеют спрос, словно философский камень, а к знанию стремятся, как на /любовное/ свидание, также захотел перевести с индийского языка какую-либо книгу (дафтар) и начало и конец ее, предисловие и заглавие, оглавление и разделы возвысить именем и титулами августейшего величества, прославить и расцветить /словами/ его деяния и свершения. Поскольку книга сия по причине...[21], то имя и титул его величества, да будет он постоянно счастлив и да будет ему сопутствовать величие и слава, останется навсегда. Тогда возможно, что имя сего раба, подобно именам Рудаки и Хассана[22], сохранится и след его на скрижалях времени не исчезнет сразу же и не пропадет.

Короче говоря, с этим намерением просматривал я книги индусов и вникал в их рассказы и истории. Но ни одна из них не возбуждала интереса в сердце сего немощного, а несовершенная душа его ничего не признала стоящим. Если начало одной находил я прочным и основательным, то /на беду/ конец ее оказывался слабым и зыбким. Если же конец другой был привлекательным и интересным, то начало ее не доставляло радости. Пока /наконец/ после долгих поисков и исканий и бесчисленных розысков и хлопот нашел я книгу, чей зачин вызывал зависть у /всех/ сборников рассказов, построена она была должным образом, содержала 72 истории, сочинили ее со слов попугая, а содержание же таково: У некоего купца жили в доме попугай и шарак[23]. Отправляясь в деловые и торговые поездки, он обычно нака-

зывал хозяйке дома, чтобы без совета и разрешения тех птиц она ничего не предпринимала и ни за что не бралась, будь то дело праведное или нечистое. И правило это он в отношении молодой жены строго соблюдал.

Как-то купцу пришлось задержаться в пути, а жену /его/ одолела любовь к одному юноше, и она пообещала сердечному другу /встретиться/ ночью, т.е. когда небесный парикмахер распустит темные кудри вдоль щек мира (с. 17), прелестница словно луна взойдет в доме юноши. Словом, в ночную пору красавица поначалу испросила позволения в том деле у шарак. Несчастная шарак неразумно взялась давать искренние советы и принялась увещевать. Эти хлопоты не пришлись по вкусу госпоже, охваченной любовным пылом, она хватила шарак оземь и направилась к попугаю. Попугай, бывший свидетелем случившегося, смекнул, что, если он даст честный совет, воистину с ним произойдет то, что с шарак, а если воздержится, то жена господина погрязнет в нечестии. Тогда он тонкими уловками и изящными словами /как бы/ поощрил и побудил /ее/ к сему поступку, показав себя ее доброжелателем. Вместе с тем он таким образом строил каждое повествование в течение всей ночи, что чаровница, увлеченная сказкой, /поневоле/ воздерживалась от греха.

Таким образом каждую ночь возникало /в ней/ влечение к юноше и разжигался огонь того соблазна. Жена купца подходила к попугаю за советом и разрешением и так увлекалась сказками и историями и во время рассказа она таким образом шла по пути совета и наставления, что ночь уже кончалась в совместной беседе, и красавица возвращалась к себе /уже/ утром.

/И так это продолжалось/, пока спустя 72 ночи не вернулся купец, узнал эту тайну, восхвалил мудрость попугая, воздал должное его способностям, погоревал над убитой шарак и пролил над ней горючие слезы.

Короче говоря, когда презренный раб сей тщательно взвесил живость темперамента и возвышенность помысла в тех 72 историях и разглядел их зачины и концовки, поначалу форма /их/ показалась ему прелестной. Захотел он одеть тот самый сборник в одежды персидского языка, а шею /его/ и уши украсить жемчугами уподоблений. Но когда же я вгляделся повнимательнее и оком опыта разглядел в непонятном его фигуру и стан, я обнаружил /его/ лишенным жемчужин мудрых изречений и лучшей части полезных советов, а также узрел, что в нем отсутствуют самоцветы нравоучений и драгоценные камни наставлений. Что же касается сказок в нем изящных и оригинальных (с. 18), то все они были в "Калиле и Димне" персидской и "Синдбаде". Эти /сочинения/ бытуют сами по себе и широко известны. Другие же истории были исключительно непристойны и мерзки и /для чтения/ государям не подходят и не подобают. Как можно было предложить /их/, особенно его величеству государю? Разве что несколько сказок, что были чуточку лучше прочих. Они были переписаны. Остальные же истории, необыкновенные и удивительные, оригинальные и поразительные, были собраны из индийских книг и иных источников, и большей частью переписаны из индийской "Калилы и Димны", которую не перевели на персидский язык[24]. Форма же притч и каркас рассказов стали в результате прочными; пожалуй, прочнее прежнего. А золото фразы /вновь/ залили в тот самый тигель, из которого его прежде извлекли, чтобы стало оно более чистым и свободным от примесей. Были записаны чары попугая и его завлекательные истории, которыми он, используя всевозможные хитрости и уловки, удерживал молодую жену купца и не позволял /ей/ отправиться к возлюбленному. Всего этих историй как пространных, так и кратких, как длинных, так и коротких рассказано пятьдесят две, и переводу положено название "Самоцветы ночных бесед". Оглавление сей книги написано с восхвалением и прославлением Искандера /сего/ времени. Точно так же, как воздерживались /мы/ от использования грубых выражений и непонятных слов, избегали мы /писать/ чистейшим персидским языком, избрав руководителем /своим/ мудрость изречения пророка: "Лучшее в делах - срединное их".

По воле всевышнего Аллаха и милости его облегчающей!"25

Подводя итог сказанному Имадом б.Мухаммадом, отметим: 1. Автор обнаружил сборник, названия которого он не приводит, состоящий из 72 историй (=ночей), переданных от лица попугая; сборник был написан по=индийски (на санскрите?). 2. Переведя полностью этот сборник, он отобрал из него только часть рассказов и дополнил его переводами из других индийских книг, главным образом из индийской "Калīлы и Димны", которые не были до того времени известны в переводе на персидский язык. И следовательно, этот сборник не явился переводом какого=либо одного сочинения, а был составлен из фрагментов нескольких индийских книг. 3. Получившаяся в результате его работы книга содержала 52 дастана (=ночи) и была им названа "Джавāхир ал=асмāр". 4. В мусульманских государствах Северной Индии достаточно широко практиковались переводы с индийского (санскрита?) на персидский язык.

При сравнении слов Имада б.Мухаммада с тем, что сообщает Нахшаби, возникает естественное и закономерное предположение: не является ли его произведение тем самым трудом, который обработал Нахшаби? Но, прежде чем обратиться к этому вопросу, ниже мы приведем параллельно в двух колонках перевод названий историй в двух памятниках в той последовательности, в какой они идут в рукописи ("Ṭӯṭī=нāме" Нахшаби, ИВ АН СССР С 121) и в издании ("Джавāхир ал=асмāр", Техран, 1973).

Джавāхир ал=асмāр	Ṭӯṭī=нāме
1. Рассказ о ростовщике, его жене и о том, как жена ощипала попугая (ночь первая) с. 37	1. Рассказ о Маймуне и Ходжасте и о том, как попугай рассказывал историю о попугае купца и его жене (ночь первая) л.5б.
2. Рассказ о государе Хузистана и воине, коего звали Джанбаз (ночь вторая) с. 47	2. Рассказ о государе Табаристана и телохранителе и о том, как он пожертвовал своего сына призраку жизни государя (ночь вторая) л.12б.
3. Рассказ о золотых дел мастере и плотнике, о том, как забрались они в капище и украли золотых идолов, как спрятал золотых дел мастер их, а плотник его детей и как вернул он их золотых дел мастеру (ночь третья) с. 59	3. Рассказ о золотых дел мастере и плотнике, о том, как они унесли золотых идолов, как золотых дел мастер украл их и о хитрости плотника (ночь третья) л.17а.
4. Рассказ о воине, его добродетельной жене и о том, как дала она букет цветов мужу (ночь четвертая) с. 69	4. Рассказ о воине, его добродетельной жене, о том, как она дала букет мужу, как букет остался свежим, а сын эмира посрамленным (ночь четвертая) л.25б.
5. Рассказ о царе Камру, попугае=врачевателе и о том, как лечил он тело царя Камру (ночь пятая) с. 81	5. Рассказ о царе Камру, о том, как попугай лечил его и как курс лечения был доведен до половины (ночь пятая) л.31б.

6. Рассказ о плотнике, золотых дел мастере, отшельнике и портном, о деревянной скульптуре и их распре из=за нее (ночь шестая) с. 95

7. Рассказ о царе Бходж=Раджа, дочери царя джиннов, колодце и влюбленном (ночь седьмая) с. 107

8. Рассказ о царе Сирии и попугае, о том, как выпустил он попугая на волю и как тот принес ему плод жизни из страны Мрака (ночь восьмая) с. 119

9. Рассказ о сыне везиря, купце и о том, как говорил деревянный попугай с людьми (ночь девятая) с. 131

10. Рассказ о царе Бходж=Раджа, о гостеприимстве сыновей его и о том, как пришло море на то пиршество (ночь десятая) с. 137

11. Рассказ о метельщике, о том, как он нашел ценную жемчужину в пыли и как ее украли его спутники (ночь 11=я) с. 151

12. Рассказ о том, как собрались 80 ученых и как они распознали природные свойства сына исфаханского эмира на пороге детства (ночь 12=я) с. 167

13. /Рассказ/ о том, как пояснил попугай основы музыки и свойства музыкальных инструментов (ночь 13=я) с. 173

6. Рассказ об отшельнике, плотнике, золотых дел мастере и портном, о том, как они влюбились в деревянное изображение и искали правосудия у дерева (ночь шестая) л.36б.

7. Рассказ о царе царей, о влюбленном старце и о том, как царь хотел пожертвовать своей жизнью ради дервиша, влюбленного в дочь царя джиннов (ночь седьмая) л.41а.

8. Рассказ о царевиче, семи везирях и несчастье, постигшем его из=за прислужницы (ночь восьмая) л.46б.

9. Рассказ о сыне завульского эмира, о том, как купил он доброе предзнаменование, как спас лягушку от змеи и как лягушка и змея доказали ему свою преданность (ночь девятая) л.59а.

10. Рассказ о сыне везиря, купце, монахе и женах их и о том, как говорил деревянный попугай (ночь десятая) л.64б.

11. Рассказ о метельщике, извлекавшем из котла масло и из пыли золото, о том, как он нашел ценную жемчужину, как ее украли его спутники и вернула дочь Бходжа=Раджи (ночь 11=я) л.70а.

12. Рассказ о купце и жене его Шаҳр=Арай, как она из страха перед мужем заговорила в присутствии своего возлюбленного (ночь 12=я) л.76а.

13. Рассказ о павлине царя, о том, как жену брахмана обвинила ее названая сестра в убийстве павлина и какую хитрость придумала жена брахмана (ночь 13=я) л.80а.

14. Рассказ о свирепом льве, кошке-караульщице, о том, как смело держали себя мыши со львом, как убил котенок мышей и его раскаянии (ночь 14-я) с.181

15. Рассказ о безобразии царевича Бенареса, красоте его молодой жены, о том, как влюбилась она в юного мошенника и пошла за ним, как украл мошенник ее дорогие наряды на берегу реки и разговор ее с шакалом (ночь 15-я) с.193

16. Рассказ о купце Мансуре, его путешествии, о том, как пришел некто в его обличье к жене его и о добродетельности жены Мансура (ночь 16-я) с.211

17. Рассказ о сыне забулистанского эмира, о том, как купил он счастливое предзнаменование у брахмана, как появились женщина, змея и лягушка, как спас сын эмира лягушку от змеи и как воздали они ему добром (ночь 17-я) с.223

18. Рассказ о государевом павлине и о том, как убила жена брахмана того павлина (ночь 18-я) с.237

19. Рассказ о дочери отшельника, о том, как сватались к ней трое мужчин и как умерла она в брачную ночь (ночь 19-я) с.247

20. Рассказ о льве и его четырех везирях: павлине, куропатке, вороне и шакале (ночь 20-я) с.257

21. Рассказ о том, как увидела нарцисс /жена эмира/, как смеялась из-за этого жареная птица и как заливался хохотом в тюрьме сотрапезник эмира Гулхандан (ночь 21-я) с.267

14. Рассказ о дочери отшельника и ее трех мужьях, о том, как была она похоронена, как мужья извлекли ее из могилы и она снова ожила (ночь 14-я) л.84а.

15. Рассказ о подложном муже, непорочности жены купца Мансура и о позоре, постигшем подложного мужа (ночь 15-я) л.88а.

16. Рассказ о государе Сирии, о том, как он выпустил на волю попугая и как тот принес ему плод жизни из источника Мрака (ночь 16-я) л.93а.

17. Рассказ о добром деянии царя, о том, как на пиршестве к нему пожаловало море и принесло дары, а царь отдал их брахману (ночь 17-я) л.98а.

18. Рассказ о собрании 80 ученых и о том, как они изучали природные свойства царевича игрой на музыкальных инструментах (ночь 18-я) л.104а.

19. Рассказ о происхождении музыки, свойствах музыкальных инструментов и о том, как они были изобретены и как ими пользовались (ночь 19-я) л.108а.

20. Рассказ о льве и кошке, о том, как котенок убил мышей и потом раскаялся в этом (ночь 20-я) л.112а.

21. Рассказ о безобразии царевича Бенареса, о красоте его жены и о том, как она влюбилась в юного мошенника (ночь 21-я) л.116б.

22. Рассказ о царе Бакрмагара, его жене Камджуй, о том, как смеялись в ее присутствии рыбы, как объяснил их смех Машалла – мальчик, родившийся без отца, и убийстве 84 мужчин (ночь 22=я) с.281

22. Рассказ о льве, его четырех везирях и брахмане, которого два везиря расхвалили, а два других очернили (ночь 22=я) л.120б.

23. Рассказ о государе Джамасбе, его жене Махнуш и о том, как разговаривали попугай и шарак при них о достоинствах и недостатках мужчин и женщин (ночь 23=я) с.295

23. Рассказ о жене эмира, о том, как она увидела нарцисс, как смеялась жареная птица и улыбался сотрапезник (ночь 23=я) л.125а.

24. Рассказ о двух демонах пустыни, о том, как каждый из них расхваливал перед другим свою жену и как рассудил их тяжбу вор (ночь 24=я) с.309

24. Рассказ о Башире и о том, как он влюбился в Джанду, как был избит араб и как он достиг своей цели с помощью сестры Джанды (ночь 24=я) л.129а.

25. Рассказ о Шапуре – эмире лягушек, его побратимстве со змеей, о победе, одержанной родичами Шапура над ним, и его отмщении с помощью змеи (ночь 25=я) с.317

25. Рассказ о Камджуй и о том, как смеялись рыбы, о проницательности мальчика, у которого не было отца, и об убийстве 80 человек (ночь 25=я) л.133б.

26. Рассказ о ткаче Зарире, о том, как он отправился зарабатывать деньги в Нишапур и как он ни с чем возвратился в свой город (ночь 26=я) с.327

26. Рассказ о государе Джамасбе и его жене Масуме и о беседе попугая с шарак о достоинствах и недостатках женщин и мужчин (ночь 26=я) л.138а.

27. Лакуна в тексте

27. Рассказ об эмире лягушек Шапуре, о его победе над врагами, мести змеи, раскаянии Шапура и его разлуке с родными (ночь 27=я) л.143а.

28. /Рассказ о рысе и льве/ (ночь 28=я) с.337

28. Рассказ о ткаче Зарире, о том, как он отправился за богатством, возвратился домой ни с чем и выслушал историю о лошади и шакале (ночь 28=я) л.147а.

29. Рассказ о женщине и детях ее, о том, как напал на них тигр и как она спасла себя и детей (ночь 29=я) с.347

29. Рассказ о гончаре, о том, как раскрылось его происхождение и как царь все же не лишил его своего покровительства (ночь 29=я) л.151б.

30. Рассказ о синем шакале (ночь 30=я) с.355

30. Рассказ о льве, рыси и обезьяне, о том, как рысь заняла логово льва и как благодаря хитростям и уловкам своим она спаслась от льва (ночь 30=я) л.155а.

31. Рассказ о Хуршид, жене купца Саэда, чрезвычайная красота которой принесла ей тяготы в жизни (ночь 31=я) с.365

31.Рассказ о женщине и детях её, о том, как на нее напал тигр и как она спасла себя и детей от него (ночь 31=я) л.159б.

32. Рассказ о трех везирях царя Махлара, о Хамидуне – сыне старшего везиря, Сайаре – дочери второго везиря и об их любви (ночь 32=я) с.375

32. Рассказ о синем шакале, о том, как он стал царем диких зверей и как постигла шакала неудача через его деяния (ночь 32=я) л.163б.

33. Рассказ о дочери кабульского купца, ее трех женихах и о том, как похитил джинн ту девушку у них (ночь 33=я) с.381

33. Рассказ о Хуршид, жене Утарида, и трех юношах и о несчастье, что постигло Хуршид из=за ее красоты и совершенства (ночь 33=я) л.167б.

34. Рассказ о любви брахмана и дочери царя Вавилона и о том, как они достигли своей цели с помощью волшебника (ночь 34=я) с.391

34. Рассказ о государе и трех везирях, о сыне одного из них и двух дочерях двоих других и о любви и дружбе их между собой (ночь 34=я) л.173а.

35. Рассказ о царе Кашгара и тамошнем купце, о том, как отдал он свою дочь за правителя города, как влюбился в нее царь и проявил при этом скромность (ночь 35=я) с.399

35. Рассказ о дочери кабульского купца и ее трех женихах, о том, как пери похитила девушку и как ее вновь возвратили женихам (ночь 35=я) л.177б.

36. Рассказ о сыне сеистанского эмира, белом слоне, змее-гюрзе и о том, как служил ей сын эмира (ночь 36=я) с.405

36.Рассказ о любви брахмана и вавилонской царевны и о том, как они достигли своей цели благодаря стараниям кудесника (ночь 36=я) л.181б.

37. Рассказ о дятле, корольке, лягушке, пчеле и слоне, о том, как погубил слон потомство королька и как тот отомстил слону с помощью своих друзей (ночь 37=я) с.411

37.Рассказ о завульском царевиче,дочери купца, правителе города и о том, как государь и везирь влюбились (ночь 37=я) л.185б.

38. Рассказ о купце из Нишапура, жене его по имени Шахр-Арай и о том, как купец застал ее с возлюбленным
(ночь 38-я) с.417

39. Рассказ о государе Китая, о том, как захотел он взять в жены румийскую царицу и как нарисовал везирь его портрет в ее дворце
(ночь 39-я) с.423

40. Рассказ о том, как осел пел, а торговец хворостом танцевал
(ночь 40-я) с.430

41. Рассказ о сыне купца из Термеза, о том, как он увлекся своей женой и забросил торговлю
(ночь 41-я) с.439

42. Рассказ о дружбе утки и вороны, о том, как ворона пыталась стать уткой и как они разрешили спор четверых крестьян
(ночь 42-я) с.453

43. Рассказ о том, как устроил пиршество царь Тархута, о его дочери и сыне и о старом музыканте
(ночь 43-я) с.461

44. Рассказ об укушенном скорпионом слоне, старом опытном шакале и о том, как пришли лев, барс, шакал и обезьяна
(ночь 44-я)

45. Рассказ о четырех юношах из Балха и о том, как подарило им море восемь блестящих жемчужин
(ночь 45-я) с.479

38. Рассказ о сыне сеистанского эмира, белом слоне, черной змее и о том, как служил ей сын эмира и каков был результат
(ночь 38-я) л.190а.

39. Рассказ о корольке, дятле, лягушке, слоне и пчеле и о том, как королек отомстил слону с помощью своих друзей
(ночь 39-я) л.194а.

40. Рассказ о государе Китая, о том, как везирь написал его портрет во дворце царицы Рума и как царица согласилась стать женой государя
(ночь 40-я) л.197а.

41. Рассказ о том, как осел пел, а торговец хворостом танцевал
(ночь 41-я) л.202а.

42. Рассказ о купеческом сыне из Термеза, о том, как он увлекся своей женой и забросил торговлю, как давали ему совет попугай и шарак и как он снова обратился к своему занятию
(ночь 42-я) л.206а.

43. Рассказ о змее, его жене и о том, как царь мечом отрубил ей хвост, увидев, что она грубо обращается с детенышами
(ночь 43-я) л.213а.

44. Рассказ об индийском царе, у которого был один сын и одна дочь, и о том, как дети замыслили убить отца (ночь 44-я) л.218а.

45. Рассказ об эмире и змее, обвившейся вокруг его пояса, о неблагодарности змеи и погибели
(ночь 45-я) л.222а.

46. Рассказ о правителе Мерва, о диве, овце и обезьяне и о жемчужном ожерелье (ночь 46=я) с.487	46. Рассказ о том, как Худжасте видела сон и как попугай его истолковал; история о том, как отправился в подземный город царь Уджайи-ини (ночь 46=я) л.226б.
47. Рассказ о хорезмийском купце и цирюльнике, о том, как он увидел во сне свою удачу в образе монаха, как повстречал он того монаха наяву и как монах стал золотым (ночь 47=я) с.499	47. Рассказ о том, как четверо верных друзей пошли к ученому, как дал тот им четыре волшебные бусинки, как трое добыли клад, а четвертый вернулся ни с чем (ночь 47=я) л.235а.
48. Рассказ о четырех мужчинах из Балха, о том, как они получили по раковине от монаха и как они нашли четыре разных рудника (ночь 48=я) с.507	48. Рассказ о юноше из Багдада, о том, как он влюбился в рабыню-музыкантшу, затем продал ее юному хашимиту, раскаялся в этом и под конец все же достиг своей цели (ночь 48=я) л.238а.
49. Рассказ о царе Бакрмаджара и сыне везиря; о том, как царь отправился в подземное царство, как вернулся в родной город и как привел дочь Фисагура (ночь 49=я) с.517	49. Рассказ о государе, о том, как он видел колосья пшеницы, и о трех братьях (ночь 49=я) л.244а.
50 - 52. Здесь и далее лакуна в тексте.	50. Рассказ о царе, неведавшем горя, о том, как он послал сватов к дочери кесаря, как тот отказал и как дело дошло до войны (ночь 50=я) л.248а.
	51. Рассказ о Бахраме и его двух везирях, Хассе и Хуласе, и о том, как дочь Хуласе добилась справедливости (ночь 51=я) л.254а.
	52. Рассказ об отшельнике и его жене, история семицветной птицы, как ради любовника была зарезана семицветная птица, как вернулся отшельник и была посрамлена его жена (ночь 52=я) л.18а.

При сравнении текста 48 дастанов-ночей[26], дошедших до нас в "Джавāхир ал-асмāр", с 52 историями "Тӯтӣ-нāме" выяснилось, что 43 из них (в порядке "Джавāхир ал-асмāр": 1-23, 25-26, 28-41, 43, 47-49) были заимствованы Нахшаби и включены в "Тӯтӣ-нāме" после значительной обработки, которую можно назвать редакторско-авторской, с почти полным сохранением сюжета и фабулы. Отметим, что только пять из дастанов

"Джавāхир ал=асмāр" (24, 42, 44–46) были заменены другими, либо сочиненными самим Нахшаби, либо заимствованными из иных источников. Что же касается оставшихся четырех дастанов (27, 50–52), то мы можем только предполагать, как распорядился с ними Нахшаби, поскольку, как отмечалось выше, – изданный Шамс ад=Дином Ал=и Ахмадом список был дефектным и мы лишены возможности судить о содержании последних историй. Таким образом только девять дастанов (в порядке "Тӯṭӣ=нāме": 8, 24, 29, 43, 48–52) не представлены в издании "Джавāхир ал=асмāр", пять из них несомненно принадлежат перу Нахшаби, о четырех же других мы с подобной несомненностью говорить в настоящее время не можем.

Представляется вполне вероятным, что Нахшаби расположил по своему усмотрению дастаны, отобранные им из произведения своего предшественника. Согласно списку С 121 из собрания ИВ АН СССР дастаны из "Джавāхир ал=асмāр" идут в такой последовательности в "Тӯṭӣ=нāме": 1–7, 17, 9, 11, 38, 18, 19, 16, 8, 10, 12–15, 20–23, 25–26, 28–37, 39–41, 43, 47, 49, 48. Соответственно, наоборот, дастаны "Тӯṭӣ=нāме" соотносятся с историями в "Джавāхир ал=асмāр": 1–7, 16, 10, 17, 11, 18–21, 15, 9, 13–14, 22, 23, 25–26, 27–28, 30–39, 12, 40–42, 44–45, 47, 46.

Ниже мы помещаем сводную таблицу соотношения дастанов "Тӯṭӣ=нāме" и "Джавāхир ал=асмāр" в порядке их последовательности в каждом сочинении.

Тӯṭӣ=нāме	Джавāхир	Тӯṭӣ=нāме	Джавāхир	Тӯṭӣ=нāме	Джавāхир	Тӯṭӣ=нāме	Джавāхир
1	1	14	19	27	25	40	39
2	2	15	16	28	26	41	40
3	3	16	8	29	ЛАКУНА	42	41
4	4	17	10	30	28	43	НЕТ СООТВ.
5	5	18	12	31	29	44	43
6	6	19	13	32	30	45	47
7	7	20	14	33	31	46	49
8	НЕТ СООТВ.	21	15	34	32	47	48
9	17	22	20	35	33	48	НЕТ СООТВ.
10	9	23	21	36	34	49	НЕТ СООТВ.
11	11	24	НЕТ СООТВ.	37	35	50	ЛАКУНА
12	38	25	22	38	36	51	ЛАКУНА
13	18	26	23	39	37	52	ЛАКУНА

Вполне допустимо, что порядок дастанов, заимствованных Нахшаби из "Джавāхир ал=асмāр", мог быть в его труде и несколько иным, чем тот, который мы привели выше, поскольку в основе его лежит порядок отдельного списка, а не критического издания. Вместе с тем заметим, что восемь списков "Ṭӯṭӣ=нāме" из собрания ИВ АН СССР (В 258, В 2345, В 2438, В 3959, С 118, С 119, С 120 и С 121) дают значительные расхождения в порядке следования 52 дастанов[27].

В чем же заключалась работа Зийа ад=Дина Нахшаби после того, как он согласился с предложением "одного вельможи" и приступил к обработке труда своего предшественника, стремясь "порадовать царей искусства речи"? Сохранив в своей основе сюжет обрамляющего вводного дастана (покупка сыном купца говорящего попугая стоимостью в 1000 динаров (3000 – у Нахшаби), предсказывающего будущее за десять дней вперед; предсказание последнего о прибытии через три дня каравана за благовонными травами и совет его скупить их все в городе, в результате чего сын купца разбогател; их разговоры о преимуществах заморской торговли и отъезд загоревшегося этой идеей хозяина), он изменил имена героев, так сын купца Ṣāʿid (صاعد) стал Маймуном, а его молодая жена Махшакар – Худжасте.

Нахшаби значительно сократил все заимствованные дастаны (не менее 43), освободив их от излишних повторов и тяжеловесных текстуальных длиннот, на которых, видимо, весьма сказалось влияние языка оригинала, и тем самым придал сочинению компактность и стройность как по форме, так и по содержанию. При этом сочинение в целом выиграло и в языке – он стал более легким и изящным. Однако, и это следует подчеркнуть особо, он не изменил ни основных сюжетных линий дастанов, ни фабулы каждого из них. Часть дастанов, которые, по его мнению, не подходили, он исключил и сочинил новые (не менее пяти). Кроме того в процессе обработки он опустил 17 вводных рассказов и притч из 14 дастанов (ср. дастаны "Джавāхир ал=асмāр": 3, 5, 6, 8, 10, 15 (два), 17, 21, 22 (два), 26, 32, 33, 47 (два), 48) и добавил не менее трех вновь написанных (ср. "Ṭӯṭӣ=нāме": 13, 31, 37)[28].

Далее, он заменил своими собственными стихами все стихотворные цитаты из диванов персидских поэтов, которые его предшественник обильно использовал с целью украсить и разнообразить повествование[29]. Арабские стихи постигла та же участь с той лишь только разницей, что они не были заменены, а просто в подавляющем большинстве изъяты[30]. Также более чем наполовину подверглись сокращению 90 цитированных Имадом б.Мухаммадом стихов из Корана и 174 хадиса и прочих арабских изречений.

Нахшаби не грешит против истины, когда в предисловии к своему труду сообщает, что он "украсил и разнообразил вступление и заключение каждого рассказа". И действительно, зачины и концовки всех сохраненных им дастанов практически написаны заново, и лишь в единичных случаях он ограничивается незначительной правкой (ср. дастаны "Джавāхир": 30, 49 и 33 (только концовка) и соответственно в "Ṭӯṭӣ=нāме": 32, 46 и 35[31]). Вместе с тем любопытно отметить, что в большинстве случаев он, подхватив идею зачина или концовки, столь искусно ее обрабатывает, что она приобретает совсем другие краски и иное звучание. Например, повсеместно Нахшаби, как, впрочем, и Имад б.Мухаммад, в зачинах и концовках, предшествующих каждому дастану и заключающих его, словно исполняет вариации на темы солнца, появление луны на небосклоне, наступления сумерек и ночи, утренней зари, первых лучей восходящего солнца, неуверенного шума просыпающегося города и т.п., но делает это он значительно увереннее, разнообразнее и изящнее последнего.

Под пером Нахшаби не избежали изменений и действующие лица. В одних случаях были изменены имена персонажей: помимо героев обрамляющего дастана отметим в "Джавāхир" (22) мальчика по имени Машалла, а у Нахшаби (25) этот персонаж носит имя Ибн ал-Гайб. В дастане 23-м "Джавāхир" дочь сирийского царя названа Махнуш, в первом вставном рассказе действуют Манучихр и Ференгис, во втором – жена купца Хазарназ, а в соответствующем дастане "Ṭӯṭӣ-нāме" (26) мы встречаем Маʿсуме, Мумтаза и Маймуне, Хамназ (ср. также дастаны 8 и 16, 21 и 23, 31 и 33, 32 и 34, 33 и 35, 36 и 38 и др.). В других случаях он не только давал иные имена действующим лицам, но и заменял одних персонажей другими (ср. 10 и 17, где советниками моря выступают морской змей, кит, черепаха, краб, крокодил и лягушка; 20 и 22, где в роли везирей льва подвизаются газель, дикая коза, волк и шакал). Весьма часто Нахшаби изменял и место действия как всего дастана, так и более мелких вставных рассказов, входящих в него (ср.2 и 2, где действие происходит не в Хузистане, а в Табаристане; 7 и 7, где говорится о царе Бихельзана, а не Пилестана; в обрамляющем рассказе караван приходит не из Баболя, а из Кабула; см. также 21 и 23, 23 и 26, 34 и 36 и др.). Следует заметить, что, исходя из стремления сделать сюжет более занимательным, Нахшаби производил композиционные перестановки и менял порядок повествования – развертывание сюжета в самом дастане, очередность вставных рассказов (ср. 13 и 19, где изменен порядок вставных рассказов о происхождении музыки и музыкальных инструментов; 18 и 13, где введен новый рассказ со слов монаха, композиционно меняющий весь дастан; ср. также 23 и 26, 26 и 28, 41 и 42, 47 и 45).

Остановимся на любопытном штрихе, который в какой-то мере характерен для системы обработки, предпринятой Нахшаби. Мы имеем в виду временные и количественные категории, которые он в значительной мере оставил без изменений: число дней, месяцев, лет; количество действующих лиц; стоимость чего-либо и т.п. (ср. рамочный дастан – попугай обладает способностью предсказывать за десять дней, его же предсказание о приходе каравана на третий день; 18 и 13 – награда за убитого павлина объявлена в 10 000 динаров; 34 и 36 – подарок в лак рупий за "сноху"; 36 и 38 – шесть месяцев службы царевича у змеи, 1000 слонов у царя, 7 дней бешенства белого слона; см. также 40 и 41, 48 и 47 и др.).

Итак, подводя итог нашему краткому разбору обработки, проведенной Нахшаби с трудом своего предшественника, можно сказать, что Нахшаби столь мастерски, нешаблонно и профессионально справился с поручением "одного вельможи", что вряд ли допустимо говорить о его работе как о простой обработке, скорее, и это, видимо, будет ближе к истине, мы вправе рассматривать и классифицировать его работу в двух аспектах: во-первых, как редактора, превосходно обработавшего написанное до него сочинение, и, во-вторых, как автора оригинальных рассказов и дастанов, сочиненных им взамен изъятых из "Джавāхир ал-асмāр" Имада б.Мухаммада ан-Наʿри. В результате было создано "Ṭӯṭӣ-нāме", которое принесло его создателю мировую известность, но которое явилось второй, уже опосредованной обработкой на персидском языке индийских "Сказок попугая".

В заключение несколько слов о турецком переводе[32]. Согласно В.Перчу и А.Алимардонову, он был выполнен неким Сари-Абдаллахом эфенди (ум. 1661) по приказу одного из османских султанов[33]. Считается, что он содержит 30 дастанов-ночей ("приблизительно 75 больших и малых рассказов"[34]), переведенных из "Ṭӯṭӣ-нāме" Нахшаби. В принципе турецкий переводчик[35] не внес ничего нового в свой метод сокращенной обработки-перевода, знакомый нам по многим аналогичным переводам с одного восточного языка на другой. Перевод содержит 40 дастанов-ночей, в которые вошли 73 вставных малых

и больших рассказа (в том числе полностью 43-й дастан "Ṭӯṭӣ-нāме" Нахшаби, композиционно подчиненный переводчиком 42 дастану в качестве третьего вставного рассказа - ответ попугая сыну купца из Термеза Убайду). Все эти дастаны специально не выделены, а отличаются от прочих своим зачином - ответом попугая на вопросы Махшакар. Переводчик значительно сократил число вставных рассказов, в ряде случаев композиционно изменил построение ночей, заменил многие имена действующих лиц и места действия по отношению к своему оригиналу. Все переведенные им дастаны в числе 41-го с известными модификациями имеются в "Ṭӯṭӣ-нāме" Нахшаби. Их порядок в соответствии со списком С 121 следующий: 1-7, 16, 10, 17, 11, 18, 19, 21, 15, 9, 13, 14, 22, 23, 25-26, 28, 30-32, 34-37, 12, 40-43, 45-49, 52.

Вместе с тем сравнение турецкого перевода с "Джавāхир ал-асмāр" и "Ṭӯṭӣ-нāме" дает все основания предполагать, что в процессе своей работы переводчик обращался не только к "Ṭӯṭӣ-нāме", но и к его предшественнику; отдавая предпочтение первому, он безусловно сверялся с последним. Только этим можно объяснить тот факт, что в обрамляющем, рамочном дастане сохранены имена-героев, известные нам по "Джавāхир ал-асмāр" и измененные в "Ṭӯṭӣ-нāме": купец по имени Саʿīд, его сын Сāʿид (в "Джавāхир" - Ṣāʿид) и жена последнего Махшакар. Далее, ряд имен персонажей в рассказах, равно как и мест, где они действуют, сохранен в переводе в соответствии с "Джавāхир ал-асмāр" (ср. дастаны 1, 2, 3 (первый вставной рассказ), 7, 8 и др.). Наконец, в заключительном дастане, когда купец Сāʿид возвращается и узнает всю правду, он все же прощает Махшакар, как это, видимо, и было в "Джавāхир ал-асмāр", а не убивает ее, как об этом мы читаем в "Ṭӯṭӣ-нāме"[36].

Определенную пищу для размышлений о действительном, принятом автором порядке следования дастанов в "Ṭӯṭӣ-нāме" дает их соответствующая последовательность в турецком переводе в сравнении с "Джавāхир ал-асмāр": 34 дастана из последнего (1-13, 15-23, 26, 28-30, 32-35, 38-41) соответствуют 1-34 дастану перевода. Такой порядок в переводе наводит на мысль, что Нахшаби практически не изменил порядок следования дастанов в "Джавāхир ал-асмāр". Видимо, сочиненные им дастаны он поместил на места исключенных. Такая последовательность дастанов в турецком переводе, на наш взгляд, не может быть случайной, так как переводчик имел в своем распоряжении, по всей видимости, достаточно старые и надежные списки "Ṭӯṭӣ-нāме".

Примечания

[1] Впервые этот памятник персидско-таджикской развлекательной литературы XIУ в. был детально проанализирован в обстоятельной статье В.Перча в 1867 г. Выводы, к которым пришел немецкий ориенталист, сохраняют свое научное значение и до сих пор (см. W. Pertsch. Ueber Nachschabi's Papagaienbuch. - ZDMG. Bd XXI, 1867, с.505-551). В наши дни А.Алимардонов посвятил Нахшаби и его сочинению специальное исследование - наиболее полное из всех посвященных этому вопросу (см. А.Алимардонов. Зияуддин Нахшаби и его "Тути-наме". Автореф. канд. дис. Душ., 1970). В реферате работа В.Перча не отмечена.

[2] Согласно разысканиям А.Алимардонова (Реферат, с.15), в различных хранилищах мира насчитывается 85 списков "Ṭӯṭӣ-нāме" (в том числе в СССР - 37). Однако, по нашему мнению, эту цифру следует увеличить по крайней мере на 15-20 рукописей, хранящихся в государственных и частных собраниях Индии, Ирана, Пакистана, Турции и США, сведения о которых стали доступны специалистам через по-

средство каталогов, опубликованных после 1970 г. Ср. также данные, приведенные А.Монзави о списках "Ṭӯṭӣ=нāме" (Ahmad Monzavi. A Catalogue of Persian Manuscripts. Vol. V. Tehran, 1973, с.3729–3731). Заметим при этом, что самый старый из ныне существующих списков "Ṭӯṭӣ=нāме" Нахшаби хранится в библиотеке Стамбульского университета (Халет эффенди № 90) и переписан 13 мухаррама 955/ 23 февраля 1548 г. Что же касается указания А.Алимардонова на два списка, датированных 994/1586 г. (Реферат, с.15), то здесь явное недоразумение: это одна и та же рукопись. Сначала она была отмечена в аукционном каталоге коллекции А.Шпренгера (A. Sprenger. A Catalogue of the Bibliotheca orientalis Sprengeriana. Giessen, 1857, №1617), а затем описана В.Перчем (W. Pertsch. Verzeichniss der Persischen Handschriften. B.,1888, с. 986, № 1027), после того как в числе 1972 рукописей, составлявших коллекцию А.Шпренгера, была куплена в 1857 г. королевской библиотекой в Берлине (ныне в Тюбингене).

3 Зийа ад=дин Нахшаби. Книга попугая (Тути=наме). Перевод с персидского Е.Э.Бертельса. М., 1979, с.18–19. Ср. также рук. ИВ АН СССР С 118, л. 2а=б; также Алимардонов. Реферат, с.17.

4 А. Алимардонов. Реферат, с.17.

5 См. Pertsch, с.506.

6 Алимардонов. Реферат, с.16, где приведена неполная библиография вопроса, естественно, ограниченная размерами представленного реферата.

7 Все известные обработки на персидском языке (за исключением Абу=л=Фазла б.Мубарака в XУ1 в.), в том числе и стихотворные, отмечены у В.Перча (см. Pertsch, с.506–507); также Алимардонов. Реферат, с.30, 32.

8 О переводах на восточные языки см. Pertsch, с.507–508 (неполные сведения); также Алимардонов. Реферат, с.30–33 (исчерпывающая сводка). О переводах на западные языки см. Pertsch, с.508–511 (с детальным разбором); также Алимардонов. Реферат, с.33.

9 Единственный известный список, дошедший до нас и, к сожалению, дефектный, может смело датироваться серединой Х1У в.

10 Алимардонов. Реферат, с.17–18.

11 Ṭӯṭӣ=нāме. Джавāхир ал=асмāр (Книга попугая. Самоцветы ночных бесед). Аз Имāд б.Мухаммад ан=На^{c}ри. Ба ихтимāм=и Шамс ад=Дин Āл=и Ахмад. Интишārāт=и Бунийāд=и фарханг=и Ирāн. /Тихран/, 1352/ 1973. Предисловие издателя занимает с.19–60 (отдельная пагинация). Этот уникальный список, переписанный, без сомнения, в середине Х1У в., хранится в настоящее время в библиотеке Маджлиса (инв. № 6680) в Тегеране. К сожалению, список дефектен: в середине лакуна, содержащая конец 26=й ночи по начало 28=й; нет конца – от заключения 49=й ночи. Таким образом, полностью отсутствуют ночи 27, 50–52, частично ночи 26, 28, 49 (Предисловие, с.31, примеч.1). В тексте (с.18) сочинение названо "Джавāхир ал=асмāр"; "Ṭӯṭӣ=нāме" – конъектура издателя.

12 В тексте – النعرى (Предисловие, табл.1). Издатель (Предисловие, с.52), отмечая указанное написание нисбы, "с полной уверенностью" читает الغفرى, полагая ее происходящей от города الغفر, что "недалеко от провинции Кирман на побережье". Мы склоняемся к чтению "ан=На^{c}ри", возводя ее к имени арабского племени, осевшего в Иране вскоре после его завоевания арабами.

13 Предисловие, с.32, текст, с.12.

14 Предисловие, с.33. Султан Ала ад=Дин умер 5 января 1316 г. Поэтому труд Имада б.Мухаммада мог быть завершен в указанный нами период.

15 Нам не удалось обнаружить каких=либо сведений о нашем авторе в исторических хрониках, написанных в Индии в Х1У–ХУ вв., в том числе и в "Тāрӣх=и Фӣрӯз=

шāхӣ", составленной Зийа ад=Дином Барани в 758/1357 г.; в этом труде имеется специальный раздел, посвященный различным деятелям эпохи Ала ад=Дина Мухаммад=султана Халджи (1296–1316). См. The Táríkh-i Feroz-Sháhí of Z iaa al-Dín Barni. Ed. by S. Ahma Khan (Bibliotheca Indica). Calcutta, 1862 (text), с.342–367.

16 Джавāхир ал=асмāр. Предисловие, с.33–34.

17 Там же, с.33, текст, с.11.

18 Там же, с.33, текст, с.12.

19 Там же, с.34, текст, с.13.

20 По всей видимости, наш автор говорит о а) прозаическом переводе "Калӣла ва Димна" с арабского на фарси, выполненном Абу=л=Маʿали Насраллахом мунши в 1144 г. для газневида Бахрам=шаха (см. изд.: Тарджама=йи Калӣла ва Димна, иншā=йи Абӯ=л=Маʿāлӣ Насраллāх мунши, таҫҳӣҳ ва тауҙӣҳ=и Муджтабā Мӣнувӣ Ṭихрāнӣ. /Чāп=и дуввум, Тихрāн/, 1343/1964); б) "Синдбāд=нāме", созданном в XП в. Мухаммадом б.Али аз=Захири ас=Самарканди, который, вероятно, обработал перевод "Синдбāд=нāме", сделанный еще в 951 г. по приказу Абу Мухаммада Нуха б.Насра Самани с арабского на фарси ходжой Амидом Фанарузи (см. изд.: Муҳаммад б. ʿАлӣ б.Муҳаммад аз=Ҙахӣрӣ ас=Самарқандӣ. Синдбāд=нāме, ба ихтимāм ва таҫҳӣҳ ва ҳавāшӣ=йи Аҳмад Āтеш. Истāнбӯл, 1948); в) о "Нафҳат ар=Райҳāн" мы не располагаем сколько=нибудь точными данными.

21 Дефект рукописи.

22 Первый – знаменитый "патриарх персидской поэзии" Абу Абдаллах Джаʿфар б.Мухаммад б.Хаким Рудаки Самарканди (ум. 329/ 941 г.). См. А. Т. Тагирджанов. Рудаки. Жизнь и творчество. История изучения. /Л/, 1968. Это наиболее полное исследование с исчерпывающей библиографией и критическим анализом восточных источников, а также многочисленных работ о поэте. Второй – Ҳассāн б.Сāбит б. Муқзир, родом из Ясриба (Медины), (ум. ок. 659 г.). Как поэт был широко известен еще до начала ислама, обычно считается "поэтом=лауреатом" при Мухаммаде, которого он прославлял в своих стихах, зачинатель религиозной поэзии в исламе. Подробнее см. W. Arafat. Ḥassān b. Thābit. – EI². Vol. III, fasc. 45-46, с.271–273.

23 Птица из породы скворцовых.

24 Интересная ремарка нашего автора, лишний раз подтверждающая мнение о том, что в индийской литературе бытовало несколько подобных сборников.

25 "Джавāхир ал=асмāр", с.15–18.

26 Всего в издании 48 дастанов, последний имеет номер 49, так как, естественно, был учтен № 27=ой, не дошедший до нас из=за лакуны в тексте.

27 Персидские и таджикские рукописи ИНА АН СССР. Краткий алфавитный каталог. Ч.1. М., 1964, с.376–377, № 2883, 2885–2891. В качестве примера приведем соотношение порядка дастанов по рукописи С 121 сначала списка С 118 (даты нет, но имеется на л.1а приписка о поступлении в библиотеку Великих Моголов, датированная джумада II 1105/ февраль 1694 г.), а затем списка С 120 (датирован 1273/1856=57 г., Средняя Азия): 1–7, 10–15, 8, 16–21, 9, 25, 22, 24, 27–35, 37–39, 26, 40–48, 23, 49–52 (в С 118 в наличии 51 дастан, нет 36=го); 1–8, 16, 10, 17, 11, 18, 21, 15, 19–20, 9, 13–14, 22–23, 25, 24, 26–27, 29–36, 37–39, 28, 12, 40–52 (в С 120 представлены все 52 дастана).

28 В издании "Джавāхир ал=асмāр" все вводные рассказы имеют сквозную нумерацию, всего их отмечено 86. Согласно А.Алимардонову (Реферат, с.22), "52 дастана "Тути=наме" содержат более 119 больших и малых рассказов".

29 В издании "Джавāхир ал=асмāр" (с.690–709 и 711–714) отмечены 531

(с учетом четырех повторов на с.40 и 201, 57 и 116, 114 и 198, 149 и 508) отдельный бейт, рубаʿи, китʿа и маснави, а также 88 отдельных мисраʿ. А.Алимардонов отмечает в "Тӯтӣ-нāме" "308 китʿа, 11 бейтов, 3 маснави и ряд мисра" (Реферат, с.28).

30 В издании (с.685–687) отмечены 84 арабских стихотворения: 15 китʿа и 69 бейтов. А.Алимардонов (Реферат, с.28) сообщает о наличии в "Тӯтӣ-нāме" 1 китʿа и 6 бейтов на арабском языке.

31 Далее при сопоставлении будут указываться только номера дастанов, причем во всех случаях первыми будут идти дастаны из "Джавāхир ал-асмāр".

32 Мы пользовались двумя изданиями перевода: первое – Тӯтӣ-нāме, матбаʿат Дāр ас-салтанат ас-санīа, 1256/=1840/; второе – Китāб-и Тӯтӣ-нāме. Казань, 1851.

33 Pertsch, с.507; А л и м а р д о н о в. Реферат, с.30. В указанных изданиях перевода ни имя переводчика, ни имя патрона не указано. Имя переводчика – Sary Abdoullah effendi указано в булакском издании (Каир) 1253/1838 г. (Journal asiatique. 1843, т.2, с.48, № 138).

34 А л и м а р д о н о в. Реферат, с.31.

35 См. издание 1840 г., с.285.

36 Там же, с.3–8, 284–285; Тӯтӣ-нāме, рук. С 118, л.137б.

Р. Бахадиров

МЕТРОЛОГИЯ В ТРУДЕ ХОРЕЗМСКОГО УЧЕНОГО X в.

"МАФĀТĪḤ ал-ʿУЛŪМ" ("КЛЮЧИ НАУК")

Одним из ученых средневековья, внесшим огромный вклад в развитие как точных, так и гуманитарных наук, является выдающийся хорезмский мыслитель X в. Абӯ ʿАбдаллāх Муḥаммад ибн Аḥмад ибн Йӯсуф ал-Ḫвāразмӣ. Известность ему принес его труд "Мафāтӣḥ ал-ʿулӯм" ("Ключи наук").

Арабский оригинал "Ключей наук" был издан в Лейдене в 1895 г.[1]. Этот труд охватывает юриспруденцию, теологию, грамматику, изложение, теорию поэзии, историю, философию, логику, медицину, арифметику, геометрию, астрономию, музыку, механику, химию, представляя собой своеобразную энциклопедию, в которой автор излагает содержание каждой науки путем толкования ее главных терминов.

В первой части пятая глава раздела юриспруденции и третья глава раздела делопроизводства, а также во второй части седьмая глава раздела медицины посвящены метрологии. Эти главы представляют интерес ценнейшими сведениями о метрологии Ближнего и Среднего Востока.

Эти сведения отличаются тем, что охватывают, во-первых, определенный период – X век, во-вторых, многие из них посвящены определенной науке – медицине.

Этот труд был использован немецким востоковедом В.Хинцем[2]. Из пятой главы юриспруденции по "Мафāтӣḥ ал-ʿулӯм" у В.Хинца даны почти все сведения, кроме қуллы. Қулла у ал-Ḫвāразмӣ не имеет точного определения, хотя остальные меры и веса комментируются одной или двумя единицами. В словаре Р.Дози қулла дано как медный кувшин, вмещающий шестнадцать литров и служащий мерой для воды и масла[3]. Из третьей главы раздела делопроизводства отсутствуют такие единицы мер, употребленные у ал-Ḫвāразмӣ: ḥабба, шаʿира, зирʿа мукассар, қаиқал, курр хāшимӣ, қабб, фāлидж, нағнаджа, суҳҳ, гӯр, гāр и их эквиваленты, а также некоторые эквиваленты джариба, қафīза, дīнāра. Однако им также пропущены многие сведения седьмой главы (за исключением: бāқилā египетская, дараҳмӣ, кафф, қīрāṭ, қинтāр, қист, последние четыре меры из "Ключей наук" не соответствуют сведениям, приведенным В.Хинцем).

В.Хинц включил в свою книгу меры, имеющиеся в седьмой главе "Ключей наук", однако, видимо, для этих мер использовал другие источники, а не труд ал-Ḫвāразмӣ, о чем свидетельствуют несоответствия единиц.

Единицы мер и весов "Мафāтӣḥ ал-ʿулӯм", приводимые нами ниже, имеют важное значение, так как они проливают свет на многие неясности, остающиеся по метрологии X в. (нумерация рукописи – по В.Флотену).

Пятая глава раздела юриспруденции

с. 14 "Меры сыпучих тел и веса у арабов:

қулла – арабский сосуд; как говорят знатоки хадиса, два қулла равно пяти большим қирбам (меха для воды);

ратл – равен половине **мана̄**;

мана̄ – это вес в двести пятьдесят семь и семь десятых **дирхама** или по **мисḳа̄лу** равно ста восьмидесяти **мисḳа̄лам** или по **уḳийе** равно двадцати четырем **уḳийям**;

мудд – одна и одна третья **ратла**;

ṣа̄ʿ – четыре **мудда** у жителей Медины, а у жителей Куфы восемь **ратлов**;

кист – половина **ṣа̄ʿ**;

фарак – три **ṣа̄ʿ**;

васḳ – шестьдесят **ṣа̄ʿ**; ал-Ḫалӣл говорил, что **васк** – это предельный груз для верблюда;

викр – предельный груз для мула или осла;

мисḳа̄л – одна и три седьмых **дирхама**;

уḳийа – [слово] по форме **усфийа**, множественное число которого **ава̄к** – вес пять и пять седьмых **дирхама**; **уḳийа** масла равно десяти **дирхамам**;

истӯр – четыре десятых // **мана̄**[4]; с. 15

курр – в Ираке, в городах Куфе и Багдаде, равен шестидесяти **ḳафӣзам**;

ḳафӣз – восемь **маккӯков**;

маккӯк – три **ḳайладжи**;

ḳайладжа – шестьсот **дирхамов**.

Однако в Басре и других городах в центре страны (Ирака) **курр** равен ста двадцати **ḳафӣзам**, каждый **ḳафӣз** – четырем **маккӯкам**, каждый **маккӯк** – пятнадцати **ратлам**, каждый **ратл** – ста двадцати восьми **дирхамам**.

Третья глава раздела делопроизводства

"Формы ведения записи в канцелярии казначейства. с. 62

. . . **тассӯдж** – одна треть одной восьмой[5] **мисḳа̄ла**;

да̄ник // – четыре **тассӯджа**;

дӣна̄р – двадцать четыре **тассӯджа**;

ḳира̄т – одна четвертая одной пятой[6] **мисḳа̄ла**, а в большинстве стран **дӣна̄р** – двадцать **ḳира̄тов**; с. 63

ḥабба – одна шестая одной шестой[7] **мисḳа̄ла**, если хочешь, можешь сказать – одна четвертая одной девятой[8] **мисḳа̄ла**, а **дӣна̄р** – тридцать шесть **ḥабб**;

шаʿира – одна треть ḥаббы, а **дӣна̄р** –сто восемь **шаʿир**, а **шаʿира** – одна треть одной четвертой одной девятой[9] **мисḳа̄ла**;

Эти меры различаются в разных странах, однако я упомянул [только] те, которые самые общие и более известны.

Глава шестая с. 66

Часто употребляемые термины из выражений землемеров в канцелярии [по учету] убытков и расходов.

Меры длины и площади

ʿашл – шестьдесят **локтей** в длину;

наб – шесть **локтей** в длину;

кабда – одна шестая локтя;

ʿисба' – одна треть одной восьмой[10] **локтя.**

Это все только в длину и ширину. Однако к мерам площади [относятся]:

джариб – **ʿашл**, [помноженный] на **ʿашл**, – это означает шестьдесят **локтей** в длину и столько же в ширину. Площадь будет составлять 3600 **зирʿа мукассар.** Значение **зирʿа мукассар**[11] – это [мера] **локоть** в длину и **локоть** в ширину;

кафиз – одна десятая **джариба**, то есть 360 **зирʿа мукассар;**

.67 **ʿашир** // – одна десятая **кафиза**, то есть 36 **зирʿа мукассар.**

Это все относится к тому, что используется в Ираке. Эти [меры] различаются от [мер] прочих стран, кроме тех, исчисление которых близко к этим [размерам], но различаются по названиям и уменьшенным размерам.

Меры сыпучих тел

Некоторые меры сыпучих тел, [используемые] в Ираке:

курр средний – шестьдесят **кафизов;**

кафиз – десять **ʿаширов** или двадцать пять багдадских **ратлов;**

канкал – удвоенный **курр** средний;

курр хашими – одна треть **курра** среднего, таковы же **курр харуни** и **ахвази;**

махтум – одна шестая **кафиза** среднего;

кабб – четыре **маккука**, оно же равно пяти **ʿаширам;**

маккук – семь с половиной **мана;**

фалидж – две пятых курра среднего[12] .

Меры сыпучих тел, [используемые] в Хорасане:

джариб – во многих странах его мерило различается – десять **кафизов.** Различается также мерило **кафиза;** что касается **кафиза** города Нишапура, то оно – семьдесят **мана** пшеницы;

кафиз, мера емкости, – два с половиной **мана;**

.68 **джариб**, // мера емкости, – двадцать пять **мана.** В некоторых селениях **кафиз** – полтора **мана**, а **джариб** – пятнадцать **мана.** В некоторых странах имеются отличия от этих мерил в соответствии с тем, на чем они согласились;

нагнаджа – мера сыпучих тел жителей Бухары, мерило которого семьдесят пять пшеничных **мана;**

сухх – мера сыпучих тел жителей Хорезма и Тохаристана, мерило которого двадцать четыре **мана**, оно же два **кафиза;**

гур у жителей Хорезма – двенадцать **сухх;**

гар также у жителей Хорезма – десять **гуров.**

У жителей Насафа мера сыпучих тел также называется **ғар**[13], и она равна ста **қафизам**, **қафиз** которого равен девяти с половиной **мана**.

Глава седьмая раздела медицины

с. 178

"Меры веса и сыпучих тел у медиков:

итълиқус – восемнадцать **уқийй**, величина **уқийя** была упомянута // с. 179
в разделе юриспруденции;

қист[14] – равен двадцати четырем **уқийям**;

қинтар – сто двадцать **ратлов**;

қутил – семьдесят два **мисқала**;

куб – три **ратла**;

куз – шесть **кистов**;

бундуқа – один **дирхам**;

нават – одна третья **мисқала**, а первоначально три **мисқала**;

джирджир – две третьих **мисқала**[15];

татратин – четыре **навата**;

кират – четыре **шаʿиры** у них (медиков), и она (**шаʿира**) равна /весу/ зерна сирийского рожкового дерева;

луʿқа для лекарственных кашек равна четырем **мисқалам**;

бақила греческая – двадцать четыре **шаʿиры**;

бақила египетская – сорок восемь **шаʿир**, а это равно двенадцати **киратам**;

бақила александрийская – девять **киратов**;

турмуса – два **кирата**;

дараҳми – семьдесят две **шаʿиры**;

джама большая – три **мисқала**;

джама // маленькая – два **мисқала**; с. 180

калиҳкун – полтора **мисқала**;

ускурраджа маленькая – три **уқийи**;

ускурраджа большая – девять **уқийй**;

кафф – шесть **дараҳми**;

йахудийя – половина **киста**;

самитир – четыре **киста**;

талантун – сто двадцать пять **ратлов**, из расчета, что один **ратл** равен двенадцати **уқийям**;

тулун – это вес в девять **уқийй**, его называют также **кутул** и **ускурраджа большая**;

ҳузма – четыре **мисқала**;

нават – пять **дирхамов**;

кубāс – шесть и пять десятых **дирхама;**

джавза – четыре **мисḳāла;**

ибрӣḳ – два **манā;**

нāṭил – семь **дирхамов.**

Такова их (медиков) мера весов".

Примечания

1 G. Van Vloten. Liber Mafatih al-olum. Leyde, 1895.

2 В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970.

3 Supplement aux Dictionnaires Arabes par R. Dozy. T. 2, pt. 1. Leyde, 1881, c. 387.

4 В рук. С **истāр** дан как вес в 14 **манā.**

5 В силу свойств арабского языка дробь вида $\frac{1}{n}$, где $n \leqslant 10$, выражается так же, как и на русском языке, т.е. образуется от корня количественных числительных 1, 2, 3 ... 10, но при $n > 10$ дробь нельзя произнести как "одна двенадцатая". Дроби со знаменателем от одиннадцати и выше выражаются описательно при помощи имени جزء "часть" (мн.ч. أجزاء) и предлога من "от", поэтому произносится как "двенадцать частей от одной части". Однако, чтобы избежать такого выражения, средневековые восточные ученые прибегали к более древнему способу выражения дробей, что видно в вышеуказанном примере, т.е. $\frac{1}{3} \cdot \frac{1}{8} = \frac{1}{24}$.

6 Т.е. $\frac{1}{4} \cdot \frac{1}{5} = \frac{1}{20}$.

7 Т.е. $\frac{1}{6} \cdot \frac{1}{6} = \frac{1}{36}$.

8 Т.е. $\frac{1}{4} \cdot \frac{1}{9} = \frac{1}{36}$.

9 Т.е. $\frac{1}{3} \cdot \frac{1}{4} \cdot \frac{1}{9} = \frac{1}{108}$.

10 Т.е. $\frac{1}{3} \cdot \frac{1}{8} = \frac{1}{24}$.

11 **Мукассар** в переводе означает "сломанный, разбитый", но в данном случае это слово употребляется в значении **"маленькое зирʿа".**

12 По рук. В – одна пятая.

13 По рук. А, В – ṣāʿал-ṛāр (الصاع الغار).

14 القسط العطرى **-ḳисṭ ароматический.** Для сравнения меры весов у врачей X–XI вв. см. также: Ибн Сина. Канон врачебной науки. Книга У. Таш., 1960, с.329.

15 В рук. D : "первоначально вес в один **мисḳāл".**

В.М. Бейлис

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АРАБСКОГО ПОЭТА ал-ҒАЗЗӢ (441/1049-50 - 524/1129-30)

1. Общие замечания

Панегирические стихи арабских и персидских поэтов времен сельджукского господства нередко использовались историками в качестве источника сведений о событиях и материала для характеристик видных деятелей. Собственно, в самих повествовательных источниках XI-XIII вв. и в биографических словарях большие и малые поэтические цитаты встречаются как необходимый элемент изложения. Иногда цитируются собственные стихи того или иного лица либо панегирик в его честь - это считалось наиболее уместным в некрологической заметке. А в важнейшем памятнике мемуарно-повествовательной литературы сельджукского периода - сочинении ʿИмāд ад-Дīна ал-Исфахāнӣ "Нусрат ал-фатра ва ʿусрат ал-фитра" ("Помощь в усталости и убежище создания")[1] нередко приводятся и сатирические стихи о везирах и вельможных сановниках. Этот материал, однако, лишь небольшая часть значительного по объему наследия поэтов XI-XII вв., содержащего сведения о деятелях и событиях этого времени. В исторических исследованиях последних десятилетий стихи поэтов-панегиристов сельджукского периода были основательно и систематично привлечены ʿА.Икбāлом в его известной работе о везирате Сельджукидов[2], в которой цитируются многочисленные фрагменты касид в честь сельджукских везиров: наряду с традиционным славословием здесь встречаются упоминания о действительных событиях, связанных с их деятельностью. Насколько важны отдельные свидетельства поэтов сельджукской поры, показывает тот факт, что для решения вопроса о том, действительной или мнимой была отставка знаменитого везира Низāм ал-Мулка, Я.Рыпка в качестве основного материала подвергает анализу стихи современника событий поэта Наҳҳāса[3]. Такое внимание к поэтическим произведениям со стороны историков не случайно. Поскольку основные повествовательные памятники, излагающие историю Сельджукидов, составлены в конце XII в.[4], проверка и дополнение их сведений вызывают порою затруднения, а упоминания событий и другие сообщения в стихах поэтов конца XI - начала XII в. могут быть полезны для историка как сведения "из уст" современника. Поэтому наследие поэтов сельджукского периода несомненно заслуживает обследования с целью выявления данных, дополняющих известия нарративных источников и, что еще важнее, углубляющих наше знание общественной жизни этой эпохи.

Разумеется, поиски и интерпретация подобных материалов затруднены самими особенностями панегирической поэзии. В стихах поэтов-панегиристов упоминания о реальных событиях встречаются нередко в форме намеков: ведь поэт предполагает, что эти события хорошо известны, и гораздо важнее красочно представить достоинства и заслуги адресата панегирической касиды. Восхваление чаще всего не содержит конкретных сообщений о поступках государя или вельможи, а носит общий характер. И тем не менее необходимость

изучения стихов поэтов XI–XII вв. как исторического источника очевидна, и то обстоятельство, что некоторые поэтические тексты доступны в малоудовлетворительных изданиях[5] или остаются в рукописях, не должно останавливать исследователя.

Наше внимание к творчеству ал-Ғаззӣ – одного из виднейших арабских поэтов сельджукского времени[6] – обусловлено прежде всего тем, что значительная часть его стихов написана в Хорасане и Мавераннахре и посвящена деятелям, игравшим важную роль в политической жизни этих стран в 10–20-е годы XII в. Не меньший интерес пробуждает то, что Дӣва̄н поэта был составлен по просьбе везира Абӯ Джа'фара Мухаммада, носившего лакабы Карӣм ал-Мулк Рашӣд ад-Да'улатайн и Та̄дж ал-Ҳадратайн[7]. Этот вельможа занимал видное положение в Арране[8], и в Дӣва̄не ал-Ғаззӣ сохранились стихи, посвященные ему и некоторым другим деятелям, в том числе ширваншаху[9]. С этой стороны стихи ал-Ғаззӣ могут заинтересовать исследователей средневековой арабской литературы Азербайджана.

II. Дӣва̄н ал-Ғаззӣ как источник биографических сведений о поэте

Сведения о жизненном пути ал-Ғаззӣ, имеющиеся в сочинениях Ибн ал-Джаузӣ, Ибн 'Аса̄кира, 'Имад ад-Дӣна ал-Исфаха̄нӣ, ас-Сам'а̄нӣ, Ибн Ҳалликя̄на и других авторов[10], очень кратки и позволяют восстановить биографию поэта лишь в общих чертах[11]. Абӯ Исха̄к Ибра̄хӣм ибн 'Усма̄н ибн Мухаммад ал-Калбӣ ал-Ашхабӣ ал-Ғаззӣ родился в 441/1049 – 50 г.[12] в палестинском городе Газзе, где и провел годы детства. Учился он в Халебе и Дамаске, а затем в Багдаде, где уже в зрелом возрасте находился при знаменитой мадрасе ан-Низа̄мийя. Позже ал-Ғаззӣ перебирается в Хорасан и живет в Мерве, нередко покидая его для путешествий: поэт бывал в Фарсе, Кермане, Восточном Хорасане, в Мавераннахре и других областях. К пребыванию поэта в Мерве относится сообщение о нем его младшего современника Абӯ Са'да 'Абд ал-Карӣма ас-Сам'а̄нӣ, рисующего облик ал-Ғаззӣ на склоне лет:

"Это был старец преклонных лет, достигший девяностолетнего возраста, и был он одним из превосходных /ученых/ века, вошедшим в поговорку своим искусством стихосложения. И был он скуп в /распространении/ своих стихов и не диктовал их, за исключением немногих. Он прибыл к нам в Мерв и жил постоянно в мадрасе ан-Низа̄мийя, пока не случилось ему выехать из Мерва в Балх. И он /тогда/ продал около десяти ратлей черновиков своих стихов, писанных его рукой, некоему шапочнику, чтобы тот испортил их, /употребив для своих нужд/. Затем пришел один из моих друзей и набавил немного к цене, за которую тот приобрел /черновики/, и тотчас же принес их ко мне. Я прочитал их и увидел, что это стихи, поражающие своей красотой и мастерством сочинения, и переписал из его стихов более пяти тысяч бейтов..."[13]

Умер ал-Ғаззӣ в пути, по дороге из Мерва в Балх, и был похоронен в Балхе. Часть своих стихов, по сообщению того же ас-Сам'а̄нӣ, он продал какому-то йеменцу, и впоследствии эти рукописи сгорели в Балхе.

Из рассказов об ал-Ғаззӣ перед нами возникает образ странствующего поэта, не занимавшего официального положения сановника, подобно своим современникам – поэтам ат-Тӯра̄'ӣ и ал-Абӣвардӣ, или кади, подобно ал-Арраджа̄нӣ, и не прибегавшего к щедрости знатных покровителей. То, что ал-Ғаззӣ и в Багдаде и в Мерве жил при мадрасе ан-Низа̄мийя, говорит о скромности его запросов и вместе с тем о его близости к кругам ученых богословов. Ибн 'Аса̄кир упоминает, что поэт восхвалял многих ученых, преподававших в мадрасе Багдада[14], однако среди адресатов его касид мы встречаем лишь одного из них – известного шафи'итского факиха и мударриса

Абӯ-л-Ḥасана ʿАлӣ ибн Мухаммада ат-Табарӣ[15] (ум. 504/1110), и стихи, сохранившиеся в Дӣвāне, мало говорят о богословских интересах ал-Ғаззӣ. Впрочем, систематического изучения Дӣвāна поэта с целью выявления фактов его биографии и данных о его взглядах до сих пор не предпринималось. Глава в книге ʿА.Джавāда ат-Тāхира, посвященная поэту, основана на сообщениях биографических словарей, исторических сочинений, антологии "Ḫарӣдат ал-ḳаср" и является своего рода введением к такому изучению.

Дӣвāн ал-Ғаззӣ пока не нашел своего издателя[16]. Часть стихов поэта доступна читателю в извлечениях в обширном разделе сирийской части "Ḫарӣдат ал-ḳаср", посвященном ал-Ғаззӣ[17]. Многие стихи ал-Ғаззӣ, как известно, были опубликованы в бейрутском (1317 г.х.) издании Дӣвāна ал-Абīвардӣ и приписаны последнему[18]. Дӣвāн ал-Ғаззӣ привлекался к изучению и по рукописям, главным образом по рукописи Национальной библиотеки[19], фотокопией которой пользуемся и мы для данной статьи.

Сравнивая фрагменты стихов ал-Ғаззӣ, приведенные в "Ḫарӣдат ал-ḳаср", с текстом Дӣвāна по упомянутой рукописи, можно убедиться, что стихотворные тексты обычно совпадают и количество разночтений (они отмечены в примечаниях издателем сирийской части "Ḫарӣдат ал-ḳаср" Шукрӣ Файṣалом) сравнительно невелико. Можно предположить, что Дӣвāн ал-Ғаззӣ в том виде, в каком он зафиксирован Парижской рукописью, служил источником для знакомства с поэзией ал-Ғаззӣ для тех, кто писал о нем, хотя, как отмечалось выше, в Дӣвāне были собраны далеко не все стихи поэта. Кроме Дӣвāна, были известны лишь отдельные фрагменты, сохранившиеся в списках и, как свидетельствует ʿИмāд ад-Дӣн ал-Исфахāнӣ, в памяти знатоков литературы[20]. Популярность стихов ал-Ғаззӣ в XII в. засвидетельствована, кроме хроник и биографических словарей, в сочинениях литераторов. Низāмӣ ʿАрӯзӣ считал изучение Дӣвāна ал-Ғаззӣ (наряду с дӣвāнами ал-Мутанаббӣ и ал-Абīвардӣ) обязательным для дабира[21]. Рашӣд ад-Дӣн Ватвāт включил образцы стихов ал-Ғаззӣ в качестве примеров в свой трактат о тропах и фигурах[22]. О том, что стихи ал-Ғаззӣ были особенно распространены в Хорасане, пишет Ибн ʿАсāкир[23]. Высокая оценка творчества поэта его современниками и представителями ближайшего поколения, не подлежит, таким образом, сомнению. Исследование художественных достоинств, особенностей языка и стиля ал-Ғаззӣ связано с разработкой общих проблем истории арабской литературы XI–XII вв.[24]. Что касается настоящей работы, то она имеет в виду рассмотрение лишь тех материалов творчества поэта, которые могут быть полезны для историка.

Даже при первом знакомстве с составом Дӣвāна ал-Ғаззӣ невольно возникает предположение, что отбор касид и стихотворных отрывков для собрания стихов был не случайным. Большинство адресатов касид – видные деятели, хорошо известные из повествовательных источников, среди них султан Санджар, несколько его везиров, аббасидский халиф ал-Мустаẓхир и его везир, везиры сельджукских султанов Мухаммада и Махмӯда – Ḳавāм ад-Дӣн Абӯ Наср Ахмад ибн Низāм ал-Мулк, Камāл ад-Дӣн ас-Сумайрамӣ, видные сановники ат-Туғрāʾӣ, ал-Анбāрӣ и др. Даже тогда, когда ал-Ғаззӣ "опускается" ниже уровня везиров, адресаты его касид оказываются видными деятелями, не раз упоминаемыми в других источниках, таковы, в частности, имам сайид ал-Ашраф из Самарканда, кади Исфахана Шамс ад-Дӣн ʿАбдаллāх ал-Ḫатӣбӣ и другие.

Анализ многих касид, сохранившихся в Дӣвāне ал-Ғаззӣ, дает возможность определить время и место их написания. Прежде всего выясняется, что в Дӣвāне нет стихов, которые были бы адресованы лицам, известным своей деятельностью на родине поэта – в аш-Шаме (под этим названием ал-Ғаззӣ и его современники объединяли Сирию и Палестину)[25]. Стихи, адресованные халифу ал-Мустаẓхиру (лл. $165а_{13}$ – $167а_2$), его везиру Маджд ад-Дӣну Хибатуллāху Ибн ал-Мутталибу[26] (лл. $18б_{10}$ – $20б_{11}$, $40б_7$ – $42а_{14}$,

72б3–14), кади Исфахана Шамс ад-Дӣну ʿАбдаллāху ибн ʿАлӣ ал-Ḫатӣбӣ (лл. 25а4 – 26б15) и некоторые другие, определенно сочинены в Багдаде, что выясняется из заглавия либо же из текста стихов. При ближайшем рассмотрении оказывается, что среди касид, написанных в Багдаде, нет ни одной, которая могла бы быть датирована временем после 516/1122-23 г., а большая часть стихов "багдадского периода", который с известным правом можно выделить в стихах ал-Ġаззӣ, относится к 501-505/1107 – 1112 гг.[27].

Несомненно, ал-Ġаззӣ не раз покидал "Город мира" для более или менее продолжительных выездов, но его стихи, написанные в Фарсе, Кермане, Азербайджане, не доставляют сведений о длительности и цели его поездок; лишь об Азербайджане и Арране можно сказать с большой долей уверенности, что ал-Ġаззӣ находился там сравнительно долго[28].

Не вполне ясно, в Багдаде ли или во время выездов поэта им были написаны многочисленные стихотворные послания к его другу и покровителю, первому в плеяде поэтов того времени – Абӯ Исмаʿӣлу ал-Ḫусайну ибн ʿАлӣ ат-Ṭуġра'ӣ. Эти послания могли быть сочинены и в резиденции султана Исфахане и в Багдаде: ат-Ṭуġра'ӣ в качестве главы Дӣвāна ат-туġры сопровождал султана Муḥаммада в его поездках в Багдад. Общение двух видных поэтов сельджукского времени, разумеется, представляет интерес для изучения литературной среды периода, но в опубликованном тексте Дӣвāна ат-Ṭуġра'ӣ его отношение к нашему автору не отразилось[29]. Что касается ал-Ġаззӣ, то он прославляет своего покровителя и как ученого и в качестве влиятельного политического деятеля:

صدرُ الزّمان مُؤيد الدين امروٌ يمناه احدثت الندا احداثا
لِعُلوّ هِمّتِهِ تاخرَ سَيْبُه كيوان اسْرَعَت النجوم وِرادا

Столп эпохи, опора веры[30], муж,
чья десница обновляет щедрость непрестанно.
Его высоким помыслом замедляет свой бег Кайван,
звезды ускоряют движение.

(л.52а13–14)

Незадолго до смерти султана Муḥаммада ибн Маликшāха (ум.24 зӯ-л-хиджжа 511/18 апреля 1118) ат-Ṭуġра'ӣ был обвинен в колдовстве и отстранен от должности. В начале 513/мае или июне 1119 г. ат-Ṭуġра'ӣ становится везиром сына покойного султана – малика Масʿӯда, владевшего Мосулом и Азербайджаном[31]. Когда малолетний Масʿӯд, руководимый своим атабеком Чавуш-беком, выступил против своего старшего брата султана Маḥмӯда и был разбит в рабиʿ I 514/июне 1120 г., ат-Ṭуġра'ӣ был казнен Маḥмӯдом по навету Камāл ал-Мулка ас-Сумайрамӣ, везира султана[32]. В сохранившемся тексте Дӣвāна ал-Ġаззӣ ат-Ṭуġра'ӣ упомянут в заглавии одной из касид как покойный (л. 28а5), но стихов, оплакивающих смерть покровителя, мы в Дӣвāне ал-Ġаззӣ не находим: все они написаны при жизни ат-Ṭуġра'ӣ. Что же касается виновника гибели ат-Ṭуġра'ӣ – везира Камāл ал-Мулка ас-Сумайрамӣ, то ему ал-Ġаззӣ посвятил по меньшей мере одну панегирическую касиду (лл. 39б3 – 40б6), но в Диване отразилось и резкое изменение отношения ал-Ġаззӣ к этому сановнику: в одной из эпиграмм на ас-Сумайрамӣ поэт пишет, что время везира "обрушило на людей бич наказания" (л.133б14), а в сатирической эпитафии ас-Сумайрамӣ не скрывает радости по поводу смерти везира[33]:

كمال سُمَيهم للملك نقص كما سميتْ مهلكهُ مفـازه
لين رفعتْ محلته الليالى فكمْ رفعتْ على الكف الجنازه

/То/, что совершенно для Сумайрама – для державы ущерб,
так же, как его гибель превосходит его успех.
Поистине, его положение возвысили ночи,
но как возвышенно оно на доске катафалка!

Подобную перемену мы наблюдаем и в стихах, посвященных последнему везиру султана Мухаммада и первому везиру его преемника Махмуда – Рабиб ад-Даула (или ад-Дину) Низам ад-Дину Абу Мансуру ал-Хусайну ибн Мухаммаду ал-Хамадани (время его везирства – 511–516 /1118–1122). В Дивáне ал-Газзи сохранился панегирик этому вельможе (адрес в заглавии касиды не указан, он определен нами из текста по упоминанию отца везира[34], но в другом месте мы встречаемся со злой сатирой на Рабиб ад-Даула: ал-Газзи именует его врачом (игра слов: рабиб – "питомец", табиб – "врач"), после услуг которого уже не нужно другого (л.64а$_6$). Этому же лицу посвящено еще одно сатирическое стихотворение (л.128б$_{8-16}$). Такой контраст – наличие панегирика и сатиры – встречается у нашего автора лишь в этом случае и связан, как нам представляется, с тем, что ал-Газзи в период между 514/1120–21 и 516/1122–23 гг. порывает связи с окружением султана Махмуда. Хотя о причинах антипатии к сановникам этого султана ал-Газзи не пишет, можно предполагать, что казнь его покровителя ат-Тугра'и могла повлечь за собой немилость и в отношении нашего автора: для поэта-панегириста, не занимавшего должности чиновника или кади, это означало лишение средств к жизни[35].

Объектом сатиры ал-Газзи был еще один сановник, занимавший видные посты в администрации дивана халифов и сельджукских султанов, – Ануширван ибн Халид ал-Кашани (ум. 1138 или 1139), автор мемуаров, послуживших впоследствии главным источником для книги 'Имад ад-Дина ал-Исфахани "Нусрат ал-фатра...". 'Имад ад-Дин, ссылаясь на Ануширвана, не раз приводит в своем труде сатирические стихи, характеризующие везиров и других сановников первых десятилетий XII в. В свою очередь, эпиграмма, включенная в Дивáн ал-Газзи, может добавить любопытный штрих к облику самого Ануширвана ибн Халида. Однако принадлежность ее нашему автору следует поставить под сомнение, поскольку в иракской части "Харидат ал-каср" она приписана другому поэту – Джамал ал-Мулку Абу-л-Касиму 'Али Ибн Афлаху (ум. 535/1140–41 или 533/1138–39)[36]. Скорее всего приводимый ниже ее текст относится к числу "ходячих" эпиграмм, и то, что она приписывается различным авторам, говорит о ее популярности в устной передаче:

إنّ انوشروان ما فيه سوى قيام لمرجّيه
الجود دلّ الجود في رجلٍ وان تعدّى فالى فيهِ
فجد لراجيك وَ لوْ درهمًا و اقعدْ على العرشِ من التيهِ

Поистине, нет в Ануширване ничего /особенного/,
кроме того, что он встает /навстречу/ прибегающему к нему.
Щедрость излилась обильно в его ногу
и если прошла дальше, то только до его уст.
Так расщедрись хоть на дирхам для того, кто просит тебя,
и восседай себе на троне надменности!
(л.130б$_{6-8}$)

Ал-Газзи не упоминает обстоятельств, при которых он покинул Багдад, но тем не менее уже во время пребывания в Хорасане – возможно, в угоду своим новым покровителям – считал нужным подчеркнуть свою антипатию к "Городу мира" и нравам его жителей:

بغداد كانت باهواء و بالهوای حُسنًا و قبحا جنّةً و جحيمًا
دار يصبح بها المزاح لطافةً و تغادر الرای الصحيح سقيما
لا ترتجی ردّ السلام بها بلا ثمانٍ و لا يعل الحميم جميما
ماذا اوّمل من اكابر دولةٍ لا يوثرون سوی الكبر حيما
امّا كبار العصر لستُ الومُهم الدهرُ قدّمهم و كان مليما

Багдад по [его] страстям и погоде, по красоте и безобразию -
[одновременно] и рай и ад.
Это город, где насмешка оказывается любезностью,
а от здравой мысли отступаются ради ложной.
Там не жди ответа на приветствие без платы [за это],
и не доходит [там] влага ливня до травы.
Чего же ждать от вельмож державы?
Они не признают иных помыслов, кроме чванства.
Что касается великих людей века, то я не чернил их позором:
ведь век настал раньше, чем они [явились], и был
[сам по себе] позорен.
(л.72а$_{11-15}$)

И другие упоминания о Багдаде ал-Газзи сопровождает жалобами на скверные нравы в этом городе, засилье "еретиков" (т.е. шиитов - см. л.78а$_2$), высокомерие вельмож. Это неприязненное отношение к Багдаду иногда распространяется на весь Ирак, т.е. на владения иракских Сельджукидов:

غَرَقَ الجهل بالعراق عظاما لعلم و استولت الخطوب العظام
حَسْبُها وصمةً تقدّمُ قوم ما لطيف التهى بهم المسام
كيف لا اشكر المطيّ اللواتی طلبُ المجدِ سوطُها و الزمام
انزلتنا بساحة ابن عبيدالله حَيث النوالُ و الاكرام

Невежество обглодало кости учености в Ираке,
и завладели им большие беды.
Сообразно этому [на нем] метка - главенство людей,
которым чужда тонкость ума.
Как же мне не благодарить тех коней,
которым служит бичом и поводьями желание славы.
Они доставили меня на подворье Ибн ʿУбайдаллаха,
где [господствуют] милость и благоволение.
(л.107б$_{13-16}$)

Эти стихи посвящены везиру султана Санджара - Шихаб ал-Исламу Шамс ад-Дину ʿАбд ар-Раззаку ибн ʿАбдаллаху[37] ибн ʿАли, племяннику знаменитого Низам ал-Мулка[38]. О том, что ал-Газзи прибыл ко двору Санджара во время везирата Шихаб ал-Ислама (511/1118 - мухаррам 515/март-апрель 1121), свидетельствуют и другие стихи, в которых, впрочем, отразилось разочарование поэта в его новом покровителе:

يقولُ لی الشهاب و قد رانی قصدتُ اليه من بلدٍ بعيد
لقد جبتَ الفلاة وانتَ شيخٌ و لم تحمل علی غرض مفيد

فقلتُ اذا اراد الله امرًا تورط فيه ذوالراى سديد
ولم اجهل سقوطك غيرانّـــى جهلت قصور فهمك عن عقودى

Говорит мне Шихаб, увидев, что я
явился к нему из далекой страны:
"Ты пересек пустыню, хотя ты стар,
и все же не добился желанной цели".
Тогда я сказал: "Если Аллах пожелает, то в [трудном] деле
погрязнет и обладатель глубокой мудрости.
Я не был в неведении относительно того, что ты пал [низко],
но не знал, что ты так мало смыслишь в обязательствах
[по отношению] ко мне!"
(л.130б$_{13-16}$)

Все последующие везиры султана Санджара, занимавшие этот пост при жизни ал-Газзи, упомянуты в Диване поэта. Преемнику Шихаб ал-Ислама везиру Шараф ад-Дину Абу Тахиру Са'ду ибн 'Али ал-Кумми[39] посвящена касида на лл.76а$_{15}$- 77а$_{6}$[40], следующему везиру, Низам ад-Дину Мухаммаду ибн Сулайману ал-Кашгари Йабгу-беку, - эпиграмма на л.130а$_{13-14}$[41]. А их преемникам, занимавшим пост везира в течение более длительного времени, ал-Газзи посвятил целые серии панегириков.

Первый из них - Му'ин ад-Дин Насир ад-Даула Мухтасс ал-Мулк Абу Наср Ахмад ибн Фадл был везиром Санджара с 518/1124-25 по 521/1127г., а до этого занимал должности главы дивана ал-инша', а затем дивана ал-истифа' в администрации султана Мухаммада ибн Маликшаха. Из упоминаний о Мухтасс ал-Мулке, встречающихся в "Нусрат ал-фатра" 'Имад ад-Дина ал-Исфахани, известно, что этот вельможа, не владея мастерством катиба[42], пользовался авторитетом при дворе благодаря умению вести дела и отличался щедростью и вниманием к просителям. Он был отстранен от должности главы дивана ал-истифа' в последние месяцы жизни султана Мухаммада, так же как и ат-Тугра'и, по проискам соперников и вынужден был оставить владения султана[43]. Спустя несколько лет он был назначен мустауфи при дворе Санджара, а затем стал везиром. Погиб Мухтасс ал-Мулк от руки исмаилита, подосланного, по словам 'Имад ад-Дина ал-Исфахани, везиром султана Махмуда ад-Дарказини[44].

Ал-Газзи посвятил Мухтасс ал-Мулку восемь касид и стихотворных отрывков (лл. 48а6- 49а6, 49а7-17, 67б8-14, 67б15-69б1[45], 72б15-74б3, 124б3 - 125б15, 140а8- 140б11, 151а13-152б10)[45], но только в трех из них он определенно назван везиром (лл.69а9, 74а15, 124б3). Кроме ал-Газзи панегирики в честь Мухтасс ал-Мулка создали ал-Арраджани и официальный придворный поэт, "эмир поэтов" - Му'иззи[46]. К сожалению, материал источников почти не дает сведений о политике везира и о масштабах его влияния на дипломатию и военные предприятия Санджара. Ал-Газзи приписывает Мухтасс ал-Мулку особую роль в повышении авторитета державы Санджара:

جعلتَ الصفر من ذاالملك تبرا و قُمتُ له مقام الكيميـــآء

Ты медь этого царства превратил в золотую руду
и заменил для него философский камень.
(л.49а$_{16}$)

Но основным мотивом стихов, посвященных Мухтассу, остается восхваление его щедрости и благородства:

وزير فاق في كرم و حلم فأمّله الموالي و المُعادي

Везир, превзошедший /всех/ в благородстве и кротости,
на него возлагают надежды и друзья и враги.
(л.68б$_8$)

كما ابن الفضل اهل الفضل ظلا به استغنى الفقير على السوالي

Ибн ал-Фадл укрыл достойных своей сенью,
у него бедняк обходится без просьб.
(л.48б$_6$)

Сложность и изменчивость политической обстановки, борьба за власть и влияние в среде сельджукской знати также нашли отражение в панегириках Мухтасс ал-Мулку. Эта борьба несет зло и гибель независимо от целей ее участников:

وكان الحسن مثل الملك يدعوا الى قتل الاحبّة و الاعادي
تزاحمت النفوس على بقاء فادّهـا البقاء الى النفاد
وكلّ رام اصلاحًا بعيـد فسار اليه في سبل الفساد

И было добро подобно ангелам,
призывавшим к уничтожению и друзей и врагов.
Души теснили друг друга в вечности,
а вечность вела их к уничтожению.
Каждый, желавший улучшения, был далек /от него/
и стремился к нему по путям порока.
(л.68а$_{12-14}$)

В Дивáне поэта сохранилось десять касид, посвященных преемнику Мухтасс ал-Мулка – везиру Насúр ад-Дúну Махмýду ибн Музаффару Ибн Абú Таубе ал-Марвазú (время его везирства – 521/1127 – 526/1131-32)[47]. Ибн Абú Тауба, по словам ʿИмáд ад-Дúна ал-Исфахáнú, был популярен в среде кáтибов и факúхов и снискал славу "лучшего везира среди ученых и ученейшего среди везиров"[48]. Ал-Ғаззú адресует ему стихи с поздравлением при его вступлении в должность (л.98б$_{9-12}$), поздравляет его с известием о даровании везиру почетных одежд от имени халифа ал-Мустаршида (л.100а$_{12-13}$). В стихах, посвященных Ибн Абú Таубе, на первый план выступает связь везира с правительством халифа:

قطب الخلافة لاتعدمك انجمها و الشُهب لو لاثبات القطب لم تدُرْ

/Ты/ – полюс халифата, и его звезды не покидают тебя:
а ведь светила не вращались бы, если бы не постоянство полюса.
(л.99б$_{17}$)

По всей вероятности, это восхваление связано с той ролью, которую сыграл Ибн Абú Тауба в восстановлении отношений султана Санджара с халифом ал-Мустаршидом в 522/1128 г. Под этим годом Ибн ал-Джаузú отмечает прибытие в Багдад посла султана Санджара, но не называет его имени, и обстоятельства примирения Санджара с халифом в это время остаются неясными[49]. При всей их краткости упоминания о роли Ибн Абú Таубы у ал-Ғаззú говорят о влиянии этого лица на отношения Санджара с ал-Мустар-

шидом. Ибн Аби Тауба при этом выступает как "устроитель" дел правительства халифа:

قطبُ الخلافة انّ الظلم مُفْسدةٌ و العدر من كان للاصلاح منصبا

Полюс халифата, поистине притеснение порочно,
а везир - это тот, кто назначен для исправления /дел/.
(л.95б$_{11}$)

Восхваление щедрости в стихах, посвященных Ибн Аби Таубе, занимает меньше места, чем в панегириках Мухтасс ал-Мулку, на первый план здесь выступает прославление мудрости везира (лл.101б$_6$, 99б$_7$ и др.), его слога и красноречия (л.95а$_{7-8}$), не раз упоминается и султан Санджар, остановивший свой выбор на вельможе, достойном поста везира (лл.95б$_8$, 135б$_{8-10}$, 133а$_{16}$ и др.).

Если судить по сохранившимся стихам, в последние шесть-семь лет своей жизни поэт был ближе, чем ранее, к придворному окружению, и в этом, как видно, сыграли немалую роль качества обоих упомянутых везиров Санджара - Мухтасс ал-Мулка и Ибн Аби Таубы. Этот период творчества ал-Газзи можно с известным правом назвать мервским, как по месту пребывания старого поэта, так и по содержанию большей части стихов. В этот период мы не встречаемся с эпиграммами и сатирическими стихами, подобными тем, которые поэт посвятил Рабиб ад-Дауле, ас-Сумайрами и др. Кроме стихов, адресованных везирам, ал-Газзи пишет касиды, восхваляющие лиц, не входивших в окружение султана. Упоминания о путешествиях ал-Газзи в различные города Хорасана и Мавераннахра позволяют предполагать, что эти стихи были сочинены при выездах из Мерва в Самарканд, Герат, Термез и другие центры, причем ал-Газзи здесь, как и в других случаях, восхвалял лишь наиболее влиятельных лиц. Далее мы рассмотрим некоторые фрагменты касид поэта, представляющие, на наш взгляд, интерес для характеристики положения в Мавераннахре и Хорасане и для оценки взглядов самого поэта.

III. Две касиды ал-Газзи в честь султана Санджара

Свидетельства источников о долгом и богатом событиями правлении сельджукского султана Санджара достаточно многочисленны и разнообразны: кроме рассказов о различных эпизодах его царствования, сохранившихся в повествовательных памятниках (и в хрониках и в литературных произведениях), образцов переписки, вышедших из его канцелярии, в распоряжении исследователя имеется около четырех десятков панегирических касид Му'иззи (Мухаммада ибн 'Абд ал-Малика Нишапури, род. ок. 1048 - ум. не позднее 1127), посвященных Санджару[50]. Среди касид Му'иззи есть стихи, посвященные военным успехам султана[51], встречаются упоминания, важные для характеристики нравов и придворного этикета. При таком обилии материала, в том числе и поэтического, стихи ал-Газзи, так же как и произведения его младшего современника - известного арабского поэта Хайса Байса (эмира Шихаб ад-Дина Абу-л-Фавариса Са'да ибн Мухаммада /Ибн/ ас-Сайфи ат-Тамими - ум. 574/1179), посвящавшего панегирики Санджару и некоторым его придворным[52], не могут, кажется, прибавить что-либо существенное к нашим знаниям о правлении этого государя. Однако, как мы увидим ниже, ал-Газзи, прославляя султана, напоминал ему (а скорее его окружению) не только о его могуществе и былых победах, но и о тех надеждах, которые поэт возлагал на него.

Первая из интересующих нас касид была, вероятно, сочинена вскоре

после переселения поэта в столицу султаната: за традиционным вступлением следует напоминание о том, что автор явился ко двору султана:

و لمّا وصلتُ على همّتـــى الى حيث التفط الانجما
نبذتُ الملوك ورآء المنى و يمّمت سلطانها الاعظمـــا

Когда я благодаря своему старанию достиг [места],
где собраны звезды,
Я оставил князей позади своих желаний
и решился предстать перед величайшим султаном.
(л.97б$_{11-12}$)

Далее следует прославление могущества султана:

ابا الحرث اللوذ عـــيّ الذى مضى عزمه قبل ان يعزما
حمى الشرق و الغرب فاستصغرت له السند و الهند فيما حمى
تبسّم اسيافه و السيـــوف تبسّمها ان تبكـى دمـا
و يمدحُه بـــاللسان الـذى اباشره . . .[53]
هو البحر لا يأس من درّه و لا امن من موجه ان طما
هو الشمس فى الارض تأثيره وان كان منزلها فى السما

Абӯ-л-Харисом[54], прибежищем слабого, того, от которого ушла решимость, прежде чем он решился.
[Султаном], защитившим Восток и Запад, и среди того, что он защитил, он счел незначительными [страны] Синд и Хинд.
Улыбаются его отряды, а мечи – их улыбка в том, чтобы заставлять плакать кровью.
И восхваляет его языком тех ...
Он – море: нет отчаяния для [ищущего] жемчуг в нем, и нет спасения от его волн, когда оно выходит из берегов.
Он – солнце: его воздействие обращено на землю, хотя его место на небе.
(лл.97б$_{13}$- 98а$_{3}$)

Прославление султана сменяется риторическими вопросами, при этом во втором из цитируемых ниже бейтов вопрос панегириста обретает форму претензии к прославляемому государю:

الستُ الذى فُتحُ الخافقين و لستُ من الجهل مستفهما
لاىّة حالٍ تركت الشام لا ذات بَعلٍ و لا ايّمـــا

Разве ты не тот, кто завоевал Запад и Восток?
И я не таков, чтобы из-за невежества осведомляться [об этом].
Из-за какого обстоятельства ты оставил [страну] аш-Шам ни мужней женой, ни вдовой?
(л.98а$_{7-8}$)

Поэт не напоминает адресату касиды, что речь идет об его родине. Продолжая восхваление султана, он сопоставляет его с пророком Мухаммадом:

لان كنت في الاصل منوالنبى و من فاق اخمصه الانجما
فذلك من عزة الله ان يسرى في الورى عوضًا منكما

Если ты по происхождению был подобен пророку –
а кто стоит выше, чем его ступня, над звездами? –
То это – от могущества Аллаха, сотворившего
замену одному из вас среди людей.

(л.98а$_{9-10}$)

Далее следует прямой призыв к походу в далекую страну аш-Шам:

فسين السنآ و نون النوال و الجيم الجمال و دآ الرما
تعلّل بالبعد فاقربْ ترد اذا قرب الوردزاد الظما
و يملكها مشركٌ لوْ راى حُسامك في نومهِ أسْلما
بلاد سليمان فاركب لها من الريح من جازان يُلجما
كاني اري جوّها لابسًا و سيفك من جفنه محوما
و انت من النقع في خيمةٍ ترى الطير من تحتها حُوّما

[Санджар[55]] – буква син в [слове] ас-сана (“величие”), нун в [слове] ан-навал (“достижение цели”), Джим в [слове] ал-джамал (“красота”) и ра’ в [слове] ар-рама’ (“верховенство”)[56].

Ты успокоен в отдалении, так приблизься, явившись [туда]:
когда источник становится ближе, усиливается жажда.
Ею владеет многобожник: если бы он увидел
во сне твой меч, он обратился бы в ислам!
Это – страна Сулаймана. Садится в седло ее тот,
кто силой сумеет взнуздать ее.
Я словно [наяву] вижу ее небо, покрытое [тучами],
и твой меч, [высвобожденный] из его ножен [для]
священного [дела][57],
А ты в шатре за пылью (сражения?) видишь
птиц, кружащихся под ним.

(л.98а$_{11-16}$)

В приведенных стихах, вне сомнений, высказана основная мысль касиды: об этом говорит наглядность и подробность описанной ал-Газзи картины будущего похода Санджара. Поэт бросает государю риторический упрек в том, что он оставил без помощи “страну Сулаймана”[58] – аш-Шам и призывает его к отвоеванию владений, захваченных “многобожником”, т.е. государем крестоносцев. Подобная мысль, выраженная в столь недвусмысленной форме, на первый взгляд, не кажется странной или неожиданной: ведь к султану обращается выходец (а возможно, и изгнанник) из земель, захваченных врагами мусульман. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что для самого ал-Газзи мысль о походе с целью борьбы с крестоносцами отнюдь не характерна: жалобы поэта на свою судьбу странника нигде, насколько можно судить по дошедшим до нас его стихам, не сочетаются с упоминаниями о завоевании его родины “многобожниками”. С другой стороны, повествовательные источники не сообщают о планах похода Санджара в Сирию или Палестину. Как известно, роль предшественника Санджара на пре-

столе верховного султана династии – Муḥаммада ибн Маликшāха в организации походов против франков представлялась его современникам явно недостаточной[59], хотя Муḥаммад был заинтересован в укреплении позиций Сельджукидов в Сирии и, по всей вероятности, замышлял создать там подчиненное владение для своего второго сына – малолетнего Масʿ ūда[60]. Что касается Санджара, то до смерти своего старшего брата он вряд ли мог проявлять интерес к завоевательным действиям на западе сельджукских владений, хотя, по-видимому, поощрял участие в них отдельных отрядов из подвластных ему областей: в 505-507/1111 – 1114 гг. хорасанские войска участвовали в совместном походе против крестоносцев[61].

Ко времени появления при дворе Санджара ал-Ġаззāли, который был в молодости свидетелем наибольших внешнеполитических успехов Сельджукидов – завоеваний Алп-Арслāна и Маликшāха, а затем междоусобной борьбы при преемниках последнего, мог возлагать определенные надежды на военное и политическое могущество Санджара. Поскольку касида обращена к "величайшему султану", т.е. сюзерену всех сельджукских владык, ясно, что она написана после 513/1119-20 г. – даты похода Санджара в ал-Джибал и Персидский Ирак для действий против его племянника султана Маḥмūда ибн Муḥаммада[62]. Хотя силы Санджара были внушительны и он одержал победу над Маḥмūдом, поход не был продолжен. Верховный султан[63] отказался от дальнейших военных действий, так как силы его уменьшились, а количество войск его племянника, несмотря на поражение, возросло[64]. Эмиры, подчиненные Маḥмūду, опасались присутствия войск Санджара в Персидском Ираке и не соглашались на мир, требуя ухода армии верховного султана в Хорасан[65]. Ясно, что в такой обстановке Санджар и его советники вряд ли могли строить планы дальнейших походов на запад[66]. Призыв ал-Ġаззāли к отвоеванию "страны Сулаймана" и нарисованная им картина будущих побед не претили окружению султана, а возможно, отражали планы и надежды какой-то политической группировки при дворе султана. Но подобные планы мало соответствовали реальным политическим условиям, и это было связано не со слабостью военных сил Восточного султаната, а с общей обстановкой во владениях Сельджукидов.

В окончании касиды отразились взгляды ал-Ġаззāли на миссию султана:

اطال لك الله ذيل البقاء و لا زلتَ للدهر مستخدما
و لا زلتَ تبرم ما ينقض الزمان و تنقض مـــا ابرما
و لا زال عدلك ظلا يمـــدّ على ما اضاء و ما اظلما
مُعزّ الشريعة دمْ سالمـــا فعزّ الشريعة ان تسلما

Да продлит тебе Аллах остаток /твоих дней/
и да пребудешь ты на службе у века.
Да не прекратишь ты свивать то, что распускает время,
и распускать то, что было свито /ранее/.
Да пребудет твоя справедливость сенью, простирающейся
на то, что испускает свет, и на то, что находится в
темноте.
Укрепляющий шариʿат, будь /вечно/ благополучен[67],
ибо могущество шариʿата в том, чтобы ты был сохранен.
(л.98б$_{5-8}$)

В предпоследней строке отрывка можно видеть своеобразное осмысление обозначения "тень Аллаха", которое, по некоторым данным, уже в домонгольский период прилагалось к султанам[68]. А в последней строке ал-Ġаззāли по-

своему осмысливает и самый лакаб султана: слова Му'изз ад-Дӣн ("Подкрепляющий веру") заменены на Му'изз аш-Шари'а ("Подкрепляющий шари'ат"). С подобным провозглашением роли султана как оплота мусульманской законности мы встречаемся и в другом месте Дӣва̄на ал-Ғаззӣ:

دعاء الخلق للسلطان فرض لانّ الشرع ماء وهو نون

Просьба народа – заповедь для султана,
ибо закон – воды, а он – кит[69].
(л.21б$_{13}$)

Таким образом, идеальным представляется положение, при котором султан действовал бы только в рамках шари'ата. Однако для заключения о том, какое влияние на поэта оказывали политические и религиозные мыслители его времени, у нас слишком мало материала. Скорее всего, стихи, подобные приведенным выше, были ходячим, популярным выражением идей, усвоенных ал-Ғаззӣ от богословов, преподававших в мадрасе ан-Низа̄мийа Багдада и других городов[70].

И во второй касиде, посвященной Санджару, султан прославляется прежде всего как оплот религиозной ортодоксии и страж справедливости:

جلا الكوكب الليلى الحالف لونه و زال فاخفاه النهار الموافق
خليلىّ انّ الضائع النطق صامت خليلىّ انّ النافع الصمت ناطق
قفابى آمال الملوك فاننى بخدمة سلطان السلاطين لاحق
معزّ الدنيا و الدين من برهنت به صفات اميرالمومنين الصوادق
بسنجر تهتز المنابر هيبة . . . الجبل الشوهق[71].
حمى الذين... بصوله منعم على قدر ما يرجى تخاف البوارق
ملاذ الورى ان المغارب اصبحت حواسد ما نالته منك المشارق

Показалась ночная звезда, соперничающая с цветом [ночи],
и зашла: ее скрыл день, такого же цвета, как она.
О друг мой, поистине, утративший дар речи безмолвен!
О друг мой, поистине, тот кто прибегает к молчанию,
красноречив!
За мною следуют надежды князей, ибо я, поистине,
прибываю на службу султана султанов,
Укрепляющего сей мир и веру, того, кто является доказательством
истинности атрибутов эмира верующих.
Перед Санджаром сотрясаются минбары в почтительном страхе(?)
. . . и высокие горы.
Он защищает тех, кто [прибегает(?)] к его мощи,
и по мере того, как он пожелает, грозят сверкающие молнии.
[Он] – прибежище рода человеческого. Поистине, Запад стал
завидовать тому, что обрел от тебя Восток.
(лл.123а$_{14}$-123б$_{3}$)

Судя по перефразированному упоминанию лакаба Санджара – Бурха̄н амӣр ал-му'минӣн – "Аргумент эмира верующих", касида написана в период, когда между Санджаром и правительством халифа существовали нормальные взаимоотношения[72]. А в ссылке на то что "Запад" сельджукских владений завидует "Востоку", можно усмотреть прямой намек на слабость власти султана Махмӯда и частые смуты, связанные с враждой между султаном и халифом[73].

Несколько ниже ал-Ғаззӣ вкратце перечисляет наиболее славные в его представлении деяния Санджара:

اذا احتياج فى الهيجاء الى الفيلق احتمى بك السيف و احتاجت اليك العالق
بجدك يوم البورحـــان تمزّقت كراديس بغى بعد ما ضـاق المـارق
و بوران لمّا جاء ممتصابهـــا هدرخان خابته العدا والاصـــادق
تسلّمتها فى لمحـــة و وهبتها لخاقان فالتفّت عليه العـدائق
و غزنة اعزّ الملوك مرائهـا وكم اطرقت عنها الحصوب الطوارق
سمحت بها عن سلوه يوم فتحهـا . . . [75] والناس شاك و وامق
و لمّا تيمّمت العراق بحجفـل به عرقت عظم العراق العـوارق
نلطفت فى حير العواطف كرهـا و قد خافت الشعراء و شاب الغرانق

Если в сражении есть нужда в армии, тебя защищает
/один лишь/ меч, и к тебе прибегает тот, кто
дружествен.
Твоим усердием в день ал-Бурҳӑн[76] были разорваны в клочья
отряды тиранства, после того как был утеснен отступник,
А Бауран[77], когда /туда/ в поисках убежища пришел Хадар-ҳӑн[78],
его обманули и друзья и враги.
Ты получил ее[79] в один миг и подарил ее хакану,
и для него (?) обильно поросли сады.
А Газна, /один лишь/ вид которой возвеличивал владык!
Сколько явилось от нее бедствий и несчастий!
Ты щедро даровал ей утешение в день, когда завоевал ее,
. . . ее и людям, жалующемуся и влюбленному.
Когда ты направился в Ирак с войском, зубы которого
глодали оголенные кости,
Ты обошелся с нежным садом ласково, /отвратив/ его
разорение, а ведь приглушили голос поэты и поседели юноши
/от боязни/.
(л.123б$_{10-17}$)

Два первых бейта приведенного фрагмента упоминают о победе Санджара над неизвестным нам "отступником" (возможно, возвратившимся к идолопоклонству либо же, если принять во внимание одно из значений слова ал-Бурҳӑн, связанным с буддистами). Можно предполагать, что речь идет о ком-то из караханидских правителей, которых часто обвиняли в отступничестве от ислама, может быть, об эмире Сагӯн-беке, отождествляемом с представителем одной из линий караханидской династии ал-Ҳасаном ибн ʿАлӣ. Ал-Ҳасан ибн ʿАлӣ был разбит при Нахшабе в 503/1109 г.[80], но в касиде говорится о двух последовательных победах, для отождествления которых у нас нет данных.

И для второй упомянутой ал-Ғаззӣ победы над Хадар-ҳӑном не находится прямых подтверждений в письменных источниках. Относительно личности хакана сомнений нет: это Муҳаммад (II) ибн Сулаймӑн, носивший титул Арслан-хана (495/1102 - 524/1130)[81]. Что касается Хадар-ҳӑна, то из ближайших современников титул Қадыр-ҳӑна носил Тоғрыл ибн Йинӑл, владевший в течение некоторого времени Бухарой[82]. Здесь он действительно был "пришельцем", так как принадлежал к потомству Богрӑ-ҳӑна и первоначально правил в Таласе. Его попытка завладеть Мавераннахром или его частью в 1102 г. завершилась поражением 22 июня того же года[83]. Однако Бауран

(или Бӯрӑн), упоминаемый ал-Ғаззӣ, нигде не назван в качестве его опорного пункта, и ситуация, описанная в стихах, неизвестна из других источников, и в итоге это отождествление остается лишь догадкой[84]. Слова "обильно поросли сады", вероятно, относятся к известной строительной деятельности хакана Мухаммада ибн Сулаймӑна[85].

Дальнейшие события, упомянутые поэтом, хорошо известны. Взятие Газны, ее разорение, ограбление казны Газневидов, наконец, превращение правителя Газны в полного вассала, обязанного ежегодной данью в 250 тыс.динаров[86], разумеется, мало напоминают "утешение", о котором пишет ал-Ғаззӣ в панегирике султану. Возможно, поэт имеет в виду приказ Санджара о восстановлении Газны после разрушения[87].

О походе войск Санджара в Ирак в 513/1119-20 г. говорилось выше. Отметим, что опасения, о которых пишет ал-Ғаззӣ, были связаны с самим составом армии султана: Ибн ал-Джаузӣ сообщает, что в войсках Санджара, кроме отрядов пяти маликов, "были тысячи батинитов и тысячи неверных тюрок"[88].

Далее Санджар прославляется как покровитель своих племянников и сюзерен всех владетельных лиц Сельджукской державы:

اخوك بنوه اليوم و العمّ والد بنوك سوآء طفلهم و المراهق
رضاك اعاد الملك فيهم و كلّ من رضيت به عبده به الملك لايق
اتى الملك مسعود فاصبح كاسمه و لم يحق ماء العزّ عنه الغلافق
وكم فى اجتماع الشمل لله من رضى اذا اخفقت منه القلوب الخوافق

Дети твоего брата – ныне дядя [по отцу] им отец,
они равны твоим детям – и младенцы и юноши.
Твое благоволение возвращает им владычество, и каждый,
кто угоден тебе, – слуга, имеющий подобающее княжество.
Явился малик Мас'ӯд и оказался подобным своему имени[89].
Ведь воды могущества не зарастают водорослями.
И сколько удовлетворения для бога в собирании воедино [рассеянного],
если от этого [радостно] бьются сердца повсюду.

Разумеется, панегирист представлял деяния султана так, как это было угодно его придворному окружению, точнее, той его части, которой были понятны стихи на арабском языке. Характерно, что основным мотивом прославления является стремление поэта воздать хвалу справедливости и милости к подданным. Именно эти достоинства поэт считает главными для правителя. Санджар предстает перед теми, к кому обращается поэт, в роли верховного арбитра в спорах, покровителя обиженных:

عزلت ملوك الارض ثمّ نصبتهم فلم يبق مظلوم و لم يبق مارق
فصاروا عبيدا بالشجاعه و الندى فمن خان منهم بعدها فهو آبق
و ما نلت هذا كلّه بيل فلتة و لكن بنفس هذّبته الحقائق
و عدل يساوى الحلق فيه فضمّهم كما ضمّت الخصر الدقيق المناطق

Ты отставил князей земли, а затем [снова] назначил их,
и не осталось ни обиженного, ни отступившегося.
Они стали слугами благодаря отваге и щедрости,
а кто предаст после этого из них – тот отвержен.
Все это ты приобрел не по воле случая,
а благодаря качествам души, воспитанной правдивостью.

И благодаря умеренности, уравновешивающей [природный] нрав:
он охватил все [упомянутое] как пояс, охватывающий
тонкий стан.
(л.124а$_{8-11}$)

Итак, справедливость, милость к побежденным, защита ортодоксального ислама, следование шари'ату – такими качествами наделял панегирист восхваляемого государя, в котором он хотел бы видеть не только номинального сюзерена, но и обладателя реальной верховной власти на всей территории владений Сельджукидов. С подобной, явно преувеличенной оценкой могущества Санджара мы встречаемся и в стихах других панегиристов этого султана, в частности, у упомянутого выше арабского поэта жителя Багдада Хайса Байса:

Каждый владыка, как бы ни была высока его степень,
для Санджара и достоинств Санджара – слуга![90]

Ал-Газзи настойчиво противопоставляет восток сельджукских владений, подчиненный Санджару, западу, т.е. Иракскому султанату, хотя нигде не пишет прямо о слабости последнего. Особенно примечательна мысль поэта о походе Санджара на запад с целью установления контроля над Сирией и возвращения владений, захваченных крестоносцами. По всей вероятности, в стихах нашего автора отражены надежды, возлагавшиеся на Санджара какой-то частью чиновников, факихов, возможно, и представителей военной знати – это были круги, проявлявшие недовольство частыми междоусобными конфликтами в Ираке и заинтересованные в укреплении центральной власти и стабилизации политического положения во владениях Сельджукидов.

1У. Стихи, адресованные деятелям Мавераннахра 10-20-х годов XII в.

Роль высших представителей мусульманских богословских кругов в политической жизни Мавераннахра X1–XII вв. известна нам, главным образом, из сведений повествовательных источников об отношениях духовных лиц с караханидскими правителями. Не подлежит сомнению, что конфликты духовенства с Караханидами, впрочем, в такой же мере, как и связи караханида Ибрахима Тамгач-хана и некоторых других представителей династии с духовными лицами, являются показателем влиятельности и могущества этой прослойки господствующего класса в Мавераннахре X1–XII вв. И в столкновениях и в союзных отношениях ханов и богословов на первый план выступают крупные духовные деятели, представлявшие ортодоксальный ислам и считавшие себя его блюстителями. В конце X1 – начале XII в. подобные лица не раз возглавляли оппозицию караханидским правителям Самарканда и действовали при этом как союзники сельджукских султанов[91]. К этому времени относится возвышение династии бухарских садров, известной под названием Ал-и Бурхан[92]. Вопрос о том, на какие социальные группы опирались садры (а также другие видные духовные лица, выступавшие в качестве глав богословских кругов), сложен, но наши источники свидетельствуют, что основой могущества этих лиц, кроме их богословского авторитета, были их большие богатства, позволявшие им содержать множество слуг и ставившие в зависимость от них факихов, мусульманских ученых – словом всех, кто по своему положению мог получать какую-то долю дохода с вакфов.

В панегирических касидах ал-Газзи, адресованных видным духовным лицам, прославляются их богатство, влиятельность и щедрость. Большая часть подобных панегириков посвящена духовным деятелям, проживавшим в городах Мавераннахра и Хорасана: особенно заметную группу составляют касиды в честь имама ал-Ашрафа из Самарканда[93]. Это лицо известно нам из повест-

вовательных источников, главным образом, по его роли в выступлениях населения Самарканда против соправителя караханида Мухаммада ибн Сулаймана (Арслан-хана) – его сына Наср а и, вероятно, против самого Арслан-хана[94] Имам ал-Ашраф был схвачен и казнен после подавления этого выступления другим сыном Арслан-хана – Ахмад-ханом. В заглавии одной из касид, посвященных имаму ал-Ашрафу, адресат именуется шахидом – "мучеником за веру"[95].

Начало этой касиды выдержано в духе афористических стихов ал-Мутанабби:

من عزّ بزّ و عزّ الحرّ في ظلفه فانّما يسعب الهرماس من انفه
اسس على العلم ما يرجو ابنيته فالجهل ينقض ما يبنى على جرفه

Тот, кто могуч – побеждает, а величие благородного в его
хватке: ведь лев ощущает голод, [чуя добычу] своим носом.
Он основал на знании то, что пожелал построить:
ибо невежество [само] разрушает построенное на его
[подмытом водой] берегу[96].
(л.58б$_{7-8}$)

После прославления знатности и благородства ал-Ашрафа ал-Газзи упоминает, что покинул Багдад, "когда там стал господином невежда" (л.59а$_3$). Далее в двух местах упоминается лакаб имама (из других источников неизвестный): ал-Газзи именует его Хусайн Йамин ал-Мулк Му'аййид ад-Дин (л.59а$_{6,13}$). А в основной части касиды проводится мысль о превосходстве духовного величия имама над светской властью:

اين الذى ملك الدنيا و ضنّ بها مضى فما حمل الدنيا على كتفه

Где тот, кто имел во владении сей мир и дорожил им [сверх меры]?
Он ушел и не смог унести его на своих плечах.
(л.59б$_1$)

دامت مساعيك للعليا فان علا بلا مساعيك سهم طاش عن هدفه

Твое стремление к верховенству постоянно. Поистине, величие,
[достигнутое] без твоего усилия, – это стрела, пролетевшая
мимо цели.
(л.59б$_6$)

Подобные мотивы звучат и в двух следующих касидах, посвященных ал-Ашрафу (лл. 59б$_8$ – 61а$_8$, 61а$_9$ – 62а$_{16}$):

ايها العدر و العدور كثير و الذى يشرح العدور قليل

О садр,! Но ведь число садров велико,
а таких, кто радовал бы сердца, мало![97]
(л.60б$_{12}$)

بل على انّ تاج عليك سام و مع التاج يحسن الاكليل
انّ سما فضلك المبين عن الوصف فقد يمسح الحسام الصقيل
فاذاكنت فوق كلّ ثناء جاء في خاطر فماذا اقول

Однако, хотя и высока твоя корона,
ей был бы приличен еще и венок [из стихов].
Поистине, высоко твое достоинство, оно, очевидно, и не нуждается
в описаниях, но ведь полируют и блестящий меч.
А если ты выше любой похвалы, приходящей на ум,
то что же могу я сказать еще?

(л.61а$_{6-8}$)

В рукописи Дīвāна ал-Газзī имеется измененный вариант касиды, начинающейся словами: من عزيز و عزالحر في ظلفه (л.126а$_1$ - 126б$_{11}$). В ней ал-Ашрафу приписывается исключительное положение среди духовных лиц, подчеркивается его богатство:

قطب الامامة صدر الدين نائله بجاحد الحق مبذول و معترفـــه
ابو المعالى اذا ناولته قلما ابو المعالى بما نقش من صحفه
فان ذكرت اسمه السبق من شرف تركبتْ الفُّ التفضيل فى شرفـه
جداه ليس يحتاج الـى اخذ كالبحر ما مآءه فى كفّ معترفـــه

Полюс имамата, столп веры, ее дар,
щедро отданный и неблагодарной твари и признающему его.
Отец величия, когда ты приобрел его каламом,
ты велик и в том, что перед ним на строках.
Если ты вспомнишь его имя – "первенство в благородстве",
[обнаружишь], что оно состоит из тысячи превосходных
степеней в благородстве.
Его дар не нуждается в том, чтобы быть взятым [откуда-либо]:
подобно морю – ведь вода моря не в ладони зачерпнувшего из него.

(л.126а$_{14-17}$)

Другие имеющиеся в рукописи Дīвāна стихи, посвященные ал-Ашрафу, приводятся без указания адресата в заглавии. Так, в касиде, помещенной на лл.153а$_3$ - 154а$_9$, адресат определен нами по упоминаниям ал-Ашрафа, титула саййида и обращения к нему как ко "льву Самарканда" (л.153а$_{16}$). В этих стихах говорится, в частности, о благосклонности эмира верующих (по всей вероятности, ал-Мустаршида) к нему (л.154а$_1$) и о его свидании с султаном:

فلقيت سلطان البريّة معربا عمّا لديك دقيقه و جليله

Затем ты встретил султана созданий, ясно сказав
о том, что [есть] у тебя малого и великого.

(л.154а$_5$)

Ниже в той же касиде ал-Газзī упоминает, что имаму ал-Ашрафу приходится вести борьбу с соперником, но не называет ни титула, ни имени последнего.

قسما باشرف و هو اشرف من شجافه و فرّط كلّ سمع قيله

Клянусь Ашрафом, а он благороднее[98] того, кто встал ему
поперек горла, и его речь первой достигает слуха каждого.

(л.153б$_3$)

То же лицо, по-видимому, в дальнейшем тексте именуется "завистником" (л.153б$_7$), говорится о "кознях завистника" (л.153б$_9$), качества которого не идут, разумеется, ни в какое сравнение с достоинствами восхваляемого:

ما كلّ من خطب العلى فحل و لا من طاول الجبل الاشمّ يطوله

Не каждый, кто претендует на славу, велик,
и тот, кто соперничает по высоте с горами, не тянется вверх.
(л.153б$_{10}$)

К тому же ал-Ашрафу, как мы предполагаем, обращается ал-Газзи с касидой без указания адресата, сохранившейся на лл.142б$_4$-143б$_7$ рукописи Дивана. В ее тексте поэт называет восхваляемого "имамом Востока","местопребыванию которого приносит Запад жалобу на бедность и нужду" (л.143а$_{16}$), в другом месте он именуется саййидом (л.142б$_{13}$), а его авторитет и влиятельность ал-Газзи характеризует так:

لوى السلطان و الملك استضاء براءك فلتدم لهما سراجا

Знамя султана и малика освещается твоей мыслью:
Так пребывай же светильником для них обоих![99]
(л.143а$_5$)

Поскольку имя и лакаб имама-саййида здесь не упомянуты, идентификация адресата не может считаться абсолютно надежной: среди адресатов ал-Газзи есть саййиды Маджд ад-Дин (см. лл.45а$_{11}$- 46б$_1$), Хусайн аз-Зайнаби (лл.154а$_{10}$-155б$_{11}$) и другие, хотя к ал-Ашрафу скорее, чем к кому-либо другому, мог быть приложен эпитет имама Востока. Однако, даже если не учитывать упоминания этой касиды о связи ее адресата с султаном, встреча ал-Ашрафа с "султаном созданий" и беседа с ним вполне определенно, как мы видели, засвидетельствованы нашим автором в другом месте.

Таким образом, стихи ал-Газзи дают возможность представить фигуру имама ал-Ашрафа более полно, чем данные Ибн ал-Асира. Самаркандский имам, по-видимому, опирался в своей деятельности не только на определенные круги населения города, но и на свои связи с султаном - сюзереном караханидского правителя Самарканда. Не исключено, что ал-Ашраф играл роль доверенного лица султана и контролировал по его поручению действия правителя[100], а выступление горожан, возглавленное имамом и раисом Самарканда, возникло с расчетом на поддержку Санджара. Последний, осуждая правителя Самарканда Мухаммада ибн Сулаймана (Арслан-хана), в письме к духовенству и знати города отмечает, что Арслан-хан "оскорблял потомков пророка"[101]. Напомним также, что Санджар начал осаду Самарканда после казни ал-Ашрафа, несмотря на то что выступление горожан было подавлено самими караханидскими правителями, а духовенство города ходатайствовало о прекращении осады и заступалось за Мухаммада ибн Сулаймана[102].

Из панегириков другим духовным лицам в рукописи Дивана сохранилась касида в честь саййида ʿАли ибн Джаʿфара ал-Мусави ат-Тармизи (лл.43б$_{12}$-45а$_1$). Эти стихи, а также стихи, посвященные эмиру саййиду Маджд ад-Дину, написаны в Термезе. О положении восхваляемых лиц поэт не сообщает ничего определенного, но из текста видно, что термезские саййиды уже в это время пользовались большим влиянием[103], а могила святого в Термезе была "почитаемым мазаром" (л.45а$_{14-15}$).

В Дивane ал-Газзи мы не встречаем стихов, в заглавии которых имелось бы посвящение представителям династии Караханидов. Но текст одной касиды (лл.115б$_5$-116б$_3$) дает основание заключить, что она адресована упомянутому выше Мухаммаду ибн Сулайману. Вот что пишет ал-Газзи об этом правителе:

دعت خاقان السنة المعالي فلبّيهنّ السنة المساعي
رويدك ما وراء الملك جدّ و ما كلّ المراد مستطاع
جوادك لا تحلّ له حرام و سيفك لا يملّ من القراع
امير مؤمنين اليك صاد و كم خير ملا قدمين ساع
ملأت الشرق من امن و عدل و ما عرف التحاسد فى البقاع
محمّد المظفر . . .[104] منيل الشهب مقتنص السباع
دعى بحسامه بعض البرايا و يات وصيته للكلّ داعى

Призвали хакана языки доблести,
и на их зов откликнулись языки усердия.
Помедли же с [поисками] счастья вне владения:
ведь не все желаемое возможно.
Твоему скакуну не дозволено запретное,
а твой меч не скучает по битве.
Эмир верующих благосклонен к тебе,
и сколько блага наполняют ступни посланца [с вестью об этом].
Ты наполнил Восток безопасностью и справедливостью,
и отныне неведома [там] зависть друг к другу из-за земель.
Мухаммад ал-Музаффар[105] . . .
получающий в дар звезды, [падающие с неба], ловец диких зверей.
Он опекает своим мечом некоторую часть сотворенных [Аллахом],
и его приказание стало [обязательным] для каждого опекающего.
(л.116а4-10)

Прославление хакана в этой касиде само по себе является достаточным основанием для отождествления адресата, ведь титул хакана с 495/1102 г. носил Мухаммад ибн Сулайма̄н и период его правления – 28 лет – много больше того времени, которое ал-Ґаззӣ провел в Хорасане и Мавераннахре. Упоминание его имени – Мухаммад – подтверждает такое отождествление.

В приведенных выше строках особенно любопытна характеристика внешней политики хакана: восхваление его миролюбия как нельзя более соответствует позиции правительства Санджара, который хотел видеть в своем ставленнике Мухаммаде ибн Сулайма̄не[106] послушного и пассивного вассала. Не лишено интереса и сообщение ал-Ґаззӣ о внимании "эмира верующих" (скорее всего халифа ал-Мустаршида[107]) к караханидскому владыке Самарканда. К сожалению, отсутствие сведений об этом в других источниках и неопределенность датировки препятствуют выяснению цели посольства с изъявлением благосклонности, упомянутого в стихах. Достаточно выразительной следует признать ссылку на то, что во владениях Мухаммада "неведома зависть" из-за земель. Как мы видели выше, мотив противопоставления "мирного" Востока, т.е. Хорасана и Мавераннахра, – Западу, т.е. Ираку, ставшему ареной междоусобной борьбы, и Сирии, находящейся под угрозой врагов – "безбожников", не раз встречается в стихах ал-Ґаззӣ.

Из других материалов, заслуживающих, на наш взгляд, внимания исследователей, следует отметить касиды и стихотворные отрывки, посвященные Шараф ад-Дӣну Абӯ-л-Хасану ʿАлӣ ибн ал-Хасану ал-Байхакӣ. Судя по количеству стихов, адресованных ал-Байхакӣ[108], ал-Ґаззӣ был близок к этому сановнику. Поскольку в биографии Абӯ-л-Хасана ал-Байхакӣ в "Словаре литераторов" Йакӯта Шараф ад-Дӣн ал-Байхакӣ отождествлен с известным автором "Таʾрӣх-и Байхак" и других сочинений Абӯ-л-Хасаном ʿАлӣ ибн Зайдом ал-Байхакӣ (Йбн Фундуком)[109], факты биографии обоих лиц требуют детального со-

поставления, что явилось сюжетом особой заметки автора этих строк[110]. Шараф ад-Дин ал-Байхаки, как это видно из стихов ал-Газзи, а также Хайса Байса[111], был покровителем поэтов и ученых, занимал высокий пост наиба везира Санджара, однако сведений о его собственной литературной деятельности в источниках, в том числе в Дивáне ал-Газзи, нет.

Даже краткий обзор материалов рукописи Дивáна ал-Газзи представляется нам достаточным, чтобы прийти к выводу об их важности для восстановления некоторых событий начала XII в., а также для оценки того, как воспринимались эти события современниками. Дальнейшее обследование дивáнов поэтов сельджукского времени, антологии "Харидат ал-каср" (в том числе особенно интересной для историков Средней Азии и Ирана неизданной до сих пор части, посвященной "поэтам ал-'Аджама"), по нашему мнению, откроет возможность пополнить наши знания о политической обстановке во владениях Сельджукидов и о роли отдельных деятелей, а также об особенностях культурного развития различных стран и исторических областей в период сельджукского господства.

Примечания

1 См. издание сокращения этой книги: Histoire des Seljoucides de l'Irâq par al-Bondârî d'après Imâd ad-dîn al-Isfahânî. Texte arabe publié... par M.Th. Houtsma. Leide, 1889 (далее – ал-Исфахани – Бундари, изд. Хаутсма).

2 وزارت در عهد سلاطین بزرگ سلجوقی از تاریخ تشکیل ایشن سلسله تا مرگ سلطان سنجر(۴۳۳ – ۵۵۲) تالیف عباس اقبال، ... تهران، ۱۳۳۸ شمسی (далее – А. Икбал. Визарат).

3 K. Rippe. Über den Sturz Nizam-ul-mulks. – M.F. Köprülü Armagani. Istanbul, 1953.

4 См.: Cl. Cahen. The Historiography of the Seljuqid period. – "Historians of the Middle East". Ed. B. Lewis and P.M. Holt. L., 1962.

5 Достаточно напомнить, что издание дивáна одного из крупнейших поэтов конца XI – начала XII в. ал-Абиварди (Бейрут, 1317 г.х.) включает много стихов ал-Газзи, приписывая их автору, имя которого стоит в заглавии дивáна. В издании дивáна другого корифея поэзии сельджукского периода – ат-Тугра'и (ал-Кустантиния, 1300 г.х.) во многих именах отсутствуют диакритические точки (например, в имени сельджукского султана Баркиярука). Вместе с тем следует отметить несомненный прогресс в изучении поэзии XII в., связанный с изданием в последние два десятилетия ряда частей антологии "Харидат ал-каср", критических текстов диванов Хайса Байса (1974) и ат-Тугра'и (1976).

6 'Имад ад-Дин ал-Исфахани называет ал-Газзи, ат-Тугра'и, ал-Абиварди и ал-Арраджани "четырьмя столпами" поэзии их эпохи, однако первое место среди упомянутых поэтов он отводит ат-Тугра'и. См.: خريدة القصر و جريدة العصر للعماد الاصفهانی الکاتب، قسم شعراء الشام، الجزء الاول، عنی بتحقیقه الدکتور شکری فیصل دمشق، ۱۹۵۵، ص ۲۸ – ۲۷ (далее – Харидат ал-каср, сирийск., ч. 1).

7 Ал-Газзи. Дивáн. Рук. Национальной библиотеки (Париж), араб.ф., № 3126, лл. 1б$_{16}$, 2а$_{2}$, 8б$_{9}$– 17а$_{12}$ (далее ссылки на листы и строки указанной рукописи даны в тексте и в примечаниях без дополнительных упоминаний). О происхождении Абу Джа'фара из Аррана см. л. 12б$_{15}$.

8 Ал-Газзи сообщает, в частности, о взятии войсками везира крепости Руин-диз (близ Мараги). См. лл. 10а$_{3}$– 11а$_{13}$.

9 См. лл. 30б$_7$– 33а$_{11}$. В Дӣва̄не эти стихи озаглавлены так: و قال يهجو بغض الملوك و يذكر مناظرته اياه "Сказал, осмеивая некоего князя и упоминая свой спор с ним". Объект сатиры упомянут в заглавии фрагментов из нее, приведенных в "Х̮арӣдат ал-ḳаср" (сирийск., ч.1, с.18), где прямо говорится об осмеянии ширваншаха. Имя ширваншаха прочтено нами в рукописи Дӣва̄на (л.33а$_5$), там оно дано без диакритических точек – Фарӣбурз.

10 См.: [ابن الجوزى]، المنتظم فى تاريخ الملوك و الامم، الجزء تاليف... ابن الفرج عبدالرحمن بن على بن محمد ابن الجوزى... حيدراباد – دكن، ١٣٥٨، ص ١٥ – ١٦ (далее – И б н а л-Д ж а у з ӣ. Ал-Мунтаз̣ам); [ابن خلكان]، وفيات الاعيان و انباء ابناء الزمان لابى عبّاس شمس الدين احمد بن محمد بن ابى بكر بن خلكان... حقّقه و علق حواشيى وصنع فهارسه محمد محى الدين عبد الحميد... القاهرة، جزء ١، ص ٤١ – ٤٥ (далее – Ибн Х̮алликӓн). Ибн Х̮алликӓн пишет об ал-Ґаззӣ со ссылками на "Историю Багдада" [Ибн] ан-Наджжӓра и на Ибн ʿАса̄кира. ʿИма̄д ад-Дӣн ал-Иcфахӓни ссылается на книгу ʿАбд ал-Карӣма ибн Мух̣аммада ибн Манс̣ӯра ас-Самʿ а̄нӣ (автора "Кита̄б ал-анса̄б") "ал-Муз̱аййил ли та̄ʾрӣх мадӣнат ас-салам" (Х̮арӣдат ал-ḳаср, сирийск., ч.1, с.32). Ас-Самʿа̄нӣ, живший в Мерве, опирался, как это видно из цитат ʿИма̄д ад-Дӣна, на сообщения лиц, знавших поэта в Мерве и других городах.

11 Сводка данных о биографии поэта имеется в кн.: على جواد الطاهر، الشعر العربى فى العراق و بلاد العجم فى العصر السلجوقى، الجزء الاول، بغداد، ١٩٥٨، ص ١٧٩ – ١٨٢ (далее – ʿА. Д ж а в а̄ д а т̣-Т̣ а̄ х и р. Аш-Шиʿр).

12 И б н а л-Д ж а у з ӣ. Ал-Мунтазам, ч.10, с.15; И б н Х̮ а л л и к а̄ н, т.1, с.41.

13 Х̮арӣдат ал-ḳаср, сирийск., ч.1, с.32.

14 См. об этом: ʿА. Д ж а в а̄ д а т̣-Т̣ а̄ х и р. Аш-Шиʿр, ч.1, с.180.

15 Биографические сведения о Абӯ-л-Х̮асане ʿАлӣ ибн Мух̣аммаде ат̣-Т̣абарӣ (известном под прозвищем ал-Кийа̄ ал-Харасӣ) см.: И б н а л-Д ж а у з ӣ. Ал-Мунтаз̣ам, ч.9, с.167; И б н Х̮ а л л и к а̄ н, т.2, с.403 сл. Ибн Х̮алликӓн, именующий ат̣-Т̣абарӣ "вторым ал-Ґаза̄лӣ", пишет, что ал-Ґаззӣ, состоявший "на его службе", составил поминальную касиду о нем, и цитирует ее со ссылкой на "Большую историю" Ибн ʿАса̄кира. См. также: Ibn-el-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Ed. C.J.Tornberg. Vol. X. Lugduni Batavorum, 1864, c. 335-336 (далее – И б н а л-А с̱ ӣ р, изд. Торнберга).

16 Перечень известных рукописей Дӣва̄на ал-Ґаззӣ см.: C. Brockelmann. Geschichte der arabischen Litteratur. I. Weimar, 1898, c. 253; Supplementband, I, c. 448.

17 Х̮арӣдат ал-ḳаср, сирийск., ч.1, с.3–75.

18 Это издание осталось недоступным нам. Всего в Дӣва̄н ал-Абӣвардӣ включено двадцать касид ал-Ґаззӣ, на что впервые обратил внимание известный арабский филолог Мух̣аммад Бахджат (Ирак). См. журнал: الزهرة، ١٣٤٥ هـ، ر ٣، ص ٢٢٨ – ٢٤٥. Автор книги об ал-Абӣвардӣ Мамдӯх̮ Х̮аккӣ насчитал в бейрутском издании Дӣва̄на ал-Абӣвардӣ 1790 бейтов, принадлежащих ал-Ґаззӣ, и привел начальные строки касид и стихотворных отрывков (см.: ممدوح حقّى، الابيوردى، ممثّل القرن الخامس فى برلمان الفكر العربى (سلسلة عيون التراث العربى، ٢) دمشق، ١٩٥٠، ص ١٢٨ – ١٣٢). Из-за этой путаницы возник, в частности, недосмотр в работе ʿА.Иḳба̄ла (знакомого с Парижской рукописью ал-Ґаззӣ!): исследователь приписал ал-Абӣвардӣ фрагменты из касиды ал-Ґаззӣ в честь везира Ḳава̄м

ад-Дӣна Абӯ Наср Ахмада ибн Низа̄м ал-Мулка (см.: ʿА. И к б а̄ л. Виза̄рат, с.164-165).

19 К Парижской рукописи Дӣва̄на систематически обращается издатель сирийской части "Х̮арӣдат ал-ка̣ср" Шукрӣ Файс̣ал, отмечая разночтения рукописей "Х̮арӣдат ал-ка̣ср", с текстом Дӣва̄на.

20 См.: "Х̮арӣдат ал-ка̣ср", сирийск., ч.1, с.33, 34, 36 (со ссылками на Абӯ Саʿда ʿАбд ал-Карӣма ас-Самʿа̄нӣ, поэта Ибн Ух̮увва и др.).

21 См.: Н и з а м и А р у з и С а м а р к а н д и. Собрание редкостей или четыре беседы. Пер. С.И.Баевского и З.Н.Ворожейкиной. М., 1963, с.40.

22 Р а ш ӣ д. а д-Д ӣ н В а т̣ в а̄ т̣. Х̣ада̄ʾик̣ ас-сих̣р – см. в кн.: رشيد الدين وطواط ، ديوان ، تهران ، ١٩٥٣ ، ص ٦٢٦ ، ٦٥٣ .

23 См.: И б н Х̮ а л л и к а̄ н, т.1, с.41.

24 Ряд наблюдений над особенностями языка и стиля поэтов сельджукского времени см.: ʿА. Д ж а в а̄ д а т̣-Т̣ а̄ х и р. Аш-Шиʿр, ч.II, с.168-172 (с привлечением материалов творчества ал-Г̣аззӣ).

25 Ближайший пример – объединение в антологии "Х̮арӣдат ал-ка̣ср" стихов поэтов Сирии и Палестины в части, посвященной поэтам аш-Ша̄ма.

26 Ибн ал-Мут̣т̣алиб занимал эту должность с мух̣аррама 501/22 августа-20 сентября 1107 до 503/ начало – 31 июля 1109 г. – вероятно, с перерывом. См.: И б н а л-А с̱ ӣ р, изд. Торнберга, т.X, с.335-336.

27 Кади Исфахана Шамс ад-Дӣн ал-Х̮ат̣ӣбӣ был убит исмаилитами в 502 г.; Абу-л-Х̣асан ат̣-Т̣абарӣ умер в 504 г., халиф ал-Мустаз̣хир – в 512 г. Лишь один из багдадских адресатов ал-Г̣аззӣ – ка̄тиб ал-инша̄ʾ халифов Садӣд ад-Дӣн Ибн ал-Анба̄рӣ действовал позже 516/1122-23 г.

28 Деятелям этих стран посвящено значительное количество стихов (см. лл.8б-15б, 30б – 38а и др.).

29 В изданном тексте Дӣва̄на ат̣-Т̣уг̣ра̄ʾ ӣ поэтическая переписка с собратьями по перу представлена лишь одним небольшим посланием к ал-Абӣвардӣ (см.: الطغرائي ، ديوان ، القسطنطينية ، ١٢٠٠). Приведен и ответ ал-Абӣвардӣ (см. там же, с.86-87).

30 Муʾаййид ад-Дӣн – один из лакабов ат̣-Т̣уг̣ра̄ʾӣ.

31 Об этих событиях см.: ал-Исфаха̄нӣ – ал-Бунда̄рӣ, изд. Хаутсма, с.133; И б н а л-Д ж а у з ӣ. Ал-Мунтаз̣ам, т.9, с.217-218; И б н а л-А с̱ ӣ р, изд. Торнберга, т.X, с.395-396.

32 Ат̣-Т̣уг̣ра̄ʾ ӣ был снова обвинен в ереси и в колдовстве.

33 Ас-Сумайрамӣ был убит в Багдаде в сафаре 516/11 апреля – 9 мая 1122 г.

34 См. лл. 35а$_{15}$ – 36б$_{12}$. Рабӣб ад-Дӣн – сын известного везира и историка Абӯ Шуджа̄ʿ ар-Рудра̄варӣ (ум. 1095). Упомянут лакаб Абӯ Шуджа̄ʿ – З̣ахӣр ад-Дӣн.

35 Жалобы на бедность встречаются в стихах нашего автора, но подобные мотивы слишком часты, чтобы на их основании определенно судить о достатке поэта.

36 خريدة القصر و جريدة العصر، تاليف عماد الدين الاصفهاني الكاتب القسم العراقي ، الجزء الثاني ، تحقيق محمد بهجة الاثري، بغداد ، ١٣٨٤ هـ = ١٩٦٤م، ص ٦٦ (далее ссылки на это издание – ч.1 – 1У Х̮арӣдат ал-ка̣ср, иракск.). В тексте, приписанном Ибн Афлах̣у, имя Анӯширва̄на восстановлено издателем, текст эпиграммы отличается от приводимого нами.

37 В стихах ал-Г̣аззӣ – Ибн ʿУбайдалла̄х, подобная замена обычна.

38 О его назначении на пост везира см.: И б н а л-А с̱ ӣ р, изд.Торнберга, т.X, с.385-386; сводка данных источников об этом везире в кн.: ʿА. И к̣ б а̄ л. Виза̄рат, с.243-248.

[39] См. о нем: ʿА. И к б ā л. Визāрат, с.249.

[40] Адресат касиды в ее заглавии не указан, он определен нами по упоминанию кунйи везира (л.76б$_{13}$) и его лакабов (л.76б$_{16}$).

[41] Текст этой эпиграммы повторяется в Дйвāне в измененном виде на л.96а. А.Икбāл в очерке об этом везире (Визāрат, с.252) отмечает только первую эпиграмму. Имя везира в рукописи Дйвāна искажено в обоих случаях.

[42] А л-И ṣ ф а х ā н ӣ – а л-Б у н д ā р ӣ, изд. Хаутсма, с.97.

[43] Там же, с.116. Мухтаṣṣ ал-Мулк был подвергнут штрафу в 50 тыс.динаров, у него было конфисковано имущество, что, впрочем, по словам ʿИмāд ад-Дйна, "не лишило его пути к богатству".

[44] Там же, с.146,267. ʿИмāд ад-Дйн сообщает, что ад-Дарказйнӣ задумал убийство Мухтаṣṣ ал-Мулка, потому что "его порочность была очевидна при [сравнении] с достоинствами Абӯ-л-Фадла" (т.е. Мухтаṣṣ ал-Мулка). Однако ниже ʿИмāд ад-Дйн пишет о политических убийствах, вдохновителем которых был этот везир: они осуществлялись явно, с разрешения султана Махмӯда, и тайно, с помощью исмаилитов (см. там же, с.146, 147).

[45] В заглавии касид их адресат назван лишь дважды (лл.48а, 124б), в остальных случаях он определен нами по упоминанию имени и лакаба.

[46] ديوان امير الشعراء محمد بن عبد الملك نيشابورى متخلص به معزى... بسعى و اهتمام عباس اقبال، تهران، ۱۳۱۸ ش، ص ۱۵۷ (далее – М у ʿ и з з ӣ. Дйвāн).

[47] См. лл.94б$_6$-96а$_7$, 98б$_9$-100а$_{11}$, 100а$_{12}$-100б$_3$, 102б$_5$-103б$_{12}$, 103б$_{13}$-104б$_2$, 116б$_4$-117б$_{11}$, 133а$_4$-133б$_9$*, 135а$_6$-136а$_3$, 148а$_{14}$-150а$_1$*, 159б$_{11}$-160а$_8$. Стихи, помеченные значком*, не имеют посвящения в заглавии и определены нами по упоминаниям в тексте.

[48] Ал-И ṣ ф а х ā н ӣ – а л-Б у н д ā р ӣ, изд. Хаутсма, с.268.

[49] Известно имя посла халифа к Санджару – это везир Шараф ад-Дйн ʿАлӣ ибн Тирāд аз-Зайнабӣ. Ибн ал-Джаузӣ сообщает также о том, что послу Санджара были дарованы почетные одежды (И б н а л-Д ж а у з ӣ. Ал-Мунтаṣам, т.10, с.8).

[50] М у ʿ и з з ӣ, Дйвāн, с.3-4, 16-17 и далее по оглавлению.

[51] См. там же, с.196-198 (панегирик Санджару в связи с взятием Газны), 198-199 (касида в честь победы Санджара при Савэ 13 джумада I 513 г.) и др.

[52] Стихи Хāйṣа Байṣа см. в кн.: Харӣдат ал-ḳаср, иракск., ч.1, с.315, см. также с.235, 237 и др. О восхвалении Санджара арабскими поэтами см. ʿА. Д ж а в ā д а т- Т ā х и р. Аш-Шиʿр, ч.II, с.49.

[53] Часть строки неразборчива из-за пятна на рукописи.

[54] Абӯ-л-Хариṣ – кунйа султана Санджара.

[55] Эта строка продолжает мысль предшествующей: ее слова относятся к тому, кто "подобен пророку".

[56] Значение слова الرما см.: J.B. Belot. Vocabulaire arabe-français a l'usage des étudiants. Ed. 13. S.v. (с. 272).

[57] В тексте слово محرم – "приступивший к совершению обряда пилигримства", "находящийся в состоянии ихрама", т.е. совершающий священное дело.

[58] Т.е. "Библейскую страну" в широком смысле слова.

[59] См.: И б н а л-А ṣ ӣ р, изд. Торнберга, т.X, с.339, где приведены слова послов Халеба с упреком султану по этому поводу.

[60] Там же, с.339-340. Во главе войск, посланных султаном Мухаммадом против франков, был поставлен владетель Мосула Маудӯд, которому султан поручил опеку своего сына Масʿӯда. О действиях войск султана и эмиров против франков см.:

там же, с.342-344, с.345-347, 350-351, 356-359. Неудачи военных сил мусульман объясняются не только обострением борьбы между владетелями отдельных городов и областей, но и отсутствием поддержки населения, не доверявшего войскам султана (см., например, с.357 об отказе жителей Халеба передать город военачальникам султана).

61 History of Damascus 363-555 a.h. by Ibn al-Qalānisī. Ed. by H.F. Amedroz. Leiden. 1908, с.187 (далее - И б н а л-Ḳ а л ā н и с ӣ, изд.Амедроза).

62 Об этом походе см.: И б н а л-Д ж а у з ӣ. Ал-Мунтаẓам, т.9, с.205; И б н а л-Ḳ а л ā н и с ӣ, изд. Амедроза, с.202; И б н а л-А с̱ ӣ р, изд.Торнберга, т.X, с.387; а л-И ẓ ф а х ā н ӣ и - а л-Б у н д ā р ӣ, изд. Хаутсма (здесь поход датирован 512 г.); М у ʿ и з з ӣ. Дӣвāн, с.198.

63 Этот титул был принят Санджаром и признан его племянником сельджукским султаном Ирака Махмӯдом. См.: صدرالدين ابو الحسن على بن ناسر الحسينى ، اخبار الدولة السلجوقية, рук.Британского музея, № 550 (Stowe, Or., 7) (нам доступна фотокопия), л.50б (далее - Ẓ а д р а д-Д ӣ н а л-Х̣ у с а й н ӣ, рук.).

64 И б н а л-А с̱ ӣ р, изд. Торнберга, т.X, с.388.

65 Там же.

66 О составе войск Санджара, в котором кроме пяти маликов были "тысячи батинитов" и тысячи "неверных тюрок", см.: И б н а л-Д ж а у з ӣ. Ал-Мунтаẓам, ч.9, с.205.

67 В обращении к Санджару использован лакаб султана Муʿизз ад-Дӣн - "Укрепляющий веру".

68 См. об этом: В.В. Б а р т о л ь д. Халиф и султан - Сочинения, т.У1, с.31.

69 Эти стихи адресованы везиру султана Мух̣аммада ибн Маликшāха Дийāʾ ал-Мулку Абӯ Наẓру Ах̣маду (время его везирата - 500 - 505/1107 - 1112). Текст этого стиха в издании Дӣвāна ал-Абӣвардӣ, цитированном и ʿА.Иḳбāл ..м (Визāрат, с.165) искажен:

دعاء الخلق للسلطان فرض لانّ الشرع و هو الماء نون

70 Следует отметить, что виднейшие представители политической мысли этой эпохи - Низāм ал-Мулк и ал-Ґазāлӣ избирали для изложения своих идей форму "княжеского зерцала" - собрания наставительных притч, таких, какие составляют знаменитые "Сийāсат-нāма" и "Наẓӣх̣ат ал-мулӯк".

71 Текст не прочитан нами из-за пятна в рукописи.

72 Возможно, касида написана под впечатлением возобновления отношений между Санджаром и халифом ал-Мустаршидом в 522/1128 г.

73 См.: И б н а л-Д ж а у з ӣ. Ал-Мунтаẓам, ч.9, с.255-259, ч.10, с.2-6; С а д р а д-Д ӣ н а л-Х̣ у с а й н ӣ, рук., лл. 50а, 55а и др.

74 Точки в некоторых буквах отсутствуют.

75 Слово нами не разобрано.

76 О значении слова "б ӯ р х̣ ā н" см.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с.127. Главные значения: 1. Будда; 2. Вестник, посланник; 3. Идол. Что имеет в виду автор, говоря о "дне ал-Бӯрх̣āн", неясно. Возможно, речь идет о "дне идола" или "дне Будды" - каком-то языческом празднике. В этот день, как видно из текста, "отступник" уже потерпел поражение, после чего были сокрушены его союзники, по всей вероятности, - тюрки-идолопоклонники.

77 Баурāн или Бӯрāн, по нашему мнению, можно отождествить с упоминаемым у ас-Самʿāнӣ и Йāḳӯта населенным пунктом в 5 фарсахах от Бухары (он именуется также Фаурāн и Беррāн). См.: В.В. Б а р т о л ь д. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - Сочинения. Т.I., с.174. Однако полной уверенности в этой идентификации нет: Бурāн или Беррāн по ас-Самʿāнӣ и Йāḳӯту - малозначительный город или селение.

78 Хадар-х̮āн, по всей вероятности, передает имя Ḳадыр-х̮āн, имевшее значение титула среди кӑраханидских правителей.

79 Т.е. Бурāн. Из текста видно, что речь идет о крепости.

80 См.: В.В. Б а р т о л ь д. Туркестан..., с.381–382; O. Pritsak. Die Karachâniden. – "Der Islam". T. XXXI, 1954, c. 50-51.

81 См. о нем: В.В. Б а р т о л ь д. Туркестан..., с.381–384; O. Pritsak. Die Karachaniden, c. 50-51.

82 См. о нем: O. Pritsak. Die Karachaniden, c. 42, 49.

83 Там же.

84 Как, впрочем, и отождествление О.Притцака. Несколько позже титул Кадыр-хāна носил сын хакāна Арслāн-хāна – Ахмад (II), но он вряд ли мог быть известен нашему автору: его конфликт с Санджаром относится к 524 г., т.е. году смерти ал-Газзāли.

85 См.: В.В.Б а р т о л ь д. Туркестан..., с.382.

86 См.: а л-И с ф а х а̄ н ӣ – а л-Б у н д а̄ р ӣ, изд. Хаутсма, с.262–263; С а д р а д-Д ӣ н э л-Х у с а й н ӣ, рук., л.51б; И б н а л-А с̲ ӣ р, изд.Торнберга, т.X, с.353–356; Му'иззӣ. Дива̄н, с.196 и др.

87 А л-И с ф а х а̄ н ӣ – а л-Б у н д а̄ р ӣ, изд. Хаутсма, с.263–264.

88 См. выше, примеч. 66.

89 Здесь игра слов: мас'ӯд – "счастливый". Речь идет о племяннике Санджара Мас'ӯде ибн Мухаммаде, впоследствии сельджукском султане Ирака. После неудачной попытки завладеть престолом султана (см. выше, с. 30 и примеч.32) Мас'ӯд некоторое время находился при дворе своего брата султана Махмӯда (см.: И б н а л-Д ж а у з ӣ. Ал-Мунтазам, ч.9, с.252), а затем явился во владения Санджара. О междоусобной борьбе среди Сельджукидов в 20-х годах XII в. см.: M.A. Köymen. Büyük Selçuklu imparatorlugu tarihi. C. II. Ankara, 1954, c. 75-91, 117-129.

90 Харида̄т ал-каср, иракск., ч.1, с.315.

91 Об отношениях между различными группами господствующего класса в Мавераннахре XI – начала XIII в. см. работу О.Г.Большакова о среднеазиатском городе в конце VIII – начале XIII в. в кн.: А.М. Б е л е н и ц к и й, И.Б. Б е н т о в и ч, О.Г. Б о л ь ш а к о в. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с.348–351.

92 См.: O. Pritsak. Āl-i Burhān. – "Der Islam". Bd XXX.

93 Посвящение имаму сайиду ал-Ашрафу имеется в заглавии стихов лл.58б$_5$–59б$_7$, следующие за ними стихи озаглавлены وقال بعضهم (лл.59б$_8$–61а$_8$ и 61а$_9$–62а$_{16}$). Заглавие с посвящением ал-Ашрафу имеют также два бейта на л.136а$_{16-17}$–136б$_2$. О стихах, адресованных ал-Ашрафу и не имеющих заглавия, см.ниже.

94 Изложение событий см.: В.В. Б а р т о л ь д. Туркестан..., с.383.

95 См. л.58б$_5$. Это упоминание свидетельствует о том, что составитель Дива̄на (сам ал-Газзāли умер спустя год или более после казни ал-Ашрафа) знал обстоятельства гибели имама.

96 В противопоставлении "знания" "невежеству" можно усмотреть намек на превосходство авторитета имама над властью его противников – представителей светской администрации, в том числе самого караханидского правителя.

97 Здесь игра слов, основанная на двух значениях слова садр: 1. "грудь", "сердце"; 2. "глава", "столп".

98 Игра слов: Ашраф – имя имама и ашраф – имя превосходства от шарӣф – "знатный", "благородный".

99 Султан и малик в этих стихах – это, по всей вероятности, Санджар и Арслāн-хāн: с этими государями, собственно, и мог встречаться ал-Ашраф. Но поскольку идентификация адресата предположительна, нет уверенности и в данном отождествлении.

100 Известно, что основатель династии бухарских садров ʿАбд ал-ʿАзīз ибн ʿУмар был доверенным лицом Санджара. См.: O. Pritsak. Al-i Burhān, c. 86-87.

101 См.: В.В. Б а р т о л ь д. Туркестан..., с.384 (со ссылкой на "Тексты").

102 Там же, с.384.

103 Для более позднего времени свидетельством авторитета термезских саййидов считается то, что хорезмшах Мухаммад (1200–1220) во время своего конфликта с багдадским халифом Нāсиром назначил термезского саййида ʿАлā' ал-Мулка халифом. См.: В.В. Б а р т о л ь д. Термез. – Сочинения. Т.III, М., 1965, с.506.

104 Два слова в рукописи неразборчивы.

105 Здесь ал-Музаффар не имя, а эпитет – "победоносный".

106 См.: O. Pritsak. Die Karachaniden, c. 50.

107 Его предшественник ал-Мустазхир вряд ли может приниматься в расчет.

108 См.: лл.83б$_9$ -84б$_{16}$, 118а$_6$-119б$_5$, 119б$_6$-120б$_5$, 120б$_6$-121б$_3$ и др.

109 The Irshād al-arīb ilā ma'rifat al-adīb or Dictionary of learned men of Yāqūt. Ed. by D.S. Margoliouth. Vol. V, Leiden – London, 1911, (GMS, VI, 5), c. 208-218.

110 "О двух персонажах биографии Абū-л-Хасана ал-Байхакī в "Словаре литераторов" Йākūта" (подготовлена к печати).

111 См.: Харīдат ал-қаср, иракск., ч.1, с.278, 322.

Ю. Е. Борщевский

КОСМОГРАФИЧЕСКАЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ: СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ, МЕТОДЫ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ*

I

Произведения указанных в заглавии статьи категорий создавались в Иране, Афганистане, Индии, Средней Азии и, в меньшей степени, в других странах (например, в Ираке и Турции) на протяжении по меньшей мере тысячи лет – с X по начало XX века. Они оказали значительное влияние на другие виды и жанры персидской литературы и вообще на культуру Ирана и сопредельных стран. Многие из этих произведений рассматривались их современниками и потомками этих современников не только (а иногда и не столько) как источник научной информации, в средневековом понимании этого определения, а как художественная литература: этим в значительной степени объясняется влияние стиля географических сочинений на художественную прозу вообще. Не случайно первые персидские романы конца XIX – начала XX в. обязаны своим стилем таким, на первый взгляд, далеким от "художественности" сочинениям, как отчеты о путешествиях и паломничествах.

Читательское восприятие указанных сочинений как художественных и их чисто литературное воздействие на историю персидской прозы определяют один из наименее разработанных аспектов исследования этой литературы.

Прежде чем перейти к конкретному рассмотрению уже сделанного в области изучения истории данной литературы и составляющих ее отдельных произведений, нужно отметить, что изучена она в гораздо меньшей степени, чем арабская литература, и обзор ее, подобный капитальной работе И. Ю. Крачковского, – дело будущего и должен он "выйти из среды иранистов"[1].

Такое отставание объясняется тем, что иранистика все-таки младшая, если и не менее почтенная сестра арабистики. Кроме того, арабская географическая литература, представленная гораздо большим количеством сочинений, чем персидская, и отличающаяся от последней, в частности, более широким охватом материала как в хронологическом, так и в географическом смысле, интересовала ученых (в том числе и иранистов, особенно историков) в первую очередь. Персидская же литература, вольно или невольно, рассматривалась большинством исследователей как нечто вторичное и производное от арабской[2].

В какой-то мере это справедливо, но все же не следует забывать, что создателями многих классических образцов арабской географической словесности были персы: достаточно упомянуть таких известных авторов, как везир Саманидов Абӯ-ʿАбдаллāх Муḥаммад ал-Джайхāнӣ (конец IX – первая

---

* Некоторые положения этой статьи были опубликованы в виде тезисов в работе "К проблеме изучения персоязычной космографической и географической литературы: учет и классификация материалов". – "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН (аннотации и краткие сообщения)". 1972, с. 8–12.

четверть X в.), Абӯ-л-Ḳāсим ибн Ḫурдāдбих (ок. 820 - ок. 912/913), Абӯ Исḥāḳ ал-Истаḫрӣ (ок. 849 - 934), Абӯ Зайд ал-Балḫӣ (ок. 850-934) и ряд других. Их национальная принадлежность должна была, очевидно, отразиться если не на общих, то, по крайней мере, на частных особенностях их творений, но, насколько можно судить, эта сторона их сочинений пока еще не стала предметом изучения[3].

Изучение персидской географической литературы началось, как это почти всегда бывает в таких случаях, с публикаций, исследований и переводов отдельных произведений. Мысль о необходимости учета и классификации известного материала пришла гораздо позже, с появлением значительного количества каталогов, списков персидских рукописей и других относящихся к данной проблеме работ. Однако в целях более ясного представления о том, что уже сделано в интересующей нас области, а что еще предстоит совершить, нам придется отвлечься от хронологии истории данной области востоковедения и начать обзор с рассмотрения того, что конкретно сделано для учета и классификации материала.

Учет материала

Основными "учетными" (применяем это слово исключительно в узком, в данном случае необходимом значении) изданиями являются списки и каталоги персидских рукописей. Они были, остаются и долго еще будут тем основным фундаментом, на котором зиждется здание истории персидской литературы всех видов и жанров. Теоретически говоря, уменьшить их значение может только массовая публикация десятков тысяч рукописных сочинений, но каждому ясно, что это - утопия.

Здесь нет нужды перечислять множество опубликованных каталогов и списков персидских рукописей: достаточно отослать читателя к некоторым специальным и общим библиографиям по данной теме [4]. Всестороннее рассмотрение достоинств и недостатков каталогов рукописей тоже выходит за рамки настоящей статьи и должно быть задачей самостоятельной, к сожалению, в полном объеме еще не проделанной работы. Достаточно сказать, что все эти достоинства и недостатки как в зеркале отразились в справочных изданиях, к рассмотрению которых мы перейдем.

В первую очередь необходимо назвать эпохальный для иранистики труд Чарлза Амброуза Стори "Персидская литература. Био-библиографический обзор"[5]. Интересующей нас области посвящены две части этого справочника. Это два раздела первого тома - "Послы" и "Путешественники, паломники, туристы"[6]; подавляющее большинство охваченных этими разделами сочинений представляют собой описания путешествий, составленные официальными (послы и т.п.) и частными лицами. Остальным космографическим и географическим сочинениям уделено чуть меньше половины второго (и последнего, изданного при жизни Ч.Стори) тома справочника[7]. Следует, однако, иметь в виду, что описанные там же астрономические и астрологические сочинения тесно смыкаются с собственно космографическими и географическими и в наших целях их необходимо учитывать.

Известно, что космографический и географический материал содержится во многих персидских сочинениях других видов, причем этот материал часто представлен в форме специальных разделов, глав и даже частей данного сочинения. В наибольшей степени это присуще сочинениям исторического характера, но нередко такие разделы имеются и в других видах произведений, например, биографических, и в этой области исторический и биографический разделы справочника Ч.Стори являются незаменимым подспорьем для исследователя[8].

Значение работы Ч.Стори трудно преуменьшить, о нем неоднократно писали различные ученые[9]. Сейчас гораздо важнее отметить слабости и не-

достатки этого справочника, ибо именно они в значительной степени определяют характер работы, которую предстоит проделать будущим исследователям.

Построенный главным образом на каталогах и списках рукописей, справочник отражает, как уже говорилось выше, все их недостатки, хотя справедливости ради следует отметить, что Ч.Стори всячески пытался их устранить или хотя бы уменьшить. К числу наиболее распространенных (и наиболее досадных) "каталожных" недостатков относятся неверная атрибуция сочинений, ошибочные сведения об авторах, неадекватные описания как сочинения, так и данной его рукописи (это – самый распространенный огрех), ошибочные даты и т.п.

Ввиду того, что проверка каталожных данных чаще всего невозможна, многие из перечисленных ошибок перекочевали в справочник. Правда, не следует их преувеличивать: в основном это касается тех сочинений, которые во времена работы Ч.Стори были описаны лишь в кратких списках рукописей, либо только в восточных каталогах, наиболее грешащих неточностями и ошибками, либо упомянуты только в библиографиях, не содержащих никаких сведений, кроме титула сочинений и имени автора (таковы почти все старые каталоги персидских и индийских литографированных изданий, которые Ч.Стори широко использовал; исключением из этого правила являются, как это ни странно, некоторые старые торговые каталоги, снабженные подчас развернутыми и толковыми аннотациями; Ч.Стори их тоже использовал).

За исключением описаний путешествий, выделенных в упомянутые выше разделы, космографические и географические сочинения описаны в справочнике в хронологическом порядке, по времени их создания и никак не классифицированы.

И последнее: со времени окончания работы Ч.Стори над справочником появились десятки новых каталогов персидских рукописей, были обнаружены более старые и полные тексты уже известных сочинений, опубликованы сведения о нескольких десятках ранее неведомых трудов, вышли в свет многие научные издания текстов, статьи и т.п.

Таким образом, будущим исследователям придется не только уточнить и исправить уже имеющиеся в справочнике данные, но и дополнить его новым материалом. При этом придется изменить и саму структуру географической части справочника, т.е. выработать определенную и наиболее рациональную классификацию и распределить известные нам сочинения в соответствии с ней[10].

Ничего равного работе Ч.Стори до настоящего времени, к сожалению, не появилось.

Следует, однако, отметить шеститомный справочник иранского ученого Ахмада Мунзави "Каталог персидских рукописей"[11]. По замыслу автора, в его работу должны были войти в систематизированном порядке краткие сведения о сочинениях, рукописи коих описаны во всех вышедших к моменту составления книги каталогах и списках. Однако на практике это не удалось осуществить, и работа грешит многочисленными пропусками и ошибками. Несмотря на это, она очень полезна, в основном благодаря ее систематической структуре.

Работа индийского ученого Дара Нассерванджи Маршалла "Моголы в Индии. Библиографический обзор"[12], в определенной мере отразившая влияние Ч.Стори, охватывает различные сочинения авторов, писавших на персидском языке в Индии в эпоху Великих Моголов (1525–1857). В справочник включены сведения о рукописях самых разнообразных персоязычных сочинений, которые, по мысли автора, могут способствовать изучению истории и культуры Индии в указанный период. Строго говоря, этому может способствовать любое сочинение интересующей эпохи, а потому выбор Маршалла крайне субъективен. Материал в справочнике не систематизирован и расположен в

алфавитном порядке имен авторов, что весьма затрудняет пользование и вынуждает к сплошному просмотру, несмотря на имеющиеся указатели титулов и имен собственных. Однако ввиду наличия отсутствующих в других изданиях сведений такая работа необходима, особенно для исследователей созданной в Индии географической литературы.

Очень важен многотомный библиографический труд ныне покойного иранского ученого Шайха Ага Бузурга Тихрани "Свод шиитских сочинений"[13]. Это завершенное после смерти его зачинателя издание представляет собой написанный по-арабски алфавитный аннотированный перечень персидских сочинений, авторами которых были, по мнению составителей, шииты; в каждом гнезде, как правило; даны ссылки на каталоги или списки рукописей и библиографические сведения о литографированных и печатных изданиях. Достоинство справочника - широкое использование в нем восточных публичных и частных древлехранилищ, доступ к которым, как правило, затруднен или вообще невозможен; дефектом является недостаточное использование европейских списков и каталогов рукописей, не говоря уже о научной литературе, и несколько расширительное понимание автором термина "шиит". Кроме того, в справочник включены лишние (эфемерные, учебные и т.п.) сочинения, которые только перегружают его.

Перечисленными работами исчерпываются основные пособия, имеющие непосредственное отношение к рукописям. К сожалению, ими нельзя ограничиваться, и исследователю необходимо привлекать каталоги восточных литографированных изданий[14], различные, особенно иранские, монографические и периодические библиографии и т.п. Учет русских, советских и западных публикаций поставлен сравнительно хорошо, и использование этого материала обычно не вызывает особых трудностей [15]. Несколько сложнее обстоит дело с иранскими пособиями, к которым и перейдем.

Очень важны работы иранского библиографа Ханбабы Мушара, в особенности его "Каталог персидских печатных книг"[16], выпущенный сравнительно недавно вторым, дополненным изданием, и многотомный био-библиографический справочник "Авторы персидских и арабских книг, опубликованных (в Иране) с начала книгопечатания и до настоящего времени" (т.е. до 1965 г.). Первый представляет собой алфавитный перечень (по титулам) сочинений, с библиографическими данными: в них-то и содержится наибольшее количество ошибок. Пользование им затруднено отсутствием систематизации, что снова вынуждает к сплошному просмотру издания. Все эти замечания справедливы и применительно ко второй работе Мушара, где материал расположен в порядке алфавита авторских имен (много фотографий писателей)[17].

Мы так настойчиво повторяем слова о необходимости сплошного просмотра несистематизированных справочников и библиографий в первую очередь потому, что многие сочинения XIX в. на интересующую нас тему имеются лишь в литографированном или печатном виде и нигде, кроме указанных справочников, не зафиксированы. Более того, некоторые печатались только в газетах, часто эфемерных; для "уловления" их некоторую помощь может оказать работа Мухаммада Садра Хашими "История газет и журналов Ирана"[18].

Библиография М.-Х.Ганджи и Дж.-С.Нажада "Каталог географических статей"[19] содержит в основном данные о современных работах по географии Ирана и других стран, но есть в ней и сведения о необходимых для нас статьях.

Следует также учесть "Национальную библиографию Ирана"[20], которая в теории включает все выходящие в Иране книги; на самом деле, помимо воли ее составителей, многие провинциальные издания не находят в ней отражения.

Библиография эта основана известным иранским ученым Ираджом Афшаром, и ему же принадлежит крайне важный справочник "Каталог персидских статей"[21] - систематический указатель работ, опубликованных в различных

иранских периодических изданиях с 1910 г. по момент завершения работы над очередным томом; издание снабжено хорошим аппаратом, весьма облегчающим пользование им.

Таковы основные библиографические издания. Завершить этот перечень можно упоминанием о пока еще единственном в Иране научно-библиографическом журнале "Путеводитель по книгам"[22], который с 1979 г. продолжается под названием "Будущее". Помимо чисто библиографических разделов, в журнале опубликован ряд важных рецензий и статей на рассматриваемую тему.

Для специалистов, занимающихся авторами XVIII-XIX вв., очень полезен шеститомный труд покойного (ум. в 1974 г.) Махдӣ Бāмдāда "Национальный биографический словарь Ирана. 1700-1960" (перевод англ.титула), содержащий весьма обстоятельные и иногда труднодоступные биографии, в том числе и писателей[23].

Как ясно из сказанного выше, в области учета материала сделано довольно много; без перечисленных справочников и пособий ныне просто невозможно заниматься сколько-нибудь серьезной работой в области комплексного изучения географической (да и любой другой) персидской литературы. Однако использование этих пособий часто связано, как мы старались показать, с трудоемкой и часто неблагодарной работой.

Каталоги и списки рукописей

Еще большего труда и времени требует просмотр каталогов и списков рукописей для извлечения из них необходимого материала, причем и здесь наибольшие затруднения вызывают восточные, в первую очередь иранские, каталоги. Как говорилось выше, за последние 30 лет их опубликовано много и общий объем только иранских каталогов превышает десяток тысяч страниц. Отвлекаясь сейчас от полноты и точности описаний сочинений, рукописей и авторских биографий в этих работах, можно сказать, что больше всего затрудняет их использование несистематический порядок расположения описаний. Приведу один лишь пример. Объем шеститомного каталога персидских рукописей крайне важного собрания Национальной библиотеки в Тегеране[24] составляет 3900 страниц, не считая предисловий к каждому тому. Описания расположены в порядке шифров, т.е. без всякой системы. Имеющиеся при каждом томе указатели для нашей работы почти бесполезны, ибо в каталоге описано много доселе неизвестных и нигде не зарегистрированных сочинений. Исследователь снова поставлен перед необходимостью сплошного просмотра издания.

Нужно добавить, что составитель данного каталога не считал нужным использовать ранее опубликованные каталоги, списки и другие работы, так что каталог практически лишен какой-либо библиографии: легко представить, какую "помощь" это обстоятельство оказывает в работе.

Еще больше затруднений доставляют многочисленные каталоги и списки рукописей, опубликованные в периодическом органе Центральной библиотеки Тегеранского университета "Рукописи"[25], объем которого вырос с 270 (т.1, 1961 г.) до 810 страниц (т.7, 1975 г.). Между тем каталоги рукописей - основной (в настоящих условиях) источник пополнения наших знаний, как уже говорилось, и работы этой не избежать.

Общие обзоры

Обзора персоязычной космографической и географической литературы, отвечающего современным научным требованиям, пока не существует. Работа английского ученого Доналда Н.Уилбера[26], полностью использованная Ч.Стори, в основном содержит данные о новейшей персидской литературе, и к настоящему времени она устарела. "Географические и исторические работы о Персии"[27] В.Ф.Минорского касаются современных их написанию историче-

ских исследований иранских и, в гораздо большей степени, западных ученых, и нужный нам материал в них почти не затрагивается[28].

Статья иранского ученого Ḥāфиза Фармāн Фармāйāна "Силы модернизации в Иране XIX века: исторический обзор"[29] весьма полезна и содержит обзор описаний путешествий (в основном, в Европу) нескольких персидских авторов XIX века.

Имеется еще несколько статей и книг на персидском языке, но каждая из них касается лишь немногих авторов, также, как правило, путешествовавших в XIX в.[30].

Единственной работой, которая может считаться если и далеко не полным, но содержательным обзором по данной теме, является XIX глава капитального труда И.Ю.Крачковского "Арабская географическая литература". Прежде чем перейти к ее анализу, остановимся на значении всей этой работы для исследователя персидской географической литературы.

Выше говорилось о тесной (иногда генетической) связи этих литератур. Суммированные И.Ю.Крачковским выводы и достижения ученых разных стран и времен, занимавшихся арабской литературой, четко изложенные, наряду с результатами работ самого автора, неоценимы для исследователя соответствующей персидской литературы. Возможно, что историю последней придется строить по иному плану, но методологического влияния работы И.Ю.Крачковского избежать нельзя. Нам кажется, что этот фактор имеет для историка персидской литературы неизмеримо большее значение, чем обзор ряда персидских географических сочинений, которому посвящена XIX глава.

И.Ю.Крачковский не ставил себе цели дать полный обзор персидской географической словесности и сам пишет, что для него "он имел только вспомогательное значение", что он стремился "указать только типичные примеры" и что пропуски в его работе "отчасти... объясняются тем, что для персидской географической литературы до сих пор не существует даже такой схемы обзора, какая дана для турецкой Тэшнером"[31]. С этим трудно не согласиться, но следует еще добавить, что работа была написана в голодный блокадный 1942 г., так что сам факт ее написания является научным подвигом. Автор был лишен каких-либо солидных пособий: соответствующие части труда Ч.Стори увидели свет лишь в 1953 и 1958 гг., а сама работа И.Ю.Крачковского была опубликована после его смерти – он не смог учесть накопленные им дополнения и не сам готовил работу к печати.

Все эти обстоятельства необходимо иметь в виду при критике XIX главы труда И.Ю.Крачковского. Ниже нам придется говорить о некоторых пропусках и ошибках в этой работе: делается это лишь потому, что ошибки и неточности, освященные огромным научным авторитетом такого большого ученого, каким был И.Ю.Крачковский, обладают свойством прочно укореняться в ученых трудах последователей и долго кочевать из одной работы в другую.

Первая часть главы XIX содержит обзор трудов шести писавших по-персидски авторов: Ḥāфиз-и Абрӯ (начало XV в.), ʿАбд ар-Раззāқ Самарқандӣ (XV в.), турецкий путешественник ʿАлӣ-Акбар Ḫитāйӣ, составивший около 1506 г. описание Китая для турецкого султана, везир Великих Моголов и индийский историк Абӯ-л-Фадл ал-ʿАллāмӣ (1551–1602 гг.), Амӣн-Ахмад Рāзӣ (соч.конца XVI в.) и Муḥаммад-Ṣāдиқ Исфаханӣ (ум.1651 г.). Далее следует обзор сочинений XIX в.

Таким образом, из общего числа авторов, творивших на протяжении 250 лет (XV – первая половина XVII в.), выбрано всего шесть, причем один из них – турок, а другой писал в Индии. 150 лет существования персидской географической литературы (вторая половина XVII – XVIII в.) вообще выпали из обзора. Вряд ли можно счесть такую работу исчерпывающей.

Более трети главы уделено обзору трудов писателей XIX в.; здесь упомянуто довольно много авторов, но именно в этой части имеются отдельные ошибки и неточности, источником которых, в большинстве случаев, явились использо-

ванные И.Ю.Крачковским труды, увы, иранистов. Часть таких неточностей перечислена ниже, в примечаниях[32].

В заключение остается сказать, что несмотря на все эти дефекты, работа И.Ю.Крачковского и по сей день остается наиболее обширным и связным обзором персидской географической литературы.

Издания текстов и научные исследования

Почти все новые издания персидских космо- и географических сочинений вышли в Иране. Наряду с монографическими изданиями некоторые тексты были опубликованы в периодических органах, больше всего в "Фарханг-и Ирān-замīн" (к 1980 г. вышло 24 тома), главным редактором которого является не раз уже упомянутый Ирадж Афшār.

Наибольшая часть опубликованных там текстов приходится на долю сочинений, написанных в XIX в., а среди последних преобладают описания различных путешествий, как по Ирану и сопредельным странам, так и в Западную Европу.

Доля средневековых сочинений количественно гораздо меньше, хотя и здесь имеется ряд очень важных публикаций.

Все это объяснимо. Интерес к истории и культуре Ирана каджарской эпохи, ранее очень редко привлекавшие востоковедов (не считая тех, кто был занят на практической работе), растет с каждым годом, что ведет к неуклонному росту числа изданий различных, в том числе и географических, сочинений этого периода. Это же привело и к увеличению числа научных работ, посвященных различным аспектам истории, литературы и вообще культуры каджарского Ирана.

Как только ученые всерьез занялись этой эпохой, оказалось, что не привлекавшие раньше внимания тексты содержат обильную и важную, а часто и просто уникальную информацию о самых различных сторонах жизни в Иране; при описаниях рукописных коллекций удалось выявить много вообще неизвестных науке произведений.

Работа в этом направлении началась сравнительно недавно, хотя нельзя не отметить, что отдельные западные и иранские востоковеды приступили к изучению этого периода еще до второй мировой войны. В числе последних в первую очередь надо назвать крупного ираниста ʿАббāса Иḳбāла, который не только опубликовал несколько значительных исследований этого периода, но и уделил ему почти половину страниц издававшегося им в течение пяти лет журнала "Йādгār"[33]. Несмотря на это, мы с полным правом можем сказать, что за последние 30 лет в данной области сделано больше, чем за весь предыдущий период существования иранистики, и вряд ли ошибемся, если предскажем, что интерес к эпохе Каджаров будет неуклонно расти.

Достигнутые уже результаты позволяют сказать, что многие аспекты истории персидской литературы, в том числе географической, нуждаются в значительных дополнениях и поправках, а иногда и в пересмотре.

Среди исследовательских работ, посвященных отдельным памятникам географической литературы, в первую очередь надо отметить научные введения публикаторов, которыми снабжена большая часть изданий. Не все эти работы равноценны по качеству и глубине раскрытия исследуемого материала; есть среди них очень основательные труды, встречаются и краткие заметки, содержащие далеко не адекватную значению изданного произведения информацию. Исследовательский характер носят и многие комментарии, которыми сопровождаются издания текстов.

Появились в Иране отдельные монографии и статьи, не касающиеся собственно географической литературы, но важные для ее изучения и понимания. Кроме того, вышел ряд работ, в основном это статьи, посвященных географической литературе: в них содержатся оценки групп однородных произведений,

характеристики отдельных сочинений либо исследования частных проблем, связанных с творчеством того или иного автора либо особенностями конкретного сочинения. Некоторое количество в принципе подобных работ издано за последние годы у нас и на Западе. Перечислять их здесь нет возможности, и мы отсылаем читателя к упомянутым выше пособиям и к новым справочным работам, которые остались нам недоступны.

В заключение этого обзора можно сказать, что будущий историк персидской космографической и географической литературы будет располагать довольно большим количеством источников и справочных пособий. Многие из этих источников и пособий не вполне надежны и далеко не полны; при пользовании ими возникнут определенные трудности и потребуется длительная и трудоемкая работа. Однако, несмотря на отмеченные недостатки, в совокупности эти источники и пособия представляют довольно солидную базу для углубленного изучения персидской географической литературы, как для комплексного изучения составляющих эту литературу памятников, так и для монографических исследований отдельных произведений: обе эти работы следует вести параллельно.

II

Для комплексного изучения литературы данного вида учет составляющих ее произведений является очевидной предпосылкой работы; вряд ли есть необходимость распространяться о методах учета: характер описанных выше источников и пособий в полной мере определяет эти методы. Однако сам по себе учет материала – всего лишь необходимая, но полумера. Учтенный материал нужно систематизировать наиболее рациональным образом: иными словами, необходимо создать такую классификацию сочинений космографического и географического характера, которая, с одной стороны, отвечала бы свойствам этих сочинений, а с другой – была бы достаточно удобна с практической точки зрения. Мы не будем здесь касаться общих проблем, связанных с классификацией персидской средневековой литературы: они были рассмотрены, при участии автора этих строк, в специальной статье[34]. Напомним лишь, что для космо- и географической литературы характерны те же синкретичность, многоплановость и объединение несовместимых, с нашей точки зрения, категорий информации в одном сочинении, причем подчас различия в общем характере этих категорий приводят и к стилистической много- или разноплановости данного труда. Все это вызывает расплывчатость видовых или жанровых границ и, естественно, затрудняет любую классификацию.

Вместе с тем нам представляется, что для космографической и географической литературы уже сейчас можно предложить основную схему классификации, которая охватит также и соответствующие части и разделы сочинений не географического характера – исторических, биографических и т.д., вплоть до художественных. Как и всякая классификация, предлагаемая схема в определенной мере условна и не все произведения можно будет уложить в ее конкретные рамки, но таких будет все-таки подавляющее меньшинство: в практических целях придется прибегать к системе пересылок, неизбежной в почти каждой классификации.

Схема эта была опубликована в 1972 г. (см. ниже, примечание 34), но для удобства повторим ее здесь (с некоторыми изменениями):

А. Космографическая литература.

Б. Биогеографические словари.

В. Географическая литература.

1. Математическая география. Таблицы расстояний.
2. Описательная география:

а) сочинения, основанные на географических картах, авторских или иных; сочинения, входящие в категорию так называемого "атласа

ислама", т.е. описания определенных географических регионов, изображенных в стандартном, как правило, наборе географических карт; описания мира или объяснительные записки к карте "обитаемого мира";

б) описания мира, не связанные с определенной географической картой;

в) региональная география: описания отдельных стран, провинций, районов, городов и т.п., как основанные на географических картах, так и не связанные с ними. В этот же раздел включаются описания отдельных сооружений, архитектурных и прочих памятников, садов и т.п.

3. Экономическая (статистическая) география: налогово-статистические реестры (так называемые "китабче"). Материал, подлежащий включению в этот раздел, носит, как правило, официальный характер, т.е. состоит из документов, чем и отличается кардинально от всех остальных видов рассматриваемой литературы.

4. Отчеты о путешествиях. В принципе они относятся к описательной географии, но целесообразнее выделить их в самостоятельный раздел ввиду того, что, как правило, в них наиболее ярко выражено субъективное авторское отношение к материалу и они составляют наиболее четко "отграниченный" жанр в географической литературе. Сочинения такого рода можно разделить на три категории, как в силу их характера, так и в чисто практических целях:

а) описания паломничеств к святым местам;

б) описания путешествий по странам Востока;

в) описания путешествий в Европу и по другим странам, не входящим в "зону ислама".

Г. Западная географическая литература в персидских переводах.

В этом разделе должны быть рассмотрены в основном ранние переводы (середина XIX в.), которые оказали определенное влияние на персидские географические сочинения. Полный учет всех переводов не предусматривается.

Схема идеального набора сведений о каждом конкретном сочинении любого из перечисленных выше видов и об его авторе, составляющих так называемое "гнездо", была опубликована в упомянутой статье (см. примеч. 34); она была составлена применительно к историческим сочинениям, но полностью подходит и к космографическим и географическим [35], нуждаясь лишь в мелких уточнениях (так, например, пункт 2е - объем должен быть указан не только общий, но и, безусловно, по разделам).

В каждом из перечисленных разделов описываемые сочинения располагаются в хронологическом порядке, по времени их написания (в случаях, когда сохранились различные авторские или иные редакции данного сочинения - по времени создания первой из них).

Таким образом, комплексное изучение персидской географической и космографической литературы фактически предполагает создание справочника, в котором учтенный по всем доступным источникам и пособиям материал будет распределен в систематическо-хронологическом порядке, описан с максимально доступной полнотой и по твердо определенной схеме и снабжен всеми необходимыми справочными указателями.

Мы, к сожалению, привыкли к тому, что работа по составлению такого рода справочников часто рассматривается как некий "низший" вид научной деятельности. На самом деле это совершенно не так. Для того, чтобы подготовить описанный выше труд, потребуется большая и подлинно исследова-

тельская работа; вопреки привычно "сниженному" пониманию термина "справочник" фактически он и станет подлинной историей персидской географической и космографической литературы во всем ее объеме.

III

Обратимся теперь к некоторым особенностям отдельных видов/жанров интересующей нас литературы, с которыми столкнется любой исследователь ее и которые он должен будет определенным образом истолковать.

Космографические произведения

Большинство из них обычно титулуются "Аджа'иб ал-махлукат ва гара'иб ал-мауджудат" (один из возможных переводов - "Чудеса творений и диковинки сущего"). Как известно, термин "аджа'иб" и его производные уже в Коране обозначают чудеса творений бога, и космологические и географические сочинения, в названия которых обычно входит этот термин, были призваны объяснить читателю устройство вселенной и продемонстрировать мудрость создавшего ее творца. Иными словами, это были проникнутые кораническим мировоззрением энциклопедии, непосредственно связанные со всем комплексом средневековых наук и черпавшие материал из научных или считавшихся научными произведений. По мере развития этого жанра, научная достоверность, в средневековом ее понимании, все более вытеснялась фантастическими элементами. Здесь не место рассматривать историю развития данного жанра, в наших целях достаточно сказать, что одной из причин этого явления был рост потребности в занимательной и развлекательной литературе и авторы подобных сочинений отозвались на этот "социальный заказ", причем некоторые из них и не скрывали этого. Приведем один только пример. Автор написанного в середине XУ1 в. космографического сочинения Маджма' ал-гара'иб", турок по национальности (что отразилось на персидском языке его труда)[36], прямо пишет, что он любил рассказывать всякие занимательные истории своим друзьям и знакомым, среди которых были и "власть имущие", а они-то и попросили его свести эти рассказы в книгу - что он и сделал. Как он создавал свою книгу - вопрос особый, к которому мы обратимся ниже, но подобных свидетельств довольно много.

Внимание исследователей подобных сочинений до сих пор было приковано в основном к извлечению из них научных, исторических, биографических и других данных, что при определенных условиях вполне понятно и оправданно. Однако при таком подходе общее представление о данном сочинении, его общая оценка начисто пропадает, а сочинение оценивается в зависимости от обилия, новизны, важности и достоверности содержащихся в нем сведений. Но ведь эти сочинения были созданы не для будущих востоковедов, а для современных автору читателей, которые воспринимали их отнюдь н е т о л ь к о как источник информации.

Наиболее ярким примером подобного отношения к "восточным сочинениям" может служить одна работа В.В.Бартольда[37]. Одна из рукописей очень распространенного на исламском Востоке народного романа об Абу Муслиме послужила для него источником новых и важных сведений о домонгольском Мерве: тщательно проработав рукопись[38], В.В.Бартольд извлек из нее интересовавшие его данные и при этом установил, что роман в данной его версии был создан до монгольского нашествия; общая характеристика романа ученого не интересовала. В подобных же целях этой же рукописью воспользовался современный историк - О.Г.Большаков[39]. Необходимо подчеркнуть, что подобный подход невозможен для исследователя космографических сочинений.

Необходимо помнить, что почти все эти сочинения в первую очередь – литературные, а если конкретнее, то образцы "научно-фантастической" развлекательной и популярной прозы. У нас очень мало данных о том, как воспринималось современниками то или иное литературное произведение, но кое-какие данные все-таки есть. Так уже в "Фихристе" ан-Надима содержатся скупые характеристики различных категорий читателей, которых особенно привлекали те или иные сочинения и жанры. Увеличение числа таких данных позволит определить "социальное положение" различных произведений – обстоятельство, важное для понимания средневековой книжной культуры стран ислама.

Многие космографии, сами по себе относящиеся к развлекательной литературе, поставили материал для еще более "чистой" беллетристики. Так, известно, что они повлияли на знаменитую "Тысячу и одну ночь". Однако конкретного исследования этого влияния пока нет; если исследователь любой из космографий составит аннотированный репертуар всех содержащихся в ней вставных рассказов (а они есть в каждом произведении такого рода), то он не только расширит характеристику данного сочинения, но и окажет огромное содействие для изучения других важных проблем истории литературы и культуры.

Доказано, что сами космографии многим обязаны фольклору разных народов, а может быть, и письменности. Следовательно, и эта линия изучения не должна быть забыта.

Наконец, очевидно необходимо провести сравнительное изучение восточных космографических сочинений со средневековыми "родственными" европейскими произведениями. В качестве случайного примера можно упомянуть французского монаха и поэта из Лотарингии Готье де Куэнси, автора различных мираклей и космографической "Картины мира" (перс. "Джахан-нама"), в которой наряду с реальными сведениями содержатся рассказы о всяческих чудесах – одноногих циклопах, останавливающихся по субботам реках, островах, где обитают лишь мужчины и самцы животных и т.п. Все это мы встречаем в восточных космографиях. Не исключено, что между восточными и западными произведениями этого типа есть прямая связь, и недаром существует легенда, что сам Иван Грозный интересовался космографией Казвини и якобы добыл рукопись этого сочинения (которую, правда, никто еще не смог обнаружить).

Степень компилятивности

Хорошо известно, что персидские (как, впрочем, и арабские) средневековые исторические, биографические, географические и прочие сочинения в той или иной степени компилятивны, причем мы встречаемся со всеми "степенями" компилятивности: от оговоренных заимствований до сплошного и беззастенчивого плагиата. Совершенно очевидно, что с источниковедческой точки зрения крайне важно установить и степень компилятивности данного сочинения и источники, откуда заимствованы сведения. Но имеется и другая сторона проблемы – отношение средневековых авторов и читателей к заимствованной информации.

Автор уже упомянутой выше "Маджма' ал-гара'иб", тот самый, который по желанию друзей объединил свои устные рассказы в книгу, с некоторой даже гордостью пишет: "Все, что написано в этом трактате, – все взято из уважаемых и почитаемых книг, и если в описании некоторых стран и явлений окажутся ошибки, то их надлежит приписывать не собирателю этих слов (он нигде не именует себя автором! – *Ю.Б.*), а почтенным его источникам, ибо у этого ничтожного нет обязанности сочинять, а этот бедняк всего лишь изложил определенным образом то, что было написано [прежними] знатоками (букв. "мастерами" – "устадан"), и не собирался сам что-

либо открывать или изобретать" (рукопись ЛО ИВ АН СССР, С 453, л. 45б).

Таким образом, мы имеем определенное и четко выраженное отношение к авторскому долгу, причем оно прокламируется как доказательство достоинств данного труда. Сочинение это написано, как уже говорилось, в Средней Азии и в ХУ1 в., и нам могут возразить, что такое отношение – явление позднее, связанное с общим упадком научных интересов и т.п., характерным для позднего мусульманского средневековья. Однако автор старейшей из сохранившихся персидских космографий XII в., которая имеет классическое название "ʿАджāʾӣб ал-маḫлуḳāт ва ġарāʾӣб ал-мауджӯдāт", говорит о своем труде буквально то же самое, хотя и в несколько иных выражениях. Следовательно, мы имеем дело с длительной традицией, которая касается всей средневековой литературы и которую надо как-то объяснить: речь ведь идет о мировосприятии средневекового человека.

Объяснить откровенный плагиат несложно: рукописная книга была редка, а иногда и уникальна, так что уличить плагиатора было крайне трудно, а подчас и невозможно. Но чем объяснить разительное несоответствие с безусловно известной данному автору реальностью и отображением ее в литературном произведении? Очевидно, накопленные прежними поколениями знания, содержащиеся в книгах, авторитет создателей которых был высок, котировались гораздо выше, чем знакомая реальность, даже если она вступала с ними в противоречие. Накопление таких фактов в определенной мере может помочь выяснению вопроса, как возникло и почему столь долго существовало такое отношение. В этом смысле для исследователя несоответствия, касающиеся безусловно знакомых данному автору явлений, гораздо важнее, чем фантастические сведения о неведомых странах и т.п.

Таковы, по нашему мнению, некоторые из аспектов, которые требуют пристального внимания при изучении географической и, в особенности, космографической литературы.

Источники

Совершенно очевидно, что при изучении любого произведения необходимо стремиться к тому, чтобы как можно точнее установить не только все его источники, но и характер их использования автором. К сожалению, это удается сделать не всегда даже при монографическом исследовании определенного сочинения, но не об этом очевидном для каждого востоковеда обстоятельстве здесь речь.

При изучении культуры данного региона в данное время весьма важно знать, каков был круг доступной там – пусть не каждому – литературы. Сведения, которыми мы в этой области располагаем, очень незначительны и на их основе никаких выводов не сделаешь. Невольно возникает соблазнительная мысль: известен автор, известны время и место его жизни, известно его сочинение, время и место его написания; в сочинении сам автор упомянул многие из своих источников, другие удалось установить исследователю. Казалось бы, мы можем смело сказать, что в данном месте, в данное время существовали и были доступны такие-то книги; возможно, что удастся даже определить, сколь они были популярны. К сожалению, на самом деле все далеко не так просто.

Нам удалось установить 58 названий различных сочинений, которые, по его собственным словам, использовал автор уже не раз упоминавшегося "Маджмаʿ ал-ġарāӣб". Автор жил и написал это сочинение в Балхе, и первая его редакция была создана около 1569–1570 гг. Однако было бы ошибкой заключать, что любое из названных 58 сочинений имелось в эти годы в Балхе. При анализе сочинения выясняется, что автор вовсе не использовал все названные им источники. Избрав определенное старое сочинение в

качестве основной модели для своей компиляции, он перечислил источники этого сочинения в качестве своих источников: короче говоря, все источники, перечисленные в использованных нашим автором книгах, фигурируют как источники его собственной работы.

Вряд ли автор сознательно хотел ввести кого-либо в заблуждение - такова была обычная "техника" компиляторов. Можно привести множество подтверждающих это примеров. Вывод из этого один: чем более тщательно будут выяснены р е а л ь н ы е источники каждого исследуемого сочинения, тем больше основательных данных мы получим не только для характеристики данного сочинения, но и для установления репертуара книг, имевшихся в конкретных местах в определенное время. Из таких только "кирпичиков" и можно возвести "здание" ответов на важные вопросы истории культуры вообще, и книжного дела в частности.

Стиль и язык

Существует мнение, подкрепленное подчас высокими авторитетами[40], что средневековые персидские космографии и географические сочинения были написаны витиеватой прециозной прозой, перегруженной редкими и малодоступными для понимания словами и терминами, а упрощение языка началось лишь во второй половине XIX в., особенно во времена правления Нāсир ад-Дӣн-шāха Қāджāра (1848-1896). По всей видимости, такое мнение возникло лишь по аналогии: поскольку персидские исторические, биографические и другие средневековые сочинения часто действительно написаны такой прозой, то и географические не должны, дескать, в этом отличаться. На самом деле ничего подобного нет; более того, географические разделы, содержащиеся в исторических и других сочинениях, язык которых сложен и витиеват, как правило, написаны очень простым и ясным языком. Если говорить о географических сочинениях XIX в., то необходимо отметить, что подавляющую их часть составляют описания путешествий, а этот жанр, в основе которого, как правило, лежат путевые записки, по самой своей природе требует простой и ясной прозы.

Кроме того, безусловно имеется большое различие между статутом историка и автором географического сочинения. Первый, как правило, придворный литератор, часто и поэт, для которого написание исторического труда равнялось созданию высокого литературного произведения, отвечающего всем требованиям данной литературной моды. Немаловажной задачей такого автора было стремление перещеголять литературных соперников, которых всегда было много при дворах восточных правителей. Космографические и географические сочинения, как правило, создавались для более широкого круга читателей, далеко не все их авторы были придворными (хотя были и такие), да и вообще, по всей видимости, подобные требования к ним не предъявлялись. Что касается отчетов о путешествиях, то большинство их составителей вообще не были литераторами и при всем желании не могли создать литературные шедевры; мы сознательно не употребляем кавычек, столь часто используемых в данном случае некоторыми востоковедами. Дело в том, что исторические, скажем, произведения, написанные высоким стилем, рассматривались современниками именно как литературные шедевры, и известный персидский историк XIV в. Вассāф Шӣрāзӣ[41], как и его поклонники, был бы крайне поражен, мягко говоря, нелестными эпитетами, которыми в изобилии награждали его труд востоковеды.

Описания путешествий действительно оказали непосредственное влияние на развитие современной персидской прозы, и один из первых персидских романов даже называется "Дневник путешествия Ибрахим-бека"[42] (1888). Однако не вполне верно утверждать, что именно описания путешествий Нāсир ад-Дӣн Шāха сыграли решающую роль в этом влиянии. Дело в том,

что в принципе совершенно схожие дневники путешествий составлялись еще в первой четверти XIX в. Значительная часть из них была предназначена для "внутреннего пользования" власть имущих – от шаха и его министров до провинциальных губернаторов. Однако несмотря на это, многие из отчетов о путешествиях содержат объективные описания разрухи, незаконных поборов и всяческого мздоимства и т.п. Как источник по истории и истории культуры Ирана XIX в. они незаменимы. Их литературное влияние объясняется не только простотой стиля и языка, но и тем, что сама архитектоника отчета о путешествии легко приспособима для романа: известно, какую большую роль сыграли описания путешествий и в истории развития европейского и русского романа. Кроме того, во многих путешествиях имеются описания реальных происшествий, которые являются как бы вставными новеллами, очень живо написанными, с применением народного языка и идиоматических разговорных оборотов, чего мы не встречаем почти никогда в "высокой" литературе.

Таким образом, эти произведения являются не только важными источниками по истории и истории культуры каджарского Ирана; они важны и как один из истоков современной персидской художественной прозы.

Очень часто в названиях таких путешествий фигурируют имена различных вельмож и иных высокопоставленных лиц, возглавлявших описанное посольство либо инспекторскую поездку по стране и т.п., что приводит к распространенному заблуждению, будто эти отчеты были составлены ими лично. В большинстве случаев отчеты писали состоявшие в свите таких лиц секретари или писцы, о чем не следует забывать.

"Географические" словари

Мы сознательно взяли это определение в кавычки: дело в том, что подлинно географических словарей среди дошедших до нас сочинений почти нет и ряд сочинений, которые в востоковедении принято так именовать, на самом деле не являются географическими словарями. Как правило, это биографические словари, с обширными (или не обширными) историческими экскурсами; биографии занимают львиную долю объема таких сочинений, на втором месте по объему идут исторические отступления, и собственно географический материал составляет лишь от 10 до 20% текста.

Ошибки в определении жанра таких произведений вызваны, очевидно, тем, что их названия имеют географический характер, а материал в них распределен по географическому принципу: по городам или провинциям, или даже странам. Это обстоятельство и слабая изученность подобных произведений иногда приводят к заблуждениям парадоксального характера. Так, например, сочинения автора XIX в. Зайн ал-ʿĀбидина Ширвани все изданы, дали материал для многочисленных статей и даже кандидатских (если не докторских) диссертаций и одной научно-популярной книги. Несмотря на все это, их упорно именуют "описанием путешествий" автора, хотя на самом деле они таковыми отнюдь не являются, а представляют собой типичные биословари, в которых материал распределен по указанной выше системе. Единственное их отличие от других произведений подобного рода состоит в том, что автор действительно лично посетил большую часть тех географических пунктов и стран, названия которых он ввел в качестве заглавий словарных "гнезд"[43]. Подобные словари могут быть важными источниками и в географической области, но это обстоятельство не имеет никакого отношения к определению жанра сочинения.

* * *

Мы коснулись здесь только тех особенностей персидской космографической и географической литературы, которые нам представлялись наиболее важными, на которые следует обращать особое внимание при изучении сочинений, составляющих эту литературу.

Из сказанного ясно, что предстоит очень большая и трудоемкая, но вместе с тем очень интересная и плодотворная работа, которая приведет не только к пониманию данной литературы, но и поможет осветить отдельные аспекты истории культуры Ирана вообще, а Ирана X1X века в особенности.

Примечания

1 И.Ю. Крачковский. Арабская географическая литература.–Избранные сочинения, т.1У, 1957, М.–Л., с.514 (далее – Кр. 1У).

2 В определенной мере это присуще и И.Ю.Крачковскому, хотя он и отмечает, что "после монголов персидская линия развития начинает сильнее обособляться, и ХУ веком, собственно, заканчивается серия тех произведений, которые ... имеют общее (с арабской литературой. – *Ю.Б.*)... значение" (Кр. 1У, с.514).

3 Об упомянутых здесь авторах см. Кр. 1У (по "Указателю имен").

4 Ӣ. Афшāр. Фихристнāма–и китāбшинāсӣхā–и Ӣрāн, Тегеран, Дāнишгāх–и Тихрāн, 1342 х.с. /1963, 3, 217 с. (Ӣрāншинāсӣ. Нашрӣйа–и Марказ–и таҳқӣқ ва муṭāлиʿа–и тамаддун ва фарханг–и Ӣрāн ва Х̮āвар–и мийāна. № 1). Анализ работы и дополнения к ней: О.Ф. Акимушкин, Ю.Е. Борщевский. Материалы для библиографии работ о персидских рукописях. – "Народы Азии и Африки". 1963, № 3, с. 165–174; № 6, с.228–229. Персидский перевод этой статьи опубликован в "Нашрӣйа–и Китāбх̮āна–и маркази–и Дāнишгāх–и Тихрāн дар бāра–и нусх̮ахā–и х̮аṭṭӣ". Т.III. Тегеран, 1342 х.с. /1963, с.277–295 (перевод первой половины статьи из НАА, № 3).

5 Ch. A. Storey. Persian Literature. A Bio-bibliographical Survey. L., vol. I, 1927-1953; vol. II, pt I, 1958 (далее– Storey). Русский переработанный и дополненный перевод первых 432 стр.: Ч.А.Стори. Персидская литература. Био-библиографический обзор. Т.1 ч.I. Кораническая литература. Всеобщая история. История пророков. Ранний ислам. М., 1972, 693 с; ч.II. История Ирана, Курдистана, Средней Азии, Афганистана, Турции, Кавказа, Арабских стран, Европы и Америки, Китая и Японии. М.,1972, с.697–1314; ч.III, Указатели. Addenda. М., 1972, с.1321–1884 (далее – Ч.А.Стори).

6 См. Storey, I, с.1066–1071 ("послы"); с.1138–1162, 1354–1355 ("путешественники" и т.д.). Для изучения географической литературы очень важны и другие разделы труда Стори, посвященные описаниям исторических и биографических сочинений: многие из них содержат специальные географические разделы и т.п. Подробнее об этом см.ниже, примеч. 8.

7 C. A. Storey. Persian Literature. A Bio-bibliographical Survey. Vol. II. Pt I. A. Mathematics. B. Weights and Measures. C. Astronomy and astrology. D. Geography. L., 1958.

8 В качестве примера можно привести известное сочинение Садӣд ад-Дӣна Муҳаммада ʿАуфӣ "Джавāмиʿ ал-ҳикāйат ва лавāмиʿ ар-ривāйāт" ("Собрание повествований и лучи преданий", составлен ок. 1223 г.)– сборник рассказов, легенд и преданий энциклопедического характера, в части 1У которого имеются главы следующего содержания (приводим их заголовки): X1У – о монстрах среди людей и ненормальных случаях рождения; ХУ – о долгоживущих животных; ХУ1 – о климатах и путях в холодных и жарких областях; ХУП – о византийцах, арабах, индийцах, абиссинцах и жителях островов; ХУШ – о памятниках и замечательных постройках; X1X – о странных талисманах; XX – о любопытных свойствах и качествах естественных объектов; XX1 – об особенностях различных животных и действиях, отсюда происходящих; XXП – о диких и хищных животных; XXШ – о странных и необычных животных; XX1У – о странных птицах и их особенностях. Все эти главы с полным правом могли бы войти в любое космографическое сочинение; вполне возможно, что материал для них был почерпнут ʿАуфӣ из каких-то арабских или персидских космографий.

Приведем несколько примеров подобного же рода из числа сочинений, описанных Ч.Стори. "Муджмал ат-тавāрӣх̮ ва-л-ḳиṣаṣ", 1126 г., второе по старшинству (из

дошедших до нас) оригинальное сочинение по всеобщей истории, содержит географический материал, см.: Ю. Б о р щ е в с к и й. Географические разделы персидской всеобщей истории Муджмал ат-таварих ва-л-кисас (520/1126 г.). – "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. УП1 годичная научная сессия ЛО ИВ АН" (далее – ППППИКНВ). ЛМ, 1971, с. 8–11. Известная "Джами' ат-таварих" (начало Х1У в.) Рашид ад-Дина Фадлаллаха содержала не дошедшую до нас часть "Сувар ал-акалим", т.е. географическое описание мира, основанное на географической карте, составленной по системе самого автора; оно было использовано несколькими последующими персидскими географами. Описанию мира посвящено заключение "Раудат ас-сафа' фи сират ал-анбийа' ва-л-мулук ва-л-хулафа'" (ХУ в.) Мир Х^ванда; подобное же заключение имеется и в сочинении его внука Х^ванд-Амира "Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад ал-башар" (ХУ1 в.). Всеобщая история Мухаммад-Садика Исфахани "Субх-и Садик" (1638–1639) содержит специальный географический раздел. Описание "обитаемого мира" с картой имеется в анонимном сочинении середины ХУП в. "Тарих-и анбийа' ва аусийа ва мулук-и Иран"; рассказ о "семи климатах" есть в написанном в Индии (1766–1767) сочинении "Тухфат ал-кирам", космографические разделы в там же составленном (1777–1785) "Джам-и джихан-нума", в индийском же "Хадикат ал-акалим" (1778–1782), в "Рийад ал-джанна" (1801–1802), посвященном Фатх-'Али-шаху, в индийском "Мир'ат-и афтаб-нума" (1801–1803), во всеобщей истории "Хулясат ат-таварих" (ок. 1860 г.). Предисловие к "Тазкират ас-салатин" (1896–1897) 'Абд ал-Гафура Йазди посвящено описанию мира, причем самый большой его раздел содержит описание географии и истории родины автора – Йезда и его окрестностей, т.е. это образчик локальной географии. Как видно по датам написания перечисленных сочинений (подробнее см. о них у Стори), традиция эта продолжалась до начала ХХв. Еще больше географического материала содержится в историях отдельных династий, различных исторически сложившихся провинций Ирана, Средней Азии, Афганистана и других стран, причем такой материал, как правило, более содержателен и важен, чем космо– и географические разделы всеобщих историй.

Последнее целиком относится и к сочинениям биографическим и астрономическим. Мы привели здесь довольно обширный перечень не географических работ для того, чтобы продемонстрировать, какой большой труд ожидает исследователя, поставившего целью учесть всю известную (даже на данный год, а ведь каждый год приносит новые сведения) географическую литературу на персидском языке.

9 Перечень некрологов Ч.А.Стори и рецензий на его труд см. С т о р и, I, с.10, примеч. 8 и с.25, примеч. 40.

10 Представление об объеме необходимых дополнений дает русский перевод работы Стори: 432 страницы оригинала превратились в 1500 страниц, т.е. возросли более чем в три раза. Конечно, общий объем дополнений к более ограниченным географическим разделам будет меньше, но пропорциональное соотношение вряд ли изменится.

11 А. М у н з а в и. Фихрист-и нусхаха-и хаттй-и фарси. Т. I–У1. Тегеран, 1348–1354 х.с. /1960–1975. Два раздела т.У I посвящены географической литературе.

12 D.N. Marshall. Mughals in India. A bibliographical survey. Vol. I. Manuscripts. L., 1967.

13 М у х а м м а д – М у х с и н Ш а й х А г а Б у з у р г Т и х р а н и. Аз-Зари'а ила тасанйф аш-ши'а (на арабском языке), Неджеф, т. I–Ш, 1936–1938; Тегеран, т.1У–ХХУ, 1941–1979. Общее число страниц – 11240.

14 Насколько нам известно, единственным систематическим аннотированным каталогом до настоящего времени остается "Каталог литографированных книг на персидском языке в собрании ЛО ИВ АН СССР" (ч. I–II, М., 1975), составленный О.П.Щегловой, готовящей подобное описание собраний ЛГУ и ГПБ. Данные о других списках литографированных изданий см. там же, ч.I, с.24–26. Хорошие аннотации к подобным изданиям имеются в торговых каталогах западных фирм (конец Х1Х – начало ХХ в.); довольно большое собрание их есть в Библиотеке ЛО ИВ АН.

15 См.: J.D. Pearson. Oriental and Asian bibliography. An introduction with some reference to Africa. P.–L., 1966; он же. Oriental manuscripts in Europe and North America. A survey. Bib-

liotheca asiatica. Inter Documentation Company AG ZUG Switzerland, 1971; он же. Index Islamicus, 1906-1955. A catalogue of articles on Islamic subjects in periodicals and other collective publications. Cambridge, 1958; First Supplement. 1956-1960, 1962; Second Supplement. 1961-1965, 1967; Third Supplement. 1966-1970. 1972; Fourth Supplement, pts 1-5. 1971-1975. 1977...; J. T. Zenker. Bibliotheca Orientalis. Manuel de bibliographie orientale. Vol. 1-2. Lpz., 1846-1861; M. Schwab. Fihrist-i kutub-i farsi. Bibliographie de la Perse. P., 1876; A.T. Wilson. A bibliography of Persia. Ox., 1930; L.P. Elwell-Sutton. A guide to Iranian area study. Ann Arbor, 1952; Muḥsin Ṣabā. Kitābhā-i fransa dar bāra-i Irān. Tehrān, 1345 h.sh./1966; Hafez F. Farmayan. Iran. A selected and annotated bibliography. N.Y., 1968; и др.

16 Ḫānbābā Mušār. Фихрист-и китабха-и чапи-и фарси. Т.1-2, Тегеран, 1337-1342 х.с./1958-1963; изд. 2 (дополненное), т.1-5, Тегеран, 1350-1354 х.с./1971-1977; Фихрист-и китабха-и чапи-и фарси аз агаз та ахир-и сал-и 1345 [1808-1967]. Бар асас-и Фихрист-и Ханбаба Мушар ва фахарис-и Анджуман-и китаб. Т.1-3, Тегеран, 1352 х.с. /1973. Краткую характеристику см.: О.П. Щеглова. Иранская литографированная книга. М., 1979, с.13-15 (далее - Щеглова. Литографии).

17 Ḫānbābā Mušār. Mu'allifīn-i kutub-i chapi-i farsi va 'arabi az agaz-i chap ta kunun. Т.1-6. Тегеран, 1340-1344 х.с. /1961-1965.

18 Muḥammad Ṣadr Hāšimī. Tārīḫ-i jarā'id va maǧallāt-i Irān. Т.1-4. Isfahān, 1327-1332 х.с. /1948-1953.

19 М.-Ḫ. Ганджи, Дж.-С. Наждад. Фихрист-и маḳалат-и джуграфийайи. Т.1 - . . . Тегеран, 1342 х.с./1963 - . . .

20 Перечень выпусков Китабшинаси-и милли, Китабшинаси-и Иран и Китабха-и Иран, подавляющее большинство которых составлено И.Афшаром или при его участии, см.: Фихрист-и китабха-и чапи-и фарси . . . Т.2. Тегеран, 1352 х.с. /1973, стлб. 2612-13, 2619-20.

21 И. Афшар. Фихрист-и маḳалат-и фарси. Т.1-2 - . . . , 1340-1348 х.с. /1961-1969 - . . . ; полезны также: Ḫусайн Банидам. Китабшинаси-и мауду'и Иран. Салха-и 1343-1348. Тегеран, 1352 х.с. /1974 . . . , и Гулам-Ḫусайн Садри Афшар. Тарих дар Иран. Шарх-и ахвал ва му'аррифи-и асар-и му'арриḫан ва джуграфиданан-и Иран. Тегеран, 1345 х.с. /1966.

22 "Рахнама-и китаб". Журнал начал выходить весной 1337 х.с./1958 и продолжался до 1979 г.; вышел 21 том; с 1979 г. выходит под названием - "Айанда" ("Будущее"), сохраняя прежнюю структуру и формат; вып.1 обозначен как т.5. Формально считается, что этот журнал является продолжением одноименного журнала, который до второй мировой войны выпускал отец Ираджа - Махмуд Афшар (вышло 4 тома) (далее - РК).

23 М. Бамдад. Тарих-и риджал-и Иран. Курун-и XII ва XIII ва XIУ. Т.1-4. Тегеран. 1347 х.с. /1968; т.5, Тегеран, 1350 х.с. /1971; т.6, Тегеран, 1354 х.с. /1976; т.5-6 содержат биографии лиц, не вошедшие в первые 4 тома; т.6 опубликован посмертно; все тома иллюстрированы редкими фотографиями, воспроизведениями портретных миниатюр и т.п. Рецензии см. РК, XII/9-10, 1348 х.с. /1969, с.538-543, там же, XIII/ 11-12, 1349 х.с. /1971, с.771-778; там же, XУ /3-4, 1351 х.с. /1972, с.366-367; некролог - там же, XУII /7-9, 1353 х.с. /1974, с.656-657.

24 Сайид 'Абдаллах Анвар. Фихрист-и нусаḫ-и ḫаттӣ-и Китабḫана-и милли. Т.1-6. Тегеран, 1343-1354 х.с. /1965-1976. В настоящее время завершен каталог арабских рукописей этой библиотеки.

25 Нашрийа-и Китабḫана-и маркази-и Данишгах-и Тихран дар бара-и нусḫаха-и ḫаттӣ. Тегеран, дафтар 1, 1340 х.с. /1961; джилд 2, 1341 х.с. /1962; джилд 3, 1342 х.с. /1963; дафтар 4, 1344 х.с. /1965; дафтар 5, 1346 х.с./1968; дафтар 6, 1348 х.с. /1969; дафтар 7, 1353/1974; дафтар 8, 1358 х.с. /1979 . . . (далее - НХ).

26 D.N. Wilber. Recent Persian contributions to the historical geography of Iran. – Archaeologica orientalia in memorial Ernst Herzfeld. N.Y., 1952, c. 267-278.

27 V. Minorsky. Les etudes historiques et geographiques sur la Perse depuis 1900. – "Acta orientalia". X. 1932, c. 278-293; (II). – Там же, XVI, 1937, c. 49-58: (III)...depuis 1935. – Там же, XXI, 1951, c. 108-123; (IV)... depuis 1951. – Там же, XXII, 1957, c. 105-117.

28 V. Minorsky. Geographes et voyageurs Musulmans. – "Bulletin de la Societe Royale de geographie d'Egipte". Le Caire, Nov. 1951, c. 19-46.

29 H. Farman Farmayan. The forces of modernization in nineteenth century Iran: a historical survey. – "Beginnings of modernization in the Middle East. The nineteenth century". Ed. by W.R. Polk and R.L. Chambers. Chicago – London, 1968 (Publications of the Center for the Middle Eastern studies. N 1), c. 119-151.

30 А. И к б ā л. Чанд сафар-нāма аз суфарā-и Ирāн. Нашрийа-и Визāрат-и умур-и хāриджа. Т. 1/3, 1327-1328 х.с. /1948-1949, с.26-37 (о "Масир-и Тāлибй", " Хайрат-нāма-и суфарā", "Сафар-нāма-и Мирзā Сāлих", "Сафар-нāма-и Хусрав-мирзā", "Сафар-нāма-и Хусайн-хāн Аджудāн-баши", "Рисāла-и сарханддйа", "Сафар-нāма-и Фаррух-хāн", "Сафар-нāма-и Мирзā Мухаммад-Алй-хāн" и "Сафар-нāма-и вазир-и низāм"). См. также раздел "Джуграфийā" в "Каталоге персидских статей" Й.Афшāра, работу Г.-Х.Садрй Афшāра (примеч. 21) и другие перечисленные выше библиографии.

31 Кр., 1У, с.545.

32 Там же, с.397-398, 515: "Мухаммад ибн Йахйā, персидский географ (1-я половина Х1У в.)", как сказано в Указателе имен, с.847, никогда не существовал; см.: Ю.Е. Б о р щ е в с к и й. Мусульманский "географ Мухаммад ибн Йахйā" из Индии, "География" Хāфиз-и Абру, "Джахāн-нāма" и Мухаммад ибн Бахр ар-Рухнй.- ППИИКНВ, 1970, с.52-66: искажение последнего имени переписчиком породило указанного "географа".

С.536-538: Зайн ал-'Абидин Ширвāнй оставил три сочинения, причем два последних - "Хада'ик ас-сийāха" (1827) и "Бустāн ас-сийāха" (1832) - целиком базируются на его первом труде "Рийāд ас-сийāха" (1821), хотя и отличаются от него по структуре и объему, а заглавия всех трех означают "Сады /сад путешествий", где для слова "сад" применены различные синонимы. "Впервые познакомил науку еще Ханыков" (с.536) именно с "Рийāд ас-сийāхат", и упрек в его адрес о путанице названий не обоснован. Характеристика Н.В.Ханыкова относится к нему и не может быть применена к "Бустāн ас-сийāха", как это сделал И.Ю.Крачковский. Значение оригинальных сведений о "неведомых землях", якобы содержащихся в "Бустāне", сильно преувеличено. Так, Кухистану посвящено всего две строки ("Бустāн ас-сийāха", Тегеран, 1313 х.л. /1898, с.471), Забулистану - 15 строк (там же, с.301), внутренней Аравии - полстраницы (там же, с.621), Судану - 2,5 строки (там же, с.312) и т.п.

С.538: замечание о том, что в Х1Х в. персидские географы "отказались от реторической, прециозной прозы предшествующих веков", приводит к ложному представлению, будто такая проза была присуща ранним географическим и космографическим персидским сочинениям. На самом деле достаточно заглянуть в такие сочинения, как персидский перевод "Ал-Масāлик ва-л-Мамāлик", "Худуд ал-'Алам", "Джахāн-нāма" Наджиба б.Бакрāна, "'Аджā'иб ал-махлукāт . . . ", "первую космографию на персидском языке" (там же, с.323), "Географию" Хāфиз-и Абру и многие другие, чтобы убедиться, что они написаны простым и ясным языком без всяких элементов прециозности. Произведения Х1Х в. просто сохранили эту давнюю традицию.

С.542-543: как документально доказано, "Мир'āт ал-булдāн-и Нāсирй" не единоличный труд Мухаммад-Хасан-хāна И'тимāд ас-Салтана. В значительной мере он основан на историко-географических описаниях отдельных областей и городов Ирана, которые из столицы заказывали губернаторам различных провинций, по поручению последних составлялись на месте сведущими людьми и пересылались И'тимāд ас-Салтана, который включал их в указанный труд часто без всяких изменений. К томам 3 и 4 этого сочинения приложен не указатель, как полагал Е.Э.Бертельс (И.Ю.Крачковский его исправил), и не календарь, как считал сам И.Ю.Крачковский (с.542, сн.7), а "Ежегодник" ("Сāл-нāма"), содержащий сведения о правящем монархе, принцах крови, министерствах страны и их чинах, о всех полках и командирах иранской армии, о европейцах, состоящих на иранской службе, и т.п., вплоть до перечня имен придворных музыкантов. В конце ежегодника приведены случайные сведения из европейских газет (ежедневно читать и переводить которые шаху входило в обязанности И'тимāд ас-Салтана) о различных событиях и происшествиях в Европе и Америке. Такие ежегодники прилагались ко многим иранским литографированным изданиям и не имели никакого отношения к тексту основного произведения. Таким образом, ссылка на арабского автора, который "дал аналогичное приложение

к словарю Йāқ̣ута" (с.543) – недоразумение (список таких ежегодников см.: Щеглова. Литографии, с.212–213).

С.544: "Гандж-и дāниш" не "нечто вроде энциклопедии персидских географических имен", а алфавитный географический словарь. Пересказанное здесь определение Э.Брауна неверно, а в списке "источников" числятся Геродот, Страбон, Плутарх, якобы использованные автором, что похоже на мистификацию.

С. 544: "Фāрс-нāма-и Нāсирī" действительно вышла "лет через десять после описания Хорасана Мухаммеда Ḥасана", точнее, в 1312–1313 х.л./1895–1896 гг., но ее географическая часть была завершена в мае 1887 г., т.е. через год после выхода книги И'тимāд ас-Салтана. Ее автор, Ḥāджжī Мирзā Ḥасан Фаса'ī, в 1857–1858 гг. по собственной инициативе объездил все булуки Фарса и составил их карты. В 1876 г. по приказу губернатора Фарса он сделал сводную карту всей провинции, которая вместе со списком географических названий была послана Нāсир ад-Дīн-шāху. Последний, как сообщает автор, в 1878–1879 гг. "новелел написать книгу о Фарсе в соответствии с картой", на что ушло около восьми лет, но работа над исторической частью книги продолжалась вплоть до ее публикации. Иллюстрации к книге изготовлены по фотографиям русского фотографа Антона Севрюгина, который долго жил и скончался в Тегеране (некоторые его работы удалось приобрести Ю.Н.Марру во время его пребывания в Иране в 1925–1926 гг., и ныне они хранятся в ЛО ИЭ АН СССР). См. еще: Стори, с.1035, примеч. 15.

[33] Йāдгāр. Маджалла-и māхīйāна-и адабī ва ʿилмī ва тāрīхī. Т.1–5. Тегеран, 1322–1328 х.с./1944–1948; в 70-х годах весь комплект издан в Иране офсетным способом, без указания года издания. Многие статьи ответственного редактора ʿА. Икбāла помещены в журнале без подписи, но автор расшифрован в упомянутой выше (примеч. 21) библиографии Й. Афшāра.

[34] О создании биобиблиографического свода истории персидско-таджикской литературы см.: НАА, 1970, № 3, с.104–119. Расширенный английский перевод: The Preparation of a Bio-bibliographical Survey of Persian Literature. – «International Journal of Middle East Studies», 3, 1972, с. 169-186.

[35] НАА, 1970, № 3, с.117–118.

[36] См. Storey, II, с.138–139, № 205.

[37] В.В. Бартольд. К истории Мерва – Собр. соч., т.1У, М.,1966, с.172–195.

[38] Рукопись (шифр С 128) из собрания ЛО ИВ АН СССР испещрена карандашными пометками В.В.Бартольда. В упомянутой статье он даже высказал сожаление о том, что "При издании текста К а н д и и ... я не воспользовался романом Тартуси, вследствие чего сведения К а н д и и об Абу Муслиме, заимствованные из этого романа, остались для меня непонятными" (там же, с.190, примеч. 112).

[39] А.М. Беленицкий, И.Б. Бентович, О.Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973 (см. "Абу Муслим" в Указателе имен).

[40] Кр., 1У, с.538; подробнее см.выше, примеч. 32.

[41] См. о нем: С т о р и, с.769–775, № 655.

[42] Ḥ ā д ж ж З а й н ал-ʿĀ б и д ī н М а р ā г а ī (ум. 1290 х.л. /1873–74). Сийāхат-нāма-и Ибрāхīм Бīк, йā балā-и таʿассуб-и ӯ ("Дневник путешествия Ибрахим-бека, или его злоключения по причине фанатичной любви к родине"). Пер. Г.П.Михалевич. М.–Л., 1963. Роман пользовался огромной популярностью, выдержал 11 изданий, причем 10 из них были опубликованы в таких центрах иранской политической эмиграции тех лет, как Каир, Стамбул, Калькутта и Бомбей. О романе см. также: Дж.Дорри. Персидская сатирическая проза.М., 1977, с.58.

[43] Жизни и сочинениям Зайн ал-ʿĀбидīна Ширвāнī нами посвящена специальная статья (в рукописи).

Р. А. Гусейнов

ИЗ "ХРОНИКИ" МИХАИЛА СИРИЙЦА

(Статья четвертая*)

Настоящая публикация содержит перевод (с некоторыми купюрами) событий светской истории, изложенных в книгах XIX и XX "Хроники" сирийского историографа XII в. Михаила Сирийца (1126–1199)**. Книга XIX дефектна, сохранились главы с 6 по 11, в которых основное место занимают сообщения о событиях, имевших место в Передней Азии в конце 60-х – начале 70-х годов XII в., а в книге XX говорится о событиях 70-х годов того же столетия.

Перевод

Книга девятнадцатая. [Глава шестая]. В 1170 году эмир Мелитены[1], 695
лишенный здравого смысла юноша, стал вести себя неподобающим образом. Он привязался к некой гулящей, которая побуждала его преследовать горожан и тюркских воинов. Когда же знатные возроптали и отказались далее поддерживать его, он еще более усугубил свое распутство. Чтобы проучить их, он забрал все, что было в сокровищнице отца его, прихватил с собой эту гулящую и своих присных и покинул город.

Военачальники, воины и горожане, видевшие все, что [вытворял] безрассудный Мухаммад, возвели на престол его младшего брата – эмира Фахр ад-Дина ал-Касима[2]. Когда этот утвердился, город успокоился; а [Мухаммад] скитался, но его вспоминали и после его смерти.

В том же году король Иерусалимский[3], узнав, что правитель Киликии Млех[4] повсюду причиняет зло христианам, выступил против него. Последний вновь обратился к тюркам и призвал их на помощь. Произошло сражение, и господь, по доброте своей, способствовал победе короля. Тюрки бежали, а Млех укрылся в крепости. В то время как король осаждал крепость // и 696
предпринимал штурмы, доведенный до отчаяния Млех раскаялся, просил пощады и обещал остаться покорным королю.

Глава [седьмая]. О времени, когда скончались правитель Мосула[5] и халиф Багдада; когда Нур ад-Дин[6] пошел на Мосул. В августе 1169 года правитель Мосула и всей Ассирии атабек Кутб ад-Дин скончался. Тогда его брат Нур ад-Дин, что находился в Халебе, собрал воинов и поспешно прибыл. Он беспрепятственно завладел Нисибином, и арабские законоведы[7] обрадовались, ибо он оказал им великий почет. // Он усердно следовал правилам – 697
не пил вина и не пропускал времени молитвы. Мусульмане называли его пророком. Он был жесток к христианам, но мусульманам[8] делал добро.

---

* Продолжение публикации. Статьи первую, вторую и третью см. в выпусках настоящего Ежегодника, 1973, 1974, 1975.

** Книга XVIII дошла во фрагментах, поэтому ее перевод опущен.

Он приказал разрушать всякое новое строение, которое встречалось в церквах и монастырях. Была снесена большая общая стена, что возвели в большой церкви мар Иакова Нисибийского, принадлежавшей несторианам со времен еретика Бар Саумы[9], забрали имущество, что имелось там, и множество книг. То же самое было проделано во многих местах.

Он определил на должность блюстителя законов одного из своих приближенных, факиха Ибн Асруна, и приказал ему уничтожать любое новое сооружение, которое было возведено в церквах при его отце и брате. Этот презренный тотчас отправился. Везде, где ему преподносили подарки, он подтверждал, что строение старое; но там, где ему не застилали глаза [подношениями], он уничтожал и разрушал, пока не сообщили Нур ад-Дину, и тот заменил его.

[Нур ад-Дин] отправился из Нисибина и беспрепятственно завладел Шигаром. Затем, в декабре 1170 года, он осадил Мосул.

698 В том же году скончался халиф //ал-Мустанджид, которому наследовал его сын ал-Мустади[10]. Когда он воссел в Багдаде, то незамедлительно ограбил христиан от Нур ад-Дина по причине, которая выявилась впоследствии.

696 [Различные события]. Атабек Кутб ад-Дин скончался, и начал править его сын Сайф ад-Дин[11]. В том же или в следующем году правитель Халеба Нур ад-Дин напал на область [Ниневии, где находился монастырь мар
697 Матфея, около Мосула]. //Многочисленные курды, находившиеся неподалеку от монастыря, знали, что Нур ад-Дин притесняет христиан, и сочли это благоприятным знаком для [выступления].

Они собрались, намереваясь ограбить монастырь, и пытались ночью захватить его. Но монахи бодрствовали и несколько раз сбрасывали [штурмовые] лестницы, а также убили часть курдов. Тогда эти собрались днем и напали, не таясь. Узнав об этом, жители сел области Ниневии собрались, пришли на подмогу монахам и одолели курдов. Последние пошли на хитрость: притворно примирились с монахами и подарили им "в знак дружбы" тридцать динаров. Монахи поверили курдам и отпустили окрестных жителей по домам.

Тогда курды собрались и неожиданно подступили. Они расшатали один из огромных камней на вершине горы и пустили его. Он ударил в стену в том месте, где входила вода, и пробил ее. Монахи принесли известь и камни, чтобы заложить пролом. Курды же подошли и пускали стрелы до тех пор, пока не обессилили их. Затем они пустили в ход сабли и, издав клич, ринулись на монахов. Часть их погибла, а другие бежали в верхнюю цитадель монастыря, где и спаслись. Монах Матфей и отшельник Денха были убиты. Курдов было полторы тысячи. Когда они уходили из монастыря, то нагрузили своих коней и себя [добычей]. В монастыре оказалось столь много добра потому, что жители области хранили здесь свое имущество.

Когда курды ушли, монахи взяли книги и то, что находилось в цита-
698 дели, и отправились в Мосул. Обитель опустела, // и служба в ней прекратилась. Жители области наняли воинов для охраны монастыря, чтобы недруги не разрушили строения, и платили им ежемесячно тридцать динаров[12].

Когда правитель Мосула узнал о том, что совершили курды в монастыре, то отправил воинов, которые убили многих из них. Тогда курды разграбили девять несторианских сел, убили жителей, забрали скот и имущество, а жилища сожгли.

698 **Глава [восьмая]. О времени, когда Нур ад-Дин нападал на Мосул; о других событиях.** Нур ад-Дин обложил Мосул, в котором находились пять сыновей его брата[13] со своим управителем евнухом Фахр ад-Дином Абд ал-Масихом, уроженцем области Антиохии. Ввиду того что он благоволил к христианам, мусульмане не любили его. Нур ад-Дин говорил, что его действия против Мосула – как раз из-за этого мужа.

Последний же управлял городом весьма разумно. Увидев, что невозможно сопротивляться Нур ад-Дину, ибо все на его стороне, он отправил к нему посред-

ников для заключения соглашения. Следом он отправился сам и получил клятву, что Нур ад-Дин не отнимет города у своих племянников. Затем Нур ад-Дин вошел и прошел в цитадель; там он поставил начальником над охраной //Са'д ад-Дина, 699
а город и область оставил своим племянникам. Он разделил имущество и владения своего брата между его сыновьями и дочерьми, оставив под своим управлением те места, где имелись укрепления, то есть крепости, и посадил в каждой из них начальника. Он увеличил налоги и подушную подать с христиан, издал указ, согласно которому они должны были носить [особый] пояс и брить голову с тем, чтобы мусульмане могли их узнавать и поносить. А иудеи обязаны были нашивать на плечо красный лоскут, чтобы их можно было отличить [от мусульман].

В это время король Иерусалимский Амальрих отправился в Константинополь, к византийскому императору. Тот подарил ему большое количество золота и оружия. Проведав о его возвращении, Нур ад-Дин поспешил прийти, прихватив с собой евнуха Абд ал-Масиха, так как опасался, что он поможет христианам. Когда сей муж [Абд ал-Масих] отправился в Берроэ (=Халеб), это опечалило христиан Ассирии и Месопотамии.

Все эти события произошли в мае 1172 года. В том же месяце эмир Мелитены пятнадцатилетний юноша [Фахр ад-Дин ал-Касим], брат которого бесславно покинул этот город, женился на дочери владетеля Хисн-Зийад Кара-Арслана[14]. После [свадебного] пира и увеселений устроили, согласно обычаю тюрок и воинов, [конные] игры. Эмир на полном скаку упал с коня и скончался. И радость обратилась в печаль.

Полагали, что вновь пригласят предшествующего //правителя, но тюрки 700
не соглашались. Они собрались и поклялись, а также заставили поклясться христиан, что не согласятся на возвращение того, кто [сам] их покинул и ушел. Они поставили правителем его другого младшего брата – Афридуна[15], и в жены ему дали, против ее желания, вдову [погибшего] брата.

[Различные события]. Некоторые мусульмане почитали Нур ад-Дина 698
за пророка, вследствие этого и своей известности он поддался суетной гордыне. Поэтому всячески старался притеснить христиан, чтобы мусульмане считали его ревностным блюстителем их законов. К тому же, когда, наряду с Сирией и Египтом, он подчинил себе и Ассирию, то возгордился так, будто ему стала подвластна вся ойкумена. Тогда дьявол внушил ему истребить христиан.

Вот почему он отправил к халифу [ал-Мустанджиду] гонцов с посланием, в котором говорилось: "Вот что написано в Коране, где запечатлены слова пророка Мухаммада: "В течение пятисот лет своего владычества мусульмане не будут притеснять христиан". Этот период закончился, и теперь не возбраняется уничтожать христиан во всех мусульманских владениях. Поэтому всякий, кто не перейдет в ислам, будет предан смерти".

В своем послании он также писал, что готов отправиться к нему. Халиф //испугался, так как решил, что тот хочет прийти и вероломно лишить его 699
(халифа) власти, как он сделал это в Египте[16], и самому стать халифом, ибо называл себя пророком. Поэтому халиф не ответил.

[Вскоре] халиф скончался, ему наследовал его сын [ал-Мустади]. Он убил вазира, который пытался воспрепятствовать ему занять трон[17]. Так как убитый вазир был врагом христиан, то из ненависти к нему, новый халиф проявил к ним милосердие.

Когда же он узнал, что его отец, разгадав намерения Нур ад-Дина, прогнал его посланцев, то написал ему: "Не надлежит тебе именоваться пророком и устанавливать законы, ибо ты неверно толкуешь слово Мухаммада о сроке. Аллах не внушает нам убивать тех, кто не совершает противозаконного."

Нур ад-Дин же вновь отправил гонцов и подарки и просил разрешения прибыть, чтобы почтить могилу почившего халифа. Это пошло бы на пользу христианам, но новый халиф был убежден, что Нур ад-Дин ищет возможности вероломно войти в город (Багдад), чтобы утвердиться там. Поэтому он ответил ему угрозами и запретил являться.

700 **Глава [девятая]. О времени, когда султан Килидж-Арслан[18] вошел в Мелитену, а эмиры вновь объединились, по наущению Нур ад-Дина, чтобы напасть на него.** В это время распространилась ложная весть о смерти Нур ад-Дина, вследствие чего произошли в его владениях столкновения между тюрками и арабами. В 1172 году, когда султан Килидж-Арслан узнал, что случилось в Мелитене по причине юности эмира, то приготовился выступить против этого города. Горожане и те, кто были с ними в согласии, послали в Хисн-Зийад за евнухом [Са'д ад-Дином, мужем умелым и опытным в управлении. Он [прибыл], укрепил, приободрил, привел всех к согласию и сплотил воедино. Он подтвердил бракосочетание дочери своего господина [Кара-Арслана] с юным эмиром. Поэтому когда султан пришел, то не смог завладеть городом и возвратился обратно, уведя с собой двенадцать тысяч жителей области.

Нур ад-Дин же надоумил эмиров объединить свои военные силы [и выступить против султана]. Эмиры Мосула, Мардина, Хисн-Зийада и армянские собра-
701 лись к Исма'илу[19], в Себастию. Зимой они выступили и //подошли к воротам
702 Кесарии, но султан не вышел для сражения. //Они потребовали, чтобы он вернул уведенных в плен [жителей] области Мелитены, а также те земли, что отобрал у своего брата Шахиншаха и у Зу-н-Нуна[20], чтобы [освободил] сыновей своего брата, которых он держал в заточении.

[Султан] освободил жителей Мелитены, своему брату установил ежегодную выдачу в десять тысяч динаров, но не возвратил ни пяди земли. А в отношении своих племянников проявил жестокость. Поэтому тюрки устрашились, заключили с ним мир и каждый возвратился в свое владение, ибо была зима, а их земли оставались беззащитными.

Когда распространилась [ложная] весть о смерти Нур ад-Дина, арабы и тюрки поднялись друг против друга. Их были тысячи, они убивали и сами падали сраженными. Ужас охватил христиан, опасавшихся избиения. Поэтому по всей Сирии, Месопотамии и Ассирии селения обезлюдели, а на дорогах прекратилось движение.

В октябре, когда воины и эмиры ушли из Каппадокии в свои владения, Нур ад-Дин оправился от болезни, показался, и все узнали, что он исцелился. Все [возмутители спокойствия] разбежались, и более их не видели, области были умиротворены.

Во время столкновений между арабами и тюрками из области Кишума было угнано в плен около тысячи человек, но жители Мелитены их выкупили.

701 **[Различные события].** В сентябре 1172 года неожиданно наступили холода, шел снег и дождь. Погибли виноградники и оливковые насаждения, хлопок и кунжут почернели, будто их опалило огнем. Это бедствие обрушилось не только на Ассирию, Месопотамию и Сирию, но также на Персию, Армению, Палестину и Египет. Вся земля походила на кучу хвороста, который огонь истребил и обратил в пепел и прах.

703 **Глава [десятая]. О времени, когда был убит владетель Каппадокии Исма'ил, которому наследовал его дядя по отцу Зу-н-Нун[21], когда Нур ад-Дин [исцелился], когда увеличился голод из-за многочисленных жестоких бедствий.** В 1168 году владетель Каппадокии Исма'ил был убит по следующей причине.

Жители [этой области] весьма сильно страдали от голода, который продолжался уже длительное время во всей [Каппадокии]. К тому же, зима была суровой, и они просили его дать им зерно. Хотя у него было зерно, он не дал им ничего, не обращал на них никакого внимания и донимал различными дополнительными [поборами]. Тогда, под влиянием голода, они задумали убить его, чтобы прокормить его пшеницей себя и своих детей. Они вступили в заговор, напали и убили его, его жену – сестру султана, и его приближенных, всего пятьсот [человек]. Их выбросили в снег, не предав даже земле, как это приличествовало бы. Они захватили то, чем он владел, и насытились.

Весть об его убийстве распространилась только в феврале, ибо из-за обильно выпавшего снега дороги были непроходимы. Когда же стало известно об этом [событии] во всех его владениях, даже грабители не смогли тронуться в путь из-за снега.

Затем те, кто убил его, пришли к решению посадить на его место кого-либо из того же рода. Они послали // за Зу-н-Нуном, который был изгнан султаном 704
из Кесарии и бежал в Дамаск. Испросив помощи у Нур ад-Дина, Зу-н-Нун отправился пешим, потому что лежал [глубокий] снег. Когда он дошел до близлежащего монастыря [Мар Бар Саумы], монастырские вышли и в течение пяти дней расчищали для него путь. Он с трудом смог пройти, достиг Себастии и утвердился там. Он предал смерти большую часть тех, кто принимал участие в убийстве своего господина; и они, как говорится, испили чашу, что уготовили сами себе.

Затем объявился Нур ад-Дин, которого считали умершим, и отправился для сражения с султаном. С ним был дядя султана по матери эмир Кишума Гог-Арслан, который покинул Кишум и ушел к Нур ад-Дину, когда узнал, что султан гневается на него.

Когда Зу-н-Нун утвердился в Каппадокии, султан пошел против него, а Нур ад-Дин собрался и отправился, чтобы завладеть Кишумом, Бет-Хесной, Мараашем. Он вторгся также в область Джихана. Поэтому султан оставил [в покое] Себастию и поспешил, [чтобы] скрестить оружие с Нур ад-Дином.

Они расположились друг против друга лагерем в области Джихана, но пребывали в страхе, потому что обе стороны были весьма многочисленны и это вело к гибели из-за нехватки продовольствия. По этой причине в дело вмешались посредники и склонили их к соглашению. Нур ад-Дин возвратил Кишум // 705
и те земли, которые он захватил у султана. А султан оставил Зу-н-Нуна править в Каппадокии под сюзеренитетом[22] Нур ад-Дина. Так был установлен мир, и каждый возвратился в свои владения.

[Различные события]. В сентябре и октябре 1173 года повсеместно 703 705
погиб урожай, ибо выпал обильный снег. Он завалил улицы, дороги и дома. К тому же был гололед и падеж скота. Замерзли водоемы, и в них погибла вся рыба. Люди от холода замерзали прямо в домах. Все это происходило на обширной территории вплоть до Индии и продолжалось до июня 1174 года.

Глава [одиннадцатая]. О времени, когда скончались Нур ад-Дин и король 705
Амальрих. В 1174 году Нур ад-Дин весьма возгордился, ибо ему были подвластны Ассирия, Месопотамия, Сирия и Египет, и все эмиры, что там находились, подобно слугам направлялись туда, куда он приказывал. Эмиры Каппадокии и Киликии также были у него в подчинении. В том году он намеревался уничтожить три владения сразу: франков Иерусалима и Антиохии и тюрок Вифинии[23].

Поэтому спешно были разосланы повсюду гонцы, чтобы ускорить прибытие воинов. В Дамаске собралось бесчисленное количество воинов из Внутренней Аравии, Египта, Ассирии, Месопотамии, Армении, Каппадокии, Сирии, Киликии. Ужас и страх обуял всех, в особенности же несчастных христиан.

// Но спасителю, который единственно властен над царствами земными 706
и возвеличивает униженных, было угодно, чтобы 23 мая того же года Нур ад-Дин неожиданно скончался, и все замышленное им не осуществилось. Это явилось благой вестью не только для христиан, но также для зависевших от него эмиров. В его лагере было запрещено пить вино, играть и танцевать, и лагерь пребывал в безмолвии.

Он правил 28 лет. После него в Халебе и Дамаске воцарился его сын Малик ас-Салих[24].

Книга двадцатая. Эта книга двадцатая начинается с 1486 года греков[25], 707
который является 1156 годом от воплощения нашего спасителя, 553 годом арабов, 114 годом тюрок, а от Адама – 6655 лет.

Глава первая. О времени, когда прекратилось господство Данишмендидов в Каппадокии и там утвердился султан Конйи. В этот период началось правление другого Балдуина в Иерусалиме[26]. Когда после смерти Нур ад-Дина [Махмуда Зангида в 1174 году] начал править его сын Малик Салих, король [Иерусалимский] Амальрих вторгся в область Дамаска и взял там пленных. Он осадил Банийас[27], и мусульманами овладел страх, увеличившийся от того, что они сами готовились вторгнуться во владения франков (крестоносцев), но последние опередили их. [Поэтому] жители Дамаска направили к королю посредников и обещали платить ему, как и прежде, дань[28]. Король же не соглашался, ибо не желал заключения с ними мира. Наоборот, он намеревался отплатить им тем же, что они уготовили христианам. Но вскоре рвение короля ослабло, ибо он заболел и почувствовал приближение своей кончины. Поэтому он поспешил принять золото[29] от жителей Дамаска, заключил с ними мир и возвратился в ʿАкку[30]. Там он и скончался 11 июля 1174 года, спустя сорок дней после смерти Нур ад-Дина. Его кончина повергла в скорбь христиан, потому что они надеялись получить от него помощь после смерти
708 Нур ад-Дина. Но их надежды не сбылись // из-за кончины победоносного короля, который отошел молодым. Он правил двенадцать лет. Преемником он назначил своего пятнадцатилетнего сына Балдуина, носившего имя покойного дяди по отцу. Воцарившись, Балдуин [IV] подтвердил мир, заключенный его отцом с сыном Нур ад-Дина.

Когда султан Конйи Килидж-Арслан [II] узнал о кончине Нур ад-Дина, поддерживавшего Данишмендидов, то летом 1174 года поспешно отправился, вторгся в их земли и опустошил их. Он завладел Себастией, Неокесарией, Команой[31], а также другими городами и крепостями Каппадокии. И султан Килидж-Арслан возвысился и усилился, почему эмиры [Данишмендиды] бежали, чтобы укрыться и спастись. Старший среди них[32] нашел прибежище у византийского императора, но не получил от него никакой помощи. Так наступил конец власти Данишмендидов, начавшейся во время переселения тюрок, которые вторглись и отняли эти земли у греков в 1055 году[33]. Они (Данишмендиды) правили 107 лет; шесть правителей из них наследовали один другому[34].

707 **[Различные события].** В это время прекратился род Данишменда в Каппадокии. Тем же летом трава и урожай были обильными, не в пример четырехлетнему сильному голоду, охватившему [до того] Сирию, Палестину, Ассирию, Армению, области Персии и дошедшему до Седжестана[35], а также до пределов Великой Индии.

709 **Глава [вторая]. О времени, когда были убиты эмир Мелитены, правитель Киликии Млех, управитель Мардина Амин ад-Дин и вазир халифа Багдада[36]. И все они погибли в одно время. О других событиях: о Салах ад-Дине из Египта[37], который завладел Аравией; о правителе Мосула, вновь завладевшем ранее потерянными землями; о тюрках, захвативших горы Сасуна[38].** После кончины Нур ад-Дина [Махмуда Зангида в 1174 году] его племянник Сайф
710 ад-Дин отправился из Мосула и захватил // Нисибин[39]. Он отменил законы, установленные его дядей по отцу, и разбил камень в мечети, на котором они были записаны; дозволил открыто пить вино. Эмиры Мардина и Хисн-Кайфы отправились к нему, но он ушел в Харран[40], захватил его и ввел там такие же установления. Затем он завладел Серугом[41] и Каллиникой[42]. Его двоюродный брат [Ал-Малик ас-Салих], владевший Халебом и Дамаском, признал его власть. После этого он возвратился в Мосул.

В том же году правитель Египта Салах ад-Дин, одержав важную победу, распространил свою власть на Внутреннюю Аравию и некоторые области Нубийского царства[43].

В течение нескольких поколений крепостями в горах Сасуна владели армяне. Но в этом году тюрки захватили их. Эмир Майферката[44] поднялся про-

тив них, притеснил, и, доведенные до отчаяния голодом, они сами сдали крепости шахармену, владетелю Хилата[45]. Тогда же правитель иберов[46] [временно] отнял у персов[47] город Ани.

15 декабря 1175 года был убит правитель Мардина евнух Амин ад-Дин в цитадели [города]. Убийца – эмир Кутб ад-Дин – взял его голову и сказал его престарелому отцу: "Он хотел убить меня, но я его самого лишил жизни". Лишившийся [от горя] рассудка старик ничего не возразил. В том году из-за многочисленных постыдных деяний правителя Киликии Млеха // его 711
воины восстали[48] и решили убить его. Узнав об этом, он ночью покинул лагерь и бежал в одну из своих крепостей. Но стража крепости находилась в сговоре с его воинами, поэтому его схватили, изрезали на кусочки и бросили собакам. Так он погиб. Послали за его племянником Рубеном, сыном Степаноса[49], в Тарс[50], где он скрывался в страхе от своего дяди по отцу. Его сделали властителем, а затем он убил тех, кто лишил жизни его дядю, за то, что они бросили его собакам.

В том году в Багдаде произошли волнения против халифа [ал-Мустади, инспирированные] его визиром Заим ад-Дином, который являлся фактически правителем [в халифате]. Он собрал войско и оказывал давление на халифа ал-Мустади в его собственном дворце, с тем чтобы халиф провозгласил его султаном[51]. В отчаянии халиф взошел на крышу своего дворца и обратился к жителям, с мольбой прийти и избавить его от мятежного визира. Они собрались в большом количестве и после ожесточенных стычек заставили визира бежать вместе с тридцатью тысячами всадников в пустыню. После пятидневного блуждания по безводным землям, испытывая жажду, они отправили посредников к правителю Мосула [Гази II Зангиду], который обещал восстановить мир между ними и халифом. Когда они направились к Мосулу, их настигли горячий песок и страшная буря. Люди и животные почернели, как головешки. Их не трогали даже дикие звери, настолько их головы затвердели, подобно камню. Лишь сотня людей добралась до Мосула, но врачи не смогли спасти ни одного из них. Их вид внушал ужас тем, кто их лицезрел.

[Различные события]. В воскресенье 15 февраля 1175 года эмир Мели- 709
тены [Афридун] был убит // своим братом и наследником [Мухаммадом], 710
который ранее покинул город, чтобы скрыться от бесчестия[52]. Пять лет он скитался и жил бесшабашно, затем был схвачен Нур ад-Дином [Махмудом Зангидом] и заточен в темницу, но впоследствии бежал и ушел в Антиохию, где сделался франком. Не найдя там успокоения, вновь бежал, вернулся к тюркам и отправился к султану [Килидж-Арслану II], который пожаловал ему Ираклею[53]. Но он домогался Мелитены, а когда это не удалось, то опять ушел к тюркам восточных земель, но был вновь схвачен Нур ад-Дином, который заточил его в Биру[54], что на берегу Евфрата. Там он находился в стесненных обстоятельствах и жил подаянием. Поэтому монахи [монастыря] мар Бар Саумы отважились давать ему содержание через некоторых своих братьев, так как в бытность свою владетелем он благоволил к монастырю. И это [деяние монахов] обернулось на пользу, как видно будет из дальнейшего изложения.

После кончины Нур ад-Дина [Мухаммад] получил свободу. Прослышав, что жена его брата из-за ненависти к своему мужу покинула Мелитену и возвратилась к родителям в Хисн-Зийад[55], он направился к [Мелитене]. Имея поддержку, он тайно прибыл, доверился [монастырю] мар Бар Саумы и обещал, что если вновь утвердится в Мелитене, то освободит монастырь от обложения. // Дой- 711
дя до ворот города, он вошел в него вечером в рубище, в сопровождении только двух лиц, знавших его. Они отвели его в дом одного тюрка, который прежде был его другом, и здесь он тайно пробыл два дня.

В ночь на воскресенье с риском для жизни он и его сторонники проникли, не замеченные стражей, в дворцовый сад. Там нашли на земле лестницу, приставили к стене, взобрались по ней и проникли во дворец. Они вошли в покои,

где спал этот несчастный [правитель] вместе со своей старой кормилицей. Юноша и старуха внезапно пробудились в испуге. Кто-то ударил его и убил, затем взял ключи от ворот города и цитадели. С головой своего [убитого] брата [Мухаммад] немедленно отправился к знатным. Сначала он пошел к тем, о которых знал, что они с ним заодно, и которые желали его [воцарения]. Каждый из тех, кого подняли с постели, при виде отрубленной головы эмира ужасался и давал свое согласие. Когда таким путем он заставил поклясться пятнадцать человек, то приказал принести факелы и с сотней людей поспешно направился в цитадель.

Утром пронесся слух о провозглашении нового эмира. Ужас и страх охватили жителей. Христиане попрятались в своих домах. Тюрки же, облаченные в доспехи и на конях, собрались у ворот цитадели. Они не верили, что прежний эмир убит, но когда им сбросили со стены его голову, увидев ее, они потеряли надежду и были принуждены присягнуть этому Мухаммаду, а он присягнул им. Добившись признания, он отменил обложение монастыря мар Бар Саумы. Но мо-
712 нахи сказали, что //ежегодно будут добровольно уплачивать ему триста динаров и просили его отменить только те поборы, что дополнительно наложил на них эмир Гази[56]. Действительно, до эмира Гази не было особенно больших поборов с монастыря, но когда властвовал он, то заставил монахов ежегодно платить ему по семьсот динаров.

И с того времени монастырь был избавлен от тяжкого бремени. А в связи с тем, что новый эмир, как сказано, обещал целиком снять [обложение], но монахи не согласились, опасаясь возбудить ненависть мусульман, то он проявил милосердие также в отношении монастыря мар Димата.

Глава [третья]. О времени, когда Салах ад-Дин отправился из Египта, завладел Дамаском и победил владетеля Мосула, а франки, находившиеся долгое время в плену в Халебе, были освобождены. В 1176 году правивший в Египте Салах ад-Дин отправился и пошел к Дамаску. Когда же ему стало известно, что владетель Мосула отнял Харран и Урху[57] у сына Нур ад-Дина - [Исма'ила Зангида], то он под этим предлогом поспешил на помощь к наследнику своего [номинального] сюзерена[58], завладел Дамаском и его областью. Поэтому младший сын Нур ад-Дина, его мать и наставники, находившиеся в Халебе, стали опасаться его. А он отправил к ним посланника и велел передать: "Я - лишь слуга[59], прибывший на службу к этому юноше для того, чтобы стать его наставником, сражаться и преследовать его врагов". Но его словам не поверили и не открыли ему городские ворота.

Тогда он показал свое истинное лицо: силой захватил Эмес и Хаму[60], доставил из Египта большое количество золота и раздавал его обильно. В результате он собрал воинов и освободил франков, которые томились в Дамаске в плену еще со времени Нур ад-Дина. Это были знатные [пленники]. Так, в результате выкупа, появилась возможность заключения мира с франками.

Владетель Мосула Сайф ад-Дин [Гази II Зангид] отправил воинов, чтобы изгнать [Салах ад-Дина], и они были уверены в своем превосходстве и в том,
713 что его одолеют. // Они насмехались над ним, выказывали презрение и обзывали "псом, напавшим на своего хозяина". Он же возражал со смирением: "Не подобает в одном доме думать по-разному"[61]. Но они не посчитались с его посланцами и поспешно выступили против него, чтобы тот не успел ускользнуть от них. А произошло иное: страх обуял их, и многочисленное воинство бежало с поля брани. В результате [Салах ад-Дин] захватил огромное количество пленных, коней, верблюдов и оружия.

Достойно упоминания следующее. Когда стало ясно, что они бегут, [Салах ад-Дин] сбросил шлем и громко крикнул своим воинам: "Не убивайте никого, они - наши братья!". Затем он снабдил пленных продовольствием, конями и отправил с миром. Эти его действия принесли [ему] известность среди мусульман.

Когда весть о столь грандиозном поражении достигла Халеба, находившиеся там были напуганы еще больше. Они отправили подарки владетелю Антиохии [Боэмунду III] с тем, чтобы он оказал поддержку. Затем выпустили за выкуп знатных [франков], что находились в течение долгого времени в заточении и уже не надеялись выбраться из Халеба: графа[62] Триполийского [Раймунда III] – за 80 тысяч [динаров], Жослина, сына Жослина, – за 50 тысяч; принца[63] Рейнальда [Шатийонского] – за 120 тысяч[64]. Ради этого [принца] из Константинополя неоднократно присылали золото, но каждый раз он употреблял его на выкуп других. Лишь потом, после всех, он сам избавился о [заточения].

После разгрома его войска [владетель] Мосула Сайф ад-Дин еще раз собрал воинов, в гораздо большем количестве. К нему присоединились владетели Марде (Мардина) и Хисн-Кайфы. Всего [у союзников] было 60 тысяч [воинов], а у Салах ад-Дина – только 12 тысяч. [Последний] велел передать Сайф ад-Дину: "Не ввязывайся в сражение: если я – слуга – потерплю поражение, то не потеряю ничего от победы сыновей моего господина; но если ты – сын властителя – будешь побежден, то потерпишь большой урон". Сайф ад-Дин высокомерно не принял во внимание сказанное, и сражение началось. Военачальники Сайф ад-Дина, тайно принявшие богатые подношения от Салах ад-Дина, оставили поле битвы. Сайф ад-Дин оказался в одиночестве. В смятении он бежал и с большим трудом добрался на верблюде до Мосула. Из тех, кто откололся от него, [Сайф ад-Дин] одних казнил, а других изгнал.

Затем Салах ад-Дин направился к Маббогу[65], и находившиеся там арабы сдали ему [город]. Он захватил эмира [Кутб ад-Дина Инала], правившего в Урхе и известного своим кротким нравом, но несправедливо лишенного своих владений. Пять месяцев спустя он его освободил, и тот возвратился в Мосул. Потом эмиры Телл-Башира, ʿАйнтаба[66] и других мест в Сирии признали сюзеренитет[67] [Салах ад-Дина]. Он же отправился к ʿАзазу[68], где на него напали те, что прозываются исмаилитами[69], и ударили ножом. Но он не скончался, нападавшие же были казнены. Затем воины [Салах ад-Дина] опустошили земли [исмаилитов][70]. Силой овладев ʿАзазом, он вновь отправился и осадил Халеб.

Жители Халеба обратились за помощью к франкам, которые прислали Рейнальда [Шатийонского], освобожденного [перед тем] из заточения. И ему была дарована победа: он разгромил часть войска Салах ад-Дина, и франки вновь вторглись в область Дамаска, где многих предали смерти и захватили большое количество пленных. После этого Рейнальд направил воинов в Египет, и они разорили страну. Теснимый франками, Салах ад-Дин вернул ʿАзаз властителю Халеба, заключил мир и возвратился в Египет.

[Различные события]. Весной 1176 года долгое время не было дождя, 712
и случилась сильная засуха. Посевы и плоды погибли. Засуха была столь великой, что множество селений совершенно обезлюдели. Это произошло главным образом в [области] Иерусалима и по всей Палестине, Внутренней Сирии, в областях Нисибина и Тур-ʿАбдина[71]. В области Мосула не было никаких плодов, люди и животные не находили воды для утоления жажды.

Глава [четвертая]. О времени, когда скончался [владетель] Мардина 714
Наджм ад-Дин[72], началась война между султаном Килидж-Арсланом [II] и византийским императором Мануилом [I]. О других событиях. 20 июля 1176 года скончался [владетель] Мардина Наджм ад-Дин, который правил двадцать два года[73]. Благодаря его кротости и благосклонности в эти годы население его владений пребывало в достатке, особенно христиане, а также их церкви и монастыри. Ему наследовал его сын Кутб ад-Дин [Илгази II], которому пришлось воевать со своими дядьями по отцу. Он сумел их одолеть, и при посредничестве владетелей Мосула и Хисн-Кайфы они (дяди) признали его сюзеренитет[74], как [признавали сюзереном] его отца. Это

были владетели Хани и Дары [Джамал ад-Дин и Шамс ад-Дин][75]; они прибыли и вошли в крепость Мардина, где принесли [вассальную] присягу[76], и мир был восстановлен.

Вскоре распространился слух о смерти Кутб ад-Дина, и его владения оказались под угрозой опустошения. Но он [был лишь болен], исцелился, уничтожил несколько тысяч арабов и захватил 12 тысяч верблюдов. Остальные [арабы] бежали, и его владения вновь обрели покой.

В это время византийский император отправился на охоту, где был ранен вепрем. Прошел слух о его кончине, и тогда султан стал опустошать его владения. Увидев, что [султан] не оценил его большой дружбы и добрых дел, император впал в гнев. Эмиры Данишмендиды распаляли его еще больше: они бежали от султана, который захватил их владения, и искали в Константинополе помощи императора.

715 // Они отправились раньше [императора], с тем чтобы напасть на султана. С сильным и многочисленным разноплеменным войском, которое покрыло огромную территорию, [император] достиг тюркских пределов и теснил султана, требуя возвращения Данишмендидам их владений, а также земель, уступленных ему его братом. Но султан не соглашался, и началась война. Император восстановил два давно разрушенных города[77], поставил в них гарнизоны, которые должны были беспокоить тюрок. Затем он отправил войско для опустошения земель туркмен. Это войско уничтожило многих, и тогда [в ответ] туркмены вторглись в северные земли империи, бывшие беззащитными. Они захватили здесь около 100 тысяч человек, мужчин убили, а женщин и детей продали купцам, которые увели их в Персию. Тогда разгневанный император начал преследовать султана, который бежал в горы, ибо не желал принимать сражения с ним.

Император отправил 30 тысяч воинов во главе с Зу-н-Нуном[78] для захвата Неокесарии. Когда они осаждали этот город, находившиеся в нем применили хитрость: от имени христиан [города] направили послание византийскому военачальнику [Андронику Ватацу]. В нем говорилось: "Эмир Зу-н-Ну[illegible], с которым вы пришли, коварен, настроен против вас. Он связан с тюрками, своими соплеменниками, и они намереваются сообща вас уничтожить". Привязав послание к стреле, его перебросили в лагерь греков. И этих охватил страх, и они бежали. Тогда находившиеся в городе тюрки вышли и преследовали их, крича, что император Мануил мертв. Они уничтожили многих из [греков], а [византийский] военачальник, приходившийся племянником императору, погиб[79]. Зу-н-Нун же бежал в северные области, но греки его поймали и представили на суд императора.

714 [Различные события]. В это тяжелое время снизошла благодать: окончилась засуха, источники и водоемы наполнились [водой]. Земля скоро избавилась от засухи, которая губила людей и животных. Но голод повсеместно продолжался, потому что урожай в 1176 году по-прежнему был ничтожным. Неимущие повсюду обессилели. В Иерусалиме, Дамаске, Халебе и Соленой пустыне[80] стоимость одного кайла[81] пшеницы достигала трех золотых [динаров]. Вскоре [пшеница] совершенно исчезла. Тогда пшеницу стали доставлять на верблюдах арабы. В областях Сирии красное золото (=динары) наполовину обесценилось, а пшеница столь поднялась в цене, что одна кефиза[82] стоила целый динар.

В это время в западной стороне неба появилось подобие полумесяца. Оно перемещалось на восток до тех пор, пока не достигло размера обычной луны. Затем, вновь придя в движение, достигло зенита, раскололось на три части и упало. И более его не было видно[83].

715 **Глава [пятая]. О времени, когда византийский император Мануил [I] был побежден султаном Килидж-Арсланом [II]**[84]. Получив известие о смерти своего племянника у ворот Неокесарии, византийский император в гневе отправился отомстить тюркам. Но султан приказал своим воинам избегать сражения

и отдельными отрядами нападать на войско императора то справа, то слева, то с тыла; сжигать селения и все то, что могло пригодиться для пропитания людей и животных; отравлять водоемы, источники и колодцы, бросая в них трупы людей, собак, ослов и всякую падаль и нечистоты. Он приказал то же самое тем, кто находился в крепостях: не нападать, но обороняться, сколь будет возможно; а затем, когда силы истощатся, все сжигать и уходить. Сам султан отправился в труднодоступные горы, где переходил с места на место.

Поэтому император сумел быстро продвинуться во владения тюрок на расстояние пятидневного пути. Бесчисленные, как саранча, туркмены, узнав, что император отправился с тем, чтобы достичь их местопребывания, собрались в количестве не то 5 тысяч, не то 10 тысяч и сжигали, грабили и убивали всех, кого встречали за пределами лагеря греков.

Греки находились на расстоянии однодневного марша от Коний и в трех часах пути от местопребывания султана. Они заблудились в горах, в дефиле, где не было воды, оставив позади 5 тысяч повозок с продовольствием для воинов и фуражом для животных, части для манджаников[85], //золото, [походные] алтари, кресты и предметы иного рода. Увидев, что император и его воины находятся в отдалении от лагеря и обоза, туркмены собрались в количестве около 50 тысяч, захватили и разграбили лагерь. 716

Когда император и его войско узнали, что их обоз и продовольствие, которое, как они надеялись, прибудет к ним, захвачено, то впали в страх. Тюрки догадались об их состоянии и обрушили на них с высоты горы обломки скал, которые уничтожали воинов и животных. Вся эта масса воинов, пререкавшихся [к тому же] между собой в этом дефиле, находилась в стесненном положении, дрожа и опасаясь выйти оттуда на виду у тюрок, которые находились так близко, что могли перебить их стрелами даже ночью. Тогда же, ночью, император отправил посланца к султану с предложением мира. Султан, который сам испытывал тревогу, тотчас согласился. Всю ночь, при свете факелов, посредники курсировали в обоих направлениях.

Император уступил султану восстановленные им города [Дорилею и Силлиум]. С наступлением утра, когда было объявлено о мире, тюрки бранили султана и называли его "неверным"[86], потому что он согласился на мирный исход. Поэтому к императору приставили трех султанских эмиров, чтобы сдержать дерзких туркмен. Но они не утихомирились. Когда лагерь греков снялся, туркмены со всех сторон нападали и уничтожали византийских воинов. Император потребовал от сопровождавших его эмиров объяснения по поводу происходящего, несмотря на обоюдно принесенные клятвы, на что они отвечали: "Туркмены от нас независимы". Тогда император устроил засаду и перебил из них около 20 тысяч.

Возвратившись в Константинополь, император отправил султану большое количество золота и получил обратно крест, в который был вделан кусочек животворного древа. Султан же разослал всем эмирам, халифу Багдада и султану Хорасана[87] рабов, слуг, оружие и головы греков и их волосы на пиках: они возили их по улицам на крупах своих коней и радовались. Таков конец злополучного похода византийского императора.

Глава [шестая]. О времени, когда султан Килидж-Арслан [II] завладел Мелитеной. О других событиях. После того как султан заключил мир с византийским императором, он осадил Мелитену. В этом городе находился эмир [Мухаммад] Данишмендид, убивший своего брата [Афридуна]. Он дурно обращался со своими воинами. Большинство христиан покинуло город из-за голода, что свирепствовал там и во многих других местах. Оставшиеся же в городе, кроме //голода, страдали из-за заточения в темницу и иных притеснений. 717
Эмир знал, что тюрки возненавидели его и, когда голод начнет причинять им страдания, они убьют его, а город сдадут. Поэтому он поспешно и тайно отправил к султану посланца, получил аман и ушел в Хисн-Зийад.

25 октября 1178 года султан вошел в город, и это принесло избавление для всех, ибо они в течение четырех месяцев находились в осаде.

716 *[Различные события]*. В то время вновь началась засуха и посевы погибли; жестокий голод охватил Сирию, Палестину, Ассирию, Месопотамию, Армению. Кайла пшеницы стоила один динар там, где ее могли достать. В Дамаске
717 и его округе // не было никакого зерна. Множество людей погибло от голода, а оставшиеся *[в живых]* отправились в отдаленные земли. Повсюду христиане и мусульмане усердно молились и стенали. Многие владетели из милосердия раздавали бедствующим свое зерно. Когда же была утрачена всякая надежда на спасение, в разгар весны разверзлись *[небеса]* и напоили землю. Наступил покой в природе, умиротворились людские сердца, а урожай был хорошим. Везде наступило изобилие.

Глава *[седьмая]*. О времени, когда Салах ад-Дин отправился из Египта в Палестину, был разбит франками и бежал в Египет. О других событиях. В октябре 1177 года Салах ад-Дин отправился из Египта с 33 тысячами воинов в металлических доспехах[88] и многочисленной пехотой. На 52 тысячах верблюдов везли боевое снаряжение и обоз. Он вторгся в область Иерусалима в весьма воинственном настроении и собственноручно убил первого взятого в плен франка.

718 // Христиане утратили всякую надежду на избавление, так как поразил элефантиазис[89] молодого короля *[Иерусалимского]* Балдуина *[IV]*, почему он весьма ослаб и с тех пор всего опасался. Но избавление все-таки пришло, ибо король решился выступить и часть воинов примкнула к нему. Они спешились и поклялись ему, что не оставят поля битвы, а если победят тюрки, то каждый бежавший и не погибший в сражении будет сочтен за отступника.

Затем все сели на коней, отправились и сшиблись с тюрками, которые объединились против преследовавших и убивавших их франков. Встретив тюрок, которых было великое множество, *[франки]* снова спешились, закололи своих коней, *[чтобы не бежать от битвы]*, простили друг другу прежние обиды и помирились. Потом началось сражение, и франки напали на тюрок.
719 Тюрки же бежали с поля брани. //Франки бросились в погоню, резали и убивали в течение всего дня. Они захватили их верблюдов и обоз. Тюркские воины рассеялись по пустыне, и франки в течение пяти дней разыскивали их. Они отыскали несколько отрядов *[тюрок]*; одних – уже мертвыми, других – умирающими. Они их добили, забрав себе их вооружение и добычу. Лишь незначительная часть *[тюрок]* с Салах ад-Дином добралась до Египта в скорби и печали[90]. Эта радостная весть *[о победе франков]* достигла Антиохии, когда я там находился.

В этот период управитель[91] тюрок *[Са'д ад-Дин Гюмюш-Тегин]*, сидевший в крепости Харим[92], получил известие о том, что владетель Халеба *[ал-Малик ас-Салих]* намеревается захватить его. *[Поэтому]* он обратился к франкам, и принц *[князь Антиохийский Боэмунд III]* дал клятву[93], что не изгонит его из этой крепости, но оставит там и окажет помощь. Поверив *[клятве]*, управитель выразил покорность франкам и открыто проявил недружелюбие в отношении тюрок. Тогда франки нарушили данное обещание: из Иерусалима и с морского побережья пришли граф[94] Триполийский *[Раймунд III]*, Рубен из Киликии и граф Фланта (Фландрский Филипп). Вместе с принцем и многочисленными воинами они отправились и в течение четырех месяцев осаждали Харим. Они использовали различные военные приемы, а также изнурили податями[95] область и город. Много людей погибло в сражении, но *[франки]* не одержали верх, ибо, надеясь одолеть силой, нарушили клятву, данную на кресте и Евангелии. Ослабевшие же тюрки отправили посланца в Халеб, получили заверения владетеля этого города и сдали ему крепость. А он передал принцу 20 тысяч динаров *[отступных]*, и тот возвра-

тился в Антиохию восвояси. Таков исход этой объединенной [военной кампании].

[Различные события]. В этот период множество людей из-за голода 717
пришло в движение и отправилось из Аравии. Когда они достигли берегов Евфрата, [местные] эмиры не разрешили им переправиться через реку, потому что не хотели увеличения численности голодающих [в своих владениях]. Но [пришельцы] не побоялись и перешли [реку]. Поэтому тюрки собрались и убили из них около 100 тысяч. Оставшиеся в живых решили возвратиться. Когда // верблюды [с сидевшими] на них мужчинами, женщинами и детьми 718
вошли в Евфрат, вода поднялась и смыла всех. Они погибли, и их останки находили на речном побережье.

В мае 1178 года, когда я находился в Антиохии, хлынул такой ливень, что в городе случилось наводнение. Оно уносило дома и жителей; множество людей и животных утонуло. Водяной вал, достигший городских ворот, был весьма велик. Ворота не смогли пропустить всю [массу] воды, что накопилась, и она поднялась выше уровня [городских] стен. Это вызвало в городе большое бедствие, которое внушило ужас и страх.

В следующем году, когда я все еще находился в Антиохии, стояла мягкая зима, напоминавшая весну. В марте в городе вспыхнул пожар, истребивший множество домов и людей вокруг храма Петра.

В этот период до султана [Килидж-Арслана II], правившего в Мелитене, 717
дошло известие о том, что монахи монастыря [мар Бар Саумы] помогли эмиру [Мухаммаду Данишмендиду], который прежде был в этом городе и освободил их от обложения. Вот почему // султан заставил их ежегодно пла- 718
тить ему дань[96] в размере 500 динаров, а также запретил им сноситься с эмиром, изгнал из Мелитены и ее области тех тюрок, что находились на службе у Данишмендидов.

Глава [восьмая]. О времени, когда я в третий раз прибыл в Иерусалим. 719
О других событиях. В октябре [1178 года] все франки во главе с королем Балдуином [IV] собрались на реке Иордан, у места, называемого "брод Иакова", // для закладки городка, при помощи которого намеревались силой 720
завладеть Дамаском. Салах ад-Дин не придал этому значения и отправился из Египта к Дамаску, так как эмир, захвативший город Ба'албек, который есть Гелиополис, то есть "Город солнца", поднял против него мятеж. Он разбил свой лагерь около этого города и предпринял его штурм. Находившийся [в городе] эмир несколько раз отправлял франкам подношения и подарки, а они обещали в обмен свою помощь. Но никакой поддержки он не получил и, потеряв всякую надежду, был принужден обратиться к своему врагу, получил от него аман и сдал ему город.

В результате Салах ад-Дин усилился и вторгся в Палестину, но франки объединились, и он бежал от них до самого Дамаска. А франки опустошили область и возвратились назад, на расстояние однодневного пути. Когда они разбили свой лагерь, он внезапно напал и захватил сто доблестных мужей вместе с их главой, то есть "мастером братьев"[97]. И христиане весьма были этим опечалены.

Салах ад-Дин [еще более] усилился. Он поспешно двинулся туда, где франки возвели городок, и штурмом завладел[98] им. Там находилось около пятисот франков. Увидев, что городок взят, и не желая попасть в руки арабов, одни кинулись в огонь и сгорели, другие бросились в Иордан и утонули, а третьи спрыгнули со стены на скалы и разбились. А те, кто попал в руки арабов, были преданы мечу.

Примечания к переводу

[1] Насир ад-Дин Мухаммад – из династии эмиров Данишмендидов, в 1162–1170 гг. правил землями с центром в Мелитене (ныне Малатья в восточной Турции). Вторично правил там же в 1175–1178 гг.

[2] Эмир Данишмендид, правил в Мелитене в 1170–1172 гг., после Насир ад-Дина Мухаммада.

[3] Амальрих I, правил в 1162–1174 гг.

[4] Правил в Киликии в 1170–1175 гг. О его сношениях и союзе с тюрками, в частности с Нур ад-Дином Махмудом Зангидом (1146–1174) см.: Смбат Спарапет. Летопись. Пер. с древнеармянского, предисл. и примеч. А.Г.Галстяна. Ер., 1974, с.102 и сл.

[5] Атабек Кутб ад-Дин Маудуд Зангид – в 1149–1169 гг. владел ал-Джазирой (Верхней Месопотамией) с резиденцией в Мосуле.

[6] Атабек Нур ад-Дин Махмуд Зангид (1146–1174) – владетель ряда территорий в Передней Азии с резиденциями в Дамаске и Халебе. Вел активную внешнюю политику, направленную против государств крестоносцев и Фатимидского халифата. Он оказал немалое влияние на складывание военно-политической обстановки в Передней Азии и Северной Африке второй половины XII в. См. о нем специальное исследование: N. Elisséeff. Nur ad-Din, un grande prince musulman de Syrie au temps des Croisades (511-569 h./1118-1174). Vol. I-III. Damas, 1967.

[7] В тексте: факйхе.

[8] В тексте: тайайе, т.е. арабы, по наименованию одного из значительных арабских племен ат-Та'и. По контексту здесь и далее под тайайе имеются в виду мусульмане.

[9] Несторианский епископ Нисибина Бар Саума (ок. 420 – ок. 490) при поддержке Сасанидов ревностно пропагандировал учение Нестория, осужденное на третьем, Эфесском, вселенском соборе (431 г.).

[10] Халифы Аббасиды: первый правил в 1160–1170, второй – в 1170–1180 гг.

[11] Атабек Сайф ад-Дин Гази II Зангид сидел в Мосуле в 1169–1176 гг.

[12] В тексте: дарйкуйе – один из синонимов золотой монеты. Как известно, золотую монету под этим наименованием чеканил Дарий I Гистасп Ахеменид (521–486 гг. до н.э.).

[13] Это были Сайф ад-Дин Гази II, 'Изз ад-Дин Мас'уд, 'Имад ад-Дин Занги, Кутб ад-Дин Мухаммад и Махмуд Фаррух-шах.

[14] Фахр ад-Дин Кара-Арслан (1144–1167) – из эмиров Артукидов, сидевших в восточной части Малой Азии с резиденциями в крепости Хисн-Кайфа и Амиде (ныне Хасанкейф и Дийарбекир в восточной Турции).

[15] Эмир Данишмендид, правил в Мелитене в 1172–1175 гг.

[16] Имеется в виду захват власти в 1169 г. в Египте, где правили до того халифы Фатимиды (909–1171), Ширкухом – военачальником атабека Нур ад-Дина Зангида. Когда в том же году Ширкух скончался, его место занял его племянник Салах ад-Дин (1169–1193), который в 1169 г. совершил государственный переворот, сверг Фатимидов и основал Айюбидский султанат, просуществовавший до середины XIII в. Династия Айюбидов была известна до конца XV в.

[17] Вероятно, имеется в виду убитый в 1170 г. вазир его отца – халифа ал-Мустанджида – Шараф ад-Дин Ибн ал-Балади.

[18] Конийский султан Сельджукид Килидж-Арслан II (1156–1192).

[19] Мелик Данишмендид, правил в 1166–1168 гг. в Каппадокии с резиденцией в Себастии (ныне Сивас).

[20] Данишмендид, правил вторично в 1168–1174 гг.

[21] Зу-н-Нун был двоюродным братом Исма'ила по отцу.

[22] В тексте **шӯ'бад**.

[23] Т.е. атабек Нур ад-Дин Зангид намеревался завоевать Иерусалимское королевство, Антиохийское княжество и государство Сельджукидов Малой Азии (Конийский, или Румский, султанат).

[24] Так в тексте. Имеется в виду Исма'ил ал-Малик ас-Салих (1174–1181) – второй и последний представитель ветви династии эмиров Зангидов, владевших землями, центрами которых были Дамаск и Халеб. После него эти земли были захвачены Зангидами – владетелями Мосула, а впоследствии завоеваны султаном Салах ад-Дином Айюбидом.

[25] 1486 г. греков приходится на 1175 г. н.э. Датировки по другим летосчислениям неверны. Следует также отметить, что там, где представилась возможность, неточности в хронологии Михаила Сирийца или его переписчиков исправлены.

[26] Владения эмиров Данишмендидов занимали значительную часть центральной и восточной Малой Азии, их резиденциями были Себастия (ныне Сивас) и Мелитена (ныне Малатья). В состав владений Данишмендидов входила также историческая область Каппадокия. Эти эмиры оказали значительное влияние на ход политической истории в Передней Азии в период с последней четверти XI и почти до конца XII в. Они постоянно вмешивались в дела своих номинальных сюзеренов – Сельджукидов Малой Азии, а также – халифата 'Аббасидов, Византийской империи, государств крестоносцев, различных владетельных эмиров. Многолетняя борьба за гегемонию в Малой Азии между Данишмендидами и Сельджукидами, о которой сравнительно подробно рассказал Михаил Сириец в книгах XУ–XX своей "Хроники", окончилась в пользу сельджукских султанов: в 1174 г. они захватили владения Данишмендидов с центром в Себастии, а в 1178 г. – ликвидировали их власть на территории с центром в Мелитене. Оставшиеся в живых Данишмендиды поступили на службу к Сельджукидам Малой Азии.

Султаном Коньи, т.е. главой государства Сельджукидов Малой Азии, положившим конец эмирам Данишмендидам и их владениям, был Килидж-Арслан II (1156–1192).

[27] Город в Сирии, восточнее нынешнего Сура (в Ливане).

[28] В тексте **мадате**.

[29] В тексте **дахба**, т.е. Амальрих I согласился по-прежнему получать дань с жителей Дамаска.

[30] Или Акра – город и порт на восточном берегу Средиземного моря.

[31] Ныне Никсар и Коман в центральной Турции.

[32] Судя по дальнейшему изложению, это был эмир Данишмендид Малик Зу-н-Нун (1168–1174), изгнанный в 1174 г. из своих владений султаном Килидж-Арсланом II, который присоединил их к своему государству.

[33] Имеется в виду завоевательное и миграционное движение тюрок под руководством султанов Сельджукидов из Средней Азии на запад. В результате была захвачена огромная территория, включая Малую Азию, куда со второй половины XI в. стали переселяться тюркские – огузские – племена. Подробно см. С.Г. Агаджанов.

Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Аш., 1969; The Cambridge history of Iran. Vol. V. The saljuq and mongol periods. Ed. by J.A. Boyle. Cambridge, 1968; S. Vryonis Jr. The decline of medieval hellenism in Asia Minor and process of islamization from the XIth through the XVth century. Berkeley – Los Angeles, 1971; F. Sümer. Oğuzlar. Ankara, 1972, II.nci baski.

34 Вероятно, Михаил Сириец имел в виду не шесть, а пять владетельных эмиров Данишмендидов (ибо один из них правил дважды), резидировавших в Мелитене: ʿАйн ад-Дина (1142–1152), Зу-л-Карнайна (1152–1162), Мухаммада (дважды – в 1162 – 1170 и 1175–1178), Касима (1170–1172), Афридуна (1172–1175).

Ветвь же в Себастии представлена восемью владетельными эмирами Данишмендидами, которые в общей сложности правили 107 лет: Малик Данишменд Гази (1071–1084), Амир Гази Гюмюш-Тегин (1084–1134), Малик Мухаммад (1134–1142), Малик Зу-н-Нун (дважды – в 1142 и 1168–1174), Малик Йаги-Басан (1142–1164), Малик Муджахид Гази (1164–1166), Малик Ибрахим (1166), Малик Исмаʿил (1166–1168).

Таким образом, Михаил Сириец приводит длительность времени правления рода Данишменда по ветви в Себастии, но число владетельных эмиров Данишмендидов дает по ветви, сидевшей в Мелитене, где находился и он сам.

35 Иначе – Сеистан, историческая область, занимающая часть восточного Ирана и западного Афганистана.

36 Имеются в виду: владетель Мелитены – эмир Афридун Данишмендид (1172–1175), князь Киликийский Млех Рубенид (1170–1175), вазир халифа ʿАббасида ал-Мустади (1170–1180) – Заим ад-Дин, занимавший этот пост в 1170–1175 гг.

Сирийский термин **мдабрана**, который переведен в данном случае как ʿуправительʾ, имеет также близкие значения – ʿглаваʾ, ʿпрефектʾ, ʿнаместникʾ.

37 В тексте Мисрӣн.

38 Часть горной системы Восточного Тавра, западнее оз.Ван, где ныне находится г.Сасун, восточная Турция.

39 Ныне Нусайбин, в северо-восточной Сирии.

40 Ныне Харан, в восточной Турции, на юго-восток от Урфы.

41 Ныне Сюрюч, в восточной Турции, на юго-запад от Урфы.

42 Ныне Ракка, на восток от Халеба, при впадении р.Нахр-Балих в Евфрат.

43 Вероятно, имеется в виду феодальное государство Алоа на территории древней Нубии, в южной части современного Судана; столица – Соба находилась недалеко от слияния Голубого Нила с Белым Нилом, была крупным центром средневековой караванной торговли. В XI–XII вв. государство Алоа переживало расцвет.

44 Или Майяфарикина – исторической области и города с крепостью, находившихся на северо-восток от нынешнего Дийарбекира. Эмир – Кутб ад-Дин Ильгази Артукид (1176–1184), владевший землями с центрами в Мардине и Майферкате.

45 Тюркский эмир Сёкмен II Насир ад-Дин Мухаммад (1128–1183) из династии Сёкменидов, или Бектимуридов, носивших титул **шахармен** и владевших территориями около оз.Ван, с центром в Хилате (ныне Ахлат, восточная Турция).

46 Георгий III Багратид (1156–1184).

47 В данном случае под **"персами"** Михаил Сириец подразумевает могущественных владетельных атабеков Ильденизидов (1132–1225), государство которых включало часть Закавказья, Ирана и ряд других территорий, а также значительные города, в том числе Ани (Камах). В те годы, о которых идет речь, главой государства был Джахан-Пахлаван (1172–1186), в начале своего правления занятый внутриполитическими делами, чем и объяснимы в значительной степени временные успехи

грузинского царя Георгия Ш. Подробно об атабеках Ильденизидах и их активной внешнеполитической деятельности см.: З. М. Буниятов. Государство атабеков Азербайджана (1136–1225), Баку, 1978, а также – Р. А. Гусейнов. Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье – ПС, вып. 21, 1970, с. 185–198; Р. А. Гусейнов, С. С. Алияров. Из истории союзных отношений Азербайджана и Грузии в XII в. – УЗ МВССО Азербайджанской ССР, СИФ, 1977, № 4, с. 23–31.

48 В тексте **мараду**.

49 Рубен Ш (1175–1187) – князь Киликийский из рода Рубенидов.

50 Ныне город Тарсус, восточная Турция, недалеко от Мерсинского залива Средиземного моря.

51 Так в тексте. Терминологически этот акт означал, что вазир халифа хотел узурпировать светские прерогативы главы суннитской мусульманской общины. Ср., например: В. В. Бартольд. Халиф и султан. – Сочинения. Т. У1. М., 1966, с. 15–78; В. А. Гордлевский. Был ли турецкий султан халифом? – Избранные сочинения. Т. Ш., М., 1962, с. 187–197; Р. А. Гусейнов. Султан и халиф. – ПС, вып. 19, 1969, с. 127–138.

52 Об этом Данишмендиде см. в книге Х1Х, с. 695, где описаны его бесчинства в период его правления в Мелитене в 1162–1170 гг., почему он и был изгнан из города и лишен власти.

53 Или Гераклея, ныне Эрегли, на юг от оз. Туз, в центральной Турции.

54 Ныне Биреджик, в восточной Турции, на запад от Урфы.

55 Крепость, ныне Харпут, в восточной Турции.

56 Речь идет о наиболее выдающемся и могущественном представителе династии Данишмендидов – Амире Гази Гюмюш-Тегине (1084–1134).

57 Или Эдесса, ныне Урфа, в восточной Турции.

58 В тексте **л'бар мāреҳ** – 'сын его господина'.

59 В тексте **ʿабдā**.

60 Ныне Хомс и Хама, южнее Халеба.

61 Т.е. отвергать помощь вассала, которым номинально являлся Салах ад-Дин.

62 В тексте **комес**.

63 В тексте **приз**.

64 Граф Триполийский Раймунд Ш правил в 1152–1187 гг., но с 1164 по 1174 г. находился в плену. Под 'Жослином, сыном Жослина', возможно, имеется в виду сын последнего графа Эдесского Жослина П (1131–1144), умершего в плену в 1159 г. Графство же Эдесское было уничтожено в 1144 г. эмиром ʿИмад ад-Дином Занги (1127–1146), что послужило поводом для второго крестового похода (1147–1149). После утраты Эдесского графства Жослин П владел небольшой территорией и рядом городков, пока не попал в плен к тюркам в 1150 г., где провел восемь лет с небольшим. Все это описано Михаилом Сирийцем в книге ХУП.
Рейнальд Шатийонский – князь Антиохийский в 1153–1160 гг.

65 Ныне Менбидж, на северо-восток от Халеба.

66 Ныне Тилбешар и Гази-Антеп, на р. Саджур, притоке Евфрата.

67 В тексте **шуʿбад**.

68 Средневековая крепость, северо-восточнее Халеба, ныне населенный пункт под тем же названием.

69 В тексте **хашӣше**.

70 Вероятно, имеются в виду владения шиитов-исмаилитов в горах Сирии, где они правили с 1000 по 1273 г. и вели борьбу против как крестоносцев, так и мусульман-суннитов. Об исмаилитах Сирии см., например: Л. В. Строева. Исмаилиты Ирана и Сирии в зарубежной и советской литературе. – Историография и источниковедение истории стран Азии. Вып. 1.Л., 1965, с.138-148, где указаны важнейшие работы и характерные точки зрения на исмаилитов; о н а ж е. Государство исмаилитов в Иране в XI-XII вв. М., 1978; A History of the Crusades. Vol. 1. Ed. by M.W. Baldwin. Philadelphia, 1958, c. 99-132.

71 Историческая область в верховьях Евфрата, занимавшая часть юго-восточной Турции и северо-восточной Сирии. Главным городом был Мардин.

72 Наджм ад-Дин Алпы (1152-1176) – эмир главной ветви династии Артукидов, владевшей землями с центрами в Мардине и Майяфарикине.

73 Он правил 24 года.

74 В тексте **шу ᶜбāд**.

75 Хани – ныне городок в восточной Турции, севернее Дийарбекира. Город Дара находился на юго-восток от Мардина.

76 В тексте **сāгаду**.

77 Города западной Малой Азии – Дорилею (ныне Эскишехир в западной Турции) и Силлиум (находился на северо-восток от Антальи). Они были разрушены после поражения византийского императора Романа IУ Диогена (1068-1071), понесенного от великого султана Сельджукида Алп-Арслана (1063-1072) в решающем сражении при Манцикерте (ныне Малазгирт в восточной Турции, севернее оз.Ван) 26 августа 1071 г. По соглашению империя была обязана срыть ряд крепостей и городов на своих восточных границах, в том числе Дорилею и Силлиум.

78 В тексте ошибочно 'Данун'. Здесь и далее исправлено. Зу-н-Нун – один из Данишмендидов, нашедших убежище в Константинополе и подстрекавших Византийскую империю напасть на государство Сельджукидов Малой Азии.

79 Михаил Сириец ошибся: Андроник Ватац не погиб у Неокесарии, а захватил город.

80 Если принять во внимание последовательность в перечислении пунктов с юга на север, то, возможно, речь идет с Соленой пустыне в центральной Малой Азии, где находится ряд соленых озер (примерно в треугольнике Анкара – Эскишехир – Конйа).

81 Сирийская мера объема, ок. 16 кг.

82 Сирийская мера объема: большая кефиза – ок. 160 кг, малая кефиза, о которой скорее всего идет речь в тексте, – ок. 25 кг. Меры объема – кайла и кефиза – даны приблизительно (пока нет сирийского материала с указанием этих величин), исходя из весовых норм, характерных для Передней Азии, в том числе для Сирии, в XI-XII вв. (см.: В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970, с.49-51).

83 Речь идет о редком явлении природы: падении крупного метеорита, а возможно, – о комете.

84 Глава посвящена описанию решающего сражения между византийским императором Мануилом I Комнином (1143-1180) и султаном Килидж-Арсланом II,

которое имело место 17 сентября 1176 г. у крепости Мириокефал, находившейся в районе верхнего течения Большого Мендереса, севернее оз. Эгридир и восточнее города Хома. Военное поражение означало для Византии окончательную утрату надежды на возврат ее богатых восточных провинций в Малой Азии. Государство же Сельджукидов Малой Азии обеспечило себе безраздельное господство в Анатолии и некоторых других областях вплоть до начала XIУв. Об этом важнейшем внешнеполитическом событии в истории взаимоотношений Византийской империи и Сельджукского государства в XII в. см., например: A.A. Vasiliev. Das genaue Datum der Schlacht bei Myriokephalon. – BZ, 1927, Bd XXVII; он же. Manuel Comnenus and Henry Plantagenet. - BZ, 1929-30, Bd XXIX.

Византийская крепость Мириокефал во времена Мануила I уже лежала в руинах, но в свое время она господствовала над горным проходом Дузбель. Попутно следует отметить, что иногда путают эту крепость (по-греч. Мириокефалон) с горным проходом – Мириокефалой (тур. Чардак Богазы), находящимся на юго-восток от Анкары (см., например: A History of the Crusades, vol. 1, c. 80 (map 3), 638). Относительно локализации Мириокефалона и Мириокефалойа см.: W.M. Ramsay. The historical geography of Asia Minor. Amsterdam, 1962 (reprint), c. 80, 136, 213 (Myriokephalon), c. 220, 248 (Myriokephaloi). Ср. также маршрут движения Мануила I, приведенный у Михаила Сирийца.

85 Имеются в виду большие катапульты.

86 В тексте **кафура**.

87 Имеется в виду великий султан Сельджукид Санджар (1118–1157).

88 В тексте **б'шарзла**.

89 В тексте **кйба д'арйа**.

90 Речь идет о сражении 25 ноября 1177 г., в котором Балдуин IУ разгромил Салах ад-Дина; оно произошло у Горы Гизарты (ар. Телл-Джазар) – холма между Рамлой (ныне эр-Рамла) и Йабна (западнее Иерусалима).

91 В тексте **эгемона**.

92 Ныне город, западнее Халеба.

93 В тексте **имá**.

94 В тексте **комйс**.

95 В тексте **шекла**.

96 В тексте **мадáте**.

97 В тексте **мистр д'фрер**. Михаил Сириец хочет сказать этим, что Салах ад-Дин захватил главу (гроссмейстера) духовно-рыцарского ордена и сто рыцарей.

98 Это произошло 25–30 августа 1179 г.

Е. А. Давидович, К. К. Попов

КЛАД МЕДНЫХ МОНЕТ МУХАММАДА б.ТЕКЕША (1200–1220) ИЗ-ПОД КУНЯ-УРГЕНЧА

(Источниковедческая характеристика)

В 1981 г. в окрестностях Куня-Ургенча был обнаружен клад сильно окислившихся монет из меди или бронзы. Около половины этого клада хранится в частной коллекции К.К.Попова (г.Ялта). Эта часть клада представляла собой "спекшийся" комок, который владелец подверг очистке. В этом "комке" оказалось 78 монет. Некоторые настолько плохой сохранности и истончены, что буквально "просвечивают". Надписи и украшения других в значительной степени, а то и полностью стерты. По содержанию и расположению надписей, декоративному оформлению монетных кружков, их размерам (диаметрам и толщине) в составе сохранившейся части клада выявлено шесть типов монет. Внутрикладовая нумерация этих типов произвольна, так как уверенно атрибутировать удалось только два типа, а даты выпуска сохранил лишь один тип, которому поэтому и присвоен первый номер.

Тип 1. Мухаммад б.Текеш.Хорезм. 602/1205–06, 603/1206–07 и 610/1213–14 гг.

Л.ст. В поле в две строки титул государя:

السلطان / الاعظم

Снизу, сверху и по сторонам по крупной точке. Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним однолинейным ободками, – выпускные сведения:

ضرب هذا بخوارزم فى شهور سنة

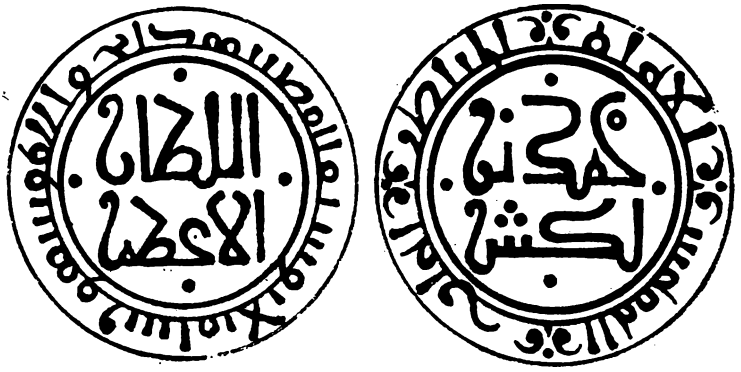
اثنى (или ثلاث или عشر) و ستمائة

Об.ст. В поле в две строки имена государя и его отца:

محمد بن / تكش

В поле четыре точки как на л.ст. Круговая надпись (между такими же ободками, как на л.ст.) одинаковыми рисунками поделена на четыре части и упоминает халифа Насира: الامام/الناصر/امير/ المومنين

Монеты типа 1 стали известны давно и частично уже описаны Х.М.Френом, В.В.Вельяминовым-Зерновым и А.К.Марковым. Х.М.Френ[1] опубликовал одну такую монету, отнеся ее к числу очень редких. Он прочел надписи поля обеих сторон монеты, круговые же разбору не поддавались. Таким образом, место и дата выпуска остались ему неизвестными. В.В.Вельяминов-Зернов опубликовал новый экземпляр с прорисовкой. Он обнаружил дату чекана (610 г. х.) в круговой надписи л.ст. и титул "амир ал-муминин" в круговой надписи об.ст., уверенно полагая, что после этого титула должно быть "имя



Реконструкция типа монет Мухаммада б.Текеша,
Хорезм 603/1206-07 г.
(реконструкция выполнена К.К.Поповым)

тогдашнего халифа Насир-ли-дин-Аллаха". Теперь мы знаем, что в надписи действительно был упомянут халиф (однако не в этой полной форме), что титул "амир ал-муминин" был не единственным, халиф назван также и имамом. Место чекана этой интересной монеты осталось В.В.Вельяминову-Зернову неизвестным[2].

А.К.Марков опубликовал две монеты, полагая стертыми наименование монетного двора и дату чекана. На л.ст. этих монет - титул "ас-султан ал-а'зам", а на об.ст. - "Мухаммад б.Текеш"[3]. Такое описание отнюдь не позволяет определить тип этих монет и сопоставить их с монетами Хорезма 602-610 гг.х., так как в чекане Мухаммада б.Текеша есть несколько типов с аналогичными надписями и таким же их расположением в поле двух сторон монетного кружка. Однако осмотр этих двух монет в натуре убедил в том, что они принадлежат именно типу 1[4].

Тип 2. Мухаммад б.Текеш

Л.ст. Четыре изящные арабески образуют квадрат, внутри которого - титул государя в две строки:

السلطان الاعظم

Ободок двухлинейный.

Об.ст. В поле в две строки - имя государя и его отца:

محمد بن تكش

Круговая надпись (между внутренним линейным и внешним двухлинейным ободками) упоминает халифа Насира в той же форме, как у типа 1.

Косвенные данные позволяют заключить, что этот тип монет Мухаммада б.Текеша не имел выпускных сведений. Диаметр двухлинейных ободков обеих сторон монетного кружка одинаков - 17-18 мм. Для об.ст. этот ободок является внешним, а круговая надпись - внутри него. Из этого следует, что на л.ст. вне аналогичного по диаметру ободка круговой легенды не могло быть.

Один экземпляр типа 2 дефектный. На нем не только следы перебитости. Главное, что обе стороны монетного кружка отчеканены штампом оборотной стороны, т.е. на обеих сторонах в поле "Мухаммад б.Текеш", а в круговой легенде - упоминание халифа Насира.

Тип 3. ʿАла ад-Дунйа ва-д-Дин султан

Л.ст. В поле символ веры в три строки: لا اله الا/الله محمد/رسول الله

Сверху слово, очевидно, из трех букв (не прочтено); снизу – кружок. Поле обрамлено многолепестковой линейной розеткой, повторенной снаружи точечным ободком. Диаметр точечного ободка (21 мм) позволяет предположить, что круговой легенды не было.

Об.ст. В поле тремя строками титул государя: علا الدنيا/و الدين/سلطان

Сверху – виньетка, снизу полустертые очертания (возможно, слово мелкими тонкими буквами). Круговая легенда сохранилась плохо..

В кладе – две монеты типа 3. Атрибутировать их на основе титула "султан" и лакаба "ʿАла ад-Дунйа ва-д-Дин" пока не представляется возможным, так как в конце XII – начале XIII в. такой титул и лакаб носил не только Мухаммад б.Текеш, но и другие государи, в том числе и Текеш (отец Мухаммада).

Типы 4–6 совсем не могут быть описаны и атрибутированы[5]. Каждый представлен одной монетой плохой сохранности. Но даже незначительные фрагменты оформления и надписей, местоположение этих фрагментов, очертания отдельных букв и пр. позволили уверенно заключить, что это именно три разных типа монет, что существенно для характеристики типового многообразия монет, составлявших монетную массу в Хорезме того времени, к которому относится клад в целом. Относительно же времени ориентируют монеты типа 1.

Статистика по типам (табл.1 и "Приложение" – Опись клада) убеждает в том, что даже половина клада позволяет судить о характерных особенностях его первоначального состава, а следовательно, и о некоторых особенностях денежного обращения.

Таблица 1

Типо-хронологический состав клада

Тип	Дата	Кол-во монет	№ п/п (см. Опись)	% каждого типа
1	602/1205–06	5	1–3, 35–36	74,35
	603/1206–07	9	4–10,37–38	
	610/1213–14	8	11–18	
	–	36	19–58	
2	–	11	59–69	14,10
3	–	2	70–71	2,55
4	–	1	72	1,27
5	–	1	73	1,27
6	–	1	74	1;27
?	–	4	75–78	5,12

Ясно, что основу клада (более 88%) составляют монеты типов 1–2. Атрибуция именно этих типов проста, на них обозначено имя Мухаммада б.Текеша (1200–1220). Место производства монет типа 1 также обозначено в надписи – это Хорезм. На монетах типа 2 место производства не было обозначено, но их количественная представительность в кладе (14,1%) с учетом металла (медь или бронза) позволяют не сомневаться, что и они выпущены в Хорезме.

Ясно также, что чекан монет типа 1 был в Хорезме самым продолжительным (известные сейчас даты – в пределах 602–610 гг.х.) и самым обильным. Об этом свидетельствует не только состав изучаемого клада, но и те монетные коллекции, которые мы на этот предмет в разное время осмотрели. Такие монеты зарегистрированы нами в частной коллекции покойного писателя С.П.Бородина (Ташкент); в Государственном музее Татарской АССР, Казань (№ 7256); в Ферганском областном историко-краеведческом музее, г.Фергана УзССР (этот экз. – с датой 602 г.х.[6]); в Государственном историческом музее, Москва (этот экз. – с датой 610 г.х.); в Государственном Эрмитаже, Ленинград; в Музее истории АН УзССР, Ташкент. В последнем они многочисленны, включая 5 экз. из клада.

Реальный вес монет типа 1 в составе клада, взятый изолированно, дал бы весьма искаженное представление об их первоначальном, т.е. законном, весе. График (табл.2) показывает, что основная часть весит в пределах 1,6–1,9 г, весовой же разброс в обе стороны от этой компактной группы велик. График не дает основания уверенно определить принцип, положенный в основу чекана монет типа 1: были ли для них назначены весовой стандарт, небольшой ремедиум и юстировка при чеканке или это был чекан эл-марко. В обоих случаях при достаточно большом количестве монет график их веса получает вид "треугольника". Однако в первом случае "основание треугольника" (судя по многим примерам) невелико, а "вершина треугольника" четкая; во втором же случае "основание треугольника" растянуто, "вершина" же может быть и четкой и расплывчатой (подчас до такой степени, что "треугольник" превращается в "трапецию"). Не рассматривая здесь теоретические и методические основы изучения весовых графиков[7], отметим лишь одно: график монет типа 1 все же имеет вид "треугольника" ("вершина" – 1,7 или 1,7–1,8 г), происхождение же широкого "основания" неясно: исходное ли оно или результат "раскачки" реального веса монет из-за плохой и разной их сохранности.

Выше уже отмечалось, что монеты клада много потеряли от своего первоначального веса, некоторые истончены до "прозрачности", почти все выщерблены по краям или имеют небольшие обломы краев. В силу этих же причин график не дает возможности представить даже примерные пределы первоначального веса. Определение точного весового стандарта (или назначенного при чеканке эл-марко расчетного среднего веса) по среднему весу уже бывших в обращении монет невозможно без каких-либо дополнительных данных (они бывают), но все же реальный и средний вес монет хорошей и даже в массе средней сохранности (особенно если это клад и известно время его выпадения, т.е. средняя продолжительность обращения монет) дает право для осторожных заключений. В данном же случае этого права нет. Нельзя не подчеркнуть к тому же, что вес учтенных нами внекладовых монет значительно выше. Например, пять монет из клада Музея истории АН УзССР весят 2,41; 2,44; 2,58; 2,67; 2,99 г. Такого же порядка вес еще нескольких экземпляров. Этих данных мало для графического определения среднего веса, но достаточно, чтобы предположить: средний вес монет средней сохранности едва ли будет меньше 2,5 г.

Таблица 2

График веса монет типов 1–2 в составе клада

Кол-во монет	Вес, г													
	1,1	1,2	1,3	1,4	1,5	1,6	1,7	1,8	1,9	2,0	2,1	2,2	2,3	2,4	2,5
1	o	o		o	o	o	o	o	o	o	o	o	o		o
2		o		o	o	o	o	o	o	o	o	o	o		
3		o		o	o	o	o	o	o						
4				o	o	o	o	o	o						
5						o	o	o	o						
6						o	o	o	o						
7						o	o	o	o						
8						o	o	o	o						
9							o	o				**Тип 1**			
10							o								
11							o								
1			o		o	o									
2			o		o	o									
3					o										
4					o										
5					o							**Тип 2**			
6					o										
7					o										

Если вес монет типа 1 в составе клада как источник для суждения о монетной политике и денежном обращении использован быть не может, зато размер этих монет является прочным источником. Несмотря на обломы и выщербленность краев размеры выясняются точно (см. "Приложение", монеты № 1–58). Монеты – почти правильные кружки. Все же между меньшим и большим "диаметрами" разница иногда достигает 2 мм, чаще же она равна 1 мм. У некоторых монет по всем направлениям размер один. Абсолютные размеры монетных кружков (см. "Приложение") имеют некоторые колебания, однако преобладающий размер большего "диаметра" – 25–26 мм (24 и 27 мм – единичны). Такие же размеры у известных нам внекладовых монет. Следовательно, 25–26 мм мы можем считать средним наибольшим "диаметром" хорезмийских монет типа 1.

Монеты типа 2 заметно отличаются и весом (табл.2) и размерами. Их средний вес в составе клада четко виден на графике – 1,5 г. Привлекает внимание компактность веса, малый весовой разброс. Не вызывает сомнения, что для монет типов 1–2 назначен был весьма различный расчетный средний вес (если они чеканены эл-марко) или различный весовой стандарт. Еще заметнее разница в размерах монет. У монет типа 2 при круглой в целом форме также иногда есть разница между меньшим и большим "диаметрами" (см. "Приложение", монеты №59–69), но важно, что средний наибольший "диаметр" – всего 19–20 мм. Такая разница размеров монет двух типов (25–26 и 19–20 мм) даже при отсутствии других признаков была бы надежным критерием их различения. Но в данном случае мы имеем не менее заметные типовые различия. Таким образом, вне зависимости от реального веса отдельных монет на практике простым и удобным критерием их различения был комплекс "тип – размер". Из этого ясно, что монеты двух типов – разного достоинства.

* * *

Существенный вопрос – назначение и сфера обращения в Хорезме монет типов 1–2. Проще всего было бы заключить, что медные монеты этих двух типов были фельсами двух достоинств, т.е. были предназначены для обслуживания сферы мелкой торговли. Однако это простое решение было бы бесспорным, если бы в монетных надписях стояло слово "фельс", но это слово на монетах типов 1–2 отсутствует. Бесспорным это решение было бы и в том случае, если бы мы точно знали, что Мухаммад б.Текеш в Хорезме не выпускал (в отличие от Караханидов в Мавераннахре) медных посеребренных дирхемов, т.е. медных монет, покрытых сверху тонким слоем серебра, называвшихся дирхемами и предназначенных для сферы серебряного обращения по принудительному курсу. Но мы не знаем существа монетной политики Мухаммада б.Текеша в Хорезме. На медных же хорезмских монетах типов 1–2 не видно следов серебрения, а в их надписях нет слова "дирхем".

Известны высокопробные и низкопробные серебряные монеты с именем Мухаммада б.Текеша. Вопрос о назначении медных хорезмских монет типов 1–2 был бы решен, если бы оказалось, что Мухаммад б.Текеш в Хорезме чеканил серебряные монеты (причем начал там чекан серебра не позже чем чекан меди) или вообще серебряный чекан был типичен для Хорезма даже до его восшествия на престол. Но нам неизвестны хорезмские серебряные монеты начала XIII в. Чекан же серебра за пределами Хорезма в свете его монетной политики на завоеванных территориях (об этом ниже) не дает основания механически заключить, что и в Хорезме он имел место.

Вопрос о назначении и сфере обращения медных хорезмийских монет типов 1–2 лишь на первый взгляд кажется частным. Но он ключевой и очень сложный потому, что ни состав монетной массы в Хорезме при Мухаммаде б.Текеше (и вообще при всех Ануштегинидах), ни монетная его политика (как и монетная политика его предшественников) в Хорезме, ни все вопросы денежного обращения в Хорезме (при нем и при всех Ануштегинидах) никогда не были объектом специального исследования. Опубликовано большое количество монет Мухаммада б.Текеша и некоторое количество кладов его монет или с его монетами, но основная их масса и отчеканена и найдена за пределами Хорезма. Можно, например, представить некоторые важные компоненты монетной политики Мухаммада б.Текеша и многие черты денежного обращения на завоеванных им территориях, но эти данные нельзя экстраполировать на Хорезм, так как для экстраполяции нет опоры. В исторически сложившихся регионах, оказавшихся к тому же в составе разных государств, организация денежного обращения могла быть и бывала весьма различной, следовательно, сравнению и любой экстраполяции должно предшествовать изучение денежного обращения на территории Хорезма при Ануштегинидах на основе местных источников (каковыми в первую очередь являются монеты, чеканенные в Хорезме, и монеты, найденные там). Сейчас мы позволим высказать лишь некоторые предположения.

Можно считать, что Мухаммад б.Текеш не ломал традиционные и привычные нормы чекана и организации обращения монет на завоеванных им территориях. Это хорошо видно при сравнении его монет с монетами Гуридов и Караханидов. Гуриды, например, чеканили серебряные монеты. На территории их государства от имени Мухаммада б.Текеша выпуск серебряных монет продолжался (в Газне, Бамиане, Ферване, Кундузе, Заминдаваре и др.[8]), причем преемственно сохранялся во многих случаях даже такой приметный признак типа, как изображение всадника и пр.

В государстве Караханидов основу монетной массы Мавераннахра перед его завоеванием Мухаммадом б.Текешем составляли: караханидские медные монеты, именуемые в надписях фельсами; караханидские медные монеты, покрытые тонким слоем серебра и именуемые в надписях дирхемами (далее – "медные посеребренные дирхемы"); караханидские и другие золотые динары.

Серебряные монеты Караханидов рассматриваемого времени, т.е. начала XIII в., неизвестны. Для Караханидов и Мавераннахра это было время разгара серебряного монетного кризиса. Караханиды, очевидно, и не делали попытки ликвидации серебряного монетного кризиса путем перехода к чекану настоящих серебряных монет и организации их стабильного обращения. Основным средством обращения в сфере серебра в Мавераннахре конца XII - начала XIII в. оставался медный посеребренный дирхем.

После завоевания государства Караханидов Мухаммадом б.Текешем имя последнего появилось на монетах, чеканенных в Мавераннахре, но это была политическая акция. Монетная система не была изменена; с именем Мухаммада б.Текеша в Мавераннахре были отчеканены и золотые динары, и медные посеребренные дирхемы и фельсы.

Для оценки назначения хорезмийских медных монет типов 1-2 некоторое значение имеют такие признаки мавераннахрских фельсов и медных посеребренных дирхемов последних Караханидов и самого Мухаммада б.Текеша, как размеры и вес монетных кружков. Фельсов последних Караханидов и Мухаммада б.Текеша сейчас известно немного[9], поэтому изучение их веса и вообще политики в отношении веса фельсов второй половины XII - начала XIII в. преждевременно. Однако размер существен: наибольший "диаметр" обычно равен 25-28 мм.

Из медных посеребренных дирхемов Караханидов начала XIII в. лучше всего изучен вес и размер уздженских. Для чекана Уздженда характерны относительно высокий вес и большие размеры медных посеребренных дирхемов и явная тенденция увеличения того и другого. С 579/1183-84 по 607/1210-11 г. на монетах Уздженда имя Кадыра. Монет 579 г.х. пока известно небольшое число, но все же ясно, что их средний вес выше 3 г, средний же размер 27-28 мм. Затем (в пределах 582-596 гг.х.) появились медные посеребренные дирхемы Кадыра двух достоинств: у одних средний размер 31-32 мм при среднем весе около 4 г; у других - 35-36 мм при среднем весе около 6 г. На следующем этапе сохранился выпуск дирхемов двух достоинств, но их размеры и вес увеличились. Так, дирхемы 601-603 гг.х. имеют средний размер 40-41 мм при среднем весе выше 8,5 г. К 607/1210-11 г. средний диаметр дирхемов Кадыра б.Ибрахима достиг 42-43 мм при среднем весе выше 11,6 г[10]. Таким образом, в интересующее нас время, т.е. в начале XIII в., медные посеребренные дирхемы, выпускаемые в Уздженде, были и крупными (размер 40-41 и 42-43 мм) и тяжеловесными (средний вес выше 8,5 и выше 11,6 г). Близкие размеры и вес были у медных посеребренных дирхемов начала XIII в. Маргинана (602/1205-06 г.) и Бенакета (599/1201-02 и 602/1205-06 г.)[11]. Монеты Самарканда конца XII - начала XIII в. с метрологической точки зрения не были объектом изучения. Однако некоторое количество закартированных нами в разных музеях медных посеребренных дирхемов Османа (последнего караханида в Самарканде) позволяют заключить, что их размеры и вес были в тех пределах, которые выявлены изучением чекана Уздженда. Ясно, что при Османе в Самарканде чеканили медные посеребренные дирхемы не менее чем двух достоинств: более крупные имеют размер 42-43 мм и индивидуальный вес выше 8 г; более мелкие - 28-30 мм и индивидуальный вес 2,5-3,0 г.

Медные посеребренные дирхемы в государстве Караханидов были основным средством обращения в сфере серебра. Завоевывая города и области государства Караханидов, Мухаммад б.Текеш не разрушал традиции денежного обращения, чекан привычных для Мавераннахра медных посеребренных дирхемов продолжался, но в их надписях появилось имя и титулы государя - завоевателя, Мухаммада б.Текеша. Известны и двухименные монеты (например, Мухаммад б.Текеш и Осман в Самарканде; Мухаммад б.Текеш и Кадыр; он же и Махмуд б.Ахмад в Уздженде) и весьма многочисленные дирхемы, чека-

ненные от имени одного Мухаммада б.Текеша на разных монетных дворах: в Барабе и Уздженде, Термезе и Чаганиане, Самарканде и Бухаре. Среди этих дирхемов Мухаммада б.Текеша (со словом "дирхем" в надписях, иногда со следами серебрения) есть и относительно небольшие (например, средний размер 28 мм и 32–33 мм у двух типов дирхемов Термеза 617/1220г.[12]; средний размер 27–28 мм и 31–32 мм у дирхемов типов 3–4 Чаганиана[13]) и очень крупные (например, 40–44 мм у дирхемов Бараба, Самарканда). Таким образом, в части размеров (а также и веса, который здесь нет необходимости рассматривать самостоятельно) Мухаммад б.Текеш никаких принципиальных новшеств тоже не ввел, размер и вес медных посеребренных дирхемов с его именем определялся караханидской традицией.

Итак, в Мавераннахре при Караханидах и при Мухаммаде б.Текеше выпускали фельсы и медные посеребренные дирхемы, современники легко их различали по наличию или отсутствию серебряной оболочки. Большинство медных посеребренных дирхемов до нас уже не сохранило следов серебрения, поэтому для нас основным критерием различения являются термины "фельс" и "дирхем" в монетных надписях. Когда же в монетных надписях этих терминов нет (стерты или не проставлялись), в качестве критериев могут быть использованы размер и средний вес. Однако изолированное использование двух этих критериев требует осторожности и не всегда дает убедительный материал для твердого выбора: фельс это или дирхем[14]. Средний вес монет не всегда может быть выяснен (или он очень низкий в случаях крайне плохой сохранности монет), индивидуальный же вес "работает" только тогда, когда он высок. Например, медные монеты весом в 4–12 г – безусловно медные посеребренные дирхемы, а не фельсы. Но чем является медная монета, индивидуальный вес которой низок? Это может быть и медный посеребренный дирхем (вес которого имел изначальное отклонение и (или) впоследствии большие потери от обращения и от особенностей окисления), и фельс. Размер монет стабилен, он сохраняется при любых потерях веса от любых причин. С этой точки зрения при условии выявленных закономерностей размер является более прочным критерием определения медных монет.

Интересующие нас медные хорезмийские монеты типов 1–2 относятся к числу таких низковесных, когда вес как критерий не может быть использован. Поэтому существенно сравнить их размер с размером мавераннахрских фельсов Караханидов и Мухаммада б.Текеша и с размерами самых малых из известных сейчас медных посеребренных дирхемов начала XШ в. (табл.3). При этом следует оговорить, что разница "диаметров" монет на 2–3 мм уже настолько значительна, что без всяких измерений такие монеты воспринимаются как различные по размерам.

Таблица 3

Средний наибольший "диаметр" (мм) монет Мухаммада б.Текеша и последних Караханидов (начало XШ в.)

Чекан Хорезма		Чекан Мавераннахра	
тип 1	тип 2	фельсы	дирхемы
25–26	19–20	25–28	от 28–30 до 40–44

Из табл.3 видно, что хорезмийские монеты типа 2 никак не могут претендовать на ранг медных посеребренных дирхемов. Они значительно меньше и фельсов Мавераннахра, но это не существенно. Дело в том, что при Сама-

нидах и Караханидах кроме основного номинала, называвшегося ʿадли, часто чеканили фельсы меньшего достоинства, называвшиеся пашиз (пишиз). В натуре фельсы пашиз конца ХП – начала ХШ в. пока неизвестны, но они известны в саманидском чекане. Заметная особенность фельсов пашиз при Саманидах – их размер, значительно меньший, чем размер фельсов ʿадли. Хорезмийские монеты типа 2 по размеру соответствуют фельсам пашиз. Это дает достаточно веское основание заключить, что хорезмийские медные монеты типа 2 являются не медными посеребренными дирхемами, а именно фельсами (причем, возможно, фельсами не основного, а меньшего, кратного достоинства).

Размер хорезмийских монет типа 1 такой же, как размер современных им мавераннахрских фельсов, в среднем – даже несколько меньше. Если наиболее крупные мавераннахрские фельсы "пересекаются" с самыми мелкими мавераннахрскими дирхемами, то хорезмийские монеты типа 1 своими размерами с дирхемами Мавераннахра начала ХШ в. столь явно не "пересекаются". Все это наиболее правдоподобным делает заключение: хорезмийские медные монеты типа 1 – это фельсы. В пользу этого заключения, на первый взгляд, говорит сам состав клада из-под Куня-Ургенча: если монеты типа 2 – это фельсы (а клады, как правило, состоят из монет одного металла или одной сферы обращения), значит фельсами являются и монеты типа 1. Но это только на первый взгляд, так как исключения из этого правила известны, в том числе для медных посеребренных дирхемов и фельсов. Достаточно привести один пример: в кладе с Афрасиаба именно вместе оказались и медные посеребренные дирхемы и фельсы, причем количественное соотношение исключает случайность[15]. Поэтому в дальнейшем требуется изучение веса на большом материале и внимательное наблюдение: не окажется ли следов серебрения на монетах типа 1 (лучше сохранившихся, чем те, которые нам удалось видеть). Сейчас же осторожнее вывод сформулировать следующим образом. Монетная политика Мухаммада б.Текеша в Хорезме во всем объеме еще не была объектом изучения. Уверенно можно утверждать, что в Хорезме выпускали золотые динары и фельсы. Последние в кладе представлены медными монетами типа 2. Неизвестно, выпускали ли в Хорезме медные посеребренные дирхемы (как в государстве Караханидов) или настоящие серебряные монеты (как в государстве Гуридов): выпуск тех и других от имени Мухаммада б.Текеша на территории этих государств после их завоевания – не основание для экстраполяции.

Если дальнейшее изучение хорезмийских монет типа 1 покажет, что они все же фельсы (более правдоподобный вариант) – это будет означать, что в Хорезме при Мухаммаде б.Текеше чеканили фельсы двух достоинств, различавшиеся размером, типом и весом. Если окажется, что хорезмийские медные монеты типа 1 – медные посеребренные дирхемы (менее правдоподобный вариант) – это будет важная характеристика монетной политики Мухаммада б.Текеша в Хорезме. Во втором случае существенно будет учесть, что выпуск медных монет типа 1 начался в Хорезме до завоевания Мухаммадом б.Текешем Мавераннахра. Если будет доказано, что медные хорезмийские монеты типа 1 – это медные посеребренные дирхемы, появится основание заключить, что выпуск такого рода монет в Хорезме был не опытом формирования единой монетной политики для Хорезма и Мавераннахра после завоевания последнего, а имел местные традиции и (или) экономические причины.

Приложение

Опись клада[16]

№ п/п	Тип	Монетный двор	Год хиджры	Вес, г	Размер, мм	Примечания
1	2	3	4	5	6	7
1	1	–	602	1,78	26–27	
2	1	–	602	1,71	25–25	Облом
3	1	Хорезм	602	1,67	25–26	
4	1	–	603	1,65	25–26	
5	1	–	603	1,74	24–26	
6	1	–	603	2,20	24–25	
7	1	Хорезм	603	1,36	24–25	Обломы
8	1	Хорезм	603	1,56	25–26	Обломы
9	1	Хорезм	603	1,75	24–26	
10	1	Хорезм	603	2,01	24–26	
11	1	Хорезм	610	1,53	24–25	Выщербины
12	1	Хорезм	610	1,95	24–25	
13	1	Хорезм	610	1,77	26–27	Выщербины
14	1	Хорезм	610	2,10	26–26	
15	1	–	610	1,94	25–25	
16	1	Хорезм	610	2,05	25–25	Выщербины
17	1	–	610	1,67	25–25	Выщербины
18	1	–	610	1,61	25–26	Облом
19	1	Хорезм	–	2,25	24–25	
20	1	Хорезм	–	2,25	24–24	
21	1	Хорезм	–	2,15	25–25	
22	1	Хорезм	–	1,59	23–24	Обломы, выщербины
23	1	Хорезм	–	1,08	..–26	Обломы, выщербины, истонченность
24	1	Хорезм	–	1,94	23–25	Выщербины
25	1	Хорезм	–	1,87	23–24	Выщербины
26	1	Хорезм	–	1,86	24–24	Облом
27	1	Хорезм	–	1,76	24–24	Выщербины
28	1	Хорезм	–	1,82	..–24	Облом
29	1	Хорезм	–	1,68	23–25	Облом, выщербины
30	1	Хорезм	–	1,66	24–25	Облом, выщербины
31	1	Хорезм	–	1,73	..–26	Облом, выщербины
32	1	Хорезм	–	1,59	25–25	Облом, выщербины

1	2	3	4	5	6	7
33	1	Хорезм	–	1,64	23–24	Облом, выщербины
34	1	Хорезм	–	1,37	25–25	Облом, выщербины
35	1	–	602	1,63	25–26	Облом, выщербины
36	1	–	602	1,41	24–25	Выщербины
37	1	–	603	1,60	23–26	Выщербины
38	1	–	603	1,81	22–24	Выщербины
39	1	–	6..	1,94	23–25	
40	1	–	–	1,87	25–26	Выщербины
41	1	–	–	1,18	23–25	
42	1	–	–	1,86	23–26	Выщербины
43	1	–	–	2,53	24–26	Выщербины
44	1	–	–	1,94	24–25	
45	1	–	–	1,82	25–25	Облом, выщербины
46	1	–	–	1,78	24–25	Облом, выщербины
47	1	–	–	1,78	24–26	
48	1	–	–	1,67	22–23	Выщербины
49	1	–	–	1,65	. . –25	Облом, выщербины
50	1	–	–	1,68	. . –25	Облом
51	1	–	–	1,56	. . –24	Облом, выщербины
52	1	–	–	1,53	. . –25	Облом
53	1	–	–	1,44	24–25	Выщербины
54	1	–	–	1,52	. . –27	Облом, выщербины
55	1	–	–	1,49	25–25	
56	1	–	–	1,21	23–. .	Облом
57	1	–	–	1,23	. .–25	Половина монеты
58	1	–	–	0,89		Менее половины монеты
59	2	–	–	1,50	18–19	Выщербины
60	2	–	–	1,47	20–20	
61	2	–	–	1,54	19–19	Выщербины
62	2	–	–	1,62	18–18	
63	2	–	–	1,53	20–20	
64	2	–	–	1,45	20–20	Выщербины
65	2	–	–	1,49	18–19	
66	2	–	–	1,55	18–19	Выщербины
67	2	–	–	1,50	18–19	

1	2	3	4	5	6	7
68	2	-	-	1,25	18–20	
69	2	-	-	1,32	19–20	Вьщербины
70	3	-	-	1,53	23–23	Облом, вьщербины
71	3	-	-	1,21	19–20	Облом, вьщербины
72	4	-	-	1,77	17–17	
73	5	-	-	0,75	. . –18	Фрагмент
74	6	-	-	1,24	21–21	Вьщербины, истонченнос
75	-	-	-	1,37	19–20	
76	-	-	-	1,65	20–20	Облом, вьщербины
77	-	-	-	1,54	20–22	Вьщербины
78	-	-	-	2,02	18–19	Вьщербины

Примечания

[1] Ch.M. Fraehn. Recensio numorum muhammedanorum <...>. Petropoli. 1826, с. 147, № 12.

[2] В.В. Вельяминов-Зернов. Описание нескольких монет, привезенных из Бухарии. – Записки имп. Академии наук, 1863, т.III, с.1–2.

[3] А.К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, с.300, №46–47.

[4] В сводной работе Е.Шамбаура есть интересные, но явно перепутанные сведения о чекане Хорезма интересующих нас годов (E. Zambaur. Die Münzprägungen des Islams. Wiesbaden, 1963, с. 113 и табл. 12). На с. 113 под Ануштегинидами фигурирует 610 г.х., но на табл. 12 числится медная монета не 610 г.х., а 611 г.х. со ссылкой на работу Б.Дорна, в которой, однако, не упомянута медная монета Хорезма ни 610, ни 611 г.х. На с.113 в перечне источников эта работа Б.Дорна отсутствует, но нет и других указаний – откуда взят 610 г.х. (или 611 г.х. – как в табл.). Предстоит выяснить как происхождение этих двух дат, так и достоверность одной из них. Существенно подчеркнуть, что двух других дат, представленных в изучаемом нами кладе (602–603 гг.х.), у Е.Шамбаура вообще нет.

[5] Лишь для типа 4 могут быть названы такие признаки, по которым его в дальнейшем все же можно будет сравнить с другими монетами и, может быть, опознать. На обеих сторонах – круговые легенды есть. В поле одной стороны читается "ас-султан ал-а'зам" в две строки, но была и третья, нижняя. Внешний ободок другой стороны – точечный.

[6] Эта монета опубликована, см.: Е.А.Давидович. Коллекция восточных монет Ферганского областного музея. – Изв.Отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. 14, 1957, с.141–142, № 12.

[7] Об этом см.: Е.А.Давидович. История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XУ – первой четверти XУ1 в. в Мавераннахре). М., 1983, с.139–143.

[8] Серебряных и биллонных монет Мухаммада б.Текеша опубликовано много, причем в большинстве случаев место производства и дата не проставлены, иногда стерты. Но основная часть таких монет все же может быть отнесена к территории б.государства Гуридов по типовым признакам. Серебряные монеты Газны (не менее десяти экз., есть даты – 617 и 618 (?) гг.х.) хранятся в ГИМ, Москва.

Биллонные монеты Бамиана см.: E. Thomas. On the coins of kings of Gazni. – JRAS, 1848, с. 382, № 12; D. Sourdel. Inventaire des monnaies musulmanes anciennes du Musée de Caboul. Damas, 1953, с.109, № 1038–1040. Серебро Ферваны без даты опубликовано (D. Sourdel. Inventaire..., с.107, № 704–709), на монетах ГИМ того же типа читается и дата – 617 г.х. Кундуз (биллон) 616 г.х. см.: E. Thomas. Note on Col. Stasey's coins. – JASB, vol. XXI, 1852, с. 115.

9 Е.А.Давидович. Из области денежного обращения в Средней Азии XI–XII вв. – НЭ, II, М., 1960, с.110 (7 экз.); Г.В. Шишкина. Клад медных монет с Афрасиаба. – ИМКУ, вып.5. Таш., 1964, с.116–117, 121–122 (описано 9 типов, слово "фельс" – на монетах 4 типов; монеты еще 5 типов сочтены фельсами по косвенным данным; всего 28 экз.); Б.Д.Кочнев. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. – ИМКУ, вып.16. Таш., 1981, с.73–78 (7 экз.).

10 Подробнее см.: Е.А.Давидович. Канибадамский клад караханидских монет (К характеристике обращения медных посеребренных дирхемов в конце XII – начале XIII в.). – СА, 1961, № 1, с.190–195, 198.

11 Е.А.Давидович. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979, с.213–214 и примеч.3–4 на с.218. Медные посеребренные дирхемы Бенакета конца XII в. также известны. Опубликован клад однотипных монет 592/1195–96 и 593/1196–97 гг. (Т.С.Ерназарова, Б.Д.Кочнев. Монетные находки с Кендыктепе. – Древности Туябугуза. Таш., 1978, с.143–145). Публикаторы считают эти монеты медными посеребренными дирхемами, хотя ни на одной монете слова "дирхем" нет, нет и следов серебрения. Вес дает большой разброс, а такой признак различения дирхемов и фельсов, как размер монет, не приведен. Дирхем 594/1197–98 г. (см.: Е.А.Давидович.Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана. – Труды Института истории и археологии, вып. 7. Таш., 1955, с.157) весит 3,52 г, размер 32–33 мм. Упомянуты (без данных о весе и размерах) дирхемы 597–598 гг.х. (Т.С.Ерназарова, Б.Д.Кочнев. Монетные находки..., с.155).

12 Е.А.Давидович. Термезский клад медных посеребренных дирхемов 617/1220 г. – ЭВ, УШ. М.–Л., 1953, с.44–49.

13 Е.А.Давидович. Клады, с.221–223 (клад № 48), 225–226 (клад № 49).

14 Так, например, размеры и вес монет Мухаммада б.Текеша 611/1214–15 г. (в составе клада, найденного в южном Таджикистане на территории средневекового города Хелаверда на берегу р.Вахш) не сочтены были достаточным критерием, вопрос об их назначении (фельсы? медные посеребренные дирхемы?) оставлен открытым (см.: Е.А.Давидович. Клады, с.228–229). Г.В.Шишкина, наоборот, по размеру и весу в составе клада с Афрасиаба четко разграничила фельсы и дирхемы в тех случаях, когда этих терминов в монетных надписях не оказалось (см.: Г.В.Шишкина. Клад медных монет с Афрасиаба, с.113, 120–121).

15 Г.В.Шишкина. Клад медных монет с Афрасиаба, с.112 сл.

16 В графе "Примечания" приняты следующие характеристики: "Облом" – край монеты обломан с одной стороны; "Обломы" – край монеты обломан в двух–трех местах; "Выщербины" – источенные и выщербленные края монеты и трещинки; "Истонченность" – истонченное до "прозрачности" поле монеты.

А. А. Егани, О. Д. Чехович

РЕГЕСТЫ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ АКТОВ[1]

(Материалы к сводному каталогу актовых источников в собраниях СССР)

III

101. Не ранее 1533 г. июля 23 – 1534 г. июля 12 (940 г.х.)[2]. Запродажная Ḳулāш-ḫāнӣм, по прозванию Ḳазāḳ-ḫāнӣм, дочери Ḳāсим-ḫāна, оформленная в судебном присутствии (маḥкама-и ḳāḍӣ) города (балада) Кеш, о продаже Руḳӣйе-Султāн-ḫāнӣм, по прозванию Ḳарāкӯз-ḫāнӣм, дочери покойного Абӯ Манṣӯра Māмāш-ḫāна, собственных (милк) строений лавок (сукний-āт-и дакāкӣн) на Рӣгистāне города (балада) Бухары, ограниченных с запада каравāн-сарāем ḫоджи Джāн-ḫоджи, сына покойного ḫоджи Абӯ Наṣра, с севера – общей дорогой (рāх-и ʿāмм) и постройками Кāуйāгӣ-пекаря (нāнвā) и Ṭӯṭӣ-ḫāфиẓа, с востока – строениями лавок Йāр Муḥаммада Атаке, с юга – каравāн-сарāем Нӯриддӣна-ṣадра и постройками Мӣрзы ʿАлӣ кожевника (чармгар) и ḫāфиẓа Ḫāлдāра; за 5000 танга ханских, одномиṣкāльных, серебряных, без изъянов, тридцатидинарового чекана, имеющих хождение в настоящее время, по оценке оценщика усадеб (муḳаввим-и ʿаḳāр). (Рис. 1–2).

№ 117[3], подлинник, разм. 105х24 см. На л.с. печать: К., 2,5 см. Ḳāẓӣ Муḥаммад Шафӣʿ, сын Иḫтийāраддӣна ал-Ḥусайнӣ, 940.

102. 1538 г. октября 6 (945 г.х., джумада I 12). Запродажная ḫоджи Муḥаммада, сына ḫоджи ʿАлӣ Сӣмӣна, о продаже эмиру Тӣн Ḳилӣджу, сыну покойного эмира Карӣмбӣрдӣ, одной собственной лавки (дуккāн-и милк) вне крепости (ḫāридж-и ḥиṣāр) города (балада) Бухары, в начале /квартала (?)/ Ṣаррāфāн, ограниченной с запада вакфной землей мечети этого квартала (кӯ), на которой построена другая лавка покупателя, с севера – запретной полосой канала города (ḫарӣм-и рӯд-и шахр) Бухары, с востока – лавкой мастера (устāд) Йӯсуфа ʿАлӣ, сына мастера Наṣраллāха, внука ḫāфиẓа ʿАтā'аллаха аṭ-Ṭӯсӣ, и с юга – общей дорогой; за 400 танга серебряных, без изъянов, одномиṣкāльных, новых.

На правом поле признание родственников продавца о том, что они не имеют никаких прав на продаваемую лавку. (Рис. 3)

№ 118, подлинник, разм. 47,5х19 см. На л.с. печать: К., 3 см. (не прочитана).

103. 1558 г. сентября 5 (965 г.х., ẓӣ-л-ḳаʿда 22). Запродажная Ниййāз-ḳулӣ-мӣрзы, сына ходжи Пāйанде, внука ḪоджиḪасана, и его родных, по доверенности, оформленной в присутствии заместителя (нāйб) верховного ḳāẓӣя города (балада) Бухары при свидетелях: Дӯст Муḥаммад-тарḫāне, сыне

---

[1] Продолжение. Начало см. "Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1974". М., 1981, с. 47–57; "Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1975". М., 1982, с. 34–51.

[2] Основание датировки – дата на печати.

[3] Все документы, публикуемые в этом выпуске, принадлежат коллекции Государственной публичной библиотеки им. Фирдоуси, гор. Душанбе.

Қалӣка-тарҳāна, и Āқ Муҳаммад-мӣрзе, сыне Силлӣ Муҳаммада, о продаже ҳодже Муҳаммад Қāсиму, сыну ҳоджи Муҳаммад Ислāма, по прозванию Ҳоджа Джӯйбāрӣ, одного участка собственной земли (замӣн-и милк), пригодной для обработки и посева, в селении (қарйа) Афдағбуғā тӯмāна Рӯд-и шахр-и Буҳāрā, ограниченного собственной землей Ҳāджима, сына вышеупомянутого ҳоджи Пāйанде, государственной землей (замӣн-и мамлака), находящейся в пользовании Йақӯба, сына Муҳаммад Вайса тарҳāна, собственной землей упомянутого Ҳāджима, сына Пāйанде, запретной полосой общего канала (ҳарӣм-и нахр-и ʿāмм) и общей дорогой (рāх-и ʿāмм), примыкающей к каналу (джӯй) Руҳшāбāд; за 62,5 танга серебряных, ҳāнских, одномисқāльных. (Рис. 4).

№ 120, подлинник, разм. 42 х 26,5 см. На л.с. печать: К. 2,7 см (не прочитана). На о.с. помета: Ипāр-бикā, дочь Қул Саʿйда, и Вафā-бикā в 965 г. продали /землю/ ҳодже Муҳаммад Қāсиму за 62,5 танга.

104. 1579 г. марта 18 (987 г.х., муҳаррам 19). Запродажная ʿАраб-ҳāнӣм, дочери покойного Абӯ Саʿйд-хана, оформленная в судебном присутствии (маҳкама) города (балада) Насаф; о продаже ҳодже Муҳаммад Саʿду, по прозванию Ҳоджа Калāн-ҳоджа, сыну ҳоджи Муҳаммад Ислāма, по прозванию Ҳоджа Джӯйбāрӣ, следующих недвижимостей.

1. Целая местность (мауза) Панджшанбе-бāзāр, свободная (от налогов), обеленная собственность (милк-и ҳāлиṣ ҳурр) в тӯмāне Анхāр-и Джадӣд округи (нāҳийа) города (балада) Самарканда, включающая плодовые и неплодовые деревья, базарные лавки и пахотные земли, ограниченные с востока государственной землей (замӣн-и мамлака-и пāдшāхӣ), откуда поступают оросительные воды канала (нахр) Дарғам, с запада – ручьем (сāй), с севера – государственной землей, находящейся частью в распоряжении Пāйанде Муҳаммада, сына Хамзы ʿАлӣ Атака, частью в распоряжении Ṭāхир Муҳаммада, сына Дӯст Муҳаммада Кӯкалтāша, с юга (примыкает) к земле местности (мауза) Āлчӣн, тоже свободной, обеленной собственности продающей.

2. Участок свободной, обеленной, пахотной земли Āлчӣн тӯмāна Анхāр-и Джадӣд, ограниченный с запада сāем, с севера – вышеописанной местностью и общей дорогой, с востока – собственной землей (замӣн-и милк) из наследства покойного ҳоджи Мӣркāя ṣадра, сына Ҳāфиз-и Калāн-и Буҳāрӣ, а также землей милк ʿАбдаллатӣфа, сына Ҳоджи Калāна, откуда тоже поступает оросительная вода канала Дарғам; с юга граничит с сāем.

Первые две недвижимости проданы за пятьсот танга серебряных, новой чеканки по одному мисқāлу, ҳāнских.

3. Целая местность Рӣвāдж, свободная, обеленная собственность (милк-и ҳāлиṣ ҳурр) в самаркандском тумане Согд-и Калāн, включающая многочисленные пахотные земли, ограниченные с запада государственной падишахской землей, называемой Кабӯтар-ҳāне, другой падишахской землей, находящейся в распоряжении Қарāка-қарāула, сына Шāхқулӣ, и третьей государственной, падишахской землей, находящейся в распоряжении Турсуна Мӣрашкāра, сына Йāр Муҳаммада, с севера – қишлāқом Чāкир-бāя, сына Чāлбāш-бāя, государственной падишахской землей, называемой Қилӣманд, такой же землей, называемой Замӣн-и Фāн, и запретной полосой канала (ҳарӣм-и нахр) Иштӣхāн; с востока – каналом Иштӣхāн, частично – древним протоком канала Иштӣхāн и частью – землей милк Катта-бека мӣрзы, сына Улуғ-бека мӣрзы, входящей в состав мауза Тӯт ʿАлӣ-ҳāкима; проданная земля получает оросительную воду из Āқ-сӯ, то есть Āб-и Сāғардж; с юга она граничит с государственной падишахской землей Тӯт ʿАлӣ-ҳāкима и с землей Кабӯтар-ҳāне; за 1500 танга серебряных, новой чеканки, ҳāнских, по одному мисқāлу.

4. Местность Чахарбаг – свободная обеленная собственность (милк-и халис хурр), известная под названием Баг-и Шагалан, расположенная в местности Файда-Майдан самаркандской округи (нахийа), с плодовыми и неплодовыми деревьями, тремя лавками: по продаже и выпечке хлеба (нанвай), выработке масла (раугангарй) и мясной (кассаби), домами во дворе (хавали муштамил бар буйут) и пахотными землями, ограниченными с запада пахотной землей вакфа мазара Ходжагй Ахмада Касани, общей дорогой и кладбищем, с севера – землей милк наследства ʿАбдаллатйф-хана и землей вышеупомянутого вакфа, которую называют землей Рабат-и Газийан, с востока и юга – общей дорогой и садом Джукй-мирзы; оросительная вода поступает из Аб-и Рахмат; последняя недвижимость продана за 1000 танга серебряных, новой чеканки, ханских, одномискальных. (Рис. 5-9).

№ 57, подлинник, разм. 148 х 2,5 см. На л.с. печати: 1) К., 2,7 см. ... сына Мухаммад Такй ан-Насафй 978 (приложена семь раз); 2) Восьмиугольная звездочка, 2,2 см. ʿАраб-ханим, дочь Абу Саʿйд-хана. Подписи: казия, дивана, бахши, урдубиги, йузбиги, михтара, бйев, кукалташа. На о.с. пометка с перечислением местностей, даты, места оформления с терминами: сак, васйка-и харйд у фурухт.

105. 1584 г. февраля 27 (992 г.х., сафар 15). Фрагмент указа (нишан) о назначении эмира Низамаддин-Мухаммада Бадиʿ ал-Хусайнй на пост казия города (балада) Самарканд и подчиненных ему мест, в том числе Афтабрубе. Ему вменяется в обязанности защита прав людей от насильников и нарушителей шариʿата, личное присутствие при разборе исков (даʿва), заключение брачных договоров (ʿукуд-и анкаха), деление наследств и писание документов (сукук) и постановлений (сиджиллат), охрана и расследование положения /имущества/ государственного казначейства (байт ал-мал), лиц, пропавших без вести и умалишенных, надзор за правильностью мер и весов, установление денежных курсов и цен, проверка правильности составления шариатских грамот, расследование положения, опытности, дарования и соответствия постам казиев, мухтасибов, имамов и муʾаззинов, их назначение и увольнение. /Населению/ предписывается признавать его верховным казием (акзй ал-кузззат) города (балада) и тюменов, подчиняться его решениям, запретам и приказам; лавки-мастерские (дакакин), земли (йабисат ва арази) и все то, что с давних времен подведомственно казию этого города, полностью признавать вверенным ему; имамы махаллей должны подчиняться ему и его заместителям (найбан). Те лица (мардум), которых издавна не касались казии ʿаскар и его заместители, за исключением военных (джунудй) и кочевников (аймакат), пусть не обращаются к другим, /кроме назначаемого казия/. Никто, кроме него и его заместителей, не может определять цены и курсы денег (нарх ва асʿар). (Рис. 10-12).

№ 121, подлинник, разм. 45 х 18 см. На л.с. печати: 1) К., 2,5 см. ʿАбдаррахим Хусайн, сын Касим-хана; 2) К., 2,5 см. ...Мухаммад Муким...; третья, четвертая и пятая: К., 2,5 см (не прочитаны). На о.с. пометы: "Парванче опоры знатных Балту ʿАли бахадура-парваначи" и "Рисале (?) опоры царства и власти Хаджжи-бий атализка".

106. 1597 г. декабря 2 (1006 г.х., рабиʿ ас-сани 22). Запродажная Мир ʿАраба, сына Маулана Ходжи, о продаже Хасан-ходже, сыну покойного ходжи Саʿда, по прозванию Ходжа Калан-ходжа, следующих недвижимостей.

1. Около 30 танабов пахотной земли (милк) в местности (мауза ʿ) Баг-и Калан тумана Хайрабад вилайата Бухары, ограниченной с запада общей дорогой (рах-и ʿамм), ведущей от Хайрабада к Рамитану, с севера – оросителем (афдаг-и муʿайян), с востока – вакфной землей, находящейся в распоряжении Хайдар-караула, с юга – вакфной землей, называемой Хушк-Кану (?).

2. Раḳабе одного участка земли милк в той же местности Бāг-и Калāн, размером около 410 ṭанāбов, ограниченной с запада землями милк Бāḳиджāн-мирзы, сына Валиджāн-мирзы, общей дорогой, оросителем, опять землями Бāḳиджāна, ваḳфными землями местности Ḫушк-кāнӯ и землями милк Чакмана, сына ʿАбдалвалӣ, с севера – землями милк Бāḳиджāн-мирзы, оросителем, общей дорогой и землями милк Чакмана, с востока – оросителем и общей дорогой, с юга – землями милк Чакмана, оросителем и общей дорогой.

3. Мельница, приводимая в движение ослом.

4. Около 10 ṭанāбов земли в той же местности, ограниченные с запада общей дорогой, с севера и востока – ваḳфными землями местности Ḫушк-кāнӯ, с юга – речкой (рӯд) Ḫайрāбāда; за 1500 танга серебряных без изъянов, одномиснāльных, старых, девятидесятых. (Рис. 13–14).

№ 122, подлинник, разм. 84 х 26 см. На л.с. печать: К. Ḳāзӣ Маḥмӯд, сын Нӯриддӣна Муḥаммада.

107. 1609 г. октября 19 (1018 г.х., раджаб 20). Ваḳфная грамота (ваḳфийа) Нāсираддӣна ʿАбдарраḥӣма-ḫоджи, сына Ḳавāмаддӣна Саʿда, по прозванию Ḫоджа Калāн-ḫоджа, об основании ваḳфа в пользу потомков из следующих недвижимостей.

1. Собственное селение (ḳарйа) Туḫмадж (?), свободное, очищенное от законного налога (милк-и ḫурр ва ḫāлиṣ аз ḫарāдж-и шарʿӣ) с пахотными землями в тӯмāне Рӯд-и шахр города (балада) Бухары, ограниченное с запада ваḳфной землей, на которой находятся посадки (сукнийāт) абрикосовых деревьев Дарвӣш Муḥаммада, сына Тӣмӯра, и тутовника, принадлежащего основателю данного ваḳфа, общим каналом (нахр-и ʿāмм) местности (маузиʿ) Сумӣтан, государственной, падишахской землей селения (ḳарйа) Сангрӣза, известной под названием Ḳарйа-и ḫазрат-и Бāба-шейḫ Мубāрак, и общей дорогой (рāх-и ʿāммӣ) на Сумӣтан, с севера – ваḳфной землей с посадками тутовника и виноградными садами (бағḫā-и ангӯр), принадлежащими пяти лицам: ḫаджжӣ Муḥаммаду, сыну Нӯр Муḥаммада, ḫāфизу Саʿйиду, сыну ḫāфиза Мӯсы, ʿИбāдаллāху, сыну Устāд-и Калāн, Ḫудāйбирдӣ, сыну Аллāбирдӣ, и ḫаджжӣ ʿАрабу, сыну Дарвӣш Ḫусайна, с востока – землями селения Сангрӣза, запретной полосой древнего канала (ḫарӣм-и нахр-и ḳадӣм) Сангрӣза и общего канала (рӯд-и ʿāмм) вышеуказанного города (балада), с юга – землями селения Сангрӣза и оросителем (афдағ-и муʿаййан).

2. Участок земли в местности (маузиʿ) Джузмандӯн бухарского тӯмāна Рӯд-и шахр, ограниченный с запада известным озером (кӯл) Йӯрӯн, запретной полосой общего канала (ḫарӣм-и нахр-и ʿāмм) селения (ḳарйа) Йӯрӯн, землями милк ḫāфиза Муḥаммад Амӣна, сына Дӯстӣ, Мӣр Пāйанде, сына Мӣр Муḥаммада, Надира Муḥаммада, сына Шāх Муḥаммада, Мӣрак Ḫасана, сына Мӣр Ḫурда, и ʿАлӣ, сына ʿАбдаллāха, с севера – общей дорогой (рāх-и ʿāмм), с востока – запретной полосой канала (ḫарӣм-и нахр) селения (ḳарйа) ʿАлавийāн, землями древнего ваḳфа, находящимися в распоряжении ḫоджи Муḥаммада Закарийā, сына покойного ḫоджи Мӣрака, и Турсӯна мирзы, сына мирзы Муḥаммадӣ, с юга – землями селения Йӯрӯн, находящимися в распоряжении ʿАбида, сына Бахлӯла, Джахāншāха, сына Мӣрака, Муʾмина, сына Бāḳӣ, ḫāфиза Муḥаммад Амӣна, Надир Муḥаммада, Мӣрак Ḫасана и ʿАлӣ, а также запретной полосой общего канала (ḫарӣм-и нахр-и ʿāмм) ʿАлавийāн.

3. Другой участок земли в местности Джузмандӯн, ограниченный с запада государственной падишахской землей, находящейся в распоряжении мирзы Ḫурдӣка, сына мирзы Ḫусайна, и общей дорогой (рāх-и ʿāмм), с севера – оросителем (афдағ-и муʿаййан), с востока – запретной полосой общего канала Джузмандӯна, с юга – общей дорогой, ведущей из городка (ḳаṣаба) Ḳарāкӯл в город (балада) Буḫāрā.

4. Еще участок земли в Джузмандӯне, ограниченный с запада общей до-

рогой, с востока – землями наследства покойного мирзы Науруза, сына мирзы ʿАбдаллаха, с юга – общей дорогой[4].

5. Еще участок земли в той же местности, ограниченный с запада запретной полосой общего канала Йӯрӯн, с севера и востока – вышеупомянутыми государственными землями, находящимися в распоряжении мирзы Ҳурдйка-арбāба, с юга – общей дорогой.

6. Еще участок земли там же, ограниченный с запада запретной полосой общего канала рабāṭа Ḳазāḳ-ханӣм, с севера – общей дорогой, ведущей из Сумитāна в город /Бухару/, с востока – общим каналом селения Йӯрӯн, с юга – общей дорогой.

7. Еще участок земли там же, ограниченный с запада общей дорогой селения (ḳарйа) Талл-и ʿАлавийāн, с севера – землей маулāнā Хиндӯ, сына маулāнā ʿАбдаллāха, с востока – общей дорогой, примыкающей к Ḳаср-и Тāбак, с юга – государственными землями селения Шейх Лӯмӣ, находящимися в распоряжении Ширама, сына ʿАбдаллāха.

В ваḳф не включаются мечети, кладбища, общие дороги, деревья, посевы и постройки. При распределении доходов ваḳфа учитывается не только религиозный закон (шарʿ), но и обычай (ʿурф). Земли Туҳмаджа свободны как от законного ҳарāджа, так и от поборов (маʾунāт) дйвāна. Упоминается медресе в Сумитāне – место Абӯ Ханӣфы и Ибн Абӣ Лайлӣ, а также деньги: 100 танга серебряных одномисḳāльных, старых девятидесятых, предназначаемых на покупку баранов и пшеницы для праздничных трапез и 40 танга – на освещение и др.

Ваḳфная грамота снабжена двумя решениями (сиджилл) от 21 октября 1609 г. (1018 г.х., раджаб 22):

1) решение верховного ḳāзия (аḳзā ал-ḳуззāт) Бухары об удовлетворении иска основателя ваḳфа, выступающего в качестве мутаваллӣя, против Лутфаллāха, сына ҳоджи ҳāджжӣ Муҳаммада, присвоившего имущество ваḳфа;

2) решение ḳāзия бухарского тӯмāна Сāмджан, являющегося наместником (нāйб) верховного ḳāзия города Бухары, о том, что решение верховного ḳāзия, содержащееся в предыдущем постановлении, имеет силу распространения на всех людей. (Рис. 15–31).

№ 58, подлинник, разм. 256 х 24 см. На л.с. печати: 1) К., 3,5 см. Ḳāзӣ ʿĀшиḳ Муҳаммад, сын Исан Муҳаммад-шейҳа ал-Буҳāрӣ (приложена 11 раз); 2) М., 17 х 2 см. Валӣ Муҳаммад бахāдур ҳāн.

108. 1628 г. февраля 7 (1037 г.х., джумāдā-л-аҳир, 1). Запродажная Султāн-бӣки, дочери ҳоджи Вāҳида, о продаже Надир-мирзе Таґāю, сыну Султāн-мирзы, пахотных земель, сада, майдāна и мельницы, являющихся свободной, обеленной собственностью (милк-и ҳāлиṣ ҳурр) ее, расположенной в самаркандском тӯмāне Шāудāр, маҳалле Ҳоджа Шӣртак аʿмāла Мавераннахр и ограниченной с запада землей милк муллы ʿИваза Румāла, сына Сӯфӣ, и общей дорогой, с севера – садом устāда Пāйанде Муҳаммада, сына ʿАбдаллāха, а также землями, садом и майдāном муллы Муҳаммад Тӣба, сына муллы Фӯлāда Сӯзангара, с востока – майдāном муллы Муҳаммад-Саʿӣда Мӯзадӯза, с юга – общей дорогой, садом Йӯл-бека, сына Ḳāсим-бӣя, и садом Нāṣирḳулӣ; за 1250 танга серебряных, чеканенных по одному мисḳāлу, тридцатидинаровых. (Рис. 32–34).

№ 59, подлинник, разм. 55 х 43 см. На л.с. печать: К., 2,7 см. Ḳāзӣ ʿАбдалҳāфиз...

109. 1629 г. августа 5 (1038 г.х., зӯ-л-ҳиджжа 15). Запродажная (васӣḳа) Гулмāх-бӣбӣ, дочери Турсӯна-ḳӯрчӣ, и малолетних наследников Муʾмин-бӣя, о продаже Ṣāҳибджамāл-бӣбӣ, дочери Ṣадра Кӯшбӣгӣ, разру-

[4] Северная граница пропущена в оригинале.

шающегося караван-сарая, являющегося их обеленным милком и известного под названием Сара-йи Ḳамчӣн в Самарканде, аʿмала Мавераннахр, с помещениями (ḫуджра̄т) первого и второго этажа, летними и зимними стойлами для животных, многочисленными лавками (дака̄кӣн) внутри и вне караван-сарая, а также мастерскими по выработке шерстяных веревок (мӯйта̄би), расположенными к северу от продаваемого караван-сарая. Местоположение караван-сарая ограничено с запада лавкой кондитера (ḫалва̄гари) и дорогой базара москательщиков (ʿаттара̄н), откуда вход в караван-сарай, с севера – общей дорогой, ведушей к Чахарсӯку, и лавкой мирзы Ҫалиха дива̄на, сына покойного муллы ḫоджи Джана, с востока – сенным базаром (ка̄х), а с юга – тимом Та̄ḳидӯза̄н, который теперь разрушился и стал местом сброса золы и пыли; за 14 300 танга серебряных, отчеканенных по одному мисḳа̄лу и тридцати динаров, имеющих хождение (джа̄рӣ). (Рис. 35–37).

№ 52, подлинник, разм. 89 х 26,5 см. На л.с. печать: К., 2,7 см. Ḳа̄зӣ ʿАбд... Амӣн, сын Муḥаммада...

110. 1638 г. сентября 19 (1048 г.х., джумада̄-л-аввал 10). Запродажная Абӯлḫайр-бека, сына покойного Ата̄ḳулӣ кӯкалта̄ша, о продаже Надир-мирза Ṭага̄ю, сыну покойного Султана-мирзы, своего свободного, обеленного милка (ḫурр ḫа̄лис), называемого милк-и Саурак в /местности/ Хаза̄ра-и Ḫаркан вилайата Кармина, ограниченного с запада запретной полосой канала (ḫарӣм-и нахр) Кара̄ман, землями милков Ḳӯтӯр-ба̄я, сына Туруш-ба̄я и Ӯрӯс-ба̄я, сына ʿАбдалла̄ха, а также общей дорогой, ведущей из ḳишла̄ḳа Вазӣр-бек в Ā̄ḳ Саḳḳа̄л, с севера – государственными, падишахскими землями Ā̄ḳ Саḳḳа̄л, находящимися в распоряжении определенной общины (джамʿ-и маʿлӯмӣн), с востока и юга – са̄ем Ā̄ḳ Саḳḳа̄л; за 6000 танга серебряных, отчеканенных по одному мисḳа̄лу, имеющих хождение, причем цена установлена справедливыми оценщиками усадебных земель (ʿаḳа̄р). (Рис. 38–42).

№ 56, подлинник, разм. 154 х 24,2 см. На л.с. печать: К., 3 см. Ḳа̄зӣ Мӣр Муḥаммад-ḫоджа, сын Муḥаммад Ṭа̄хира. На о.с. три пометы: 1) Акт (ṣак) милка Саурак в вила̄йате Кармина, проданного Абӯлḫайр-беком, сыном Ата̄ḳулӣ кӯкалта̄ша; 2) Да не будет скрыто, что ишан Муḥаммад Ба̄ḳир-ḫоджа продал /это/ Муḥаммад Ṭа̄либу, а его наследники – Ӯзӣ Тимӯру, что сейчас аннулировано; 3) Васӣḳа купли-продажи.

Ю. А. Каменев

ИБРАХИМ МУТЕФЕРРИКА И ЕГО СОЧИНЕНИЕ "УСУЛ ал-ХИКАМ ФИ НИЗАМ ал-УМАМ"

О личности Ибрахима Мутеферрика (ок. 1674–1745), турецкого государственного деятеля, дипломата и основателя первой турецкой типографии, писали многие исследователи. Первое упоминание о нем встречается в письме венгерского дворянина Сезара де Сосюр-Сезарнака, отправленного из Турции 21 февраля 1732 г.[1]. На основании этого письма была опубликована биография Ибрахима Мутеферрика на турецком языке в 1910 г.[2]. С тех пор о нем было написано немало, но все авторы расходились лишь в деталях, не приводя ничего нового[3].

В 1962 г. Н.Беркес, изучив неопубликованный трактат Ибрахима Мутеферрика "Рисале-и исламийе" ("Трактат об исламе")[4], опубликовал статью, в которой изложил новые выводы о религиозных убеждениях и взглядах Ибрахима Мутеферрика, об условиях его перехода в ислам, а также предложил новую дату его рождения[5].

В. Хайнц привел в 1967 г. новые данные о его национальности на основании документов венского государственного архива[6].

Советские востоковеды также внесли свой вклад в изучение личности первопечатника. Академик И.Ю.Крачковский рассмотрел его деятельность как географа[7]. Его биография и издательская деятельность подробно рассмотрены в работах А.Д.Желтякова и А.Х.Рафикова[8].

О начальном этапе турецкого книгопечатания в Стамбуле, о первых публикациях Ибрахима Мутеферрика и о нем самом писали С.Н.Герчек, А.Аднан-Адывар, Х.Р.Эртуг, О.Эрсой, С.Р.Искит, А.Д.Желтяков, А.Х.Рафиков[9]. Подробную библиографию работ о нем можно найти в соответствующих статьях "Энциклопедии ислама"[10].

Ибрахим Мутеферрика жил в последней четверти XVII – первой половине XVIII в. Это время в Османской империи было отмечено продолжающимся военным ослаблением и растущим отставанием ее от европейских стран в социально-экономическом развитии, что вызвало коренной перелом в соотношении сил между ней и государствами Центральной и Восточной Европы. Отдельные военные успехи (окружение армии Петра I на р.Прут в 1711 г., вынудившее Россию возвратить туркам Азов, отвоевание Морей у венецианцев в войне 1714–1718 гг. и др.) объяснялись международной обстановкой и оказались скоропреходящими. Это время характерно тем, что "наметившийся столетием раньше упадок османского военного феодализма стал перерастать в глубокий кризис. Военные неудачи сокращали государственный земельный фонд, истощали ресурсы казны, а феодальные помещики нового типа, уклоняясь от воинской службы, присваивали доходы, причитавшиеся государству в виде земельной ренты-налога. Создавался порочный круг: военно-ленная система утратила положительное для класса феодалов значение, но по-прежнему толкала Турцию к новым войнам, которые влекли за собой новые поражения и дальнейшее разложение этой системы"[11]. Военные поражения привели к разложению вышедшей из повинове-

ния армии, янычары устраивали бунты, происходили народные восстания, административно-судебный аппарат развалился, закон не соблюдался[12]. Однако феодальный класс, опирающийся на реакционное духовенство и янычар, не был способен пойти на какие-либо серьезные социально-экономические и культурные преобразования.

В то же время в Османской империи были люди, понимавшие необходимость реформ, ознакомления с европейской культурой и заимствования научно-технических достижений Запада. Одним из таких людей был великий везир Ибрахим-паша Невшехирли (1718-1730)[13], ставший фактическим правителем государства. Он попытался улучшить международное и внутреннее положение империи, воспользовавшись мирной передышкой после подписания Пожаревацкого мирного договора в 1718 г.

Х.Иналджик предполагает, что такие образованные люди османского общества, как Дмитрий Кантемир, Рами Мехмед-паша, Нефи-оглу и другие, выйдя на новую ступень познания мира, сыграли значительную роль в приобщении османов к новым, передовым идеям и явились, таким образом, посредниками между культурами Востока и Запада[14]. С полным правом к числу носителей новых идей, выработанных европейской наукой, можно причислить Ибрахима Мутеферрика, сыгравшего важную роль в истории турецкого просвещения.

Известия о начальном пути Ибрахима Мутеферрика весьма скудны. Первоисточником сведений о нем до 1715 г. служит упомянутое выше письмо Сезара де Сосюр-Сезарнака, жившего в течение ряда лет с Ференцом Ракоци (1676-1735) в Родосто (ныне Текирдаг). Он, несомненно, должен был знать связного князя - Ибрахима Мутеферрика. Основные данные жизни Ибрахима Мутеферрика, упомянутые в его письме, немногочисленны. Ибрахим Мутеферрика, трансильванский венгр, родился около 1674 г. в Колошваре (ныне г.Клуж в Румынии) в семье бедных кальвинистов. Учился в кальвинистском колледже, готовясь стать проповедником. Примерно в 1693 г. во время восстания Имре Тёкёя (1656-1705) попал в плен к туркам, был отвезен в Стамбул и продан в рабство. Чтобы избавиться от жестокого обращения, переходит в ислам и получает имя Ибрахим. Затем изучает османский язык и законы, добиваясь больших успехов в этом[15]. Остается неизвестным, какими путями он овладел мусульманской культурой, где изучал восточные языки, когда познакомился с великим везиром Ибрахим-пашой, когда получил звание "мутеферрика"[16]. Считается, что примерная дата присвоения ему этого звания падает на период 1705-1711 гг.[17].

Примерно в 1710 г. Ибрахим Мутеферрика написал "Рисале-и исламийе", который рассматривался его биографами как апология ислама. Этот трактат, а также данные венского династического, дворцового и государственного архива дали некоторые новые данные. Австрийский ориенталист В.Хайнц на основе изучения докладов австрийских резидентов в Стамбуле за 1703-1730 гг., хранящихся в венском государственном архиве, установил еврейское происхождение первопечатника[18].

Отсутствие других близких к времени нашего автора письменных источников, откуда можно было бы почерпнуть недостающие сведения, заставили Н.Беркеса искать их в "Трактате об исламе". Трактат представляет собой полемику против папства и доктрины "триединства" бога. Не упоминая ни словом о кальвинизме, Ибрахим Мутеферрика в начале своего трактата рассказывает о годах учебы в Колошваре и о своем участии в диспутах по поводу "триединства". Будучи монотеистами, унитарии отрицали догмат Троицы, в котором видели рецидив языческого многобожия. Унитарии преследовались как католиками, так и ортодоксальными протестантами. Исходя из сходства религиозной догмы о единстве бога у унитариев, Н.Беркес приходит к выводу, что мы имеем дело с унитарием, ставя тем самым под сомнение рассказ Сезарнака о его кальвинизме и условиях его перехода в ислам[19]. Когда в

1689 г. Трансильвания была оккупирована Австрией, то трансильванским унитариям было запрещено читать сочинения приверженцев унитаризма. Колледж, в котором учился Ибрахим Мутеферрика, был передан кальвинистам. Ибрахим сохранил свои убеждения унитария. Поэтому, считает Н.Беркес, Ибрахим Мутеферрика, как убежденный унитарий, захотел избежать ига Габсбургов в Трансильвании и вступил в 1691 г. в армию Имре Тёкёя, который в том году вторично занял с помощью Турции трансильванский престол. Поэтому Ибрахим Мутеферрика не мог быть взят в плен, а сам перешел на сторону турок. Правда, этот вывод не подтвержден документально и вопрос принятия им ислама остается открытым. Н.Беркес предлагает и новую дату рождения Ибрахима Мутеферрика. Когда он участвовал в диспутах, то ему должно было быть не 18, а не менее 20 лет, следовательно, он родился в 1670/71 г., а датой пленения или "переселения" в Турцию следует поэтому считать 1690/91 г.[20]. Но это также не подтверждено документально.

В 1715 г. Ибрахим Мутеферрика с письмом великого везира был отправлен в Вену к принцу Евгению Савойскому в надежде, что Австрия в случае войны с Венецией будет нейтральной. 13 мая 1715 г. на торжественной аудиенции он передал письмо принцу. Через четыре месяца он выехал с ответным письмом в Стамбул.

В ноябре 1716 г., когда в Белграде собрались венгерские дворяне для подготовки с помощью Османской империи к борьбе за независимость Венгрии, Ибрахим Мутеферрика был назначен к ним переводчиком. Согласно дефтеру, "для Ибрахим-аги, венгерского переводчика, назначенного в Белград, установлено по высочайшему фирману ежедневное жалованье в 60 акче"[21].

В 1717 г., когда князь Ференц Ракоци прибыл из Франции в Османскую империю, чтобы вести борьбу против Габсбургов, по новому фирману Ибрахиму было предписано исполнять обязанности переводчика и турецкого секретаря "около венгерского короля" за 50 акче в день в счет таможенных сборов в Стамбуле. Он работал в управлении везира и в канцелярии Порты с представителями Ракоци Ференцем Хорватом и Гаспаром Папаи[22].

В 1720 г. Ибрахим Мутеферрика назначается связным к Ференцу Ракоци. Этой службой он был занят до 1735 г. (год смерти Ракоци). Ракоци питал к нему уважение и в завещании, перечисляя своих соратников, рекомендовал "особенно Ибрахима, моего верного переводчика; пусть всемогущий бог вознаградит его за все услуги по отношению ко мне самыми лучшими благословениями"[23].

Л.Фекете, из документов на денежное довольствие лицам, окружавшим Ф.Ракоци, установил, что первоначально в качестве переводчика действовало другое лицо, в частности, в 1721 г. им был некий Мустафа[24]. Ибрахим Мутеферрика продолжал заниматься делами венгров, находящихся в Османской империи, и после смерти Ф.Ракоци, о чем мы скажем ниже.

В январе 1737 г. Ибрахим Мутеферрика ездил к киевскому палатину для ведения переговоров о восстановлении польско-турецкого договора[25]. В том же году его послали с дипломатическим поручением в Польшу, но результат его поездки не ответил ожиданиям великого везира и по возвращении в ноябре 1737 г. он, по словам И.Хаммера, был сослан[26]. Во время войны с Россией и Австрией в 1735-1739 гг. Ибрахим Мутеферрика был взят в армию. Он служил в качестве писаря и секретаря артиллерийской обозной службы, составляя на турецком языке бумаги, касающиеся снабжения и прочих вопросов, связанных с венгерской частью, участвовавшей в походе[27]. Вел он также от имени Порты переговоры с представителями Австрии о сдаче крепости Орсова османским войскам. 12 августа 1738 г. "комендант передал послание везиру, для того чтобы тот прислал ему кого-нибудь, с кем бы он мог обсудить вопрос капитуляции крепости. Везир послал Ибрахима-эфенди, который все устроил, после чего 15 августа ко-

мендант предстал перед везиром, засвидетельствовал свое уважение и вручил ему ключи от крепости"[28].

В 40-х годах имя Ибрахима Мутеферрика несколько раз появляется в секретном досье австрийского посла в Стамбуле. Из его шифрованных ведомостей видно, что кроме сумм, выданных "старому Ибрахиму-эфенди", несколько сот пиастров было выдано и его сыну, "младшему Ибрахиму-эфенди". "Он, очевидно, был доверенным Бонневаль-паши[29], который перед этим вместе с Ракоци вынашивал антиавстрийские планы. Неизвестно, какую информацию он мог дать австрийскому послу, державшему Бонневаля под наблюдением"[30]. В последние годы он принимал активное участие в "политических интригах своего времени и завязал тесные отношения со шведским королем и авантюристом Бонневалем"[31].

В 1743 г. он был послан в Дагестан для вручения берата Ахмед-хану о назначении его князем Кайтакского уцумийства[32]. Трудности пути, очевидно, подорвали силы Ибрахима Мутеферрика. После длительной болезни он умирает в 1745 г. О дате его смерти свидетельствует стихотворная хронограмма, составленная через два года после его смерти поэтом Невресом и выбитая на его могильной плите. Дата смерти заключена в последней строке хронограммы, дающей при сложении арабских букв цифру 1158/1745:

"Basdi Ibrahim effendi sahne-i Firdevse kadem"

"Ступил Ибрахим-эфенди [своей] стопой в простор рая"[33]. Памятник Ибрахиму Мутеферрика первоначально находился в квартале Стамбула Касым-паша. В начале XX в. он был снова обнаружен и перенесен на кладбище в квартале Бейоглу, находящемся в саду бывшего монастыря танцующих дервишей.

В историю Ибрахим Мутеферрика вошел не как политический деятель, а как первопечатник. Мы не знаем, где он обучился искусству печати, но достоверно известно, что он сам отливал арабские шрифты с помощью одного печатника из еврейской типографии, которого он называет Ионой. Ибрахим Мутеферрика создавал свою типографию не на пустом месте. В Стамбуле еще до возникновения турецкого книгопечатания уже существовали армянские, греческие и еврейские типографии. Так, первая еврейская типография была открыта в 1493 или 1494 г., а в 1567 г. была открыта и первая армянская типография[34]. Печатные станки и шрифты были сперва получены от местных еврейских и христианских печатников, уже работавших в городе. Прибегли также к помощи еврейских наборщиков и литейщиков. Позже станки и шрифты были импортированы из Европы, в частности из Лейдена и Парижа[35]. Кроме того, когда Ибрахим Мутеферрика оказался в Османской империи, это уже был сформировавшийся юноша, отлично понимавший значение книгопечатания, которое способствовало подъему культуры европейских стран. На его родине книгопечатание было введено еще в 1473 г. В Трансильвании были также и протестантские типографии[36]. Практически же он мог выучиться искусству книгопечатания у таких, например, искусных печатников, как упоминавшийся выше Иона, который, работая в его типографии, показал себя опытным мастером, знающим и типографское оборудование и печатное дело. Иона упоминается и в прошении Ибрахима Мутеферрика на имя великого везира и в письме австрийского дипломата Тальмана из Вены от 14 июля 1728 г.[37]. Вполне может быть, что данный Иона является тем самым галицийским Ионой бен Якобом (из предместья Львова), который сыграл большую роль в истории книгопечатания в качестве главного представителя в Стамбуле. Иона бен Якоб появился в Стамбуле в 1715 г., с 1730 по 1735 г. находился в Смирне, а в 1740 г., по-видимому, умер[38]. Если Ибрахиму Мутеферрика довелось работать с такими специалистами своего дела, как Иона бен Якоб, неудивительно, что он достиг вершин в искусстве книгопечатания.

Идея Ибрахима Мутеферрика о введении книгопечатания в Турции относится к 1719 г. Некоторый опыт в этой области он приобрел, изготовив

в 1719 г. клише и отпечатав карту Мраморного моря, а в 1727 г. – карту Черного моря[39]. Султанские круги и улемы смотрели на типографию как на святотатственное дело. Они не могли допустить, чтобы арабский алфавит был применен для печатания книг типографским способом: арабский алфавит был священен, так как им написан Коран. Поэтому всем христианским типографиям было строжайше запрещено печатать что-либо арабским шрифтом[40].

Но в первой четверти XVШ в. в передовых кругах зрела мысль о необходимости развивать просвещение как средство "исправления" общества. Ибрахим Мутеферрика, давно мечтавший о введении книгопечатания арабским шрифтом, нашел помощь со стороны Мехмеда Челеби и его сына Саида-эфенди, вернувшихся из дипломатической поездки во Францию, куда Мехмед Челеби был направлен во главе посольства в 1720 г.[41]. Его сын, сопутствовавший ему в качестве секретаря, заинтересовался во время пребывания во Франции искусством книгопечатания и понял его значение. Со временем он стал разносторонне образованным человеком и одним из передовых людей своего времени[42]. Он оказал Ибрахиму Мутеферрика моральную и материальную поддержку. Саиду-эфенди удалось заручиться поддержкой великого везира Ибрахим-паши, а тот, в свою очередь, сумел убедить шейх ал-ислама издать фетву, которая и была издана в июле 1727 г.[43]. Наконец, 5 июля 1727 г. султан Ахмед III подписал фирман, разрешающий построить типографию и печатать книги на турецком языке по всем вопросам, кроме религиозных[44]. Типография была открыта в Стамбуле в доме Ибрахима Мутеферрика в квартале Султан Селим. 31 января 1729 г. в типографии была отпечатана первая книга[45]. Эта дата и принята за дату начала книгопечатания в Турции.

Ознакомление с деятельностью Ибрахима Мутеферрика показывает, что он был не только основателем и душой первой турецкой типографии, но и издателем и редактором всех изданий, отлично знал печатное дело, отливал шрифты, был прекрасным картографом. Себя он обычно называл географом. Он был организатором и практиком полиграфии, а как географ стоял на уровне науки своего времени. Глубокое знание истории и географии, осведомленность в достижениях европейской науки и техники, знание многих языков, стремление приобщить турок к европейской культуре ставят его в ряд передовых людей первой половины XVIII в. в Турции[46].

Ибрахим Мутеферрика показал свою заинтересованность в введении новых методов и идей с Запада. В 1732 г. он напечатал свою наиболее важную в этом отношении работу – трактат (рисале) под названием "Основы мудрости в устройстве народов". В трактате, представленном новому султану Махмуду 1, логически развивалась идея, что Турция должна учиться и заимствовать все новое из Европы. Трактат был написан с целью показать причины отсталости Османской империи от европейских держав, описать современные формы правления, методы ведения войны и военную организацию стран Европы и указать на средства исправления недостатков, существующих в системе организации Османской империи. Этот трактат явился "едва ли не важнейшей вехой в истории общественно-политической мысли Турции первой половины XVШ в"[47].

В XУ1-XУII вв. в Османской империи жанр рисале получил развитие в несколько видоизмененной форме политико-экономических трактатов[48]. Сочинения, называемые рисале, выходили из-под пера близких к султанскому двору лиц в виде советов, адресованных султану. Они появились под влиянием ухудшения положения в Османской империи и отражали серьезные изменения во внутренней жизни империи, которые произошли в течение столетия – от середины XУ1 до середины XУII в. Ибрахим Мутеферрика, очевидно, был хорошо знаком с содержанием трактатов подобного рода. Об этом свидетельствует название его трактата, которое, за исключением последнего слова, идентично названию трактата Хасана Кяфи, одного из первых авторов рисале, в котором наиболее полно и систематически изложены условия и причины разложения Османской империи в конце XУ1 в.[49]. Идейное значение работы

Ибрахима Мутеферрика велико. Впервые турки познакомились с различными государственными формами правления. Ибрахим Мутеферрика описал "монархический и аристократический принципы" правления, более подробно останавливаясь на демократической форме правления[50]. Большая часть трактата посвящена проекту военных реформ. Дается детальное описание новых методов ведения войны в странах Запада, линейной тактики, применяемой в европейских армиях, их воинской дисциплины и организации.

Правда, в силу исторических условий ее конкретные рекомендации оказались обращенными к будущему: только почти через 100 лет (в 1826 г.) после разгрома янычарского корпуса в Османской империи были созданы предпосылки для создания армии по европейскому образцу, новая армия стала обозначаться термином, введенным Ибрахимом Мутеферрика, – "низам-и джедид" ("новое устройство"). Через год после разгрома янычарского корпуса вышла книга Мехмеда Эсада, посвященная этому событию. Говоря о неспособности янычар вести войну в соответствии с требованиями времени, автор ссылается на рисале Ибрахима Мутеферрика, не упоминая его имени. Он излагает почти дословно указанные в трактате причины отсталости Османской империи и ее армии[51].

Большое распространение нашло это рисале в Европе, что было продиктовано военной обстановкой того времени. В 1769 г. барон Карл Ревицкий (1737–1793) выпустил в Вене французский перевод трактата[52], который произвел такое впечатление, что в том же году он был перепечатан в Париже, а позже в Вене появился и его немецкий перевод[53].

Г.Тодерини подверг критике перевод названия трактата, указав, что слова "низам ал=умам" надо переводить как "управление народов", а не "управление войсками"[54]. Однако не следует думать, что К.Ревицкий плохо знал язык и поэтому неправильно перевел название. В предисловии к своему переводу он писал: "Мне известно, что слова "низам ал-умам" можно переводить в более широком смысле, то есть как управление народов. Но значение, которое я им даю, больше подходит к содержанию этой книги, и кажется, что и автор использовал их в том же смысле"[55].

В России перевод трактата появился в 1777 г. "вероятно, под влиянием недавней войны с Турцией и Кучук-Кайнарджийского мира (1774 г.)"[56]. Перевод на русский язык был сделан А.Левашовым с французского языка под заглавием: "Изображение тактики, или Искусной образ войск установления, обнародованный и напечатанный в Константинополе на турецком языке Ибрахимом эфенди Мютеферриком Порты Османской в 1144 году Эгиры, то есть год спустя после последнего возмущения и низвержения султана Ахмеда, в 1730 году приключившегося. Переведено Алексеем Левашовым. С.-Петербург, при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, 1777г." Перевод всех примечаний и названия сочинения не оставляют "сомнений в том, что в основе трактата лежит опубликованный в Вене в 1769 г. французский перевод турецкого трактата"[57].

Следует отметить, что различные исследователи по-разному переводили название трактата Ибрахима Мутеферрика[58]. Причину этого установил Мустафа А.Мехмед, говоря о разных переводах трактата Хасана Кяфи, название которого почти идентично названию трактата Ибрахима Мутеферрика. "Это объясняется, – указывает Мустафа А.Мехмед, – тем, что второе слово, состоящее из трех букв (ха, кяф, мим), может быть прочитано, если оно не содержит диакритических знаков, как "хукм", что означает "правительство" или "правление", или же как "хикам" (мн. от "хикмат"), которое употребляется в смысле "мудрый" или "мудрость". Переписывая это слово в форме "хикем", переписчик помогает нам уяснить значение заголовка. Известно, что среди других значений "хикмат" имеет значение "философия". Мы считаем, что версия "Философские принципы", касающиеся устройства мира" соответствует как названию произведения, так и его содержанию"[59].

Трактат написан на турецком языке с присущей языку той эпохи особенностью, т.е. насыщен арабо-персидской лексикой, по сравнению с которой турецкая лексика составляет ничтожный объем.

Автограф, по сообщению А.Аднан-Адывара, хранится в Париже в Национальной библиотеке[60]. В каталог рисале внесено под заглавием "Низамийя"; автор указан как "монах, удостоенный чести ислама". На заседании Азиатского общества в Париже в марте 1937 г. А.Адывар сообщил, что автором данного рисале является Ибрахим Мутеферрика[61]. Трактат был напечатан в середине февраля 1732 г. в объеме 48 двойных страниц в 4-ку тиражом 500 экземпляров[62].

В свое время рядом ученых был отмечен компилятивный характер трактата[63]. Однако говорить о компилятивности в современном смысле этого слова, нам кажется, не следует. Это связано со средневековой традицией не указывать использованные источники. Среди источников, использованных в трактате, отметим следующие: записки и беседы с близким другом Ибрахима Мутеферрика Ахмед-пашой Бонневалем (многие из указанных записок приведены в его "Мемуарах"[64]), материал из 4-й главы описания путешествия Али Акбара в Китай[65] и др.

Рисале состоит из вступления (мукаддима), лл. 1б-4б, трех глав (баб), лл.5а-48а, которые, в свою очередь, делятся на ряд разделов (фасл), и заключения (хуласа), л.48аб. Из 48 листов 31 лист посвящен военной тематике, 6 - географии, а остальные 11 охватывают вступление и заключение, описание государственных форм правления, причин отставания Османской империи, сведения по истории Рима, династии Габсбургов, о Петре I и общим историческим вопросам.

Настоящая публикация является полным переводом трактата, выполненным по литографии, отпечатанной Ибрахимом Мутеферрика в 1732 г. Французский перевод К.Ревицкого, с которого был осуществлен русский перевод А.Левашова, является, скорее, пересказом содержания рисале, который хотя и не искажает прямого смысла, но порою передает его приблизительно и описательно; к тому же в переводе есть пропуски, что еще в свое время было отмечено Г.Тодерини[66].

При переводе мы стремились к максимальной близости к оригиналу. В квадратные скобки заключены слова, добавленные переводчиком. Маргиналы на полях соответствуют листам литографии. В переводе нами сохранено выделение подчеркиванием отдельных слов и фраз, принятое в тексте. В примечаниях к переводу даются краткие сведения об упоминаемых в трактате исторических лицах, объяснения к отдельным терминам, географическим названиям и историческим событиям.

Примечания

1 C. Saussure. Lettres de Turquie (1730-39) et Notices (1740) de César de Saussure. Communiqués en texte original francais et en traduction hongroise avec une préface et des remarques historiques par Coloman de Thaly. Budapest, 1909, c. 93 (далее – Saussure).

2 Karaçon. Ibrahim Müteferrika. – TOEM, c. 3. Istanbul, 1326, c. 178-185.

3 S. Nüzhet. Türk Matbaacılığı. Istanbul, 1928, c. 34-36; I.H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. C. IV, k. 2. Ankara, 1959, c. 611-613 (далее Osmanlı tarihi); A. Simonffy. Ibrahim Müteferrika. Bahnbrecher des Buchdrucks in der Turkei. Budapest, 1944, c. 7-10)далее – Simonffy); L. Hopp. Ibrahim Müteferrika (1674/75?-1746), fondateur de l'imprimerie turque. – AO, t. XXIX (1), 1975, c. 107-12 (далее – Hopp).

4 Находится в рукописи в библиотеке Эсада-эфенди в Стамбуле (Esad Efendi Kütüphanesi, N 1187.

5 N. Berkes. Ilk Türk Matbaası kurucusunun dini ve fikri kimliği. – "Belleten", c. 26, No 104, 1962, c. 716-737 (далее – Berkes. Ilk Türk Matbaası).

6 W. Heinz. Die Kultur der Tulpenzeit des Osmanischen Reiches. – WZMK, Bd 61, Wien, 1967, c. 72-3 (далее – Heinz).

7 И.Ю.Крачковский. Арабская географическая литература.–Избранные сочинения. Т. 1У., М.–Л., 1957, с. 634–640 (далее – Крачковский).

8 А.Д.Желтяков. Печать в общественно–политической и культурной жизни Турции (1729–1908). М., 1972, с. 20–31 (далее – Желтяков); А.Х.Рафиков. Очерки истории книгопечатания в Турции. Л., 1973, с. 89–147 (далее – Рафиков).

9 A.A. Adwar. Osmanli türklerinde ilim. Istanbul, 1943 (далее – Adwar); H.R. Ertuğ. Basın ve yayin tarihi. Ilk devirler. Istanbul, 1960 (далее – Ertuğ); O. Ersoy. Türkiye'ye matbaanın girişi ve ilk basılan eserler. Ankara, 1959 (далее – Ersoy); S.R. Iskit. Türkiye'de neşriyat hareketleri tarihine bir bakiş. Istanbul, 1939; А.Д.Желтяков. Начальный этап книгопечатания в Турции. – Ближний и Средний Восток (История, культура, источниковедение). М., 1968, с. 54–60 (далее – Желтяков. Начальный этап книгопечатания).

10 J.H. Mordtman. Ibrahim Müteferrika. – EI^2, III, 996-998; T. Halasi Kun. Ibrahim Müteferrika. – IA, c. 49, Istanbul, 1951, c. 896-900.

11 А.Ф.Миллер. Турция. – Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1973, с. 566.

12 О политической ситуации в Османской империи начала XУШ в. см.: А.Д.Новичев. История Турции. I. Эпоха феодализма (X1–XУШ вв.). Л., 1963; С.Ф.Орешкова. Русско–турецкие отношения в начале XУШ в. М., 1971; Б.Цветкова. К исследованию аграрных отношений в Османской империи с конца XУ1 до середины XУШ века. – Труды XXУ международного конгресса востоковедов. Москва, 1960. Т.II. М., 1963, с. 421–420; V.P. Mutafcieva, S.A. Dimitrov. Sur l'etat du système des timars des XVII-e – XVIII-e ss. Sofia, 1968; B. Lewis. The Emergence of Modern Turkey. L., 1961 (далее – Lewis. Emergence); H.A.R. Gibb, H. Bowen. Islamic Society and the West. I. Islamic Lociety in the Eighteenth Century. Pt 1. L., 1950; pt 2. L., 1957.

13 M. Aktepe. Nevşehirli Ibrahim Paşa. – IA, c. 92, Istanbul, 1962, c. 234-235.

14 Dimitrie Cantemir, historian of South East Eyropean and Oriental civilizations. Extr. from The History of the Ottoman empire. With a foreword by Halil Inalcik. Ed. by Alexandru Dutu and Paul Cernovodeaunu. Bucharest, 1973, c. 5-7, 9-10.

15 Saussure, c. 93.

16 Мутеферрика – лицо привилегированной категории при султанском дворе. Характер их деятельности был не только военный и дворцовый, их использовали также и для выполнения поручений административного и политического характера.

17 N. Berkes. The development of secularism in Turkey. Montreal, 1964, c. 37 (далее – Berkes. Secularism).

18 Имперский резидент Иосиф фон Дирлинг в докладе императорскому высшему военному совету от 23 декабря 1727 г. писал: "... у них (т.е. у турок. – В.Х.) еврейский печатник также хочет ввести книгопечатание, для этого он пользуется поддержкой и привилегиями великого везира... Для первой пробы у него под прессом находится арабская грамматика, но она, как он мне сам сказал, вряд ли будет закончена через два года из–за ее обширности и прочих трудностей, которые возникают при первом осуществлении подобных предприятий". Совпадение времени выдачи разрешения на печать Ибрахиму Мутеферрика и название печатающейся работы "Арабская грамматика" (очевидно, "ас–Сихах" Джаухари), а также копия письма турецкого консула в Вене Омер–аги своему другу Ибрахим–аге, мутеферрика султана, в котором он просит о посылке ему через еврея Даниэля заказанных им карт, выгравированных на меди, указывает на идентичность его с Ибрахимом Мутеферрика. Ибрахим Мутеферрика поддерживал отношения с Веной и общался с Дирлингом. В докладе Дирлинга от 4 июня 1728 г. упоминается сын Мутеферрика: "Меня попросили со стороны властей передать пришедшее письмо одному еврею – сыну здешнего печатника, находящегося в Вене, чтобы он прислал требуемые медные пластины". Эти данные, пишет В.Хайнц, несомненно свидетельствуют о его еврейском происхождении, а не о принимаемом до сих пор происхождении от кальвинистских родителей. См.: Heinz, c. 72-3.

19 Berkes Secularism, c. 37.

20 Там же, с.721, 734–736.

21 Hopp, c. 107; J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd VII. Pesth, 1831, c. 193-194 (далее – Hammer, GOR).

22 Hopp, c. 108.

23 Там же, с.111.

24 L. Fekete. Die Siyaqat-Schrift in der Türkischen Finanzverwaltung. I. Budapest, 1955, c. 835, 837.

25 Hammer, GOR, VII, c. 480.

26 Там же, с.520–521.

27 A. Vandal. Une ambassade francaise en Orient sous Louis XV. P., 1887, c. 281-282 (далее – Vandal); Hopp, c. 111.

28 Hopp, c. 111.

29 О нем см.: H. Bowen. Ahmad Pasha Bonneval. – EI2, I, c. 291-292.

30 Hopp, c. 111-112.

31 Vandal, c. 281; Hammer, GOR, VII, 520; VIII, 43.

32 Osmanlı tarihi, c. 4, k. 2, Ankara, 1956, c. 613.

33 Simonffy, c. 47.

34 Adwar, c. 146; Ersoy, c. 55-56; Nüzhet, c. 18-19.

35 Lewis, c. 51.

36 Рафиков, с.93–94.

37 Heinz, c. 73.

38 F. Babinger. Stambuler Buchwesen im 18. Jahrhundert. Lpz., 1919, c. 12 (далее – Babinger).

39 Ertuğ, c. 85-86.

40 H.W. Duda. Das Drückwesen in der Türkei. – Gutenberg-Jahrbuch, 1935, c. 227.

41 F.R. Unat. Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri. Ankara, 1968, c. 53-6.

42 Osmanlı tarihi, c. 4, k. 2

43 Çelebizade Ismail Asim. Asım tarihi. Istanbul, 1741, c. 121.

44 Ersoy, c. 33.

45 Ertuğ, c. 95.

46 Крачковский, т.1У, с.638;

47 Желтяков. Печать, с.27.

48 А.С.Тверитинова. Социальные идеи в турецких дидактических политико-экономических трактатах ХУ1–ХУП вв. – Труды двадцать пятого международного конгресса востоковедов. Москва, 9–16 августа 1960 гг. Т.П. М., 1963, с.402–409.

49 Mustafa A.Mehmed. La crise ottomane dans la vision de Hasan Kiafi Akhisari (1544-1616). – RÉSEE, t. XIII, No 3, 1975, c. 385-402.

50 Usul al-hikam fi nizam al-umam. Istanbul, 1144, л. 7а (далее – Усул ал-хикам).

51 M. Esad. Üss-i zafer. Istanbul, 1243, c. 9, 50-63.

52 Traité de tactique, ou méthode artificielle pour l'ordonnance des troupes. Viennes, 1769 (далее – Traité de tactique).

53 Babinger, c. 15.

54 G. Toderini. Letteratura turchesca. T. III. Venezia, 1787, c. 101 (далее – Toderini).

55 Traité de tactique, c. XLII.

[56] Крачковский, с.638.

[57] Там же, с.638–639.

[58] Приводим название трактата в различных переводах: 1) К. Ревицкий – Трактат по тактике, или искусный метод расположения войск; 2) А. Левашов – Изображение тактики, или искусный образ правления войскового; 3) Г. Тодерини – Управление народами, или тактика; 4) И.Ю. Крачковский – Основы мудрости в устройстве народов; 5) Н. Беркес – Рациональные основы государственного устройства народов.

[59] Mustafa A. Mehmed, c. 392.

[60] Bibl. Nat. Cat. Man. Turcs, Suppl. F.T. 201.

[61] Adwar, c. 148[1].

[62] Ertuğ, c. 61.

[63] Там же.

[64] [C.A. Bonneval]. Mémoires ou comte de Bonneval, ci-devant général d'Infanterie au service de Sa Maj. Imperiale et Catholique. Nouvelle Édition, Augmentée d'un Supplement et Divisée en trois volumes. T. III. A Londres, 1755.

[65] H.L. Fleischer. Ueber das türkische Chatai-name. Kleinere Schriften, III. Lpz., 1888, c. 223-224.

[66] Toderini, c. 100.

Ибрахим Мутеферрика

УСУЛ ал-ХИКАМ ФИ НИЗАМ ал-УМАМ

("ОСНОВЫ МУДРОСТИ В УСТРОЙСТВЕ НАРОДОВ")

Перевод

// Во имя Аллаха милостивого, милосердного, и к его помощи я при- 1б
бегаю!

Хвала, слава и бесконечная благодарность тому Владыке [земного] царства и [небесного] царствия, Обладателю величия и могущества, пресвятому и всевышнему престолу которого присущи благоустройство мирового порядка и устройство дел человеческих и от великой воли которого зависит изменение положения людей. Бесконечные молитвы тому пророку последних времен, прибежищу державы верующих, которому свойственно совершенствовать политические законы в соответствии с шариатом и соблюдать высокие традиции пророческого врачевания, дабы они способствовали оздоровлению государства и содействовали укреплению установлений [истинной] веры, став достаточно [надежным] лечебным снадобьем для народа. Благоволение [Аллаха] и почести тем родовитым [людям] и мужам правосудия, достоинству которых соответствует следование похвальному правилу служебного рвения, извечный обычай [способствовать] регулярному и счастливому течению дел государственных, // для которых является действительным их обязатель- 2а
ство непрерывно содействовать разрешению дел всенародных.

А затем. Этот косноязычный презренный раб и ни на что не способный ничтожный слуга, нуждающийся в милосердии всемогущего Аллаха, лишенный всяких средств для приобретения и продажи драгоценностей, не располагающий дарами, которые можно было бы смело возложить на поприще знаний, возымел намерение хотя бы муравьиными усилиями способствовать упрочению мощи шахиншахского государства и достижению пышного достоинства царственного средоточия, его славе и гордости. Так как я пребывал под защитным крылом постоянного покровительства падишаха и под тенистым навесом его охраны, оберегаемый от вероломства злых людей и бунтовщиков, от тирании корыстолюбцев и насильников, то настоятельной потребностью моей стало воздавать благодарение за высочайшую милость и строго соблюдать свои обязательства, денно и нощно молясь за долголетие, благополучие и продление славы и могущества султана[а].

Когда в состоянии самоуглубленного размышления и постижения [истины] я уединенно пребывал в обители устранения от дел и находился в одиночестве, приобретя душевный покой, то вместе с мыслями о внезапном нашествии бесчисленного войска[1] огонь печали, грусти и тревоги наполнил огорчением и волнением сосуды моего сердца и душу. В 1143 (1730) году хиджры пророка – самый низкий поклон ему! – когда исполнилось 444 года // со времени восхода солнца над умножающим свои дни 2б
государством Османским[2], при размышлении о причинах мятежей, постоян-

---

[а] В тексте: "его".

но происходивших в этом великом государстве в течение томительных дней названного года[3], при попытке проникновения в скрытый смысл и постижения истинного значения [этих событий], разум, теряясь в смятении, оказывался бессильным перед поражающим мраком неизвестности.

Я всей душой и сердцем скорбел, что вынужден был терпеть несовершенство в законах управления, усталость от усилия в важных делах, небрежность и нерадение при решении важных государственных вопросов представителями государства, сановниками и айанами[4] дивана, тогда как их обязательными качествами должны быть осведомленность и прозорливость. С одной стороны, установив расслабление в устройстве мира и изъяны в урегулировании дел сынов Адама, согласно божьему закону и в соответствии с потребностями человеческой цивилизации, я изменился в лице от расстройства и беспокойства за возможность появления признаков недомогания в здоровье Высокой Порты, следов перемен и знаков слабости в природе и в ее силах, а также огорчился, когда оказалось, что в состоянии дел людей побеждают противоречия, а в человеческих характерах – склонность и стремление к раздорам. С другой стороны, когда я прибег к искусству собеседования, поспешив [взяться] за исторические сочинения, и изучил в целом состояние древних народов, прежних султанов и государей, то получил ряд сведений и был также обрадован радостным смыслом, что перемены и изменения, беспорядки и разногласия, происходившие в мусульманских государствах, часто приводили по воле могущественного правителя к усилению устоев религии и государ-
За ства, укреплению силы // султаната, упрочению здания правил шариата, урегулированию дел государства и народа, упрочению положения райятов[5] и восстановлению сунны пророка.

Некоторое количество дождя, разрушившего сердце страны, снова наполняет [ее] тишиной и покоем.

В частности, причиной спокойствия и уверенности является возрождение с помощью и содействием вседарящего Господа и по милости Бога вечносуществующего халифата и расцвет постоянно пребывающего государства его величества, халифа вселенной, убежища верующих, сильного и могучего падишаха рода Османа[6], султана Махмуд-хана[7], сына султана Мустафы-хана[8], сына султана Мехмед-хана[9], нашего покровителя, нашего милосердного и сострадательного господина – да увековечит Аллах его государство и даст силы его султану, да укрепит его ансаров[10] и да уничтожит его врагов!

Я, насколько возможно, собрал скудные мысли в надежде, что великое, важное дело, которое осуществляется с помощью богатырской энергии, направленной на уничтожение и разгром бунтовщиков и мятежников и на покорение смутьянов и злоумышленников, станет одним из признаков укрепления устоев религии и государства и примером восстановления и подъема силы счастливого государства. Намек и указание при помощи содержания исторических сочинений и повествований о древних народах на зло, ведущее к мятежам, происходившим с древних времен вне и внутри государств султанов и
Зб государей, // на ошибки, приводящие к изменению положения народа, на причины и поводы, связанные с закрытием двери [мятежа] и укреплением основ управления и имеющие отношение к упрочению фундамента порядка, явились средством, представляющим собой лекарство для слабого разума и просветлением слабо понимающего ума. В частности, когда я понял причину того, что христиане, бывшие [некогда] презренным народом, сравнительно малочисленным по отношению к мусульманскому населению, и ничтожным и слабым по природе и характеру, с некоторых пор распространились по свету, захватили множество стран и даже стали явно побеждать победоносную османскую армию Высокой Порты и когда я узнал эту удивительную мудрость, то я, немощный, привязал полу рвения к труду и старанию и положил палец изумления на зуб размышления. С таким же желанием и страстью, с какой возлюбленная красавица с желанием [все] постичь и узнать появляется во всей

красе и получает подарок от жениха, когда в первый раз открывает лицо, я при помощи знания латинского языка прочел и изучил исторические сочинения упомянутых народов за длительное время и отдаленные эпохи и законы диванов, касающиеся [вопросов] организации и устройства войск, и книги по военным вопросам. Я также беседовал, соблюдая вежливое обращение, со знающими, образованными, опытными и // умными людьми из различных со- 4а
словий и с военачальниками разных родов войск. При черпании из этого источника я не возражал подлым людям и их словам, а подбирал, в каком бы месте они ни находились, камни и раковины, которые считал драгоценными камнями и [раковинами, наполненными] жемчугом, и терпеливо их хранил. Наконец, подстегнув плетью рвения послушного скакуна усердия, я коротко изложил конечный, поучительный смысл разговоров и бесед. Выбрав из всего этого основы мудрости и желанные суждения и приняв во внимание правильные мнения, я начал писать главы и разделы, содержащие несколько тем относительно устройства мира, организации дел народа, укрепления и упрочения здания государства, согласно [взглядам] опытных и наблюдательных лиц, в чем согласны известные мудрые люди мусульман и на чем все они сходятся. Поспешив написать книгу, я назвал ее в знак счастья и удачи "Основы мудрости в устройстве народов", в надежде, что она станет первой среди многочисленных создаваемых работ, которые будут связаны со временем благополучия государства. После завершения [книги] я дерзко осмелился предстать и положить [ее] к подножию трона благородного могущественного государя. Если он соизволит взглянуть на [нее] глазами внимания, то желательно, чтобы айянам дивана и вельможам султанского двора удалось воспользоваться ее смыслом и было суждено действовать по ее содержанию.
// Пусть будут очевидны по милости Бога [ее] значение и важность в мире 4б
и да обнаружатся виды добра и благодати. Аминь!

Глава первая. Излагается существующее в войске устройство и выгоды, извлекаемые из хорошего устройства.

Глава вторая. Коротко излагаются преимущества науки и географии.

После этого для [людей] высоких помыслов обязательным в любом случае является осведомленность о состоянии и положении осужденных на огонь ада кафиров – врагов веры и государства, а самым важным делом, по [мнению] проницательных и опытных лиц, является раскрытие [истины], а самым необходимым – знания, которые, по всей очевидности, являются явными средствами победы.

В третьей главе описываются род, виды и категории войск христианских государей, их устройство, военные обычаи и уставы, которые обычно соблюдаются в мирное время, в походе, в сражении и в бою. В каждой из упомянутых глав заключается несколько разделов, а при подходе к основной теме дается обширное введение.

[Глава первая]. Раздел первый. Необходимость государей и султанов.

Обязательность существования правителей среди народа раскрыли и подтвердили [люди], весьма сведущие в астрономии, в соответствии с [данными] физики, и те, кто снимает покрывало мудрости при помощи геометрических доказательств. Установлено, что вселенная, состоящая из элементов земли и воды, имеет форму круглого шара, и эту мысль подтвердили корабли, идущие с востока на запад. Путем измерения установили, что при соответствующем движении по долготе и широте полный оборот земли составляет пространство
// в 1080 конаков[11], а [что] сверху и под земным шаром – достоверно 5а
не определено. Известно, что каждая сторона висящего в воздухе земного шара, напоминающего арбуз, на который со всех сторон сбежались и расселились муравьи, заселена муравьями человеческого рода и заполнена людь-

ми. Соответственно манере и стилю, каким написаны ряды строк в некоторых нравственных и философских книгах, когда Бог, обладающий богатырской силой, вознамерился проявить в новой форме всю свою силу, то, согласно [его] бессмертной мудрости, целью стрелы для человеческого общества он сделал нужду, а мишенью – страдание и мучение. Он сделал [людей] также зависимыми от "назначенного предела"[12] жизни, а в природе людей заложил слабость. Несомненно, желание встретиться, необходимость, с одной стороны, одного [человека] в другом, [с другой стороны], добывание средств к существованию были невозможны без помощи [одного другому]; жизнь людей и им подобных была немыслима без общения и сношения, и все в чем-то нуждающиеся стали общаться и встречаться. Однако из-за склонности к раздорам и различий в обычаях и верах одни покоряли других насилием и силой, богатством и деньгами. Каждый хотел подчинить [другого] своему закону, затянуть на побежденном петлю повиновения и стремился захватить большую часть доходов другого. Они пренебрегали своими собственными делами, стре-
5б мились покорить // и подчинить себе [других] и любили битвы. Для противодействия трудностям, для вырывания корней спора и устранения смуты среди людей должны быть люди, [знающие] сущность философии, и правители и начальники, которые были бы знакомы с наукой философии. Они отводят длинную руку одного человека от другого, прививая стремление к уважению справедливых законов, являющихся стержнем политики, и, запретив [протягивать] руку насилия, они заставляют довольствоваться и удовлетворяться своими правами.

Источником этих законов и выразителем этих мер является достойная и пекущаяся о благе личность и славный пророк, которого избранные мудрецы называют архангелом Гавриилом[13], а улемы – посланником и пророком. Приказы и запреты закона, которые являются воистину мылом ржавчины грехов и запретных деяний, улучшают состояние вселенной и умеряют страсти людей. Когда пророк, являющийся законодателем истинного шариата, снизошел в обитель вечности, то для соблюдения религиозных заповедей и улучшения дел мусульман нужен был, безусловно, справедливый и могучий правитель, который бы оберегал приказания и воспрещения празил пророка и уважал бы, как подобает, политические законы, так, чтобы другой народ был об лагодетельствован короной [его] государства, а одеяние империи было вышито самым дорогим шитьем шариата, для которого религия и государство – близнецы. В силу этого божественное предопределение сделало род людской
6а зависимым от "назначенного предела" жизни. В деле //добывания средств жизни он также был зависим и естественно, слаб. Так как ему нужны были взаимные сношения и обмен с [другими] представителями рода человеческого, то хранитель казны могущества из милосердия к слабым рабам божьим решил посылать и назначать пророка, посланника или могучего и справедливого правителя, который был бы их халифом, а также исполнял заповеди благородного шариата. Таким образом, он решил осуществлять обычай по упорядочению дел бедных и проявлять этим очевидную мудрость. Многочисленные племена, различные рода и большинство народов, существующих на земле, естественно, имели склонность и старались постигнуть мудрость этого закона, спешили собраться и соединиться массами и толпами, вольно или невольно послушно подчиняясь необходимости вечного провидения. Каждое общество следовало за [своим] государем, повиновалось его велению и оставляло [какое-то дело] по его запрету, а в делах устройства и организации внимало его мнениям и решениям. Таким образом, религиозность и объединение при помощи также указаний шариата и разума создали на земном шаре множество государств и установили халифов, султанов, государей, ханаков, хосровов[14], цезарей[а] и бесчисленное [количество] правителей под другими именами, санами и титулами.

а) جواسر.

Раздел второй. Мнения философов о создании основ государства.

Просвещенным лицам, рассказывающим новости и передающим предания и рассказы, ясно и очевидно, что султаны, государи вселенной и правители людей // враждуют из-за различия религий и вер, обычаев и обрядов и отличаются также [друг от друга] по степени [своего] значения. Ввиду того, 6б что решение и урегулирование дел народа производилось различными способами и методами, то здание государства и строение всех обществ закладывались на различных и отличающихся один от другого основах. Высказывания всех философов по этому вопросу [можно] свести к мнениям и высказываниям трех великих славных мудрецов.

Во-первых, учение Платона. Он сказал, что народ должен слушаться, повиноваться и следовать за разумным и справедливым падишахом. Предоставив и поручив его мнению и решению все государственные дела, необходимо дать ему самостоятельность и довольствоваться его властью. Такого рода государство и империя получили известность на языках греческих и латинских философов под названием монархия. Большинство султанов на земле правят по этому принципу. Таким образом, высокое происхождение достойно хвалы и уважения.

Во-вторых, учение Аристотеля. Он сказал, что управление империей должно быть у айянов государства. Таким образом, одного из них выбирают главой над всеми, другие должны совместно участвовать в советах и управлении, для того чтобы не было опасения в отходе от справедливого закона, в случае, если кто-либо станет самостоятельным, прославившись и выделившись в силу знатного происхождения. Такого рода государство на языке философов // называется аристократией. Словом "кратия" в философском смысле называют совместное управление айянов. В настоящее время 7а таких принципов придерживается государство Венеция.

В-третьих, Демокрит. Он сказал, что управление империей должно быть у ре[с]айи, с тем чтобы она могла защитить себя от притеснения. Например, население каждых десяти сел, образовав местное управление, выбирает из своей среды по одному-два человека, которых считает умными и опытными, и посылает [их] на собрание дивана. Выборные от населения [каждых] десяти сел также выбирают по одному человеку. Постепенно от всех выборных остается десять человек. Все соглашаются признавать власть этих десяти лиц. Десять человек в течение года, заседая в диване, занимаются решением дел. В новом году прежде всего снова избирают по прежней системе десять человек. Они рассматривают отчет [лиц], отставленных от управления, за прошедший год. Того [из них], кто совершил несправедливость, наказывают. Государство, имеющее такую форму [правления], называют демократией, то есть это управление, соответствующее взгляду Демокрита. В настоящее время такими принципами руководствуются государства Голландия и Англия.

Эти три упомянутых принципа в основе используются государями других народов и религий.

Раздел третий. Необходимость для правителей укрепления их государств // и [влияние] прочности их положения на порядок в их армиях. 7б

Царящие на земле правители, султаны и государи различаются [между собой] и назначаются описанным выше способом, согласно шариату и мудрости, потребностям природы, цивилизации и человечества. В зависимости от их сил и возможностей части территории, на которых расположено множество государств, провинций и городов, попадали и возвращались рукой насилия и захвата. Путем выделения множества стран было образовано множество государств. Их правители и мутасаррифы[15], в зависимости от степени уважения к ним, становились кто султаном, кто хаканом, кто шахиншахом,

кто падишахом, кто государем, кто кесарем[а], учреждались и вводились различные титулы и названия в соответствии с разными языками, составлялись правительственные дефтеры[16] и почетные рескрипты. Однако людям была свойственна болезненная жадность, а в роду хаканов, султанов и прочих правителей были распространены также враждебность к другому государству и простирание руки порока. Каждый человек испытывал нужду в защите своей страны и государства от нашествия других. Поэтому властелин народа и правитель страны отбирал и выделял из своего собственного или другого народа категорию людей, способных и имеющих склонность воевать, для того чтобы они защищали страну и народ, отталкивая длинную руку врагов и
8а препятствуя вмешательству других [в свои дела]. //Он набирал и организовывал армию на основе воинского и боевого устава и обычая и снабжал [ее] оружием. Строгое соблюдение действующего в этом отношении руководства считалось самостоятельным средством для сохранения страны и длительного существования государства. Излишне объяснять, что те, кто был безразличен к этому обстоятельству, кто не занимался этими важными делами и кто считал нерадивость дозволенной, теряли государство и страну, неизбежно попадали в беду и несчастье и начинали раскаиваться, что [уже] не приносило им пользы.

Раздел четвертый. Необходимость для прежних государей и султанов организации их войск по определенной системе и соблюдения порядка в сражении.

От исследователей истории, удостоенных [этой] большого достоинства науки, и от внимательных людей, влюбленных в произведения судьбы и ищущих сведений о народах мира, не скрыто, что начиная с появления рода человеческого и до настоящего времени среди народов и наций происходят сражения и войны, а в настоящее время мятежники не перестают ни на мгновение проливать кровь и уничтожать людей. Некоторые народы и государства и многие сословия людей занимались важным делом войны лишь для извлечения выгод и из желания устранить вред, [наносимый] другими. Однако многие из верующих и религиозных людей взяли на себя [врученную] шариатом миссию газа и джихада[17]. Их постоянным священным долгом стало всегда добиваться выгод счастья в настоящей и будущей жизнях путем усилий и тру-
8б да на пути Аллаха // и в залог этой добродетели всегда получать средства к существованию на том свете, жертвуя /своей/ жизнью.

В любом случае путаница среди идущих на войну и в сражение и готовых к схватке и к бою солдат разных родов войск должна быстро принять какую-нибудь форму, а солдаты должны научиться соблюдать определенный порядок и придерживаться устава и законов боя. От знакомых с историей и от знатоков этой прекрасной науки не скрыто и не спрятано, каким образом велись войны и готовились войска прежних султанов и государей.

Раздел пятый. Организация войск прежних государей и метод их сражений.

Содержание дефтеров и диванов, касающихся прежних дел и заключающих в себе сведения о древних народах, указывает, что армии прежних государей были не такими, как армии современных государей. Например, толпа народа, состоящая из 5000, 10 000, 50 000, 100 000, а [также] большего или меньшего числа людей, собравшись в одном месте, принимала определенную форму. Затем в зависимости от правого, левого и среднего [положений] образовывались три отряда[б], то есть правый, левый и средний; соединенные один с другим, они строились в виде двух крыльев, [идущих]

а) قيصر. б) قول.

из одного тела, // подобно высоко летящей птице. Конница и пехота собирались отдельно друг от друга. Подразделения конницы и пехоты, выстроившись, насколько возможно, по отдельности, также избегали беспорядка. После того как в правый и левый отряды назначались опытные военачальники, из проверенных и знакомых с военным языком сановников, которых народ также почитает за их авторитет и чины и строго выполняет их приказы, и им поручали управление флангами армии, то в зависимости от места и положения назначали еще быстрых и ловких сарханговᵃ) и чаушей[18], которые могли понять и доставить разрешение или запрет, способных различать рода войск и их военачальников. Они включались в свиты командующих на флангах. Кроме них назначались еще ревностные и храбрые военачальники, знакомые с важным делом построения, управления и приветствия солдат, которые должны были следить за движением и порядком, поспешением и промедлением, рвением и утомлением в деле, надобностью и ненадобностью помощи, затем, чтобы каждый солдат на обоих флангах [был] стойким и твердым, чтобы не вызвать нарушения порядков путем движения вперед и назад, вправо и влево, и чтобы пресекать бегство. Таким образом оказывали помощь начальникам флангов. // После того как в соответствии с принятыми у них обычаями кроме них назначались еще в зависимости от их чинов офицеры, знаменщикиᵇ) и знаменосцыᵛ) и другие старшие и младшие офицеры, для того чтобы находящиеся на обоих флангах солдаты были в своих джемаᶜатах[19], надо было еще обязательно выделить офицеров и рядовых. После того как войска на флангах принимали такой порядок, в центре расположения армии располагался государь, являющийся главой армии, или султан, или падишах, или их сипахсалары[20], или сераскер[21], или великий везирᵍ). Место стоянки, отдыха и размещения для сипахсалара и сардара[22], являющихся начальниками всех, становилось местонахождением штаба. После того как он назначал в свое сопровождение также бёлюк[23] солдат из своего личного отрядаᵈ) и солдат разных родов войск, очень уважаемых и достойных доверия, красивых, [хорошо] одетых и вооруженных, ревностных в охране особы сардара, готовых пожертвовать за него имуществом и душой и преданных [ему], то он сам и этот достойный похвалы отряд становились душой всего войска. Хотя он и находился в надежном месте, в центре войска, но включал в свою свиту несколько советников из государственных сановников, являющихся опытными и проверенными людьми, разбирающихся в способах сражений, приказы которых беспрекословно выполняют, известных твердостью, верностью и честностью. // Они совместно следили за передвижением и тишиной, за правым и левым [флангами], и в случае возникновения затруднений и неясностей все прибегали к их советам и указаниям. [Таким образом] они выполняли эту важную обязанность. Точно так же некоторое количество солдат образцового поведения, таких, как, например, сарханги и чауши, находясь в свите сипахсалара, являющегося как бы душой всех в неустойчивом центре войска, были наготове и предназначались для доставки и вручения необходимых приказов, запретов и предупреждений на места, правому и левому [флангам], авангарду и арьергарду, и ожидали на своем месте указаний для начальников. В соответствии с обычаем древних, храброе войско, как указывалось выше, изготавливалось, обороняясь и маневрируя, и становилось единым телом, образовав строй в виде длинной стены, и, подобно орлу, бросалось влево и вправо, тогда как описываемое ниже новое военное устройство было основано на геометрических принципах. [Раньше] полная пропорциональность и равенство рядов не соблюдались, они не были сомкнутыми, правильными и прямыми как линия, а ширина и глубина порядков не были равны. Солдаты, следуя друг за другом, постоянно и не-

9а

9б

10а

ᵃ) В тексте: فرهنك ("словарь") вм. سرهنك. ᵇ) بيراقدار. ᵛ) سنجاقدار. ᵍ) وكيل مطلقى. ᵈ) قپوجلقى.

10б прерывно скучивались // и не соблюдали порядка, в одних местах их было мало, а в других – много; всей тяжестью и массой они наваливались друг на друга, а при встрече с врагом останавливались, приняв форму описанного выше нестройного ряда. Медленно продвигаясь, войска сближались с неприятелем. Когда же оставалось небольшое поле, разделяющее их общую судьбу, то из рядов [воинов] вырывались много храбрых мужей, подобных разъяренным львам. Выхватив из ножен острые мечи, они, подобно Рустаму[24], бросались на поле боя. Если же противник не трогался с места, то к схватке рвались храбрые всадники и пехотинцы, быстрые, смелые и могучие богатыри. Они вступали в единоборство, обнажив мечи и наставив острия пик, и атаковали, используя булаву, дротик, копье[а], кинжал, секиру, лук, щит и другое привычное боевое оружие. Волны больших масс людей, подобно приливу и отливу беспощадного моря Омана[25], приносили то счастье, то несчастье; звуки и эхо столкновений, ударов и стонов заполняли вселенную, а пыль от быстрых, как метеоры, скакунов доходила до неба; громовой голос с небес, [произносивший]: "Нет ли добавки?"[26] – царил на рынке сечи и обеспечивал
11а сбыт в сражении. На том полном славы базаре // вместо наличного серебра и золота [в ходу были] железо и сталь, и [люди] умирали, убивая острым мечом и разя сердце острием пики. Обе стороны сохраняли свой первоначальный порядок и неуклонно действовали по этому поводу. Временами расходились, когда выяснялось, на чьей стороне победа. В другой раз, при затягивании [сражения], решающий бой переносился на следующий день, а бывало, что сражение длилось несколько дней. Иногда с обеих сторон на поле битвы выходили падишахи или сераскеры, или несколько известных витязей[б]. Удовлетворившись их победой или поражением, все оказывали повиновение победившей стороне. Время от времени из-за непокорности и упрямства пламя вражды и ненависти вспыхивало, как пожар, беспощадное море ненависти и мести разливалось и волновалось, и солдаты двух армий мешались, кидаясь друг на друга. Бессчетные и огромные массы людей бросались на землю позора. Во всех древних армиях не было пушек, ружей и бомб, в те времена не было пороха и не было привычки окапываться рвами и окопами. Боевым оружием служили стрела и лук, меч и острое копье, дротик и щит, булава и кинжал, праща и арбалет, латы и стальной шлем.

Одним словом, основные принципы союзов и объединений и новых государств от начала мира и до настоящего времени, способы и формы объеди-
11б нения народов, законы // и принципы организации населения и управления государственными делами не были одинаковыми. Несогласие и неповиновение происходили в силу разных вероисповеданий, обычаев, характеров и даже привычек.

По большей части правильно соблюдались только обычай сбора и переписи войска, его деления, организации похода и сближения с врагом во время войны, формы сражений. Точно так же походили один на другое передвижения и марши по дорогам, разбивка и снятие лагерей и способы деления армии командующим на авангард и арьергард, правый и левый [фланги] при приближении к вражеской территории[в], а равно и законы завоевания стран. О применяемом боевом оружии [можно сказать], что оно по большей части тоже было одинаковым. Государи Хинда и Синда, Туркестана и Фарса[27], правители Египта и Багдада, императоры Рума[28], прочие арабские, курдские и персидские племена и роды и древние франкские народы – все находились в таком положении, действовали по известным формам и методам, а в войнах применяли указанное оружие.

12а Мусульманские государства и правоверные народы также //по большей части действовали по старым формам и методам. Лишь некоторые халифы и

а) В тексте вм. خشت "копье" ошибочно напечатано هشت "восемь."
б) پهلوان. в) В оригинале دارالحرب "дом войны".

султаны ввели наемное войско и, организовав отряды пехоты и конницы под названием очагов[29], укрепили основы государства, упрочили порядок и закон и с помощью выдающихся лиц вступили на путь побед над врагами веры и их государствами. Хотя в использовании боевого оружия они подражали древним и в организации воинов в сражении, атаке и штурме удовлетворялись старыми методами, однако, при крайнем рвении и усердии они достигли способности побеждать всех в искусстве сражения на саблях. С появлением и возвышением Высокой Порты – да продлит Аллах ее существование до дня страшного суда – эхо славы и мощи государства мусульман и силы божественного султаната правоверных разнеслось по странам мира до горизонта вселенной, а победоносная сабля падишахов рода Османа вселила в [души] кафиров непреодолимый страх. [Ныне] обязательным долгом [людей] высокого ума, неразрывно связанного с делами знатных лиц и простого народа, стало изучать, обдумывать и размышлять, в силу каких причин с некоторого времени обнаружился упадок в деятельности [османов][a]).

Для того чтобы понять и постичь смысл этого неясного и серьезного вопроса, // постичь суть сомнений и легче найти путь действий, нужно и необходимо прежде всего разузнать состояние врагов веры и государства, формы и методы [их действий] в данной области и получить полные сведения, чтобы в любом случае недостатки были явны со всех сторон и чтобы причины разложения и источник упадка были очевидны, ясны и бесспорны. Поэтому для разъяснения и понимания смысла [вопроса] самым важным стало: первое – выяснение и объяснение того, что является источником разложения и причиной упадка и поражений, согласно исследованиям нынешних мудрецов, современных ученых и знающих лиц, сведущих в порядках сбора войск древних правителей и султанов, которым подчинялись мусульманские государства, в формах, способах и методах, какими начинают войну, а равно и в военной и боевой науках; второе – описание новой организации, основанной на мудрых принципах нового устройства собственных войск кафиров[a]), [созданного] для разгрома наступающих войск и отражения сильной атаки, изображение удивительных порядков, которые считаются основой твердости при вступлении в бой и [его] ведении, // а также боевого оружия, которое [недавно] пришло на смену старому, на основе глубокого изучения [мной] действий умных людей у христианских правителей и народов, знакомства с философией, ценой больших трудов и усилий, обдумывания, бесед и обсуждений. Ибо по опыту и наблюдению известны огромная опасность, бесконечные изъяны и исключительный риск, [связанный с теми порядками], какими древние армии строились для схватки с врагом, и с той манерой, с какой вступали в бой. 12б 13а

Во-первых, управлять такого рода войском ни в мирное, ни в военное время невозможно. Когда нужно, [оно] не готово и не приготовлено. Если потребуется начать сборы, оно опять же выставляет в качестве предлога лето, зиму или какой-нибудь пустяк, или осмеливается [выдвинуть] неприемлемое условие. При следовании в назначенное место из-за отговорок, своеволия или опоздания упускается удобный случай [напасть на врага]. Избавить и защитить от насилия и несправедливости ре[ая]ю и берайю[30] во время похода является делом трудным, а может быть, и невозможным.

Во-вторых, если при выступлении в поход, во время передвижений и маршей по дорогам, при разбивке и снятии лагеря, в особенности при движении в ушельях и горных проходах, у теснин, мостов и на прочих узких дорогах хорошая организация отсутствует, то беспорядочные и неорганизованные действия всегда наносят большой вред. Противник // берет языка из находящегося в таком состоянии войска и находит возможность атаковать ночью врас- 13б

---

[a]) В оригинале: "их".

плох армию, находящуюся в беспорядке, по дороге и в лагере. Узнав при помощи [взятых в плен] языков о намерении и цели [вражеского] войска, противник принимает соответствующие меры.

В-третьих, когда сильное многочисленное войско подходило к противнику, то, согласно обычаям древних, оно не выстраивалось соответственно нужному порядку, а образовывало ряд, "подобный стене плотного здания"[31] с возведенными опорами. Из-за своей неорганизованности солдаты не обладают выдержкой и стойкостью и не могут переносить трудностей. В частности, когда сильное успехом войско, собранное из быстрых и ловких храбрецов, из воинов и известных смельчаков, охотящихся за врагом, кипит и волнуется от ветра рвения, подобно беспощадному морю Омана во время светопреставления, то если бы даже все мудрецы вселенной собрались в одном месте, они бы не смогли сдержать такую армию с помощью твердого порядка и организации и направить ее на врага.

Как уже указывалось, подобное войско, ослепленное своей храбростью, не стремилось к единству и согласию в бою, в счастье и несчастье, и к равнению при движении и неподвижности. Как только [строй] ломался и каждый [боец] стремился действовать самостоятельно и обогнать [другого], они те-
14а ряли осмотрительность и становились неосторожными, // давая врагу удобный случай [напасть на них].

Что же касается врага, то это - умные и сведущие, серьезные и спокойные [люди], а солдаты и командиры организованы и построены в ряды и поддерживают полный порядок, расположившись и поддерживая равнение по геометрическим принципам. Люди как на левом и правом флангах, так и в центре словно связаны и спаяны друг с другом железной цепью и избегают поспешных действий; такого рода единство и согласованность похвальны и приятны, [они придают воинам] смелость и храбрость. Какой бы сильной и жаркой ни была атака и натиск противника, действующего беспорядочно и неорганизованно, он не сможет разбить организованные и сплоченные ряды врага и не сумеет привести [его] в беспорядочное состояние. [Затраченные] в спешке и торопливости усилия и тысячекратное напряжение, [проявленные] таким беспорядочным образом, оставались бесполезными, принося самому противнику лишь усталость и утомление. Таким образом, за короткое время могучая энергия растрачивалась, сила и мощь слабели и наступало изнеможение. При самообольщении храбростью и отвагой счастье обращалось в несчастье с печалью раскаяния. Словом, установлено, что беспорядочные пространственные принципы построения [войск] приводят к поражению.

14б // Самое плохое заключается в том, что когда нетерпеливые, быстрые и ловкие солдаты, храбро идущие в сражение, подобно бушующему морю, не могут быстро добиться желаемого, то при появлении признаков поражения положение расстраивается, они бросаются во все стороны, а сердце разрывается от отчаяния, и по большей части в этой атмосфере разжигаются огни мятежа. В результате такого поражения состояние войска становится хаотичным и беспорядочным, а организованное управление невозможным. В ходе несправедливых и беззаконных мятежей много султанов и правителей со справедливым образом жизни было убито и низложено, когда предел низости обласканных благодеяниями солдат перешел границы; множество известных сипахсаларов и сераскеров пали в пыль презрения, погибнув от предательской солдатской руки. Народная молва передает, что немало столиц государств и городов, являющихся родинкой на лице страны, даже многие страны, разрушались и становились безводными [пустынями], сгорев в пламени солдатских мятежей.

В-четвертых, в армии, снаряженной по старому способу, нельзя рассчитывать, полагаться и зависеть лишь от численности и храбрости солдат, от того, [каким] боевым оружием они вооружены и хорошо ли одеты, [так как], очевидно, что самым важным и необходимым условием является хорошее уст-

ройство, // ибо если даже все боевое оружие и военное снаряжение будет го- 15а
тово, но в армии не будет хорошего устройства и крепко налаженной орга-
низации, то все это не принесет пользы. Невозможно оказать сопротивление
даже относительно малочисленной армии, крепкой своей дисциплиной; это с
очевидностью доказано не только здравым смыслом, но и подтверждено боль-
шим опытом.

В-пятых, в зависимости от времени и места, отводимого каждому сол-
дату регулярного войска, [солдат] должен, по крайней мере в общих чертах,
знать и быть осведомленным о передвижении врага. Что же касается солдат
нерегулярной армии, то они даже не представляют положения солдат и под-
разделений, входящих в их собственную [армию], и не могут узнать и понять
[его]. И если даже из-за малейшей ошибки на [каком-либо] фланге происхо-
дит небольшая путаница и беспорядок, то болезнь разлада сразу же заражает
всех и полностью дезорганизует и расстраивает порядки войска. В древних
армиях неоднократно случалось, что стоило коню и верблюду падишаха или
сераскера споткнуться, то враг считал, что с эмиром и сардаром, являющих-
ся душой войска, произошло несчастье. Подобное морю, войско поворачивало
вспять от противника, впадало в смятение и терпело поражение. // И самое 15б
удивительное бывало, когда из кустов спереди или сзади, справа или слева
от войска внезапно выскакивал заяц. Кони некоторых пугались, и замешатель-
ство отдельных людей, кричавших: "На нас напал враг!" - приводило в бес-
порядок всю армию. Каждый обращался в бегство, бросаясь на дорогу избав-
ления. При таком бесчестье многие сотни тысяч солдат терпели страшный
разгром.

В-шестых, сведущие люди единодушны и мнение опытных лиц сходится
на том, что победа и поражение неорганизованного войска не зависят от
его силы и мощи, плана [действий] и мероприятий, усилий и стараний. В
этом случае не имели бы силы и действия ни мудрость Платона, ни рассу-
дительность Аристотеля, ни твердое мнение Бузурджмихра[32]. Если бы в од-
ном месте собрались [все] мудрецы мира, то их мнения не смогли бы при-
нести пользы. [Лишь] в том случае, если во всем войске будет порядок, то
мощь армии, количество храбрецов, их сила и храбрость будут полезны. Ког-
да есть такая способность и готовность к организации, то можно и на сво-
ем месте сделать все возможное, и тогда твердое мнение и хороший план
принесут успех. Исход [сражения] и окончательная судьба войска, лишенного
хорошего устройства и нужной организации, зависят лишь от случайностей и
вручаются судьбе. [Достижение] победы и [нанесение] поражения [против-
нику] // являются трудным делом, которое, безусловно, зависит от случай- 16а
ностей. Либо необычное единодушие позволяет достигнуть цели, либо ошиб-
ка или просто расстроенное состояние какого-либо лица ведет и приводит
к поражению и разгрому многочисленного, как звезды, войска. Вследствие
страшного разгрома могучая армия гибнет. Если среди очевидных причин
не учитывают преимуществ и недостатков, то победа и поражение зависят
лишь от мятежной судьбы.

В-седьмых, неоспоримым фактом, не требующим объяснения и поясне-
ния, является то, что отсутствие хорошего устройства и нужной организа-
ции в армиях правителей и султанов приводит к большому напряжению и мно-
гочисленным расходам казны, и закономерным следствием [этого] является
опустошение страны. Итак, из всего этого ясно и очевидно, что старая ор-
ганизация и устройство войска древних приводили к бесконечным изъянам,
тяжелому положению, большим опасностям, огромному риску и неисчислимым
трудностям.

Примечание: как уже описывалось выше, вся поверхность земли засе-
лена потомством Адама. Любая сторона [света] является для сынов челове-
чества местом жительства. Когда установили, передвигаясь по суше и морям,
что земля сверху и снизу заселена людьми, то пришли к выводу, что она пред-

16б ставляет собой шар, [состоящий] из элементов, //земли и воды. Для понимания смысла [этого заключения] знатоки географической науки, во-первых, чертили две окружности, во-вторых, изображали землю, как один шар. После этого для обозначения стран света, имеющихся на земле, и для понимания положения многочисленных народов и различных племен, а [также] государств, которые подчиняются различным правителям и султанам, весь земной шар разделили примерно на четыре части, дав [им] названия Европа, Азия, Африка, Америка. Страны царящих на земле правителей и султанов находятся в четырех частях света. Одна из этих четырех частей, являющаяся лучшей [частью света] на поверхности земли, известна под названием Европа, и ее границы обозначены в географических книгах. Помимо того что [в Европе] христиане живут по своим районам и со своими правителями, из трех остальных частей [света], в частности Новый Свет, известный под названием Америка, стал родиной для многих правителей этого презренного народа. Остальные две части [света], то есть Азия и Африка, разделены и распределены правителями других народов и племен. Прежде христианская нация была единым и малочисленным народом. Затем она распространилась по
17а земле // и умножилась до такой степени, что сравнялась по количеству [людей] с другими народами. Часть презренного народа стала до такой степени деятельной, что [начала] бороздить своими кораблями страны света и захватила на Восточном и Западном океанах[33] множество городов и стран. Когда возникла мусульманская нация и образовалась Высокая Порта – да продлит ее лета Аллах! – то упомянутый народ убрал захватническую руку от Азии, однако эти зловредные люди снова нашли путь на восток. Достигнув в этой стороне самых отдаленных укреплений и одержав победу над Чином[34], Хиндом и Синдом, [этот народ не] успокоился, [пока не] захватил и овладел множеством мест. Открыв в Восточном океане немало неизвестных островов, [христиане] включили их в свои владения [и благодаря этому] стали сильными.

Что касается мусульман, то они были в состоянии полной беспечности, невнимания и презрения к положению упомянутых народов. Религиозная вражда, возникшая из-за соседства нашей страны с этим народом, помешала важному делу – изучению сведений о султанах и правителях этого презренного народа, и [османы] продолжали пребывать в невежестве, раздувая явный фанатизм. Став соседями с Высокой Портой, [христиане] выжидали удобного случая [для нападения] и все время таили злой умысел против [нашего]
17б государства, // тогда как [мусульмане] пренебрегали такими важными вопросами, как [изучение] состояния их дел и [недооценивали] недоброжелательное поведение каждого государства, питающего [к мусульманам] внутреннюю враждебность. Они не знали, что было причиной и основанием того, отчего некогда малочисленный народ стал многочисленным, почему, будучи ограниченным одним климатом[35], распространились по всему миру, особенно же как государственное устройство, считавшееся пагубным, оказалось превосходным, а [их] административные и политические законы и принципы позволили управлять странами, регулировать дела людей, заселять области, благоустраивать края и территории, а [при помощи] порядков, действующих при охране и защите стран, вот уже несколько лет по воле Бога одерживать постоянные победы над войском могучей Османской империи.

[Мне] показалось совершенно необходимым собрать и записать [эти] данные в надежде устранить недостатки и закрыть двери мятежам, дабы вельможи и простой народ не относились безучастно к размышлению об этом важном деле, а мусульмане не оставались совершенно неосведомленными и незнающими о состоянии этого народа – людей ада, и не были в неведении о делах находящихся рядом врагов веры и злонамеренного государства, чтобы очнулись от сна беспечности и отныне прозорливо разбирались в состоя-

нии и положении врага, чтобы полностью были осведомлены о новом военном устройстве[a)], которое он создал, основываясь на удивительных принципах необыкновенной системы // и нового устройства, и о боевых хитростях, а 18а
также чтобы не проявляли снисходительности к нападениям на мусульманские страны и к включению и присоединению мусульманских областей к стране кафиров, чтобы прекратили пребывать в невежестве, предпочитая ярый фанатизм собиранию сведений о всех делах [христиан], и чтобы не считали достойным допускать снисходительность в отношении происходящих в стране мятежей, что сочетается с леностью и беззаботностью.

Итак, от начала мира и до первого появления мусульманской религии войска предыдущих и последующих правителей и султанов стягивались, собирались и формировались соответственно описанному выше неупорядоченному устройству и расстроенной организации. Когда выяснилось, что окончательное расстройство привычной военной системы связано в конечном итоге с неудачей, большими опасностями и значительным риском, то стали видны преимущества победоносного и правильно организованного войска. Стало явным, как солнце в середине дня, безусловное получение бесчисленных выгод при стремлении к соблюдению хорошего устройства и нужной организации. Хотя этот факт излишне объяснять, однако безразличие опять же недостойно. Дальновидность, внимательность и осмотрительность важны, //а 18б
твердость и осторожность признаются в наше время непременной обязанностью. Записав в данном месте некоторые преимущества [хорошего устройства, автор] посчитал уместным еще и еще раз [их] напомнить.

Дополнение. Хотя в любом случае преодоление любой трудности, успех и победа над врагом даруются рабам [божьим] лишь от бесконечных милостей того вседарящего и всемилостивого Бога – да будет великой Его слава и да распространятся на всех Его благодеяния! – скрытой мудростью является зависимость от Его высокой воли халифата, государства и страны, даров и подарков, величия и унижения, равно тайнами, полными мудрости, являются зависимость победы от предопределения и судьбы. Хотя как постижение сути каждого дела, так и появление во всей красе желанной невесты из сокрытия и небытия у выхода из брачной комнаты находится в введении Аллаха, ясно, что армия, которая представляет собой здание с прочным фундаментом, возведенное по строгой системе и не поддающееся износу, ибо в его основание положено единство, а элементами являются согласие и сплочение, в любом случае победит войско, в котором нет согласия, и слабую армию с беспорядочным устройством, с плохой организацией, скорую на перевороты, // пренебрегающую военными уловками и хитростями и лишенную 19а
тех порядков, которые являются основой твердости и стойкости врага.

Краткое перечисление преимуществ. Во-первых, самым высшим требованием является то, чтобы устройство войска имело прочный фундамент, а крепкая веревка организации не разрывалась. Доказано наблюдениями и [подтверждено] свидетельствами, что победить ничтожного, [но] зловредного врага может армия, созданная на основе хорошего устройства и крепкой организации. Однако победа [в сражении] двух армий, равных по организации и устройству, количеству и силе, склонится на ту сторону, у которой утвердился обычай твердого решения и правильных мер. Если у одной армии будет больше дисциплины, то успех будет на ее стороне, даже если [у них] было одинаковое количество пушек, кирас, панцирей и одинаковое устройство и организация [строя]. Правила войн и сражений постоянно сохраняются в таком виде в войсках франкских народов. Иногда бывает, что в силу равенства [сил] неизвестно, [за кем] победа. Из-за [происходящих] на больших простран-

а) نظام جديد.

19б ствах сражений, боев и битв обе стороны не достигают результата // и отходят назад. Иногда поле битвы случайно захватывается одной из армий, и такого рода случайность приводит к победе.

Во-вторых, по мнению всех умных людей, в таком могучем государстве, в котором армия будет правильно устроена и хорошо организована, ни среди войск, ни среди ре айи не может возникнуть и распространиться незаконный и несправедливый мятеж. Даже возможности его возникновения не существует. Доказательством этого служат находящиеся в климате Европы многочисленные государства. Так, в исторических сочинениях написано, что в климате Европы раньше всех возникла получившая известность Римская империя, которая была названа по имени Ромула, явившегося строителем города Рима и основателем этого государства. Указанный город был заложен за 570 лет до рождества Христова[36]; одновременно с его созданием стали возникать государства. Их правителям давали титул императора. Упомянутое слово является латинским словом, в основном используется в значении приказывающего, повелевающего; как специальное значение употребляется также в значении главы всех христианских королей, государя государей, султана султанов, падишаха
20а и шахиншаха. Большинство королей других христиан подчиняются императору // и выказывают [ему] покорность и повиновение[37]. В силу того что основные принципы и установления этой Римской империи были созданы также по законам древних правителей и султанов, то ее войска в соответствии с порядками древних имели испорченное устройство и расстроенную организацию. Положение народа расстроилось из-за мятежей, непрерывно происходивших в армии. Предмет славы христианских народов, кичившихся превосходством [Рима] в красоте и известности среди всех городов на земле, сейчас является резиденцией римских пап. Древняя столица римских императоров известна на языке аристократии под названием Великий Рим, а на языке простого народа - под названием Красное Яблоко[38]. В конечном итоге такой большой город загорелся и сгорел в огне мятежей его войск. В настоящее время большинство [его] мест находится в развалинах. Через некоторое время императорское звание также было отобрано у них; [оно] переходило то к [одним] франкским королям, то к другим. Латиняне, являвшиеся римским народом, также исчезли, и лишь в книгах остались их имена.

В 1278 году от рождества Христова[39] звание римского императора перешло к правителю одной из европейских стран - Австрийскому государству, то есть к князьям немецкого народа. Сперва императором стал австрийский князь из этого народа по имени Рудольф[40]. Судя по историческим со-
20б чинениям, императорское звание в течение 459 лет[41] // сохранялось за династией немецких цесарей путем перехода по наследству от отца к сыну. Вплоть до Карла У1[42], являющегося двадцать первым императором, в момент смерти цесарей у австрийской династии не было недостатка в потомках мужского пола. Притязаний со стороны чужих на императорское звание не случалось. Только теперь, когда у немецкого императора все еще не родился потомок мужского пола, он сам и супруга императрица в силу ряда обстоятельств впали в отчаяние, [потеряв надежду] на рождение сына. Очевидно, в связи с этим в данный момент от вечной судьбы будет зависеть колебание от губительного ветра здания империи или же передача [империи] другим[43].

Точно так же нынешняя столица султанов рода Османа, предмет зависти государей вселенной, благоухающий город Кастантинийе[44] - да будет вечной краса его строений, пока длятся день и ночь вечного времени! - в прошлом являлся местом пребывания и столицей императоров греческого народа, [известный] под названием Малого Рима. Когда они еще были сильными и уважаемыми правителями достойного прославленного государства, среди населения страны и войска все время вспыхивали мятежи. [Императоры] проявляли невнимание и нерадивость к таким важнейшим вопросам, как урегулирование дел страны, управление армией, составление и разъяснение военных и бое-

вых уставов. В конце концов при закрывании двери мятежа //единодушие, яв- 21а
ляющееся [жизненным] соком государства, перешло в разногласие, а от оби-
лия противоречий сила и мощь превратились в слабость. В результате они
были полностью разбиты врагом, все их племена были обречены, а их госу-
дарство погибло. Одним словом, с появлением удивительных порядков в вой-
нах и сражениях в климате Европы, новых предписаний при подготовке орга-
низации армии и необыкновенных видов боевого оружия и снаряжения воен-
ная и боевая наука приняла новую форму в противоположность старой. Те из
находящихся в упомянутом климате правителей и народов, больших и малых,
многочисленных и малочисленных, которые овладели этой необыкновенной
системой и удивительным искусством, а [также] новым устройством, безу-
словно побеждали врага или же по крайней мере достигли способности за-
щищать и оборонять свои страны от насильственной руки других. Те, кто
проявлял нерадение и леность, неизбежно терпели поражение и попадали под
власть других.

В-третьих, если армия какого-то государства будет скреплена узами
порядка и связана правилами и неразрывными цепями организации, то ре айя
и берайя такого государства всегда будет чувствовать себя спокойно, поте-
му что основы устройства армии и вооружения войска являются прекрасным
примером науки, основанной на прочном фундаменте, чьи условия и ограниче-
ния похожи на крепкую и прочную железную цепь. // Вообще люди с разными 21б
характерами и различными качествами, добрые и злые, своевольные и послуш-
ные, трусливые и храбрые, в армии дисциплинируются до такой степени, что
когда войску, состоящему из многих тысяч разных людей, потребуется идти
и проходить мимо созревшего виноградника, то ни один из солдат не коснет-
ся и не протянет руки к кисти винограда из желания сделать запас на до-
рогу. Единодушные мнения предшествующих и позднейших искателей истины
из улемов и мудрецов об устройстве мира и урегулировании вечных дел сы-
нов Адама сходятся на том, что следует укрепить здоровье государства пу-
тем его деления на четыре взаимосвязанные основы в пределах территории
государства, подобно [делению организма] на четыре элемента[45], то есть
в интересах мудрого решения важнейших государственных дел во все време-
на лучше всего бывало тогда, когда одна категория народа являлась людьми
меча, одна - людьми пера, одна - земледельцами и одна - ремесленниками
и торговцами. Бразды правления за всеми ними следует вручить помощникам
правителей и султанов. Самой большой опорой из четырех столпов государ-
ства является категория людей меча. Это - государи и султаны, их намест-
ники и помощники, везиры и мир-и мираны[46], // прочие управители и все 22а
военные. Их главной обязанностью является управление всеми категориями
на основе советов улемов и мудрецов из категории людей пера, урегулиро-
вание дел ре айи и всех сословий при помощи справедливого закона и хо-
рошего управления согласно данному желанному устройству. Среди осужден-
ных на огонь ада кафиров эти исполненные мудрости правила уважают, со-
храняют и стремятся их упрочить. При этом их укрепили до такой степени,
что если армии какого-нибудь короля в стране христианских правителей
потребуется пройти через территорию другого короля, для того чтобы сра-
зиться с врагом, находящимся на далеком расстоянии, то солдаты дисцип-
линированы настолько, что ни один солдат не осмелится присвоить прину-
дительно и силой ни одного яйца. Основываясь на взаимной сплоченности
в таком войске, иногда дается разрешение на его проход [через чужую
территорию]. Оплачивая деньгами [все] свои потребности, [солдаты] пере-
носят затруднения подобного рода.

В-четвертых, произойдет накопление казны в силу ее обилия и множест-
ва, потому что войско, сформированное и снаряженное в соответствии с та-
ким устройством и организацией, не связано никакими заботами, не вмеши-
вается ни в дела, ни в торговлю, а день и ночь занимается обязательной

22б службой в соответствии с воинским долгом, // стремясь быть готовым в любой момент и зимой и летом. Если на границах государства появится враг, то оно наготове и может сразу же выступить и двинуться на врага. Безо всяких разногласий и распрей [оно] немедленно прибывает в назначенное место. Таким образом, не нужно собирать, формировать и снаряжать войско при помощи посулов, обещаний, угроз и за счет многочисленных расходов казны, как своевременных, так и несвоевременных.

В-пятых, от армии выделяют и отделяют невоенных, а также упомянутых выше лиц четырех категорий. Каждый обязан делать то, что ему положено. Ни одну категорию не заставляют и не принуждают [заниматься] обязанностями другой категории, например, сипахи[47] – обязанностями райята, а ре айю – войной. Если стараться [соблюдать] этот мудрый закон, то страна будет процветающей, а все рабы [Аллаха] будут устроены и спокойны.

В-шестых, какой бы огромной и многочисленной ни была армия, [если] она спаяна хорошим устройством, то всегда можно установить [ее] количество, подобно немногочисленным орехам, а [также] пригодность отдельных лиц. В мирное и военное время все невоенные лица не смешиваются с солдатами, не подражают [им] и не перемешиваются с ними по сходству в одеж-
23а де. В любом случае соблюдаются отличия и различия. // Сходство и путаница между военными и невоенными в мирное и военное время является причиной беспорядка, а во время похода приводит лишь к разногласию и беспорядку, к голоду и трудностям. По опыту умных лиц также известно, что в большинстве случаев [это] приводит к поражению.

Глава вторая. Коротко рассказывается о преимуществах науки географии.

Достойным сановникам – опоре государства – необходимо знать о странах, областях и крепостях, находящихся на территории [их] государства, о его границах и пределах, о состоянии рубежей, о том, что связывает и разделяет находящиеся рядом соседние государства, о близости и дальности вражеских стран, о легкости и трудности дорог, о состоянии суши и моря, рек и гор, о положении живущих народов, для того чтобы решения и меры, принимаемые по важным делам стран и народов и по неясным вопросам управления в государстве, были правильными. Что касается упомянутой науки, то ее предметом является познание очертаний стран и областей, знание путей и расстояний, осведомленность о состоянии живущих народов. Она является настоящей большой дорогой, ведущей ко всякому [успеху]. Джихад против зловредных кафиров и других врагов государства является обязанностью для мусульман. Ясно и очевидно, что знание вражеских стран и владений на суше и на море в соединении с усердием победоносных гази[48] является са-
23б мым важным в войне за веру. Что касается упомянутой науки, // то она действительно является опытным проводником, указывающим путь к познанию стран и областей кафиров, путеводителем к достижению цели и просвещенным наставником, знающим дорогу и стоянки на ней. Важным достоинством справедливых правителей, стремящихся хорошо управлять, и проницательных сановников, являющихся опытными государственными деятелями, является предусмотрительность, дальновидность и [постоянная] осведомленность о происшествиях в мире и событиях среди народов земного шара.

Что касается упомянутой науки, то это – зеркало-миропоказатель[а] и зерцало мира[б], в которых отражается состояние народов земного шара, в которых очевидны истина и ложь событий эпохи, ежедневно происходящих в мире, потому что в них распознаются пути [движения] и расположения племен и народов, живущих во всех обитаемых странах, то, что связывает и

а) مرآت عالمنما . б) جهان نما

разделяет места, близкие и дальние пути и расстояния и многие другие обстоятельства. В любом случае [в этом зеркале] обнаруживаются, распознаются и различаются дела, которые могут произойти.

Например, если бы сказали, что московский царь завоевал Восточную Индию, то лица, не знакомые с расположением стран мира, сразу бы поверили, однако сановники, знакомые [с этой] наукой, //решительно и определенно высказались бы о невероятности этого, если учитывать отдаленность расстояния между ними и различия в правителях, народах и религиях. 24а

Точно так же, если бы сказали, что московское войско двинулось в Гилян[49], то знакомый с [этой] наукой принял бы во внимание расстояние между ними. Он рассуждал бы так: Каспийское море, находящееся на этом пути и [тянущееся] с севера на юг, является огромным морем, а народы, живущие около [этого] моря, находятся [с московами] во вражде. Хотя проникнуть и с суши и с моря трудно и влечет [за собой опасность], однако это возможно. Если же сказали бы, что московское войско послано в Польшу, то сразу же [им] ответили, что [такая] возможность есть, если учитывать, что эти [государства] – соседи.

Поселения мусульманских народов, являющихся лучшим родом человеческим, не ограничились богохранимой Османской империей, – они разбросаны по всей земле. Множество [мусульманских] народов живет в дальних странах во [всех] частях света, разделенные между [разными] правителями; большинство [из них] ничего не знает друг о друге и из-за этого они не могут помочь друг другу. Многие, будучи беспомощными и несчастными, отчаялись под игом кафиров.

Что касается упомянутой науки, то она является блестящим зеркалом, в котором отчетливо видны религии и положение многочисленных племен и разных народов, находящихся на всей земле. Если позаботиться о распространении данной науки, то когда она распространится и станет известной в мире, // то исповедующие единобожие народы, живущие во [всех] частях света, 24б
узнают друг о друге. Она даст им стойкость и приведет их к объединению, к освобождению многих [народов] от владычества кафиров, к еще более прочной связи областей и стран ислама и в результате – к объединению всех [мусульман] под сенью могучего падишаха. Нет необходимости подробно говорить, насколько нужна упомянутая наука для солдат и торговцев, путешествующих по суше и на море, и для распознавания близости и дальности неприятеля, для уклонения от водоворотов и мелей, для избежания засад, для понимания хитрости и ловушек врага, для установления местоположения, в котором оказались из-за сильной бури, для установления, сколько пройдено по дорогам, для определения ветров и всех путей к побережьям и островам. В таком же беспримерном и непревзойденном султанском флоте Высокой Порты, доведенном до совершенства в силу несравненных забот мудрых, дальновидных сановников, нет ясных и подробных карт, портуланов[50] и лоций. Не подобает неосмотрительно плавать по Средиземному и Черному морям и прибегать к картам франков.

// Что касается упомянутой науки, то она является [одной] из древних 25а
наук, она описана во многих мусульманских книгах, однако ее применение зависит от начертания карт и выполнения изображений на картах и планах. Нельзя отрицать, что христиане, превратив при помощи черчения и рисования скрытое в явное и возможное в действительное, за короткий срок извлекли много пользы, так как, постигнув при помощи этой науки очертания земли и морей, они устремились во все стороны света, открыли и завладели Новым Светом. Проложив путь в Восточную Индию, они захватили множество мусульманских и других стран, подчинили [их] и получили возможность бороздить почти всю сферу земли и воды. Даже халиф Ма'мун[51], узнавший, что эта наука помогает расширению пределов государства, позаботился о переводе на арабский язык [одной из работ по географии]. В не-

которых "книгах о путях в государствах"[52] при сообщении долгот и широт отсылают к упомянутому переводу, указав, что так в "Расм ал-ма'мур"[53]. Однако действие и распространение данной науки зависят от изображения на горизонтальных солнечных часах[а)] и на картах, а их точность и количество связаны также с [их] изготовлением при помощи печати. В данный момент [их] нельзя [хорошо] изготавливать, так как книги и рисунки делаются от руки.

Капудан[54] по имени Колумб, открывший и исследовавший Новый Свет,
25б был очень знающим в философии и астрономии. // Он потратил [много] дней и ночей на размышление над [этой] наукой и израсходовал [свое] состояние и [много] времени на вычерчивание и составление точных карт суши и морей. В результате он оказал христианским народам и правителям услугу, которая не забудется до воскресения мертвых, так как он был лоцманом [для тех], кто завоевал часть света, о которой не знали во времена Адама и о которой не слышали ни от одного [из тех] людей, которые захватили на востоке и на западе много известных и неизвестных стран и земель и нашли пути передвижения и путешествия как по суше, так и по морю.

Следует надеяться, что появление упомянутой науки в Высокой Порте приведет к расширению владений государства на востоке и на западе. Сама по себе историческая наука, служащая назиданием миру и расширяющая мудрость людей, является наукой высокого достоинства и огромного влияния, и нет необходимости доказывать, что она является любящим истину проводником, нужной и необходимой опытным государственным сановникам для познания.

Что касается географической науки, то очевидно, что она является важнейшим средством и легким способом для овладения историческими науками, потому что от первоначального сотворения Адама и до нашего времени, когда ученые люди, желающие и стремящиеся извлечь пользу от накопления знаний и сведений о приключениях людей и о всех событиях и происшествиях эпохи, увидят в исторических сочинениях изложение приключения
26а какого-то народа и племени, // то, сразу же открыв страницы географии, найдут место, в котором обитает этот народ и племя. Когда увидят, то о событиях будут знать столь подробно, словно были, видели и присутствовали при событии, и [этот] факт сохранится на страницах души и сердца. Государства земли сравнивают с домами большого города. Если по воле всевышнего Аллаха в этом городе возникнет пожар, то хозяин дома, не представляющий окраин и окрестностей, рынков и кварталов, близости и дальности от места, в котором возник пожар, не сможет уберечься от неотвратимой судьбы и найти средства для спасения. Точно так же правитель страны, не знающий и не представляющий хотя бы в общем о соседних странах, о том, что связывает и разделяет районы страны, о путях на территории государства, о близости и дальности друзей и врагов, не может быть в безопасности от козней и хитростей врага, от мятежей и беспорядков, возникающих вблизи территории его государства, испытывает трудности при организации обороны и отпора и приходит в замешательство.

[Следует] подробно разузнать дороги, по которым придется идти во время похода, и сразу по прибытии на место назначения составить и отпечатать [карты] на основании времени [расположения на] привалах и расстояний между ними, названий и рисунков пустынь и горных ущелий, водных и речных переправ, горных проходов и всех встречающихся в пути городов
26б и деревень, //стоянок и переходов. Каждый сановник и прочие получают один экземпляр, и всякий раз, когда они посмотрят [на карту], то при по-

---

а) بسيط

мощи упомянутой науки можно будет узнать состояние дорог, по которым идут, близость и дальность стоянок и другие обстоятельства передвижения в зависимости от соответствующего места.

Выгоды данной науки бесчисленны и неисчислимы. Только не должно быть сокрыто, что рисование, вычерчивание и составление всеми способами [карт], в соответствии с действительностью стран, крепостей и городов, находящихся на огромном пространстве земного шара, выходят за [пределы] человеческих возможностей. Даже если бы тысяча искусных геометров произвела измерение одной страны или такого большого города, как Порог Счастья[55], и, измерив [его] веревками, разложили бы [их] и выровняли, то и в этом случае нарисовать и составить [карту] в соответствии с действительностью было бы трудно и невозможно. По этой причине карты стран и городов не свободны от некоторых ошибок. Долгое время все христианские правители делали все возможное в этой области. Однако они [так и] не смогли правильно вычерчивать и составлять [карты] своих собственных стран.

Что касается мусульман, то они также не прилагали стараний к черчению и рисованию [карт] своих собственных стран. Их книги по [исчислению] долгот и широт также не свободны от ошибок. Однако, в соответствии с выражением: "То, что неизвестно полностью, не может быть полностью отброшено" – //нерадивость не является достойной. Увидев и испытав все выго- 27а
ды данной науки, мы подошли к самому близкому месту осуществления.

Действительно, обычай мира таков: если между двумя государствами приходится разделять и разграничивать некоторые области и требуется обговорить и обсудить пограничный вопрос, то так же, как всегда трудно сохранить на странице души положение областей, так и спор и переговоры относительно совершенно неизвестных мест сразу приводят к обману. Государственные уполномоченные, назначенные на это важное дело, требующее внимательности и старания, получают карты тех мест, рассматривают [их] и изучают. Выяснив расположение нужных мест, [их] близость и дальность, длину расстояний, препятствия и прочие необходимые обстоятельства, они получают возможность для переговоров. Однако когда [дело] доходит до разграничения земель, расстановки знаков, а также до выделения и обозначения всех границ, то нарисовать и определить каждое место в соответствии с действительностью выше человеческих сил. В этом случае картами не ограничиваются. Приводят и допрашивают кого-нибудь из местных [жителей], хорошо знающих те места, и их описания согласуют с картами. // Таким об- 27б
разом избегают ошибок. По милости и благодеянию Аллаха книги о путях в странах и о долготах и широтах в Высокой Порте становятся многочисленными, а знающих людей делается больше. Подготовив и пробудив стремление к прекрасным произведениям ученых лиц, можно надеяться, что будет заложен фундамент и построено здание этой нужной науки. После преодоления трудностей встречающиеся ошибки будут исправлены усердием лучших ученых, и [эта наука] примет желаемую форму, став предметом зависти всех народов и правителей мира.

Глава третья. Говорится об армиях христианских государей и о новой военной науке, в противоположность древней, и о методе и системе сражений.

На протяжении прошлых лет у христианского народа было мало пушек, ружей и бомб. В сражениях и боях они пользовались мечом и кровавой саблей. В искусстве сражения на саблях мусульмане побеждали всех. Христианские народы, живущие по всей земле, заметили явную силу и превосходство мусульман в этом искусстве и пришли в ужас. После долгой печали и скорби они устремились во все стороны за лекарством и постарались сделать все возможное для организации отпора. Сперва они стали усовершенствовать пушки, ружья и прочее огнестрельное оружие. Затем, // не имея сил выне- 28а
сти страшные и жестокие атаки мусульманской армии, в особенности осман-

ских войск, они стали совещаться, как бы найти путь, чтобы воспрепятствовать этой непреодолимой судьбе, и искали меры и средства от безграничного стеснения. После того как были усовершенствованы пушки, ружья и арсеналы, в конечном итоге их старания, усилия и неожиданные события привели к тому, что злополучные войска были приведены в порядок и организованы с помощью твердой дисциплины и крепкого устройства, так что [их] воины не имеют теперь возможности думать и размышлять о страхе смерти и путях бегства и должны волей-неволей идти в бой. Затем их готовые к бою ряды укрепляли во время сражения устройством с прочным основанием, так что эта система препятствовала страшным атакам мусульманских войск, подобных грому и молнии, и это устройство позволяло отразить нападение. Их усилия и старания в этих делах дошли до того, что организация военных дел превратилась у них в самостоятельную науку. По этому вопросу стали сочинять книги. Затем внезапно выяснилось и подтвердилось наблюдением,
28б что когда османские войска нападали и атаковали армии злосчастных кафиров, // то лишь прочный фундамент порядка и крепкое здание удивительного устройства кафиров во время сражения мешали атаке и не давали [османам], двигающимся подобно грому и молнии, достигать и проникать в ряды кафиров.

Так, когда я встречался с многочисленными военачальниками из армии кафиров, с айянами, являющимися командирами, и с людьми, знающими состояние армии, я [с ними] разговаривал и соглашался, действуя приветливо и обходительно. Я также употребил все усилия, чтобы узнать эту тайну и постичь эту мудрость. Общее мнение, подтвержденное событиями, таково, что если бы в победоносной османской армии постарались [построить] ряды кипящего моря бойцов, например, так, как мусульманская община стоит на намазе, и если бы во время сражения [османы] строились по геометрическим принципам и соблюдали равнение и пропорциональность, то ряды были бы [правильно] построены и организованы. Если бы, соблюдая и сохраняя этот порядок, они размеренно и твердо бросались в сражение, "как будто бы они стена плотного здания", то даже если бы все многобожники собра-
29а лись вместе и выступили, то ни одна армия правителей кафиров // не смогла бы противостоять дисциплине, силе и твердости османских войск, [организованных] на основе такого устройства. По мнению людей, сведущих в военном деле, кафиры неизбежно бы потерпели поражение. Этот вывод, между прочим, доказан многочисленными разумными доводами. Изучив вкратце книги по военному делу и вежливо расспросив наблюдательных людей, [мне] удалось собрать сведения по этому вопросу.

Известно, что среди кафиров не было таких богатырей, которые имеются у мусульман, подобно Рустаму, испытанных в ловкости и храбрости. И если бы на поле боя появился отважный богатырь, ходящий, подобно барсу, кругом, и по обычаю древних народов вызвал кого-нибудь из злосчастного и бесчисленного войска кафиров на единоборство, то не нашлось бы ни одного кафира из тысячного и стотысячного войска, который бы принял этот вызов и отважился на это опасное дело. Как только они увидели бы его и до их проклятых ушей дошел этот громоподобный голос, они схватились бы за ружья и поспешили издалека погубить его своими пулями. И
29б отважный, как лев, герой // эпохи Рустама мог бы погибнуть от руки злосчастного, слабого и презренного кафира и даже от руки развратной женщины.

В божественных книгах, в которых содержатся догматы, молитвы и религиозные обряды христианских народов, то есть в Евангелии, Торе и Псалтыре, нет божественных предписаний, обязательных и необходимых для гражданского закона. Государства строятся на обоснованных разумом законах и принципах. Они не имеют никаких задач в области газа и джихада и не имеют никаких установлений о воздаянии в загробной жизни за сра-

жения и борьбу за веру. Они совершают такие опасные дела, как неразумные животные, [исключительно] ради извлечения мирских благ.

Слава и хвала Аллаху, от бесконечной милости и вечной воли которого народу, исповедующему единобожие, дана обязанность газа и джихада и за [эти] войны и мученическую смерть [за веру] обеспечены блага и милости [не только] в земной жизни, но и будущей. Достоинством мусульман является [способность] переносить тяжелые походы и быстро вступать в жестокие сражения [после тяжелого перехода]. Они также храбры, // отважны, смелы 30а
и ловки.

Что касается кафиров, то по [своей] природе они боязливы и трусливы, тупы и медлительны. По [воззрениям] мусульман, такое состояние кафиров является залогом успеха в бою и победы. В качестве источника [победы] в армии ислама считается и то, что они обычно носят [легкий] кафтан. Одежда плохого покроя, которую носят злосчастные кафиры, очень тяжелая и стесняет и препятствует быстрому движению. Если во время сражения затягиваются необходимые передвижения, то одежды сразу же утомляют их. Обессилев и ослабев, они не могут передвигаться.

Рассказывают, что армия хакана Хитая[56] была организованной армией и с помощью организации и устройства он победил войска христианских государей, и [его] армия стала сильной и многочисленной. Согласно принципам, принятым в армиях всех правителей мира, когда приблизятся к врагу на расстояние нескольких переходов при следовании в какое-то место, то разбивают лагерь и стараются [поддерживать] в нем порядок. Каждый раз, когда разбивают лагерь, то сразу вокруг армии устанавливают арбы и окружают [ими лагерь] со всех сторон. Но это не все. Сразу же вырывают кругом
// окопы и заключают армию вовнутрь. Пушки во время сражения устанавли- 30б
вают впереди солдат. Солдаты с ружьями в руках располагаются позади пушек. Когда ряды построены в полном порядке, то из многих сотен тысяч ружей сразу открывают огонь. Эта [стрельба] долгое время не прекращается, и прервать ее невозможно. Когда [это] делается таким образом, то враг совершенно не в состоянии подойти и победить [их]. Противник нападает на врага лишь тогда, когда [тот] находится на марше, особенно во время снятия и разбивки [им] лагеря. [Противник] побеждает благодаря тому, что не дает времени и возможности [своему врагу] установить впереди себя и по бокам арбы и вырыть окопы.

Так, калмыки, жившие рядом с государством Хитай, являлись подобно татарским солдатам, отличными ходоками и быстрыми наездниками. Когда они еще не представляли себе возможность столкновения с хитайским войском и сопротивления [ему], богатырь из калмыцких эмиров по имени Исан-Тайши[57] в конце концов, выждав удобный случай, в 854 (1450) году с армией в 60 000 [человек] подошел к хитайскому хакану презренного Чина, разбил [его] таким образом и взял в плен. После этого сам хакан не участвовал в войне. Стало законом посылать в нужные места сераскеров[58].

Затем опытные и внимательные люди, изучавшие и наблюдавшие все
это, // а также имевшие полное представление о состоянии армий обеих 31а
сторон, рассмотрели несколько путей к победе османских армий над вражескими, устроенных и организованных по новому устройству.

Путь первый: прибегнуть к быстроте и скорости, использовать удар и нападение, меч и кровопролитную саблю.

Путь второй: измотать и довести до крайности тем, что отрезать от больших рек, являющихся легким средством для подвоза провианта и снаряжения врагу и оказания [ему] помощи и содействия. Держать вдали от лесов и заставлять передвигаться взад и вперед по открытым местам и не давать возможности [вступать] в сражение.

По первому способу одерживают победу над устроенной и организованной армией кафиров, и путь проникновения в его ряды заключается в

том, что как только достигается зона [действия] пуль, мусульманское войско [должно] стать единодушным. Без колебания и передышки, быстро и сообща атаковать ряды кафиров и смешать [их]. Если это произойдет, то второй ряд [кафиров] не успеет прийти сзади на помощь тем, кто находится в первом ряду, а третий и другие позади находящиеся ряды – [впереди стоящим]. Сразу же спутается и расстроится устройство, являющееся источником силы, стойкости и непоколебимости.

31б Из опыта следует, что // если разрушить определенное устройство войска кафиров, то [их] могучая сила также будет разбита и организованная мощь полностью исчезнет. И даже если бы [их] были тысячи и сотни тысяч, то у них не осталось бы силы сопротивляться и отваги сражаться. Этот народ с демоническим характером действительно устал бы подставлять на поле битвы [свои] шеи мечам, [сокрушающим все, как] "царская водка"[59], и [легким, как] лотос, саблям [османских] всадников, а когда они увидели бы подобное стремительное движение войска ислама, то из-за общего страха они, подобно снопам, попадали друг на друга лицом вниз.

Из опыта также следует, что если нападение и атака будут быстрыми и стремительными, то вред от войска кафиров мусульманской армии будет самым незначительным, потому что войско кафиров выстраивается рядами и во время быстрого нападения только тем, кто стоит в первом ряду, хватает времени, чтобы вскинуть ружья. Остальным [на это] времени не остается. На тех, кто стоит в первом ряду, также нападает страх и полное оцепенение. Многие растеряются и будут бездействовать, потеряв голову. Однако в таких случаях не следует пренебрегать изучением позиций и мест, где вой-
32а ска ведут сражение, и учитывать последовательность событий. // Если положение и обстоятельства не благоприятствуют, то сражение следует отменить.

Только если во время нападения и атаки избирать второй способ, то кафиры успокоятся. Укрепив часть своих рядов, они найдут возможность убивать и ранить издалека множество [османских] храбрецов из пушек и ружей. Непрерывно помогая тем, кто находится в первом ряду, они усилят себя. От этого многие мусульманские воины впадут в страх и оцепенение. С помощью наблюдения также установлено, что при некоторой твердости и хитрости победа будет на стороне кафиров. Однако в случае, если во время нападения и атаки не будет быстроты и скорости, а в мусульманском войске – единения и согласия, то необходимо придерживаться второго способа и действовать исходя из него. Если, не вступая в прямой бой с армией кафиров, теснить [их] тем, что ударить и разбить по частям фланги, отрезать от рек и леса и, истомив таким образом, заставить бродить взад и вперед несколько дней, откладывая сражение под видом приближения к нему, то известно, что за короткое время он полностью ослабнет. Поэтому нет необходимости в чрезвычайно мно-
32б гочисленных мусульманских войсках. // Нужны лишь немногочисленные, дисциплинированные и умные солдаты и сераскер, знающий и осведомленный о кафирах. Но если бы у государства, кроме организованной и устроенной армии, было еще войско, способное и готовое к нападению на вражескую страну зимой и летом, к опустошению и разрушению [ее] путем пожара и затопления, грабежа и разорения, то враг не имел бы покоя ни летом, ни зимой и он не смог бы также [принять] необходимых мер [для своей обороны]. Все ученые приходят в результате к тому [выводу], что отпор [кафирам] будет организован могучим и великим падишахом, владеющим такими видами войск.

Только не должно быть сокрыто, что наряду с тем, что важным условием является полное представление о состоянии врага, необходимо также представлять и знать и о состоянии собственного государства, о его силе и слабости. Если забывать об этом требовании, то сила будет бесполезна. Умный враг, даже если он будет слабым, улучит момент и поступит с противником, как с детской куклой. Так что при помощи сравнений можно сказать, что

если бы слон осознал свою силу, то он не подчинился бы слабому погонщику; если бы лошадь знала саму себя, то не носила бы бессильного и безжалостного всадника; если бы верблюд очнулся из состояния опьянения, то не потерпел бы таскать чужое добро, следуя за погонщиком каравана. Поэтому богатство и могущество, пожалованные и предоставленные всевышним Богом Высокой Порте на суше и на море в боевом снаряжении, в сокровищах // и 33а
наличных деньгах, в арсеналах, в накоплении и подвозе боеприпасов и в подготовке бесчисленного войска, не даны ни одному государству из числа населенных стран. В данном вопросе все народы и государи единодушны, и этот вывод подписан чернилами справедливости.

Неожиданно выяснилось, что храбрость войск кафиров в сражениях и столкновениях с османскими армиями и одерживание [ими] с некоторых пор явных побед основаны на полном нежелании мусульман познать состояние врага, на отсутствии старания при изучении источника беспорядков и на том, что кафиры сохраняют и соблюдают устройство и организацию при полном единодушии в момент сражения на открытом месте. Стало ясно, что причиной и источником такого крепкого согласия и единства является устройство, заключающееся лишь в удивительной организации рядов во время сражения и в мгновенном повиновении [солдат офицерам]. Действительно, хотя этот хитрый народ далек от приобретения добродетелей веры благодаря выполнению гибельных правил войны и сражения, однако солдаты настолько дисциплинированы с помощью разумных уставов, что можно привести [буквально] на волосе много тысяч презренных солдат к мяснику на бойню[60].

Прошлые религии были все несовершенными, то есть // не было заповедей 33б
шариата для последователей религий, созданных до сверкающего шариата Мухаммада, которые были бы достаточны для вопросов управления во всех делах и при разрешении повседневных событий и которых бы хватало при развязывании узлов трудностей и неясностей. В большинстве случаев они вынуждены были обращаться к решениям, основанным на разуме. И в настоящее время у христианских народов нет божественных предписаний по вопросам управления, то есть в их догматах нет положений шариата, которые бы разрешали трудности в ниспосланных от Бога повелениях и запретах, в жалобах и спорах. Вопросы управления [у них] связаны [исключительно] с законами и предписаниями, изобретенными разумом.

Слава и еще раз слава мусульманской вере и совершенному мусульманскому государству! Этот избранный народ человечества стал исключительным и превзошел все народы благодаря божественным предписаниям и заповедям шариата, достаточным для вопросов управления до конца света при разборе и решении по справедливости повседневных происшествий, которые могут произойти во всех делах, и с помощью которых можно различить ложь и правду. По этой причине сверкающий шариат Мухаммада сохранится до Дня воскресения и прочные узы священного шариата не разорвутся до конца времени. Поражения, которые иногда терпит мусульманское войско по воле всевышнего Бога, [объясняются] небрежным выполнением заповедей
шариата, беззаботностью в правосудии, плохой дисциплиной // при хорошем 34а
руководстве, поручением великих дел недостойным [людям], беззаботностью в советах, отказом действовать по советам ученых и опытных лиц, нерадивостью в управлении войском, невежеством в обращении с оружием, отсутствием у солдат страха перед командирами и офицерами и, что хуже всего, взяточничеством и, что похоже на это, неосведомленностью о состоянии и положении врага, невниманием к системе и методу, по каким готовятся к сражению и бою, и нежеланием знать прочие обстоятельства, которые в конечном итоге и по шариату и по разуму считаются причиной разложения и источником поражения. Поэтому [следует] ввести хорошее устройство и организацию и создать дисциплинарный устав армии. [Следует] прилагать усилия [к поддержанию] сплоченности между солдатами в армии и избегать

раскола и враждебности. Усердие и старание приведут к соответствию в поведении. Если все эти предпосылки будут соблюдены и сохранены, то ярче солнца и яснее вчерашнего дня, что полная вера и упование на справедливую истину, на единого всемогущего Бога и вера в явные чудеса божьего пророка явятся основой победы и источником успеха. И, может быть, [недостатки] военных уставов и принципов управления, созданных для организации
34б войск прошлыми султанами, // происходят не от недостаточности предписаний шариата, а от нарушения его. Отметив крепкую дисциплину у злосчастного врага и то, как они усилились с помощью удивительной организации рядов военачальниками, требуется изложить и разъяснить некоторые военные уставы и дисциплинарные принципы, для того чтобы принудить солдат ислама переносить тяготы сражения и заставить [их] соблюдать предписания священного шариата и защищать владения Аллаха. Хотя теперь с очевидностью стало ясно, что причиной и источником подобной храбрости при столкновении злосчастного войска кафиров с армиями, исповедующими единобожие, твердости при обороне от подобных грому и молнии нападений мусульман, стойкости в бедствиях, подобных Страшному суду без [надежды] на загробные выгоды, и упорства в подобных трудностях, были лишь порядок и устройство рядов, что повлекло за собой в силу необходимости единство в момент сражения осужденных на огонь ада кафиров.

Однако достоинством и величием ислама и религиозной обязанностью мусульман и по шариату и по закону являются единство и сплоченность, повиновение и единоначалие, а их ряды должны быть [построены] в соответствии с принципом "как будто бы они стена плотного здания", должны быть
35а сплочены и сомкнуты. Очевидно, что // нерадивость при следовании по этой надежной дороге победы, нежелание следовать за испытанным проводником помощи и нерадивость и небрежность в достижении этой высокой цели являются недостойными долга проницательных людей.

Суть данного военного устройства

Мнения и мысли ученых людей, создавших эту удивительную науку, касаются, во-первых, того, что на военном языке называется [словами] орта[61] или бёлюк, или джемаʿат. Солдаты бёлюка являются пехотинцами и кавалеристами. Хотя большинство [бёлюков] насчитывает тысячу или две тысячи рядовых, однако весьма желательно, чтобы [бёлюк] состоял из пятисот рядовых. Такая орта укрепляется большим числом офицеров. Таким образом, офицеры могут, как полагается, знать и различать по званию и имени, по заслугам и способностям рядовых, рядовые - офицеров, а любой человек - нового и старого [солдата], старшего и младшего товарища[a]). Такого рода орта, бёлюк или джемаʿат в случае необходимости строятся в шеренги, и их используют силой. Во-вторых, форма, которую носят рядовые и офицеры орта или бёлюка в кавалерии или в пехоте, у всех должна быть одного цвета и покроя, чтобы из-за страха и [в случае] опасности трусы и пре-
35б датели не могли спастись бегством. Если // [кто-то] отделится от своей орта, [это] станет известным по его форме, и он будет наказан. В противном случае, если нельзя различить его по форме, он может смешаться с другими и бежать, а [это] приведет к смятению и разгрому. Раньше у солдат Высокой Порты и в других [государствах] форма не различалась. Каждый человек был одет в одежду, которую он имел и хотел [носить]. Затем для того чтобы отделить от солдат людей, не являющихся военными, а также отличать друг от друга рода войск, при помощи правильных советов и наставлений умных людей каждому роду войска назначили форму особого покроя. Что касается войск христианских государей, то они не удовлетво-

---

a) يولداش.

рились просто различием в форме. Рядовые каждого бёлюка или орта в каждом роде войска, в пехоте и кавалерии, были одеты в форму одного цвета. Большие преимущества этого подтверждены опытом. В некоторых латинских книгах написано, что некоторые из прежних падишахов, узнав о военной хитрости христианских народов, заключавшейся в различной форме при снаряжении армии, устроили очаги, ввели различие в форме и создали уставы исключительно для того, чтобы [выступить] против христиан и противостоять им.

Добавление. Если бы [мусульмане] как полагается соблюдали эту систему и устройство и если бы даже не превзошли устройство христианской армии, то в любом случае противостояли бы ему, и нет сомнения, что обязательно сравнялись бы с ним.

В-третьих, // необходимо, чтобы в пехотной орта, состоящей из пятисот рядовых, было пятьсот длинных ружей и чтобы эти ружья были все одинаковы по весу, размеру и по [заряду] пороха, с тем чтобы в случае необходимости рядовые одновременно заряжали, быстро стреляли, поднимали и опускали [ружья]. Стараясь не спешить и не обгонять друг друга, они следят за знаками офицеров и повинуются [их] приказам. На проявившего нерадение следует наложить самое строгое наказание. Эти же требования относятся и к кавалерии, только в кавалерийских бёлюках, кроме пятисот длинных ружей, необходимо, чтобы было пятьсот кобур двуствольных пистолетов, то есть пятьсот пистолетов. Даже в странах, в которых много народа, при наборе и снаряжении армии измеряют рост людей и следят за тем, чтобы [солдаты] по росту и сложению были одинаковы, а в кавалерии измеряют кроме того рост лошадей веревками. Как это обстоятельство, так и вопрос различия формы, не считая других выгод, делают армию, имеющую такой вид, очень грозной и внушительной. 36а

В-четвертых, в орта и бёлюках [должно быть] много офицеров, так что причиной твердости и основой порядка, средством управления и источником стойкости является то, что самое меньшее четвертая часть орта, состоящей из пятисот рядовых, являются офицерами. Офицеры // также делятся на две части. Одна часть, например, десять человек, вместе с соответствующим числом рядовых, находится в строю и участвует в сражениях. Другая часть, вне шеренг, занятых в сражении, следит за положением и передвижением врага впереди и сзади, справа и слева, а также занимается расстановкой и организацией рядовых в орта, и в зависимости от места и положения, разрешает дозволенное и запрещает недозволенное и накладывает взыскания на совершающих проступки. По крайней мере один раз в присутствии всех солдатам читают уставы. Каждый человек, офицер и рядовой, самый старший и младший, [слушает] внимательно. [При этом] внушается, что правильным является действовать в соответствии с уставами, которые для них обязательны. На тех, кто действует вопреки [уставам], накладывается строгое наказание. 36б

Положение офицеров строится на основе уважения к чину. Солдаты находятся под командой младших офицеров, а они повинуются непосредственно старшему офицеру. Жалованье также различается в зависимости от их чинов; при окончательном утверждении в чине никакие ходатайства не принимаются. Такое положение дел вносит раздор, беспорядок и смятение в сердца [офицеров] и рождает [у них] ненависть друг к другу. Необходимо [прилагать] самые большие старания для соблюдения этого закона. Нет беды в том, что у всех рядовых одинаковое жалованье. // Однако у офицеров [жалованье] различное, и следует выдавать каждому [жалованье] в достаточном количестве, в зависимости от его положения, для того чтобы они в случае нужды не зарились на жалованье рядовых, и ни один рядовой орта из-за их жадности не терпел убытка [в чем-либо]. Такой порок вреден для всех. Тех, кто осмелится [на это], следует строго наказывать. 37а

По обычаям христиан, стремление к сражению и способность переносить тяготы не [вознаграждаются] прибавкой к жалованью. Но если на службе находится такой рядовой, то ему за это жалуется почетное офицерское звание, а если он станет офицером, то будет подниматься по этой лестнице и постепенно продвинется. Став заслуженным и знающим человеком, он получает чин, и такой привилегией он отличается от других.

В-пятых, во время сражения необходимо, чтобы было два рода полков[а]. Один - это первый полк, то есть авангардный полк, который предназначается стоять против вражеского полка. Этот полк первым отделяется от колонны, двигается на поле боя и выстраивается шеренгами против врага. Когда установят число врагов, то следует действовать в соответствии с этим. Однако во время построения необходимо, чтобы не было скученности. Может быть, [следует] строиться по геометрическим правилам, [подобно тому], как мусульманская община стоит на намазе. При этом стараются соблюдать полную про-
37б порциональность и равенство рядов, //а также смыкают их в длину. Выстроившись шеренгами, [полк] в таком виде медленно продвигается к вражеским полкам. Ни под каким предлогом не разрешается удаляться из строя, выходить [даже] одному человеку вперед или отставать на шаг, потому что сразу же в полку образуется разрыв; [это] приводит к большим беспорядкам. Второй полк - это арьергардный полк, который является замыкающим. Солдаты этого полка выстраиваются рядами параллельно первому полку. Между двумя полками образуется небольшое расстояние. Медленно следуя позади, он должен немедленно приходить на помощь первому полку. Стараются быстро закрыть, заделать и устранить бреши, пустоты и проломы, образующиеся в рядах первого полка. Следует ни на мгновение не оставлять пустыми и незанятыми места убитых, потому что как только пять-десять человек бросятся к убитому и раненому, то тот ряд смешивается, и враг получает возможность сосредоточить все силы в том месте. В этом случае сострадание к одному человеку будет почти как предательство всем. Отрезать головы, оставив свое место пустым, стремиться за бахшишем, является здесь большим пороком, похожим на предательство. Однако шайки[б] и иррегулярные [отряды] не уместны в данное время. Для них двери щедрости и милости открывают [в другое время], а [здесь] необходимо натягивать поводья возбуждения и жадности людей.

38а //В организации двух полков по такому методу заключается много мудрости и выгод. Между прочим, если во время сражения положение будет затруднительным и ужасным, как в день воскресения мертвых, [и] если солдаты полка не организуются и не построятся по аналогии с вышеуказанной [формой], то они не смогут прийти друг другу на помощь. Однако когда оба полка построены в соответствии с указанным выше устройством, в случае если рядам одного из флангов, находящихся против врага, будет причинен ущерб и произойдет [их] ослабление, то [солдаты] на фланге арьергардного полка, находящегося сзади, не теряя времени и не давая врагу возможности [опередить их], сразу заступают на его место. Точно так же в других местах каждый бёлюк занят тем, что [оказывает] помощь и поддержку бёлюку, находящемуся перед ним, поблизости и сбоку, следит за ним, так что если в рядах солдат, находящихся на фланге первого полка, произойдет замешательство, а те, кто находится сзади этого фланга в арьергардном полку, проявят слабость и нерадение и вовремя не окажут помощи, то после сражения фланг, проявивший такую оплошность, уничтожается со всеми офицерами и рядовыми.

Нравоучение. Когда ряды полка выстраиваются так, как указано выше, и сражение происходит и разворачивается, как положено, то сардарам легко

а) الای. б) چی.

управлять войском. // Они освобождаются от обвинения в ошибках. [В противном случае] полк из-за страха [наказания], подобного Дню страшного суда, слов не слушает и приказов не выполняет. При этом смешиваются жизнь и смерть всех людей и неизвестно, кто дисциплинирован, а кто смутьян. 38б

Примечание. Не разрешается смещать за ошибку сардара или сераскера, а также убивать и наказывать [их] за поражение, потому что трудно получить полное представление в сражении [не] только о собственном войске, [но] и понять и разгадать хитрость врага и его пути обмана. Из всего, что случается, если даже бывают внешне безошибочные действия, то если не будет каждый раз угодно судьбе, то пользы не будет.

Рассказывают, что в старое время между Францией и Испанией вспыхнула вражда. Огонь вражды горел длительное время, может быть, даже сорок лет. Пламя боев и сражений не затухало, и тишина не наступала. В упомянутое время во Франции правил старый мудрый король. Для борьбы с испанской армией он выбрал для снаряженной армии опять-таки человека из государственных сановников, который считался умным, опытным и сведущим в военных искусствах, и поручил и доверил ему дела армии и предоставил на его решение и усмотрение важное дело. Он самостоятельно // выбрал и назначил [его] 39а сераскером. Упомянутый сераскер, хотя воздерживался в своих делах от беспечности и небрежности и все время действовал осмотрительно, однако поскольку [его] действия не были угодны судьбе, то тысяча усилий и стараний не принесли пользы. В течение семи лет упомянутый сераскер непрерывно терпел поражения и был разгромлен испанской армией. Затем когда все увидели это ошеломляющее положение, то сановники и народ собрались перед королем: они кричали и жаловались на то, что надо сместить этого злосчастного сераскера и наказать его. Они просили и ходатайствовали о его смещении и наказании, говоря: вот уже семь лет, как враг наносит [нам] поражения. Мир и наша спокойная жизнь сделались тяжелыми, потому что из-за вот этого [сераскера] победить невозможно. Упомянутый король, хотя и был дряхлым стариком, однако был [человеком] опытным и закаленным, испытанным в делах и знакомым с философией. Он выслушал их жалобы и, не приняв того, что они просили, дал отрицательный ответ, [сказав], что люди человеческого рода не могут быть свободны от ошибок и обойтись без промахов и слабостей. Каждый, кто бы ни назначался сераскером, является человеком, поэтому свыше человеческих сил не совершать ошибок и упущений и преуспевать в любом деле. Но этот сераскер в семи поражениях научился и узнал семь уловок врага // и в своих действиях стал внимательным 39б и осмотрительным также и к своим семи ошибочным промахам. Сказав: "Если суждено, чтобы ветер победы подул в нашу сторону, то возможно, что это произойдет также посредством него", - он оставил и утвердил упомянутого сераскера. По мудрости Бога сразу в том же году победа оказалась на стороне этого [сераскера]. С тех пор враг не смог найти пути к хитрости и уловкам, обессилел и ослабел[62].

Рода войск христианских правителей. Войска у христианских правителей, которые различаются между собой, трех родов. Первый род - пехота, второй - конница, а третий род является и пехотой, и конницей. Первый род - это пехотинцы, [их] обычно называют инфантерией[а]. Только рядового пехоты называют солдатом[б]. Его боевое оружие ограничивается лишь длинным ружьем со штыком[в]. То, что называется штыком, есть крепкое оружие длинной формы. Солдат носит его у пояса. Когда требуется, то его примыкают к концу ружья и применяют вместо копья, когда колют. Сила и умение этого войска заключается в том, что при помощи многочисленных

а) انفانتريا. б) صولتاد. в) بايلونتا.

упражнений и долгих занятий [оно] в совершенстве выучивается организованно строиться рядами, быстро заряжать ружья и в зависимости от позиции в бою делать повороты направо и налево. // Боец, которого называют
40а гренадером[а], также считается солдатом, то есть если полк[б] состоит из двух тысяч рядовых, то среди них выбирают крепких и сильных солдат. Двумстам рядовым каждого полка дают по три ручных гранаты[в]. Они называются гренадерами. Их назначают и расставляют на двух флангах полка, используют при нападении на траншеи и при столкновении с рядами вражеских солдат.

Второй род [войск] – это тот, который называется драгунами[г]. Хотя они являются конными, их основной обязанностью является становиться пехотой там, где потребуется, и вести сражение. Их боевое оружие – у каждого длинное ружье, пара кобур с пистолетами и палаш[д], который представляет собой обоюдоострый меч, однако это прямое и острое оружие. Кроме этого у каждого имеется топор, которым рубят деревья, ветки и кустарник для [закидывания] окопов и траншей и [изготовления] фашин. Они знают и пехотную, и кавалерийскую службы, [для этого] они обучаются и упражняются. [Их] посылают в набеги и в другие места, куда потребуется.

Третий род [войск] – это конное войско, которое называется исключительно кавалерией[е]. Ее рядовые называются рейтарами[ж] и кирасирами[з]. Они носят кирасы из железа и в бой всегда выступают на коне. В качестве оружия у них есть по одному карабину[и], который представляет собой длин-
40б ное ружье, // однако он намного короче солдатского ружья. Поэтому они еще называются карабинерами[к]. Они имеют по паре пистолетов и по палашу. Их сила заключается в том, что у них крепкие кони, а сами они сильные и здоровые [люди]. По большей части они сражаются в бою ружьями. Иногда, приблизившись к врагу, пользуются также и палашами.

Таким образом, военные операции у христианских правителей осуществляются путем использования всех этих трех родов войск. Одним словом, какой бы ни была военная служба, будь то бой, копание траншей и подземных ходов, возведение укреплений, [рубка] веток, кустарника и [изготовление] фашин, – все это должны делать поровну три рода войск. Ни один человек из армии не освобождается от такого рода службы. По этой причине, когда набирают и формируют армию, то рядовых набирают по большей части из деревенских жителей, потому что городские жители везде изнежены и любят покой. Что касается деревенских жителей, то они с детства привычны к хлебопашеству и земледелию, лучше перенося усталость и напряжение.

Система организации христианского войска. Хотя число рядовых в полках армий христианских правителей, называемых орта, бёлюк или джемаᶜат, неопределенно, бывает даже, что один полк составляется из пя-
41а тисот, тысячи, двух тысяч // и большего числа рядовых, однако для удобства, в соответствии с хорошим устройством, рядовые пехотного полка распределяются и делятся по ротам[л], то есть по ода[63]. Необходимо, чтобы в ротах пехотных полков, то есть в ода, было по сто человек, а в кавалерийских – самое меньшее по восемьдесят человек. Численностью офицеров [армия] укрепляется. Из какого бы количества людей ни состоял каждый полк, по их уставам необходимо, чтобы в любом случае самое меньшее четвертая часть людей данного полка состояла из младших и старших офицеров в соответствии с их чинами. Например, если пехотный, то есть солдатский полк, состоит из двух тысяч человек, то требуется самое меньшее пятьсот офицеров. Эти же принципы и в других родах войск.

Положение военачальников. На сорок-пятьдесят тысяч войска назначает-

---

а) غرانادير. б) ركمند. в) ال خومبرمسی. г) دراغون. д) پالوش. е) قواله ریا. ж) رایتار. з) قوراژی. и) قره بنا. к) قربینر. л) قومپانیا.

ся сераскер. В свиту этого сераскера назначают еще двадцать–тридцать военачальников из умных и предусмотрительных советников, так что еще необходимо, чтобы все действия сераскера были одобрены и согласованы с мнениями этих военачальников. На каждого из этих военачальников возлагается по меньшей мере одна должность.

Караульный устав и пароль. Стражей[а] на всех языках называется охрана, в частности [так] называется караул[б]. То, что называется паролем[в], является удивительным делом, требующим внимания, // которое считается и относится к важнейшим походным и боевым принадлежностям. Так, 41б
в христианских войсках с большой тщательностью следят за принципами караула и пароля. Когда выступают [в поход], то на каждой стоянке и каждый день военачальники, собравшись у сераскера, держат совет. Прежде всего, отдав приказ о ночных и дневных караулах, их отправляют во все стороны и на фланги, а в них назначают доверенных и уважаемых офицеров. Когда приказ о карауле вошел в силу, то выбирают какое–то не имеющее значения слово, например Зейд, Амр и Бекр[64]. Это бессмысленное слово называется паролем. От военачальников и от каждого пехотного и кавалерийского полков назначают по одному доверенному офицеру для получения и передачи пароля. Все собираются на совет. Образовав круг, подобно кольцу, [все] стоят, ожидая объявления и сообщения слова пароля. Когда сераскер шепотом передает слово, которое он выбрал паролем, ближайшему военачальнику, а тот также ближайшему и точно так же люди в кругу на ухо друг другу и [пароль] становится им известным, то офицер полка, назначенный для этого дела, отправляется в свои полки и тайно сообщает [его] полковникам[г]. А они также тайно сообщают слово по[illegible]ля тем, кто назначен из их ода и готов [заступить] в караул. // Если в качестве такового сделать паролем этой 42а
ночи такое известное слово, как Зейд, и перед часовым, находящимся в карауле, внезапно появится кто–то, то он сразу же обращается [к нему], говоря: "Кто идет?" – и сразу же спрашивает: "Какой пароль?" Когда тот, к кому обращаются, не знает пароля, то он не сможет ответить. Часовой, поняв, что это чужой, из того что тот колеблется, торопится его схватить или уничтожить и сообщает [об этом] в находящийся сзади караул, а тот также в находящийся сзади. Таким образом, ряд караулов расставляется в ряд на расстоянии полета стрелы. Если на каком–то фланге случится подобное происшествие, то это известие сразу доходит до войск, сераскера и военачальников. Когда враг приблизится, то для того чтобы он при помощи пароля не смог разузнать время [смены караулов противника] и [их] расположение, бывает, что за ночь слово пароля изменяется дважды. Караулы, в зависимости от места и положения, расставляются по всем сторонам от войск на расстоянии до нескольких часов [следования]. Для проверки караулов назначают доверенных и уважаемых лиц. Они последовательно инспектируют и наблюдают за их состоянием. Когда они замечают малейшую небрежность и нерадение, противоречащие правилам и предписаниям, то караул уничтожается без жалости.

Походный устав христианского войска. Ввиду того что войска христианских монархов // в мирное время и в походе постоянно заняты или изучением военных наук, или учениями, или тем, что неукоснительно днем и ночью 42б
стоят на часах у дверей своих офицеров, или [другой] военной службой, то чтобы в мирное время не забыть службу, необходимую в походах, для этого в городах и крепостях, в летних лагерях, казармах и в других местах, в которых находятся [войска], всегда и непрерывно выполняют военные уставы и походные правила.

Затем, как только назначено [время] похода, [войска] собираются в

а) استراوا. б) قراول. в) پاروله. г) قولونل.

одном месте. По этому приказу с полным вниманием и старанием делается смотр своих войск. Там же сразу определяют и выделяют авангардные и арьергардные войска. Большое внимание уделяется караульным уставам. Находясь еще в безопасности в своих краях, следует не оставлять этого требующего внимания дела. Во время передвижения, при переходе и марше, [этот] порядок сохраняют. То же самое следует [делать] и на привалах. Свои войска окружают квадратом из арб. Делают несколько проходов, и эти проходы охраняют и чужих к своим войскам не подпускают. Людей, которых подозревают и в которых сомневаются, с пристрастием осматривают и проводят дознание. Все эти усилия [тратятся] для того, чтобы враг каким-то путем не взял у них языка или не получил сведений. Приблизившись к врагу, квадратом из арб не удовлетворяются, и на каждой стоянке укрепляют свои ар-
43а мии окопами. // И на привалах, и в сражении пользуются также обращением небесных тел. В любом случае избегают давать врагу языка и прилагают крайние усилия, чтобы взять языка у врага, и на это средств не жалеют.

Порядок [ведения] войны и сражения у христиан. Когда армии христианских монархов встречаются одна с другой или с армией другого врага, то правила, которые они соблюдают в своих войсках, следующие: например, когда войско злонамеренных франков в количестве двенадцати тысяч ведет сражение также с армией равного количества, то сперва половина войска, то есть шесть тысяч, отделяется от всего войска, становится первым полком и двигается против неприятеля. Однако [беспорядочными] толпами не идут, наоборот, соблюдают полную пропорциональность и равенство [шеренг] соответственно прямым линиям, построенным по геометрическим правилам, словно подражают излюбленной форме, которая соблюдается во время намаза мусульманской общиной, и старательно и организованно выстраиваются рядами. Сераскер располагается в центре, а на правый и левый фланги он назначает опытных [лиц] из военачальников. На три-четыре полка он назначает также из военачальников по одному опытному и исполнительному лицу. Таким образом, шесть ты-
43б сяч человек, из которых состоит первый полк, образовав три, четыре, // пять или шесть рядов в соответствии с необходимостью, сообразуясь с действиями им противостоящего ряда врага, занимаются лишь тем, что, стоя позади друг друга, смыкают ряды, подобно веренице верблюдов. Роты полков, то есть ода, являются сплоченными, а солдаты также обучены этой науке. Когда они организованно строятся, то почти не испытывают трудностей. Например, если эти полки состоят из тысячи человек [каждый], то ода шести полков, развернувшись подобно крылу птицы, образуют шесть рядов. В каждом ряду располагается по тысяче человек. Шесть рядов, один за другим, с развернутыми знаменами, превращаются в шестиэтажную крепкую стену. Так же и в арьергардном полку оставшиеся шесть тысяч человек точно по такой же системе образуют шесть рядов. Между двумя полками образуется небольшое расстояние. По мере того как первый полк продвигается вперед, второй полк идет, следуя за ним. По мере приближения к врагу из ружей совершенно не стреляют. Двигаясь очень тихо и медленно, [в полках] усиленно стараются сохранить полную пропорциональность и равенство рядов. Слышатся только звуки труб и других музыкальных инструментов. Когда первый полк приблизится к неприятелю, то тысяча рядовых, построенных в первой шеренге, одновременно стреляет из тысячи ружей и сразу же те, кто находится в этом первом ряду, встают на колено или отходят назад. Второй ряд сразу же переходит на его
44а место и также одновременно стреляет из тысячи ружей. // На его место, стоя прямо, переходит третий ряд. Так же и четвертый, пятый и шестой [ряды] непрерывно идут друг за другом вперед, [остальные] спешат перезарядить свои ружья. Они совершенно не делают передышки [в стрельбе], при помощи такой скорострельности не давая врагу атаковать [их]. Ряды соблюдают равнение и в какую бы сторону ни потребовалось повернуться, они сразу [туда] поворачиваются. Ряды передвигаются, прочно сохраняя порядок.

Что касается рядов арьергардного полка, то, наблюдая за [рядами первого полка], как только они обнаружат в какой-либо стороне ослабление, то сразу же без задержки приходят сзади на помощь. На убитых при этом совершенно не обращают внимания. Ни один человек в этот момент не осмелится броситься к своему отцу или брату или под каким-либо предлогом отступить назад. Офицер беспощадно убивает того, кто попытается совершить поступок такого рода. По их уставам кровь таких [людей] проливается безнаказанно. Таким образом, когда одна сторона разгромлена, то она не стремится к бегству. Снова укрепив, по возможности, ряды полков, они начинают отступать и стараются следить за тем, чтобы враг, ворвавшись к ним, не причинил ущерба их рядам. Победившая сторона также не нарушает порядки полка и не стремится беспорядочно преследовать врага, ибо как только порядки полка смешаются, то сила и мощь исчезнут.

// Неоднократно было доказано, что победившая сторона, гордая своей 44б
победой, разрушала свою организацию. Что касается побежденной стороны, то она непременно одерживала победу, когда в случае разгрома старалась сохранить [свою] дисциплину. За кем останется поле боя, тот и считается победителем и захватывает добычу. Из всего этого и складывается устройство, которое было создано кафирами, для отражения ударов и атак османских войск. Вместе с тем, знатоки военных наук, допуская соприкосновение [османов] с их полками по последнему способу, говорят, что Высокая Порта обладает могучей силой и способна собрать бесчисленную армию. Допускается, что против регулярного войска врага готовится [наша] регулярная армия, а исключительно для нападения готовят войско другого рода. Когда [османская] регулярная армия сражается с регулярной армией [кафиров], то другое [войско] производит атаку и нападение. По последнему способу легко достичь и проникнуть в ряды кафиров. Организация армии превратилась в самостоятельную науку, содержащую множество правил и условий, но причина беспорядка здесь известна. Видно, что путь победы зависит от этого устройства и от организации обмана. В данном месте удовлетворимся изложением этого количества [сведений].

Люди, знающие и знакомые с делами христианских монархов и народов,
//в дружеских беседах путем рассуждений и споров также говорят: может ли 45а
армия, организованная по системе, противостоять вражеской организации, если изучить боевые хитрости, которые применяются христианскими правителями для отражения ударов и атак, проводимых Высокой Портой? Когда [также] спрашивают: осуществимо ли когда-нибудь это дело и может ли взяться за него государство? - то некоторые упорно настаивают на том, что [это устройство] невозможно из-за того, что оно не является естественным. Другие, обладая философскими наклонностями, верят в возможность [этого]. Они говорят: так как у Высокой Порты бесчисленное количество народа и она осчастливлена всем, чем нужно для снаряжения армии, то может сравняться с христианским войском в организации или даже превзойти его, если подготовит заново почти в течение года восьмидесятитысячную армию или на основе устройства или путем изучения уставов армий прежних султанов, устранив [в них] в соответствии с эпохой отрицательные стороны. Кроме этого сейчас нужно лишь три-четыре месяца, чтобы в любой момент организовать при помощи новой организации и системы, соответствующим христианским и являющихся их военной хитростью, пехотные и кавалерийские орта и бёлюки в существующих бесчисленных войсках, // то есть [следует] 45б
уравнять по количеству рядовых и офицеров орта и бёлюков, противостоящих христианской армии, сделать их ружья одинакового [калибра] и ввести различия в форме.

Что касается некоторых, то они [говорят], что и прежние османские султаны внимательно следили за врагом. Для управления страной нужно было издавать законы. Точно так же, чтобы легче победить врага при помощи

шариата и разума и превзойти боевые уставы, созданные христианскими монархами, их принципы деления очагов, то есть то, что у них называется новым устройством, следует [создавать уставы], которые бы во много раз превосходили их боевые уставы, в которые они так верят и на которые целиком полагаются и опираются. Они утверждают, что если в мирное время и в походе не проявлять [к этим уставам] небрежности и безразличия, а стараться, как полагается, [их] соблюдать и придерживаться, то христианские войска не смогут выдержать наступления мусульманских армий, руководствующихся таким шариатом и уставом. Кроме этого, в населенных странах прославились и всеобщую молву снискали щедрость и благодеяния Высокой Порты, дары и подарки, привычные для служащих и солдат, и старания всегда [обращаться] с солдатами лаской и добротой. Особенностью вечной Высокой Порты является назначение раненым, калекам и немощным старикам доста-
46а точной пенсии при отставке. // Ничего подобного раньше в других государствах не было, и в настоящее время у христианских народов нет ничего похожего. Так как все это звучит достоверно для ученых, то они говорят, что лишь от энергии решительного человека зависит привлечь из [рядов] приближающейся армии христиан столько, сколько нужно, людей, а также лиц, разбирающихся в подобных хитростях.

Действительно, если бы во время похода до ушей христианских солдат посредством шпионов дошло, что тот, кто придет на службу падишаха, будет принят и что малое жалованье, которое по христианскому обычаю выдается на руки как офицеру, так и рядовому, будет увеличено со стороны государства в два раза, а после войны во время мира также не будет уменьшено, и что они будут расселены в подходящем месте и им не будет чиниться препятствий в выполнении их обрядов, говоря так, будет легко привлечь на эту сторону многих [христиан] при помощи таких обещаний, а может быть, и большинство офицеров и солдат христианской армии. Если считать этот способ за военную хитрость, то этот способ похвален. Дело в том, что все войска христианских монархов являются наемными. Они не имеют таких твердых и постоянных обычаев, как похвальные принципы Высокой Порты. Когда
46б они находят удобный случай, они переходят // и поступают на службу государств, у которых находят [лучший] прием.

Пример. До появления галионов в вечно пребывающей Высокой Порте злосчастные кафиры, жившие по берегам Средиземного моря, владели галионами. Известно и из уст в уста передавалось, сколько страданий пришлось вытерпеть от власти [этого] вредного народа и какие усилия и силы были затрачены для того, чтобы сдержать и отбросить их орды. Но, хвала Аллаху, приняв правильные меры и построив за короткий срок такие же корабли и галионы, как и у кафиров, за это время [удалось] не только оттолкнуть и отвести руку насилия, но, с помощью всевышнего Аллаха, могучий флот - да убережет его Аллах от несчастий! - сумел победить всех и достичь беспримерного совершенства на море.

Можно ожидать, что подобно тому, как устроили морское дело, так же будут приложены некоторые усилия для устройства и организации войск и на суше. Если наблюдать и изучать военную организацию и боевое устройство, которые применяются хитрым врагом, и постараться [создать] подобную организацию [у нас], в особенности, если восстановить и соблюдать [старые] боевые уставы, то за короткий срок [можно] достичь совершенства в этом деле. В частности, несомненно то, что в силу своих явных способностей воинственные османские солдаты превзойдут и обгонят всех в этой удивительной
47а науке, // ибо по существу это будет обозначать, что способность войска ислама к порядку победит всех и могучая сила будет благоприятствовать [ему] во всех отношениях, а хорошее устройство и организация обеспечат полное повиновение в [османской армии]. Повиновение и послушание являются и по шариату, и по закону признаком и долгом настоящих мусульман.

Пример. Среди всех христианских народов московские кафиры были самым низким и подлым народом, лишенном уважения и с презренными обычаями и качествами дикарей. Совершенно не имея смелости сражаться с врагами и оказывать им сопротивление, они удалились из [обитаемых] стран земли почти на ее край – в страны тьмы с сильным холодом и вечной зимой. В то время как они еще довольствовались пропитанием, [добываемым] при помощи охоты, двадцать или тридцать лет назад[65] среди них появился умный и ученый монарх, называемый царем[а]. Он изучил положение различных народов, обычаи и законы относительно организации армии и управления народом. Он увлекался военными предметами, привлекал из других стран ученых, сведущих в этой науке. При помощи их советов и указаний он приступил к организации своих войск и, претворив за короткое время // эту науку из мечты в 47б
действительность, он создал регулярную армию, равную [по силе] и способную противостоять армиям самых великих христианских монархов. Он смог сражаться с другими [монархами] на суше и на море. Хотя упомянутый царь был зловредным кафиром, однако он проявил большую энергию. Когда он создал, организовал и снарядил свое сухопутное войско в соответствии с устройством и системой армий христианских монархов, то он не удовлетворился только этим. Чтобы подражать [другим] правителям также и на море, он пригласил от королей Англии, Нидерландов и других стран мастеров, искусных в делах постройки кораблей, затратив [на это много] средств. С большим рвением он старался и заботился, чтобы корабли долгое время не терпели крушений и чтобы они переносили во время бурь при волнении силу морских волн. Заботился он и о других необходимых вещах, а также заложил и построил множество галионов и галер. Он создал на Балтийском море флот, подобного которому не было прежде и о котором даже не слышали. Увидев также, что Каспийское море – это море, свободное от кораблей, флота и чьего-либо господства, упомянутый царь с целью захвата каким-либо образом указанного моря под предлогом торговли с Персией построил на данном море корабли. Создав флот, он присоединил титул правителя Каспийского моря // к своему бесслав- 48а
ному имени. Кроме этого, доставив из соседних стран геометров, он измерил ширину и глубину данного моря и установил морские границы путем объезда окрестностей и окраин.

Заключение. Подобно тому, как хорошее устройство в любом случае является душой великих дел, нет сомнения, что сущность каждого дела связана и зависит от присущего ему порядка, смысла и содержания. Так же и государственные дела и важные вопросы управления решаются на основе хорошего устройства. Не говоря о том, что выгоды от хорошей организации армии бесчисленны, а слово "устройство" возбуждает интерес, так и это удивительное искусство является среди солдат регулярной армии сладостной наукой, сущность которой пользуется уважением и любовью и доверие к которой сильно. Если [силы] разума и сердца затратить лишь на часть многочисленных выгод и получить сведения, то нет никакого сомнения в том, что [они] нужны не только кавалеристам и пехотинцам, тимариотам[66] и заимам[67], но и правителям областей, комендантам пограничных крепостей[б] // и прочим везири- 48б
рам, эмирам и мир-и миранам. Может быть, если бы они организовали при помощи этого устройства и свои личные отряды, то они не потеряли бы [ни одного] клочка [земли]. Множество добродетельных людей хотели сделать и распространить прекрасные деяния и истратили наличные деньги и имущество на это дело, требуя усиления армии путем [ее] деления на орта и бёлюки. Умные люди вселенной единодушны в том, что подданные Высокой Порты по своим способностям к восприятию устройства обязательно победили бы всех. Если бы они совершенствовались в военном деле с помощью устройст-

а) چار. б) محافظان.

ва, были точны в его осуществлении и проявили бы интерес к нему, то ни один бы враг не смог сопротивляться этой вечно пребывающей Высокой Порте. Может быть, еще до ее выступления [они] добровольно принесли бы ключи от многих крепостей и городов к подножию падишахского трона и сдались.

Конец написанию и печатанию с помощью вседаряшего Аллаха рукой ничтожного Ибрахима из мутеферрик Высокой Порты, имеющего разрешение на печатные работы в султанской типографии в благом городе Кастантинийе в **середине славного ша'бана 1144 (середине февраля 1732) года.**

Примечания к переводу

[1] Имеется в виду начавшаяся в 1730 г. ирано-турецкая война 1730-1736 гг. Фактический правитель Ирана полководец Надир 4 октября 1727 г. выступил против Хамаданского договора; в 1730 г. он разбил и изгнал турецкие войска из Хамадана, Керманшаха и Южного Азербайджана и 13 августа 1730 г. вступил в Тебриз.

[2] Т.е. на 444 году существования Османской империи со времени воцарения первого султана Османа I в 699/1299 г.

[3] Речь идет о вооруженном выступлении городских низов в 1730 г. (28 сентября - 25 ноября). Несмотря на то что в восстании участвовали также янычары, недовольные действиями султана и великого везира в начавшейся в середине 1730 г. ирано-турецкой войне, его основной движущей силой были ремесленники, мелкие торговцы, а главной причиной восстания - увеличение налогового гнета, произвол властей, рост цен. Возглавлял восстание албанец Патрона Халил. Восставшие свергли великого везира Ибрахим-пашу и низложили султана Ахмеда III, добились отмены ранее введенных налогов и пошлин. Однако раскол среди восставших позволил султанскому двору подавить восстание (M. Aktepe. Patrona Halil isyani. Istanbul, 1958; М.С.Мейер. Восстание городских низов Стамбула в 1730 г. - НАА, 1963, № 4, с.77-89).

[4] Айян (اعيان) - знатное лицо, член провинциального или султанского дивана.

[5] Райяты (رعيت, мн.ч. ре'айя رعايا) - земледельческое зависимое население в Османской империи; податное сословие, подданные.

[6] Осман I - турецкий султан (1299-1300-1326).

[7] Махмуд I - турецкий султан (1730-1754).

[8] Мустафа II - турецкий султан (1695-1703).

[9] Мехмед IУ - турецкий султан (1648-1687).

[10] Ансары (انصار) - сподвижники и сторонники Мухаммада в Медине.

[11] Конак (قوناق) - расстояние, в конце которого делали остановку для ночлега, равен 8,5 англ. мили (около 13 км). 3 конака составляют 1 градус, 1080 конаков составляют 360 градусов (U. Heyd. Ottoman Documents on Palestine 1552-1615. A study of the firman according to the Mühimme defteri. Ox. 1960, c. 99).

[12] Кораническое выражение: "Они торопят тебя с наказанием, и если бы не назначенный предел, то пришло бы к ним наказание, и придет оно к ним внезапно, когда они и не знают" (Коран, 29$_{53}$ - здесь и далее перевод Корана по изд.: Коран. Пер. и комм. И.Ю.Крачковского. М., 1963).

[13] Архангел Гавриил (ناموس اكبر), носитель откровений пророку, наиболее почитаем мусульманами.

[14] Хосров (کسری) – имя ряда царей из династии Сасанидов.

[15] Мутасаррифф (متصرف) – управитель области, называемой санджак.

[16] Дефтер (دفتر) – реестровая или писцовая книга.

[17] Газа (غزا), джихад (جهاد) – священная война за веру против немусульман.

[18] Чауш (چاوش) – а) должностное лицо султанского двора, которого часто посылали в провинции для передачи и выполнения приказов; б) нижний военный чин у сипахиев и янычар. Персидский синоним – сарханг (سرهنگ).

[19] Джемаʿат (جماعت) – подразделение в янычарском войске.

[20] Сипахсалар (سپهسالار) – главнокомандующий, полководец, военачальник.

[21] Сераскер (سرعسکر) – главнокомандующий во время походов. Обычно этот пост поручался великому везиру или одному из провинциальных наместников.

[22] Сардар (سردار) – полководец, главнокомандующий, звание, присваиваемое великим везирам, когда те выступали в поход во главе армии вместо падишаха.

[23] Бёлюк (بلوك) – рота янычар или сипахиев, состоящих на жалованье.

[24] Рустам – излюбленный герой иранского эпоса.

[25] Море Омана=Оманский залив.

[26] Коранические выражение: "В тот день мы скажем геенне: "Полна ли ты стала?" – и скажет она: "Нет ли добавки?" (Коран, 50_{29}).

[27] Фарс – юго-западная провинция Ирана в бассейне Персидского залива.

[28] Рум – наименование Византийской империи, распространенное у персов и арабов и воспринятое турками.

[29] Очаги (اوجاق) – так назывались корпуса янычарских и других войск.

[30] Берайя (برایا) – арабское слово "создания, твари" вошло в турецкий средневековый язык только в сочетании с термином реʿайя – реʿайя и берайя (А.С. Тверитинова. О толковании арабского слова берайя в качестве исторического термина в публикациях турецких документов. – Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. М., 1966, с.255–257).

[31] Коранические выражение: "Поистине, Аллах любит тех, которые сражаются на Его пути рядами, как будто бы они–плотное здание" (Коран, 61_4).

[32] Бузурджмихр – арабизованная форма имени Бузургмихр, легендарного везира сасанидского шахиншаха Хосрова Ануширвана (531–579), которому приписываются мудрые высказывания.

[33] Восточный и Западный океаны – по мусульманским средневековым воззрениям, под этими названиями понимались части Индийского океана, находящиеся слева и справа от мыса Коморин на южной оконечности Индии (M. Bittner. Die topografisches Capitel des indischen Seespiegels Mohit übersetzt von dr. Maximilian Bittner. Wien, 1897).

[34] Чин – Центральный Китай.

[35] Климат (اقليم) – географический пояс, зона, область. В соответствии с традицией, перешедшей из древнегреческой географии, у арабов, а потом и у турок населенная четверть земли делилась на семь климатов (Крачковский, с.22).

[36] Древний Рим возник в 754/753 г. до н.э., а не в 570 г., как указано в трактате.

[37] С XУ в. титул императора почти непрерывно сохранялся за австрийскими монархами.

[38] Красное Яблоко – аллегорическое название христианских земель. Считалось, что "красное яблоко" обозначало шпиц в форме яблока на куполе собора Св.Петра в Риме. Был создан миф о "красном яблоке", согласно которому туркам было суждено одержать победу над христианством, и идея того, что "истинно верующие" победят независимо от их вооружения и военного снаряжения в силу божественного предначертания (F.W. Hasluck. Christianity and Islam under the Sultans. Vol. 2. Ox., 1929, c. 736-740; Berkes. Secularism, c. 57).

[39] В 1273 г., а не в 1278, как в тексте.

[40] Рудольф I (1218–1291) – первый император из династии Габсбургов (император с 1273 г.).

[41] Т.е. до времени написания данного трактата – с 1273 до 1732 г.

[42] Карл УI, Иосиф Франц Габсбург (1685–1740) – император Священной Римской империи, австрийский государь с 1711 г.

[43] С императором Карлом УI пресеклась мужская линия Габсбургов. В 1713 г. им была опубликована прагматическая санкция, имевшая целью гарантировать престолонаследие за его старшей дочерью Марией Терезией и обеспечить нераздельность всех его австрийских владений.

[44] Кастантинийе – арабское название Константинополя.

[45] Часто употреблявшееся в османской литературе сравнение четырех "жизненных соков", содержащих четыре элемента, в человеческом теле: кровь (вода), черная желчь (земля), слизь (воздух), желтая желчь (огонь), – с четырьмя сословиями государства: армия, ученые, торговцы и податное население ре'айя (W.F. Behrnauer. Hagi Chalfa's Dustur l'amel. Ein Beitrag zur osmanischen Finanzgeschichte. – ZDMG, XI, 1857, c. 120).

[46] Мир-и миран, или мирмиран (میرمیران) – "эмир над эмирами" – правитель провинции, называвшейся эйялет. В его ведении находилась как гражданская администрация, так и феодальное ополчение и местные гарнизоны янычар, которыми он командовал во время военных походов.

[47] Сипахи (سپاهی) – воин-всадник. Сипахи были двух родов:

1) "улуфели сипахи" – воин придворного, состоящего на жалованье кавалерийского войска; 2) "тимарлы сипахи" – воин кавалерийского ополчения, владелец тимара.

[48] Гази (غازی) – "воитель за веру", участник войны мусульман с иноверцами.

[49] Гилян – область по южному побережью Каспийского моря, граничащая на востоке с Мазандараном.

[50] Портулан (портоланы), или компасные карты – морские навигационные карты, употреблявшиеся в XIII– XУ1 вв.

[51] Ма'мун (813–833) – аббасидский халиф.

52 Часто встречающееся в арабской географической литературе заглавие "Книга путей и государств".

53 "Расм ал-ма'мур мин ал-арз" ("Описание населенной части земли") – сочинение по географии Йа'куба ал-Кинди (ум. около 874 г.).

54 Капудан (قپودان) – адмирал флота.

55 Порог Счастья – одно из традиционных названий Константинополя, употреблявшихся в официальных документах.

56 Китай, Хатай – северный Китай.

57 Исан-Тайши (1439–1455) – князь калмыков, правитель большого кочевого государства ойратов. В 1450 г. он разбил китайскую армию и взял в плен императора Ин-цзуна (1436–1449).

58 Данный отрывок является пересказом 4-й главы описания путешествия Али Акбара в Китай в начале XУ1 в. (H.L. Fleischer. Ueber das türkische Chatai-name. Kleinere Schriften, III. Lpz., 1888, c. 223-224).

59 Образное сравнение меча (تيغ) с действием царской водки (تيزاب), представляющей собой смесь азотной и соляной кислот. Она действует значительно энергичнее, чем каждая из этих кислот в отдельности. Так, даже золото и платина легко растворяются в царской водке. Подобно тому, как царской водке не может противостоять ни один металл, так и мечам османов не могут противостоять христиане (ср.: Вейси. Хаб-наме ("Книга сновидений"). Критический текст, пер. с турецкого, введ. и примеч. Ф.А.Салимзяновой. М., 1976, перевод, с.69, текст, л.2Са: "Кроме того, более ста тысяч рабов божьих погибли, утолив жажду из источника отравленных ядом азотной кислоты (?) мечей").

60 Фраза, показывающая высокую дисциплинированность солдат (A. Cevdet. Tarih-i Cevdet. c. 1, 2. Bas. Istanbul, 1309, c. 97: "Kırk bir kıl ile yedilir" – "Сорок [человек] ведут на волосе".

61 Орта (اورته) – подразделение очага, воинская единица, соответствующая примерно полку.

62 Данный отрывок, очевидно, заимствован из книги по истории Франции, перевод которой на турецкий язык был сделан в 1572 г. (B. Lewis. The Middle East and West. L., 1968, c. 41).

63 Ода (اوطه) – янычарское подразделение, рота.

64 Зейд, Амр (мужские имена) – обычно употреблялись для обозначения условных лиц в юридической практике шариатского судопроизводства, а также в толковании законов в фетвах, издаваемых муфтием; Бекр – мужское имя собственное.

65 1702–1712 гг., т.е. 20–30 лет с момента издания данного трактата в 1732 г. Имеется в виду Петр I (1675–1725).

66 Тимариот (اهل تيمار) – владелец тимара, т.е. военного лена с годовым доходом от 3000 до 19 999 акче.

67 Заим (زعيم) – владелец ленного владения, называемого зеамет, с годовым доходом от 20000 до 99 999 акче.

В. В. Полосин

ПОПРАВКА К ИЗДАНИЯМ "ФИХРИСТА" ИБН ан-НАДИ́МА

Несмотря на привлечение новых рукописей, в частности рукописи № 3315 из собрания Честера Битти (Дублин), и в издании Р.Таджаддуда[1], и в английском переводе Б.Доджа[2] сохранилась (с вариантами) ошибка флюгелевского издания "Фихриста", контаминирующая имена отца и сына ал-Мāзинӣ. Приводим соответствующее место по изданию Г.Флюгеля[3]:

I

ابو سوار[4] الغنوى

و كان فصيحًا اخذ عنه ابو عبيدة فمن دونه و له مجلس مع محمد بن حبيب بن ابى عثمان المازنى.

قال ابو عثمان: قرأت على ابي و انا غلام: تَرَى الودق يخرج من خلاله. فقال ابو سوار و كان فصيحًا: يُخرَج مِن خَلَلِهِ. فقال ابي: "من خَلَلِهِ" قرآءة. فقال ابو سوار: أما سمعت قول الشاعر:

يُشِيرُ بغَمْزَةٍ يَخْرُجْنَ منهـــــا
خروجَ الوَدْقِ من خَلَلِ السَّحَابِ

قال ابو عثمان: خَلَل و خلال واحد، هما مصدران.

Интересующее нас место в издании Р.Таджаддуда (с.50): مع محمد بن حبيب ابى عثمان المازنى; в английском переводе Б.Доджа (т.1, с.98): مع محمد بن حبيب و ابى عثمان المازنى[5]; наконец, в рукописи Честера Битти очень четко: مع محمد بن حبيب ابى ابى عثمان المازنى[6].

Верный вариант дает только рукопись Честера Битти, привлекавшаяся к работе и Р.Таджаддудом, и Б.Доджем. Ее чтение имеет подтверждение в самом "Фихристе": на с.57 флюгелевского издания (т.1, с.124 английского перевода Б.Доджа) находится заметка, посвященная Бакру ибн Муḥаммаду ал-Мāзинӣ, которую мы воспроизводим ниже с некоторыми сокращениями.

II

اخبار المازنى

و اسمه بكر بن محمد ... و كان ابوه محمد بن حبيب نحويًا قارئًا و له مع ابى سوار الغنوى خبر قد ذكرناه ...

Таким образом, Муḥаммад ибн Ḥабӣб в обоих отрывках из "Фихриста" – отец Бакра ибн Муḥаммада ал-Мāзинӣ, которого Ибн ан-Надӣм обычно называет (с. 41, 45, 52, 57, 58, 59, 60, 63 флюгелевского издания) Абӯ ʿУ̱смāном ал-Мāзинӣ или просто ал-Мāзинӣ.

Нечастая в текстологической практике ситуация, встретившаяся в первом из приведенных выше отрывков из "Фихриста" (слово "абӯ" в родительном падеже употреблено дважды подряд: один раз – в нарицательном значении "отец", другой раз – как часть имени Абӯ ʿУ̱смāн"), вконец запутала именные указатели к "Фихристу" во всех трех названных изданиях его.

Так, у Г.Флюгеля, в нарушение принятой им системы, ал-Мāзинӣ-сына нужно искать не на кунью (Абӯ ʿУ̱смāн), которая оказалась утерянной, а на имя (Бакр ибн Муḥаммад). Ал-Мāзинӣ-отца (Муḥаммад ибн Ḥабӣб) в указателе нет вообще; зато вместо него появились два несуществующих в самом тексте персонажа – Абӯ ʿУ̱смāн Ḥабӣб ал-Мāзинӣ (с отсылкой к нему, в указателе, от реального Абӯ ʿУ̱смāна ал-Мāзинӣ) и Муḥаммад ибн Ḥабӣб ибн Абӯ ʿУ̱смāн ал-Мāзинӣ.

В английском переводе, где Б.Додж исходил из иного чтения интересующего нас имясочетания, несообразности в указателе приняли другой характер. Разделив именную цепочку на две части, Б.Додж получил в отрывке I правильные имена отца и сына ал-Мāзинӣ, Муḥаммада ибн Ḥабӣба и Абӯ ʿУ̱смāна ал-Мāзинӣ. Первый, однако, отождествлен в указателе (т.2, с.1053) с другим человеком, неоднократно упоминаемым в "Фихристе", – Абӯ Джа'фаром Муḥаммадом ибн Ḥабӣбом (Муḥаммад ибн Ḥабӣб [ал-Мāзинӣ] из отрывка II в указатель совсем не попал). Второй, Абӯ ʿУ̱смāн ал-Мāзинӣ, находится в указателе на надлежащем ему месте (т.2, с.1044) как Бакр ибн Муḥаммад ал-Мāзинӣ, Абӯ ʿУ̱смāн. Однако фигурирующий в том же отрывке I рассказчик Абӯ ʿУ̱смāн не идентифицирован Б.Доджем как ал-Мāзинӣ-сын, на что указывает отсутствие ссылки на страницу 99 в соответствующем месте (т.2, с.1044) указателя. Этот Абӯ ʿУ̱смāн встречается зато в другом месте указателя (т.2, с.1119) как отсылка к двум тезкам по кунье – ал-Джāḥиẓу и ад-Димашḳӣ. Под именем ал-Джāḥиẓа (т.2, с.1022) мы и находим, наконец, указание на страницу 99, на которой упоминается искомый рассказчик Абӯ ʿУ̱смāн – только не Абӯ ʿУ̱смāн ал-Джāḥиẓ, как полагал Б.Додж, а Абӯ ʿУ̱смāн ал-Мāзинӣ-сын, как это видно по приведенным выше отрывкам из "Фихриста".

Р.Таджаддуд, по-видимому, меньше, чем Г.Флюгель и Б.Додж, стремился к идентификации лиц, упоминаемых в "Фихристе". В указателе к изданному им тексту оказались не сведенными под одной формой имени "Абӯ ʿУ̱смāн ал-Мāзинӣ" и "Бакр ибн Муḥаммад ал-Мāзинӣ" (ал-Мāзинӣ-сын); этот же грамматик, упоминаемый на с.64 изданного Р.Таджаддудом текста просто как "ал-Мāзинӣ", в указатель вовсе не внесен. Имя "Муḥаммад ибн Ḥабӣб" в указателе отсылает читателя не только к тем страницам, на которых упоминается отец ал-Мāзинӣ, Муḥаммад ибн Ḥабӣб (тоже грамматик), но и к тем, на которых Ибн ан-Надӣм называет известного знатока предания Абӯ Джа'фара Муḥаммада ибн Ḥабӣба, фигурирующего в том же указателе и отдельно.

Примечания

1 كتاب الفهرست للنديم. تحقيق رضا تجدّد. طهران، ١٩٧١.

2 The Fihrist of al-Nadim. A 10th-century survey of Muslim culture. Ed. and transl. by Bayard Dodge. Vol. 1-2. N.Y.–L., 1970.

3 Kitab al-Fihrist. Mit Anmerkungen hrsg. von G. Flügel. Erster Band: den Text enthaltend, von J. Roediger, Lpz., 1871, c. 45.

4 ابو سرار в издании Р.Таджаддуда; у Б.Доджа – так же, как у Г.Флюгеля.

5 Английский текст: ''Once while he was meeting with Muhammad ibn Habib and Abu 'Uthman al-Mazini, Abu 'Uthman said...''.

6 По-русски: "... с Мухаммадом ибн Хабибом, отцом Абу 'Усмана ал-Мазини". Аналогичный пример омонимической конструкции во фразе, когда тоже нужно различать имя нарицательное и имя собственное: ثم قال: قد بايعتُ لعبد الله عبد الله المأمون أمير المؤمنين بالخلافة, т.е. "... присягнул рабу божьему 'Абдаллаху ал-Ма'муну ...". (см.: Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M.J. de Goeje. Ser. III, t. 3. Lugduni Batavorum, 1881, c. 862: 17-18).

7 Желая обратить внимание читателей вообще на необходимость осторожного и критического отношения к указателям имен в существующих изданиях "Фихриста", напомним и о статье С. Халила, посвященной этому же вопросу: S. Khalil. Théodor de Mopsueste dans le ''Fihrist'' d'Ibn an-Nadîm. – «Le Muséon», t. 90, 1977, fasc. 3/4, c. 355–363.

В. С. Рыбалкин

СОБРАНИЕ АРАБСКИХ РУКОПИСЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ (ЦНБ) АН УССР

Описание рукописей – актуальная задача советской археографии. Отечественная наука накопила уже немало сведений о хранимых в различных собраниях страны письменных памятниках старины. Тем не менее имеются еще участки, где ощутим пробел в подобного рода материалах. В частности, к настоящему времени фактически не существует работы[1], дававшей бы представление о рукописных ценностях, хранимых в различных научных и культурных учреждениях Украины. В предлагаемой статье делается попытка в какой-то мере заполнить такой пробел, представив вниманию специалистов обзор качественного и количественного состава арабских рукописей в Центральной научной библиотеке АН УССР (г.Киев).

В настоящее время в Рукописном отделе ЦНБ АН УССР сосредоточено свыше шестидесяти рукописей и фрагментов на арабском языке. В это собрание в разное время вошли как целые коллекции, так и единичные рукописи из различных собраний.

Старейшую часть собрания составляют несколько рукописей из бывшей коллекции Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Их появление в музее связано с деятельностью преподавателя академии, а впоследствии настоятеля Русской духовной миссии в Иерусалиме[2] архимандрита Антонина (Капустина). В научном мире Андрей Иванович Капустин (1817-1894)[3] получил известность преимущественно археологическими исследованиями[4], часть которых носит характер описаний путешествий и поездок. Известны его стихотворения религиозного и богословского содержания[5]. Будучи также страстным любителем, тонким знатоком и ценителем рукописной книги, А.И.Капустин на протяжении всей своей жизни собрал получившую впоследствии известность коллекцию восточных рукописей.

Еще во время преподавательской деятельности через студента Киевской духовной академии, некоего Неклепаева, Антонин приобрел первую часть известного сочинения ал-Бӯнӣ (ум. в 1225 г.) "Шамс ал-маʿāриф ва латāʾиф ал-ʿавāриф" (см. в арабском списке под № 60). Рукописи этого сочинения по оккультным наукам, эпитетам Аллаха и т.п. хорошо известны в крупнейших европейских собраниях. Киевская рукопись имеет название "Шамс алмаʿāриф ал-кубрā". В основном же коллекция содержала значительное количество христианских рукописей богослужебного характера. Ее ядро составили рукописи, приобретенные А.И.Капустиным преимущественно в Иерусалиме (в основном в мае 1868 г.) и в монастыре Св.Екатерины, где осенью 1870 г. он приводил в порядок монастырскую библиотеку. Совместно с драгоманом иерусалимской миссии дамаскинцем Фадлаллахом Ṣаррӯфом[6] и дидаскалом[7] Николаем Антонин даже составил ее рукописный каталог, в котором было описано 310 греческих, 38 славянских и 500 арабских рукописей[8]. В качестве вознаграждения за выполненную работу ему было пожертвовано некоторое количество рукописей и отдельных листов, которые монахи считали непригодными для дальнейшего хранения.

После смерти А.И.Капустина подавляющая часть арабских рукописей (около 50 ед.) из его коллекции была приобретена в 1898 и 1899 гг. Публичной библиотекой в Петербурге[9]. Несколько списков осталось и в Церковно-археологическом музее при Киевской духовной академии – это, прежде всего, два часослова (№№ 28, 29) переписки середины XVIII в. Редакция одного из текстов (№ 28) принадлежит патриарху Евфимию (1572–1635) в бытность его митрополитом Алеппо (Халеб), известного еще под именем Мелетий Карма ал-Хамави. Киевский список датирован 1753 г.

Двадцатью годами позже был переписан текст "Апостола" (№ 27) с распределением по дням недели. В эту же часть собрания входит "Октоих" (№ 30) переписки 1757 г. и два служебника (№№ 31, 32) с идентичными текстами; списки продолжительное время считались двухтомником[10].

Из дневниковых записей Антонина следует, что он имел в Иерусалиме своего переплетчика, выполнявшего его заказы на протяжении ряда лет: не случайно большая часть указанных рукописей (№ 27–30), относящихся к иерусалимскому периоду жизни Антонина, имеет однотипные переплеты – картон в сафьяне с золотым тиснением, аккуратные обрезы листов, окрашенные золотой краской, и тиснение заглавия книги на корешке золотой краской на арабском, греческом и русском языках.

Отличительной особенностью христианских рукописей этой части собрания является то, что в их орфографии нашли отражение некоторые особенности позднего среднеарабского языка. Это, например, замена в "Апостоле" (№ 27) литературных межзубных согласных диалектальными смычными: ت вместо ث, чередование س – ش[11] и др.

Как следует из соответствующих записей в колофонах, указанные рукописи явились результатом деятельности переписчиков, содержавшихся при разного рода монастырях и учебных заведениях.

На рубеже веков рядом ученых в Киеве предпринимались попытки дать исчерпывающее представление обо всех рукописных собраниях города. Помимо широко известных описаний Н.И.Петрова и А.Лебедева, осветивших одно из наиболее обширных собраний – Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, известен и ряд других аналогичных работ[12]. Поскольку арабские рукописи ни в них, ни в других известных описаниях не упоминаются, можно сделать заключение, что упомянутые выше семь рукописей из собрания Антонина были до революции единственными арабскими рукописями хранилищ города. Что касается христианских рукописей Антонина, то их изучение, как справедливо отметил И.Ю.Крачковский[13], представляет достаточно специальную задачу, которая не может быть успешно решена без обращения к основной части коллекции Антонина в Ленинграде.

После Октябрьской революции приток в Киев восточных рукописей увеличился вследствие наладившегося в некоторых высших учебных заведениях[14] города преподавания восточных языков, а также с основанием А.Е.Крымским арабо-иранского кабинета при Украинской Академии наук (УАН). Отдельные памятники арабоязычной письменности продолжали попадать в Киев и по мере роста интереса к восточной культуре со стороны коллекционеров и любителей словесности. На протяжении ряда лет эти источники формировали нынешнее собрание арабских рукописей ЦНБ АН УССР.

И.Ю.Крачковский, посетивший Киев летом 1925 г., отмечал здесь наличие уже 37 арабских рукописей[15], а А.Е.Крымский в сжатом черновом наброске каталога восточных рукописей, составленном им несколько позже, упоминает 42 арабские и 2 персидско-арабские рукописи[16]. Ввиду краткости этих описаний едва ли можно полностью соотнести упоминаемые в них рукописи с конкретными списками, хранящимися в библиотеке в настоящее время.

Раньше других в фондах фигурируют две рукописи из бывшего университетского собрания, куда они, в свою очередь, поступили в составе бо-

лее обширной коллекции мусульманских рукописей, принадлежавшей польскому помещику Яблоновскому. Одна из них (№ 56) содержит текст известного сочинения Ṭāшкепрӣ зāде (1495-1560) "аш-Шаḳā'иḳ ан-нуʿмāниййа", переписанный неким ʿАбдаллахом ибн Ибрāхӣмом в 1027/1618 г.[17], другая (№ 6) - неполный текст Корана, обрывающийся сурой С1Х (ал-Кāфирӯна).

Наиболее обширной частью собрания арабских рукописей ЦНБ АН УССР являются рукописи, связанные с деятельностью арабо-иранского кабинета УАН. Сюда, прежде всего, относятся рукописи из личной коллекции А.Е.Крымского (1871-1942). На их основе им были написаны некоторые очерки по арабской литературе и осуществлены критические издания текстов. Например, копия части каирской рукописи (№ 54) аḍ-Ḍӯлӣ (ум. в 946 г.), выполненная Ибрāхӣмом ал-Х̮ӯрӣ во второй половине прошлого века с отрывка из сочинения "Китāб ал-аўрāḳ фӣ ах̮бāр āл ʿаббāсӣ ва ашʿāрихим", послужила А.Е.Крымскому основой для издания комментариев, очерка по истории арабской повествовательной литературы индо-персидского характера с приложением указанной части текста "Китāб ал-аўрāḳ"[18].

Текст еще одной рукописи, "Мух̮таṣар та'рӣх ал-асāḳифа аллаз̮ӣна раḳаў мартабат курсиййи рийāсат ал-каханӯт ал-джалӣла фӣ мадӣнат Байрӯт ва з̮āлика мин санат 1532 масӣх̮иййа фаḳаṭ"(№ 57), был также издан и переведен А.Е.Крымским [19]. Киевскую рукопись переписал Салӣм Шахāда по специальному заказу Крымского.

Авторство текста, приписываемое А.Е.Крымским первому переписчику рукописи Х̮алӣлу Ниʿмату Файйāḍу, И.Ю.Крачковский подвергает сомнению, указывая на то, что "... руководящей нитью для пересмотра вопроса об авторе этой анонимной истории могут стать каталоги отдельных частей бейрутского собрания Л.Шейхо[20] и в особенности в его подводящем итоги всему известному материалу сводном каталоге"[21] (Catalogue des manuscrits des auteurs arabes-chrétiens depuis l'Islam. Beyrouth, 1924).

Комментарии Корана в собрании ЦНБ АН УССР представлены тремя списками известного сочинения ал-Байḍāвӣ (ум. в 1286 г.) "Анвāр ат-танзӣл ва 'асрāр ат-та'вӣл". Наиболее ранний список (№ 10), датированный 982/1574 г., происходит из Александрии. Другой, выполненный в двух томах (№ 11), переписан в 1173/1759 г. (в рукописи назван "Тафсӣр ал-ḳāḍӣ"). Обе рукописи из личной коллекции А.Е.Крымского.

Еще один экземпляр комментария ал-Байḍāвӣ, также озаглавленный "Тафсӣр ал-ḳāḍӣ", представляет рукопись (№ 12), происходящая из Трапезунда (Трабзон, Турция). Она датирована 1238/1823 г. и поступила в арабо-иранский кабинет УАН в 1920 г. из Центрального архивного управления Украины. Текст Корана в рукописи комментируется начиная с суры ХХХУ1 ("Йā' сӣн)".

В собрание ЦНБ АН УССР из архива А.Е.Крымского перешли также две рукописи христианско-богослужебного характера, дополнив тем самым группу христианских рукописей архимандрита Антонина. Это список (№ 33), содержащий выдержки из Апостола, Евангелия, служебников и т.п., переписки не позже первой половины ХУIII в., и рукопись с несохранившимся началом (№ 34), содержащая сведения о порядке совершения исповеди и покаяния. Переписка текста закончена в 1711 г. неким Илйасом Йусуфом Джаббаном.

Из других принадлежавших ранее А.Е.Крымскому рукописей следует отметить комментарий (№ 45) ал-Ḳаз̮вӣнӣ (ум. в 1338 г.) на третью часть ("ʿИлм ал-маʿāнӣ ва-л-байāн") известного сочинения ас-Саккāкӣ (1160-1228) по риторике под названием "Китāб мифтāх ал-ʿулӯм". Комментарий представляет собой сокращенную переработку указанной части и в киевской рукописи имеет свое обычное название - "Талх̮ӣṣ ал-Мифтāх̣". Список выполнен всего десять лет спустя после смерти комментатора, в 748/1347 г.

В собрании ЧНБ АН УССР находится также приобретенная уже несколько позже в Средней Азии рукопись (№ 46), содержащая текст супракомментария ("Ḥавāшӣ ʿалā шарḥ Талхӣс ал-Мифтāḥ") ʿАбдаллаха Самʿа на это сочинение. Имя комментатора в известных европейских каталогах не упоминается.

Заслуживает внимания и хранящийся в рукописном отделе библиотеки "Сонник" ("Таʿбӣр-нāма"), приписываемый наряду с некоторыми другими сочинениями мистического характера Ибн Сирину (ум. в 728 г.). В киевской рукописи (№ 59), также ранее принадлежавшей А.Е.Крымскому, отсутствуют первые 20 страниц, но сохранившаяся часть находится в хорошем состоянии.

В арабо-иранском кабинете УАН, с которым связано происхождение многих упоминаемых здесь рукописей, продолжительное время работал и Тауфик Гаврилович (Тауфик Джабраил) Кезма (1882-1958)[22]. Уроженец Дамаска, он еще в 14 лет был отправлен своими родными, глубоко верующими христианами, "за четыре моря", в далекую Россию, "в православный Киев", для продолжения полученного в Назарете духовного образования. Закончив в Киеве духовную семинарию и академию, Т.Г.Кезма навсегда остался в городе, где в течение сорока лет был профессором Киевского университета. Автор изданной в Киеве в 1928 г. арабской грамматики, переводчик новелл М.Теймура и М.Нуайме, Т.Г.Кезма посвятил немало энергии и научной работе над арабским рукописным наследием. Им была начата оставшаяся, к сожалению, незавершенной работа по обработке арабских рукописей арабо-иранского кабинета УАН, в частности рукописей из личной коллекции А.Е.Крымского. С именем Т.Г.Кезмы связан и один из интереснейших памятников нынешнего собрания ЧНБ АН УССР - историко-этнографическое сочинение о самаритянах[23]. Рукопись его является копией, снятой в 1899 г. по личному заказу Т.Г.Кезмы с оригинала, хранившегося у первосвященника самаритян в г.Наблусе (древний Сихем). О местонахождении самого оригинала в настоящее время сведений не имеется. Копия, объемом в 160 листов, состоит из десяти глав, в которых подробно представлены сведения самого различного характера из истории, религии, быта этой этнической группы. Особенно подробно говорится о разнице в совершении самаритянами всевозможных культовых ритуалов и обрядов по сравнению с евреями, от которых они отделились: правила жертвоприношения, соблюдение субботы, очищение от скверны, женитьба, развод, запрещение переписывания Библии и т.п. (см. № 58 в арабском списке).

Отдельную группу образуют несколько рукописей, переданных в 1920г. в арабо-иранский кабинет УАН Центральным архивным управлением Украины, куда они, в свою очередь, поступили из Трапезунда. Это помимо уже упоминавшегося комментария Корана ал-Байдави каноническо-юридическое сочинение по фикху, 1066/1656 г. переписки (№ 24), два комментария на известное сочинение ал-Багавӣ (ум. в 1122 г.) "Китāб ал-маṣāбӣḥ фӣ-с-сунна": один - Муḥаммада ал-Ḳарабāғӣ (ум. в 1535 г.), недатированный (№ 15), другой - неизвестного автора, 850/1446 г. переписки (№ 14). Широко представлены сочинения на грамматическую тематику: это "ал-Миṣбāḥ фӣ-н-наḥв" (№ 37) - известный учебник по синтаксису, принадлежащий перу ал-Мутарризӣ (1143-1213), и четыре списка комментариев на него - два ал-Исфараини, озаглавленные "Даʾў ал-Миṣбāḥ", 1078/1667 г. переписки (№ 38) и 1118/1706 г. переписки (№ 39) и два Паши Алауддина ал-Асвада (ок. 800/1397 г.) под названием "Ифтитāḥ" - один недатированный (№ 40), другой - 108 ?/167? г. переписки (№ 41). Оба списка среднеазиатского происхождения.

Источником пополнения арабо-иранского кабинета УАН, явившегося ядром собрания восточных рукописей ЧНБ АН УССР, были и единичные спис-

ки, пожертвованные кабинету частными лицами или поступившие из Средней Азии. К таким относятся: часть (суры XVII–XXXII) рукописного Корана (№ 2), фрагмент (79 лл.), содержащий большой раздел о молитве ("Китāб ас-ṣалāт"), из сочинения по фикху (№ 23), грамматическое сочинение "ал-'Ифṣāḥ" (№ 42), представляющее собой сводное толкование на известный трактат "ал-Кāфийа", "открывающую" суру Корана, и др. Без указания автора оно упоминается только Хаджи Халифой[24]. Киевская рукопись переписана в 1106/1694 г. ʿАбд ас-Саллāмом ал-Му'аззином Ḥāджи Аḥмадом. Ее пожертвовала в кабинет некая Лопухина.

Сборник комментариев и глосс по логике и искусству спора (№ 53) туркестанского происхождения – один из тех многих, какие часто встречаются в отечественных собраниях. Он содержит сочинение Сачакли-заде "Рисāлат фи фанн ал-мунāẓара" и несколько анонимных комментариев на различные трактаты Бихиштī, Исфара'инī, ад-Давванī и др.

Особняком стоит итальяно-арабский словарь (№ 49), составленный европейцем в начале XIX в. в порядке итальянского алфавита от A до Z. После словаря имеется небольшой очерк арабской грамматики на латинском языке, начинающийся разделом о числительных. Словарь представляет интерес как памятник востоковедения и как некоторый материал для знакомства с арабским литературным языком начала прошлого века.

Приток восточных рукописей в собрание ЦНБ АН УССР после перехода в него коллекции упраздненного арабо-иранского кабинета УАН значительно сократился. Если работа над письменными памятниками Востока составляла одну из главных и специальных целей кабинета, то перед Всенародной библиотекой Украины стоял более разветвленный комплекс задач, среди которых систематической работе над восточными рукописями уделялось, естественно, меньше внимания. К тому же много путаницы в состояние учета, хранения и обработки внесла эвакуация рукописей во время войны в Уфу. Зарождавшееся в довоенные годы на Украине научное востоковедение потеряло также многих лучших своих представителей, прежде всего академика А.Е.Крымского. Работа над исследованием восточных рукописей на Украине постепенно сокращалась, и уже к началу 60-х годов их состояние требовало активного вмешательства со стороны специалистов. Прежде всего необходимо было точно установить количественный и качественный состав накопившегося материала. Такие попытки предпринимались Археографической комиссией АН СССР, однако в публикацию каких-либо научных сообщений они не вылились.

Ознакомление автора с составом арабских рукописей ЦНБ АН УССР выявило, что в собрании каталогизированы только рукописи архимандрита Антонина и несколько списков из личной коллекции А.Е.Крымского. Остальная часть, насчитывавшая около 50 единиц, хранилась в картонных папках в неразобранном состоянии, поэтому по мере описания им тут же присваивались инвентарные номера. Некоторые из рукописей оказались упомянутыми И.Ю.Крачковским[25], однако о большинстве списков научных сообщений не имеется. Они поступили в Киев уже после 1925 г.

Среди таких рукописей шесть списков Корана (№№ 1–5,7), четыре из которых дефектные (№№ 1, 2, 5, 7); одна рукопись выполнена аккуратным каллиграфическим насхом и помещена в миниатюрный переплет, украшенный разноцветным растительным орнаментом (№ 7). Список, содержащий полный текст Корана (№ 3) и в целом хорошо сохранившийся, поступил из частной коллекции русского нумизмата, первого заместителя председателя комиссии по разбору древних актов в Киеве барона Станислава Шодуара (1792–1858), еще один список (без первой суры) поступил из коллекции некоего Кауфмана (№ 4).

Несколько рукописей (XIX в. переписки) каноническо-юридического

содержания, выполненных небрежным насталиком на характерной самаркандской бумаге, происходят из Средней Азии и Дагестана. Всего таких меньше десятка (№№ 26, 44, 48, 63, 64); они, как правило, содержат по нескольку анонимных комментариев и извлечений (иногда до двадцати в сборнике) из сочинений, пользовавшихся популярностью в этом регионе. Преимущественно это произведения юридического и грамматического содержания. Некоторые из них остались незаконченными (№№ 63, 64).

Среди этой группы рукописей обнаружились и два списка, наиболее ранних для всего собрания.

Старейшая рукопись (№ 20) датирована 676/1278 г. Она содержит сочинение известного правоведа ханифитского толка ал-Паздави (1009–1082), состоящее из четырех разделов, объединенных под общим названием "Канз ал-вусӯл ʾилā маʿрифат ал-усӯл". Более ранний список этого сочинения, датированный 651/1253 г., известен только в Парижской национальной библиотеке[26]. Киевская рукопись, озаглавленная "Усӯл ал-Паздавӣ", объемом в 261 лист, сохранилась сравнительно неплохо, если не считать отдельных лакун. В специальном исследовании, несомненно, необходимо будет обратиться и к этому списку.

Другая старейшая рукопись собрания – "Китāб ал-муфаṣṣал". Она содержит текст хорошо известного в свое время учебника аз-Замахшари (1074–1144) по грамматике арабского языка. Киевский список изобилует записями на полях и отдельных вставках. Он выполнен в Хорасане в 702/1302 г. крупным насхом с полной огласовкой переписчиком по имени Муḥаммад ибн Кāфӣ ибн Муḥаммад. Запись на первом листе свидетельствует о том, что рукопись была приобретена за 15 рублей в какой-то частной коллекции.

Рукопись, принадлежавшая романовскому графу Генрику Ильинскому[27], содержит сочинение по фикху в стихотворной форме под названием "ал-Манзӯма фӣ-л-ḥилāфиййат". Оно составлено среднеазиатским богословом и правоведом ʿОмаром ибн Муḥаммадом ан-Насафӣ (ум. в 1142 г.). Текст переписан в 863/1459 г. Мӯсā ибн Мурāдом ибн ʿАмром Ḥасаном. Рукопись переплетена в форме блокнота.

Несколько более позднего происхождения (конца XV в.) список (№ 22), содержащий сочинение по фикху, озаглавленное "Дурар ал-ḥуккāм фӣ шарḥ гурар ал-аḥкāм". Его автор – Муḥаммад ибн Фарāмӯрз (Мулла Ḥусраў), по происхождению туркмен, был преподавателем в Адрианополе (Эдирне), затем кадием в Константинополе и других городах Османской Турции. В Бурсе им было основано медресе, где Фарамурз преподавал ряд дисциплин. Там, уже незадолго до смерти, последовавшей в 1480 г., в течение пяти лет (1473–1478) и было написано это сочинение. Киевская рукопись содержит 318 листов, писана каллиграфическим насталиком черными и красными чернилами.

О путях проникновения в ЦНБ некоторых рукописей судить довольно трудно. В отличие от традиционных собраний восточных рукописей, где поступление каждого списка тщательным образом регистрировалось, киевское собрание постигла менее завидная участь. Исследуя происхождение арабских рукописей библиотеки Харьковского университета, А.П. Ковалевский констатировал подобное явление, ограничившись указанием на предположительные связи между отдельными списками[28]. Что касается арабских рукописей в той их части, которая поступила в библиотеку до войны, то какие-то намеки на их происхождение следовало бы искать у А.Е.Крымского, хорошо знавшего фонды. Однако единственный выполненный им черновой набросок каталога восточных рукописей арабо-иранского кабинета УАН наводящих на след сведений не содержит. В этом плане косвенные данные мы находим у И.Ю.Крачковского[29], утверждавшего, что после рукописей А.Е.Крымского второе место в собрании арабо-иранского кабинета УАН занимает коллекция бывшего воспитанника факультета восточных языков Петербургского

университета А.В.Горячкина. Вместе с тем Л.Саломатшаева в сокращенном виде приводит[30] текст пяти писем (1922–1928) А.Е.Крымского В.В.Бартольду, из которых явствует, что в основу рукописного собрания кабинета помимо рукописей А.Е.Крымского легла коллекция гебраиста Израэльского, питомца того же факультета. Сейчас трудно восстановить, с каким из этих двух имен какие списки связаны; ясно одно, что своим пополнением киевское собрание арабских рукописей в какой-то мере обязано и петербургскому востоковедению.

Несколько рукописей происходят из Крыма и связаны с господством там с 1428 по 1798 г. мусульманской династии крымских ханов (Гирей-ханов)[31], полностью избавивших себя от зависимости Золотой Орды в начале XУ в. Рукописи эти преимущественно грамматического содержания – они явились результатом деятельности различных медресе.

В колофоне уже упоминавшегося грамматического комментария "Даў' ал-Мисбāх" 1118/1706 г. переписки (№ 39) говорится, что он закончен "во время Гази-Гирея /III/", что действительно совпадает с датой его правления – 1704–1707. Однако другая рукопись, содержащая текст грамматического сочинения "ал-Фава'ид ад-дийā'ийа би шарх ал-Кāфийа ли-бни-л-Хāджиб" известного персидского поэта ал-Джāмī (1414–1492), датирована 1223/1808 г. (№ 43), что не совпадает с другой записью об окончании ее переписки "во время Селим-Гирея".

Как и эти списки, так и отдельно встречающиеся в собрании листы и фрагменты аналогичного происхождения, нельзя рассматривать вне более обширной группы рукописей из того же региона. В этом плане необходимо прежде всего обратиться к группе рукописей, поступивших не так давно из собрания Бахчисарайского археологического музея в Ленинград в ГПБ им.М.Е.Салтыкова-Щедрина (ок. 150 ед.) и во Львов в Музей истории религии и атеизма (ок. 15 ед.). Правда, осуществить это можно будет только после завершения научного описания этих рукописей.

Вследствие получившей широкое распространение в трактатах восточных авторов комментаторской традиции, генеалогию некоторых сочинений проследить порой бывает довольно трудно. В собрании ЦНБ в этом смысле показателен сборник (№ 16) начала XIX в. (русская бумага, филиграни: ГБФ 1798–1799), содержащий:

1. Супракомментарий Рамадāна ибн Мухаммада ал-Ханафī под названием "Канз ал-фара'ид" на комментарий Са'даддīна ат-Тафтазāнī (ум. в 1389 г.) к сочинению 'Умара ибн Мухаммада ан-Насафī (ум. в 1142 г.) "ал-'Ака'ид ан-насафийа".

2. Глоссы Рамадāна ибн 'Абдулмухсина ал-Бихиштī ал-Вазīрī (ум. в 1671 г.) на супракомментарий Ахмада ибн ал-Хайāлī ал-Изникī (ум. после 1458 г.) к комментарию ат-Тафтазāнī на сочинение ан-Насафī "ал-'Ака'ид ан-насафийа". Рукопись эта переписана неким Абў Бакром 'Алī Эфендī и принадлежала 'Абд ар-Рахīму ал-Хāджī Эфендī.

Еще более разветвленная "родословная" сочинения по логике, содержащегося в рукописи, датированной 984/1576 г. (№ 51). Это глоссы Кара Да'ўда (ок. 1407 г.) на трактат ат-Тахтāнī (ум. в 1369 г.) "ат-Тасаввурāт ва-т-тасдикāт" и на супракомментарий к нему ал-Джурджāнī (ум. в 1413 г.), т.е. на сочинения, комментирующие трактат ал-Кāтибī (ум. в 1276 г.) "ар-Рисāла аш-шамсийа фī-л-кава'ид ал-мантикийа".

Несколько рукописей и фрагментов пополнили собрание ЦНБ за счет единичных поступлений:

– фрагмент из сочинения по фикху (№ 26), найденный в 1932 г. в Казахстане, в 180 км к северу от оз.Балхаш. Об этом свидетельствует прилагаемая запись Р.Н.Швыдкого;

– пособие по арабской каллиграфии (№ 50) на шестнадцати листах,

1849 г. Внутри находится визитная карточка, вероятно, бывшего его владельца: "Александр Іович Мураневич. Публицист-лектор. С.-Петербург-Киев;

- сборник (№ 19) хадисов, собранных ал-Харави, ал-Каланбави и др.;
- сборник (№ 18) хадисов, переписанный в 1055/1645 г. Мустафой ибн ал-Хасаном;
- недатированная рукопись (№ 61) на плотной восточной бумаге, в картонном переплете, содержащая два сочинения: 1) "Шарх абият ал-Муфассал"; 2) "Рисалат ал-Фарида фи ʿилм ал-мизан";
- фрагменты из рукописей на различную тематику (№ 9, всего около 15 листов).

Несколько позже других из архива Одесского общества истории и древностей перешла в собрание ЦНБ недатированная рукопись (№ 55), содержащая текст "Кафийат ал-алиф", представляющий собой часть из поэтического произведения "Сакт аз-занд" выдающегося сирийского поэта Абу-л-ʿАла' ал-Маʿарри (973-1057). Судя по имеющимся записям, рукопись ранее принадлежала преподавателю Новороссийского университета некоему Михаилу Волкову.

Собрание арабских рукописей ЦНБ АН УССР, насчитывающее свыше шестидесяти единиц хранения, является практически единственным в Киеве. Исключение составляют несколько рукописных фрагментов из Корана, сочинений по фармакологии и ботанике (всего не больше десятка), экспонируемых в Музее западного и восточного искусства. В фондах этого же музея хранится единственная арабская рукопись, содержащая сочинение мусульманского богослова ал-Джазули "Далаил ал-хайрат ва шавариқ ал-анвар фи зикр ас-салат ʿала-н-набийи-л-мухтар", известное в европейских собраниях[32]. Киевскую рукопись в 1215/1800 г. выполнил Мустафа ибн ал-Хамид ал-Искалаби ан-Накшбанди. В ней помещено несколько миниатюр, изящно выполненных разноцветными красками.

Таким образом, рукописный фонд ЦНБ АН УССР, объединивший в разные времена несколько других собраний, частных коллекций и различного рода единичных поступлений, в настоящее время по праву может рассматриваться и как какая-то часть общей сокровищницы арабских рукописей, заслуживающая, без всякого сомнения, более пристального изучения.

Ниже приводится сводный список арабских рукописей ЦНБ АН УССР согласно принятой классификации разделов знаний (коранические тексты, комментарии Корана, молитвы, христианские рукописи и т.д.) в хронологическом порядке внутри каждого раздела.

فهرست المخطوطات العربية
بالمكتبة العلمية المركزية لاكاديمية العلوم
الاكرانية (مدينة كييف)

ф.74, № 1 — القرآن الكريم

قطعة؛ تحتوى السور من «البقرة "حتى أرأيت» ؛ اواخر القرن السادس عشر؛ ٢٣٣ ورقة.

Ф.74, № 2 ايضا ٢

قطعة؛ تبتدئ من الكلمات : ....«تتجافى جنوبهم عن المضاجع يدعون....»
من سورة « الاسراء » حتى سورة « السجدة »؛ القرن الثامن عشر ؛ ٦٧ و .

Ф.74, № 3 ايضا ٣

النص الكامل ؛ سنة ١٧٩١ / ١٢٠٥ ؛ ٣٣٠ و .

Ф.74, № 4 ايضا ٤

النص الكامل ؛ سورة «الفاتحة» ناقصة ؛ القرن التاسع عشر؛ ٣٤٣ و .

Ф.74, № 5 ايضا ٥

اخر المخطوطة ناقص؛ القرن التاسع عشر.

Ф.74, № 6 ايضا ٦

حتى اخر سورة «الكافرون» ؛ القرن التاسع عشر؛ ٣٨٧ و.

Ф.74, № 7 ايضا ٧

النص الكامل ؛ اول الورقة ناقص؛ القرن التاسع عشر؛ ٣٩٦ و .

Ф.74, № 8 السور و الايات المختارة ٨

نسخة صغيرة؛ القرن التاسع عشر؛ اول المخطوطة ناقص؛ ١٤٩ و.

Ф.74, № 9 القطع من المخطوطات المختلفة ٩

١ . ورقة من القرآن بالخط المغربي ؛ ٢ . ورقتان من القرآن ؛
٣ . ورقة تحتوى الجملة التالية: « بسم الاب و الابن و الروح القدس
الاله الواحد امين » ؛ ٤ . مختصر فى الفقه ؛ ٥ . ورقة و نصف من مؤلف
نحوى.

[25718 انوار التنزيل و اسرار التأويل[33] ١٠

تآ عبد الله عمر البيضاوى؛ بخط حضر بن عمران ؛ ٩٨٢/١٥٧٤ ؛ ٤٠٠ و .

١١ ايضا I 25717, I 25716

تحت العنوان " تفسير القاضى " ؛ بخط عبد الرحمن سامى ؛ ١١٧٣/١٧٥٩ ؛ بمجلدين ؛ ٤٦٠ و ٤٢٠ و .

١٢ ايضا ф.74, № 10

تحت العنوان المذكور ؛ بخط عبد المبارك بن احمد افندى بن محمد اغى ؛ يفسّر القرآن من سورة " يس " ؛ ١٣٣٨/١٨٣٣ ؛ ٢٠٠ و .

١٣ [الصلوات و ايات القرآن المختارة] ф.74, № 11

مع القصة الصغيرة (٤ صحفات) بالتركية عن انبياء الاسلام ؛ ٤٠ و ؛ اول المخطوطة: " بسم الله الرحمن الرحيم اللهم انت السلام و منك السلام و اليك يعود السلام..." .

١٤ شرح مصابيح[34] ф.74, № 12

شرح مؤلف مجهول على " ك المصابيح فى السنة " لابى محمد الحسين بن المسعود البغوى؛ بخط على بن بانى ؛ ٨٥٠/١٤٤٦؛ ١٩٦ و؛

اول المخطوطة :"بسملة الصمد الله ومنه استرفد و حسن توفيقه استنجد...

المقدمة الاولى فى بيان طرقه

المقدمة الثانية فى بيان هذا الفن من العلم على سائر الفنون

المقدمة الثالثة فى بيان تناسب الكتاب و السنة

المقدمة الرابعة فى بيان انواع الاحاديث..." والخ ؛ اخر المخطوطة: " ... تمت بعون الله و حسن توفيقه وصلى الله على سيدنا محمد و اله ... " .

١٥ شرح المصابيح[35] ф.74, № 13

تآ محمد القرباغى على الكتاب المذكور ؛ ٤٨ و .

١٦ [مجموعة][36] ф.74, № 14

١ . كنز الفوائد (حاشية رمضان بن محمد الحنفى على شرح سعد الدين التفتزانى على العقائد النسفية لعمر بن محمد النسفى) ؛ ب. حاشية رمضان بن عبـــد

المحسن البهشتى الوزيرى على حاشية احمد بن موسى الخيالى الازنيقى على الشرح المذكور لسعد الدين التفتزانى ؛ بخط ابى بكر على افندى؛ اوائل القرن التاسع عشر؛ ١١٠ و .

١٧ [المجاز فى الاثبات] ф.74, № 15

١٨٨ و ؛ اول واخر المخطوطة ناقصان ؛ يبتدئ النص من الكلمات : " ... اى و هو غير مختص بالخير ... " .

١٨ [ك الاحاديث] ф.74, № 16

بخط مصطفى بن الحسن ؛ ١٦٤٥ / ١٠٥٥ ؛ ٦٢ و ؛ اول المخطوطة ناقص؛ يبتدئ النص من الكلمات : " ... وهى قوله تعالى ان الله يامركم ان تؤدوا ... " .

١٩ [مجموعة فى الاحاديث][37] ф.74, № 17

تآ على بن سلطان محمد القارى الهروى و الكلنبوى و غيرهما؛ ١٢١٩/١٨٠٤ ؛ ٣٤٩ و .

٢٠ كنز الوصول الى معرفة الاصول[38] ф.74, № 18

العنوان فى المخطوطة " اصول البزدوى" ؛ تآ ابى الحسن على بن محمد البزدوى فخرالاسلام ؛ بخط الحسن بن محمد محسار السلى البخارى المتوطن بلده اصفهان ؛ ١٢٧٨ /٦٧٦ ؛ ٣٦١ و ؛ عدة اوراق ناقصة .

٢١ المنظومة فى الخلافيات[39] ф.74, № 19

تآ عمر بن محمد النسفى ؛ بخط موسى بن عمر حسن ؛ ٨٦٣/١٤٥٩ ؛ ٩٨ و .

٢٢ درر الحكام فى شرح غرر الاحكام[40] ф.74, № 20

تآ محمد بن فرامورز منلا خسرو ٣١٨ و .

٣٣ [كتاب الصلوة] ф.74, № 21

من بين ابوابه : " باب صلوة الجمعة، باب صلوة العيدين ، باب صلوة الكسوف " والخ ؛ اول و اخر المخطوطة ناقصان .

٢٤ [كتاب فى الفقه] ф.74, № 22

١٠٦٦/١٦٥٦ ؛ ٣٦١ و ؛ اول المخطوطة : " بسملة كتاب الطهارة و انى وحدكا و بى الطهارة ..." .

٢٥ [كتاب فى الفقه] ф.74, № 23

قطعة غير كاملة ؛ تحتوى بعض ابواب كتابى الصوم والصلوة .

٣٦ [كتاب فى الفقه] ф.74, № 24

قطعة غير كاملة ؛ تحتوى الكتب من الوكالة حتى الشركة ؛ وجد فى جمهورية كزاخستان فى سنة ١٩٣٢ ؛ ٥٩ و .

٣٧ ك الرسائل[41] 28П (0.8.9.)

كتب فى اورشليم فى سنة ١٧٧٣ مسيحية ؛ ٢٢١ و ؛ اول المخطوطة ناقص.

٣٨ ك السواعى او ك اورلوجيون الصلوة[42] 338 П (0.8.11.)

تآكرمى الحموى؛ بخط حنا بزّى قسيس المكنا لزعر من مدينة لد المقاربة لاورشليم؛ ١٧٥٣ مسيحية ؛ ١٨٦ و .

٣٩ ايضا[43] 339 П (0.8.9.)

٣٨٣ و ؛ اول المخطوطة ناقص والاوراقه الثلاثة الاولى كانت مكتوبة من جديد بخط حنا و سليمان فراج فى ١٧ آب سنة ١٨١٤ مسيحية .

٣٠ اقتوخس[44] 353 П (0.8.10.)

بخط الخورى ميخاييل متى اللدى المستكن يوميذ بمدينة نابلس؛ ١٧٥٧ ؛ ١٥٩ و.

٣١ [خدمة القدسين][45] 640 П (муз. № 122)

عبارة عن افاشين الصلوات حسب الظروف والاوقات المختلفة؛ القرن الثامن عشر ؛ ٨٢ و ؛ عدة اوراق ناقصة .

٣٢ ايضا[46] 640 П (муз. № 122)

القرن الثامن عشر ؛ ٩٦ و ؛ اول و اخر المخطوطة ناقصان كما لا توجد عدة اوراق فى وسط المخطوطة .

٣٣ [خدمة القداس و الرسائل و الانجيل] Ф.74, № 25

القرن الثامن عشر ؛ ٧١ و ؛ اول المخطوطة : " بسم الاب والابن والروح القدس نبتدئ بعون الله وحسن توفيقه نكتب اوزان و قوانين ... " ؛ اخر المخطوطة : " ... هذا تمام خدمة القديسين الذين لاسما لهم تممنا اللهم نعمتكم يا اب الرافة واله كله غزا و صلاح ... " .

٣٤ [سر التوبة و الاعتراف] Ф.74, № 26

بخط لياس يوسف جبان ؛ نسخة سنة ١٨٦١ من نسخة سنة ١٧١١ ؛ ٣٦ و ؛ اول المخطوطة ناقص ؛ " القسم الاول فى التوبة على الاطلاق ؛ القسم الثانى فى التوبة الكاملة و هى الاعتراف السرى ؛ القسم الثالث فيما يلزم معلم الاعتراف " و الخ .

٣٥ ك المفصل[47] Ф.74, № 27

تآ ابى القاسم محمود بن عمر الزمخشرى ؛ بخط بن كافي بن محمد الخرسانى ؛ ١٣٠٣/ ٧٠٢ ؛ ١٣٣ و .

٣٦ شرح المفتاح[48] Ф. 74, № 28

(اى كتاب مفتاح العلوم تآ سراج الدين ابو يعقوب يوسف بن ابى بكر بن محمد بن على السكاكى) لمؤلف مجهول ؛ ٦٩ و ؛ عدة اوراق ناقصة كما لا يوجد اول المخطوطة ؛ يبتدئ النص من الكلمات : " ... عن مدلول واحد جاز قبرا لتذكير ... " اخر المخطوطة : " ... و قد وقع الفراغ من جمع هذه الفوائد و نظم هذه الفرائد و ضبط ما امتحمت له موارد ... " .

٣٧ ك المصباح فى النحو[49] Ф. 74, № 29

تآ ابى الفتح ناصر بن عبد السيد المطرزى ؛ القرن الثامن عشر ؛ ٦٩ و ؛ عدة اوراق ناقصة .

ф.74, № 30 ضوء المصباح[50] ٣٨

شرح الكتاب المذكور لتاج الدين محمد بن محمد بن احمد الاسفرائنى ؛ بخط مصطفى بن الحاجى حسين ؛ ١٦٦٧ / ١٠٧٨ ؛ ١٥٨ و ٠

ф.74, № 31 ايضا ٣٩

بخط محمد بن يوسف بن محمد؛ ١١١٨/١٧٠٦ ؛ ١٥٨ و ٠

ф.74, № 32 ك الافتتاح[51] ٤٠

شرح المصباح المذكور ايضا لحسن پاشا بن علاء الدين الأسود؛ ١٠٨ و ؛ اخر المخطوطة ناقص٠

ф.74, № 33 ايضا ٤١

١٠٨٢/١٦٧٢ ؛ ٨٤ و ؛ اول المخطوطة ناقص٠

ф.74, № 34 الافصاح[52] ٤٢

مختصر فى اعراب سورة الفاتحة و كتاب الكافية و الخ ؛ بخط عبد السلام المؤذن حاجى احمد؛ ١٦٩٤ / ١١٠٦ ؛ ٣٣٦ و ٠

ф.74, № 35 الفوائد الضيائية بشرح الكافية لابن الحاجب[53] ٤٣

تآ عبد الرحمن بن احمد الجامى النقشبندى قوام الدين ؛ بخط چلبى بن منلا عثمان ؛ ١٨٠٨ /١٢٣٣ ؛ ١٧٩ و ٠

ф.74, № 36 مختصر ٤٤

من القسم الثالث (علم المعانى و البيان) من ك مفتاح العلوم للسكاكى والفوائد الضيائيةالمذكورة و الرسالة الشمسية فى القواعد المنطقية لنجم الدين احمد بن عمر القزوينى الكاتبى و الخ ؛ ١٣٣١/١٨١٦ ؛ ٣٤٢ و ؛ المخطوطة من مناطق آسيا الوسطى للاتحاد السوفياتى ؛اول و اخر المخطوطة ناقصان٠

I 25707 تلخيص المفتاح[54] ٤٥

(اى ك المفتاح المذكور) ؛ تآ جلال الدين محمد بن عبد الرحمن القزوينى خطيب دمشقى ؛ بخط يوسف بن يعقوب بن اسحاق بن ابراهيم؛ ٧٤٨/١٣٤٧ ؛ ٣٣٧ و ٠

٤٦ الحواشي عليه ф.74, № 37

لعبد الله سمع ؛ بخط محمد بن الحسن بن الحاج ابراهيم بن الحاج الوسوى؛ ١١١٧/١٧٠٥؛ ٩٥ و ٠

٤٧ الحواشي عليه ايضا ф.74, № 38

لمؤلف مجهول ؛ بخط نعمان بن على الاخسنحوى؛ ١٣٦٨/١٨٥٢ ؛ ٥٦ و ؛ اول المخطوطة ناقص؛ يبتدئ النص من الكلمات : " ... بهذا المعنى لايوجد فى المجاز؛.. " ؛ اخر المخطوطة : " ... تمت هذه الرسالة المقبولة المرغوبة عند ذوى الاحترام و هم المميزون بين الانام بحث الامتحان الله الملك المنام المنام..." .

٤٨ [مجموعة فى النحو] ф.74, № 39

بالعربية و الفرسية ؛ ٨٣ و ؛ اول المخطوطة : " بسملة الحمد لله رب العالمين و الصلوة و السلام على نبيه محمد و آله و اصحابه الطاهرين و بعد فيقول العبد الضعيف المستعين الى الملك القدير عبد الرحمن ابن محمود الاسفرى... لما رايت الحاشية لفاضل المعروف المشهور..." ؛ المخطوطة من مناطق آسيا الوسطى للاتحاد السوفياتى .

٤٩ القاموس الايطالى العربى[55] ф.74, № 40

مع القصة الصغيرة فى النحو العربى ؛ تآ اوربى مجهول؛ اوائل القرن التاسع عشر ؛ ٢١٦ و ٠

٥٠ [ك فى الابجدية العربية] ф.74, № 41

عبارة عن التمارين فى الكتابة العربية ؛ ١٨٤٩؛ ١٦ و ٠

٥١ حاشية داؤود على التصورات ф.74, № 42

والتصديقات لقطب الدين و على السيد الشريف عليها فى علم المنطق[56]؛ اى حاشية قرى داؤود على رسالة التصورات والتصديقات (تآ قطب الدين محمد الرازى التحتانى) و على الحاشية عليها لعلى بن محمد الجرجانى السيد الشريف و ذلك على الرسالة الشمسية فى القواعد المنطقية تآ نجم الدين احمد بن عمر القزينى الكاتبى ؛ ٩٨٤/١٥٧٦؛ ١٢١ و٠

٥٢ حاشية ф.74, № 43

محيى الدين الحاجى على شرح حسام الدين الحسن الكاتى لكتاب الايساغوجى لاثيرالدين محمد بن عمر الابهرى[57] ؛ ١٨٣٦/١٢٤١؛ ١١٦ و٠

٥٣ رسالة فى فن المناظرة[58] ф.74, № 44

تآ مجمد ساچقلى زاده و غيره (البهشتى ؛ الدوانى)فيها و فى علم المنطق؛ بخط منكلى على بن قرت محمد بن حراوم؛ ١٧٤٤/١١٥٧؛ ٦٥ و٠

٥٤ ك الاوراق فى اخبار آل عباسى و اشعارهم[59] ф.74, № 45

تآ ابى بكر محمد بن يحيى الصولى ؛ القطعة التى نسخها فوزى ابراهيم الخورى من نسخة الكتبخانه الخديوية المصرية (رقم المخطوطة ٥٩٤؛ القسم التاريخى) ؛ اوائل القرن العشرين ؛٤٧ و٠

٥٥ قافية الالف[60] ф.V

قطعة من « سقط الزند» لابى العلاء المعرّى؛ اواخر القرن التاسع عشر ؛ ١٦ و ٠

٥٦ الشقائق النعمانية[61] ф.74, № 46

تآ ابى الخير احمد بن مصلح الدين مصطفى طاشكپرىزاده حسام الدين ؛ بخط عبدالله بن ابراهيم٠ ١٦١٨/١٠٣٧ ؛ ٢٣٧ و٠

٥٧ مختصر تاريخ الاساقفة I 25709

الذين رقوا مرتبة كرسى رياسة الكهنوت الجليلة فى مدينة بيروت و ذلك من سنة ١٥٣٢ مسيحية فقط[62] ؛ تآ جليل نعمة الله فياض؛ بخط سليم شهادة؛ اواخر القرن التاسع عشر ؛ ١٦٥ و ٠

٥٨ [تاريخ طائفة السامرة] ф.74, № 47

بخط فوزى ابراهيم الخورى؛ ١٨٩٩ ؛ ١٣١ و ؛ اول المخطوطة: « بسملة الباب الاول فى اصل طائفة السامرة و من اى اسباط هم من اسباط اسرائيل واسباب انشقاقهم عن طائفة اليهود و باى سبب تفرقوا و انحازوا و كمية عددهم »... « الباب الثانى فى اعتقاد طائفة السامرة فى القبلة لجهة هريزيم

على حسب نصوص التورة المقدسة و اثبات ان هذا الجبل هو المحل المختار وانه بيت الله و عليه قاحت السكينة فى حرة السيد يوشع ابن نون عليه السلام...

الباب الثالث فى كيفية حفظ السبت عند طائفة السامرة؛

الباب الرابع فى الختانة و وجوب شرايطها واحكامها؛

الباب الخامس فى استهلال الاهله عند طائفة السامرة و طريقة الحال و معرفتها و الذى يعتمدوا عليه بها ثم ذكر اعيادهم و ما تعبدون فيها و ذكر قربان الفسح و وجود به و فعله و صومهم و حجهم و مناسكهم و بينهم و بين طائفة اليهود محلافهم كما سياتى؛

الباب السادس فى احكام النجاسات و انواعها و طريقة الطهر منها الجارى عليه عندهم...

الباب السابع فى ذكر ما عليه طائفة السامرة من احكام الذبيح و شروطه و الذى يجوزهم اكله من انواع البهايم و الذى لا يجوز كذا من انواع الطيور و الذى يحرم عليهم من النوعين و الذى يرفعوا من كل ذبحة و لا يجوز لهم اكله...

الباب الثامن فى ذكر سنة الزواج المتعامل و جارى عليه الحال بين هذه الطائفة و الذى يجوز زواجها من النساء و الذى لا يجوز ...

الباب التاسع فى اثبات عدم النسخ عند طائفة السامرة وان التورة الشريفة الذى بايديهم لايوجد بها ناسخ و منسوخ و انها ما بدت الوجوب غير منسوخ مدى الدهور

الباب العاشر فى حكم الميت عند طائفة السامرة و الاحكام الواجبة له و منه و اعتقادهم فى يوم المعاد...» ؛ اخر المخطوطة: « ... و ماهى من عقابه و هو اللطيف الخبير و الغفور الرحيم و هو حسنا و الوكيل امين اللهم امين » .

٥٩ تعبيرنامه I 25710

تآ ابن سيرين؛ بخط سبحان بن بك؛ ١٠٢٩/١٦٢٠ ؛ ١٧٤ و؛ اول المخطوطة ناقص .

٦٠ شمس المعارف و لطائف العوارف[63] ДА 810Л

العنوان فى المخطوطة « شمس المعارف الكبرى »[64]؛ الجزء الاول؛ تآ احمد يوسف البونى؛ بخط عبد العزيز بن مصطفى موسى الحتمى؛ ١٣٤٧/١٨٤٢ و ٣٥٨ و .

٦١ شرح ابيات المفصل ф.74, № 48

و رسالة الفريدة فى علم الميزان ؛ ٧٢ و ؛ اول المخطوطة: " بسملة الحمد لله الذى فضل الانسان بفضلية البيان و شرف النطق و فصان اللسان... " اول رسالة الفريدة : " بسملة ثم بالخير و الله اعلم اما بعد حمد الله الذى عمت فواضل كرمه ... فهذه رسالة فى ذكر قوانين تعرف بها صحة الحج و فسادها"...؛ وآخرها: " ... والسكون عدم الحركة عفا من شانه ان يتحرك و الله اعلم الوهاب" .

٦٢ [مجموعة] ф.74, № 49

تحتوى: أ . حاشية محمد افندى الكفوى على الحسينية فى علم الآداب[65]؛ بخط محيى الدين النقشبندى؛ ١١٨٠/١٧٦٦ ؛ ب . المؤلّف المشروح ؛ ١١٤١/١٧٢٩ ؛٩٣ و ؛ المؤلّف الاول لا يوجد لديه اوله .

٦٣ مجموعة ф.74, № 50

تحتوى اكثر من عشرة مؤلفات و من بينها مختصر من الكافية لابن الحاجب والرسالة الشمسية فى القواعد المنطقية تآ نجم الدين احمد بن عمر القزينى الكاتى و حاشية الجرجانى عليها و غيرها من المؤلفات فى النحو والفقه والمنطق و هى لنسّاخ مجهولين من مناطق آسيا الوسطى للاتحاد السوفياتى؛ ١٢٦٥/١٨٤٩ ؛ ٢٠٧ و .

٦٤ مجموعة ф.74, № 51

تحتوى شرح الكشاف فى حقائق التنزيل (تآ ابى القاسم محمود بن عمر الزمخشرى) لمحمد بن محمد الرازى التحتانى و شرح الكافية لمؤلف مجهول و غيرها من المؤلفات ؛ ١٢٩٢/١٨٧٥ ؛ ٣٧٩ و؛ المخطوطة من مناطق آسيا الوسطى الاتحاد السوفياتى .

Примечания

[1] Исключение, пожалуй, составляют: И. Ю. Крачковский. Отчет о командировке в Киев летом 1925 года. – "Известия АН", сер. 6, М., 1925; А. П. Ковалевский. Описание восточных рукописей Центральной библиотеки Харьковского государственного университета. – "Библиография Востока". Вып.7 (1934), Л., 1935, с.93–115.

[2] Миссия была основана после того, как к отправленному в 1843 г. на "святую" землю ученому архимандриту Порфирию Успенскому было придано несколько помощников. Миссия действовала в тесном контакте с политическим генеральным российским консульством в Бейруте. На должности ее настоятеля А.Капустин явился преемником архимандрита Порфирия (см. об этом: А. Е. Крымский. История новой арабской литературы. М., 1971, с.293–319).

[3] О нем см.: "Записки Императорского Одесского общества истории и древностей." Некролог. Т.XVIII, ч.III, Одесса, 1895, с.10.

[4] См.: Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. Т.1, с.629–635 (ст. В.Г.Василевского).

[5] См. список сочинений А.Капустина (всего 105 названий): "Труды Киевской духовной академии". Декабрь, 1894, с.638–648.

[6] О нем упоминает А.Е.Крымский в "Истории новой арабской литературы" (с.306, 313, 317). В пожилые годы Ф.Сарруф преподавал арабский разговорный язык на Восточном факультете Петербургского университета.

[7] Дидаскал (греч. διδάσκαλος) – учитель в Древней Греции и Византии. Дидаскалами нередко именовались также учителя в братских школах Украины и Юго-Западной Руси и греко-латинских школах Русского государства XVII в.

[8] См.: "Советское славяноведение", 1972, № 2, с.82–83.

[9] Коллекция Антонина кроме арабских насчитывала также немало еврейских, эфиопских, армянских, греческих и славянских рукописей (см.: "Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1899 г.". СПб., 1903, с.6). В ЦНБ АН УССР также имеется несколько рукописей на других (преимущественно греческом) языках, принадлежавших ранее А.Капустину.

[10] Н. И. Петров. Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев. Вып.1, 1875; вып.II, 1877; вып.III, 1879, № 640; И. Ю. Крачковский. Отчет . . . , с.95.

[11] В. В. Лебедев в работе "Поздний среднеарабский язык (XIII–XVIII вв.)" (М., 1977) отмечает, что в городских говорах почти всех средневековых арабских диалектов согласные т и з уступают место смычным т и д (с.24), чередование же с–ш более характерно для еврейско-арабских диалектов Магриба. Вместе с тем автор регистрирует его (с.30) и в ленинградском списке йеменского кодекса из собрания Антонина.

[12] См., например: С. И. Маслов. Обзор рукописей библиотеки Императорского университета им.Св. Владимира. Киев, 1910; В. Березин. Описание рукописей Почаевской Лавры, хранящихся в библиотеке музея при Киевской духовной академии. Киев, 1881; Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в г.Киеве: а. Собрание рукописей Московского митрополита Макария (Булгакова), Мелетского монастыря на Волыни, Киево-Братского монастыря и Киевской духовной академии. Ч.I. М., 1891; б. Собрание рукописей Киево-Печерской Лавры, Киевских монастырей Златоверхо-Никольского, женского Фроловского и Десятинной церкви, Ч.II, М., 1896; в. Библиотека Киево-Софиевского собора. Ч.III, М., 1904, и ряд др.

[13] См.: И. Ю. Крачковский. Отчет . . . , с.94.

[14] Прежде всего, в основанном весной 1918 г. для учебных целей Институте восточных языков (позже Институт для внешних сношений).

[15] И. Ю. Крачковский. Отчет . . . , с.90.

[16] I 25259 (рукописный отдел ЦНБ АН УССР).

[17] О киевском списке см. подробнее: И. Ю. Крачковский. Отчет . . . , с.96-97.

[18] См.: А. Е. Крымский. Абан Лахыкый, манихействующий поэт. – 1) "Древности восточные". Т.4. М., 1913, с.49 и сл.; 2) Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом восточных языков". Вып. 37. М., 1913.

[19] А. Е. Крымский. Из рукописной бейрутской церковной летописи XУ1-XУIII в. – "Древности восточные". Т.III, вып. 1, М., 1907, с.1-89.

[20] См.: Mélanges de la Faculté Orientale de l'Université St. Josef. Vol. VI-VII. Beirouth, 1923.

[21] И. Ю. Крачковский. Отчет . . . , с. 92.

[22] О нем см.: М. М. Махаринский. Т.Г.Кезма. – "Советское востоковедение", 1958, № 4.

[23] Самаритяне – этническая группа, переселившаяся из Вавилона, Куты, Аввы и других мест в столицу Израильского царства Самарию после ее падения (722 г. до н.э.). Впоследствии эти переселенцы смешались с местным населением и стали называться самаритянами, т.е. жителями Самарии. Со временем самаритяне сгруппировались в самостоятельную общину с политическим и духовным центром в г. Наблусе. К настоящему времени община насчитывает несколько сот человек, разговаривающих на арабском языке в Наблусе и на иврите – в Холоне. (Л.Х. Вильскер. Самаритянский язык. М., 1974, с.8-11).

[24] См.: Lexicon bibliograficum et encyclopaedicum a Mustafa ben Abdyllah Katib Jelebi dicto e nomine Haji Chalfa celebrato compositum edidit... G. Flügel, I-VII, Leipzig–London, 1835-1858, V, 12.

[25] См.: И. Ю. Крачковский. Отчет . . .

[26] M. Guckin de Slane. Catalogue des manuscrits arabes de la Bibliothèque Nationale. P, 1883-1895, c. 178-179, No. 836.

[27] Один из отпрысков знатного княжеского рода Ильинских, живший в XIX в. Ильинские, ведущие свое начало с XIУ в., владели поместьями в Киевской и Волынской губерниях. В городе Романове Белоцерковского староства Киевской губернии представители рода поселились в конце XУШ в. Там они возвели роскошный дворец, куда приглашались видные артисты, музыканты, писатели.

Рукопись Генрику могла достаться от принадлежавшего к роду Ильинских Искандер-бея (погиб в 1861 г.), легендарного героя турецкой армии, побывавшего во многих восточных странах (см.: Encyclopedyia powszechna. Warszawa, t. V, 1883, c. 374, 425; t. IX, 1884, c. 99; t. X, 1884, c. 127).

[28] А. П. Ковалевский. Описание восточных рукописей Центральной библиотеки Харьковского государственного университета. – "Библиография Востока". Вып.7, Л., 1935, с.93-115.

[29] И. Ю. Крачковский. Отчет . . . , с.90.

[30] Л. Саломатшаева. Востоковедение на Украине в 20-30-е годы XX в. по письмам А.Е.Крымского В.В.Бартольду. – "Известия Таджикской АН". Серия общественных наук. № 2 (72), 1973, с.104-106.

[31] К. Э. Босворт. Мусульманские династии. М., 1971.

32 Помимо "Истории арабской литературы" К.Брокельмана (II, 252) см., например Petraček. Arabische, Türkische und Persische Handschriften der Universitätbibliotek zu Bratislava. Bratislava, 1961; № 188. Таблицы II,III в конце книги содержат цветные фото миниатюр из идентичной рукописи. Таблица I воспроизводит унван рукописи.

33 C. Brockelmann. Geschichte der arabischen Litteratur. Bd I-II. Weimar, 1898; Berlin, 1902 (GAL I, II); Supplementbänden, I-III, Leiden, 1937-1942; GAL I, 416-417.

34 GAL I, 363-364; SB I, 620; Ю. Ю. Крачковский. Отчет . . . , с.92.

35 GAL I, 363-364, N 61; SB I, 620.

36 GAL I, 427, 428; SB I, 758-759.

37 SB II, 394-398.

38 M. Guckin de Slane. Catalogue ..., c. 178-179, No 836; W. Ahlwardt. Verzeichnis der arabischen Handschriften der königlichen Bibliotek zu Berlin. Bd I-X. B., 1887-1899 (AHLW I-X); AHLW IV, c. 7-8, No 4369; К. Г. Залеман, В. Р. Розен. Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей библиотеки Санкт-Петербургского университета. СПб., 1888, с.16, № 710.

39 AHLW NoNo 4854, 4755; GAL I, 428, II; SB I, 761-762.

40 AHLW IV, 246, No 4797; GAL II, 226.

41 Н. И. Петров. Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Вып. I, II, III. Киев, 1875-1879 (Петров), № 28.

42 Там же, № 338.

43 Там же, № 339.

44 Там же, № 353.

45 Там же, № 640.

46 Там же.

47 GAL I, 289-291.

48 Там же, 294.

49 Там же, 293; И. Ю. Крачковский. Отчет..., с. 92.

50 Там же.

51 AHLW VI, 48, NoNo 6538, 6539; GAL I, 293.

52 См. примеч.24; И. Ю. Крачковский. Отчет..., с. 92.

53 GAL I, 303, No 8, 1, 13; II, 207, No 8, 11; SB II, 533.

54 GAL U, 294-295.

55 И. Ю. Крачковский. Отчет..., с. 93.

56 GAL I, 466; SB I, 845.

57 AHLW IV, NoNo 5234, 5235; GAL I, 464-465, No 23; SB I, 842.

58 GAL II, 370; И. Ю. Крачковский. Отчет..., с.92.

59 См. примеч. 18; GAL I, 143; И. Ю. Крачковский. Отчет . . ., с.90.

60 GAL I, 254-255, 1.

61 GAL II, 425; И. Ю. Крачковский. Отчет . . ., с.97.

62 А. Е. Крымский. Из рукописной бейрутской церковной летописи XУ1-XУ!II вв. – "Древности восточные". Т.III, вып.1. М., 1907, с.1-89; И. Ю. Крачковский. Отчет . . . , с.92.

63 AHLW No 4125; GAL I, 497.

64 А. Л е б е д е в. Рукописи Церковно-археологического музея Императорской Киевской духовной академии. Т.I. Саратов, 1916, с.409, № 810; И. Ю. К р а ч к о в с к и й. Отчет . . . , с.95.

65 SB II, 482.

В. С. Фотиева

ПЕВЦЫ ОМЕЙЯДСКОГО ПЕРИОДА

Трудно представить себе народ без песни, тем более такой народ, как арабы с их древней поэтической традицией. Стихи и песня с самого начала своего возникновения связаны между собой неразрывно, и недаром в арабском языке глагол "аншада" означает и "декламировать" и "петь", а существительное "нашīд" имеет значения и "декламация", и "поэма", и "песня", и "гимн". Вместе с тем в "Китāб ал-агāнī" ("Книга песен") Абӯ-л-Фараджа ал-Исбахāнī (897-967) мы встречаем такие замечания: "Такой-то был первым, кто пел" или "Такой-то был первым, кто пел по-арабски". Второе замечание, на наш взгляд, равносильно первому, так как если араб не поет по-арабски, это значит, что он вообще не поет. Как же понять такие замечания и можно ли вообще установить, кто в народе впервые запел?

Мы знаем, что кочевники-бедуины издавна привыкли подгонять своих верблюдов пением. Что представляла собой эта песня погонщика верблюдов ("хидā'")? Так как песня была связана с мерным ходом верблюда, можно с уверенностью сказать, что она имела ритм, медленный или быстрый - это зависело от желания или потребности погонщика. Но имела ли она какую-нибудь определенную мелодию, какое-нибудь определенное содержание? Едва ли. Скорее всего это была импровизация и в том и в другом смысле.

Известной разновидностью "хидā'" была песня всадника, едущего ночью на верблюде и старающегося подбодрить пением и ласковыми словами уставшее животное ("рукбāнī", от слова "рукбāн", что значит "всадники", "верховые", или "нашīд"). Затем, стихи, и не только в древности, но и в более позднее время, читались нараспев. Такая декламация нараспев называлась "иншāд".

Наконец, у арабов, как и у других народов, была еще так называемая "трудовая песня", представлявшая, вероятно, не столько песню, сколько речитатив, подобный тем речитативам, которые и сейчас можно услыхать на арабском Востоке. Обычно они исполняются на два голоса - высоким и низким. Содержание таких речитативов большей частью не имеет ничего общего с исполняемой работой и вообще с какой-либо работой. Главное здесь - это четкий р и т м, который помогает тому, чтобы работа спорилась.

Итак, песня погонщика верблюдов ("хидā'"), песня ночного всадника ("рукбāнī" или "нашīд"), декламация нараспев ("иншāд") и трудовая песня-речитатив - формы древних песен арабов. Можно ли это назвать пением? И да и нет. Арабы пели, но у них еще не было сложившихся песен, так как еще не было оформившихся мелодий. Тем более у них не было профессиональных певцов, хотя несомненно были люди, обладавшие и чувством ритма, и музыкальным слухом, и певческим голосом. Как же и когда появились у арабов настоящие песни, как и когда они научились по-настоящему, профессионально петь?

В "Книге песен", в главе, посвященной ʿАласу Зӯ джадану, мы читаем: "Он был одним из царей Химйара, и ему было дано прозвище "Зӯ джадан" из-за красоты его голоса. "Джадан" означает "голос" на их языке[1], и говорят,

что он был первым, кто пел в Йемене". Затем в той же главе говорится, что в дни правления омейядского халифа Марвāна ибн ал-Ḥакама (684–685) была открыта в Сана гробница Зӯ джадана. Очевидец рассказывает: "И вот перед нами на ложе человек огромного роста. На нем золотой перстень и золотой венец, а у изголовья – золотая скрижаль, на которой [в рифмованной прозе] написано:

أنا علس ذو جدن القيل
لخليلي منى النيل
و لعدوى منّى الويل
طلبت فادركت
وأنا ابن مائة سنة من عمرى
و كانت الوحش تاذن لصوتى
و هذا سيفى ذوالكف عندى
و درعى ذوات الفروج و رمحى الهزبرى
و قوسى الفجواء و قرنى ذات الشر
فيها ثلاث مائة حشر
من صنعة ذى نمر
أعددت ذلك لدفع الموت عنى
فخاننى

что означает:

Я ʿАлас Зӯ джадан, царь.
Моему другу от меня – милость,
А моему врагу от меня – горе.
Я искал – и добивался.
Я прожил сто лет,
И дикие звери внимали моему голосу.
А это – мой меч, обладатель моего удара,
Моя кольчуга, обладательница ячеек, мое львиное копье,
Мой лук с далеко отстоящими один от другого концами
и мой колчан, обладатель зла.

В нем триста тонких стрел
Искусной работы Зӯ нимра.
Я приготовил это, чтобы отразить от себя смерть,
Но она меня обошла".

И далее рассказчик продолжает: "И вот длина этого меча – двенадцать пядей, а под его рукояткой написано муснадом[2]: "В течение всей жизни я был в его руке, но он не победил"[3].

Как научился петь этот арабский Орфей и был ли он действительно первым, кто пел в Йемене? Йемен – страна древней оседлой культуры, и едва ли было бы правильным связывать появление здесь пения со сторонним влиянием, тем более что Зӯ джадан ал-Ḥимйарӣ, последний тубба[4], жил задолго до прихода в

Йемен персов, с которыми арабы обычно связывают появление у них пения. Едва ли было бы также правильным считать ʿАласа Зӯ джадана первым певцом в Йемене: если уж появился Зӯ джадан, это значило, что и до него и после него в народе были певцы, пусть менее выдающиеся, но они несомненно были.

Зӯ джадан был не только певцом, он был также композитором и поэтом и пел свои стихи, положенные на собственные мелодии. "Книга песен" нам даже сохранила некоторые его песни. Так, в главе о певце Ṭувайсе приводится одна из песен Зӯ джадана, пользовавшаяся в Медине большой популярностью не только в омейядский период, но и в аббасидский. Вот она:

(1) Что с твоими домочадцами, Рабāб? –
Смотрят они исподлобья, словно сердятся.
(2) Когда я навещаю твоих родственников,
Они грозятся, и рычат перед ними собаки. (Ar., IV, с. 38)

В "Книге песен" не дается ни название мелодии этой песни, ни способ ее исполнения, но наше внимание привлекает ее стихотворный размер – четырехстопный наращенный "кāмил":

мутафāʿилун (или мустафʿилун), мутафāʿилун
мутафāʿилун , мутафāʿилāтун

Интересно здесь то, что такую разновидность "кāмила" у северных арабов мы встречаем не ранее омейядского периода. Однако это уже больше относится к истории развития арабской метрики.

Если обратиться к стихам доисламских поэтов-кочевников, то самое раннее упоминание о певицах мы находим у Имру-л-Қайса (500–540). В одном из своих знаменитых стихотворений он говорит:

(1) И если я сейчас огорчен, то скольких нежных
невольниц-певиц я побуждал играть на лютне!
(2) У них была четырехструнная, звучная. Разносится ее
напев над войском, едва руки коснутся ее[4].

Употребление поэтом слова "қайна", означающее "рабыня", "невольница", "певица", дает основание полагать, что эти лютнистки-певицы не только не были арабками, но,возможно, и пели не по-арабски. Арабы слышали, конечно, чужие песни. В доисламский период они жили не столь изолированно, как это может казаться. Племена, кочевавшие, например, на побережье Персидского залива и в Бахрейне, вступали, конечно, в общение с персами. В связи с этим интересно привести стихи из муʿаллақи Ṭарафы ибн ал-ʿАбда (543–569), уроженца Бахрейна. В них он описывает свою пирушку с приятелями:

(1) Мои сотрапезники белы как звезды, а вечером
у нас появляется невольница-певица, одетая то в плащ, то в
облегающую [одежду].
(2) Добродушная, [на ней] платье с большим вырезом, мягкая при
касании сотрапезников, с нежной кожей обнаженных мест.
(3) Когда мы говорим: "Спой нам!",
она медленно выходит к нам, негромко начиная.
(4) Она выводит голосом трели, и тебе представляется,
что это стоны матерей над погибшим первенцем[5].

Здесь мы тоже встречаемся с "қайной" – профессиональной певицей-невольницей. Поэт Абӯ Михджāн ас-Сақафӣ (ум.637), уже доживший до ислама и принявший его, говорит:

(1) Хотя вино и стало редкостью и нас лишили его,
и хотя ислам да страх перед наказанием разлучили нас с вином,
(2) Все-таки я пью его в самый ранний час полными глотками,
пью его несмешанным – и становлюсь по временам весел,
и пью его смешанным с водою.
(3) У меня в головах стоит певица,
когда она начинает говорить, она кокетничает.
(4) Она поет то громко, то тише, так что слышно только гудение,
как будто мухи жужжат в саду[6].

Впечатление, производимое пением на поэта, лишь подтверждает догадку о том, что "кайна" пела не по-арабски.

"Книга песен" сохранила нам рассказ уже престарелого Ḥассāна ибн Ṯābита ал-Ḫазраджӣ (ум. 674), сделавшегося придворным поэтом и панегиристом Муḥаммада, когда последний укрепился в Медине. Этот рассказ передается со слов внука поэта:

"Когда Ḥассāн вернулся с пиршества банӯ Нубайт к себе домой, он распростерся на своей постели, положил одну ногу на другую и сказал: "Рā'иḳа и ее подруга[7] напомнили мне кое-что из того, что слышали мои уши вместе с Джабалой ибн ал-Айхамом[8] в праздник ночей нашего язычества". Он улыбнулся, сел, затем продолжал: "Я видел десять певиц-невольниц: пять византиек пели по-гречески под аккомпанемент лютен и пять пели на манер жителей Хиры, между тем как направил их в этом Ийāс ибн Ḳубайса, и к нему приезжали из Мекки и других [мест] те арабы, которые пели таким образом. И, бывало, когда он садился пить, его ложе устилали миртом, жасмином и [разными] сортами базилика. Для него ставились толченые амбра и мускус на серебряных и золотых блюдах и приносили цельный мускус на серебряных блюдах. Для него разжигали увлажненное алоэ, если это было зимой, а летом под алоэ подкладывался лед. Летом Ийāс ибн Ḳубайса и его товарищи приносили летние одежды, а зимой – лисьи меха и тому подобное, и, клянусь Аллахом, я никогда не проводил с ним дня без того, чтобы он не наградил меня и других своих собеседников одеждами, которые были на нем в этот день – и все это с кротостью по отношению к тем, кто был невежествен, и с улыбкой, между тем как подарок делался без какой-либо просьбы, с добрым лицом и доброй беседой. Я никогда не видел от него ни непристойности, ни разгула, а ведь мы были тогда язычниками. Но Аллах принес ислам и уничтожил им всякое неверие, мы бросили вино и то, что было отвратительно. А вы теперь, мусульмане, пьете этот набиз из сушеных фиников и фадих из цветов [померанцевого дерева] и свежих фиников. И никто из вас не выпьет и трех кубков без того, чтобы не сойтись со своей подругой, а затем расстаться с ней, и она его бьет, как бьют чужие верблюдицы, и вы не кончаете этого" (Ar., XVI, с. 15).

Как ни "темны" были "ночи язычества", однако в рассказе Ḥассāна ибн Ṯābита чувствуется тоска по тем давно минувшим концертам и той роскошной обстановке, в которой они устраивались. В этом рассказе уже прямо говорится о певицах-византийках, певших по-гречески, и певицах, которые пели "на манер жителей Хиры". Можно думать, что последние переняли эту манеру пения у своих соседей-персов. Мы не знаем, на каком языке они пели, но у нас не остается сомнения в том, что в Хире, где в молодые годы бывал Ḥассāн ибн Ṯābит, незадолго до ислама уже была своеобразная школа пения и что упомянутый Ийāс ибн Ḳубайса был организатором этой школы.

"Книга песен" сообщает нам также о том, что поэт Умайя ибн Абӯ-ṣ-Ṣалт (ум. ок. 630), тоже бывший панегиристом Муḥаммада, получил в дар от знатного мекканца-курайшита ʿАбдаллāха ибн Джудʿāна двух рабынь-

певиц. ʿАбдаллāх называл их "двумя саранчами племени ʿāд"[9]. Ни их имена, ни происхождение нам неизвестны, но прозвище, которое им дал ʿАбдаллāх, наводит на мысль о том, что они были родом из Йемена. Когда Умаййа восхвалил ʿАбдаллāха, девушки спели один из его панегириков. Это значит, что они хорошо знали арабский язык и пели по-арабски. Откуда же шла э т а певческая традиция? Уж не из Йемена ли? О мелодии, на которую они исполняли этот панегирик, в "Книге песен", к сожалению, ничего не говорится (Ar., VIII, с. 2-3).

Итак, мы видим, что искусство пения у арабов развилось прежде всего в Йемене, стране древней оседлой культуры, и дало такого яркого представителя, как ʿАлас Зӯ джадан. Что касается арабов-кочевников, то уже в доисламский период в их быту стали появляться певицы-невольницы, которые пели еще не по-арабски, часто под аккомпанемент лютни. В быту мекканской и, наверное, мединской аристократии они тоже появляются. "Две саранчи племени ʿад", которые пели и в доисламский и в раннемусульманский периоды по-арабски, особенно интересны тем, что были они, возможно, преемницами древнего йеменского искусства пения. Такой вывод нам позволяют сделать источники. Вместе с тем те же источники говорят, что первые мелодии были переняты арабами у персов и греков-византийцев уже в мусульманский период и что в Медине их перенял Сāʾиб Ḫāсир, а в Мекке - Саʿīд ибн Мисджах.

Сāʾиб Ḫāсир (уб. 683) был персидского происхождения и попал к арабам, войдя в подать хосроя. Затем он стал вольноотпущенником племени лайс, а впоследствии ʿАбдаллāх ибн Джаʿфар (ум. 700 или несколько позже), племянник халифа ʿАлӣ, купил право покровительства ему у его покровителей, а по другим сведениям - купил его и отпустил на свободу. Как бы то ни было, Сāʾиб отдал себя в полное распоряжение ʿАбдаллāха ибн Джаʿфара, постоянно сопровождал его и стал известен по его имени. Вместе с тем он занимался продажей в Медине съестного и разбогател на этом. У него было четыре жены. Знакомство он водил со знатью города, принимавшей его в своих домах благодаря его изяществу и приятным манерам. Однако он не пел в этих домах, так как поклялся, что будет петь только ʿАбдаллāху ибн Джаʿфару да разве что самому халифу, наследнику престола или сыну халифа. Этой клятве он был верен до конца своих дней (Ar., VII, с. 188-190).

По свидетельству одних, Сāʾиб Ḫāсир был первым, кто играл в Медине на лютне и пел под нее, а другие утверждают, что он на лютне не играл, а только выстукивал такт прутиком и пел импровизируя.

Однажды богатым мединцем ʿАбдаллāхом ибн ʿĀмиром были куплены рабыни-плакальщицы. Раз в неделю их хозяин устраивал концерт, когда они играли на музыкальных инструментах, "а люди их слушали". Сāʾиб перенял у них мелодии. Затем в Медине появился перс Нашīт, который привел ʿАбдаллāха ибн Джаʿфара в восторг своим пением. Тогда Сāʾиб сказал ему: "Я устрою тебе пение по-арабски, подобное пению этого перса". На следующее утро Сāʾиб пришел к ʿАбдаллāху и спел ему:

(1) Кому принадлежат эти жилища? Безлюдны следы их ...
Играли с ними ветры и капли /дождя/.
(2) Прошли среди них, после их обитателей,
восемь или десять лет.
(3) И шафран на ее груди,
сияет он у ключиц и у шеи [10]. (Ar., VII, с. 189)

Автор этих стихов не с точностью установлен, а мелодия принадлежит Сāʾибу Ḫāсиру, это - "первый сакӣл на указательный палец".

В "Книге песен" передается рассказ о том, как ʿАбдаллāх ибн Джаʿфар

приехал в Дамаск по делу к халифу Му῾āвийе (661–680). Когда халиф подписал распоряжение по поводу этого дела, ῾Абдаллāх ибн Джа῾фар изложил ему одну из нужд Са᾽иба Ха̄сира. Му῾āвийа спросил: "Кто такой Са᾽иб Ха̄сир?" ῾Абдаллāх ответил: "Один человек из жителей Медины, из племени лайс. Он передает стихи". Му῾āвийа спросил: "Неужели каждый, кто передает стихи, рассчитывает на то, чтобы его одаривали?" ῾Абдаллāх сказал: "Он лучше каждого". Му῾āвийа возразил: "Хотя бы и лучше". Тогда ῾Абдаллāх ибн Джа῾фар попросил разрешения ввести его. Халиф разрешил. Войдя и остановившись у дверей, Са᾽иб Ха̄сир громко запел:

"Кому принадлежат эти жилища?.."

Выслушав песню, Му῾āвийа повернулся к ῾Абдаллāху ибн Джа῾фару и сказал: "Свидетельствую, он сделал эти стихи еще прекраснее" – и он исполнил его просьбу и хорошо с ним обошелся (Аг., VII, с. 189).

В другом рассказе говорится о том, как Му῾āвийа, проходя мимо покоев сына своего Йазӣда и услыхав доносившуюся оттуда песню, остановился послушать. Пение настолько взволновало его, что он слушал его сначала стоя, а затем позвал, чтобы ему принесли кресло. Так он и просидел почти всю ночь, слушая пение. А когда наступило утро и к нему зашел Йазӣд, Му῾āвийа спросил его: "Кто вчера был твоим сотрапезником, сынок?". Тот, смутившись, так как музыка и пение считались делом греховным, спросил отца в замешательстве: "Каким сотрапезником, о эмир верующих?". Халиф настаивал: "Скажи мне, тебе нечего меня бояться". Йазӣд ответил: "Са᾽иб Ха̄сир". Тогда Му῾āвийа сказал: "Облагодетельствуй его хорошенько, сынок, и одари его. Я не увидел никакой беды в общении с ним" (Аг.,VII, с.189).

Еще один интересный рассказ, характеризующий отношение тогдашней публики да и самого халифа к пению и певцу, передает нам "Книга песен":

"Му῾āвийа приехал в Медину по одному из тех дел, ради которых он бывал там, и приказал своему камергеру разрешить людям [доступ к нему]. Камергер вышел, затем вернулся и сказал: "У дверей никого нет". Му῾āвийа спросил: "А где же люди?". Тот ответил: "У Ибн Джа῾фара". Тогда Му῾āвийа приказал привести мула, сел на него и поехал к ῾Абдаллāху ибн Джа῾фару. Когда он вошел [в собрание] и сел, один из курайшитов сказал Са᾽ибу Ха̄сиру: "Этот мой плат будет принадлежать тебе, если ты станешь петь и, распевая, прохаживаться между этими двумя рядами [слушателей]". Са᾽иб Ха̄сир встал и пошел между рядами, распевая известные стихи Хассāна ибн Са̄бита:

"У нас блестящие блюда. Сверкают они в[свете] позднего утра,
а с наших мечей каплет [вражеская] кровь – / свидетельство нашего] мужества.

Му῾āвийа молча, с одобрением слушал и, внимая ему, растрогался. Затем он встал и удалился домой, а Са᾽иб Ха̄сир взял этот плат" (Аг., VII, с.189–190).

Согласно передаче, Са᾽иб Ха̄сир был убит уже во время правления халифа Йазӣда ибн Му῾āвии, в день битвы при ал-Харре (26 – 28 августа 683). Испугавшись сирийских солдат, он вышел к ним и сказал: "Я певец, и мое положение, моя история таковы. Я служил эмиру верующих Йазӣду, а еще до него – его отцу". Они сказали: "Так спой и нам!". Он начал петь. Затем один из них подошел к нему и сказал:"Ты хорошо спел, клянусь Аллахом!"– и отрубил ему мечом голову. Йазӣду было жаль певца, когда ему сообщили об этом, и он сказал: "Поистине, мы принадлежим Аллаху. Разве не ясно, если уж убийство дошло до Са᾽иба Ха̄сира и подобных ему, что он один и остался в Медине" (Аг., VII, с. 190) – и действительно, город был тогда подвергнут полному разгрому.

Что касается Саʿīда ибн Мисджаḥа, то, согласно передаче, он был в Мекке первым, кто перенял персидское пение. Большинство передатчиков утверждает, что он был вольноотпущенником клана маḫзūм племени ḳурайш (Ag., III, с. 84-88). Он был мулатом с красивым цветом кожи, и его господин восхищался его сообразительностью и способностями, когда он был еще в малолетнем возрасте. Он говаривал: "Этому мальчику предстоит будущность. Меня удержало отпустить его на свободу только то, что я предвижу в нем нечто хорошее. Если я буду жив, я обязательно узнаю, что это будет, а если умру, то он свободен". Однажды он услышал, как Саʿīд поет стихи ар-Раḳḳāʿ ал-Āмилī:[11]

(1) Остановись у давних, стершихся следов [стоянки] между ал-Лакīком и Гайб ан-Наʿīм[12].
(2) Если бы не застенчивость – а на моей голове уж стала заметна седина – я бы навестил Умм ал-Ḳāсим.

Это была мелодия из "первого сақīла на указательный палец в месте движения среднего пальца".

Господин Саʿīда позвал его и попросил: "Повтори-ка мне, сынок, то, что я услышал!". Тот повторил – и вот это лучшее из того, что было создано [в этом роде]. Тогда господин сказал: "Поистине, вот подтверждение того, что я прежде говорил". Затем он спросил его: "Откуда это у тебя?" Саʿīд ответил: "Я слышал, как эти персы поют по-персидски. Я раздробил их [мелодии] и применил их к этим стихам". И господин сказал: "Ты свободен ради лика Аллаха!" Однако Саʿīд ибн Мисджаḥ остался при своем господине. Его образованность возросла, и его пение распространилось. Он стал известен в Мекке как искусный певец, и люди восхищались его изяществом и прелестью того, что они от него слышали" (Ag., III, с. 85).

Что же именно перенял Саʿīд ибн Мисджаḥ от персов, что слышал он от них? В одном из рассказов, помещенных в "Книге песен", мы читаем: "Он проходил мимо персов, которые строили Священную мечеть[13], и услыхал их пение по-персидски, а затем приложил его к арабским стихам" (Ag., III, с. 84). В другом рассказе говорится, что после страшного пожара, постигшего Каʿбу (683), когда здание сгорело почти дотла, антихалиф ʿАбдаллāх ибн аз-Зубайр, укрепившийся в Мекке, решил заново ее отстроить. С этой целью он призвал строителей из персов и греков, и они построили ее заново. Проходя мимо работавших на постройке Каʿбы персов, Ибн Мисджаḥ услышал их пение по-персидски и на его основе создал свое пение (Ag., III, с.85). Итак, мы видим, что Саʿīд ибн Мисджаḥ услыхал от персов не что иное, как их трудовую песню, мелодию которой он и применил к арабским стихам.

В "Книге песен" говорится, что потом Саʿīд поехал в Сирию и перенял там мелодии греков и то, что исполнялось на лютне. Затем он переехал в Иран и там перенял много мелодий и научился играть на музыкальных инструментах. "Взяв лучшие из этих мелодий и выбросив из них те звуки и напевы, которые он считал безобразными и которые встречаются в персидских и греческих мелодиях, и оставив их вне арабского пения, он вернулся в Хиджаз. Он пел таким образом и был первым, кто утвердил это пение в Мекке, а люди потом следовали ему" (Ag., III, с. 84).

Как бы в подтверждение того, что певец использовал в своем творчестве трудовые песни персов, рассказывается, что когда халиф Муʿāвийа ибн Абū Суфйāн строил свои резиденции "ар-Рукṭ", которые находятся между ад-Дāр ал-Байḍā' и Дāр ал-Ḫамāм[14], то строителями их он поставил персов из Ирака. Саʿīд ибн Мисджаḥ приходил к ним и слушал их пение, под аккомпанемент которого они строили, и то, что считал хорошим в их мелодиях, он брал и применял к арабским стихам, создавая таким образом пес-

ни. Одной из таких давних его песен, созданных наподобие тех персидских песен, является следующая:

(1) Салāма, ты уж, поистине, одолела; будь же поэтому кроткой:
ведь часто свободный, благородный, одолев, бывает кроток.

(2) Ты затянула беду надо мною, страдающим в неволе у тебя,
а ведь пленники отпускаются на свободу.

(3) Поистине, я поступаю искренне по отношению к вам,
но я знаю, что у тебя равны и тот, кто неискренен, и искренний.

(4) А когда я пожаловался Салāме на любовь к ней,
она спросила: "Серьезно ли это с твоей стороны или ты шутишь?"

Стихи эти принадлежат ал-Ахвасу, известному поэту омейядского периода, а мелодия – Ибн Мисджаху, это – "первый сакил на безымянный палец" (Ar., III, с. 86).

Интересен рассказ Дахмāна ал-Ашкара об одной из поездок Ибн Мисджаха в Дамаск:

"Я был правителем Мекки у ʿАбдалмелика ибн Марвāна (685–705), когда ему донесли, что один черный человек, которого зовут Саʿīд ибн Мисджах, развратил юношей племени курайш, так что они растратили на него свое богатство. Халиф написал мне, чтобы я наложил арест на его имущество и его съестные припасы, и я это сделал. Тогда Ибн Мисджах в сопровождении одного человека ... отправился в Дамаск... Там они вошли в мечеть и спросили: "Кто из людей милее всех эмиру верующих?" Им ответили: "Эти курайшиты и его двоюродные братья по отцу". Тогда Ибн Мисджах остановился перед ними, произнес приветствие, а затем спросил: "О юноши, есть ли среди вас такой, кто окажет гостеприимство чужеземцу из жителей Хиджаза?". Они переглянулись, так как еще раньше дали обещание пойти к рабыне-певице, которую звали Барк ал-уфук[15], и стали передавать его друг другу. Только один юноша, который избегал порицания, ответил: "Я окажу тебе гостеприимство!" – и добавил, обращаясь к своим приятелям: "Вы отправляйтесь, а я пойду с моим гостем". Те ответили: "Нет, ты придешь вместе с твоим гостем", и они все вместе отправились в дом этой певицы-невольницы. Когда подали обед, Саʿīд им сказал: "Поистине, я человек черный, и, может быть, кто-нибудь из вас считает меня нечистым, поэтому я сяду и поем в сторонке", и он встал. Тогда им стало стыдно, и они приказали подать ему еду. А когда они стали пить, он сказал им подобное этому, и они поступили с ним так же. Тем временем вывели двух невольниц. Те сели на ложе, которое было для них поставлено, и пели до ужина. Затем они удалились. Через некоторое время к ним вышла невольница, прекрасная лицом и фигурой, и те две вместе с нею. Она села на ложе, а они сели пониже ее, одна – с правой стороны ложа, а другая – с левой. Тогда Ибн Мисджах сказал: "Она уподобилась этому стиху:

"Я спросил: это солнце или светильники храма,
что явились тебе под покрывалом, или ты
видишь это во сне?!"[16]

Невольница рассердилась и сказала: "Неужели этот черный будет приводить здесь сравнения?!". Юноши посмотрели на него неодобрительно и стали ее успокаивать. Затем она спела песню, и Ибн Мисджах сказал: "Ты хорошо спела, клянусь Аллахом!". Тогда рассердился ее господин и сказал: "Неужели подобный этому черному будет приходить к моей невольнице?". Человек, взявший Саʿīда к себе, сказал ему: "Встань и удались в мое жилище, ты стал нестерпим для людей". Саʿīд уже намеревался встать, но люди эти устыдились и сказали ему: "Нет, останься, но веди себя хоро-

шо", и он остался. Потом она еще спела, и он сказал: "Ты ошиблась, о прелюбодейница, клянусь Аллахом, и плохо спела!" – и он сам пустился петь эту песню. Невольница вскочила и сказала своему господину: "Это, клянусь Аллахом, Абу ʿУсман Саʿид ибн Мисджаḥ!". Тогда он сказал: "Поистине, клянусь Аллахом, это действительно я и, клянусь Аллахом, я не останусь у вас!". И вскочили эти курайшиты, и этот сказал: "Он будет у меня!" – и сказал тот: "Нет, у меня!". А он ответил тогда: "Клянусь Аллахом, я останусь только у вашего главы", разумея того человека, который оказал ему гостеприимство. Затем они спросили его о том, что заставило его приехать, и он рассказал им о том, что случилось. Тогда его покровитель сказал ему: "Сегодня вечером я буду беседовать с эмиром верующих. Умеешь ли ты хорошо петь "ḥида'"?". Тот ответил: "Нет, но я применяю "ḥида'". Курайшит сказал: "Мое жилище находится напротив жилища эмира верующих. Если я встречу с его стороны благорасположение, я пришлю за тобой". И он отправился к ʿАбдалмалику. Когда же он увидел его в добром расположении духа, он послал за Ибн Мисджаḥом. Тот выставил голову из-за стенного зубца дворца и запел "ḥида'":

(1) Поистине, ты, о Муʿаз, о сын имеющего только одну одежду,
если дрогнет [сама] отвага, то ты не дрогнешь.
(2) Ты направляешь выступления групп людей,
отклонившихся от веры Моисея и ниспосланного Писания, –
(3) К истине, так что они устремляются к самому справедливому.

ʿАбдалмалик спросил курайшита: "Кто это?". Тот ответил: "Один хиджазец, который приехал ко мне". Халиф сказал: "Приведи его сюда". Курайшит привел его, и ʿАбдалмалик обратился к нему: "Спой снова!". Затем он его спросил: "Поешь ли ты песни всадников?". Саʿид ответил: "Да". Халиф попросил: "Спой!" – и он спел. Затем ʿАбдалмалик спросил его: "А искусные песни ты поешь?". Ибн Мисджаḥ ответил: "Да". – "Спой!" – сказал халиф, и тот спел. И задрожал ʿАбдалмалик от волнения, а потом сказал ему: "Клянусь, у тебя в народе большая слава. Кто ты, горе тебе?!" Ибн Мисджаḥ ответил: "Я обиженный, обобранный, отправленный со своей родины Саʿид ибн Мисджаḥ. Захватил мое богатство правитель Хиджаза и изгнал меня". ʿАбдалмалик улыбнулся, а затем сказал ему: "Теперь ясно, что молодежь курайша можно извинить за то, что они растратили на тебя свое имущество" и он даровал ему безопасность и одарил его, а мне написал, чтобы я вернул ему его имущество и не чинил ему неприятностей" (Аг., III, с.86–88).

В "Книге песен" этот рассказ ведется сначала от лица правителя Мекки, Дахмана ал-Ашкара, затем – от лица самого Саʿида ибн Мисджаḥа и, наконец, от лица автора. Очевидно, Абу-л-Фарадж ал-Исбахани скомпилировал его из трех рассказов (в переводе – для облегчения восприятия – мы выправили этот разнобой, сделав рассказчиком одного только Дахмана ал-Ашкара).

"ḥида'", приведенное в этом рассказе, представляет собой обычное стихотворение в размере раджаз с внутренней рифмой, причем третий его стих имеет только одно полустишие. Это, по-видимому, была импровизация, или почти импровизация, самого Саʿида ибн Мисджаḥа. Обращение в первом стихе "О Муʿаз", что можно перевести "О, спасаемый" (или "спасенный") [Аллахом]", имеет, конечно, в виду самого ʿАбдалмалика. Выражение "сын имеющего только одну одежду" говорит о скромности его отца, халифа Марвана ибн ал-Хакама, и одновременно сравнивает последнего, да и самого ʿАбдалмалика, с верблюдом, который, действительно, имеет только одну "одежду". Это сравнение совсем не является обидным, наоборот, мы часто встречаем его в панегириках и элегиях употребленным в самом лучшем смысле. Кроме того, эта песня представляет собой "ḥида'" – т.е. песнь погонщика верблюдов, и поэтому верблюд должен так или иначе в ней фигури-

ровать. Во втором же стихе и в единственном полустишии третьего стиха мы видим обыкновенный "мадх" – прославление. Исполненное "хида'" было, конечно, тонкое и должно было понравиться халифу.

Год смерти Са'ида ибн Мисджаха, этого выдающегося певца, как в большинстве случаев с певцами, нам не известен. Мы только знаем, что он умер в дни правления халифа ал-Валида ибн 'Абдалмалика (705–715), передав свое мастерство другому певцу.

Современником Са'ида ибн Мисджаха, но, по-видимому, совсем не связанным с ним в области вокального искусства, был певец 'Иса ибн 'Абдаллах, известный больше по своему прозвищу Ṭувайс[17] и кунье Абу 'Абдалмун'им или Абу Абданна'им (Ar., II, с. 170-178; IV, с. 38-40). Был он вольноотпущенником клана махзум племени курайш и жил постоянно в Медине. Он хорошо знал историю родного города и родословные его жителей. Он был высокого роста, худой и косоглазый, что придавало его внешности несколько зловещий вид. Проницательность и остроумие заставляли многих его побаиваться. Когда его спросили о времени его рождения, он ответил, что родился в день, когда умер посланник Аллаха (632), от груди был отнят в день смерти Абу Бакра (634), был обрезан в день убийства халифа 'Умара (644), женился в день убийства халифа 'Усмана (656), а в день убийства халифа 'Али (661) у него родился ребенок. Если этот ответ был правдивым, то, конечно, мединцы должны были видеть в Ṭувайсе что-то роковое, а если это было шуткой, то в ней сквозило вольнодумство. Сведения, приводимые о нем в "Книге песен", довольно противоречивы. Так, одни говорят, что он любил раздувать ту вражду, которая всегда тлела между племенами ал-аус и ал-хазрадж, составлявшими основное население Медины. Он хорошо знал стихи поэтов обоих племен и часто, явившись на собрание, в котором принимали участие оба племени, начинал петь стихи, восхвалявшие какое-нибудь из этих племен и поносившие другое. Обычно такие собрания кончались потасовкой между обоими племенами. Ṭувайсу запрещали петь, но сам он уходил невредимым, а на такие запреты отвечал: "Я не перестану петь стихи ансаров[18], пока они не подложат мне под голову землю" (Ar., II, с. 176). Другие же говорят, что он был человеком обязательным в общении, услужливым, внимательным к тому, заботу о ком брал на себя, не мелочным, что он был очень почтителен к своим благодетелям, клану махзум, и к тем из прочих курайшитов, кто заключил с ними союз, и мирился с теми, кто был к ним враждебен, но без заискивания. И курайшиты любили его, постоянно теснились вокруг него, прося его что-нибудь рассказать или спеть. "И если бы не его изнеженность, то ни среди курайшитов, ни среди ансаров, ни среди прочих не нашлось бы человека, который бы не приблизил его к себе" (Ar., II, с. 171, 175, 176). А когда однажды собрались мединцы и начали перебирать разные обстоятельства и случаи, имевшие место в Медине, и вспомнили о Ṭувайсе, то один из них сказал о нем, возражая другим: "Если бы вы посмотрели на него, то увидели бы то, что вас бы обрадовало: его знания, хорошее пение, превосходное выстукивание в бубен, остроумие такое, что он мог бы рассмешить даже [мать], потерявшую ребенка" (Ar., II, с. 171).

Ṭувайс не играл на лютне, а выстукивал в бубен, и этот бубен был квадратной формы (Ar., II, с. 170, 175). В "Книге песен" мы читаем, что Ṭувайс был первым, кто пел в Медине по-арабски и кто ввел в обиход ее жителей изнеженность, и что первой его мелодией был "хазадж на безымянный палец", исполненный на следующие стихи:

(1) Как он придет издалека, когда его скрывает близкое?!
(2) Он уезжает от нас в Сирию, боязливый, праздный.
(3) Любовь изнурила меня так, что от чувства я чуть не растаял.

(Ar., II, с. 170, 171)

Автор этих стихов нам неизвестен, известно только, что, после того как Ṭувайс их спел, он получил прозвище аз-Зā'иб – "такущий". Новым в этом стихотворении по сравнению со стихами известных лирических поэтов омейядского периода является то, что оно имеет уже в виду не возлюбленную, а возлюбленного – явление, вызванное, по-видимому, персидским влиянием и часто наблюдаемое в стихах поэтов аббасидского периода.

Чтобы лучше понять Ṭувайса, стоит привести рассказы о людях, с которыми певец был близок и умонастроения которых он разделял. Так, например, "Книга песен" передает рассказ о Ханабе – "Жеманнике". Он был вольноотпущенником ʿАбдаллāха ибн Абū Умайи ал-Маḫзūми, знатного курайшита, вольноотпущенником которого, по некоторым сообщениям, был несколько позже и Ṭувайс (Аг., II, с. 172). Этот Ханаб спросил однажды своего господина: "Если Аллах завоевал для вас Таиф, то попроси у пророка – да будет доволен им Аллах и да приветствует его! – Бāдийу, дочь Гайлāна ибн Салама. Она стройна, смешлива, большеглаза, с зубами подобными ромашке, если говорит – поет, если стоит – покачивается..."[19], как сказал Қайс ибн ал-Ḫатīм (У1 – начало УII в.):

(1) Она завладевает всем твоим вниманием, тогда как
сама она не обращает никакого внимания, и ее лицо прозрачно,
как будто ее изнурила потеря крови.
(2) Среди губительной пустыни женщин ее характер –
умеренность: не слишком густая растительность
и не каменистая почва.

Когда все это дошло до Муḫаммада, он сказал: "Ты уж запустил взгляд, о враг Аллаха!" – и изгнал Ханаба из Медины в место, находящееся под надзором крепости. После смерти Муḫаммада (632) стал править Абū Бакр (632-634), и с ним говорили о Ханабе, но он отказался вернуть его в город. Во время правления ʿУмара (634-644) с ним тоже говорили о Ханабе, но ʿУмар тоже отказался его вернуть и сказал: "Если я его увижу, то непременно отрублю ему голову!". Когда халифом стал ʿУсмāн (644-656), его опять просили о Ханабе, и он тоже не разрешил ему вернуться. Ему сказали: "Он уж стар, слаб и нуждается". Тогда ʿУсмāн разрешил Ханабу каждую пятницу входить в Медину просить милостыню, но с тем условием, чтобы после того он возвращался на свое место (Аг., II, с. 172).

Известно, что Муḫаммад отрицательно относился к поэтам, особенно к поэтам-лирикам. Такое же отношение к лирической поэзии, по крайней мере внешне, проявляли почти все халифы и правоверные и омейядского периода, считая ее делом греховным. Столь же греховными считались и высказывания вроде того, которое позволил себе Ханаб.

В другом рассказе говорится о том, как Йаḫйā ибн ал-Ḫакам, эмир Медины, вышел однажды из дому и увидел какого-то человека у солончака, что примыкает к мечети ал-Аḫзāб. Увидев Йаḫйу, незнакомец сел. Это вызвало в Йаḫйе сомнение, и он направил своих помощников, чтобы те привели к нему незнакомца. Они его привели, и оказалось, что он одет по-женски, в цветное блестящее платье, по-женски причесан и его руки окрашены хной. Помощники Йаḫйи сказали ему, что это Ибн Нугāш, жеманник. Тогда, обращаясь к Ибн Нугāшу, Йаḫйā сказал: "Я не думаю, чтобы ты читал хоть что-нибудь из Книги Аллаха[20] – велик Он и славен! Прочти-ка Мать стихов Корана!"[21]. Ибн Нугāш ответил: "О отец наш, если бы я знал их мать, я бы знал и дочерей". Йаḫйā воскликнул в гневе: "Так ты издеваешься над Кораном, нет матери у тебя!" – и велел отрубить ему голову. Затем он кликнул клич: "Кто приведет жеманника, тому триста дирхемов!".

Дальше этот рассказ продолжает жеманник Зарджūн:

"Вышел я после этого, намереваясь отправиться в ал-ʿĀлийу[22], и вдруг слышу звук бубна. Меня это удивило. Я подошел к двери и узнал напевы лю-

дей, с которыми был дружен. Я открыл ее и вошел, и вот оказывается – это Ṭувайс. Он стоит, бубен в его руке, и он поет. Когда же он увидел меня, он сказал мне: "Ну что, Зарджӯн, убил Йаḥйā ибн ал-Ḥакам Ḳāла ибн Нугāша?!". Я ответил: "Да". Он спросил: "И он назначил за жеманников по триста дирхемов?". Я ответил: "Да". Тогда он стал петь:

(1) Что с твоими домочадцами, Рабāб?
Смотрят они исподлобья, словно сердятся.
(2) Когда я навещаю твоих родственников,
они грозятся, и рычат перед ними собаки.

Затем он спросил: "Горе тебе, а не сделает ли он со мной большее, не окажет ли мне предпочтение перед ними, поступив со мной сообразно с моим достоинством?!" (Аг., IV, с. 39).

В "Книге песен" сохранился и другой аналогичный этому рассказ, но в другой передаче. Только там уже фигурирует не Йаḥйā ибн ал-Ḥакам и не Ḳāл ибн Нугāш, а Марвāн ибн ал-Ḥакам, правитель Медины и будущий халиф, и Нугāш-жеманник. Кончается этот рассказ тем, что Ṭувайс, узнав о том, что Марвāн за каждого жеманника назначил десять динаров, уходит тотчас из Медины и останавливается в селении ас-Сувайдāʾ, в двух ночах пути от Медины по дороге в Сирию. Здесь он остается до самой своей смерти, которая наступила в период правления халифа ал-Валīда ибн ʿАбдалмалика (Аг., II, с. 172).

Интересен также следующий рассказ, характеризующий и умонастроение Ṭувайса и его отношение к сильным мира сего, и его находчивость и остроумие:

"Когда Абāн ибн ʿУсмāн прибыл к халифу ʿАбдалмалику ибн Марвāну (685–705), тот назначил его эмиром Хиджаза. Абāн отправился [к месту назначения], а когда он приблизился к Медине, его встретило население города во главе со знатью. Ṭувайс тоже вышел с ними. Когда он увидел Абāна, он приветствовал его, а затем сказал: "О эмир, я дал Аллаху обет: если я увижу тебя эмиром, я окрашу свои руки до локтей [хной] и ударю перед тобой в бубен". Затем он начал бить в бубен и петь стихи Зӯ джадана:

"Что с твоими домочадцами, Рабāб? ..." и далее.

Абāн пришел в такой восторг, что едва не улетел. И он начал говорить: "Довольно, Ṭāвис!"[23]. Он не говорил ему "Ṭувайс", соблюдая свое собственное достоинство. Затем он сказал ему: "Сядь". [Ṭувайс] сел. Тогда Абāн продолжал: "Люди утверждают, что ты неверный". [Ṭувайс] ответил: "Да буду я выкупом за тебя, клянусь Аллахом, я свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Муḥаммад – посланник Аллāха. Я молюсь пять раз [в сутки], пощусь в месяц рамадāн и совершаю паломничество к Дому"[24]. Тот спросил: "Кто из вас старше, ты или ʿАмр ибн ʿУсмāн?". А ʿАмр был братом Абāна по отцу и по матери. Ṭувайс ему ответил: "Да, буду я выкупом за тебя, клянусь Аллахом, я держался за подолы супруг из женщин моего народа в тот день, когда твоя благословенная мать была отведена к твоему доброму отцу". Абāн смутился и устремил свой взгляд в землю". (Аг., 1У, с.38).

Несколько иначе передают этот же рассказ другие авторитеты, а именно, будто бы Ṭувайс сказал Абāну: "Мой обет, о эмир!". Тот спросил: "А каков твой обет?" Ответил: "Я дал обет, что если увижу тебя эмиром в городе хиджры[25], я ударю в бубен и спою перед тобой". Абāн ответил: "Исполни свой обет, ведь, поистине, Аллах – велик Он и славен! – говорит: "Они исполняют обеты"[26]. Тогда Ṭувайс показал свои руки, окрашенные по локти [хной], достал бубен и запел:

"Что с твоими домочадцами, Рабāб?..." и далее.

Затем Абāн сказал: "Говорят, что ты злосчастен". Ответил: "И еще как!". Спросил: "А в чем проявилось твое злосчастие?". Ответил: "Я родился в ночь, когда был взят пророк – да благословит его Аллах и да приветствует!. Я был отнят от груди в ночь, когда умер Абӯ Бакр – да будет Аллах доволен им! Я достиг зрелости в ту ночь, когда был убит ʿУмар – да будет благоволение Аллаха над ним! Моя невеста была приведена ко мне в ночь, когда был убит ʿУсмāн – да будет Аллах доволен им!". Тогда Абāн сказал: "Уходи, чтоб ты пропал!" (Ag., IV, с. 39).

Все эти рассказы не оставляют, конечно, сомнения в том, что Ṭувайс был одним из тех вольнодумцев, которым и Коран и вообще ислам со всеми его установлениями был глубоко чужд. Внешне, как мы видим, Ṭувайс выполнял все или почти все предписания, выполнение которых требовалось от мусульманина, внутренне же он, по-видимому, не считал их правомерными. С другой стороны, весь образ жизни его и этих молодых людей, эти женские платья, прически, манера держаться, заимствованные, очевидно, от персов, казались набожным мусульманам греховными. Трудно сказать, имело ли все это уже тогда политическую подкладку, но мы видим, с каким презрением и чувством собственного превосходства относится певец ко всем этим правителям – и большим и малым.

А певцом Ṭувайс был превосходным, и те, кто понимал его искусство, высоко ценили его, несмотря на все его отклонения от общепринятой морали. В "Книге песен" помещен интересный рассказ о том, как ʿАбдаллāх ибн Джаʿфар, большой любитель пения и покровитель певцов, в один весенний вечер, "когда небо принесло покой таким обильным дождем, что все потекло", предложил своим друзьям отправиться в ал-ʿАкӣк – место прогулок мединцев в дни весны и дождя. Сев на верховых животных, они вскоре достигли его, между тем как поток "швырял пену, как Евфрат во время прилива". Увидев, что небо не на шутку разбушевалось, ʿАбдаллāх сказал своим друзьям: "Нет у нас ничего, чем мы могли бы прикрыться, а это небо способно промочить насквозь нашу одежду. Не хотите ли зайти к Ṭувайсу? Его жилище рядом с нами. Мы там отдохнем, а он расскажет нам что-нибудь и посмешит нас". А Ṭувайс между тем слышал в глазок слова ʿАбдаллāха ибн Джаʿфара. ʿАбдарраḥмāн, сын поэта Ḥассāна ибн Сāбита, бывший в этой компании, ответил ʿАбдаллāху: "Да буду я выкупом за тебя, что ты хочешь от Ṭувайса? На нем гнев Аллаха, он жеманник и порочит того, кто знаком с ним". Но ʿАбдаллāх ответил ему: "Не говори так. Поистине, он приятен нам, весел и обходителен".

Когда Ṭувайс выслушал их разговор, он поспешил в дом и сказал своей жене: "Горе тебе, к нам пришел ʿАбдаллāх ибн Джаʿфар, предводитель людей. Что у тебя есть?" Она ответила: "Заколем эту козочку". А была у нее козочка, которую она вскормила молоком. Он поспешил и заколол козочку, а жена замесила тесто. Затем он вышел навстречу к ʿАбдаллāху, направляющемуся к нему, и сказал ему: "Да искуплю я тебя моим отцом и моей матерью, этот дождь... Не хочешь ли войти в мое жилище? Ты отдохнешь в нем, пока не перестанет /литьʃ небо". Тот ответил: "Ты-то мне и нужен!" Ṭувайс сказал: "Тогда иди, мой господин, с благословением Аллаха!" – и он пошел перед ним, пока они не вошли и не расположились. Они беседовали, а когда еда была готова, Ṭувайс сказал: "Да искуплю я тебя моим отцом и моей матерью, ты почтишь меня, если поужинаешь у меня". ʿАбдаллāх ибн Джаʿфар сказал: "Давай, что у тебя есть!". Тогда он принес ему жирную козочку и лепешки, и тот ел, и ели его спутники, пока не насытились, и он нашел пищу очень вкусной. А когда они вымыли руки, Ṭувайс спросил: "Не угожу ли я тебе, если спою тебе?" Тот ответил: "Сделай это, Ṭувайс!" Тогда он взял покрывало, завернулся в него и спустил два конца. Затем он взял свой квадратный бубен, начал прохаживаться и петь:

(1) О мой друг, постигла меня бессонница;
не спал мой глаз и не был скуп [на слезы].
(2) Как ты можешь бранить меня за человека любящего,
которым наслаждается моя печень?
(3) Его наружность подобна сиянию полной луны,
и он не труслив и не строптивый подлец.

Люди были взволнованы, и они сказали: "Ты хорошо спел, клянемся Аллахом, о Ṭувайс!". Затем он спросил: "О мой господин, знаешь ли ты, кому принадлежат эти стихи?". Тот ответил: "Клянусь Аллахом, не знаю, но я услышал хорошие стихи". Тогда Ṭувайс сказал: "Они принадлежат Ḳāриʿе бинт С̱āбит, сестре Ḥассāна ибн С̱āбита. Она любила ʿАбдаррахмāна ибн ал-Ḥāриса ибн Хишāма ал-Махзӯмӣ и сочиняла о нем стихи". Люди опустили головы, а ʿАбдаррахмāн так смутился[27], что если бы земля раскололась перед ним, он навеки вошел бы туда" (Аг., II, с. 173).

"Книга песен" сохранила два рассказа, в которых Ибн Сурайдж, лучший певец омейядского периода, дает оценку певцу Ṭувайсу. Передаем один из них:

"Приехал Ибн Сурайдж в Медину. Однажды он сидел с группой людей, и они говорили ему: "Ты, клянемся Аллахом, лучше всех людей поешь!", между тем как Ṭувайс проходил мимо них. Он слышал, как они говорили это. Тогда он вытащил из-за пазухи свой бубен, ударил в него и запел стихи Ибн Зухайра Жеманника[28]:

(1) Воистину, жеманница, которая прошла
мимо нас перед рассветом,
(2) [Одетая] в узорчатую мекканскую ḥуллу,
тонкостанная –
(3) Это краса их собрания [в день] разговения,
и она украшает их в день жертвоприношения[29].

И сказал Ибн Сурайдж: "Этот, клянусь Аллахом, лучше всех людей поет, не я!" (Аг., II, с.174).

Конечно, Ибн Сурайдж, который вообще отличался деликатностью и профессиональным тактом, перехвалил Ṭувайса. Однако даже без его оценки мы видим, что Ṭувайс пользовался популярностью и любовью у своих земляков-мединцев. Мелодия на приведенные стихи принадлежит ему, это "хазадж", и говорят, что Ṭувайс был первым, кто создал эту мелодию и кто лучше всех ее исполнял, так что даже, когда хотели похвалить какого-нибудь певца за ее исполнение, говорили: "Он лучше в "хазадже", чем Ṭувайс". (Аг., IV, с. 38).

Возможно, Ṭувайс действительно был лучшим исполнителем этой мелодии, но едва ли справедливо то, что он был ее создателем. В сведениях о Ваддāḥе ал-Йамане (уб. 711-712), йеменском поэте этого же периода, мы нередко читаем, что те или иные его стихи исполнялись на мелодию "йеменский хазадж", или "древний йеменский хазадж" (Аг., VI, с. 35, 36, 44, 46), что наводит нас на мысль о том, что эта мелодия имеет свою историю и что ее родиной является Йемен. Мы видели, что Ṭувайс часто пел стихи йеменского поэта и певца З̱ӯ джадана. Мелодия, на которую он их исполнял, осталась для нас неизвестна, однако мы можем предположить, что он пользовался готовой мелодией самого З̱ӯ джадана. Это, с одной стороны, говорило бы о том, что Ṭувайс был преемником йеменской песенной традиции, а с другой – упоминание мелодии "древний йеменский хазадж" или просто "йеменский хазадж" в главе о Ваддāḥе ал-Йамане вместе с сообщением о том, что стихи Ваддāḥа исполнялись на эту мелодию певцами Хиджаза (Аг., VI, с. 36, 44), позволяет думать, что и мелодия "хазадж" пришла в Хиджаз из Йемена и что Ṭувайс лишь ввел ее в обиход.

Кстати, песня Зу джадана "Что с твоими домочадцами, Рабаб?.." была популярна не только в омейядский период. Ее пели и в аббасидский период, и "Книга песен" передает нам рассказ, свидетельствующий и о ее популярности и о той притягательной силе, которой обладало пение в те времена.

"Рассказал Хусайн ибн Дахман ал-Ашкар30:

"Был я в Медине и в середине дня оказался один на дороге. Я начал петь:

"Что с твоими домочадцами, Рабаб?
Смотрят они исподлобья, словно сердятся..." -

и вдруг открылось окно и показалось лицо, а вслед за ним рыжая борода, и этот человек сказал: "О прелюбодей, ты испортил песню, нарушил полуденный отдых и распространил разврат!" Затем он сам пустился петь, и я подумал, что это Тувайс распевает. Я спросил его: "Да окажет тебе Аллах благодеяние, откуда у тебя эта мелодия?". Он ответил: "Я рос мальчиком, которому случалось бывать с певцами и перенимать от них мелодии, но моя мать сказала мне: "Сынок, если певец безобразен лицом, на его пение не обращают внимания. Брось пение и займись законоведением, некрасивое лицо не вредит ему". И я оставил певцов и стал следовать законоведам, и Аллах - велик Он и славен! - привел меня к тому, что ты видишь". Я попросил его: "Повтори то, что ты спел, да буду я выкупом за тебя". Но он ответил: "Нет, ни за что. Или ты хочешь говорить, что взял ее у Малика ибн Анаса?"[31] - и вот это сам Малик ибн Анас, а я этого и не знал" (Ар., IV, с. 39-40).

Итак, у нас есть основания полагать, что Тувайс был связан с йеменской песенной традицией. Мы можем также предположить, что он был знаком со всеми видами древнего пения. Кроме того, мы можем с достаточной долей уверенности думать, что Тувайс, как человек, хорошо знавший историю и население Медины, должен был быть знаком с музыкальной и песенной традицией еврейских племен, издавна живших в Медине, пока пророк, поссорившись с ними, не изгнал их из города. Возможно, что и бубен, под аккомпанемент которого обычно пел Тувайс, был им заимствован от них, тем более, что никто из первых профессиональных певцов, насколько позволяют судить об этом данные, бубном не пользовался. На эту мысль нас наводит следующее краткое, но красочное сообщение:

"Когда пророк - да благословит его Аллах и да приветствует! - совершил поход против племени ан-надир[32] и изгнал их из Медины, они вышли, направляясь в Хайбар[33], бия в б у б н ы и играя на дудках, между тем как на женщинах были надеты, с целью показать свою стойкость, платья, выкрашенные желтяницей, и украшения из золота" (Ар., II, с. 175).

Первой певицей, исполнявшей свои песни под аккомпанемент музыкальных инструментов, была ʿАзза ал-Майла' (Ар., XVI, с. 13-20). Она была вольноотпущенницей ансаров и жила постоянно в Медине. ʿАзза была прекрасна лицом и телом и благодаря гибкости своего стана и покачиванию при ходьбе получила прозвище ал-Майла', что значит "гибкая", "склоняющаяся". Она хорошо играла на лютне и была неутомима в пении, отличалась мастерством исполнения и композиции.

Жители Медины, помнившие ʿАззу, говорили о ней: "Как она хороша! Как прекрасно ее пение и протяжность ее голоса, как богато ее горло, как хороша ее игра на лютне, литаврах и прочих инструментах, как красиво ее лицо и как изящен ее язык, как полно общение с нею, как благороден ее характер, как щедра ее душа и как хороша ее помощь" (Ар., XVI, с. 13-14).

Упомянутый нами поэт Хассан ибн Сабит, панегирист Мухаммада, восхищался ʿАззой ал-Майла' и отдавал ей первенство среди певиц Медины. Известно, что она сочиняла мелодии на его стихи (Ар., XVI, с. 16). Певец Тувайс,

живший по-соседству с ʿАззой и навещавший ее, говаривал о ней: "Она госпожа поющих женщин, при том, что она обладает исключительной красотой, прекрасным характером и незапятнанным исламом. Она приказывает [делать] добро, будучи сама из числа людей добра, и запрещает зло, сторонясь его, и ты не нуждаешься ни в собеседнике, ни в обществе более благородном, чем она... А когда она, бывало, давала концерт, казалось, что на головах собравшихся сидит птица: если кто заговорит или пошевелится, она клюнет его в голову". Знаменитый певец Ибн Сурайдж был от нее в восхищении (Ar., XVI, с. 14).

Младший современник ʿАззы певец Маʿбад рассказывал, что он слушал, как ʿАзза пела, когда она уже была в годах, под аккомпанемент литавров романс на стихи ал-Атнабы[34]:

"Потешьте меня и потешьте двух моих спутников:
напоите меня из бурдюка прозрачного вина!"

Маʿбад сказал: "И никто никогда не слыхал ничего более прекрасного, чем это. Таким было ее пение, когда она была уже пожилой. Как же она пела, когда была молода?!" (Ar., XVI, с. 14).

О пении ʿАззы в молодые годы мы можем судить по рассказу, передаваемому нам "Книгой песен" со слов одного мединца-анṣара:

"ʿАзза была одной из наших вольноотпущенниц. Она была целомудренна и красива, и ʿАбдаллах ибн Джаʿфар, Ибн Абу ʿАтик[35] и ʿУмар ибн Абу Раби ʿа[36] посещали ее дом, и она им пела. Однажды она спела ʿУмару ибн Абу Раби ʿа один из своих романсов на какие-то из его стихов. ʿУмар разорвал свои одежды и испустил громкий вопль, вместе с которым он лишился чувств. А когда он пришел в себя, люди сказали ему: "Безрассудство, поистине, изменило тебя, о Абу-л-Хаттаб!". Поэт ответил: "Клянусь Аллахом, я услышал такое, после чего я уже не мог владеть ни собой, ни своим рассудком" (Ar., XVI, с. 14).

В другом сообщении рассказывается о том, как Ибн Абу ʿАтик, восхищавшийся ʿАззой ал-Майла', пришел однажды к ʿАбдаллаху ибн Джаʿфару и спросил его: "Ты мне за отца и за мать, не хочешь ли послушать ʿАззу, так как я уже стосковался по ней?". Тот ответил: "Нет, сегодня я занят". Ибн Абу ʿАтик сказал: "Ты мне за отца и за мать, поистине, она оживляется только в твоем присутствии, поэтому заклинаю тебя, чтобы ты помог мне и оставил свое занятие". Тогда ʿАбдаллах ибн Джаʿфар согласился. Они пришли к ней и видят, что у нее перед дверью стоит посланный от эмира и говорит ей: "Брось пение, так как жители Медины шумят из-за тебя. Они сказали, что ты околдовала и мужчин их и женщин". Тогда Ибн Джаʿфар сказал ему: "Вернись к своему господину и передай ему следующие мои слова: "Заклинаю тебя, чтобы ты прокричал в Медине, спрашивая, какой мужчина стал порочным или какая женщина была соблазнена из-за ʿАззы, и требуя, чтобы он открылся в этом, чтобы мы знали и чтобы он показал нам и тебе свои обстоятельства". И посланец прокричал об этом, но никто не обнаружился. А Ибн Джаʿфар вошел к ʿАззе вместе с Ибн Абу ʿАтиком и сказал ей: "Да не устрашит тебя то, что ты слышала, и давай спой нам!". Она спела им стихи ал-Кутами (ум. ок. 720):

"Мы приветствуем тебя, о след жилища,
хоть ты и стерся и хоть долго тебя никто не посещал".

Ибн Абу ʿАтик задрожал от волнения, а ʿАбдаллах ибн Джаʿфар сказал ему, очевидно, признавая его чувствительность: "Я вижу, что мне не догнать твой кортеж, после того как ты услышал эту песню от ʿАззы" (Ar., XVI, с. 20).

Совсем как новелла из "Тысяча и одной ночи" звучит следующий рассказ: "В Медине был один благочестивый человек из людей науки и законоведения. Он навещал ʿАбдаллāха ибн Джаʿфара. Однажды он услышал певицу – невольницу одного из работорговцев, певшую "Уехала Суʿāд, и связь с нею пресеклась..."[37]. Он страстно в нее влюбился, слепо предавшись ей, и бросил то, чем занимался и чего придерживался, так что ʿАтāʾ и Тāвис[38] пришли к нему и стали его бранить. Но он отвечал им: "Представьте себе слова поэта:

"Из-за тебя ругают меня люди, с которыми я общаюсь,
но я не забочусь, улетело ли порицание или упало"[39].

Весть о нем дошла до ʿАбдаллāха ибн Джаʿфара, и он послал за работорговцем. Тот показал ему эту невольницу. ʿАбдаллāх послушал, как она поет эту песню[40], и спросил ее: "От кого ты ее переняла?". Она ответила: "От ʿАззы ал-Майлāʾ". И он купил ее за сорок тысяч дирхемов. Потом он послал за тем человеком. Он спросил его, как он поживает, и тот рассказал ему всю правду. ʿАбдаллāх спросил его: "Не хочешь ли послушать эту песню от того, от кого ее переняла эта невольница?". Тот ответил: "Да". Тогда он позвал ʿАззу и сказал ей: "Спой ее ему". ʿАзза спела, и этот человек упал без чувств, как громом пораженный. Ибн Джаʿфар спросил: "Не приведем ли мы его в чувство, побрызгав на него водой?". Ему побрызгали в лицо водой, и, когда он очнулся, ʿАбдаллāх ибн Джаʿфар спросил его: "Неужели до всего этого тебя довела любовь к ней?". Тот ответил: "То, что от тебя скрыто, еще больше этого". ʿАбдаллāх спросил: "А не хотел бы ты послушать эту песню от нее самой?". Ответил: "Ты ведь видел, что постигло меня, когда я услыхал ее от другой, которую я не люблю. Что же будет со мной, когда я услышу ее от нее самой, при том, что я не могу ею владеть?". ʿАбдаллāх ибн Джаʿфар спросил: "А ты узнаешь ее, если увидишь?". Ответил: "А то узнаю другую?". ʿАбдаллāх велел привести ее. Ее ввели, и он сказал: "Возьми ее, она твоя". Клянусь Аллахом, я на нее смотрел только со стороны". Тогда законовед поцеловал ему руки и ноги и сказал: "Ты дал сон моему глазу, ты оживил мою душу, ты оставил меня жить среди моего народа, ты возвратил мне мой разум!" – и он многократно призвал на него благословение. ʿАбдаллāх же сказал: "Я не соглашусь отдать тебе ее так. Эй, гулам, принеси к ней в придачу столько же, сколько она стоила, чтобы он не причинял заботы ей, а она не причиняла заботы ему" (Ag., XVI, с. 19).

Итак, мы видим, что ʿАзза ал-Майлāʾ пела прежде всего арабские песни, перенимая их у старших певиц – Сирūн, Зарнаб, Ḫаули, ар-Рабāб, Салмы и Рāʾиқи. Об этих старших певицах нам известно только то, что Сирūн была невольницей поэта Ḫассāна ибн Сāбита, что она сложила мелодию на его стихотворение "О сыны Джафны..." – "первый сақūл" – и что началом этой мелодии был "нашūд" (Ag., XVI, с. 18).

Рāʾиқа была наставницей ʿАззы и во время правления халифа ʿУсмāна (644–656) пела вместе с нею на концерте в ал-ʿИрсāне[41] у бану Нубайт другое стихотворение Ḫассāна ибн Сāбита, в котором он воспевает свою возлюбленную Шаʿсу, ставшую впоследствии его женой. Мелодию же на это стихотворение сложила ʿАзза. Это был "рамал на безымянный палец" (Ag., XVI, с. 15-16). Об остальных названных певицах "Книга песен" ничего не сообщает. Что касается ʿАззы, то она пела и другие стихотворения Ḫассāна ибн Сāбита. Затем, когда появились Нашūт и Сāʾиб Ḫāсир, певшие по-персидски, она переняла у них персидские напевы и на их основе сложила новые мелодии – применительно к стихам арабских поэтов. Таким образом, мы видим, что ʿАзза ал-Майлāʾ как бы объединила в своем творчестве две песенные традиции: арабскую и персидскую. Став выдающейся певицей, она, в свою очередь, передавала свое мастерство молодым начинающим певцам.

Крупнейшим певцом начала омейядского периода был Муслим ибн Муҳриз (Ag., I, с. 150-152). Впрочем, передатчики расходятся относительно его имени: некоторые говорят, что его имя было Силм, а другие – ʿАбдаллāх. Как бы то ни было, он стал известен по кунье Ибн Муҳриз. Он был вольноотпущенником, скорее всего, клана махзӯм племени қурайш, так как его отец был одним из служителей Каʿбы. Родом он был из персов. Это был человек высокого роста с бледным цветом лица.

Говорят, что Ибн Муҳриз начал свою карьеру певца с того, что перенял песни у мекканского певца Ибн Мисджаҳа. Жил он то в Мекке, то в Медине. Приезжая в Медину, он оставался там обычно три месяца, изучая игру на музыкальных инструментах у ʿАззы ал-Майлāʾ. Потом он возвращался в Мекку и там жил три месяца, затем отправлялся в Иран, где перенимал мелодии персов и манеру их пения. После этого он переезжал в Сирию и изучал там мелодии греков-византийцев и перенимал их пение. Он выбрасывал из мелодий тех и других то, что ему не нравилось, и брал то, что считал красивым. Соединяя одни мелодии с другими и приспосабливая их к стихам арабских поэтов, он создавал арабские песни, романсы, подобных которым еще никто никогда не слыхал. Это стало называться "ṣаннāдж ал-ʿараб"[42]. Передатчики говорят, что Ибн Муҳриз был первым, кто пел "рамал", и что до него "рамал" не пелся по-персидски. Они утверждают также, что персидский певец Салмак, живший в дни Хāрӯна ар-Рашīда (786-809), был первым, кто пел "рамал" по-персидски. Ему понравилась, между прочим, одна из мелодий Ибн Муҳриза, он применил ее к персидским стихам и пел созданную таким образом песню (Ag., I, с. 151).

Говорят также, что Ибн Муҳриз всегда пел парные бейты, считая, что "мелодии не бывают совершенны при нечетном числе стихов". Другие певцы делали это уже после него, подражая ему (Ag., I, с. 151).

Ибн Муҳриз не общался ни с халифами, ни прочими людьми, так как был болен проказой, от которой он и умер. Поэтому рассказы о нем связаны только с его пением, а его личная жизнь остается мало известной. Большинство из его песен переняла невольница одного из его мекканских друзей. Она запоминала их, а люди брали их уже от нее. Совершая свои поездки, Ибн Муҳриз все же давал концерты, так как, согласно передаче, зарабатывал на жизнь именно таким путем. Говорят, что добытые деньги он привозил своему другу, и тот тратил их по своему усмотрению, и Ибн Муҳриз никогда не требовал от него отчета. Когда же деньги начинали истощаться, друг снаряжал его в дорогу и говорил ему: "Если хочешь, поезжай". Тот ехал и возвращался, и так он поступал, пока не умер.

Рассказывают, что однажды Ибн Муҳриз отправился в Ирак, чтобы дать там несколько концертов. Узнав об этом, певец Ҳунайн, живший там и пользовавшийся популярностью, решил испытать его как певца. Он встретил Ибн Муҳриза в ал-Қāдисийе[43] и попросил: "Спой мне что-нибудь!" Ибн Муҳриз спел ему собственный романс на стихи ʿУмара ибн Абӯ Рабīʿа:

(1) Прелесть нанизанного хризолита
на открытой шее украсила ожерелье;
(2) Яхонты разделяют жемчуг, и, подобные
горящим уголькам, я увидел жемчужины".

Мелодия этого романса – "второй сақīл на указательный палец в месте движения безымянного пальца".

Выслушав романс, Ҳунайн спросил Ибн Муҳриза: "Сколько ты рассчитываешь получить в Ираке?". Тот ответил: "Тысячу динаров". Ҳунайн сказал: "Вот пятьсот динаров. Возьми их и уходи, но поклянись, что не вернешься". Ибн Муҳриз ушел, а когда это стало известно, товарищи Ҳунайна стали ругать его за то, что он сделал. Тогда Ҳунайн сказал им: "Клянусь Аллахом, если бы он вошел в Ирак, то мне рядом с ним не нашлось бы хлеба, который бы я ел и был бы я отброшен и выброшен до конца века".

Этот романс относится к наиболее ранним произведениям Ибн Муḥриза, и никто из певцов, как говорят передатчики, не создал ничего похожего на него в смысле метода (Ar., I, с. 152).

Согласно передаче, Ибн Муḥриз прекрасно пел. Случилось так, что однажды он проходил мимо Хинд, дочери Кинāны ибн ʿАбдаррaḥмāна ибн Надлы ал-Кинāни, союзника племени қурайш, и она пригласила его подсесть к ней и ее подругам. Он подсел и сказал:

"Я спою вам песню, мелодию которой приказал мне сочинить ал-Ḥāрис ибн Ḥāлид ибн ал-ʿĀс ибн Хишāм на одно из его стихотворений в честь ʿĀ'иши, дочери Ṭалḥи ибн ʿУбайдаллāха"[44]. А он был тогда эмиром Мекки. Они ответили: "Да!" – и он им спел:

(1) Как бы я хотел, если они станут далекими и жилище их
отдалится, и отвратят их от нас превратности,
приносящие заботу,
(2) [Между тем как] мы будем покорны, чтобы наша земля
переместилась или переместилась их земля к нам.
(3) Чтобы были возвращены вскоре вновь мои послания к тебе
с ответом на них и чтобы вернулась эта искренность.
(Ar., I, с. 152)

Этими двумя рассказами и ограничиваются передатчики в своих сведениях об Ибн Муḥризе.

Знаменитый певец времен аббасида Ḥāрūна ар-Рашīда, Исḥāқ ибн Ибрāḥīм, рассказывает: "Я спросил у Йūнуса[45]: "Кто лучше всех поет?". Он ответил: "Ибн Муḥриз". Я спросил: "Как это ты говоришь такое?". Он сказал: "Если хочешь, объясню пространно, а если хочешь, изложу вкратце". Я ответил: "Изложи вкратце". Он сказал: "Он как будто создан из каждого сердца: он поет каждому человеку то, что тот хочет" (Ar., I, с. 151).

Правда, этот же рассказ передается и об Ибн Сурайдже, самом большом певце омейядского периода, но не исключено, что Ибн Муḥриз в такой же или почти такой же мере заслужил этой оценки, так как он, поистине, был великим создателем песен и певцом. "Книга песен" сохранила еще один рассказ, в котором дается оценка Ибн Муḥриза как певца. Спросили одного человека, знающего толк в пении: "Кто лучше всех поет?". Он спросил: "Из мужчин или из женщин?". Ответили: "Из мужчин". Он сказал: "Ибн Муḥриз". Тогда его спросили: "А из женщин?". Ответил: "Ибн Сурайдж" (у Ибн Сурайджа был, по-видимому, высокий голос) (Ar., I, с. 151).

Говорят, что Ибн Муḥриз любил петь романс, созданный Ибн Сурайджом на стихи Нуṣайба, поэта омейядского периода, – это стихи из его қасīды, начало которой – "Взволновало ли твою страсть давнее жилище?":

(1) Вселил в меня страх перед разлукой плач голубки,
[сидящей] на ветке ивы, которой ответили другие голубки.
(2) Воркуют они ... Что касается того, кого они оплакивают,
то время его – давнее, а что до их тоски, то она постоянна.

Мелодия этого романса – "второй сақīл на безымянный палец". Этот романс, по мнению авторитетов, является прекраснейшим произведением, в котором Ибн Сурайдж по справедливости оспаривал превосходство у Ибн Муḥриза (Ar., I, с. 152).

Таким образом, в начале омейядского периода благодаря таким певцам, как Ṭувайс, Сāʾиб Ḥāсир, Ибн Мисджаḥ, ʿАзза ал-Майлāʾ и Ибн Муḥриз, в арабском песенном искусстве слились четыре традиции. Прежде всего это было древнее пение, характерное для кочевого народа и имевшее такие разновидности, как "ḥидāʾ" – песнь погонщика верблюдов, "рукбāни" или "нашīд" – песнь ночного всадника, "иншāд" – декламация нараспев и трудовая песня-речитатив. Мы видели, что у певицы Сирīн была, по крайней ме-

ре, одна песня, начинавшаяся с "нашīда". В укреплении этой традиции большую роль сыграла ʿАзза ал-Майлāʾ, преемница искусства старших певиц. Затем, это была культурная песня древних городов Йемена, давшая такого крупного представителя, как ʿАлас Зӯ джадан. Проводниками этого пения становились, по-видимому, чаще всего певицы-невольницы йеменского происхождения. Продолжателем этой традиции можно считать певца Ṭувайса, очевидно, хорошо знакомого с нею. Наконец, это были персидская и греческая песенные традиции, для освоения которых так много сделали Сāʾиб Хāсир, Саʿīд ибн Мисджах, отчасти ʿАзза ал-Майлāʾ и особенно Ибн Муҳриз.

Примечания

1 Зӯ джадан означает "обладатель голоса", "голосистый".

2 Ҳимйарское письмо.

3 Абӯ-л-Фарадж ал-Исбахāнī. Китāб ал-агāнī.. Каир, 1867, т.1У, с.37-38 (далее в тексте ссылки Аг. с указанием соответствующего тома и страницы).

4 Шарҳ дīвāн Имру-л-Кайс ли-с-Сандӯбī. Каир, 1953, с.211.

5 Шарҳ ал-муʿаллақāт ас-сабʿ ли-з-Заузанī. Бейрут, 1958, с.58-59.

6 Стихи даны в переводе А.Е.Крымского (История мусульманства. Ч.II. М., 1904, с.72).

7 Певицы, которых Ҳассāн слышал на пиршестве, причем второй из них была ʿАзза ал-Майлāʾ, что явствует из сообщений, данных в той же главе (Аг., т.ХУ1, с.15).

8 Джабала ибн ал-Айхам ал-Гассāнī - гассанидский царь из рода Джафны (см.: Аг., т. Х1У, с.2-9).

9 ʿĀд - название древнего йеменского племени.

10 Между вторым и третьим стихами чувствуется смысловой разрыв. Очевидно, здесь выпущены один или несколько бейтов.

11 Поэт омейядского периода.

12 Ал-Лакīк и Ғайб ан-Нāʿим - названия местностей.

13 Т.е. мекканский храм.

14 Местности в Сирии.

15 "Зарница" (букв. "молния горизонта").

16 Бейт из стихотворения ʿУмара ибн Абӯ Рабīʿа, поэта омейядского периода.

17 "Ṭувайс" означает "маленький павлин", а также уменьшительное от Ṭāвис.

18 Ансāры - сподвижники Муҳаммада из племен ал-аус и ал-ҳазрадж, которые оказали поддержку его учению.

19 Дальше речь идет о достоинствах, неудобных для перевода.

20 Т.е. из Корана.

21 Т.е. первую суру Корана, "ал-Фāтиҳу".

22 Селение в сторону Неджда от Медины.

23 Согласно этой передаче, имя певца было Ṭāвис, а Ṭувайс - уменьшительное от него.

24 Т.е. к храму Каʿбы.

25 Т.е. в Медине.

26 Коран, сура 76, стих 7.

27 Поэтесса была его родной теткой по отцу.

28 По-видимому, современник Ṭувайса.

29 Ḥ у л л а – одежда, состоящая из двух частей: изāра, покрывающего нижнюю часть, и ридā, покрывающего верхнюю часть туловища, или из трех: рубахи, изāра и ридā; день разговения – после окончания поста рамадāна, день жертвоприношения – 10 зū-л-ḥиджжа.

30 По-видимому, живший уже при Аббасидах сын Даḥмāна, певца омейядского периода.

31 Знаменитый законовед (715–795), основатель маликитской школы.

32 Одно из трех последовательно изгнанных племен.

33 Область на расстоянии 16 или 32 фарсахов от Медины по направлению к Сирии.

34 ʿАмр ибн ал-Аṭнāба ал-Ḫазраджū – царь Хиджаза (см. Аг., т. X, с.29–31).

35 Знатный курайшит, большой любитель поэзии и пения.

36 Знаменитый лирический поэт омейядского периода.

37 Стихи принадлежат доисламскому поэту ал-Аʿше из племени Қайса ибн Саʿлаба (ум. ок. 629).

38 ʿАтāʾ ибн Абū Раббāḥ – законовед (см.: Аг., т.I, с.100, т.II, с.132); Ṭāвис – по-видимому, тоже его товарищ по профессии.

39 Автор этих стихов пока не установлен.

40 Т.е. песню "Уехала Суʿāд, и связь с нею пресеклась..."

41 Название местности.

42 Т.е. "цимбалист арабов" или "превосходный певец арабов".

43 Селение в пятнадцати фарсахах от Куфы.

44 Ṭалḥа ибн ʿУбайдаллāх – соратник Муḥаммада.

45 Йūнус ал-Кāтиб – известный певец аббасидского периода, начавший свою карьеру как писец.

К. З. Хакимова

ФОНД "КАНЦЕЛЯРИИ КУШБЕГИ ЭМИРА БУХАРСКОГО" – ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ

Фонд "Канцелярии кушбеги эмира Бухарского" (Центральный государственный архив Узбекистана, № И–126) содержит две описи. В первой сосредоточены документы, отложившиеся в процессе деятельности самой канцелярии кушбеги[1], а также входящая корреспонденция – донесения с мест центральной власти. Документы первой описи написаны арабской графикой на таджикско-персидском языке. Во вторую опись вошла переписка канцелярии кушбеги с Российским императорским политическим агентством в Бухаре, в основном по вопросам взимания долгов и штрафов с бухарско-подданных в пользу русских граждан. Это оформленные дела со стандартными, отпечатанными обложками в количестве 5105 ед.хр. В этих делах страницы разделены по вертикали на две части: на одной текст написан на восточном языке, на второй дан перевод на русский язык.

Объектом нашего изучения является первая опись фонда "Канцелярии кушбеги эмира Бухарского", в которой заинвентаризовано 99 108 документов, систематизированных в 2004 ед.хр. (ниже ссылки на этот фонд даются только на номер дела и листа).

Хронологически фонд охватывает период после присоединения Бухары к России до падения эмирата в 1920 г., т.е. время правления трех последних эмиров мангытской династии: эмира Музаффара (1860–1885), Абдалахад-хана (1885–1910) и Алим-хана (1910–1920) (имеются отдельные ярлыки, васика и др., относящиеся к более раннему периоду).

Документы фонда "Канцелярии кушбеги эмира Бухарского" раскрывают как социально-экономическую жизнь, так и политическое положение эмирата. Из этих документов мы узнаем также о тяжелом положении народных масс, в частности о жестоком налоговом гнете.

В документах архива кушбеги сохранились нормы сбора податей по старинному обычаю для каждой местности и конкретно указано, сколько же собирали, злоупотребляя, податные сборщики, нарушая сложившийся обычай. Даже представители бухарской администрации были вынуждены в своих донесениях эмиру писать, что амлякдары[2] действительно взимали более положенного. Из документов этого фонда мы узнаем о весьма примечательном факте фиксации налоговой традиции в Ширабадском и Денаусском вилайетах, проведенной под давлением выступивших крестьян. В этих областях налоговый гнет достиг предела: сумма сбора основного поземельного налога – хараджа и дополнительных сборов составила более половины урожая (д.1268, л.49).

Невыносимый налоговый гнет послужил причиной глубокого недовольства, проявлявшегося в различных формах крестьянского протеста. Нами подобраны из фонда "Канцелярии кушбеги эмира Бухарского" данные о много-

численных крестьянских выступлениях, главным образом против налогового произвола податной администрации.

О фактах народного недовольства, в частности о крестьянских жалобах, отправке ходоков с жалобами на злоупотребления местной администрации, об отказе платить налоги, о бегстве крестьян в другие области и в Афганистан, так же как и о массовых крестьянских восстаниях нам известно из подлинных крестьянских жалоб-прошений и из донесений местной бухарской администрации верховной власти, которые сохранились в фонде "Канцелярии кушбеги эмира Бухарского".

Эти данные до настоящего времени не привлекали внимание исследователей, несмотря на то что представляют значительный интерес, поскольку заключают материал о своеобразном проявлении крестьянского недовольства против чрезмерно усилившегося феодального гнета.

Прежде всего следует отметить многочисленность крестьянских жалоб и то, что они исходили из самых различных районов эмирата, начиная от припамирского Дарваза и кончая областями Чарджоу, Бурдалыка и Наразыма. Очень много жалоб поступило из города Бухары. Несмотря на возможные преследования за жалобы крестьяне Бухарского эмирата постоянно протестовали против чрезмерной эксплуатации и тех действий администрации, которые они считали незаконными. В тех случаях, когда жалобы оставались безрезультатными, крестьяне жаловались вторично и в конце концов решались на более решительные действия - отправку ходоков, отказ от уплаты налогов, бегство в другие области, требования смены должностных лиц, избиения должностных лиц и, наконец, массовые вооруженные восстания.

На основании изучения документов фонда "Канцелярии кушбеги эмира Бухарского" ниже мы рассматриваем разнообразные формы крестьянских движений, происходивших в Бухаре в конце XIX-начале XX в.

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению крестьянских движений на основании изучения данных документов, следует сказать несколько слов о самих документах.

1. Крестьянские прошения - подлинные крестьянские жалобы, отличающиеся от официальных донесений должностных лиц своим малым размером (12 x 16, 14 x 22 см) и отсутствием риторических вступлений, цветистых словословий, уничижительных изъявлений покорности автора и т.п.

Крестьянские жалобы гораздо более лаконичны по стилю, начинаются с обычного обращения к эмиру: "О ласкающий раба!" - и затем сразу же излагается суть: перечисляются имена жалобщиков, объясняется причина жалобы.

Заканчиваются прошения обычным изъявлением покорности: "Да будем мы вашей жертвой!", многократным повторением (нечетное число раз) заключительной формулы, обязательной для всех писем эмиру от его подданных: "таксыр" ("виноватый").

Эти документы написаны на русской бумаге с фабричными знаками, черными чернилами, арабской графикой на таджикско-персидском языке. Подлинные крестьянские жалобы не датированы.

2. Многие крестьянские жалобы дошли до нас только в изложении местных или правительственных чиновников, сообщавших вышестоящим властям о фактах народного недовольства.

Эти донесения (ариза) чиновников эмиру отличаются от крестьянских жалоб прежде всего большим размером бумаги, на которой они писались (60 x 40 см и более). Бумага для донесений употреблялась только местная, полупрозрачная, кремового цвета с ясно просвечивающей крупной бумажной сеткой. Местное население называло эту бумагу "кокандской", - возможно, по месту ее производства в XIX - начале XX в.

Донесения писались местными блестящими черными чернилами. В отли-

чие от документов, исходящих от эмира, в которых некоторые слова писались золотом, для донесений, насколько нам известно по документам архива кушбеги, никогда не употреблялись ни золотые, ни красные чернила.

• Ариза не датированы.

Донесения чиновников с мест имели строго соблюдавшуюся единую внешнюю форму: бумага по вертикали делилась на две неравные части. Левая часть была занята обращением к эмиру, цветистыми восхвалениями его достоинств и уничижительными изъявлениями покорности авторов донесений и иногда приводились их имена. Замечено, что имена авторов донесений писались лишь в тех случаях, когда ими были духовные лица: казии, раисы и др., принадлежавшие к "дуогуян", т.е. "молельщикам" за благополучие эмира и его государства. Когда же донесения исходили от правителей областей или амлякдаров и прочих чиновников, не принадлежавших к сословию духовенства, то их имена в тексте донесений не обозначались. В таких случаях авторы донесений обозначали себя только термином "ин гулам" – "этот раб", так что имя автора мы можем прочитать только на оттиске его именной печати, которая прикладывалась на место соединения концов треугольной бумажной обертки (лифаф), в которую заворачивались сложенные вдвое и скрученные в трубочку донесения.

Текст левой стороны донесений всегда написан очень крупно, редкими строчками с большими расстояниями между ними, по мере приближения к низу бумажного листа постепенно сокращавшимися.

Правая сторона бумажного листа донесений писалась более мелким почерком, косыми тесными строчками, перевернутыми на 120 – 150° по отношению к тексту левой, парадной, стороны документа.

В правой части излагалась фактическая суть донесения, которая начиналась с истории вопроса, часто с дословного цитирования крестьянской жалобы. Именно эта часть донесений – изложение жалоб и дальнейшее описание хода крестьянских волнений и представляет главную ценность этих официальных донесений как источника по истории крестьянского движения в эмирате.

3. Дошедшие до нас некоторые мубарек-наме[3], в которых по поручению эмира должностным лицам предписывалось расследовать поступившие на имя эмира жалобы. Часто в них излагалось содержание первичных крестьянских жалоб.

Размеры мубарек-наме небольшие, колеблются в пределах 6 х 9 – 9 х 12 см.

В этих документах сразу же после обращения к богу указывалось имя чиновника, которому предписывалось расследовать поступившую жалобу, и кратко излагалось содержание этой жалобы.

Мубарек-наме датированы. Иногда текст мубарек-наме заверялся приложением эмирской печати. Чаще оттиски печатей эмиров находятся на обороте мубарек-наме, в левом нижнем углу.

На основании данных упомянутых документов мы рассмотрим ниже различные формы крестьянских движений.

Крестьянские жалобы

Большинство дошедших до нас жалоб бухарских крестьян – коллективные, исходящие от групп крестьян, родовых подразделений и даже целых селений во главе с аминами[4], аксакалами[5] и другими представителями низовой сельской администрации.

По содержанию – это жалобы на произвол и насилия местной администрации, начиная от хакимов, их податных сборщиков, а также казиев, раисов и кончая аминами и аксакалами.

Используемые нами в настоящей статье крестьянские жалобы рассматриваются в следующем порядке:

1) жалобы на правителей областей;

2) жалобы на неправильное определение размера урожая сельской администрацией (аминами и аксакалами), обозначаемое термином "тахмин"[6];

3) жалобы на неправильные записи в налоговых книгах (дафтар);

4) жалобы на неправильное определение размера налога амлякдарами;

5) жалобы на неправильную выписку – пайгир[7], на основании которой взимались налоги;

6) жалобы на взыскание налогов по повышенным рыночным ценам;

7) жалобы на повторное взыскание налогов вследствие ошибочной записи в дафтар; на повторное взыскание налогов с крестьян местностей, расположенных на границе между двумя амляками[8], на сбор налогов с которых претендовали оба соседних амлякдара;

8) жалобы на незаконные требования амлякдарами налога с крестьян, обрабатывавших мильковые земли и земли танхо, несмотря на то, что крестьяне уплатили налоги владельцам милька и танхо;

9) жалобы скотоводов на неправильный сбор закята;

10) жалобы на злоупотребления казиев, раисов и т.п.

Из крестьянских жалоб мы узнаем о многих выступлениях бухарских крестьян. Например, в середине 80-х годов крестьяне Абдалла, Ибадалла, Намбек, Мирсаид, Джелу бай и Тахир бай из вилайета Кабаклы жаловались на Хайдаркул-бека бия[9] дадха[10], имевшего титул Амарат панах: "23 года тому назад мы оживили государственные земли вилайета и, приложив много труда, обработали их. Ежегодно мы платили с этих земель харадж. Все это было известно и большим и малым. В этом году Амарат панах Хайдаркул-бек дадха, назначенный к нам, направил своих людей по имени Урун и Мулла Хидир скосить наш клевер и отдал его на корм своим лошадям, причинив нам много вреда и оскорблений.

Когда мы, бедные крестьяне обратились к дадха, он ответил, что якобы это его земли..." (д.1267, л.14).

Перед нами протест против захвата правителем крестьянских земель и издевательства над крестьянами.

В другой жалобе крестьяне Каратегина пишут: "...прошло уже два-три года с тех пор, как Амарат панах назначен хакимом. День за днем он совершает все больше насилий и притеснений по отношению к нам, беднякам. Он заставляет нас, бедняков, выполнять многие непредусмотренные обычаем повинности, назначил во все местности амлякдаров – тиранов, и каждого из крестьян беспричинно бьют, арестовывают, конфисковывают их имущество..." (д.1271, л.49).

Эта жалоба особенно интересна упоминанием о правителе, заставлявшем крестьян выполнять много новых, непредусмотренных обычаем, повинностей. Видимо, здесь имеются в виду какие-то отработки.

Крестьяне Карши жаловались эмиру, что их урожай стравливается скоту и пропадает из-за того, что правитель задерживает сбор налогов (д.1267, л.51).

Крестьяне Гиссара писали даже, что из-за притеснений правителя они вынуждены покинуть свою родину (д.1267, л.51).

Крестьяне Зиадина жаловались на своего правителя – Таки туксабу[11], который, злоупотребляя своим положением, начал взимать налог кош-пули[12] в три с половиной раза больше установленного обычаем. Это одна из подлинных крестьянских прошений-жалоб. Приводим ее текст полностью:

"О ласкающий раба!

Рабское донесение слуг ваших зиадинцев Турсункул бая, Имам Садых бая, Нормухаммад бая, Бабакула, Мулла Улуг Абдаррахмана и Абдаррасула вашему величеству, высокому нашему господину и владыке с надеждой на великодушный прием.

О ласкающий раба! Да станем мы жертвами благословенной главы нашего господина. О опора мира! Эти рабы – фукара[13] должны были платить по обычаю с каждого коша /земли/ 32 танга[14] /налога/. Ныне Таки туксаба взимает с ваших рабов, причиняя насилия, по 115 танга.

Надеемся, ваше величество, наш владыка, на /Вас/, что Вы, издав распоряжение, прикажете расследовать /нашу жалобу/. И если действительно так, /как мы описываем/, то осчастливьте этих бедных рабов грамотой о ежегодном нашем таамуле[15].

Мы, немощные бедняки, кроме вашего величества, благодетеля не имеем. О Аллах! Будьте здоровы! От лица невежества мы сделали рабское донесение. Еще раз /Вы/–наш уважаемый господин.

Виноватый (три раза)" (д.1270, л.18).

Крестьяне жаловались не только на тяжесть налогов, но и на архаическую систему их сбора, представлявшую слишком широкое поле для злоупотреблений.

Злоупотребления податных сборщиков начинались задолго до сбора налогов, еще при примерном предварительном определении размера будущего урожая на корню, которое проводилось сельскими аминами и аксакалами и называлось "тахмин". Далее, при проведении истифа, когда амлякдары, объезжая крестьянские поля, на основании уже проведенного предварительного определения, взимали налог. Так, в 1882–83 г. с крестьянина Нур Мухаммада по тахмину урожай пшеницы был установлен в 12 ман[16]. Только благодаря посредничеству его родственников, а также аминов и аксакалов во время проведения истифа размер тахмина был снижен до 8 ман. Крестьянин не согласился и стал жаловаться. Тогда амлякдар сбавил еще один ман, оставив 7 манов (д.1267, л.44).

Из этого документа наглядно видно, что при предварительном определении размера будущего налога количество урожая сильно завышалось: так, в данном случае вместо 7 ман урожай зерна был определен в 12 ман, т.е. почти на 43% больше.

Нияз аксакал, Нурназар бай, Ташмухаммад бай, Мулла Умур, Асман бай, Мухаммад Салих, Уста Сахиб, Мавлян бай жаловались: "Мы являемся бедными крестьянами, молящимися за Вас. Люди Саадат панаха (видимо, правителя. – К.Х.) и амлякдары местности Нахридума и Гапана причиняют нам на наших хирманах заботу, говоря, что налог будет взиматься не по наличию урожая, а по тахмину" (д.1267, л.38).

На обременительность примерного определения размера будущего урожая жаловалась даже зажиточная часть населения. Так, казий местности Нахрипая доносил: "...до проведения истифа вилайета Якуб бай из дехкан и почитаемых людей общины кипчаков Балка обратился с жалобой к ныне уже покойному **его** величеству (т.е. эмиру. – К.Х.), что большинство крестьян из-за тахмина **и** хасбура[17] несут большие убытки..." (д.1268, л.41).

Но амлякдары не довольствовались и этими завышенными цифрами сбора налогов. Мулла Изаматдин, казий Ширабадского вилайета в 1885–86 г. писал в своем ответном донесении эмиру: "Дустяр ходжа, Намад аксакал, Мухаммадкули, Биган аксакал, Абдаррахман, Сайид Мухаммад бай из фукара вилайета Ширабад сообщали в своей жалобе вашему величеству, что Амарат панах Садык-бек бий назначил своих сыновей и братьев амлякдарами. Они, вопреки обычаю вилайета, не считаясь с тахмином аминов и аксакалов, не измерив количества танапов[18] под садами и травами, записывают вдвое: вместо 4 ман зерна они записывали 8 ман, сбор с соломы и с каждого вида посева записывают больше, чем следует" (д.1267, л.76). При внесении размера налога в дафтары, амлякдары не считались с мнением аминов и аксакалов.

При определении налога с садов и трав податные сборщики не измеряли количества земли, хотя налог танабана[19] взимался в зависимости от коли-

чества танапов земли. Совершенно очевидно, что амлякдары специально не проводили измерения земель, поскольку это было для них невыгодно и они не смогли бы записывать вдвое больше налога.

Крестьяне не могли остаться равнодушными к произволу налоговых чиновников, они продолжали жаловаться, надеясь на улучшение своего положения. Так, одна из обнаруженных нами ариза, написанная от имени фукара амляка Майманак вилайета Карши содержит жалобу на амлякдара, взимавшего налоги бо́льшие, чем записанные в налоговых книгах. Приводим текст этой ариза полностью:

"О ласкающий раба!

Рабское донесение слуг ваших Мулла Халназара аксакала, Умур бая аксакала, Сахиб аксакала, Бабаджан аксакала и других фукара амляка Майманак вилайета Карши его величеству нашему господину и владыке с надеждой на великодушный прием. Да станем мы жертвами! Мы являемся молельщиками-фукара! Лютфалла караулбеги[20] в течение пяти лет является амлякдаром. Во время разбора различных дел фукара он причиняет тяготы. Взяв сбор дахйака[21] на откуп, доставляет беднякам и вдовам большой вред, сильно отягощает нас. Ныне налог взимает не по дафтару, а больше. Надеемся на посылку махрама[22] и высокой грамоты на имя казия Карши. Виноватый (пять раз)" (д.1270, л.17).

Требование уплаты налогов выше норм, записанных в налоговых книгах, также явилось поводом к жалобе крестьян местности Андук тумана Харканруд эмиру. В ней сообщалось: "... налог с наших земель больше, нежели был раньше, к тому же сборщики налога требуют еще больше" (д.1267, л.36). Чиновник, рассматривавший жалобу, всячески пытался обелить податных сборщиков. Он писал, что сам поехал совместно с аминами и аксакалами в амлякдархана[23]. Там амины, аксакалы и амлякдары поклялись, что государственный налог упомянутой местности был записан и взимался правильно. "Ныне в налоговые дафтары сборщиков налогов ни на один мискал[24] не записано больше. Ваш раб амлякдар ответил, что более сказанного аксакалам ни на один фулус[25] больше не взял" (д.1267, л.36).

Однако, как видно из донесения, результаты разбора жалобы не удовлетворили крестьян. Они, собравшись вместе, направились жаловаться. Но некоторые из "авторитетных" людей местности Андук, бывшие на базаре в местности Гишти, услышав о ходоках, послали человека вернуть их и, уже собравшись все вместе, направились к амлякдару. Амлякдар и упомянутые в документе "авторитетные" люди, видимо, сумели запугать и уговорить крестьян не ходить жаловаться, поскольку в донесении указано, что "...крестьяне раскаялись в своих действиях и согласились полностью уплатить свой налог" (там же).

Перед нами пример тенденциозного изложения событий чиновником, пытающимся вопреки фактам обелить податных сборщиков.

В другом донесении мы читаем: "В связи с жалобой Камал бая из местности махалля Казы тумана Пирмаст о неправильном взыскании налога с посевов пшеницы были проверены налоговые дафтары. В дафтаре следовало написать 3 мана дунимсир[26] (т.е. два с половиной сира, что составляет 3 мана 20 фунтов. – К.Х.), а записано 3 мана 13 дунимсир (т.е. 3 мана и 260 фунтов – К.Х.)" (д.1267, л.14). Так, пользуясь неграмотностью крестьян, податные сборщики записывали бо́льшую цифру, чем полагалось соразмерно урожаю.

В жалобе крестьян вилайета Наразым сообщалось: "Налог с весенних и осенних посевов с нас, крестьян, в свое время был установлен по совету аминов и аксакалов. Ныне Абдалхалик мирзабаши[27], Худайназар мираб[28] и Джума мираб, став сборщиками, объединились и вредят. Они записали на каждого крестьянина по 1–2 мана лишнего".

Крестьяне Байсуна жаловались на амлякдаров, которые при сборе хараджа брали с каждого человека на полмана, ман или 10 сиров зерна больше по сравнению с записанным в налоговые дафтары (д.1267, л.39; д.1270, л.62).

Группа из пяти-шести крестьян Паян-Таса жаловалась по поводу взимания баки-пули[29], кафсана[30] и малиата (д.1267, л.35).

15 крестьян амляка Султанабад вилайета Зиадин жаловались, что "... их налог с посевов пшеницы был завышен" (д.1268, л.48).

Только чрезмерной эксплуатацией, задевавшей интересы сельской низовой администрации, можно объяснить поведение отдельных ее представителей, как, например, аминов, которые иногда поддерживали справедливые требования крестьян, выступая против налогового произвола податных сборщиков. Один из амлякдаров в своем донесении эмиру писал: "Прибыв в местность Хазара для проведения истифа гузы[31] и джугары[32], я хотел установить размер налога по обычаю. Каждый из аминов Хазара - Абдалкадыр ходжа и Лютфалла, встав на сторону крестьян, не дали возможности провести истифа. Абдалкадыр ходжа, смущая и подстрекая крестьян, советует отказаться от уплаты хараджа. Упомянутые два амина, для того чтобы показаться крестьянам хорошими, защищают их, предлагают платить вместо одного мана - 1/2 мана, вместо 1/2 мана - 10 сиров и т.п." (д.1271, л.29).

Местные амины, видя злоупотребления податных сборщиков, видимо, считали, что крестьяне фактически должны были платить половину требуемого налога.

Из документов становится известным, что при составлении пайгиров амлякдары преднамеренно записывали завышенные суммы сбора налогов, нежели было вписано в налоговые дафтары. После общего настойчивого сопротивления крестьян чиновники вынуждены были признать их правоту. Так, Мухаммад Насир туксаба писал (не ранее 1888 г.) в своем донесении кушбеги, что крестьяне из местности Кабутархана жаловались на завышение налога по сравнению с записанным в налоговых дафтарах. Кушбеги сличил принесенный крестьянами пайгир с записями в дафтаре. Выяснилось, что действительно в пайгире записано больше (д.1270, л.20).

Как было указано выше, налоги собирались деньгами на основе цен, всякий раз специально для каждой местности указанных в эмирских грамотах. Но иногда, не дожидаясь этих "эмирских" цен, податные сборщики собирали налоги по наивысшим базарным ценам, которые были выше "эмирских". Доход от разницы между базарными и обозначенными ценами шел в карманы амлякдаров. Так, Мулла Нияз ходжа раис муфти писал (не ранее 1885 г.) в своем ответном донесении эмиру: "...по жалобе крестьян Кенимеха на сборщика налогов вашего раба Абдалмумина джибачи[33], взимавшего налоги по ценам, выше установленных, была получена грамота. Ваш молельщик казий, по повелению вашей обязательной для исполнения грамоты, пошел на базар Кенимеха и, собрав жителей, опросил их. Они рассказали, что с некоторых бедных крестьян было взыскано из расчета рыночной цены 20 танга... После получения повеления вашего владыки, цена пшеницы была определена в 18 танга..." (д.1267, л.17).

Автор донесения пытается вопреки фактам обелить действия амлякдаров. Он пишет, что налог собирали якобы по согласованию с крестьянами. Поскольку автор рассматриваемого документа заканчивает свое донесение словами, что путем уговоров сумел "успокоить крестьян", можно сделать вывод, что по вопросу о ценах на зерно, по которым собирался налог, среди крестьян Кенимеха возникли волнения.

В другом донесении чиновник, расследовавший жалобу крестьян, писал эмиру, оправдывая действия податных сборщиков: "...сей раб в присутствии аминов и аксакалов опросил крестьян. Они сказали, что согласились платить

по базарным ценам. Тогда базарные цены на пшеницу были 18 танга за ман, ячмень 12 танга... Через неделю на базар прибыло много зерна, и на каждый род зерн цены упали на 1–2 танга". Увидев это, пишет автор, „...некоторые из подстрекателей не пожелали платить по прежним ценам и, подняв скандал, понесли жалобу..." (д.1080, л.25).

Из отдельных жалоб мы узнаем, что некоторые крестьяне дважды включались в списки налогоплательщиков. Так, Биби Раджаб-ой из местности махалля Раван тумана Пирмаст жаловалась, что она уплатила аксакалу Хабибу харадж с джугары в размере 3 сира и чоп-мали[34] – 12 танга, а дахйак и баг-мали[35] – 20 танга. Ныне Мубаразат панах мирахур[36] требует с нее повторной уплаты налога (д.1267, л.1).

Бывали случаи, когда сборщик умирал, не успев отчитаться в собранном налоге. Тогда с крестьян требовали повторной уплаты налога. Так, крестьяне Китаба жаловались: "Мы полностью уплатили умершему Гули аксакалу причитавшийся с нас налог пшеницы. Амлякдар требует от нас повторной уплаты налога" (д.1271, л.18).

В поисках дополнительных источников дохода амлякдары иногда пытались взыскивать налоги с крестьян соседних земель, территориально относящихся к другим областям. Так, Худаяр бай, Турсункул бай, Ходжакул бай и Садык бай из жителей местностей Майда Ябу и Тизакли жаловались, что они с богарных земель платили налог амлякдару Зиадина. Однако к ним явился амлякдар Карши и требует повторной уплаты налога (д.1279, л.25).

Десять крестьян из местностей, относящихся к Каршинскому вилайету, писали в своей жалобе, что они раньше платили налог правителю Карши. В текущем году к ним явились люди Мирзы Кара-бека бия (амлякдара Чиракчи) и потребовали, чтобы налоги были уплачены им (д.1270, л.32).

Крестьяне Гиссара писали: "Прошло уже три года, как правитель Гиссара отдал нам для обработки земли местностей Кулбулак, Акбулак, Ташбулак и Шурьян. Мы уплатили налоги амлякдару Гиссара, ныне амлякдар Кабадиана тоже требует с нас уплаты налога" (д.1268, л.20).

В некоторых жалобах крестьяне сообщают, что налоговые сборщики требуют налоги с земель мильк и танхо, хотя эти земли были исключены из государственного налогообложения. Например, Мулла Мухаммад Вали и Мухаммад Алим из общины Исан мингли вилайета Халадж писали в своей жалобе эмиру: "Мы имеем 15 танапов наследственной мильковой земли, за которую никогда не платили ни одного фулуса хараджа. Теперь Унбеги Намза требует с нас харадж" (д.1267, л.7).

Или другой случай. Берды бай, Абдалвахид, Абдалджаббар, Рахматулла и Тухта Мурад из местности Кам-и Чарх тумана Камат жаловались эмиру: "Наша земля является танхо Джавхара мирахура, которому мы уплатили все налоги. Ныне Джавхар умер, люди амлякдара хотят взыскать с нас налоги повторно". При проверке жалоба крестьян подтвердилась (д.1270, л.5).

Крестьяне нижней части селения Харкана тумана Султанабад обрабатывали землю танхо Абдалвахаба ходжи накиба[37] в качестве его каранда[38]. Накиб взыскал полностью все налоги и вскоре умер. После его смерти амлякдар потребовал от крестьян повторной уплаты налогов (д.1267, л.37). Крестьяне Амирабада северных окрестностей Бухары тоже обрабатывали земли танхо Бахадур бия парваначи[39]. Бахадур бий, взыскав с крестьян налоги частью деньгами и частью натурой, выдал им расписки. Несмотря на это, амлякдар явился с требованием уплаты тех же налогов во второй раз (д.1267, л.66).

Податные сборщики взимали налоги даже с земель, занесенных песком. Так, Мирза Мурад и Барат бай имели в местности Тезгузар тумана Шафрикам 25 танапов земли, Шамсатдин Халмурад, Кадверберды, Иззатулла, Нами ходжа и Абдарраззак имели там же 34 танапа земли. Они жаловались эмиру,

что уже примерно пять лет, как их земли засыпало песком, обрабатывать их стало невозможно. Несмотря на это, они продолжали платить с этих земель танабана, харадж, муштбар[40] (д.1270, л.12).

Наряду с жалобами – протестами на произвол и насилие правителей областей и амлякдаров сохранились также жалобы на сборщиков закята. Мухаммад Юсуф бий диванбеги[41] доносил эмиру (не ранее 1889 г.), что скотоводы "...таджики и узбеки, возмутившись требованиями сборщиков закята, решили идти жаловаться и послали с каждого селения по два-три человека с жалобой" (д.1266, л.16). Мухаммад Юсуф бий диванбеги, проверив по поручению эмира положение дел, писал, что сборщики закята взимали за каждые 40 голов скота 41 танга, кроме того по 4 танга каламана[42] и санад-пули[43] и "еще несколько танга" (д.1266, л.16).

В данном случае крестьян подтолкнуло к выступлению то обстоятельство, что, как им было известно, в других областях размер закята был меньше (д.1159, лл.33,47,83). Из донесения Юсуф бия видно, что он признавал жалобу крестьян справедливой и считал более целесообразным назначать для сбора закята местных чиновников, хорошо знавших население, а не посторонних людей (д.1266, л.16).

Из изучаемых документов видно, что часто сборщики закята взимали налог, не пересчитав фактического наличия скота и не учитывая падежа (д.1267, л.33).

Много жалоб сохранилось на казиев, раисов и других должностных лиц, обиравших население. Раджаб бай амин, Абдалкадыр аксакал, Султан амин, Кадам аксакал, Хаким аксакал, Расул амин, Мирза Алим, Мулла Абдалгафур, Туракул амин и другие крестьяне вилайета Яккабаг жаловались эмиру, что казий мулла Фатхалла ходжа, "проявляя жадность к деньгам", взимает с них лишнюю плату за составление юридических документов, их переписку, за раздел наследств (д.1271, л.21).

Турды бай, Абдаррахман, Хизир Берди и Кадыркул из крестьян Бурдалыка в 80-х годах жаловались на казия муллу Камила, собиравшего с каждой общины мактаб-пули[44], а также требовавшего плату с весовщиков и бакалейщиков (д.1272, л.11).

Сто жителей Тавильдары Дарвазского вилайета жаловались (не ранее 1888 г.) на своего казия, взимавшего казийскую плату свыше установленной обычаем (д.1270, л.4).

Как и амлякдары, некоторые казии пытались заставить население соседних областей платить им различные сборы. Так, например, Саат Мумин ильбеги, Ширмухаммад ильбеги, Улумардан бай, Хасан бай и остальные из общины Каратамгалы вилайета Юрчи протестовали против произвола казия Сарыджуя. Они писали, что занимаются земледелием в местности Урта-кудук и свой харадж с давних пор отдавали правителям Юрчи. По обычаю плату за совершение обряда бракосочетания (никах) и за раздел наследств (тарика) взимали с них казии вилайета Юрчи. Ныне, вопреки обычаю, платы никахана[45] и тарикана[46] требует с них казий Сарыджуя (д.1271, л.46).

В отдельных случаях казии требовали уплаты сборов со скотоводов, давно откочевавших в другие области. Абдалла бай и Ходжа Абдалмумин из родов локай и карлук вилайета Куляб жаловались, что, хотя ранее их роды располагались в вилайете Бальджуан, уже несколько лет, как они перекочевали и стали подданными Куляба. Но казий Бальджуана по-прежнему требует с них уплаты никахана и тарикана (д.1266, л.7).

Не отставали от казиев в обирании населения и раисы. Так, крестьяне местности Куф дважды жаловались на раиса муллу Масуда, который занимался вымогательством денег, не следил за школами, которые разрушались, за мечетями, в которых перестали молиться и т.д. (д.1267, л.25).

В жалобе на раиса Ширабада муллу Мансура сообщалось, что с ремес-

ленников он взимал сверх обычного каждый базарный день по одной танга, давал незаконные подтверждения юридическим документам-риваятам и за это вместо обычного одного брал по два танга; за оформление купчих и за приложение печати он требовал такой же платы, какую взыскивал казий.

Крестьяне Яккабага жаловались на раиса муллу Абдалла Гафура, который взимал за составление юридических документов более установленного. Так, за составление махзара требовал уплаты 10 танга, если платили меньше - подвергал избиению (д.1271, л.41).

Около двух тысяч крестьян (местность установить не удалось) жаловались на вымогательства муллы Абдаррахмана раиса, ежедневно ездившего на базар собирать деньги. В случае отказа от уплаты, избивал (д.1270, л.11).

В жалобе на раиса муллу Ходжу крестьяне писали, что раис разными путями вымогает деньги у населения, берет взятки за предоставление должностей, требует за каждого учащегося в мактабе кроме установленной платы учителю еще по 15-20 танга (д.1267, с.23).

Группа крестьян Шаабада вилайета Хатырчи - Мулла Бабаназар, Худайберди, Абдассаттар Халмурад, Мулла Абдалхалим и другие жаловались на амина Юлдаша, учинявшего насилие при распределении воды (д.1270, л.6).

Большой интерес представляют коллективные жалобы крестьян вилайета Хатырчи по поводу несправедливого распределения оросительных вод (д.1266, л.31) и др.

Многочисленность дошедших до нас крестьянских жалоб является доказательством того, что жалобы были первичной и, пожалуй, самой распространенной формой крестьянского протеста.

Крестьянские ходоки

В тех случаях, когда отправленная в адрес эмира крестьянская жалоба не приносила желаемых результатов, крестьяне решались на более действенные формы протеста: они отправляли из своей среды доверенных лиц в качестве ходоков к эмиру или к высшим чиновникам эмирата.

В фонде "Канцелярии кушбеги эмира Бухарского" мы обнаружили документы об отправке крестьянских ходоков к эмиру, об их преследованиях со стороны местных и столичных властей. Сведения об отправке ходоков сохранились также в фондах "Канцелярии туркестанского генерал-губернатора" и "Российского императорского политического агентства". Ниже мы приводим выдержки из документов о крестьянских ходоках (порядок условно хронологический: точная датировка, как было указано выше, не всегда возможна).

(Не ранее 1883 г., датируется по имени Абдаррахим-бек бия, бывшего правителем Наразыма). 10 ходоков из вилайета Наразы являвшиеся представителями четырех общин (джамоа), ходили жаловаться эмиру на неправильное составление пайгиров и на отказ правителя Абдаррахим-бека бия показать налоговые дафтары, чтобы сличить их с исполнительными листами (д.1267, л.39).

(Не ранее 1883 г., датируется на основании даты на оттисках печатей авторов донесения - Пирназар-бека парваначи и казия муллы Абдарраззака). Абдулла бай и Ходжа Абдалмумин из родов локай и карлук из вилайета Куляб ходили жаловаться в Бухару на бальджуанского казия, который требовал с них уплаты сборов за совершение бракосочетания, раздел наследства и т.п., оплаты дорожных расходов посылаемых им людей, несмотря на то что они уже несколько лет тому назад переехали из Бальджуана в Куляб, построили дома и стали постоянными жителями (д.1266, л.7).

(Не ранее 1884 г., датируется на основании имени автора донесения Рахманкула диванбеги - правителя Бальджуана). Ходоки из Ховалинга и

Ях-су дважды приходили жаловаться правителю Бальджуана Рахманкулу диванбеги на своего раиса муллу Мирза Хаята, терроризировавшего население без всякого повода (д.1271, л.52).

(Не ранее 1885 г., датируется на основании даты на оттиске именной печати Низаметдина ходжы туксабы). 15 ходоков из селений амляков Султанабад Зиадинского вилайета пришли к правителю Низаматдину ходже туксабе с жалобой на завышение налога с посевов пшеницы (д.1268, л.48).

(Не ранее 1885 г.,датируется на основании дат на оттисках именных печатей авторов донесения - казия муллы Хади ходжи и Абдаррахим-бека мирахура). Крестьяне Пянджа и Туси тумана Камат Абдаррахман, Алим-бек, Хамид-бек и др. ходили жаловаться в Бухару к эмиру на податных сборщиков местности Зандани тумана Самджин, требовавшего уплаты хараджа с земель, с которых они уже уплатили налог своему сборщику из тумана Камат. Амлякдар Самджина,требуя уплаты налога,даже арестовал несколько человек. Проверка жалобы подтвердила правоту крестьян (д.1270, л.41).

(Не ранее 10 октября 1885 г., датируется на основании даты на оттиске именной печати правителя Ширабада Садык-бека бия). Крестьяне Ширабада направили несколько ходоков в Бухару с жалобой на амлякдаров, взимавших с них налоги выше нормы. Авторы рассматриваемого донесения эмиру - казий мулла Абдаррахим и правитель Ширабада Садык бий пишут, что трое из этих жалобщиков уже арестованы, а остальных троих, успевших скрыться, разыскивают (д.1267, л.69).

(Не позднее 31 октября 1885 г., ф.И-1, оп.34, д.639, л.1). Несколько ходоков из Ширабада ходили жаловаться эмиру на налоговый произвол податных сборщиков. Жалобщики были брошены в зиндан в г.Карши (д.1267,л.72).

(Не ранее 31 октября 1885 г., датируется на основании упоминания в тексте о покойном эмире Музаффаре и даты на оттиске печати Мухаммад Алим ходжи раиса). Около 200 крестьян местности Куль-Тибли Кулябского вилайета приходили жаловаться на поборы кулябского бека к соседнему бальджуанскому правителю (д.1266, л.13).

(Не позднее 10 апреля 1886 г., датируется по дате смещения с должности правителя Зиадина Таки туксабы, ф.И-3, оп.1, д.3, л.215). 50 крестьян-ходоков из Зиадина ходили жаловаться к эмиру на насилия правителя Таки туксабы, который тоже взимал с крестьян налоги дважды (д.1268, л.45). В документе - подлинной крестьянской жалобе, принесенной ходоками, говорится, что пришли в Бухару только 50 человек, а большинство бедняков не смогли прийти (д.1268, л.45).

(Не позднее 11 августа 1886 г., датируется по имени Тюри, правителя Гиссара, смещенного с этой должности 11 августа 1886 г., ф.И-1, оп.34, д.666, л.82). 500-600 крестьян Бальджуана пошли жаловаться к правителю на налоговый гнет и несправедливость сборщика податей Адина эшикакабаши[47]. Чиновник, оставленный в резиденции правителя, призвал воинские силы и находившихся при нем людей. Ходоков избили, связали и заковали в цепи (д.1201, л.49).

(Не ранее 1887 г., датируется по дате оттиска именной печати автора донесения Мухаммад Бахадур бия диванбеги). 100 ходоков из местности Тавильдора Дарвазского вилайета ходили жаловаться в Каратегин к Мухаммад Бахадур бию на своего казия муллу Захид ходжу, который, пребывая на должности казия в течение 12 лет, решал дела не по обычаю. Ходоки просили доложить об их жалобе эмиру (д.1270, л.4).

(Не ранее 1888 г., датируется по дате оттиска печати автора донесения). Крестьяне-ходоки из местности Кабутархана жаловались кушбеги, что налог с них записан в пайгирах больше, нежели было указано в налоговых дафтарах. Судя по тексту донесения, ходоки добились на этот раз того, что кушбеги сличил исполнительные листы с налоговыми дафтарами и установил, что жалоба крестьян была справедлива (д.1270, л.20).

(Не ранее 1889 г., датируется по дате на оттиске печати автора донесения Мухаммад Юсуф бия диванбеги). Узбеки и таджики Бальджуанского вилайета, возмутившись требованиями сборщика закята платить помимо закята еще дополнительные сборы около 10 танга с каждых 40 голов скота, послали от каждого селения по несколько человек ходоков к эмиру с жалобой (д.1266, л.16).

(Не ранее 1892 г., датируется на основании имени автора донесения). Крестьяне Джаркургана пошли к правителю Кабадиана Мухаммад Шарифу эшикакабаши с жалобой на неправильное взимание с них аминаны[48] (д.1247, л.5).

(Не ранее 1892 г., датируется на основании имени правителя Чарджуя Хайдаркул-бека дадха). 14 ходоков из вилайета Кабаклы жаловались на захват крестьянских земель вновь назначенным правителем Чарджуя Хайдаркул-беком дадха (д.1270, л.14).

(Не ранее 1894 г., датируется по имени правителя муллы Худай Бахша туксабы). Крестьяне Наразыма, придя в Бухару, жаловались эмиру на правителя Мулла Худай Бахша туксабу, который ввел новый сбор баки-пули и арестовал двух крестьян, явившихся к нему в качестве ходоков с просьбой отменить этот налог (д.1267, л.9).

(Не ранее 1895 г., ф.И-1, оп.34, д.791, л.32). Несколько ходоков из крестьян Паян-Таса ходили жаловаться в Бухару к эмиру по поводу чрезмерного взимания баки-пули, кафсана и хараджа (д.1267, л.35).

(Не позднее 1895 г., датируется на основании даты ареста правителя Дарваза Мухаммад Назир-бека бия 19 марта 1895 г., ф.И-1, оп.34, д.799, л.45). Представители горцев местности Куф Дарваза ходили жаловаться на своего раиса к правителю Мухаммад Назир-беку бию. Последний сумел уговорить жалобщиков и отправил их назад. Через два месяца они снова пришли с жалобой на того же раиса (д.1267, л.25).

(Не ранее 1897 г., дата на документах). Четыре ходока из туманов Пирмаста и Харканруда пришли в Бухару к эмиру жаловаться на сборщика закята, взимавшего налог, не пересчитав поголовья скота (д.1267, л.33).

(1900 г.) Биби Раджаб ой из махалля Раван тумана Пирмаст ходила жаловаться в Бухару к эмиру на амлякдара, требовавшего повторной уплаты налога (там же, л.1).

(Дату установить не удалось). Крестьяне местности Андук Харканруда ходили жаловаться в Бухару к эмиру на сборщиков налогов, взимавших с них более положенного. Для расследования жалобы прибыл специальный чиновник. Однако результаты расследования жалобы не удовлетворили крестьян и вторично несколько ходоков направились жаловаться (д.1267, л.36).

(Дату установить не удалось). Группа крестьян тумана Хайрабад ходила жаловаться в Бухару на бесконечные насилия раиса муллы Абдалхалика. Автор донесения сообщает эмиру, что при разборе жалобы к нему пришли около двух тысяч крестьян, которые жаловались на жестокости и угнетения указанного раиса (д.1271, л.24).

Из приведенных документов мы видим, что крестьяне, доведенные до отчаяния, посылали из своей среды ходоков в Бухару к эмиру с жалобой. Ходоки шли в Бухару по несколько человек, а иногда даже группами по 200-600 человек.

Крестьяне Восточной Бухары часто обращались к наиболее влиятельным бекам Бальджуана и Гиссара, поскольку до Бухары было далеко. В условиях бездорожья и отсутствия транспорта, чтобы добраться до Бухары пешком или верхом из таких отдаленнейших горных районов, как, например, Куляб или Бальджуан, нужны были недели, а то и месяцы.

И все же доведенные до отчаяния крестьяне шли жаловаться, оставляя свои неотложные дела и рискуя подвергнуться жесточайшим наказаниям, как, например, избиению палками, арестам в зиндане и даже казням. Как и в Рос-

сии, в Бухарском эмирате "Крестьяне не боялись зверских преследований правительства, не боялись экзекуций и пуль..."[49] и продолжали бороться.

Отказы платить налоги, обрабатывать землю и самовольное расходование зерна с хирмана

В тех случаях, когда ни посылка жалоб, ни отправка ходоков с жалобами к эмиру на произвол сборщиков податей не помогали, крестьяне решались на более решительные действия – отказ от уплаты налогов. Отказ от уплаты налогов представляет более высокую форму крестьянского протеста, так как предшествующие формы – и посылка жалоб и отправка ходоков к эмиру являются по существу только просьбой об улучшении их положения, тогда как отказ платить налоги – это уже действие активного сопротивления крестьян налоговому произволу и эксплуатации.

Ниже мы приводим содержание подлинных бухарских ариза, в которых сообщаются факты отказа крестьян платить налоги.

В 1885–86 г. крестьяне Ширабадского вилайета отказались от уплаты налогов, заявив, что взимаемый харадж больше положенного. Интересно, что в этом случае даже представители низовой сельской администрации (амины) поддержали жалобу крестьян (д.1267, л.72).

В том же 1885–86 г. крестьяне местности Куль-тибли Кулябского вилайета, уплатив часть хараджа, отказались платить остальное и направили ходоков с жалобой на податных сборщиков, взимавших налоги более положенного обычаем (д.1266, л.14).

Крестьяне местности Андук тумана Харканруда также отказывались от уплаты налогов до возвращения своих ходоков, отправившихся с жалобой к эмиру (д.1267, л.36).

Узбеки и таджики Бальджуанского вилайета, возмутившись повышенным размером налоговых ставок закята, послали с каждого селения по несколько человек к эмиру с жалобой и отказались от уплаты закята (д.1266, л.16).

В некоторых случаях отказ крестьян платить налоги был вызван жульничеством налоговых чиновников, которые требовали уплаты налогов по завышенным рыночным ценам.

Из документа мы узнаем, что крестьяне Гузара отказались от уплаты налогов по 18 танга за батман пшеницы и 12 танга за батман ячменя, так как на базаре этого района цены были на 1–2 танга ниже (д.1080, л.25).

Постоянные злоупотребления податных сборщиков, в частности завышение справочных цен, а также отдаленность рынков, трудности сбыта и т.п. вынуждали крестьян отказываться от уплаты налогов деньгами. Они предпочитали платить натурой. Так, например, Шахтура бай, Рахим бай и Нар бай из местности Ходжа-и Кукбулак Гузарского вилайета в 1889 г. писали в своем прошении эмиру, что хотят платить налоги по древнему обычаю – натурой, а не деньгами. Крестьяне Гузара даже приступили к постройке амбаров для сбора натурального налога (д.1271, л.39).

Не ранее 1886 г. крестьяне Ташкургана вилайета Яккабаг тоже решительно отказались платить налоги деньгами. Во время этого конфликта правитель вилайета Абдаррахман бий арестовал несколько человек "для устрашения остальных" (д.1267, л.75).

В 1888 г. в Хавалинге сборщик закята потребовал от скотоводов уплаты налога деньгами, но старшины просили принять закят скотом, поскольку народ не имеет денег (ф. 1, оп.34, д.633, л.139). Отказ сборщика закята принять налог натурой послужил поводом к восстанию Восе.

Иногда крестьяне предлагали выплатить налоги в половинном размере. Так, Абдалкадыр ходжа и Лютфалла – амины местности Хазара предложили крестьянам выплатить налоги в половинном размере: вместо одного мана – полмана, вместо полмана – 10 сиров и т.д. (д.1271, л.29).

Пять крестьян из местностей Чагона, Чархов и Наразыма в 90-х годах XIX в. отказались платить более 300 танга за свои посевы пшеницы (д.1267, л.32).

Несмотря на то что к крестьянам Джуи-Джангала несколько раз посылали людей для сбора налога баракат-и оли, никто не уплатил его (д.1270, с.37).

Исмаил-бек, посеявший пшеницу в горной местности Кар, при предварительном определении урожая был внесен в списки налогоплательщиков, однако отказался платить харадж (д.1270, л.40).

Некоторые крестьяне Кургантепе уклонялись от уплаты арендной платы и недоимок по закяту (д.1271, л.15).

Султан бай передал несколько танапов земли в местности Пушт "одному бедному человеку" для обработки. Но, сколько он ни приезжал, ничего не мог получить от этого бедняка и написал жалобу эмиру (д.1269, л.49).

Подобные случаи отказа крестьян от уплаты налогов наблюдались и ранее, например в первой половине XIX в.[50].

Отмечаются случаи, когда крестьяне в знак протеста против налогового произвола местных правителей отказывались даже от посевов. Один из чиновников доносил эмиру о крестьянах Ата-Кургана Джизака: "...крестьяне возмутились. В этом году на их землях не произведены посевы, даже истифа не проводилось [с крестьян], ничего не было собрано" (д.1272, л.49).

Наблюдались случаи, когда крестьяне самовольно уносили зерно нового урожая со своих полей до уплаты налога, несмотря на то что это было им категорически запрещено. Так было в Муминабаде в 1885-86 г. перед началом восстания (д.1266, л.12).

За отказ от уплаты налогов и за унос с полей нового урожая до уплаты налога крестьян жестоко наказывали. Сохранилось распоряжение эмира Абдалахада об аресте и отправке в Бухару трех жителей Каракуля за неуплату хараджа (д.1271, л.28).

Бегство крестьян в другие области и в Афганистан

Ни жалобы, ни отправка ходоков не улучшали положения народа. Податные сборщики продолжали творить насилия, налоговый произвол достиг предела.

Потеряв всякую надежду на облегчение налогового произвола, пытаясь спастись от разорительных поборов, крестьяне, бросая свои дома, переселялись из родных мест в другие области, где условия жизни казались лучше, а налоговой гнет меньше. В 1877 г. некоторые крестьяне Чарджоу, покинув свои дома и земли, переселились в Каваклы и Даргом. Причиной переселения послужило ограбление крестьян свитой правителя Чарджоу - наследника престола. Податные сборщики, нарушая все нормы сбора, взимали налоги в повышенных размерах (д.1269, л.36).

Иногда крестьяне бежали в другие области, спасаясь от преследований, так как споры с амлякдарами, посылка жалоб или отправка ходоков и отказы от уплаты налогов не оставались безнаказанными. Так, на почве налогового конфликта крестьяне местности Кикиту (Ширабадского вилайета.- К.Х.) бежали в Салихабад (д.2001, л.21). Двадцать крестьянских семей Янги Арыка, боясь преследований амлякдаров, переселились в вилайет Ширабад (д.1269, л.37).

В 1885 г., когда Худай Назар аталык объявил населению Куляба и Бальджука, что скоро начнет собирать недоимки по закяту, больше половины населения испугалось и бежало. Как сообщается в донесении, при Худай Назаре аталыке закятом облагались имущие и неимущие, что и явилось причиной бегства крестьян (д.1279, л.42).

Были случаи бегства крестьян даже за границу, в Афганистан. Так, бо-

лее половины крестьян Джаркургана из вилайета Кабадиан в 1892 г. ушли за Амударью (д.1247, л.5). 50 семей из Кургантепе тоже бежали в Афганистан из-за налогового произвола податных сборщиков (д.1270, л.3).

В середине 80-х годов XIX в. 40-50 семей локайцев и карлуков с женами и детьми хотели перейти через Амударью, но правитель Куляба задержал их (д.1159, л.112).

Когда жители Ховалинга и Ях-су решили покинуть родину из-за тяжести налогообложения, правителю Бальджуана "еле-еле удалось уговорить их остаться" (д.2001, л.47).

Ни отправка жалоб, ни посылка ходоков, ни отказы от уплаты налогов, ни бегства в другие области не изменяли тяжелого положения крестьянства.

Постепенно крестьяне стали убеждаться в том, что их жалобы бесполезны, и начали переходить к более активным формам борьбы - массовым выступлениям с требованиями ограничения эксплуатации и налогового произвола и восстаниям.

Нами подобраны из фонда "Канцелярии кушбеги эмира Бухарского" отдельные группы документов по крестьянским восстаниям 80-х годов в Ширабадском вилайете, Муминабаде Кулябского вилайета, в Денауском и Бальджуанском вилайетах, на Ях-су и т.п. [51].

Мы вкратце рассмотрим только некоторые из них.

Выступления крестьян Ширабадского вилайета. По выступлениям крестьян Ширабада нами подобрано пять ариза. Они не содержат ни дат, ни имени авторов. В ширабадских донесениях сообщается о трех выступлениях ширабадских крестьян, которые мы датируем: 1) до 31 октября 1885 г.; 2) позднее 31 октября 1885 г., но до 29 сентября 1886 г. и 3) позднее 31 октября 1885 г., но при новом казии Исаматдине.

Поводом к крестьянскому выступлению был налоговый произвол, который вынуждены были признать даже эмирские чиновники, прибывшие для расследования жалобы крестьян. При расследовании оказалось, что амлякдары взимали с крестьян намного более установленного старинным обычаем: взыскивалось от 40 до 50% урожая плюс различные дополнительные сборы, доходившие до 10% урожая, т.е. всего от 50 до 60% урожая. Это и вынуждало крестьян к выступлениям.

Выступление крестьян Ширабадского вилайета закончилось успешно - были фиксированы старинные нормы сбора налога и крестьяне получили на руки официальный документ с указанием этих норм. Местная администрация была вынуждена, хотя и на время, умерить свои аппетиты и уступить требованиям крестьян[52].

Выступления крестьян вилайета Денау. По выступлениям крестьян вилайета Денау нами обнаружено три ариза. Выступления крестьян вилайета Денау мы датируем не ранее 30 сентября 1886 г. и не позднее 9 августа 1888 г.

Налоговый произвол амлякдаров и здесь достиг предела. После приезда Сайид Назар-бека караулбеги, направленного эмиром для расследований крестьянской жалобы, была устроена очная ставка с амлякдарами. Последние вынуждены были признать, что брали свыше норм, установленных обычаем: размер налога превышал 41,5% урожая, а вместе с дополнительными сборами составил более 50%.

В Хизиршахе, Хайрабаде и других местах число выступивших крестьян достигало тысячи. Под давлением выступивших крестьян бухарские чиновники были вынуждены зафиксировать старинные нормы сбора. Составленный при этом акт был скреплен печатью правителя и передан на руки крестьянам. Фиксация традиции была проведена с целью успокоить выступивших крестьян и ограничить произвол амлякдаров. Эта фиксация старинных норм сбора нало-

га также произошла под давлением снизу, в результате крестьянских выступлений.

Кроме того правителю Денау было предложено сменить податных сборщиков. Это несомненно было победой крестьян[53].

Восстание крестьян Муминабада Кулябского вилайета. По восстанию в Муминабаде было обнаружено восемь ариза. Изучение этих документов, а также сопоставление их с данными фондов "Канцелярии туркестанского генерал-губернатора" и "Российского императорского политического агентства в Бухаре" позволяет датировать их и, хотя и фрагментарно, изложить картину народного восстания в Муминабаде.

Причиной восстания явилось тяжелое положение народных масс, усугубившееся стихийными бедствиями. Поводом к восстанию послужил налоговый произвол кулябского бека и его сборщиков налогов. После получения эмирской грамоты с рыночными ценами в Кулябском вилайете начался сбор налога.

В ряде местностей этого вилайета, как, например, в Культибли, крестьяне, возмущенные действиями амлякдаров, взыскивавших налог "более положенного обычаем", решили послать ходоков к эмиру. Раис Мухаммад Алим ходжа, автор одного из восьми изучаемых нами ариза, писал, что в Культибли жили узбеки и таджики, которые выступили совместно. Послав ходоков, крестьяне прекратили уплату налога, выжидая, пока вернутся их посланцы. Но узнав, что ходоки арестованы правителем, крестьяне, собравшись, направились в сторону Куляба, видимо, в резиденцию хакима, чтобы объясниться с ним и добиться освобождения арестованных.

Мухаммад Алим ходжа указывает (д.1266, л.14), что дойдя до местности Афтоблык, расположенной на расстоянии полташа[54] от Куляба, крестьяне остановились, видимо, обсуждая, стоит ли идти к хакиму Куляба. Узнав о прибытии крестьян, правитель Куляба выслал к ним своих чиновников. Но "прибывшие крестьяне, окружив этих чиновников, избили их кулаками и палками и, свалив на землю, нанесли им оскорбления".

Далее, выместив на этих чиновниках свои обиды, крестьяне заставили их идти вместе с собой, но уже не в Куляб, а в Бальджуан. Раис Мухаммад Алим ходжа доносил эмиру, что примерно 200 крестьян, заявив, что идут жаловаться эмиру, направились в сторону Бальджуана.

В ариза правителя Бальджуана Рахманкула бия парваначи эмиру сообщалось, что, узнав о прибытии муминабадских крестьян, хаким Бальджуана выслал к ним "своего человека" и, пригласив к себе пять-шесть старейшин, расспросил о причине их прихода. Крестьяне заявили, что пришли жаловаться на поборы своего бека (д.1266, л.13).

Возможно, правитель Бальджуана был более влиятельным, нежели кулябский. Это предположение подтверждается данными документов фонда "Российского императорского политического агентства в Бухаре" (ф.И-3, оп.1, д.3, л.47), в которых подчеркивается влиятельность бальджуанского бека, имевшего один из высших чинов эмирата - парваначи. Рахманкул бий сумел уговорить крестьян вернуться назад, но восстание не прекратилось.

В самом Муминабаде события развернулись следующим образом. Как доносил правитель Куляба Мухаммад Назир бий эмиру, после получения "эмирской грамоты" с рыночными ценами, муминабадские крестьяне не согласились платить налог деньгами и предложили выплатить натурой. Некоторые крестьяне даже самовольно унесли с гумна зерно нового урожая, не уплатив налога. В донесении подчеркивается, что между крестьянами и амлякдарами вновь и вновь возникали споры вследствие завышения нормы сбора налога (д.1266, лл.3, 15).

Из Бухары для расследования жалобы крестьян был направлен Хазраткул

мирахур. Примечательно, что этот мирахур отказался от преподнесенного ему крестьянами хизматана[55], говоря: "Пока крестьяне не сдадут до последней крошки государственный налог, я ничего не приму" (д.1266, л.15).

Вслед затем движение расширилось, приняв более четкий классовый характер. В совместном донесении казия муллы Мухаммад Юсуфа и раиса муллы Мухаммад Алим ходжи сообщалось о бедняках окрестностей Муминабада, которые "собравшись все вместе и вооружившись ножами и палками, вошли в Муминабад, избили всех родовитых сановников, вторглись в их жилища, грубо оскорбляли и беспокоили их (там же, л.12). Правитель Куляба Мухаммад Назир-бек бий, получив известие о дальнейшем развитии восстания, послал в Муминабад своего чиновника, видимо, для наблюдения за восставшими. От эмира из Бухары для разбора жалобы крестьян прибыл второй чиновник - Аллаяр мирахур, к которому привели некоторых из восставших. Но Аллаяр мирахур, как указано в документе - "аз назик-и вакт", т.е. ввиду напряженности времени, ограничился уговорами раскаяться и, ничего более не сказав, отпустил. Необходимо отметить, что руководители восстания умело использовали момент, поднимая народ тогда, когда все военные силы кулябского бека были брошены на отпор внешнего врага. В донесении казия и раиса Куляба сообщалось далее, что "во время появления афганцев у реки, когда все войска и нукеры находились на берегу, те же люди (т.е. руководители восстания. - К.Х.) вновь толкнули крестьян к мятежу" (там же). Здесь, видимо, имеется в виду переход афганцами реки Пяндж и занятие бухарской крепости Саяд (д.3, л.56). Других подобных фактов нам не известно.

Необходимо подчеркнуть, что в момент вооруженного нападения крестьян окрестностей Муминабада местная администрация оказалась не в силах что-либо предпринять, ограничиваясь уговорами об успокоении населения. Бек Куляба Мухаммад Назир бий не сумел выполнить приказа эмира "о наказании двух-трех из восставших в назидание другим" (д.1266, л.3) и вынужден был просить эмира прислать войска.

Поскольку описанные выше действия крестьян Муминабада не принесли тех результатов, которых они добивались, часть руководителей, а именно Рахман, Саид, Мулла Назри и Одина Мухаммад, направились к эмиру с жалобой, а оставшиеся Мухаммад Алим, Мулла Мирза, Мулла Барат и Мулла Давлят продолжали агитировать крестьян не платить налоги до возвращения ходоков. Мухаммад Назир-бек бий писал эмиру: "Замыслив беспорядок, эти люди более не успокоились и постоянно прилагают старания к мятежу и бунтарству, не соглашаясь отдать харадж" (ф.И-3, оп.1, д.1266, л.3).

Сведений о дальнейшем развитии событий у нас нет, кроме данных о том, что на подавление восстания были посланы войска. В рапорте управляющего Нагорным Тюменем от 14 декабря 1885 г. начальнику Заравшанского округа сообщалось "о возбуждении" кулябских жителей, на усмирение которых были двинуты войска из Каратегина (ф.И-5, оп.1, д.1616, л.276). Видимо, восстание в Муминабаде было подавлено именно этими войсками.

Данные изучаемых нами документов архива кушбеги о смещении кулябского правителя подтверждаются свидетельством из фонда "Российского императорского политического агентства" об "Ожидании смещения кулябского бека Назир бия вследствие значительных жалоб на него со стороны недовольного населения" (ф.И-1, оп.34, д.667, л.199). И действительно, правитель Куляба был смещен. Это, конечно, была победа восставших.

Донесения о восстании в Муминабаде ни дат, ни подписей авторов не имеют. Поэтому все восемь документов нам пришлось датировать, восстанавливать имена авторов. Хронологические рамки восстания мы определяем не ранее 31 октября 1885 г. и до 16 марта 1886 г. Момент кульминации восстания, когда оно стало наиболее широким, мы датируем не позже 9 декабря 1885 г.

Датировка восстания в Муминабаде имеет принципиальное значение пото-

му, что известное в литературе восстание Восе датировалось осенью–зимой 1885 г. Сличение нами имен соратников Восе с именами руководителей восстания в Муминабаде привело к выводу, что это разные лица. Кроме того, не сходятся ни повод восстания, ни место действия, ни самый ход восстания. Все это дает основание полагать, что в Муминабаде произошло самостоятельное восстание. Восстание же Восе произошло позже – в 1888 г.[56].

Из приведенных данных видно, что в Бухарском эмирате в рассматриваемый период не проходило буквально года, чтобы где–нибудь не вспыхнуло восстание или волнение крестьян. Отмечается огромное количество крестьянских жалоб, посылка ходоков, отказы от уплаты налогов, бегство в другие области и в Афганистан. Особенно активизируется крестьянское движение в 80–х годах XIX в., что объясняется усилением эксплуатации и ухудшением положения крестьянства в связи с проникновением ростков новых, капиталистических отношений. Именно в эти годы происходят крестьянские восстания в Ширабадском, Денауском, Бальджуанском вилайетах, в Муминабаде Кулябского вилайета и другие, описанные нами на основании данных документов фонда "Канцелярии кушбеги эмира Бухарского"[57].

Фонд "Канцелярии кушбеги эмира Бухарского" является весьма ценным источником по истории крестьянских движений в Бухарском эмирате.

Примечания

[1] К у ш б е г и – первый министр эмиров Бухары.

[2] А м л я к д а р – чиновник, ведавший сбором поземельных налогов.

[3] М у б а р е к–н а м е ("Благословенная грамота") – эмирские распоряжения, адресованные отдельным должностным лицам.

[4] А м и н – староста, в подчинении которого находились несколько аксакалов, представитель низовой сельской администрации.

[5] А к с а к а л – глава селения, представитель низовой сельской администрации. Главы ремесленных цехов также назывались аксакалами.

[6] Т а х м и н – предварительное определение размера будущего урожая и налога, проводившееся "на глазок".

[7] П а й г и р – небольшой список с указанием размера земельной ренты с отдельных хозяйств – выписка из налоговых дафтаров, своеобразный исполнительный лист на право сбора налога. См.: А.А.С е м е н о в. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. – "Советское востоковедение", У. М.–Л., 1948, с.144; М и р з а Б а д и д и в а н. М а д ж м а ал–аркам. М., 1980, с.25.

[8] А м л я к – территориально–податная единица, подведомственная амлякдарам.

[9] Б и й – ранее богатый и знатный представитель кочевого народа; в XIX–XX вв. чин представителя правительства у кочевого населения. См.: О.Д. Ч е х о в и ч. Документы... с.238.

[10] Д а д х а – один из старших чинов в Бухарском эмирате.

[11] Т у к с а б а – чиновник, в обязанности которого входило ставить блюда с кушаньями перед государем (см.: А.А. С е м е н о в. Бухарский трактат..., с.150). Ранее туксаба был одним из высших военных чинов.

[12] К о ш–п у л и – налог с коша – площади земли, которую могли обработать в сезон пара волов. А.А.Семенов считает кош равным 5 десятинам. (Очерк..., с.31); М.Р.Рахимов приравнивает его к 1/4 га (Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период (историко–этнографический очерк), Душанбе, 1957, с.180). Этот налог ранее собирался с овощных и бахчевых посевов, затем был распространен на все посевные культуры. А.А.Семенов указывал, что размеры налога

кош-пули не превышали 8 танга (Очерки..., с.53). По данным документов фонда "Канцелярии кушбеги эмира Бухарского", кош-пули взимали в Бальджуане в размере 20 танга, в Денау - более 22 танга (К.З. Мухсинова (Хакимова). К истории выступлений бухарских крестьян, с.98). В Зиадине кош-пули взимали вместо 32 танга - 115 танга (ЦГА УзССР, ф.И-126, оп.1, д.1267, л.18).

[13] Фукара ("бедняки, нуждающиеся") - в Бухаре приобрело значение "простой народ", "податное сословие". См.: А.А. Семенов. Бухарский трактат..., с.140; О.Д. Чехович. Документы..., с.246; Р.Г. Мукминова. К истории аграрных отношений в Узбекистане XУ1 в. Вакф-наме. Таш., 1966, с.325.

[14] Танга - бухарская серебряная монета, курс которой колебался. Ко времени присоединения Бухары курс танги равнялся 20 коп. В 1896 г. танга стоила 16 коп. (ЦГА УзССР, ф.И-3, оп.1, д.140, с.224). С 1901 г. курс танги был установлен в 15 коп.

[15] Таамуль - обычай. Налоги и сборы в Бухарском эмирате взимались на основе таамуля (или таамул-и кадим) - старинного обычая, который складывался в каждой местности на протяжении многих лет. Поэтому даже в соседних районах размеры налогов и сборов по таамул-и кадим были разными.

[16] Ман (или батман) - мера веса. В докладной записке Восточно-бухарского товарищества Российскому императорскому политическому агентству вес мана в Бухаре в конце X1X в. приравнивался к 8 пудам, в Ширабаде и Байсуне - 9 пудам 24 фунтам, в Гиссаре - 12 пудам, в Кабадиане и Курган-тюбе - 16 пудам, в Кулябе - 17 пудам 20 фунтам (ЦГА УзССР, ф.И-3, оп.1, д.919, л.17). См.также: Е.А. Давидович. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970, с.87-89.

[17] Хасбур - предварительное определение урожая недозрелого зерна.

[18] Танап - мера земельной площади, равная в Бухаре примерно 1/4 га. См.: А.А. Семенов. Бухарский трактат..., с.151; О.Д. Чехович. Документы..., с.234; Е.А. Давидович. Материалы по метрологии..., с.128-129.

[19] Танабана (танап-пули) - налог, взимавшийся с садов, виноградников, огородов и с земель, засеянных клевером. В Бухаре в конце X1X в. с садов взималось 13 танга, с клевера - 6 танга, с моркови - 12 танга (ЦГА УзССР, ф.И-126, оп.1, д.1267, л.76).

[20] Карауль беги - один из средних чинов в Бухарском эмирате, предшествовавший чину мирахура. См.: О.Д. Чехович. Документы..., с.237.

[21] Дахйак - налог, взимавшийся в размере 1/10 части урожая. См.: Л.Н. Соболев. Географические и статистические сведения..., с.336; М.А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве, Таш., 1970, с.54.

[22] Махрам - "доверенный слуга", направлявшийся эмиром в разные местности для разбора крестьянских жалоб.

[23] Амлякдархана - канцелярия амлякдара.

[24] Мискал - мера веса для взвешивания изделий из драгоценного металла. Золотой или денежный мискал в Бухаре XУ1-X1X вв. равнялся 4,8 г, "каменный" мискал равнялся 5 г См.: Е.А. Давидович. К вопросу о размерах мискаля и батмана в Самарканде и Бухаре в XУ в. - первой половине XУШ в. - Доклады АН УзССР, 1951, № 5, с.52; она же. О мерах веса позднесредневековой Бухары. - ИАН ТаджССР. ООН, 1960, № 1 (22), с.100-103; Р.Г. Мукминова. К истории..., с.321.

[25] Фулус - медная монета. 20 фулусов составляли 1 кокандскую тангу (ЦГА УзССР, ф.И-1, оп.1, д.288, л.10). Кокандская танга (серебряная монета) равнялась 13 коп. (ЦГА УзССР, ф.И-17, д.12740, л.5). См.: Р.Г. Мукминова. К истории..., с.321.

[26] Дунимсир – два с половиной сира. Сир – мера веса, равная 8 фунтам, отсюда дунимсир – 20 фунтов. См.: Е.А. Давидович. Материалы..., с.103.

[27] Мирзабаши – старший писарь, невысокий чин, предшествовавший чину джибачи.

[28] Мираб – чиновник, заведовавший надзором и распределением воды между отдельными крестьянскими хозяйствами.

[29] Баки-пули – штраф с неявившихся на хашары по ремонту и очистке оросительных каналов. Деньги, собранные в счет баки-пули, были значительные и отсылались обычно в казну.

[30] Кафсан – считался вознаграждением амлякдарам за их труды по сбору налогов. А.А.Семенов (Очерки..., с.35) писал, что кафсаном облагались урожаи зерновых в размере 20 фунтов с каждых 10 батман. Однако изучение данных фонда "Канцелярии кушбеги эмира Бухарского" (см.: К.З. Мухсинова. К истории выступлений бухарских крестьян против налогового гнета в конце XIX в. – "Проблемы востоковедения", 1959, № 1, с.98) показывает, что в Денау, например, кафсан взимали в 20 раз выше указанного А.А.Семеновым. Кафсан иногда сдавался в казну как дополнение к хараджу (ЦГА УзССР, ф.И-126, оп.1, д.1080, л.60; д.1262, л.9) и в этих случаях составлял от 9,5 до 57% суммы хараджа.

[31] Гуза – название местного сорта хлопчатника.

[32] Джугара – род зерновых, весьма урожайный, дававший до 300 пудов зерна с десятины. Джугара шла главным образом на корм скоту, но бедная часть населения употребляла муку из джугары в пищу, примешивая к пшеничной.

[33] Джибачи – невысокий чин в эмирате, предшествовавший чину караул-беги.

[34] Чоп-мали (или чоп-пули) – сбор за спиленные в собственном саду деревья из расчета 2/8 стоимости дерева. Л.Н. Соболев. Географические и статистические сведения..., с.393.

[35] Баг-мали – сбор с садов и виноградников, обычно входил в состав танабана.

[36] Мирахур – один из средних чинов в Бухарском эмирате, предшествовавший чину туксаба.

[37] Накиб – сидевший на собраниях слева от хана. А.А. Семенов. Бухарский трактат..., с.138.

[38] Каранда – издольщик, нанимающийся обрабатывать чужую землю за половину или меньшую долю урожая. См.: О.Д. Чехович. Самаркандские документы XV-XVI вв. М., 1974, с.400.

[39] Парваначи – один из высших бухарских чинов (ниже диванбеги).

[40] Муштбар – горстевой сбор – добровольная подачка амину, аксакалу и другим представителям низовой сельской администрации, наблюдавшим за сбором налога. Обычно муштбар набирали в полу халата и уносили сколько могли поднять. В туманах Бухары муштбаром назывался основной поземельный налог, собирался, как и харадж, деньгами. Собранные суммы налога муштбар отсылались в казну.

[41] Диванбеги – один из высших бухарских чинов (ниже кушбеги).

[42] Каламана – сбор в пользу секретаря при взимании закята.

[43] Санад-пули – взимался при сборе закята в пользу одного из чиновников, сопровождавшего сборщика закята, возможно, выдававшего квитанцию об уплате.

[44] Мактаб-пули – плата за обучение. Обычно родители преподносили учителю, сколько могли, но в отдельных вилайетах требовали уплаты по 15-20 танга за каждого учащегося (ЦГА УзССР, ф.И-126, оп.1, д.100, л.18).

[45] Никахана – сбор в пользу казиев за оформление брачного договора. Взимался деньгами, но в некоторых горных районах, как, например, в Муминабаде Кулябского бекства, – натурой. Размер платы доходил до 20–30 танга (ЦГА УзССР, ф.И-126, оп.1, д.1269, л.44). Сайид Алим-хан (1910–1920) узаконил этот сбор, издав указ, по которому с девчушки должны были брать 10 танга, а с вдовы 5 танга.

[46] Тарикана – сбор, взимаемый казиями за раздел наследства. Так, например, в Ховалинге казий брал с каждых 100 танга наследства 10 танга тарикана, с 1000 танга – 50 танга (ЦГА УзССР, ф.И-126, оп.1, д.1271, л.41).

[47] Эшикакабаши – главный хранитель "высокого порога", на обязанности которого лежала охрана эмирского дворца, незначительная придворная должность. А.А.Семенов. Бухарский трактат..., с.150.

[48] Аминана – налог, взимавшийся при продаже товаров и скота. На базарах за 16 пудов хлопка взимали 11 1/2 танга, с 1 мана (8 пудов) шерсти – 1 3/4 танга, с каракулевых шкурок, проданных на 200 танга, – 2 танга, с чая, индиго, английской кисеи, проданных на 2 тысячи танга, – 12 1/2 танга. Аминана взималась и при продаже скота и продуктов сельского хозяйства, примерно, в размере 1% стоимости проданного. Сбор аминана обычно отдавался на откуп. Если откупщики не могли собрать необходимой суммы, бывали случаи, когда они собирали аминана с окрестного населения из расчета с каждого коша земли по 10 танга (ЦГА УзССР, ф.И-126, оп.1, д.1247, л.36). С 1 октября 1915 г. для русскоподданных, покупающих хлопок, сбор аминаны был заменен закятом.

[49] В.И.Ленин. К деревенской бедноте. – Полное собрание сочинений. Т.7, с.194.

[50] М. Абдураимов. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара. Таш., 1961, с.83.

[51] См. К.З. Хакимова, Л.Н. Кравец. Социально-экономические отношения и классовая борьба в дореволюционном Узбекистане. Таш., 1980, с.139–161.

[52] Там же, с.144–146.

[53] Там же, с.150–151.

[54] Таш – около 8,5 км. Е.А.Давидович. Материалы..., с.120.

[55] Хизматана – "за службу", "за услуги". Эмирскому махраму, направленному для разбора крестьянской жалобы на местах, население обычно преподносило хизматана, размеры которой колебались от нескольких десятков до нескольких сотен танга.

[56] См. К.З. Хакимова, Л.Н. Кравец. Социально-экономические отношения..., с.152.

[57] Там же, с.138–172.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

К. Б. Кепинг

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ТАНГУТСКИХ ТЕКСТАХ

1. Тангутский толковый словарь "Море письмен" указывает множество синонимов для названия одного и того же цвета, так, например, значение "черный" приписывается следующим иероглифам: 𗍫 ? (№202), 𗥃 kwê^{1} (№297), 𗍊 nɪa̱^{1} (№770), 𗍉 ldo^{1} (№1583), 𗗙 kɪu̱^{1} (№1793), 𗍋 mu̱^{1} (№2233), а значение "красный" – следующим: 𗑠 tswê^{1} (№300), 𗥄 sɪ̱wi^{1} (№428), 𗏁 ndźɪ̱ə^{2} (№2966), 𗑈 nɪn^{1} (№5095) и т.п.[1]

Однако материалы словаря не позволяют ответить на вопрос, конкретно в каких контекстах употребляются те или иные слова как цветообозначения в тангутском языке и к каким классам слов их следует отнести.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении текстов[2] показал, что в тангутском языке используется в основном небольшая группа слов-цветообозначений, а именно: 𗾔 phôn^{1} "белый", 𗍊 nɪa^{1} "черный", 𗑈 nɪn^{1} "красный", 𗒹 tə^{2} "желтый", 𗐯 ngwə^{1} "синий", "зеленый", "темный" (кит. 青 цин), т.е. это тот же набор так называемого 五色 у сэ (или 五采 у цай), что имеется для цветообозначений в китайском языке (青 цин, 黃 хуан, 赤 чи, 白 бай, 黑 хэй в том порядке, в каком их дает толковый словарь "Цы хай").

Все перечисленные слова-цветообозначения являются прилагательными, так как в своей основной функции – функции определения к существительному они, как правило, стоят после этого существительного, что является диагностическим признаком прилагательных в тангутском языке.

2. Рассмотрим прилагательные – названия каждого цвета отдельно.

Белый

𗾔 phôn^{1} "белый" – это прилагательное встречается в качестве постпозитивного определения в следующих сочетаниях: 𗃞𗾔 sɪn^{1} phôn^{1} "белая черепаха", 𗖵𗾔 źu̱^{2} phôn^{1} "белая рыба", 𗄓𗾔 lha phôn^{1} "белая олениха", 𗍫𗾔 'ɪn^{2} phôn^{1} "белый баран", 𗍮𗐱𗾔 sǫ^{1} ndzɪ̱u^{1} phôn^{1} "три белых журавля", 𗏁𗾔 ndzɪ̱won^{1} phôn^{1} "белая птица", 𗍑𗾔 lhə phôn^{1} "белое масло", 𗼻𗾔 khê^{2} phôn^{1} "рис" (букв. "белый рис"), 𗍢𗾔 khê^{1} phôn^{1} "белый снег", 𗍊𗾔 ɒɪ^{2} phôn^{1} "белые облака". По-видимому, это прилагательное является постоянным определением к слову 𗍊 "небесная твердь" – 𗍊𗾔 phôn^{1} "белая небесная твердь" (в противопос-

тавлении к 纵 敝 tse^1 nɪa^1 nɪa^1 "черная земная твердь"). Следует отметить, что прилагательное 群 phôn^1 "белый" является постоянным эпитетом для солнца:

(1) 娘 纵 群 臟 癈 玆 霸 歲 纵 毙 臟 癈 殷 禄

(Пословицы[3], № 8)

tụ^2 *mbe*^{2}*phôn*^{1} su^2 ma^1 ldiu^{2}śŝ^1 khɪ^2 lhia nɪn^2 su^2 vią^1 sɪe^2 pɪ^1

"Материнская красота жарче тысячи белых солнц, отцовская мудрость светлее десяти тысяч красных лун".

(2) 殖 雜 殖 薎 纵 群 散 殊 纵 服 綳 纵 後 群 (ЛК У)

nɪ^2 ngwə^1 viə^2-ka^2 *mbe phôn*^{1} lɪn^2 źɪẹ^1 nga^2 lhiwə^1 thu^{1}nga^2 ldei^1 źwon^2

"Когда темные облака разойдутся /и я / увижу белое солнце, я натяну тетиву и возьму стрелу".

靖 źɪə^1 "белый" – это прилагательное встретилось нам как постпозитивное определение только к одному слову 纵 nə "день": 纵 靖 nə źɪə^1 "белым днем", т.е. в то время суток, когда светло. Например:

(3) 龖 後 纵 靖 綳 (C 8A–5a)

ngɪwe^1 via^1 *nə źɪə*^{1} khɪu^1

"Белым днем" видны знамена и бунчуки".

Черный

敝 nɪa^1 "черный" – несмотря на обилие синонимов для цветообозначения "черный", в исследованиях нами текстах встречается в основном только одно это прилагательное. Оно отмечено нами как постпозитивное определение в в составе следующих сочетаний: 孰 敝 lha nɪa^1 "черный олень", 鸅 敝 la nɪa^1 "черный сокол", 鸅 敝 lią nɪa^1 "черный ветер", 溺 敝 ndwu^2 nɪa^1 "черные бобы", 绢 敝 ldɪə^2 nɪa^1 "черная земля", 纵 敝 tsẹ^1 nɪa^1 "черная земная твердь", 鸅 敝 tśiuo^1 nɪa^1 "черная глина" 鸅 敝 ndźju nɪa^1 "черная головешка", 纵 敝 ʻu^1 nɪa^1 "черноголовые" (одно из самоназваний тангутов). Это прилагательное является постоянным определением к существительному "горы" – 怖 敝 śân^1 nɪa^1 "черные горы", 尧 敝 ngə nɪa^1 "черные горы". Следует отметить, что сочетание прилагательного 敝 nɪa^1 "черный" с существительным "колесница" обозначает "легкая колесница" 鸅 敝 ndzai nɪa^2 (кит. 輕 兵 цин бин).

敞 mụ^1 "черный" употребляется только как определение к слову "ночь". В следующем предложении оно стоит после определяемого :

(4) 豢 敞 敝 敞 敝 群 纵 (C)

ngi^2*mu*^{1} kŝke^1 kɪa^1 lde^2 nɪe^1

"Если воины черной ночью кричат, значит, боятся".

Однако это прилагательное могло стоять и перед определяемым: в тексте предисловия к Suvarnaprabhasa нами отмечено сочетание 敞 纵 *mu*^{1} na "черной ночью".

Однако и обычное прилагательное 敝 nɪa^1 "черный" может быть

определением к существительному "ночь", так как словарь "Жемчужина на ладони" указывает сочетание 𗼈 𗼈 na nɪ̯a^{1} "черной ночью".

Красный

𗼈 nɪn^{1} "красный" – это прилагательное встретилось нам в следующих сочетаниях, где оно является постпозитивным определением: 𗼈 𗼈 ʻu^{1} nɪn^{1} "красные головы" (у червей), 𗼈 𗼈 mə nɪn^{1} "красные губы", 𗼈 𗼈 𗼈 𗼈 *mbe nɪn*^{1} kwi̯e nga^{1} "войско разбойников -<u>краснобровых</u>", 𗼈 𗼈 mə^{1} nɪn^{1} "красное пламя", 𗼈 𗼈 ʻrə^{2} nɪn^{1} "красная медь", 𗼈 𗼈 ni mɪn^{1} "краснолицые" (одно из самоназваний тангутов). Еще пример:

(5) 𗼈 𗼈 𗼈 𗼈 𗼈 𗼈 (ЛК X)

ʻu^{1} śwen^{1} khi̯wan^{1} źɪ̯on^{1} *ʻôn nɪn*^{1} vi̯ə^{2}-śi̯a^{1}

"Во времена уского Сунь Цюаня появился <u>красный ворон</u>".

Прилагательное 𗼈 nɪn^{1} "красный" является постоянным эпитетом к луне (см.пример № 1).

Сочетание 𗼈 𗼈 khɪ^{1} nɪn^{1} (букв.: "красные ноги") означает "босиком" (вероятно, калька с китайского 赤 足 чи цзу):

(6) 𗼈 𗼈 𗼈 𗼈 𗼈 𗼈 (ЛК 1У)

ndzɪ̄^{1} ni źwon^{2} khɪ̄^{1} nɪn^{1} ndźi̯ei^{1}

"/Люди во/ одеваются в шкуры и ходят босиком".

Следует отметить, что прилагательное 𗼈 nɪn^{1} "красный" передает не только китайское прилагательное 赤 чи, но также и другие слова со сходным значением, например, 朱 чжу: в словаре "Жемчужина на ладони" сочетание 朱 雀 чжу цяо "красный воробей" передается на тангутский язык как 𗼈 𗼈 we^{1} nɪn^{2} "красный воробей".

𗼈 ndźɪ̯ə^{1} "красный" – это прилагательное, возможно, употребляется преимущественно как эпитет для цветов и плодов. Оно нам встретилось только три раза; в одном случае оно выступает постпозитивным определением к существительному:

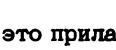
(7) 𗼈 𗼈 𗼈 𗼈 𗼈 𗼈 (ЛК У1)

tsɪ^{1}ʻu^{2} źɪ̯ə^{2} nɪ̯e^{1} ndźɪə^{2} tśhi̯u^{1}

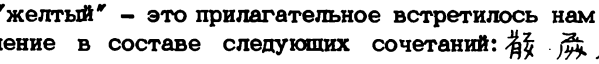
"А внутри /плода/ имеется <u>"красная сердцевина"</u>.

В словаре "Жемчужина на ладони" оно отмечено нами дважды в сочетаниях, где является препозиционным определением к существительному: 𗼈 𗼈 𗼈 źi̯e^{1} ndźɪ̯ə^{1} vi̯a^{1} "красный водяной цветок" (кит. 水 經 花 шуй хун хуа) и 𗼈 𗼈 𗼈 wə^{1} ndzɪə^{1} vi̯a^{1} "подсолнечник" (букв.: "отцепочтительный красный цветок") (кит. 葵 花 куй хуа). Ср., однако, позицию прилагательного в сочетании 𗼈 𗼈 vi̯a^{1} sei^{1} "лотос" (букв. "<u>чистый цветок</u>").

Желтый



[illegible] tạ^{2} "желтый" – это прилагательное встретилось нам как постпозитивное определение в составе следующих сочетаний: [illegible] ʻa^{1} tạ^{2} ? "маленькая желтая дверь", [illegible] wạ^{2} tạ^{1} "желтый песок", [illegible] wa^{1} so tạ^{2} "желтый воробей" [illegible] ʻi̯ạ^{2} "желтый шелк", [illegible] vi̯a^{1} tạ^{2} "желтые цветы"; один раз в качестве препозитивного определения к существительному:

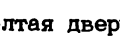


(8) [illegible] (ЛК УП)

tɪ̱^{1} nə ? khwa^{1} *tạ*^{2} *ngwi*^{2} śi̯we^{1} tsai^{1} ndźɪ̯wo^{2} ngɪ̱^{2} we^{2}

"В один прекрасный день /желтый воробей/ превратился в юношу в желтой одежде".

[illegible] nạ^{1} "желтый" встретилось нам только как определение (постпозитивное) к существительному "золото": [illegible] kẹi^{1} nạ^{1} "желтое золото".



[illegible] *phe*^{1} "желтый" – это, по-видимому, не цветообозначение, а какой-то поэтический термин, связанный с увяданием. Это прилагательное зарегистрировано нами только в составе тангутских пословиц. Например:

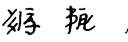
(9) [illegible] (Пословицы, № 37)

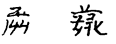
śi̯ə^{1} ngwạ^{1} śi̯ə *phe*^{1} kêɯ^{1} nɪ̯uo^{2} keɯ^{1}

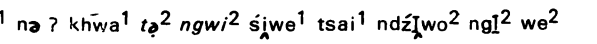
"Травы зеленеют, травы желтеют год за годом".

Синий, зеленый, темный

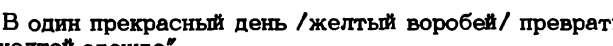
[illegible] ngwạ^{1} "синий", "зеленый", "темный" (кит. 青 цин) – это прилагательное встретилось в качестве постпозитивного определения в составе следующих сочетаний: [illegible] we^{1} ngwạ^{1} "темный дракон", [illegible] sɪn^{1} lhi ngwạ^{1} "синие мухи", [illegible] ni̯e ngwạ^{1} "синяя жемчужина", [illegible] nɪ̱^{2} ngwạ^{2} "темные облака". Вероятно, оно является постоянным эпитетом к слову "лето" – [illegible] ndzi̯wen ngwạ^{1} "зеленое лето" и к слову "трава" – [illegible] śiə ngwạ^{1} "зеленая трава". Употребляется оно и как определение к словам "море" и "река" – [illegible] ngôn^{2} ngwạ^{1} "синее море" и [illegible] źɪ̯ə^{2} ngwạ^{1} "синие реки". Возможно, в значении прилагательного [illegible] ngwạ^{1} заложена идея молодости: есть пословица, в которой темные (молодые?) голуби противопоставляются старым волкам:







(10) [illegible] (Пословицы, № 118)



[illegible]

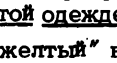
khɪ̱n^{2} *ngwạ*^{1} ? mbei^{2} ? źi̯e^{2} tɪ̯ẹi^{1}

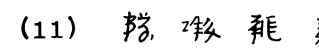
idɪ̯ə^{1} wạ^{1} mɪ̱^{2} kwi^{1} ngɪ̱n^{1} [illegible]on^{1} vi̯ẹi^{1}

"Крылья молодых голубей гор повсюду касались,
Следы старых волков во всех ущельях остались".

Также см. пример № 9.

Прилагательное [illegible] ngwạ^{1} дважды встретилось нам как препозиционное определение к существительному: [illegible] ngwạ^{1} ngwi^{2} kwê-li̯e^{1} ngɪ̱^{2} "ребенок в темной одежде". Еще пример:



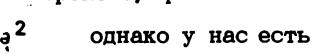


(11) [illegible] (|S|)

ạ^{1} ndzɪ̯wo^{2} *ngwə̣*^{1} ngwi^{1} pɪ̯u^{2} tśéi ri̯e^{2} ndzai^{2}, a^{1} • i̯u^{1} na^{2}-lhi̯ə

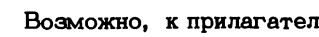
"Один человек в <u>темной одежде</u> и шапке верхом на коне расположился у двери".

Вероятно, прилагательным со сходным значением является слово [illegible] ngwạ^{2} однако у нас есть только один пример на его употребление: [illegible] êɯ êɯ^{2} ngwə^{1} źəɯ^{2} ngɪ̯^{2} "синяя яшма" (причем, значение иероглифа [illegible] źəɯ^{2} нам неизвестно).



Другие цветообозначения

Возможно, к прилагательным-цветообозначениям следует отнести слово [illegible] tshɪ̯e^{1} "алый", "пурпурный" (см. "Море письмен", № 4131) [illegible] tshɪ̯e^{1} "фиолетовый", коричневый", "бордо"), однако во всех наших примерах оно выступает только как препозиционное определение к существительному: [illegible] tśhɪ̯ə^{1} 'i̯ə^{2} "алый шелк", [illegible] tshɪ̯e^{2} lweɯ^{1} mbi^{2} "алое сияние", [illegible] tshɪ̯e^{1} ngwi^{2} "пурпурные одежды".



3. Во всех приведенных выше примерах прилагательные-цветообозначения выступали только в одной функции – функции определения к существительному. Однако они также могли выступать и в функции сказуемого. Причем в одних случаях они ведут себя как глаголы, выступая как сказуемое без связки (пример № 12), получая перед собой или отрицание [illegible] mi^{1} "не" (№ 13), или префикс совершенного вида (№ 14):

(12) [illegible] (ЛК X)

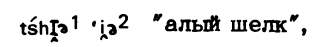
li̯wu^{2} kwə̣^{1} nga^{2} nga^{2} *phôn*^{1} sei^{1}

"Тело/красавицы/ – очень белое и чистое".

(13) [illegible] (Пословицы, № 81)

lhɪ̯^{1} nwɪ̯^{1} vi̯ə^{2}- thi^{1} mə *mi*^{1} *phôn*^{1}

"Выпил кумыс и губ не забелил".



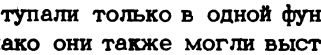
(14) [illegible]

na^{2} 'ôn^{1} 'u^{1} *a*^{1}-*phôn*^{1} zi̯ə̣^{2} khwə̂^{1} vi̯ə̣^{2}-tôn^{2} źɪ̯e^{1} ma^{1} (ЛК УII)

nɪ̯uo^{1} mə lhi̯ə vi̯a^{1}-na^{2}

"Только после того, как у ворона голова побелеет и у лошади рог вырастет, отпущу тебя в родное княжество!"

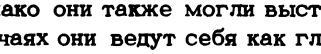
Однако в то же самое время прилагательные-цветообозначения могут сочетаться со связкой [illegible] we^{2} "быть", "становиться", "делаться", т.е. могут выступать в качестве именной части составного сказуемого:



(15) [illegible] (ЛК III)

lɪ̯wu^{2} pại^{2} khwə^{1} *phôn*^{1} *tha*^{1}-we^{2}

"Волосы /Су У/ наполовину побелели. (Ср. пример № 14).



(16) [illegible] (ЛК УIII).

si̯wə^{1} źi̯ə^{1} *nɪ̯a*^{1} *we*^{2} phi^{1}

"/Чжан Чжи/ воду в пруде делал черной" (букв. "приказал сделаться черной").

(17) 恢 羲 蔽 莎 赦 毅 缓 (ЛК 1Х)

nʃ̯uo[1] rə[2] ndźʃ̯ei[2] pu[2] ngu[2] nʃ̯n[1] we[2]

"И медный столб раскаляли так, что становился красным".

Таким образом, тангутские прилагательные-цветообозначения в функции сказуемого выступают то в окружении, характерном для глагола, то в окружении, характерном для имени (следует отметить, что примеры типа № 15-17 в тангутоведческой литературе до сих пор не описывались). Напомним, что в функции определения к существительному прилагательные-цветообозначения стоят то после существительного, то перед ним, т.е. и здесь они могут вести себя как имена. Возможно, что такое двойственное положение свойственно тангутским прилагательным вообще, а не только этой небольшой семантической их группе.

Примечания

[1] Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов. Пер. с тангутского, вступительные статьи и приложения К.Б.Кепинг, В.С.Колоколова, Е.И.Кычанова, А.П.Терентьева-Катанского. Ч. 1-2. М., 1969.

[2] Имеются в виду переводы китайских светских текстов, хранящиеся в ЛО ИВ АН СССР. Примеры взяты из следующих источников: "Лес категорий" (далее - ЛК с указанием порядкового номера цзюани); Трактат "Сунь цзы" о военном искусстве с комментариями трех авторов (далее - С); предисловие к Suvarṇaprabhāsa (далее - S). Кроме того, нами использовались материалы тангутско-китайского словаря "Жемчужина на ладони" (хранящегося там же) и текст тангутских пословиц (см. прим. 3).

[3] Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа. Издание текста, пер. с тангутского, вступит. статья и коммент. Е.И.Кычанова. М., 1974 (далее - Пословицы).

Е. И. Кычанов

ЛЮДИ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЕ ГОСУДАРЮ (ГОСУДАРСТВУ)

(По материалам "Измененного и заново утвержденного кодекса /девиза царствования/ Небесное процветание /1149 - 1169 гг./")

Тангутское право различало четко только два вида собственности: собственность императора, государя, и собственность частную, отдельных лиц. При этом собственность императора совпадала с его казной, казенной собственностью, собственностью государственной. Юридического различия собственности правящего дома, императорской и государственной собственности не было.

Люди, лишенные личной свободы или ограниченно свободные, тоже делились на принадлежавших частным лицам и государевых. Частным лицам принадлежали п х и н г а, лично несвободные мужчины, и н и н и, лично несвободные женщины. Люди, принадлежавшие государю (государству) именовались просто "государевы люди", точно так же, как были "государева земля", "государев скот", "государево имущество" и т.п. Такое деление лично несвободных на принадлежавших частным лицам и казне было характерно и для средневекового Китая и закреплено в кодексе Тан. Текст танского кодекса четко различает г у а н ь н у б и "казенных рабов и рабынь" и с ы н у б и "рабов и рабынь, принадлежащих частным лицам", а также различные группы казенных лично несвободных: г у а н ь х у, ф а н ь х у, ц з а х у и лично несвободных, принадлежащих частным лицам: б у ц ю й, к э н ю й (лично несвободных мужчин и лично несвободных женщин соответственно).

Если группы лично несвободного населения тангутского государства, принадлежавшие частным лицам, - пхинга и нини достаточно легко выделяются и могут быть сравнительно подробно описаны по тексту кодекса, то выделить и описать группы государевых (государственных) людей значительно сложнее. Они упоминаются в тангутском кодексе редко, и тексты статей, в которых о них говорится, не всегда достаточно четки.

Государевых лично несвободных людей можно условно разделить на две группы: тех, кто был занят в различных сферах хозяйства страны, и тех, кто служил в армии. По своему происхождению государевы люди - это или военнопленные, или люди, которые утрачивали личную свободу и переходили в казну за преступления, совершенные их родственниками. Обычно это были государственные преступления (измена, мятеж и т.п. из группы "десяти зол"), при наказании за которые вступал в силу принцип общесемейной ответственности (юань цзо). "Дети, жены, внуки, правнуки и невестки мятежника, совершившего или еще не совершившего преступление , - говорится в кодексе, - независимо от того, живут ли они с ним одной семьей или не живут, а также /его/ родители, дед и бабка, братья и сестры, еще не выданные замуж, если эти /родственники/ живут в одной семье /с мятежником, все/ подлежат наказанию - должны быть сосланы и включены в число пастухов и земледельцев"[1]. То, что эти люди становились казенными лич-

но несвободными, ясно из китайской аналогии: по кодексу Тан члены семьи мятежника "конфисковались", переходили в казну, а также из текста предшествовавшего "Измененному и заново утвержденному кодексу законов" Яшмового зерцала управления /девиза царствования/ Чжэнь-гуань", где указывалось, что в случае гибели в бою командира, четыре человека из его охраны должны были быть казнены, а их родственники обращены "в государевых пастухов и земледельцев"[2]. Наконец мы имеем свидетельства этому и непосредственно в тексте нашего кодекса. "Если женщина приговорена работать в государевом скотоводческом хозяйстве и уже отправлена в это скотоводческое хозяйство, то сбывать ее в иное место запрещается. Если закон будет нарушен, то продавец приговаривается к наказанию по закону о тайной краже, а покупатель, если он знал /что покупает преступницу, осужденную на работы в государевом скотоводческом хозяйстве/, по закону о пособничестве в совершении такой кражи. Плата, полученная продавцом /за женщину/, должна быть взыскана в качестве штрафа и поступить в пользу государя. Если покупатель не знал /о незаконности сделки/, то наказанию не подлежит, но сумма /которую он уплатил за женщину/, должна быть у него изъята. Женщина за то, что она не донесла об ее продаже, получает тринадцать палок. В соответствии с первым решением она должна быть возвращена в скотоводческое хозяйство. Если же она сама донесла /о незаконной ее продаже/, то наказанию не подлежит и может быть отдана на одно из пастбищ того же хозяйства, но на то, на которое она сама пожелает"[3].

Характер занятости этой группы государевых людей в целом очевиден. Они занимались различными сельскохозяйственными работами и пасли скот. К тангутским государевым пастухам и земледельцам, очевидно, была близка группа танских казенных лично несвободных людей, именовавшихся гуаньху. Это были "земледельцы, приписанные к ведомствам". Но как и в танском Китае, лиц, оказавшихся в уголовном рабстве, использовали и на других работах. В Китае рабский труд казенных рабов "использовался довольно широко при строительстве ирригационных сооружений, в казенных мастерских, при перевозке грузов. Мужчины рабы пасли скот, разводили домашнюю птицу, выращивали овощи. Казенные рабыни занимались изготовлением тканей, керамических изделий, работали на кухнях. Назначение на работу и приписка к соответствующему ведомству определялись согласно исходной квалификации раба"[4]. И в Си Ся та группа людей, которая попадала за преступление члена своей семьи в уголовное рабство, также прежде всего использовалась на тяжелых сельскохозяйственных работах и работах по уходу за скотом, в основном в пограничных и отдаленных районах страны. Помимо постоянных указаний о переводе таких людей в государевы пастухи и земледельцы и цитированной выше статьи о женщинах, работавших на государевых пастбищах, есть статья, в которой говорится, что 87 пастухов, принадлежавших Северному двору, и 20 семей, принадлежавших Восточному двору, ежегодно выделялись для "передачи в другие государства верблюдов и лошадей"[5], т.е. для перегона скота, который шел в качестве уплаты дани государствам Цзинь и Сун, а также для продажи государева скота за границу. Но помимо сельскохозяйственных работ государевы люди довольно часто использовались в иных сферах хозяйства. Список государевых людей по профессиям сохранился в статье 393 кодекса. Он достаточно обширен. В него кроме пастухов и земледельцев входят "смотрители ворот и башен, прислуга жилых покоев государя, паромщики и лодочники, конюхи, посыльные всех управлений, официанты . . . дворцовые рассыльные, птичники, рабочие тележных мастерских, раздатчики еды, рабочие мастерских по производству шелка, цветоводы, рабочие мастерских по производству украшений: кистей, лент, бахромы, погонщики караванов верблюдов... музыканты, держатели государева стяга, наблюдатели за содержанием в предусмотренном законом порядке рвов и укреплений, разные мастеровые, рабочие императорских конюшен, дворовые, караульные ноч-

ных караулов, барабанщики при ночных сигнальных барабанах, ткачи холстов, ювелиры, работающие с золотом, суконщики, ткачи тканей из растительных волокон, добытчики соли из озер У и Цзе"[6]. Таким образом, кроме основной работы в качестве пастухов и земледельцев государевы люди использовались как обслуживающий персонал и в качестве рабочих и мастеровых, можно думать, сосредоточенных главным образом при дворе или в столице. Все это были лица, выполнявшие, как сказано в этой же статье, прежде всего "тяжелые работы".

Эти люди принадлежали казне, государю и не должны были изыматься из казны. "Запрещается любому человеку, старшему или младшему чиновнику, просить /для себя/ в качестве лично принадлежащего ему человека кого-либо из государевых людей или просить или делать людьми, принадлежащими частным лицам, людей, совершивших тяжкое преступление, приговоренных к смерти, которым потом дарована жизнь и которые могли войти в число пастухов и земледельцев в пограничных городах. Если закон будет нарушен, то просителю и тому, кто передал его просьбу в вышестоящие инстанции, одинаково по двенадцать лет каторжных работ"[7].

На "государева человека" "накладывались разные работы и повинности", и он находился в ведении определенного чиновника, представлявшего какое-то управление, например управление земледелием, скотоводством или другое. В "Новых законах" названы "приписанные к управлениям государевы земледельцы"[8].

Государевы люди, "тяглые, записанные за государем", имели свои семьи и свое имущество, в том числе и недвижимость. Текст одной из статей кодекса гласит: "Если посторонним человеком из дома, принадлежащего беглому, или в дороге будет похищено что-то из имущества тяглых, записанных за государем, то /виновным/ выносится то же наказание, которое положено за лично совершенную кражу государева или частного скота и имущества с применением или без применения насилия"[9]. Государевы люди наделялись землей, которую были обязаны обрабатывать полностью. "Государевы и частные землепашцы в первую очередь должны содержать свои н д з и е (ц и н) и н д з в о н (м у) - /участки земли/ в тех размерах, в каких они их держат. Нарушать границы первоначально установленных участков пахотных земель, облагаемых налогом, мест соединения оросительных каналов, увеличивать /свой участок/ за счет чужих земель, уменьшать размеры участка земли и сокращать посевы запрещается. Если закон будет нарушен и посевы сокращены, то /виновные получат наказание/ по закону о тайной краже в зависимости от стоимости похищенного имущества, а когда /кем-то/ его участок земли будет увеличен за счет чужой земли и будут нарушены границы участков, то /виновный/ получит наказание на одну степень меньшее, чем наказание за тайную кражу, в зависимости от стоимости /незаконно/ приобретенной земли. Награда за донос выплачивается в размере одной десятой стоимости /присвоенной земли/, но не должна превышать сто связок монет"[10]. В первой четверти XШ в. приписанные к управлениям государевы люди платили налог, начисляемый с участка размером в 1 цин 50 му (примерно 9,8 га), деньгами десять связок монет, пшеницей 4 ху (237,6 л), горохом 5 ху 5 доу (326,7 л), а если налог взимался хлопком или коноплей, то нормы обложения устанавливались чиновниками "в соответствии с законом"[11]. Наряду с прочими несвободными людьми землепашцы государя назначались для работы на оросительных каналах. "Что касается назначений "наблюдающих за водой" и "обслуживающих канал" на больших магистральных каналах, то /таковые/ должны назначаться из года в год поочередно, соответственно из семей, потребляющих воду, из числа землепашцев государя, а также /землепашцев/, принадлежаших родственникам /государя/, советникам, старшим и младшим /чиновникам/, хозяевам податных дворов и всем храмам. Назначать на службу людей вне очереди запрещается. Если закон будет нарушен, то с имею-

шего ранг-штраф одна лошадь, простому человеку – тринадцать палок. Если же имела место взятка, то /таковая/ должна считаться взяткой с нарушением закона". Государевы люди, "наблюдающие за водой" и "обслуживающие канал" несли уголовную ответственность за состояние канала, а в случае его прорыва за "ущерб, причиненный хлынувшей на поля и постройки водой"[12].

Государев пастух имел право на какую-то долю приплода от скота, однако он должен был дождаться клеймения скота и получить то, что ему дают. Если он, даже имея право на часть приплода, брал ягнят, жеребят или телят самовольно, это расценивалось как тайная кража. За гибель государева скота и некомпенсацию причиненных убытков "под угрозу должна быть поставлена жизнь" государевых людей, пастухов. Закон предусматривал случаи, когда государевы пастухи "при уходе за скотом проявят непокорность, откажутся работать, не станут слушать приказаний". Такие пастухи наказывались на основании полученных свыше указаний[13].

На государевых, как и на частных людей распространялось общее правило для лично несвободных, одинаковое с законом о скоте, – приплод следует за самкой. "Если какой-то человек купил самку животного или женщину, не зная, что они краденые, а у купленной самки животного родился детеныш и он не погиб, а действительно находится вместе с матерью, или если у женщины есть ребенок, который уже родился, то /и детеныш животного и ребенок женщины/ равно /вместе с матерями/ подлежат возврату владельцу"[14]. "Если государевы или частные люди, женщина или мужчина, совратят один другого и вместе убегут, то те дети, которые родятся /у бежавшего мужчины/ от /бежавшей с ним/ чужой жены, должны уйти вместе с матерью, а сама женщина должна быть отдана /своему/ владельцу. Отпускать детей с отцом не разрешается"[15].

В управлениях составлялись списки государевых людей, и менять место их приписки было строго запрещено. Всякому человеку запрещалось произвольно вычеркивать людей из этих списков. Вычеркивание государева человека из списка рассматривалось как тайная кража человека. Использование государева человека в личных целях как слуги на посылках приравнивалось к укрывательству беглого[16].

Государев человек мог отдать по своей воле замуж за принадлежащего частному лицу мужчину (пхинга) женщин, членов своей семьи – свою дочь, сестру, тетку по отцу. Вообще, судя по этому тексту и тексту статьи 521 о государевых девушках, лично несвободные государевы люди могли вступать в брак или с государевыми людьми, или с лично несвободными людьми, принадлежавшими частным лицам, т.е. только в пределах своей и родственной социальной группы[17].

Таким образом, первая группа государевых людей работала на казну, государство, в земледелии, скотоводческих хозяйствах и ремесленных мастерских.

Вторая, возможно, не менее многочисленная группа государевых лично несвободных людей служила в армии, в так называемых вспомогательных войсках. В "Яшмовом зерцале управления" прямо указывается, что родственники солдат, казненных за воинские преступления, наказываемые по принципу общесемейной ответственности, отдавались в казенное рабство, на службу в армию. Так, если солдат был казнен за подачу ложных сведений о количестве убитых им врагов с целью получения награды, его "родственники должны быть включены в армию"[18]. Если военный инспектор допустит обман, все перевернет с ног на голову (букв.: "голову и хвост поменяет местами") и о командире, который участвовал в сражении, скажет, что тот в сражении не участвовал, а о командире, который в сражении не участвовал, заявит, что тот в сражении участвовал, то он подлежал смертной казни, а его "семья включалась в армию"[19]. Таким образом, люди, обращавшиеся

на основании принципа общесемейной ответственности в казенное рабство, не только делались государевыми пастухами и земледельцами, но и отправлялись в армию для выполнения при ней тяжелых вспомогательных работ. Это обстоятельство проясняет и следующее сообщение "Сун ши" о судьбах пленных китайцев: "Когда тангуты брали в плен китайцев, то храбрых они назначали на военную службу в передовые части и называли их ч ж у а н л и н л а н, а слабых, трусливых, не обладавших никакими способностями, отсылали на реку (Хуанхэ) заниматься земледелием или же использовали для обороны города Сучжоу"[20]. Этот текст "Сун ши" крайне важен, так как он, во-первых, свидетельствует о том, что одним из источников пополнения рядов государевых людей, как и частных лично несвободных, были военнопленные, а во-вторых, подтверждает то, что использовались эти люди двояко - как земледельцы или вообще на хозяйственных работах и для армии, будь то в передовых частях, т.е., как это я понимаю, на границах с сунским Китаем или в тылу, в городе Сучжоу.

Во вспомогательные войска, как на каторгу, отправлялись лично несвободные люди, принадлежавшие частным лицам, если они при допросе признавались в какой-то причастности к предательству. Таковые "по определении их на каторжные работы в пограничные города, должны по закону стать /людьми, работающими/ на регулярную армию"[21]. Сын женщины, чужой жены, похищенной кем-то раньше, и рожденный на чужбине от похитителя, если он не признавался ее первым мужем законным хозяином этой женщины и оказывался вне семьи, "по желанию мог быть зачислен в число государевых людей, служащих вспомогательных войск"[22]. Во вспомогательные войска отправлялись сыновья государевых девушек, рожденные как от государевых людей, так и от пхинга. "Если государевы девушки, девушки, следящие за порядком в жилых покоях государя, девушки, вышивающие шелком, ткущие сукна и холсты, девушки из Шачжоу и другие, не могущие иметь мужей, по своей воле, с обоюдного согласия /с мужчиной/ заведут семью и нарожают детей, то дочери могут оставаться с матерью и могут быть проданы /замуж/ по ее желанию. Что же касается сыновей /таких лиц/, то если мужчина, создавший семью, был искони государев человек, /его сыновья/ должны быть зачислены во вспомогательные войска, а если он пхинга, то /его сыновьям/ становиться также пхинга не разрешается, а они по желанию могут войти в число государевых людей, служащих во вспомогательных войсках. Если же /по чьей-либо вине такие люди/ не будут взяты на учет, то /с виновного/, имеющего ранг, - штраф одна лошадь, простому человеку - тринадцать палок"[23].

Служащие вспомогательных войск, как и все государевы люди, имели семьи. Лица, которым был придан служащий вспомогательных войск или иной государев человек, могли отдать в залог жену служащего вспомогательных войск, жену государева человека. Правда, при этом данная женщина должна была добровольно согласиться на то, чтобы ее отдали в залог[24].

Государевы и частные лично несвободные люди, очевидно, нередко бежали со своего места приписки или от своего хозяина, о чем свидетельствует наличие в кодексе ряда статей о беглых людях и их поимке. "Что касается государева человека, ставшего беглым, то имеющиеся в данном месте чиновники: направляющие, армейские командиры, старшие кочевий, эмиссары, пограничные чиновники - должны выяснить фамилию и имя бежавшего человека, кто он, сколько человек в его семье и перечень имен /членов его семьи/, почему и куда он мог сбежать и известно или неизвестно его местопребывание, и в течение десяти месяцев /все это/ доложить должностному лицу. Если местонахождения беглого известно, то следует организовать его преследование, поймать, наказать и препроводить к тому чиновнику, в ведении которого он находился"[25]. И далее еще текст другой статьи: "Если государев или частный человек, женщина или мужчина, бежал, а ка-

кой-то человек задержал его, то он должен отправить его туда, откуда /этот беглец/ сбежал. В том случае, когда кто-то со слов беглого знал, что тот /беглец/, но взятки с него не брал, то /таковому/ не засчитывается стоимость работы /на него/ беглого в течение шести месяцев. Также в том случае, когда кто-то встретится в дороге с беглым и будет ехать вместе с ним, если он не знал, что /его спутник/ беглый, то наказанию не подлежит. А если знал, то с имеющего ранг - штраф одна лошадь, простому человеку - тринадцать палок. Если же кто-то из таковых возьмет /с беглого/ взятку, то ее следует считать "взяткой с нарушением закона"[26].

Счет беглых велся на семьи, причем семьей должны были считаться от одного до трех человек одиноких беглых, а также муж и жена или любых два человека из одной семьи. За укрывательство одной-двух семей в таком подсчете виновному полагалось три года, трех семей - четыре года, а за укрывательство десяти семей и более - смертная казнь путем удавления. Соответствующие меры наказания за укрывательство беглых, родственников укрывателя были значительно более низкими: от шести месяцев до трех лет каторжных работ. Все были обязаны активно участвовать в поимке беглых: "Если о побеге государевых или частных людей были оповещены старшие и младшие направляющие по принадлежности, те, кто приписан к регулярной армии, старшие кочевий, эмиссары, пограничные чиновники, ближайшие соседи, но они не начали преследования /бежавших/ или отправились в погоню и могли настичь беглецов, однако проявили в пути нерадивость и не догнали их, или догнали, но из-за своей немощи и, дорожа жизнью, не разгромили /беглецов/, то /виновным/ одинаково один год каторжных работ"[27].

Пойманных беглых собирали в ближайших местных управлениях и группами с сопроводительными документами и охраной отсылали по этапу на прежнее место.

Донесшие о беглых получали награду за донос, обычно из расчета десять связок монет за одну семью, однако размер награды не мог превышать ста связок монет. Поимщик беглого получал награду из расчета пятнадцать связок монет за одну семью. За донос о беглых награждались и каторжане. Так, в тексте одной статьи говорится: "Когда убегут государевы или частные люди и укроются в пределах нашего государства, то в том случае, если в числе людей, донесших на /таких беглых/, в ближайшем округе окажутся женщины, отбывающие наказание за совершенные ими преступления в качестве ткущих сукна, ткани из растительных волокон, белошвеек или отданные в жены пастухам и земледельцам, то они могут получить вознаграждение за донос в соответствии с законом. Можно позволить таковым сменить их место пребывания, /однако/ менять им хозяйство (мастерскую) не разрешается"[28].

Наконец, государевы и частные люди могли бежать из пределов Великого Ся за границу. Если они после этого добровольно возвращались обратно, то им свободно передвигаться по территории страны запрещалось. Их не наказывали, но их статус не менялся. Исполнявшие ранее тяжелые работы вновь возвращались на тяжелые работы, но могли в качестве награды за верность отечеству сменить хозяйство или место приписки. Если это были люди, ранее работавшие во внутренних дворцовых покоях, они после возвращения из-за рубежа к работе во внутренних дворцовых покоях, т.е. поблизости от особы государя, не допускались. Такие люди переводились в число служащих вспомогательных войск[29].

Собственно, этим исчерпываются имеющиеся у нас сведения о лично несвободных людях в тангутском государстве, принадлежавших казне. В целом их статус не отличался от статуса лично несвободных людей, принадлежавших частным лицам, правда, кроме одного, - они не имели таких обязательств к своему владельцу - государю (государству), которые составляли важную часть социального положения пхинга и нини: ношение траура,

право доноса и т.п. Поскольку нет никаких сведений о сроках несвободного состояния, но есть материалы о том, что дети несвободных тоже становились несвободными – людьми государя, служащими вспомогательных войск, можно утверждать, что описанные выше формы зависимости были наследственными. Очевидно, это особенно касалось ремесленников, у которых мастерство передавалось от родителей к детям. Следовательно, часть государевых людей была таковыми по наследству, возможно, уже с тех времен, когда будущие области Ся входили еще в состав китайского государства. Источником пополнения числа людей этого сословия, кроме естественного прироста, было уголовное бессрочное казенное рабство, распространявшееся и на потомков (привлечение к ответственности родственников государственных преступников) и военнопленные, та их часть, которая не становилась собственностью пленившего их лица, а отходила в долю государя (государства).

В отличие от китайского права, тангутское право не знало дробления статуса зависимых по степени их зависимости /рабы, гуаньху, мастеровые (гук), музыканты (юэ) – для казенных лично несвободных в Китае/ или рабы и буцюй, кэнюй – для лично несвободных, принадлежавших частным лицам. Следовательно, оно не знало поэтапного освобождения. Кстати, каких-либо материалов о предоставлении свободы лично несвободным государевым людям в Ся у нас вообще нет.

Наконец, определенной спецификой тангутских условий можно считать наличие группы государевых лично несвободных служащих вспомогательных войск. Являясь объектом частых посягательств со стороны соседей, тангуты вынуждены были постоянно содержать значительную армию. Обслуживание регулярной армии – конницы, пехоты, камнеметной артиллерии было трудоемким делом. Еще больше работы было при строительстве городских стен и других оборонительных инженерных сооружений. Здесь-то и использовался подневольный труд служащих вспомогательных войск.

Примечания

[1] Измененный и заново утвержденный кодекс /девиз царствования/ Небесное процветание /1149–1169 гг./, гл.1, л.4а – 7б (далее – Кодекс).

[2] Яшмовое зерцало управления /девиза царствования/ Чжэнь-гуань /1103–1113гг/, гл.Ш, л.14а.

[3] Кодекс, гл.Х1Х, л.50б.

[4] Е. М. К о з и н а. Основные категории лично несвободного населения в танском Китае. – Седьмая научная конференция "Общество и государство в Китае". 1. М., 1976, с.96.

[5] Кодекс, гл.Х1Х, л.19а.

[6] Там же, гл.УП, л.3б–4б.

[7] Там же, гл.ХШ, л.28а–28б.

[8] Новые законы года свиньи, гл.ХУ, с.13.

[9] Кодекс, гл.УП, л.13а–14а.

[10] Там же, гл.ХУ, л.11б.

[11] Новые законы года свиньи, гл.ХУ, с.13–14.

[12] Кодекс, гл.ХУ, л.23б.

[13] Там же, гл.Х1Х, л.50а–50б.

[14] Там же, гл.Ш, л.34а.

[15] Там же, гл.УШ, л.26б–27а.

16 Там же, гл.XШ, л.29б.

17 Тэм же, гл.УШ, л.27б.

18 Яшмовое зерцало управления, гл.Ш, л.15а.

19 Там же, л.15б.

20 Сун ши, гл.486, Шанхай, 1935, с.3797.

21 Кодекс, гл.1, л.11б.

22 Там же, гл.УII, л.5б.

23 Там же, гл.УШ, л.27б.

24 Там же, гл.X1, л.10а-11а.

25 Там же, гл.XIII, л.28а-28б.

26 Там же, л.30а.

27 Там же, л.26б.

28 Там же, л.25б-26а.

29 Там же, гл.УII, л.3а-4б.

Л. Ю. Тугушева

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ЧТЕНИЮ ДРЕВНЕУЙГУРСКИХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ

Рассматриваемые ниже документы были опубликованы В.В.Радловым в составе обширного собрания уйгурских деловых документов, вышедшего в свет в 1928 г.[1]. За истекшие с того времени 50 лет в научный оборот введено немало новых материалов, но и материалы, публиковавшиеся ранее, продолжают оставаться в центре внимания. Исследователи вновь и вновь обращаются к ним, подвергая всестороннему анализу, уточняя и раскрывая значения разных элементов текстов и соответственно черпая из них все новые данные.

Документы, представленные в настоящей статье, относятся к коллекциям Н.Н.Кроткова (3 Kr 31a, 3 Kr 32b, 3 Kr 33a) и А.Грюнведеля (B 36) (рис. 43–46). Сохранившиеся в рукописном собрании ЛО ИВ АН СССР фотокопии документов позволяют вернуться к их рассмотрению и внести некоторые коррективы в чтение, предложить в ряде случаев иное членение и интерпретацию текста. В документе B 36, например, идентификация неузнанного слова ät 'мясо' в стк. 5–6 послужила ключом к раскрытию содержания текста, которое без этого звена не поддавалось убедительной интерпретации. Аналогичные коррективы внесены также в чтение других документов.

Документы датированы по двенадцатилетнему животному циклу, что в данном случае равнозначно отсутствию даты. Время составления их может быть определено лишь приближенно на основе косвенных данных. По характеру почерка, печатей, по языковым признакам документы из коллекции Н.Н.Кроткова однотипны. К тому же не исключено, что упоминаемый в двух документах (3 Kr 31a, 2, 5, 7-8; 3 Kr 33a, 2-3, 7) Баса-тогрыл – одно и то же лицо, исходя из чего можно заключить, что они составлены в одной среде в течение жизни одного поколения и что место и время происхождения их едины.

В документе 3 Kr 33a зафиксировано слово yasa в значении "закон", "законоуложение". Оно вошло в обиход в монгольскую эпоху не ранее XIII в. и может послужить одним из указателей для определения времени составления документов.

Язык документов строго выдержан в нормах классического уйгурского языка государства Кочо и не содержит черт "обновления" (таких, как: вин. падеж на -nï// -ni, условная форма на -sa// -sä и др.), указывающих на влияние соседних диалектов или развитие языка во времени. По всей видимости, документы составлены в ту эпоху, когда древнеуйгурский язык еще не испытал "разрушающего" влияния западных говоров, во всей своей мощи проявившегося в более позднее время. Указанные черты позволяют предположительно ограничить время составления документов второй половиной XIII–началом XIV в.

Отличительной чертой публикуемых документов является их нестандартность. По форме они не соответствуют известным трафаретам, и их сюжет

[1] См.: Usp, №№ 36, 111, 112, 120.

(претензии заимодавца к группе должников, расторжение платежных отношений между братьями, записи скотовладельца о движении имущества, обязательства должника по отношению к заимодавцу) не укладываются в рамки типических. Необычность содержания и формы документов в ряде случаев определяется тем, что они не являются документами "первичными", составленными в момент заключения сделки по заданному трафарету. Они отражают ситуации "вторичные", возникшие стихийно как некое следствие ранее установленных контактов, и поэтому для них не всегда предусмотрены стандартные формулировки. Соответственно в них в более непосредственном виде отражена реальность фактическая и языковая. Содержание документа 3 Kr 31a может служить, в частности, доказательством того, что упоминание общины в числе агентов, имеющих право на имущество принадлежащих к данной общине лиц[2], является не просто данью языковому стереотипу, но отражает фактическое положение вещей. Из содержания другого документа (3 Kr 32b), также "вторичного" по характеру, следует, что при неуплате долга в назначенный срок время уплаты может быть продлено при условии выплаты соответствующих процентов и т.д. Во всяком случае, знакомство с этими документами расширяет наши сведения о том, какие моменты своего существования уйгуры считали заслуживающими внимания настолько, чтобы фиксировать их в форме официальных документов.

3 Kr 31a, USp 112

1. qoy(ï)n yïl čaxšap(a)t ay y(ä)g(i)rmi-gä män yuqa
2. basa toγrïl-nïŋ sävig bört bil/.../
3. ki čam-lïγ ädgü qurturul-mïš (?) olar bilä
4. bidig qïlïp birmiš asïγ-lïγ kümüš
5. /tin/ basa toγrïl-nïŋ bašïn-γa täg
6. miš säkiz satïr kümüšüg män yuqa
7. altïm öŋ bitigin-tinuru (?) basa toγrïl
8. qa čamïm yoq öski on-luγ-larïnta
9. čamïm üsülmäyür /mä/ŋä öŋ bitigin
10. birmätin tanuq tomtur (?) tanuq bolat
11. bu tamγa mäŋ yuqa-nïŋ ol

Перевод

В год овцы, месяц обетов (~ двенадцатый месяц), двадцатого /числа/ моя, Юки, тяжба / . . . / с Баса-тогрылом и Севиг-буйруком завершилась (?) успешно. /Из/ серебра, которое я отдал под проценты, составив вместе с ними документ, я, Юка, получил восемь сатыров серебра, причитающихся с Баса-тогрыла. По (?) /составлении/ удостоверения у меня не будет притязаний к Баса-тогрылу. К их общине из десяти /дворов/ у меня будут притязания до тех пор, пока /мне/ не будет выдано удостоверение. Свидетель Томтур (?), свидетель Болат. Эта печать - моя, Юки.

3 Kr 32b, USp 120

1. /b/ičin yïl onunč ay altï y(ä)g(i)rmigä. m(ä)n inäči. alp toγrïl-qa tutar yiti
2. /k/ürï üŋr-ni. abam k(a)lmiš-tä alp toγrïl-qa yiti kuri üŋr köni birgül
3. tisär. m(ä)n inäči qoy(ï)n yïl-tïnbärü /tüši/ birlä köni birürm(ä)n abam /.../
4. birgü ärmäz tisär. m(ä)n inäči čamsïz tutar-m(ä)n. tanuq tomdur bu tamγa m(ä)n /iŋ ol/

---

[2] См. : N. Yamada. Uigur Documents of Sale and Loan Contracts brought by Otani Expedition. — Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. Tokyo, 1964, Appendix, с. 102-103.

Перевод

В год обезьяны, десятый месяц, шестнадцатого /числа/ я, Инечи, отложенные для Алп-тогрыла семь кюри проса, если будет сказано: "Правильно верни в дальнейшем Алп-тогрылу семь кюри проса", возвращу с /процентами/, начиная с года овцы. Если / . . . / будет сказано: "Возвращать не следует", я, Инечи, без споров оставлю /у себя/. Свидетель Томдур. Эта печать - моя.

3 Kr 33a, USp 111

1. toŋuz yïl onunč ay altï y(ä)g(i)rmi
2. gä m(ä)n oz-mïš toγrïl inim basa
3. toγrïl bil(ä)ki alïš biriš tïltaγ
4. inta qïtay yalavač alp turmïš
5. olar üz-kintä tišip alïm birim
6. üz-üšdümüz m(ä)n oz-mïš toγrïl
7. kin öŋdün basa toγrïl-qa
8. kim-niŋ qayu-nïŋ küčin
9. tutup čam čarïm qïlsar-m(ä)n
10. yasa-taqï qïyïn-qa tägir
11. m(ä)n tanuq alp turmïš tanuq
12. yap toγrïl m(ä)n bačaq oz-mïš
13. toγrïl-qa ayïtïp bitidim
14. by tamγa m(ä)n oz toγrïl-nïŋ ol

Перевод

В год свиньи, десятый месяц, шестнадцатого /числа/ я, Озмыш-тогрыл, относительно совместных с моим младшим братом Баса-тогрылом торговых дел в присутствии Кытай Ялавача и Алп Турмыша договорились и разделили /наши/ платежи. Если я, Озмыш-тогрыл, впредь, используя чью-либо власть, затею тяжбу с Баса-тогрылом, то подвергнусь наказанию согласно ясе. Свидетель Алп Турмыш, свидетель Йап-тогрыл. Я, Бачак, со слов Озмыш-тогрыла записал. Эта печать - моя, Оз-тогрыла.

B 36, USp 36

1. bars yïl säkiz-inč ay biš otuz-qa qoy(ï)nčï alp tas (~ taš)
2. nïŋ qoy(ï)n-tïn iki saγlïq qoy(ï)n iki saγlïq äčkü
3. bir täkä bir /.../ biš qoz-ï. birlä turuqïn
4. ölüp bard/ï/ anïn /.../kä körüp altïm : bir
5. saγlïq ätin inanč-čï-qa birtim. qoz-ï ätin
6. äčkü ätin satïp on quanpo kün birmiš säŋün

Перевод

В год тигра, восьмой месяц, двадцать пятого /числа/ из овец овчара Алп Таса одновременно погибли от истощения (?) две дойные овцы, две дойные козы, один козел, один / . . . /, пять ягнят. Поэтому / . . ./ удостоверившись, я забрал. Мясо одной дойной /овцы/ я отдал Инанччи. Мясо ягнят, коз после продажи /составило/ десять штук ткани, соответствующей стандартной мерке. Кюн Бермиш Сенгюн.

Комментарий

3 Kr 31a, 1 čaxšap(a)t /скр. śiksapada/ заповедь; календ. месяц соблюдения обетов; двенадцатый месяц по уйгурскому календарю (Clauson, с. 150).

3 Kr 31a, 3 čam-lïγ ädgü qurturul-mïš — значение словосочетания неясно, перевод — условный.

3 Kr 31a, 4 asïγ 'процент (долговой)' (Clauson, с. 244).

3 Kr 31a, 5-6 bašïn-ya tägmiš 'причитающийся, приходящийся на долю'. Ср.: бошга келмоқ (тушмоқ) 'случаться, происходить (с кем-л.)', 'выпадать (кому-л.) на долю' — Узбекско-русский словарь, М., 1959, с. 84.

3 Kr 31a, 7 öŋ bitig 'документ, составленный в присутствии контрагентов' (R. Rahmeti Arat. Eski türk hukuk vesikaları. — Journal de la société finno-ougrienne. 65, 1. Helsinki, 1964, с. 27).

3 Kr 31a, 8 öski 'имеющийся налицо, присутствующий'(?). Ср. öskintä ~ öksintä 'в присутствии кого-либо' (Ямада 1972, с. 247, 249, 250 и др.).

3 Kr 32b, 1 В этом контексте, по всей видимости, реализовано значение глагола tut- 'хранить, беречь', являющееся одним из его "частных" значений. Ср.: siz aruqsïz aruqlaŋ az udïŋ ärdini maŋa birïŋ män tutayïn 'Вы утомлены, отдохните, поспите немного, отдайте мне сокровище, я постерегу' — KP 55_7.

3 Kr 32b, 2 üγr 'просо' (Ямада 1965, с. 81). Сочетание знаков UY UR может быть прочитано также как твердорядное uyur, но мягкорядный вариант чтения в большей мере согласуется с данными других источников (см.: QBK 211_8, TT VII 14_8, MK I 54, MK II 121 и др.).

3 Kr 32b, 2 Отчетливо фиксированное в тексте знакосочетание BYRKUL по всем правилам должно читаться как birgül. Соответственно в какой-то мере теряется основа для трактовки этой лексемы как формы каузатива 2-го лица ед. числа от основы глагола bir- 'давать' (USp, 120_2, с.255), образуемой по форме birgil (USp, 17_{15}, с. 23). По контексту в этой фразе допустимо сочетание birgü ol в значении 'необходимо отдать', стяжением которого может быть образована форма birgül по типу: nakül> nakü ol (HtV 96 11-13, 1_{108}).

3 Kr 32 b, 3 tisär (аорист 3-го лица, ед.числа); в данном случае выступает в роли предиката предложения, в котором субъект формально не выражен; может быть соотнесен с субъектом фразы (см. перевод). Подобная схема характерна также для некоторых типов односоставных предложений, обозначающих действие, исходящее от неопределенно мыслимого лица (Н.К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.–Л., 1948, с. 237; М.З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, с.45–48).

3 Kr 32b, 3 После слов qoy(ï)n yïl-tïnbärü несколько знаков повреждено. С.Е. Малов восстанавливает их в виде t... borluγ (USp, с. 255). В соответствии с нормами фразеологии, используемой в документах о займе, в этом пункте должна стоять словоформа tüši (USp 1, 7, 27, 29, 37; Ямада 1965, с. 168). Это обязательство составлено в год обезьяны, но должник обязуется выплать долг "начиная с года овцы", т.е. года, предшествующего году обезьяны. Исходя из этого факта, а также содержания начальной фразы документа, в которой говорится о семи кюри проса, "отложенных (букв.: хранимых) для Алп-тогрыла", можно заключить, что оно составлено в виде дополнения к контракту, заключенному годом ранее с целью уточнения условий займа ввиду неуплаты долга в положенное время.

3 Kr 33a, 3 alïš birïš 'купля-продажа'. Сопоставление данных по разным тюркским языкам показывает, что значение торгового обмена, товарообмена является одним из основных семантических компонентов словосочетания alïš birïš: алыш-бирем 'купля-продажа' (тат.), алыш-бериш 'купля-продажа' (туркм.), alış veriş 'торговля, купля-продажа' (тур.) и т.д.

3 Kr 33a, 3 bil(ä)ki — предположительно форма атрибутива на -ki от послелога bilä 'с, вместе с'. Аффиксальные образования на основе послелогов, являющихся неизменяемыми частями речи, встречаются, как известно, весьма редко. В данном случае это явление может быть объяснено тем, что сочетание имени с послелогом приравнено к неко-

торым видам падежных форм, свободно сочетающихся с показателем атрибутива (ср. локатив + атрибутив).

3 Kr 33a, 4 По мнению В.В. Радлова, сочетание qïtay yalavač alp turmïš может интерпретироваться по-разному: 1) как сочетание имен собственных двух разных лиц; 2) как сочетание имени собственного alp turmïš с поясняющими словами, обозначающими звание (должность) данного лица. Но следует заметить, что в этом предложении представлен соотнесенный с рассматриваемым сочетанием слов формальный показатель (местоимение 3-го лица ед. числа olar), указывающий на то, что речь идет по меньшей мере о двух разных лицах.

3 Kr 33a, 5 alïm birim — разные виды налогов, платежей (Ямада 1965, с. 152–153).

3 Kr 33a, 7 kin öŋdün 'впредь, впоследствии'. Öŋdün в древнетюркских текстах имеет как пространственное, так и временное значение (MK I 40, QBN 392$_7$); одна из реализаций последнего представлена в рассматриваемом предложении.

3 Kr 33a, 10 yasa 'яса' /монг. дзасак/ — закон (постановления) Чингисхана (В.В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.-Сочинения. Т. 1, М., 1963, с. 89). Заимствовано из монгольского не ранее XIII-XIV вв. (Clauson, с. 974).

B 36, 1 qoyïnčï (USp, с. 53 — түрчі).

B 36, 2 saγïlïq 'дойное животное' (MK II 22, MK III 102).

B 36, 3 turuqïn (USp, с. 53 — турукынта). Инструменталис от turuq 'худой, истощенный' (MK I 380).

B 36, 5 saγïlïq ätin (USp, с. 53 — саклыктын).

B 36, 5 inanč-či — ср. inanč 'доверенное лицо, советник' (Clauson, с. 187).[15]

B 36, 5 ätin (USp, с. 53 — үчін).

B 36, 6 äčkü ätin (USp, с. 53 — ачкүтін).

B 36, 6 quanpo (USp, с. 53 — кокпу) /кит. гуань-бу/ ткань, соответствующая официально установленной, стандартной мерке (J. Hamilton. Un acte ouigour de vente de terrain provenant de Yar-khoto. — Turcica. T. 1, 1969, с. 44; A. von Gabain. Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850-1250). Wiesbaden, 1973, с. 61).

Глоссарий

abam если 3 Kr 32b, 2, 3

al- брать, получать
  altïm 3 Kr 31a, 7; B 36, 4

alïm: alïm birim платежи 3 Kr 33a, 5

alïš: alïš biriš купля-продажа 3 Kr 33a, 3

alp: alp toγrïl и собств. титул: alp toγrïl-qa 3 Kr 32b, 1, 2
  alp taš и. собств.: alp tas-nin B 36, 1-2
  alp turmïš и. собств. 3 Kr 33a, 4, 11

altï шесть 3 Kr 32b, 1; 3 Kr 33a, 1

anïn (инструменталис от a) поэтому B 36,4

asïγ-lïγ выданный под проценты 3Kr 31a, 4

ay месяц 3 Kr 31a, 1; 3 Kr 32b, 1; 3 Kr 33a, 1; B36, 1

ayït- спрашивать
  ayïtïp 3 Kr 33a, 13

äčkü коза B 36, 2, 6

ädgü хорошо 3 Kr 31a, 3

är- быть (вспом.)
  ärmäz 3 Kr 32b, 4

ät мясо
  ätin B 36, 5, 6

bačaq и. собств. 3 Kr 33a, 12

bar- идти (здесь: вспом.)
  bard/ï/ B 36, 4

bars /календ./ год тигра B 36, 1

basa: basa toγrïl и. собств. и титул 3 Kr 33a, 2-3
  basa toγrïl-nïŋ 3 Kr 31a, 2, 5
  basa toγrïl-qa 3 Kr 31a, 7-8; 3 Kr 33a, 7

baš голова (здесь: доля)
  bašïn-γa 3 Kr 31a, 5

bärü с, от 3 Kr 32b, 3

/b/ičin календ. год обезьяны 3 Kr 32b, 1

bidig документ, удостоверение 3 Kr 31a, 4

bila с, вместе с 3 Kr 31a, 3

bil(ä)ki 3 Kr 33a, 3

bir один B 36, 3, 4

bir- давать
  birgü 3 Kr 32b, 4
  birgül 3 Kr 32b, 2
  birmätin 3 Kr 31a, 10
  birmiš 3 Kr 31a, 4
  birtim B 36, 5
  birüm(ä)n 3 Kr 32b, 3

birim см. alïm

biriš см. alïš

birlä с, вместе с 3 Kr 32b, 3; B 36, 3

birmiš см. kün

biš пять B 36. 1. 3

biti- писать; составлять (документ)
bitidim 3 Kr 33a, 13
bitig см. öŋ
bolat и. собств. 31a, 10
bört см. sävig
bu этот 3 Kr 31a, 11; 3 Kr 32b, 4; 3 Kr 33a, 14
čam спор, тяжба
čamïm 3 Kr 31a, 8, 9
čamsïz 3 Kr 32b, 4
čam čarïm тяжба 3 Kr 33a, 9
čam-lïγ 3 Kr 31a, 3
čarïm см. čam
čaxšap(a)t месяц обетов; двенадцатый месяц лунного года по уйгурскому календарю 3 Kr 31a, 1
iki два B 36, 2
inanč-čï поверенный
inanč-čï-qa B 36, 5
inäči и. собств. 3 Kr 32b, 1, 3, 4
ini младший брат
inim 3 Kr 33a, 2
käl- приходить
k(ä)lmiš-tä 3 Kr 32b, 2
kim: kim qayu кто-либо
kim-niŋ qayu-nïŋ 3 Kr 33a, 8
kin: kin öŋdün впредь, впоследствии 3 Kr 33a, 7
köni правильно, истинно 3 Kr 32b, 2, 3
kör- видеть, смотреть
körüp B 36, 4
kümüš серебро
kümüš- /tïn/ 3 Kr 31a, 4-5
kümüšüg 3 Kr 31a, 6
kün: kün bimiš säŋün и. собств. и титул B 36, 6
küč сила, власть
küčin 3 Kr 33a, 8
küri мера сыпучих тел, равная 1/10 шига (около десяти литров) 3 Kr 32b, 2
/ma/ŋa дат. от män 3 Kr 31a, 9
män я 3 Kr 31a, 1, 6, 11; 3 Kr 32b, 1, 3, 4; 3 Kr 33a, 2, 6, 12, 14
m(ä)n/in/ 3 Kr 32b, 4
ol предикативная частица 3 Kr 31a, 11; 3 Kr 33a, 14
olar они 3 Kr 31a, 3; 3 Kr 33a, 5
on десять B 36, 6
onunč 3 Kr 32b, 1; 3 Kr 33a, 1
onluγ количество дворов, способное выделить десять боеспособных мужчин
on-luγ-larïnta 3 Kr 31a, 8
otuz тридцать
otunz-qa B 36, 1
oz : oz toγrïl и. собств. и титул
oz toγrïl-nïŋ 3 Kr 33a, 14
ozmïš: ozmïš toγrïl и. собств. и титул 3 Kr 33a, 2, 6
oz-mïš toγrïl-qa 3 Kr 33a, 12-13
öl- умирать
ölüp B 36, 4
öŋ: öŋ bitig документ, составленный в присутствии контрагентов
öŋ bitigin 3 Kr 31a, 9
öŋ bitigin-tinuru 3 Kr 31a, 7
öŋdün см. kin
öski его (?) 3 Kr 31a, 8
qïl- делать, совершать (здесь: составлять документ)
qïlïp 3 Kr 31a, 4
qïlsar-m(ä)n 3 Kr 33a, 9
qïtay и. собств. (?) 3 Kr 33a, 4
qïγïn наказание, штраф
qïγïn-qa 3 Kr 33a, 10
qoy(ï)n овца 3 Kr 31a, 1; 3 Kr 32b, 3; B 36, 2
qoy(ï)n-tïn B 36, 2
qoy(ï)nčï овчар B 36, 1
qoz-ï ягненок B 36, 3, 5
quanpo ткань, соответствующая по мерке установленному стандарту B 36, 6
qurturul- быть устроенным (?)
qurturul-mïš 3 Kr 31a, 3
saγlïq дойный B 36, 2, 5
sat- продавать
satïp B 36, 6
satïr сатыр (денежная единица) 3 Kr 31a, 6
säkiz восемь 3 Kr 31a, 6
säkiz-inč B 36,1
säŋun см. kün
sävig: sävig bört и. собств. 3 Kr 31a, 2
tamγa печать 3 Kr 31a, 11; 3 Kr 32b, 4; 3 Kr 33a, 14
tanuq свидетель 3 Kr 31a, 10; 3 Kr 32b, 4; 3 Kr 33a, 11
taš см. alp
täg- достигать; касаться; удостоиться, заслужить
tägir-m(ä)n 3 Kr 33a, 10-11
täg-miš 3 Kr 31a, 5-6
täkä козел B 36, 3
ti- говорить, сказать
tisär 3 Kr 32b, 3, 4
tïš- условиться, согласовать
tïšïp 3 Kr 33a, 5
tïltaγ причина
tïltaγ-inta 3 Kr 33a, 3-4
toγrïl см. alp, basa, ozmïš, yap
tomdu- и. собств. 3 Kr 32b, 4
tomtur (?) и. собств. 3 Kr 31a, 10
toŋuz /календ./ год свиньи 3 Kr 33a, 1
turmïš см. alp
turuq истощенный
turuqïn B 36, 3
tut- владеть, иметь, держать
tutar 3 Kr 32b, 1
tutar-m(ä)n 3 Kr 32b, 4
tutup 3 Kr 33a, 9
üsül- прерываться, прекращаться
üsülmäyür 3 Kr 31a, 9
üγr просо 3 Kr 32b, 2
üγr-ni 3 Kr 32b, 2
üzk при, перед
üz-kintä 3 Kr 33a, 5
üzüš- реципрок. от üz- 'рвать, прерывать'
üz-üšdümüz 3 Kr 33a, 6

yalavač посол, посланник 3 Kr 33a, 4
yasa яса, законоуложение
yasa-taqï 3 Kr 33a, 10
yap: yap toyrïl и. собств. и титул 3 Kr 33a, 12
yägirmi двадцать
y(ā)g(i)rmi-gä 3 Kr 31a, 1; 3 Kr 32b, 1; 3 Kr 33a, 1-2
yiti семь 3 Kr 32b, 1, 2
yïl год 3 Kr 31a, 1; 3 Kr 32b, 1; 3 Kr 33a, 1; B 36, 1
yïl-tïn 3 Kr 32b, 3
yoq нет 3 Kr 31a, 8
yuqa и. собств. 3 Kr 31a, 1, 6
yuqa-nïŋ 3 Kr 31a, 11

Список сокращений

Clauson — G. Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Ox, 1972.

KP — J.R. Hamilton. Le Conte bouddhique du bon et du mauvais prince en version ouïgoure. P., 1971.

Ht V — A. von Gabain. Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsangs. Bruchstücke des 5. Kapitels. — «Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften». Phil.-hist. Kl. 1935, 7; Л.Ю. Тугушева. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. М., 1980.

MK I-III — Divanü lûgat-it-türk tercümesi. Çeviren Besim Atalay. C. I-III. Ankara, 1939-1941.

QBK — Kutadgu bilig. Tıpkıbasım. III. Mısır nüshası. İstanbul, 1943.

QBN — Kutadgu bilig. Tıpkıbasım. II. Fergana nüshası. İstanbul, 1943.

TT VII — G.R. Rachmati. Türkische Turfan-Texte. VII. — «Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften». Phil.-hist. Kl., 1936, 12.

USp — W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928.

Ямада 1965 — N. Yamada. The Forms of the Uighur Documents of Loan Contracts. — Memoirs of the Faculty of Letters Osaka University. Vol. 11, 1965.

Ямада 1972 — N. Yamada. Uighur Documents of Slaves and Adopted Sons. — Memoirs of the Faculty of Letters Osaka University. Vol. 16, 1972.

ЮЖНАЯ
И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ
АЗИЯ

С. В. Кулланда

ДРЕВНЕЯВАНСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ПЕНГТИНГА

(Проблема датировки)

Яванская эпиграфика содержит обширную и во многом уникальную информацию о социально-экономических, политических и историко-культурных процессах, происходивших в древнеяванском обществе. Этим обусловлена ее ценность как исторического источника.

Однако для объективной интерпретации данных, содержащихся в эпиграфике, важна правильная датировка надписей. Дело в том, что в яванской эпиграфике существенное место занимает такая категория надписей, как копии, т.е. надписи, изготовленные взамен более ранних ("подлинных") документов. В текстах копий обычно проставлялась та же дата, что и в тексте документа, с которого копия была сделана[1]. Принято считать, что копирование – явление достаточно позднее (большинство копий изготовлено не ранее XIУ в. н.э.). Представляется, однако, что традиция копирования была более древней.

Действительно, копии маджапахитского[2] времени легко можно отличить от оригинальных документов по обилию содержащихся в них поздних реалий, а также по палеографическим и языковым особенностям, – и соответственно датировать. Однако более ранние копии, где число поздних реалий меньше и эти реалии не столь явны, а также оригинальные надписи, не имеющие в тексте точной даты, датировать сложнее. Для датировки надписей, оригиналов или копий, в тексте которых нет точной даты, дата неразборчива или вызывает сомнение, необходимо выработать систему критериев, которая позволила бы отнести ту или иную надпись к тому или иному периоду яванской истории.

В литературе была предпринята попытка систематизировать простейшие признаки яванской эпиграфики (пространственно-временное распределение надписей, их язык, материал, на котором они выполнены)[3]. Результатом этого исследования явилось, в частности, разделение ранней эпохи истории Явы (до 928 г.) по интенсивности появления новых надписей на три периода: 1. начало УП в. – 841 г.; П. 842–882 гг.; переходный период 883–898 гг.; Ш. 899–928 гг. Были выделены также две основные области распространения надписей в изучаемую эпоху: центральная (современные районы Вонособо, Теманггунг, Центральное и Южное Кеду, Магеланг, Джокьякарта, Суракарта) и восточная (Мадиун, Кедири, Маланг, Сурабайя)[4]. Наконец, удалось установить характерные черты эпиграфического массива (интенсивность появления новых надписей, основные районы их распространения, материал и язык надписей) для каждого из периодов.

В процессе исследования было установлено, что изученные признаки объективно характеризуют каждый из периодов, и поэтому могут быть использованы для датировки надписей.

Предметом данного исследования, основанного на применении предложенной автором совместно с Д.В.Деопиком методики, является известная надпись на медной табличке, найденная in situ в окрестностях десо (деревни) Пенггинг, в районе города Бойолали, в резидентстве Суракарта.

Текст

(1) //O// ŝwasti[а] ŝakawarṣātīta 741 caitramāsa tithī ṣaṣṭi[б] kṛṣṇapakṣa pa⌐niruan⌐ po⌐n⌐

(2) so ⌐ma⌐ wāra[в] tatkāla rakaravan i garung tumurun ājñānira i sang pamgat

(3) amrati pu managgungi deya ni sorang sang mangilala drabya haji tan

(4) kumnāna ramamrati[г] rumwān banyāgā bantal huñjamman

(5) manghūri senamukha tuha dagang mapakkan ityemādi

(6) sapradeŝannya atah tan knāna ya amatwakan drabya haji ḍula

(7) wa kal kalangkang ya matangya tan knāna ujar haji ri sira //–//

а) Правильно swasti. б) Правильно tithi ṣaṣthī. в) В яванской эпиграфике названия дней недели записывались сокращенно. В квадратных скобках восстановлены полные названия. г) Правильно ramāmrati , но к яванским словам санскритское правило сандхи применялось не всегда последовательно и с некоторыми модификациями. Так, при удлинении двусложного слова за счет суффиксации или использования его в качестве первого элемента сложного слова долгая гласная первого слога становилась краткой (rāma – ramanta, ramamrati). Видимо, в исконно яванских словах гласный третьего от конца слога не мог быть долгим, поэтому этимологически долгие гласные первого и третьего слогов слова ramamrati были записаны краткими.

Перевод

(1)// O // Да здравствует! Прошел год /эры/ Шака 741, месяц чайтра, шестой день темной половины /месяца/[5], панируан[6], пон[7],

(2) Сомавара[8]. В то время ракарайян[9] /области/ Гарунг передал свой приказ санг[10] памгату[11]

(3) /области/ Амрати /по имени/ Пу[12] Манаггунги. Долг подчиненных всех сборщиков принадлежащего монарху[13] не

(4) встречать старейшин Амрати. /Сборщики/ румван[14], баньяга бантал[15], хунджамман[16]

(5) мангхури[17], сенамукха[18], начальник торговцев, смотритель рынка и так далее

(6) на всей их (старейшин) территории[19], пусть же не встретят, когда берут за правило[20] /сбор/ принадлежащего монарху . . .

(7) . . . . . [21] /По/ этой причине /пусть/ не встретят. /Это/ слово монарха ему[22].

В тексте содержится дата – 741 г. эры Шака (819 г.), в силу чего надпись из Пенггинга считается одной из древнейших датированных на Яве (и второй[23] надписью на древнеяванском языке). Однако ее сравнение с остальным массивом яванских надписей дает основание усомниться в столь ранней дате и позволяет считать изучаемую надпись копией. Так, если принять за время составления надписи имеющуюся в ней дату, она должна быть отнесена к первому периоду по приведенной выше схеме. Однако ряд особенностей выделяет ее из числа других документов первого периода раннесредневековой истории Явы:

во–первых, надпись найдена в резидентстве Суракарта. Этот район в первом и до конца второго периода не входил в ареал надписей (первый непрерывный ряд надписей из Суракарты появляется только через полвека, с 875 г.);

во–вторых, надпись выполнена на медной табличке. Это единственная медная табличка в первом периоде, а непрерывный ряд медных табличек появляется впервые только через полвека, во втором периоде (873 г.).

Обратимся к тексту надписи. Основная формула, употребленная в ней – tan knā (не встречать) (стк. 3–4, 6,7). Близкая по содержанию формула tan tāma (не вступать, не входить) начинает употребляться лишь со второго периода (869 г., надпись Куак, Нгабеан П). Сама же формула tan knā употребляется в других документах только с третьего периода (901 г., надпись Айям Теас). Из 11 детерминативов различных должностных лиц и категорий населения, встречающихся в этой надписи (rakarayān, sang pamgat, mangilala drabya haji, rāma, rumwān, banyāgā bantal, hunjamman, manghūri, senamukha, tuha dagang, mapakkan) один – senamukha (стк.5) – больше ни в одной датированной надписи изучаемой эпохи не встречается. Пять терминов – rumwan, banyaga bantal, hunjamman (все – стк. 4), manghūri, tuha dagang (оба – стк. 5) упоминаются в других документах лишь во втором периоде, через полвека и позже (ср. выше): manghūri, tuha dagang, mangilala dravya haji – с 879 г., banyaga bantal – с 901, hunjamman – с 910 г. При этом все пять терминов встречаются в поздних копиях, выполненных после конца изучаемой эпохи, но датированных годами различных ее периодов. Всего таких копий три. Термин tuha dagang встречается во всех трех, hunjamman – в одной, manghūri – в двух, banyāgā bantal – в одной, mangilala drabya haji – в трех копиях; причем термин banyāgā bantal встречается только в восточноявanских надписях[24].

Таким образом, как основная формула надписи, так и более половины приведенных в ней терминов явно тяготеют ко времени более позднему, чем то, которым датируется надпись. Все приведенные факты свидетельствуют о том, что надпись скорее всего была изготовлена не ранее конца П – начала Ш периода по нашей схеме. Это можно объяснить одной из двух гипотез.

Первая: надпись подлинная, не копия, но относится к более позднему времени, чем принято считать. Чтение даты в тексте надписи как 741 (819 г.) в этом случае надо считать ошибочным (дата вообще выполнена нечетко, что не раз вводило в заблуждение исследователей: Хорис читал дату как 751 (829 г.), Пурбочароко – 861 (939 г.). Этому, однако, противоречит тот факт, что в изучаемой надписи упоминается rakarayān i garung (правитель в Гарунг), который, по данным списка монархов (приведенного в надписи Мантьясих 907 г.), правил после рака Панангкарана и раньше рака Пикатана (надпись, упоминающая первого из них, датировка которой не вызывает сомнений, относится к 778 г., а второго – к 850 г., т.е. в интервале, включающем в себя 819 г., которым датирована надпись.

Это делает более правдоподобной вторую гипотезу: надпись была изготовлена как копия более раннего документа и соответствующим образом датирована. Правда, изучаемая надпись в отличие от большинства копий, очень коротка[25] (всего семь строк) и не содержит названий поздних государств и имен их правителей, однако известны несомненные копии (например, надпись 910 г. из Туланган[26]), которые также очень коротки и не содержат поздних реалий. Видимо, надпись из Пенггинга – копия не времен поздних империй, а конца ранней, центральноявanской эпохи, вероятнее всего, ее третьего периода (об этом свидетельствует и тот факт, что надпись обнаружена на Центральной Яве и, по свидетельству ее издателей, выполнена центральноявanским шрифтом, а после 928 г. надписи на Центральной Яве практически исчезают). Тем самым она образует группу ранних кратких копий.

Итак, анализ надписи из Пенггинга позволяет, во-первых, выделить раннюю традицию копирования документов. Это, в свою очередь, дает возможность сделать некоторые выводы и о проблеме формирования привилегированного сословия на Яве.

В связи с этим необходимо отметить, что до конца IX в. подавляющее большинство надписей сосредоточено на Центральной Яве, бывшей центром государства и районом наиболее массовых земельных раздач, которым в основном посвящены надписи. Естественно, что в этих надписях речь идет о дарениях центральноявan-

ских земель. После 928 г. надписи на Центральной Яве практически исчезают[27]. В то же время копии, изготовленные после 928 г., но датируемые более ранним временем, находят исключительно на Восточной Яве. Иными словами, в них речь может идти либо о давних центральноявanских владениях (если копия в этой своей части точно воспроизводит содержание оригинала), либо о восточноявanских землях, ничего общего не имеющих с землями, упомянутыми в оригинальной надписи. В любом случае ссылка на древнюю надпись должна была доказать не права на конкретные земли, упомянутые в древнем документе, а то, что представители определенного рода на протяжении многих веков служили правителям Явы, получая за службу земли или доходы с земель[28]. Таким образом, мы, по-видимому, имеем дело с образованием служилого привилегированного сословия, в котором грамоты о владении землей передавались из поколения в поколение[29] и, утрачивая связь с конкретными земельными владениями, упомянутыми в первоначальном документе, становились чем-то вроде жалованных грамот на дворянство. Возможно, этот процесс и был началом формирования яванского дворянства – прийяи. Если же принять предположение о том, что копирование надписей отражает формирование привилегированного слоя, следует признать, что удревнение одного процесса влечет за собой удревнение другого. В таком случае зарождение копирования не позднее X в. позволяет отнести к этому времени и начало формирования сословия прийяи.

Примечания

[1] Содержание копии, однако, не идентично содержанию оригинального документа: "...копиистам казалось, что они верно передали текст . . . ; в то же время анализ показал, что они ввели в текст массу позднесредневековых реалий как в терминологии, так и в именах монархов . . . " (Д. В. Деопик. Проблемы методики исследования эпиграфического комплекса применительно к задачам социально-экономического анализа (на материале бирманской эпиграфики). – "Вестник МГУ". 1977, № 2, с.37). Заметим, что копии вряд ли датировались произвольно. В копиях, датированных временем правления того или иного монарха, как правило, встречается его имя. Если принять во внимание характер наиболее древнего из известных нам яванских исторических сочинений (Негаракертагама, XIУ в.), для которого не характерно установление прочной связи между именем монарха и датами его правления, нужно признать, что копиист, скорее всего, использовал оригинальный документ. Возможно, конечно, хотя прямых данных об этом нет, что такое использование было опосредованным и наиболее поздние копии делались с более ранних, а не с оригинального документа (в таком случае именно многократным копированием можно было бы объяснить искажение первоначального текста). Однако в самом существовании древнего документа, изготовленного в тот год, которым была датирована копия, вряд ли можно сомневаться.

[2] Маджапахит – государство, существовавшее на Восточной Яве в конце XIII – начале XУ1 в.

[3] Д. В. Деопик, С. В. Кулланда. Простейшие признаки яванского эпиграфического массива как источник по истории раннесредневековой Явы (УП–X вв.) – "Этническая история Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средневековье", М., 1981, с.279–301.

[4] Подробнее о критериях разделения на районы см.: Д. В. Деопик, С. В. Кулланда. Простейшие признаки.

[5] Т.е. половины, начинающейся с полнолуния.

[6] Четвертый день яванской шестидневной недели.

[7] Второй день яванской пятидневной недели.

[8] Понедельник, день Луны, второй день индийской семидневной недели.

[9] Титул знатного лица. Этимология неясна. Х.Б.Саркар высказал предположение, что этот термин образован от санскритского kārya (kriyā) со значением

"работа" путем прибавления яванского почетного префикса ra и суффикса an. В этом случае термин следует переводить "знатное лицо, выполняющее работу".

10 Личный артикль с оттенком почтительности.

11 Титул знатного лица. Этимология неясна.

12 Почетная частица.

13 Видимо, это не сборщики налогов, как иногда считают, а определенные категории населения (ремесленники, торговцы и т.д.), имевшие право на часть производимого земледельцами продукта (см. об этом: Th. Pigeaud. Java in the Fourteenth Century: A Study in Cultural History. Vol. 1-5. The Hague. Vol. 4, c. 422; С.В. К у л л а н д а. Социальный статус неземледельческих слоев населения в древнеяванском обществе (VIII–X вв. н.э.). – Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН СССР. Т.2. История. Ч. 1. М., 1978, с.101–103.

14 Возможно, ювелир.

15 Торговец.

16 Торговец.

17 Священнослужитель.

18 Военачальник.

19 Возможен также перевод "со всеми их домочадцами".

20 Перевод предположительный. Поскольку от основы watu со значением "камень" прибавлением суффикса an образуется существительное watwan со значением "правило", "норма", "образец", вполне возможно, что глагол, образованный от этого корня при помощи префикса a и суффикса aken (одно из значений, которые эти частицы придают глаголу – делать чем-либо), означает "делать нормой", "брать за правило".

21 Смысл этого пассажа неясен.

22 Надпись была впервые опубликована Р. Нг. Пурбочароко (Oudheidkundig Verslag, 1920), а затем Р.Хорисом (Oudheidkundig Verslag, 1928) и Х.Б.Саркаром (H.B. Sarkar. Corpus of the inscriptions of Java. Calcutta, 1971, (Corpus inscriptionum javanicarum). Vol. 1. c. 53-55.

23 После надписи 809 г. н.э. с плато Диенг.

24 Как было показано выше, восточнояванские надписи характерны для третьего периода по нашей схеме.

25 Удлинение поздних надписей по сравнению с ранними (и соответственно удлинение копий по сравнению с оригинальными надписями) происходит не только за счет упоминания поздних реалий, но и за счет расширения формуляра документа.

26 H.B. Sarkar. Corpus. Vol. 2, c. 120-122.

27 Видимо, перераспределение земель в это время прекращается, что вряд ли было бы возможно при сохранении характера землепользования, отличавшего предыдущий период (в котором дарения земель очень часты). Не исключено, что в результате интенсивной эксплуатации почвы Центральной Явы были временно истощены (ср. сходные явления в Камбуджадеше, где одной из причин перемещения центра государства на юго-восток было истощение земель в районе Ангкора). Так или иначе, после 928 г. центральнояванские земли перестали быть объектом раздач (это могло быть связано как с истощением почвы, так и с невозможностью обработки новых земель и их дарения или с отсутствием условий для перераспределения имеющихся земель).

28 Изучаемая нами надпись (предполагаемая копия) из Пенгтинга не противоречит этому правилу. Как было показано выше, она была обнаружена хотя и на Центральной Яве, но в районе, который во время создания гипотетического оригинала надписи (819 г.) не входил в ареал эпиграфических памятников.

29 Известны копии, датированные годами IX в., но изготовленные не ранее XIV в., т.е. древние документы или, по крайней мере, их копии хранились и сохраняли юридическую силу на протяжении пяти веков.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

А. Ш. Кадырбаев

"ЮАНЬ ШИ" КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КЕРАИТОВ И НАЙМАНОВ

История кочевых племен в составе империи Чингис-хана показывает, что некоторые из них, как, например, найманы и кераиты сыграли определенную этнообразующую роль в составе племенных объединений послемонгольского времени. Как свидетельствуют источники не позднее XI в., кераиты обитали на территории Северной Монголии, в бассейне р.Толы и районе среднего течения р.Орхон. Найманы занимали территорию с востока на запад – от верховьев Селенги и Орхона до Тарбагатая, с севера на юго-восток от Танну-Ола до восточных отрогов Алтайских гор. Их западными соседями являлись тюркские племена канглы, жившие в бассейне Иртыша, на севере – племена киргизов, на востоке – меркитов и кераитов. Южными соседями кераитов и найманов были уйгуры, находившиеся в вассальной зависимости от государства кара-китаев, и тангутское государство Си Ся. В условиях XI–XII вв., когда на территории Центральной Азии часто вспыхивали междоусобные войны, отдельные группы племен меняли свои кочевья. Но все указанные районы оставались исконными кочевьями кераитов и найманов. В ходе междоусобных войн между кочевниками создавались более или менее значительные союзы племен. Таковыми и являлись кераитский и найманский союзы родственных племен и родов. Рост могущества кочевых племен Центральной Азии, происходивший на протяжении XI–XII вв., привел к появлению у наиболее крупных из них, в частности у кераитов и найманов, ранних государственных образований – улусов. Как показал Б.Я.Владимирцов, улус не был институтом первобытнообщинного строя. Он не являлся ни родом, ни племенем, т.е. стоял над родо-племенными институтами[1]. Улус располагал своей определенной территорией, а кераитский и найманский улусы имели и свои границы, которые охранялись хотя бы эпизодически. Известно, что разгромленный Чингисханом правитель улуса кераитов Ван-хан погиб в стычке с найманским караулом, охранявшим владение найманов[2]. Улусом правил хан, представитель рода, появление которого "отмечено печатью небесного происхождения, действовавшего по воле Вечного неба и от его имени[3], т.е. улусы управлялись "природными ханами" и, вероятно, понятие ханской власти, близкое к царской, уже существовало у кераитов и найманов. Хан, правитель улуса, создавал аппарат управления, в первую очередь, органы управления ханской ставкой – ордой, известной как определенный институт государственной власти еще со времени киданей. "С тех пор как Ляо стало усиливаться, для постоянного проживания ханов стали создаваться охраняемые ханские ставки, которые назывались орда"[4]. Орда являлась центром управления улуса, ведала ханским имуществом и войсками хана. Различия между ханским и государственным имуществом не существовало. Правитель кераитов Ван-хан имел "личные летовки и зимние пастбища", т.е. строго обозначаемые ханские пастбища[5]. Характеризуя уровень развития социальных отношений у кераитов и найманов, персидский историк Рашид-ад-дин писал: "Кераиты и найманы... каждый имел свое государство"[6]. Интересен также анализ китайской исторической термино-

логии, обозначающей различные формы социальной организации у кочевых народов, которая сохранилась в китайских династийных историях, в частности в "Юань ши". Применительно к X1–XШ вв. анализ соответствующей терминологии вызывает особый интерес ввиду формирования на территории Центральной Азии и современного Казахстана раннефеодальных государств. Так, в отношении кераитов и найманов в "Юань ши" постоянно употребляется термин "го" – государство[7]. Известно, что в китайской историографии издревле существовала четкая терминология для определения уровня развития соседних народов. Рашид-ад-дин в подтверждение пишет, что китайские "степени, соответствующие каждому племени, каждой области, чрезвычайно подобны и подходящи . . ."[8]. Необходимо отметить, что уже в X1 в. кераиты и найманы, во всяком случае их правящая верхушка, приобщились к христианству – одной из мировых религий, что также является свидетельством определенного уровня развития социальных отношений. В монгольском источнике "Юань чао би-ши" ("Тайная история монголов") встречаются такие, вероятно христианские по происхождению, имена кераитов, как Хори-Шилемун (Соломон), Таргутай-Кирилтух (Кирилл), Ширгету-Евген (Евгений)[9]. Деда правителя кераитов Ван-хана звали Маркуз (Марк). Большинство кераитов, биографии которых приводятся в "Юань ши", были христианами[10]. Рашид-ад-дин, в свою очередь, также пишет: "До них (кераитов) дошел призыв Иисуса, мир ему! – и они вступили в его веру"[11]. В улусе найманов в ходу было делопроизводство, бумаги писались уйгурским письмом и скреплялись ханской печатью, "Юань ши" сообщает, что первым человеком, познакомившим монголов Чингис-хана с делопроизводством, был приближенный найманского правителя Даян-хана уйгур Та-та-тун-а: "Та-та-тун-а. Уйгур. Обладал прирожденным умом и сообразительностью и был искусен в беседах и рассуждениях. Глубоко изучил письменность своей страны. Найманский хан Даян уважал его и поставил его ведающим ханской золотой печатью и налогами. Тай-цзу (Чингис-хан) покорил запад. Государство найманов погибло. Та-та-тун-а спрятал печать за пазуху и бежал. Когда его схватили, император сказал ему с укором: "Народ и земли Даяна все перешло к нам. Куда ты шел с печатью?". Ответ был такой: "Это долг слуги! /Я/ собирался сохранить /печать даже ценой/ жизни, хотел разыскать старого хозяина и вручить ему . . . Император . . . спросил, для чего употреблялась эта печать. Ответ был такой: "Она употреблялась как свидетельство /подлинности указа хана/ во всех делах, когда взимались налоги и назначались люди . . . . Затем при издании императорских указов всегда стала употребляться печать. Та-та-тун-а, как и раньше, ведал ею . . . (Чингис-хан) приказал /Та-та-тун-а/ обучить монгольских царевичей писать на своем языке уйгурскими буквами . . ."[12]. Существом организации монгольской империи до 1230 г., т.е. до возникновения реальной потребности управления захваченными территориями стран с оседло-земледельческим укладом хозяйства, была военно-административная система, являвшаяся ранней формой государственности у монголов и развившаяся еще в улусах кераитов и найманов XII в. Войска улусов еще в XII в. делились на отряды, сформированные по десяткам, сотням, тысячам, тьмам. Перед походом на меркитов войска кераитского Ван-хана исчислялись двумя тьмами[13]. Очевидно, по этим военно-административным единицам, как это и было позднее в империи Чингис-хана, было развернуто население всего улуса. Наконец, в улусах действовали устоявшиеся нормы обычного права, близкие по характеру к законам. Так, в "Юань чао би-ши говорится о законном, а не произвольном наказании за убийство в улусе. Упоминается и "Закон, Великая Правда, Еке-Торе"[14]. Таким образом, кераитское и найманское государственные объединения являлись весьма сложными по своим внутренним социальным связям и во многом подготовили создание могущественной империи Чингис-хана.

Но важная роль кераитов и найманов проявилась и после образования мировой монгольской империи, в частности, после утверждения монголов в Китае и создания империи Юань. Именно тогда монгольские завоеватели столкну-

лись с проблемой управления завоеванными территориями стран с вековым культурным и оседло-земледельческим укладом. Монголы не имели опыта гражданского управления и, не доверяя собственно китайским кадрам чиновников, отдавали предпочтение при формировании административного аппарата иноземным для Китая элементам – "сэму", или "сэжэнь", – выходцам из стран Центральной и Средней Азии, в число которых входили также кераиты и найманы. В "Юань ши" приводятся биографии кераитов и найманов, занимавших видные посты в монгольском войске и в системе монгольского управления завоеванным Китаем: "Чжэньхай. Кераит. С самого начала /становления монгольского государства/ следовал за Тай-цзу (Чингис-ханом). Был в числе тех, кто вместе с /Чингис-ханом/ пил воду озера Бальджуна (т.е. был в числе ближайших сподвижников Чингис-хана, не оставивших его в трудную пору после поражения от Ван-хана в 1203 г. – А.К.). Тогда стали называть императора Чингизом . . . Следуя за Тай-цзу, покорял найманов. Имел заслуги. Был награжден хорошим конем . . . Далее участвовал в нападении на государство Кучлука. Был награжден поясом с жемчугами, золотой пайцзой. Нападал на татар, кыпчаков, киданей, чжурчжэней, тангутское государство. Захватил десять тысяч пленных и преподнес императору . . . Учредил город Чжэньхай . . . Был пожалован должностью правого министра в Чжун-шу (государственном совете) . . . Да-цзун (Угэдэй-хан) вступил на трон. Следуя за ним, /Чжэньхай/ подошел к Сицзину, штурмовал Хэчжун и Хэнань . . . За заслуги стал тысячником . . . Дин-цзун (Гуюк-хан) вступил на трон . . . По-прежнему назначил Чжэньхая правым министром в Чжун-шу. Умер на 84 году жизни. У него было десять сыновей . . ."[15]. Как видно из текста, Чжэньхай сыграл важную роль в политической жизни монгольской империи как при Чингис-хане, так и при его преемниках великих ханах Угэдэе и Гуюке. Большим влиянием при монгольском дворе пользовалась и кераитка Соргатай-беги – жена сына Чингис-хана Толуя, племянница правителя кераитов Ван-хана, мать великих ханов Менгу и Хубилая. Ее влияние при дворе особенно возросло во время правления Угэдэя и Менгу (умерла, видимо, в 1252 г.)[16]. Среди известных деятелей гражданской администрации упоминается кераит Болхай (? – 1264 г.). В китайских источниках имя его встречается в форме Болухо, Болухуа или Болухуань. Великий хан Менгу назначил его своим личным секретарем[17]. Кераит Хасанна, чья биография также помещена в "Юань ши", был одним из старых сподвижников Чингис-хана: "Хасанна. Кераит. Следуя за Тай-цзу, покорил Ван-хана. Имел заслуги. Тай-цзу приказал ему пить воду вместе с ним из озера Бальджуна и сказал: "Те, кто пьют воду со мной, в будущем будут использованы по праву наследства". Затем Хасанна командовал войском аэрхунь (аргынов) и, следуя за Тай-цзу, покорял страны Сиюй (т.е. страны к западу от Китая – А.К.), участвовал в захвате Самарканда, Бухары и других городов. Когда Да-цзун (Угэдэй-хан) вступил на трон, по-прежнему возглавлял войско аэрхунь . . . Стал даругачи . . . Позднее умер от болезни. Его сын Негубо наследовал ему. Следуя за Сянь-цзуном (Менгу-ханом), атаковал Тяоюйшань и отличился. Умер от болезни. Сын Негубо по имени Садилиши наследовал. Сын Садилиши по имени Мубала наследовал. Служил в охранной гвардии. Младший брат Мубала по имени Туманьда наследовал. После смерти Туманьда его сын Халачжан наследовал"[18]. Двое кераитов – Сугэ и его сын Хулань, занимавшие должности даругачи в провинции Шаньси, являлись потомками Хуайду – старого соратника Чингис-хана: "Сугэ. Из монгольских кераитов . . . Отец его Хуайду служил Тай-цзу. Когда-то следуя за ним (Чингис-ханом) пил воду из озера Бальджуна . . . Сугэ был главным даругачи в Шаньси . . . Имел шесть сыновей. Из них самым способным был Хулань, он и наследовал прежнюю должность отца"[19]. Во время правления Хубилай-хана на службе у монголов находились кераиты Дашман, Есян-Бухуа (Есен Буга) (? – 1309 г.), Богусы – сын Чжэньхая, Далимачжили и в более поздний период – Ажун. Дашман возглавил ведомство государственной внешней торговли и министерство по сбору на-

логов. Позднее, в 1299 г., стал членом академии. "Есян-Бухуа из монгольских кераитов. Деда его звали Силавохулэ. Имел братьев. Все четверо совместно управляли своим племенем. Добровольно покорились Тай-цзу (Чингис-хану) ... Бо-Бухуа был сыном Силавохулэ и доблестно служил Жуй-цзуну (Толуй-хану). Вступил в охранную гвардию. /Когда/ Сянь-цзун (Менгу-хан) вступил на трон ... был назначен правым министром в Чжун-шу ... Имел четырех сыновей. Старшего звали Есян-Бухуа, следующего сына звали Мубала. Третьего сына звали Дашимань (Дашман), он дослужился до сановника. Младшего звали Бухуа-Темур. Он получил титул главного сановника и должность пинчжана в Сычуани ..."[20]. Есян Бухуа, как явствует из дальнейшего текста, занимал важные административные должности в провинции Юньнань. "Ажун. Второе имя Цуньчу. Кераит. Его отец служил в Чжун-шу правым помощником министра. Ажун был на службе у императора У-цзуна (1308-1311 гг.). Неоднократно занимал должности в Хунани и Цзяньдуне. Служил в Либу шаншу (министерстве ритуалов и церемоний). Получил повышение в Чжун-шу-шэне ..."[21].

"... Богусы (сын Чжэньхая) наследовал его (отца) содержание (чиновника) и все его пожалования (от императора). Следуя за Ши-цзу (Хубилай-ханом) покорил Дали. Возглавлял тысячу ... Был пожалован золотой тигриной пайцзой, яшмовым поясом. Служил заместителем даругачи в Дунпинлу. Покарал и усмирил всех мятежников и грабителей ... На 2-м году Чжи-юань (1265 г.). Стал даругачи в Наньцзине. По особому указу был назначен даругачи в Баодинлу. Умер на 81 году в семье"[22].

"Далимачжили. Из племени кераитов ... Отец его Алабухуа служил в походном управлении Цзянси ... Далимачжили служил в Чжун-шу (советником) (цань-чжи-чжэном) ... Был наместником в Шанду. Затем был назначен членом академии ..."[23].

В "Юань ши" помещены и биографии найманов. Например, Юелимассу, Шаосы, Хэшана. "Юелимассу. Из найманов, служил /Угэдэй-хану/ Да-цзуну ... затем стал даругачи ..."[24]. "Шаосы. Из племени найманов ... Его прадед Тайянь (Даян) был правителем племени найманов. Его дед Цюйшулай (Кучлук). Отец Чанвэнь. /Когда/ Тай-цзу (Чингис-хан), послав войско, разбил племя (Кучлука) Цюйшулай (Кучлук), оставив Чанвэня, бежал к киданям ..."[25]. Далее из текста следует, что Шаосы также попал в руки монголов и прислуживал в доме Чингис-хана, впоследствии отличился в походах против чжурчжэньского государства Цзинь, получил должность неполного темника. Его сын Бедеинь получил по наследству должность отца в 1254 г. и занимал должности даругачи в разных провинциях Китая, в частности в Дайчжоу и Шичжоу. Сын Шаосы также был даругачи. Внуки Шаосы все были учеными и стали цзиньши[26].

„Хэшан. Из монгольского найманского племени. Дед Хайсу. Служил сотником под командованием тысячника Силему. Старший брат отца Улубухуа еще ранее командовал полусотней в монгольском войске. Под командованием тысячника Силему покорял юг. За заслуги был назначен сотником. Участвовал в штурме Фаньчэна, Синьчэна, атаковал восточные ворота Эчжоу. Нападал на Чушоу. Неоднократно отличался в боях ... Стал сотником в личной императорской охранной гвардии ... После его смерти Цюелицзи - отец Хэшана - ему наследовал. После смерти отца Хэшан наследовал его должность. На 3-м году Чжи-да (1311 г.) стал неполным тысячником в личной охранной гвардии. Был пожалован золотой пайцзой ..."[27] "Юань ши" упоминает о наймане Бо-Бухуа, бывшего учителем внука Чингис-хана - Бату[28]. Наиболее влиятельными лицами из найманов при юаньском дворе в разное время являлись Наньцзятай и Чахань Темур. Наньцзятай был одним из главных монгольских полководцев во время последнего похода против южного Китая, который привел к окончательному разгрому империи Сун. "Наньцзятай. Найман ... /когда/ Тай-цзу усмирил найманов, его отец Мача выразил покорность ... Да-цзун (Угэдэй-хан) приказал ему командовать монголо-китайскими войсками. Поэтому, следуя за Ши-цзу (Хубилай-ханом),

ходил карательным походом против Сун, громил Алибугэ (Арик Бугу) ... Следуя за чжуванами Хэбичи и Кокотаем, усмирял Литань. Везде имел заслуги... Был пожалован золотой пайцзой. Наньцзятай под командованием отца Мача проходил закалку в боевых порядках войск. Обладал стратегическим мышлением. Был награжден золотой пайцзой на пояс ... Следуя за Ашу, участвовал в осаде Сянъяна. Сянъян капитулировал. За свои заслуги стал тысячником в китайских частях монгольского войска. Следуя за чэнсяном Баяном, штурмовал Фучжоу. Воевал с Сун. Разгромил войска Сун при форсировании реки Янцзы. Затем с Ашу напал на юг, на Эчжоу. С Ашу штурмовал Ханьян... Оба города сдались. /Все/ жители вышли и выразили покорность ... Был пожалован золотой пайцзой, получил титул великого полководца и должность даругачи. С Алаханем и другими участвовал в захвате Тайваня, Фучжоу. Стал темником в монгольском войске... Получил золотую тигриную пайцзу на пояс... Участвовал в походе против Японии ... Служил в походном управлении в Юньнани, ведающем политическими делами ... Вернувшись в столицу, получил назначение в Наньцзин на должность сюань-вэй-ши (комиссар по объявлению имперских указов). А затем в Хэнань на эту же должность. Особым указом /Наньцзятаю/ было велено наследовать должность отца. Стал полным темником монгольских войск... Сражался с Хайду. Окружал его ... У-цзун вступил на трон. Назначили ведающим делами Шумиюань (Тайного совета) ... а также наградили седлом, сбруей, доспехами, луком, стрелами, 50 лянами золота. Стал даругачи в управлении темников. По-прежнему ведал делами Шумиюань ... Жэнь-цзун вступил на трон и особым приказом назначил его пинчжаном в походное управление в Хэнани ... Его сын Цзяохуа стал неполным темником в монгольском войске. Второй сын служил пинчжаном в походном управлении в Хэнани. Внук Тогань командовал всеми войсками в Шаньдуне ..."[29]. "Чахань Темур. Из найманов ... Прадед его Кокотай. Дед Наманьтай ... Отец Алувэнь ... Чахань Темур за свои способности в учебе был пожалован званием цзиньши. Был пожалован титулом верного сановника ... Получил повышение в Бинбу шаншу (военном министерстве) в Чжун-шу ... За великие заслуги стал цзо чэном (левым помощником) в походном управлении Шаньси ..."[30]. Как следует из дальнейшего текста, Чахань Темур был главным наместником в Хунани с 1358 по 1362 г. Чахань Темур являлся одним из наиболее доверенных лиц последнего императора династии Юань и оказывал немалое влияние на политику монгольского двора. Погиб в 1361 г. в боях против китайской повстанческой армии Чжу Юаньчжана[31].

Таким образом, данные "Юань ши" наиболее полно свидетельствуют о важной политической и культурной роли кераитов и найманов, как в раннее время становления государства Чингис-хана, так и в последующий период после образования империи Юань, а также существенно дополняют сведения других источников монгольского периода. Кераиты и найманы являлись одним из составных элементов того смешанного в этническом отношении правящего класса, образованного на основе союза монгольской знати с верхушкой сэму, который господствовал над Китаем.

Примечания

[1] Б.Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, с.46-110.

[2] Е.И. Кычанов. К вопросу об уровне развития татаро-монгольских племен в XII веке. Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор, 1974, с.165-169.

[3] С. Козин. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941, § 21, с.81.

[4] Ляо ши. Цз. 31. "Сыбу бэйяо". Шанхай, 1936, с.117.

[5] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. М.-Л., 1957, с.126-127.

[6] Там же. Т.1. Кн.1, с.75.

[7] Юань ши. Соинь бонабэнь, эрши сы ши. Шанхай, 1958.

[8] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1, Кн.1, с.139.

[9] С. Козин. Сокровенное сказание, с.92.

[10] P. Pelliot. Chrétiens, d'Asie Centrale et d'Extréme-Orient, Extrait du "T'oung Pao". 2-e série. Vol. XV. Leiden, 1914, No 5, decembre.

[11] Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1, Кн.1, с.127.

[12] Юань ши. Цз.124, с.27398 (1446).

[13] С. Козин. Сокровенное сказание, с.100.

[14] Там же, с.168.

[15] Юань ши. Цз. 120, с.27361 (1409).

[16] P. Pelliot. Chrétiens, c. 5.

[17] Там же, с. 6.

[18] Юань ши, цз.122, с.27385 (1433).

[19] Там же, цз.124, с.27400 (1448).

[20] Там же, цз.134, с.27504 (1552).

[21] Там же, цз.143, с.27582 (1630).

[22] Там же, цз.120, с.27362 (1410).

[23] Там же, цз.145, с.27598 (1646).

[24] Там же, цз.123, с.27393 (1441).

[25] Там же, цз.121, с.27375 (1423).

[26] Там же, цз.121, с.27376 (1424).

[27] Там же, цз.133, с.27514 (1562).

[28] Там же, цз.134, с.27494 (1542).

[29] Там же, цз.131, с.27465 (1513).

[30] Там же, цз.141, с.27553 (1611).

[31] Там же, цз.141, с.27564 (1612).

В. М. Рыбаков

ТАНСКИЙ КОДЕКС "ТАН ЛЮЙ ШУ И" О ДОЛЖНОСТНЫХ НАКАЗАНИЯХ ЧИНОВНИКОВ

Танский кодекс является наиболее ранним из дошедших до нас полностью юридических памятников средневекового Китая. В течение многих веков этот кодекс служил правовым эталоном как для последующих династий Китая, так и для некоторых других государств Юго-Восточной Азии. Сам он, отталкиваясь от законодательства Суй, сконцентрировал в себе все наиболее общие нормы и установления, по которым жил тогдашний Китай, и представляет собой прекрасный источник материалов для изучения как собственно правового, так и – опосредованно – социального положения различных слоев танского общества. Особо интересен для нас "Тан люй шу и" ("Уголовный кодекс династии Тан с разъяснениями и комментариями"), который завершил почти полувековую работу танских правоведов, раз за разом редактировавших, дополнявших и разъяснявших предшествующие тексты. Этот вариант кодекса увидел свет в 653 г.

В правовом отношении танское общество подразделялось на три основных слоя: привилегированный слой (чиновничество и знать); слой лиц, находящихся по отношению к закону в средненормальном положении (лично свободные простолюдины); и пораженные в правах (лично зависимые различных категорий). Неравенство этих слоев перед законом было юридически закреплено в кодексе. Это неравенство носило, однако, специфический характер, поскольку представители всех трех слоев равно подлежали судебной ответственности в случае совершения ими уголовных преступлений.

Законодательством Тан была предусмотрена шкала основных наказаний, которые имели универсальный характер, т.е. применялись ко всем трем слоям. В эту шкалу входили: пять степеней наказания тонкими палками (десять, двадцать, тридцать, сорок и пятьдесят ударов); пять степеней наказания толстыми палками (шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, девяносто и сто ударов); пять степеней наказания каторжными работами (один год, полтора года, два года, два с половиной года и три года работ); три степени наказания ссылкой (ссылка на две тысячи ли, на две с половиной тысячи ли и на три тысячи ли); две степени наказания смертью (удушение и обезглавливание) (Тан люй шу и, цз. 1; Цуншу цзичэн. Шанхай, 1939 г., с. 13–14. Далее – ТЛШИ; первая цифра означает цзюань, вторая – страницу издания). Согласно существующей ныне классификации, эти наказания можно рассматривать как основные, в то время как дополнительные и замещающие наказания применялись ко второму и третьему правовым слоям весьма редко.

Иное дело – привилегированный слой. Здесь применение дополнительных и замещающих наказаний носило крайне широкий характер и, по сути дела, играло определяющую роль. Эти наказания были настолько неразрывно связаны, с одной стороны, с должностным статусом преступника, с другой – с должностным характером преступления и, кроме того, поражали непосредственно должностное положение наказуемого (а уже через это – его социальное положение),

что мы можем выделить их в самостоятельную, очень важную для танского права группу наказаний, которую назовем группой должностных наказаний. Под должностными наказаниями мы будем в дальнейшем понимать специфические наказания, применявшиеся параллельно с основными только к членам бюрократического аппарата и их родственникам. Важность таких наказаний, которая дала нам право выделить их в самостоятельную группу, определяется ведущим положением данного круга лиц как в социальном, так и в правовом отношении и высоким пиететом чиновничьего положения в средневековом Китае. В отличие от основных наказаний должностные наказания специально были предназначены для регулирования отношений отдельных членов привилегированного класса с совокупностью этих членов, то есть государством, и были куда более тонким орудием достижения этой цели, нежели основные наказания.

В кодексе нет специального раздела, посвященного должностным наказаниям. Существуют отдельные статьи, в общем виде трактующие, например, о разжаловании (ТЛШИ, 3,52-53), но они, как правило, дополняются и расширяются многочисленными упоминаниями в других местах текста. Данная статья является результатом анализа всех таких упоминаний в первой и второй цзюанях кодекса, которые автор постарался свести в систему.

Существовало три вида должностных наказаний, которые, согласно современной классификации, мы назвали бы дополнительными. Наиболее тяжелым из них являлось разжалование (чумин 除名). Следом за ним по степени тяжести шло лишение должностей (мяньгуань 免官), а третьим, наиболее легким, было смещение с занимаемой должности (мяньсоцзюйгуань 免所居官). Все три наказания действовали однотипно, и суть их заключалась во временном отстранении виновного от административной деятельности и понижении его социального статуса. Вместе с тем должностные наказания не приводили к окончательному выключению из аппарата уже отобранных и имеющих опыт административной работы кадров. Законодательно были установлены сроки их последующего восстановления на службе и нормы этого восстановления.

Как правило, должностные наказания применялись параллельно с основными, отнюдь не исключая последних. Причем тяжесть составляющих такого комбинированного наказания могла коррелироваться в весьма слабой степени, поскольку основное наказание карало, скажем, просто за кражу согласно ценности похищенного, кто бы и как бы ни украл, в то время как должностное наказание во главу угла ставило не ценность похищенного, а то, совершена ли данная кража в пределах административной ответственности совершившего ее чиновника или нет, и т.д. Понятие совершения преступления в пределах административной ответственности имело огромное значение для всей системы должностных наказаний и при определении их размера учитывалось едва ли не в первую очередь. Существовало два качественно однородных вида административной ответственности: общая ответственность за какую-либо административную единицу – округ, гарнизон и т.д., называемая цзяньлинь (監臨), и непосредственный надзор за каким-либо объектом или деятельностью – амбаром, строительством дамбы и т.д. – чжушоу (主守). Если преступление совершалось чиновником в рамках его административной ответственности, тяжесть должностного наказания немедленно повышалась, в то время как тяжесть основного оставалась неизменной.

Как уже было сказано, наиболее тяжелым из должностных наказаний было разжалование. Оно применялось:

а) в случае совершения преступлений, входящих в список десяти зол, т.е. преступлений, выделенных в особый список, направленных непосредственно против основ существующего порядка, империи и особы императора, и потому наказывавшихся с особой строгостью;

б) в случае совершения преступлений, за которые приговаривали по основной шкале к какому-либо из пяти особых видов ссылки, то есть преступлений, по тяжести шедших непосредственно за подпадавшими под статьи десяти зол,

и тоже имевших, хотя и менее ярко выраженный и более локальный, антисоциальный характер. К пяти особым видам ссылки относились:

ссылка с дополнительными работами (т.е. ссылка, в которой предусматривалось три года принудительных работ в назначенном месте вместо одного года в обычной ссылке. Эта ссылка являлась наказанием за преступления, за которые до реформ танского Тай-цзуна приговаривали к отсечению стоп, а еще раньше - к смертной казни);

ссылка по общесемейной ответственности (юаньцзо 緣坐) за совершенные родственниками преступления, подпадающие под первую и вторую статьи десяти зол;

ссылка за убийство отца, деда или прадеда в результате несчастного случая;

ссылка за различные проявления сыновней непочтительности;

ссылка за различные тяжкие преступления, которая приводится в исполнение даже в случае объявления амнистии (ТЛШИ, 2, 33-34);

в) в случае прелюбодеяния, хищения, похищения человека и взимание взяток с нарушением закона в пределах административной ответственности. В данном случае под прелюбодеянием кодекс имеет в виду развратные сношения чиновника с лично свободной замужней женщиной; под хищением - хищение по ценности в размере одного пи шелка и более; под похищением - похищение без согласия жертвы, а если жертве менее десяти лет от роду, то и при согласии, ибо в таком возрасте жертва не может полностью отвечать за свои поступки; причем в последнем случае закон не делал различия между похищением свободного и лично зависимого. В этих случаях при амнистии цзян (降), понижающей тяжесть основного наказания, разжалование заменялось лишением должностей, а при амнистии шэ (赦), полностью избавляющей от основного наказания - смещением с занимаемой должности, то есть полного амнистирования так и не происходило;

г) в случае совершения различных преступлений, наказываемых смертной казнью по шкале основных наказаний, причем разжалование происходило и в тех ситуациях, когда преступник умер в предварительном заключении, или был в виде особой милости помилован от смерти и приговорен к ссылке, или бежал. В последнем случае разжалование применялось заочно, то есть для его применения поимка преступника не требовалась;

д) в случае умышленного нанесения увечий в драке родственнику во время траура сяогун (пять месяцев) старшего поколения;

е) в случае побега из-под стражи или по дороге тех, кто согласно обычной процедуре был приговорен к каторге или ссылке.

В случае разжалования при ссылке по общесемейной ответственности разжалование производилось и в том случае, если по состоянию здоровья или возрасту сама ссылка отменялась (это происходило для мужчин старше восьмидесяти лет или принадлежащих к группе инвалидности дуцзи (篤疾), т.е. помешанных, слепых на оба глаза, лишенных обеих ног, и т.д., и для женщин старше шестидесяти лет или принадлежащих к группе инвалидности фэйцзи (廢疾), т.е. слабоумных, глухонемых, горбатых, лишенных одного глаза или одной конечности.

Прежде чем переходить к описанию механики разжалования, следует сказать несколько слов о видах должностей и чинов, которые ликвидировались при разжаловании и часть которых ликвидировалась при других должностных наказаниях.

Положение лица в официальной иерархии господствующего класса фиксировалось при помощи нескольких величин. Основной из них были так называе-

мые служебные должности – чжишигуань (職事官), т.е. должности, связанные с реальным выполнением каких-то административных или служебных функций. Они могли быть как гражданского, так и военного (вэйгуань 衛官) характера. Каждая такая должность имела соответствующий ей служебный чин определенного ранга. Например, тот, кто занимал служебную должность главы департамента государственных дел (шаншу лин 尚書令), должен был иметь служебный чин основного второго ранга (чжэн эр пинь 正二品), а тот, кто занимал служебную должность начальника отдела пожалований палаты чинов (сыфэ лан чжун 司封郎中) должен был иметь служебный чин вспомогательного пятого ранга первого разряда (цун у пинь шан 從五品上).

Кроме служебных, существовали еще почетные и наградные должности (саньгуань 散官 , сюньгуань 勳官). Почетные должности не были связаны с реальным исполнением каких-то обязанностей и зачастую давались параллельно со служебными должностями в знак уважения, поскольку посты, которые они обозначали, уже не существовали в реальной деловой иерархии аппарата (например, один из составителей комментариев к кодексу "Тан люй шу и" Дуань Баосюань, занимавший служебную должность начальника высшего юридического комитета (дали цин 大理卿), занимал одновременно почетную должность сановника, обсуждавшего дела династии (чаои дафу 朝議大夫) (Цзю Тан шу, цз. 50; Сыбу бэй яо, Шанхай, 1936, с.5б). Наградные же должности в принципе были аналогичны титулам знатности, с тем отличием, что не переходили по наследству. В правовом отношении почетные ранги отставали от служебных на одну категорию ранга (то есть на совокупность разрядов ранга, заключенных в одной категории ранга, обозначаемой цифрой от первой до девятой; девятая категория ранга, например, включала в себя девятый основной ранг первого разряда, девятый основной ранг второго разряда, девятый вспомогательный ранг первого разряда и девятый вспомогательный ранг второго разряда – 正九品上 , 正九品下 , 從九品上 , 從九品下 , – а начиная с третьей категории ранга и выше категории делились лишь на основной и вспомогательный ранги), а наградные – на две категории. Это надо понимать так, что, если служебный ранг, например, третьей категории давал определенную привилегию (привилегию "восьми суждений" – ба и 八議), то эту же привилегию давал лишь второй почетный ранг и лишь первый наградной ранг. Впрочем, следует помнить, что наградных должностей первого ранга, по-видимому, не существовало, и на их месте стояли высшие титулы знатности (цзюэ 爵), также имевшие ранговую привязку: ван соответствовал первому основному рангу, гун – первому вспомогательному. Таким образом, чиновник максимально мог иметь четыре степени различия – служебную должность, почетную должность, наградную должность и титул знатности.

При разжаловании у наказуемого ликвидировались все эти степени различия, то есть и титулы, и все должности, полученные им с момента приобретения должностной квалификации и начала службы. Таким образом, наказанный полностью лишался всех привилегий, которые имел благодаря собственному положению, и при отсутствии родственников, также занимающих чиновничьи посты (правда, по-видимому, такая ситуация была довольно редкой), практически выпадал из привилегированного сословия. Однако он так и не уравнивался в правовом, а тем более в экономическом положении с лично свободными простолюдинами.

Те, кто подвергся разжалованию, на протяжении срока до служебного восстановления (сюй 敘) рассматривались в соответствии с их изначальным социальным статусом. Это значит, что налоги и трудовые повинности накладывались на них так же, как и до поступления на службу, согласно положению, которое занимала их семья. Если данный чиновник выслужился из простолюдинов, то на протяжении срока до служебного восстановления он рассматривался

как простолюдин. Кроме того, разжалованные освобождались от трудовых повинностей на общественных работах и при этом не обязаны были выплачивать откупной налог, освобождавший за деньги от таких работ; освобождались они также от разнообразных повинностей группы цзаяо (雜徭) и от призыва в войска (ТЛШИ, 3, 52). Таким образом, некоторые привилегии сохранялись даже после разжалования.

При наказании чиновника, как мы видим, могли существовать две возможные ситуации. Во-первых, он мог быть наказан лишь одним, основным, наказанием без применения должностного, и тогда ему немедленно разрешался откуп деньгами (при совершении преступлений, наказуемых палками) или рангом, а уже затем деньгами (при совершении преступлений, наказуемых каторгой или ссылкой). Во-вторых, он мог быть наказан комбинированным образом, то есть и основным, и должностным наказанием. Эту ситуацию кодекс подразделял на две подситуации, а именно: когда основное наказание - легкое и когда основное наказание - тяжкое.

Исполнение приговора в этих подситуациях кардинальным образом отличалось друг от друга. В случае легкости основного наказания, основное и должностное наказания применялись параллельно друг с другом. Например, если чиновник совершал в пределах своей административной ответственности хищение в размере одного пи шелка, то ординарное наказание равнялось всего лишь восьмидесяти ударам большой палкой, от которых чиновник, по-видимому, откупался. Должностное же наказание, призванное карать не так за кражу, как за использование служебного положения в корыстных целях, равнялось разжалованию.

При тяжком основном наказании механика была иной. Кодекс гласит: "Все, кто подвергаются разжалованию... пусть основное наказание и легкое, все равно подвергаются разжалованию. Те же, у кого основное наказание тяжкое, всякий раз в соответствии с содеянным ими квалифицируются согласно законам о зачете каторги или ссылки рангом и откупе от наказания" (ТЛШИ, 3, 57). Рассмотрение принципа зачета рангом наказания каторгой или ссылкой не входит в задачу данной статьи, и мы отметим лишь, что наказываемый чиновник в отношении основного наказания снова оказывался в преимущественном положении и не подвергался ему фактически, а лишался своих рангов и денежных средств в счет основного наказания, а уже потом подвергался разжалованию, то есть ликвидации должностей, которые и так уже были использованы для зачета.

Следует отметить также, что при разжаловании ликвидировались, как мы уже упоминали, титулы знатности, но, в отличие от служебного положения, они не могли быть восстановлены. Титул знатности ликвидировался у данного рода навсегда. Кодекс гласит: "Закон об обычном восстановлении не охватывает собою титулов, и поэтому при разжаловании наказанные не имеют права на последующее восстановление титула" (ТЛШИ, 3, 53). Более того, лица, которые при наличии у них наследственных титулов знатности совершали преступления, наказываемые разжалованием, т.е. антигосударственные и антисоциальные, рассматривались танским правом настолько виновными, что при описанной ранее ситуации, когда основное наказание было тяжким, им не дозволялся денежный откуп от недозачтенной рангом части наказания. Они должны были подвергнуться ему фактически. Кодекс гласит: "Титулы знатности даются с тем, чтобы переходить к сыновьям и внукам вечно. При всем том ныне отбираются, и вина за это крайне велика. Титулы ликвидируются государством, и поэтому остаток наказания не может быть погашен денежным откупом" (ТЛШИ, 3, 57).

Правила служебного восстановления разжалованных были разработаны тщательнейшим образом. При разжаловании такое восстановление допускалось через шесть лет после издания приказа о разжаловании, с приходом первого месяца седьмого года после вынесения приговора. При этом ко-

декс делает специальную оговорку, что имеется в виду не простой год, а год цзай, четкая длительность которого не была определена, так как год цзай мог включать в себя дополнительные месяцы, примерно каждые три года вставлявшиеся в календарь для уравновешивания лунного года с солнечным. Поскольку восстановление допускалось через шесть лет, то по крайней мере один дополнительный месяц попадал на период, на протяжении которого разжалованный находился в состоянии служебного наказания. Годы цзай (載) имеются в виду и когда говорится о сроках служебного восстановления при лишении должностей.

Однако должностное наказание не проходило безнаказанно для восстанавливаемых. Их восстановление проводилось с понижением в чине по сравнению с тем, в котором было совершено преступление, и чем выше был исходный чин, тем больше было расстояние, на которое отбрасывался назад по служебной лестнице наказанный. Для тех чиновников, которые в момент совершения преступления имели третью категорию служебного ранга и выше или же (при отсутствии служебных рангов) приравненные к этим рангам почетные или наградные (то есть и вторую и первую категории почетного ранга, или же титулы знатности ван или гун), нормы восстановления определялись самим императором. Для лиц более низкого служебного положения существовала следующая таблица (ТЛШИ, 3, 52):

Основной четвертый ранг обоих разрядов восстанавливался во вспомогательном седьмом ранге второго разряда;
вспомогательный четвертый ранг обоих разрядов – в основном восьмом ранге первого разряда;
основной пятый ранг обоих разрядов – в основном девятом ранге второго разряда;
вспомогательный пятый ранг обоих разрядов – во вспомогательном восьмом ранге первого разряда;
шестая и седьмая категории рангов – во вспомогательном девятом ранге первого разряда;
восьмая и девятая категории рангов – во вспомогательном девятом ранге второго разряда.

Для почетных чинов кодекс не дает особой таблицы. Очевидно, при восстановлении почетных чинов действовали те же правила, что и при восстановлении служебных, так как оба эти чина кодекс относит к одной категории. Что же касается чинов второй категории, то есть наградных чинов, для них существовала такая таблица:

вторая категория наградного ранга восстанавливалась в наградной должности сяоцивэй (основной шестой наградной ранг);
третья категория наградного ранга – в наградной должности фэйцивэй (вспомогательный шестой наградной ранг);
четвертая категория наградного ранга – в наградной должности юньцивэй (основной седьмой наградной ранг);
пятая категория наградного ранга и ниже – в наградной должности уцивэй (вспомогательный седьмой наградной ранг);
восьмая и девятая категории наградного ранга – в исходном ранге.

Следует помнить, что наградной ранг в отличие от служебного делился лишь на основные и вспомогательные, то есть каждая категория ранга делилась на два ранга, а не на четыре.

Наконец, для лиц, имевших в момент совершения преступления ученые степени типа сюцай (秀 才), минцзин (明 經), минфа (明 法) и т.д., допускалось восстановление этой степени.

В случае, если преступление, наказуемое разжалованием, совершала женщина, имеющая в соответствии с положением мужа чины и титулы ихао (邑 號), то по прошествии обычного срока ей дозволялось восстановление

согласно положению мужа. Если муж за это время не изменил своего служебного положения, то и женщина восстанавливалась в том же ранге, что и исходный. Если муж за это время получил повышение или был понижен, то восстановление женщины производилось в соответствии с изменившимся статусом. Если же женщина имела чины и титулы не вследствие положения мужа, а по другим причинам, то она подпадала под действие законов о пожалованиях и титулах, и, следовательно, восстановление ее титулов и чинов вообще не допускалось, согласно тому, что было сказано ранее о запретах на восстановление титулов.

Разжалование приравнивалось к трем годам каторжных работ. Система эквивалентного выражения должностных наказаний в основные была разработана для двух специфических ситуаций.

Во-первых, для наказания виновных в подаче ложного доноса по принципу эквивалентного наказания (фаньцзо 反坐). Суть этого принципа заключалась в приговоре лица, виновного в подаче ложного доноса, к тому наказанию, какое получил бы по данному доносу тот, кого оклеветали, если бы донос был ошибочно признан соответствующим действительности. В случае, когда ложный донос был направлен против чиновника, и ему могло грозить комбинированное наказание, основное наказание переносилось на того, кто подал ложный донос. Должностное же трансформировалось в эквивалент каторжными работами, по-видимому, отчасти потому, что автором доноса мог быть и не чиновник, а простолюдин.

Вторая ситуация, в которой имело место данное приравнение, касалась ошибок в судопроизводстве, наказывавшихся по тому же принципу фаньцзо. Здесь эквивалентное наказание получал судья, и оно равнялось допущенной судьей ошибке. Поскольку, согласно теории китайского средневекового права, каждый уголовный случай решался однозначным образом, постольку при пересмотре дела всегда можно было точно установить, насколько завысил или занизил судья наказание по сравнению с тем, которое должно было быть вынесено. В тех случаях, когда выяснялось, что судья приговорил виновного к разжалованию, когда не следовало применять должностного наказания, или не применения наказания, когда следовало приговорить к разжалованию, приговор ошибшемуся судье также выносился с использованием такого приравнения.

Кодекс рассматривает в связи с правилами восстановления на службе другую усложненную ситуацию. Допустим, некто совершил преступление, которое по сути должно быть наказано не разжалованием, а лишением должностей или смещением с занимаемой должности, но в силу особых обстоятельств совершения преступления, накладывающих особую ответственность на преступника, суд решил применить разжалование. В этом случае, хотя виновный подвергся действительному разжалованию, т.е. полному лишению всех должностей и чинов, а также титулов, служебное восстановление этого лица происходит не по законам разжалования, а по законам, предусмотренным для того служебного наказания, к которому он должен был бы быть приговорен, если бы не особые обстоятельства.

Если разжалование применялось по отношению к тем, кто был повинен или замешан в совершении преступлений, входящих в список "десяти зол", то, в случае, если обвинительное заключение уже вынесено, на таких преступников не распространялись ординарные амнистии. Под вынесением обвинительного заключения кодекс понимает ситуацию, когда "размер добычи и обстоятельства убийства полностью выяснены, и департамент государственных дел уже вынес приговор, но еще не доложил об этом императору" (ТЛШИ, 2, 45).

Как уже было сказано, разжалованию подвергались все лица, обвиненные по общесемейной ответственности за преступления, подпадающие под первую и вторую статьи "десяти зол". Однако кодекс делает оговорку, весьма важ-

ную для права того времени, а именно: "Закон об общесемейной ответственности распространяется только на живых. Даже разведенные, усыновленные в другой семье и ушедшие в мочахи не подпадают под действие его статей. Раз уже умерли, как можно применять к ним разжалование? Они вели дела хорошо, и удостоверение на должность, которую занимали покойные, не отбирается" (ТЛШИ, 2,45).

Лишение должностей являлось должностным наказанием, вторым по степени тяжести после разжалования. Оно применялось в таких случаях, как, например:

при замене разжалования в случае амнистии цзян, понижающей тяжесть наказания на одну степень;
при совершении мужчиной, имеющим чин и должность, хищения вне пределов административной ответственности и наказуемому согласно ценности похищенного каторгой и выше;
при совершении прелюбодеяния женщиной;
при совершении изнасилования, хищения и похищения людей, а также взяточничестве вне пределов административной ответственности в том случае, если, согласно тяжести содеянного, они были приговорены к каторге и выше и совершили побег;
при выяснении того, что данные лица музицируют или слушают исполняемую другими музыку, или женятся в период, когда кто-либо из их родственников, начиная от прапрадеда по мужской линии и ниже, совершили преступление, наказуемое смертью, и пребывают в тюрьме. Под женитьбой понималось, когда мужчина берет женщину в дом; в случае, если женщина выходила замуж в такой период, она не несла ответственности.

Таким образом, лишением должностей наказывались уже не столько должностные преступления (т.е. преступления, связанные с корыстным использованием служебного положения) и не преступления, направленные непосредственно против устоев общества (мятеж, сыновняя непочтительность и т.д.), а те, которые, хотя и считались опасными с идеологической точки зрения и затрагивающими целостность идейных постулатов, но считались менее злонамеренными, нежели преступления, наказываемые разжалованием.

При лишении должностей ликвидировались обе категории должностей (в первую категорию кодекс включает служебные и почетные должности, во вторую - наградные), но титул знатности сохранялся. Служебное восстановление дозволялось через три года цзай после вынесения приговора с понижением в исходном ранге (независимо от его степени) на два разряда. В служебных и почетных рангах за один разряд в первой, второй и третьей категориях ранга считались основной и вспомогательный ранги, а ниже - каждый из двух разрядов, на который делились основной и вспомогательный ранги; а в наградных - основной и вспомогательный ранги. У лиц, имевших одновременно чины обеих категорий при служебном восстановлении, как и в правилах разжалования, понижение охватывало обе категории, при этом наградные должности рангом ниже вспомогательного седьмого (уцивэй), восстанавливались полностью, без понижения. Кодекс указывает также, что при лишении должностей оставлялись так называемые должности, не охваченные понижением. По-видимому, под этим следует понимать ранее занимавшиеся должности, удостоверения на которые по тем или иным причинам остались на руках у подсудимого, причем ранг этих должностей (все равно - служебных, почетных или наградных) был ниже того ранга, в котором через три года должен будет восстановиться на службе наказанный. При лишении должностей удостоверения на эти должности не отбирались, что было крайне важно при совершении, например, повторных преступлений.

Лица, подвергнутые лишению должностей, на протяжении срока наказа-

ния, на самом деле были еще дальше от простолюдинов, нежели подвергнутые разжалованию. Кодекс указывает на это совершенно определенно: "Те, кто находится в состоянии наказания лишением должности, не входят в круг лиц, облагаемых налогами и трудовыми повинностями" (ТЛШИ, 3,56). Однако, хотя привилегированное состояние этих лиц по отношению к лично свободным простолюдинам не поражалось полностью, тем не менее служебное наказание все же было наказанием, и суть его заключалась во временном отстранении от политической и служебной деятельности, в прерывании карьеры. Там же кодекс указывает: "/Эти лица/, хотя и имеют ранее занимаемые должности, не охваченные понижением, но они не входят в круг тех, на кого распространяются правила присутствия при дворе и участия в дворцовых делах и церемониях" (ТЛШИ, 3, 56).

Однако главным фактором, определявшим правовое положение наказанных в период наказания, являлись необходимость их служебного восстановления в будущем. Так, при совершении теми, кто подвергся лишению должностей и еще не восстановился на службе, преступления средней тяжести (то есть по шкале основных наказаний наказуемых каторгой и ссылкой), допускался откуп от наказания, причем даже в тех случаях, когда, как правило, не допускался в силу специфического характера некоторых преступлений. Например, откуп дозволялся при избиении или доносе на родственника старшего поколения категории траура сяогун (пять месяцев) или одного поколения с преступником, но старше его, категории траура дагун (девять месяцев). Кодекс гласит: "Если должность исчерпана, и еще не наступило восстановление, и совершено повторное преступление, наказуемое ссылкой и ниже, допускается возможность откупа от наказания . . . Срок /пребывания в состоянии должностного наказания/ еще не истек, и обязательно действует закон о служебном восстановлении. Поэтому /виновный/ освобождается от фактической отправки в ссылку, и допускается применение статей об откупе. Однако, если по сути преступления откуп не может быть позволен, он не может быть позволен и здесь" (ТЛШИ, 3, 55).

При повторных преступлениях, также подлежащих наказанию должностными наказаниями, срок служебного восстановления отодвигался на соответствующее число лет. При этом восстановление происходило с повторным понижением в ранге относительно исходного. Однако кодекс специально оговаривает, что такое суммарное понижение ранга должности, в которой должен будет восстанавливаться преступник, не должно превышать четырех разрядов, высчитываемых отдельно для одной и для другой категории должностей . При совершении повторных преступлений, за которые следовали должностные наказания, нового понижения в ранге должности не производилось, а отодвигался срок этого восстановления.

В случае совершения повторных преступлений в состоянии наказания лишением должностей, которые по сути своей не допускают откупа, и основное наказание каторгой или ссылкой должно быть приведено в исполнение фактически, служебное восстановление откюдь не отменялось. В случае ссылки оно производилось по прошествии шести лет цзай, в течение которых преступник находился в ссылке согласно обычным нормам, а в случае каторги – по прошествии срока работ, если этот срок превышал срок восстановления, или, если срок работ кончался раньше срока служебного восстановления, то в нормальный срок, то есть через три года после вынесения последнего приговора.

В случае, когда преступление по сути своей не заслуживало наказания лишением должностей, но суд ввиду особых обстоятельств принял решение наказать виновного именно лишением должностей, служебное восстановление происходило по законам восстановления при смещении с занимаемой должности.

При наказании лишением должностей так же, как и при разжаловании,

действовало дробление ситуации комбинированного наказания в зависимости от того, было ли легким или тяжелым основное наказание. Если оно было легким, то оно выносилось и применялось независимо от должностного. Например, если чиновник получил взятку вне пределов своей административной ответственности ценностью шесть пи один чи шелка, то основное наказание согласно ценности полученного равнялось полутора годам каторжных работ, но должностное – только лишению должностей, поскольку преступление было совершено без использования служебного положения в корыстных целях. Напротив, если основное наказание было тяжким, то сначала разрешалось погасить его при помощи зачета должностями и откупа, а уже потом применялось лишение должностей.

Наконец, при ситуациях, в которых действовал принцип эквивалентного наказания, лишение должностей приравнивалось к двум годам каторжных работ.

Смещение с занимаемой должности было наиболее легким из должностных наказаний: виновный смещался с занимаемой им служебной должности, но наградная должность и титул знатности, если они имелись, оставались в неприкосновенности. Под смещением с занимаемой должности кодекс понимает ликвидацию всех должностей первой категории, если они совпадают по рангу, поскольку в этом случае в правовом отношении они считаются одной должностью. Если же ранги их различны, то ликвидируется та, ранг которой наиболее высок, а остальные остаются. Если же у данного лица есть только наградные должности, то смещение производится с наградной должности, причем при наличии нескольких – с самой высокой из них.

Смещение с занимаемой должности применялось в следующих ситуациях:

а) замена разжалования при амнистии шэ или замена лишения должностей при амнистии цзян в тех случаях, когда эти наказания применялись за совершение прелюбодеяния, хищения, похищения людей и взимания взяток внутри или вне пределов административной ответственности;

б) оставление без присмотра престарелых родственников, нуждающихся в уходе (т.е. старше восьмидесяти лет или относящихся к категории инвалидности дуцзи), в целях поступления на государственную службу. Исключение делалось лишь для тех, чьи таланты блистательны и кого в силу этого принуждали остаться на службе или немедленно приступить к исполнению каких-то служебных обязанностей, а также тех, кому дозволялось перевезти родителей к месту службы и там ухаживать за ними;

в) раздел братьями доставшегося им в наследство имущества или перемена места приписки и жительства в период траура по умершим родителям (двадцать семь месяцев);

г) вступление чиновника в развратные сношения с женой лично зависимого или с рабыней в пределах своей административной ответственности;

д) осквернение чести имени предка названием должности или учреждения, то есть нарушение семейного табу на знаки, входящие в имя предка. Под этим понимается следующая ситуация. Допустим, "имеется человек, отца или деда которого зовут Чан, и поэтому данному человеку не позволяется служить в Тайчансы (太常寺) – управлении императорских жертвоприношений. А если имя отца или деда Цин, то не дозволяется служить в должности цина (卿) – начальника управления" (ТЛШИ, 3,50). Более того, при запоздалом раскрытии подобного проступка были предусмотрены ужесточенные меры наказания. Если некто служил, оскверняя честь имени предка, а затем получил повышение и в новой должности осквернения уже не происходит, то в случае раскрытия предыдущего осквернения ви-

новный наказывался смещением с новой, только что полученной должности, а затем у него отбиралось оскверняющее удостоверение на ранее занимаемую должность с преступным наименованием.

Правила осуществления смещения с занимаемой должности принципиально не отличаются от уже известных нам общих правил, предусмотренных для должностных наказаний. Служебное восстановление при смещении с занимаемой должности происходило через один год, причем в этом случае кодекс имеет в виду именно год цинянь (期年), т.е. полный оборот четырех сезонов с момента оглашения приговора. Должность, в которой восстанавливался наказанный, должна была быть на один разряд ниже рангом, чем исходная.

Так же, как и наказанные лишением должностей, наказанные смещением с занимаемой должности не входили в круг лиц, на которых распространялись правила присутствия при дворе. В случае смещения с занимаемой должности равно действовало дробление комбинированных наказаний на две подгруппы соответственно тяжести основного наказания. Все льготы, предусмотренные для совершающих повторные преступления после лишения должностей распространялись и на тех, кто был смещен с занимаемой должности. В ситуациях, требующих применения принципа эквивалентного наказания, смещение с занимаемой должности приравнивалось к одному году каторжных работ.

Таким образом, параллельно со шкалой основных наказаний танское законодательство предусматривало сложную, детально разработанную систему должностных наказаний, которые дополняли основную шкалу в случае совершения уголовных преступлений членами привилегированного сословия. Этими наказаниями полностью или частично удар по наказуемому переносился из материальной в идеологическую сферу, и, кроме всего прочего, они рассматривались, как позорящие, унизительные для должностного лица. В какой-то мере они являлись компенсацией за привилегированное положение по отношению к основным наказаниям, и, как правило, освобождение от основного наказания по амнистии отнюдь не означало автоматического освобождения от должностного. Если при помощи основных наказаний невозможно было в достаточной мере отразить необходимость ужесточенного отношения к преступлениям, имеющим выраженный антисоциальный или дискредитирующий государственный аппарат характер, то должностные наказания максимально возможным образом были приспособлены именно для этой цели. Если, с точки зрения средневекового китайского права, основные наказания были призваны восстанавливать гармонию мироздания, нарушенную чьим-то преступным поведением, то должностные преследовали более узкую, но практически более важную цель - восстановление гармонии внутри привилегированного сословия, внутри бюрократического аппарата. Это было их непосредственной и единственной задачей. Основные наказания карали за преступления против вселенной, должностные - за преступления против государства. Когда преступление наносило вред и вселенной, и государству (например, убийство), применялось комбинированное наказание. Должностные наказания наиболее полно выражали основной постулат средневекового китайского права: кара должна не губить, а вразумлять. Поскольку после должностного наказания дозволялось продолжение карьеры, считалось, что оно никоим образом не вредит наказуемому, а лишь дает ему возможность осознать свой проступок на досуге, исправиться, понять, что он потерял и чего лишился, не оправдав доверие государства, вручившего ему тот или иной служебный пост. По-видимому, считалось, что, отбыв наказание, провинившийся чиновник с удвоенным рвением и удвоенной честностью вновь приступит к работе, когда придет срок служебного восстановления. Должностные наказания являлись основным юридическим средством воспитания и очищения государственного аппарата, обеспечения его наилучшего функционирования.

Э. С. Стулова

АННОТИРОВАННОЕ ОПИСАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ЖАНРА БАОЦЗЮАНЬ В СОБРАНИИ ЛО ИВ АН СССР

Коллекция сочинений жанра баоцзюань[1] Фонда китайских ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР насчитывает 18 экземпляров. Два из них представляют собой разные издания одного и того же сочинения. Таким образом, в собрании ЛО ИВ АН представлено 17 различных сочинений. Приведем перечень всех баоцзюаней с указанием шифра.

1. B 94. 灶君經 Цзао-цзюнь цзин – "Сутра о Цзао-цзюне".
2. B 101. 十月懷胎卷 Ши юе хуайтай цзюань – "Свиток о десяти месяцах ожидания ребенка".
3. C 26. 佛說崇禎爺昇天十忠寶卷 Фо шо Чун-чжэнь е шэн тянь ши чжун баоцзюань – "Рассказанный буддой баоцзюань о вознесении на небо государя-батюшки Чун-чжэня и о десяти верных подданных".
4. C 104. 慈靈寶卷 Цы лин баоцзюань – "Баоцзюань о милосердной душе".
5. C 106. 呂祖真經 Люй-цзу чжэньцзин – "Истинная сутра патриарха Люя".
6. C 470. 目蓮救母三世寶卷 Мулянь цзю му сань ши баоцзюань – "Баоцзюань о том, как Мулянь в трех воплощениях спасал мать".
7. C 475. 善宗寶卷 Шань цзун баоцзюань – "Баоцзюань о добродетели".
8. D 450. 觀音濟度本願真經 Гуаньинь цзиду бэньюань чжэньцзин – "Истинная сутра об основном обете Гуаньинь спасать /все сущее/".
9. D 451. 十二圓覺 Ши эр юаньцзюе – "О двенадцати просветленных".
10. D 452. 十二圓覺經 Ши эр юаньцзюе цзин – "Сутра о двенадцати просветленных".
11. D 453. 普陀寶卷 Путо баоцзюань – "Баоцзюань о /горе/ Путо".
12. D 455. 香山寶卷 Сяншань баоцзюань – "Баоцзюань о горе Сяншань".
13. D 458. 金母家書 Цзинь му цзяшу – "Письма из дому от Золотой матушки".
14. D 460. 竈君寶卷 Цзао-цзюнь баоцзюань – "Баоцзюань о Цзао-цзюне".
15. D 461. 孝心寶卷 Сяо синь баоцзюань – "Баоцзюань о сыновней почтительности".
16. G 7. 普明如來無爲了義寶卷 Пу-мин жулай увэй ляо и баоцзюань – "Баоцзюань о познании буддой Пу-мином конечного смысла недеяния".

17.G 8. 靈應泰山娘娘寶卷 Линъин Тайшань няннян баоцзюань – "Баоцзюань о чудотворной матушке горы Тайшань".

18.G 9. 救苦救難靈感觀世音寶卷 Цзю ку цзю нань линган Гуаньшиинь баоцзюань – "Баоцзюань о чудотворной Гуаньшиинь, спасающей от бед и несчастий".

Коллекция баоцзюаней ЛО ИВ АН СССР складывалась постепенно, книги поступали в разное время. Больше всего книг из коллекции академика В.М.Алексеева, привезенных им из поездок в Китай (1906–1909 и 1912 гг.). Три сочинения из библиотеки Азиатского Департамента. Они упомянуты в "Каталоге 1843", (СПб., 1843), составленном Аввакумом Честным. В "Каталоге 1818" фигурирует один баоцзюань, вошедший позже в коллекцию Броссе. Два баоцзюаня издания 1922 г. фигурируют в описи 1925 г. После 1925 г. новых поступлений сочинений жанра баоцзюань в Фонд не было. Подробнее о Фонде китайских ксилографов и истории его формирования можно прочитать в предисловии к "Каталогу 1973" (т. 1, С. 5-15).

Сочинения нашей коллекции изданы в разное время и в разных местах. Большинство их издано в XIX в. Самое раннее издание датировано 1599 г. Это второе издание "Баоцзюань о познании буддой Пу-мином конечного смысла недеяния". Место издания не указано, предположительно – Пекин. Самые поздние издания – 1922 г., выполненные шанхайским издательством "Хунда": "Баоцзюань о том, как Мулянь в трех воплощениях спасал мать" и "Баоцзюань о добродетели". Последнее сочинение является переизданием более раннего гуандунского издания. В целом ряде сочинений не указаны время и место издания. Однако примерное время издания в большинстве случаев можно установить по внешнему виду книги, по бумаге, по датированному предисловию или известному историческому событию. Так, например, по внешнему виду и бумаге сочинения под шифром G 8 и G 9 мы считаем изданиями конца династии Мин, т.е. конца XVI – начала XVII в. А сочинение под шифром C 26 явно издано в период правления династии Цин (скорее всего, во второй половине XVII – XVIII в.), поскольку в нем идет речь о восстании Ли Цзычэна, о падении минской династии и гибели последнего минского императора Чун-чжэня.

Место издания отдельных книг определить гораздо труднее. Однако в ряде случаев это бывает возможно. Например, на титуле сочинения под шифром C 106 указано название лавки, где хранятся доски. Благодаря этому мы можем предполагать, что издание осуществлено в Гуанчжоу; в сочинении D 452 на титуле стоит название монастыря, благодаря чему мы определили, что сочинение было отпечатано в Фучжоу.

Надо отметить, что география изданий нашей коллекции достаточно обширна. Представлены издания большей частью Шанхая, Чанчжоу, затем Гуанчжоу, Фучжоу, Даньяна, Ханчжоу; пекинские издания отождествляются по косвенным данным и не слишком уверенно (G 7, G 8, G 9, C 26).

Баоцзюани нашего собрания весьма разнообразны как по форме, так и по содержанию. Тут представлены сочинения прозо-метрические, в которых прозаические отрывки перемежаются с метрическими – стихами ши разных размеров (пяти, семи, десятисложными), стихами цы, ариями цюй. Иногда арии отсутствуют, а стихи все одного размера (обычно либо семисложные, либо десятисложные). Случается, что все сочинение написано стихами – семисложными или десятисложными.

Баоцзюани достаточно разнообразны по форме и структуре. В целом более ранние баоцзюани (это северные издания) характеризуются четкой структурой. Все они имеют разбивку на главы (24 или 36). Главы построены по единой схеме, строго выдержанной в сочинении. В северных баоцзюанях широко представлены проза, стихи цы, арии цюй, а также стихи ши пяти-, семи-десятисложные. Южные баоцзюани (более поздние) менее четкой структу-

ры, обычно не имеют разбивки на главы. Как правило, в них отсутствуют арии и преобладают семисложные стихи. Зачастую все сочинение написано семисложными стихами. В баоцзюанях, написанных стихами и прозой, употреблены пяти, семи и десятисложные стихи ши.

Что касается содержания баоцзюаней из коллекции ЛО ИВ, то оно также весьма разнообразно. Тут представлены и сочинения типа житий (например, G 8 – житие богини горы Тайшань, D 460 – житие владыки очага Цзао-цзюня), сочинения, в которых рассказано о деяниях простых смертных, достигших святости, ставших буддами (D 453, D 461). Есть сочинения, посвященные чрезвычайно популярным в народе божествам, например Гуаньинь (G 9, D 450, D 451, D 452, D 453, D 455) или Муляню (C 470). Особую группу составляют сочинения более позднего времени (конца XIX – начала XX в.), которые написаны в форме писем от Золотой матушки, посланий с того света, от духов и божеств и "переданы" через специальных посланцев, посредников, медиумов во время сеансов гадания фулуань (или фуцзи), когда божество якобы обращается к присутствующим на молении адорантам.

Особняком стоят два уникальных сочинения. Это "Баоцзюань о познании буддой Пу-мином конечного смысла недеяния", представляющее собой сочинение тайной секты Желтое небо, и "Рассказанный буддой баоцзюань о вознесении на небо государя-батюшки Чун-чжэня и о десяти верных подданных", в котором изложены исторические факты – восстание Ли Цзычэна, падение династии Мин, гибель последнего минского императора.

Исходя из содержания баоцзюаней, мы распределили их по нескольким группам:

I. Баоцзюани, содержащие жизнеописания и деяния представителей пантеона

1. Гуаньинь – а) жизнеописание и деяния: D 455, D 450;
   б) деяния: D 451, D 452, D 453, G 9.
2. Матушка горы Тайшань Бися юаньцзюнь: G 8.
3. Цзао-цзюнь: D 460.

II. Баоцзюани, содержащие жизнеописания и деяния простых смертных, достигших святости

1. Мулянь: C 470.
2. Почтительный сын Цянь: D 461.

III. Баоцзюани, содержащие наставления, связанные с отдельными сторонами буддийского (даосского, конфуцианского) учения

1. Наставление о благодарности к матери, давшей жизнь и вскормившей: B 101, конфуцианское.
2. Бренность и эфемерность жизни, воздаяние за поступки: C 104, буддийское.
3. Почитание Цзао-цзюня: B 94, даосское.

IV. Баоцзюани, содержащие наставления, полученные во время гаданий с медиумом

1. Наставления Сиванму: D 458.
2. Наставления Люй-цзу: C 106.

3. Наставления ряда божеств – Гуань-ди, Вэнь-чана, Люй-цзу, Сиванму: C 475.

У. Баоцзюань, излагающий вероучение секты Желтое небо: G 7.

У1. Баоцзюань, излагающий исторические события – падение династии Мин: C 26

В этом порядке и представлены баоцзюани в нашем описании, построенном по тематическому принципу.

Все сочинения коллекции описаны нами однотипно: даны шифр, название и все его варианты, выходные данные, техническое описание(число книжных единиц, формат книги, текста (по рамке), количество строк на странице и знаков в строке), принадлежность к той или иной коллекции, перечислены каталоги, в которых упомянут данный баоцзюань; форма сочинения, краткое содержание его (так как в каталоге Савады Мидзухо и статье Чжэн Чжэньдо[2] можно найти лишь несколько строк о содержании семи баоцзюаней нашей коллекции (C 470, D 450, D 452, D 453, D 455, D 460, G 8).

Большинство сочинений жанра баоцзюань коллекции ЛО ИВ АН СССР упомянуты в каталогах, составленных Ли Шиюем[3] и Савадой Мидзухо. Однако не во всех случаях можно уверенно отождествить наши издания с представленными в каталогах – сведения, сообщаемые в них (особенно это относится к каталогу Ли Шиюя), не всегда достаточны для этого.

Семь баоцзюаней нашего собрания не упоминаются в каталогах (включая G 7, известный лишь по названию). Это высокий процент, если принять во внимание, что имеющиеся у нас сочинения составляют менее 3% известных науке баоцзюаней. (Всего их фигурирует в каталогах несколько более 600, в том числе около 100 ранних, включая и утерянные, и около 500 поздних).

Сочинения жанра баоцзюань нашей коллекции достаточно репрезентативны, и благодаря этому исследователям представляется возможность изучать жанр в целом во всем его разнообразии.

Описание

1. Баоцзюани, содержащие жизнеописания и деяния представителей пантеона

D 455

香山寶卷 "Баоцзюань о горе Сяншань" (на титуле); 觀世音菩薩本行經 Гуаньшиинь пуса бэньсин цзин – "Сутра об основных деяниях бодхисаттвы Гуаньшиинь" (в начале бэня 1 перед текстом и в конце бэня 2 перед датой); 香山卷 Сяншань цзюань – "Свиток о горе Сяншань" (на сгибе листа). 上海翼化堂善書局藏板 "Доски хранятся в печатне добродетельных книг Ихуатан в Шанхае". 同治十一年春王月重刊 "Переиздано весной 11-го года Тун-чжи (1872)". 天竺普明禪師編集 "Чаньский наставник Пу-мин родом из Индии составил"; 江西寶峰禪師流行 "Чаньский наставник Бао-фэн родом из Цзянси распространил." Ксилограф. Брошюровка: книжки, прошитые нитками, в бумажных обложках. Экземпляр в хорошем состоянии.

2 бэня. 24,8 x 15,8; 21 x 14; 10/20. 1 + 1 + 130 (бэнь 1: 1 л. без пагинации – предисловие; л.1а – иллюстрация: изображение Гуаньинь, л.1б – стела с пожеланием десяти тысяч лет императору; л.1а – 71б; бэнь 2: л.72а– 130б).

Деление на главы отсутствует.

Проза перемежается пяти- и семисложными стихами (преобладают семислож-

ные), встречаются также четырехсложные. Десятисложных стихов нет. Из коллекции Алексеева, 13. Каталог 1973, т.2, № 2270; см.: Ли Шиюй, № 498; Савада, с.126. Схема сочинения: стихи цы – стихи ши (семисложное четверостишие, четырехсложное четверостишие, семисложное двустишие) – проза – стихи ши (семисложное двустишие, пятисложное четверостишие, семисложное двустишие) – проза – стихи ши (семисложное двустишие гатха, пятисложное четверостишие, семисложное двустишие) – проза – стихи ши (семисложное двустишие гатха, пятисложное четверостишие, семисложное двустишие) – проза – стихи ши (семисложное двустишие, пятисложное четверостишие, семисложное двустишие)...

Содержание

К чаньскому наставнику Бао-фэну, жившему в Цзянси в горах Лушань явилась фея Мяо-ци. Она принесла книгу и велела Бао-фэну распространить ее в мире, среди людей, сказав, что это сочинение Пу-мина. Бао-фэн переписал 10 экземпляров.

Чаньский наставник Пу-мин медитировал в одиночестве три месяца в Улине, что в Индии. Трехмесячный срок истек 15 числа восьмого месяца 2-го года Чун-нин (т.е. 1103 г.). Желая помочь людям в деле совершенствования и спасения, Пу-мин сочинил книгу. Ему явилась восседающая на облаке Гуаньинь, чтобы выразить свое удовлетворение и поощрить распространение книги по всей Поднебесной.

Во времена будды Цзяшэ (т.е. Кашьяпы) к западу от горы Сюйми (Сумеру) находилась страна Синлинь. Правил ею царь По Цзя под девизом Мяочжуан. Страна была обширна и богата, и могущественный царь печалился лишь, что нет у него наследника. Царица по имени Бао-дэ в 8-м году Мяо-чжуан родила дочь, которую назвали Мяо-шу. В 13-м году родилась вторая дочь, Мяо-инь. Царица же просила небо послать ей сына. И вот однажды в 17-м году царица увидела сон: к ней явились две небесные девы и пригласили к будде на небо. Здесь царице объявили, что с нею на землю посылается бессмертная дева.

Гадатель-онироманг объяснил, что царица родит бодхисаттву, которая будет спасать все сущее. Через 10 месяцев царица родила необыкновенную дочь, которую назвали Мяо-шань. Принцесса все время проводила в молитвах и созерцании, а в 19 лет решила стать монахиней и посвятить себя служению будде.

Между тем царь решил выдать дочерей замуж и повелел им выбрать женихов. Старшая дочь выбрала гражданского чиновника, талантливого и совершенного внешностью. Средняя дочь остановила свой выбор на военном, храбром и справедливом. Младшая же дочь объявила, что она решила совершенствоваться и достичь полного просветления. Поэтому может выйти замуж лишь за необыкновенного человека, которого бы почитали на небе, с которым бы она могла пребывать в нирване, во дворце Князя пустоты.

Разгневанный царь приказал Мяо-шань удалиться в сад на задворках дворца, где она и прожила месяц в заточении.

Царица и наложницы просили царя освободить принцессу. Царь был готов уступить и простить дочь, вернуть ее во дворец. Однако принцесса продолжала упорствовать в своем нежелании выходить замуж. Уговоры царицы и сестер уступить отцу остались безрезультатными.

Далее следует описание, как сестры Мяо-шань выбрали мужей, кидая в избранника мячик.

По прошествии полугода царь послал к Мяо-шань придворных дам, чтобы они убедили ее вернуться во дворец и выбрать себе мужа. Принцесса ответила, что вернется во дворец только тогда, когда достигнет полного просветления, обретет тело будды и способность трансформироваться во множество

обликов. Кроме того, принцесса выразила желание отправиться для совершенствования в монастырь Байцяосы, что находится в уезде Луншу, в области Жучжоу. Получив разрешение отца и попрощавшись с родными, принцесса собралась в монастырь. Перед отъездом Мяо-шань обратилась к провожавшим с пространной речью об иллюзорности и суетности бренной жизни и призвала всех заняться совершенствованием для достижения просветления.

Настоятельница монастыря, выполняя приказ царя, выговаривала принцессе за сопротивление воле отца и пугала ее трудностями монастырской жизни. При этом она добавила, что царь пригрозил сжечь монастырь, если настоятельнице не удастся убедить принцессу вернуться во дворец. Принцесса, твердая духом, отвечала, что люди смертны, и монахиням незачем беспокоиться о своей гибели. Настоятельница считала, что ссора принцессы с отцом вовсе не имеет отношения к монахиням, а поэтому им нет смысла умирать из-за упрямства принцессы. Чтобы сломить сопротивление Мяо-шань, монахини решили поручить ей самую тяжелую и разнообразную работу - носить воду, собирать топливо, мыть рис, овощи, посуду, подметать в кельях и храмах, воскурять благовония и т.п. Принцесса обслуживала 500 монахинь, не забывая ежедневно молиться.

Яшмовый император, видя страдания Мяо-шань, приказал духам отправиться ей на помощь. Драконы, птицы, звери, местные духи и божества выполняли за принцессу всю работу, а она тем временем совершенствовалась, молилась и медитировала.

Настоятельница доложила обо всем этом царю. Царь же приказал сжечь монастырь. Монахини метались и вопили в панике. Принцесса, видя, что монахини из-за нее пострадали, обратилась к Будде с просьбой дать ей возможность спасти монахинь. Вынув бамбуковую шпильку, Мяо-шань проколола ею рот, плюнула кровью в воздух. Тотчас набежали тучи, и пошел красный дождь, погасивший пожар.

Посланные сжечь монастырь доложили царю, что принцесса сотворила чудо и уничтожить монастырь не удалось. Царь приказал непременно уничтожить монастырь и послать для этого больше солдат.

Между тем царица снова стала просить царя смилостивиться над дочерью, позволить матери еще раз попробовать убедить принцессу одуматься. Для этого царица предложила устроить за городом пышный обряд жертвоприношения перед гробом, привести туда Мяо-шань и уговорить ее повиноваться воле отца. Закованную в цепи принцессу повели на казнь мимо того места, где собрались царица и вся свита. Мать и сестры обратились к Мяо-шань с просьбой не губить себя, не противиться воле отца. Принцесса объяснила, что пошла против воли отца не потому, что непочтительна к родителям, а потому, что дала обет выйти из колеса перевоплощений, хочет достичь нирваны, что она готова принять смерть,но во дворец не вернется и замуж не пойдет.

После продолжительных, но безрезультатных уговоров наложниц и лично самого царя, принцессу было приказано казнить. Однако меч палача переломился. Поняв, что духи оберегают ее и не дадут свершиться казни, Мяо-шань обратилась с молитвой к небу, прося дать ей возможность умереть. Только после этого палач смог удавить ее тетивой лука.

Вся вселенная погрузилась в печаль. Святые и простые смертные оплакивали кончину принцессы. Звери и птицы скорбели. Горы обрушились, реки высохли. Поваливший вдруг снег покрыл все вокруг.

Солдаты получили приказ выпустить тысячи стрел в мертвое тело принцессы и растоптать его конями. Но тут вдруг появился свирепый тигр и унес тело принцессы в лес.

Очнувшись, принцесса увидела отрока - посланца владыки царства тьмы, который явился встретить и проводить ее в область Фэнду. Описаны под-

земные тюрьмы и наказания, которые претерпевают в них грешники. Здесь Мяо-шань увидела монахинь монастыря Байцяосы, погибших из-за нее, и попросила Ди-цзана спасти их из царства тьмы, отправить в Чистую землю. Попутно принцесса спасла грешников, томившихся в реке Найхэ. Все они поднялись на Тот берег. А сама река Найхэ превратилась в лотосовый пруд. Гора ножей превратилась в лес ста цветов. Подземная тюрьма стала небесным залом.

С почетного сиденья во дворце Янь-вана принцесса произнесла проповедь, в которой призвала правителей подземного царства совершенствоваться, править справедливо и гуманно.

Чиновники подземного царства, в свою очередь, обратились к Янь-вану с просьбой поскорее отправить Мяо-шань в царство света, в противном случае, беспокоились правители царства мертвых, они рискуют остаться без дела. А ведь небесный зал и подземная тюрьма, где добро и зло получают по заслугам, существуют извечно – напомнили они.

Принцесса очнулась под деревом в лесу. Тут ей явился дух звезды Тайбо в облике старика и рассказал о благословенной горе Сяншань, где принцесса могла рассчитывать найти приют и заняться совершенствованием. Мяо-шань отправилась в трудный и дальний путь на Сяншань. Яшмовый император приказал духу горы Сяншань помочь ей. Дух принял облик тигра, но принцесса не испугалась. Более того, она предложила тигру съесть ее, чтобы утолить голод. Тогда тигр объявил принцессе, что он дух горы Сяншань и прибыл, чтобы доставить ее туда. Оказавшись на горе, Мяо-шань поселилась в пещере, где и провела 9 лет, постигая истину. Здесь Мяошань достигла полного просветления и получила имя Гуаньшиинь.

Тем временем верховный владыка Юй-хуан, получив доклад о злодеяниях Чжуан-вана, о гибели монахинь и самого монастыря Байцяосы, приказал наслать на царя неизлечимую болезнь. Царь заболел ужасной болезнью. Тело его кровоточило и гноилось, распространяя невыносимое зловоние, а через месяц оно скрючилось, и в язвах завелись черви. Брови выпали, зубы сгнили, нос провалился, глаза вылезли, язык распух. Только царица не отходила от больного. Никакие лекарства не помогали. Царь приказал вывесить объявление, приглашающее лекарей.

Принцесса Мяо-шань, узнав о болезни отца, тотчас покинула Сяншань, превратилась в старого монаха, подошла к дворцовым воротам и сорвала объявление. Представ перед царем, монах заявил, что может его вылечить, но для лекарства необходимы глаза и руки бессмертного праведника. Монах посоветовал обратиться с просьбой к бессмертной, что живет на горе Сяншань. Посланец царя Лю Цинь вернулся с левой рукой и левым глазом бессмертной. Монах приготовил лекарство, но болезнь отступила лишь на левой стороне тела. Тогда монах посоветовал просить у бессмертной еще правую руку и правый глаз. Лю Цинь привез и то, и другое. Царица заметила, что глаз и рука похожи на глаз и руку ее младшей дочери.

Приняв приготовленное монахом лекарство, царь тотчас поправился. На радостях он наградил Лю Циня и других придворных, амнистировал преступников, позволил иноземным правителям прислать дары, повелел всем в Поднебесной соблюдать заповеди, поститься, читать сутры. Монах отказался от всех почестей и наград и лишь просил царя отправиться на Сяншань и поблагодарить бессмертную.

Царь, царица, принцессы с мужьями в сопровождении пышной свиты отправились на Сяншань. Здесь бессмертную поблагодарил сначала царь, затем явились царица и принцессы. Обмывая раны окровавленной бессмертной, царица подумала, что она очень похожа на Мяо-шань, и спросила бессмертную, как зовут ее и откуда она родом. Бессмертная признала в царице мать и сказала, что она отблагодарила родителей за то, что они

родили и вырастили ее. Царь не мог поверить, что эта бессмертная – его дочь и потребовал чуда: если это в самом деле его дочь, пусть у нее снова будут глаза и руки.

Чудо свершилось, облик бессмертной переменился. Перед царем была юная красавица в роскошной одежде, целая и невредимая. Все присутствующие поклонились ей до земли.

Мяо-шань пересказала все, что ей пришлось испытать, поведала о своем посещении царства тьмы, воскрешении и пребывании на горе Сяншань.

Мяо-шань укоряла сестер за то, что они не отдали отцу свои глаза и руки, показав себя непочтительными дочерьми. Отец же раскаивался и решил оставить престол, чтобы заняться совершенствованием. Он призвал желающих остаться с ним на горе совершенствоваться. Будда Амитаба похвалил царя и предсказал ему полное просветление.

Мяо-шань обрела золотой облик и получила от будды свои атрибуты – ожерелье, жемчужную шапку, вазу, ивовую ветвь, золотой лотос под ногами.

Будда с цветком юбэньло в руках рассказал о происхождении Мяо-шань. Оказалось, что она – древний будда Правильный закон, самый милосердный среди всех будд. Жалея заблудших тварей, он спустился в бренный мир спасти все сущее и переправить в Чистую землю. Поэтому ныне Мяо-шань дарован титул "Тысячерукая, тысячеглазая, всемилостивая, всесострадательная, спасающая от бед и страданий, непревзойденная сущая, будда-наставник небожителей и людей, миром чтимая, бодхисаттва Гуаньшиинь".

Царь совершенствовался в горах более 20 лет. В возрасте 89 лет отправился на небо, в Чистую землю, вступил в нирвану без остатка. Царица, наложницы, родственники – все также отправились на небо, в Чистую землю, стали буддами.

Однажды к Гуаньинь явились монахини из монастыря Байцяосы и попросили наставить их на путь истинный. Гуаньинь обрадовалась и преподала им закон.

Во главе 5 800 человек явился почтенный Юе-гай чжанчжэ узнать об истинном пути. Гуаньинь разъяснила им, что́ есть путь истинный, а что́ – путь ложный.

Гуаньинь поведала, что царь, царица, сестры, родственники и придворные – все это ее друзья в прежних воплощениях. Сострадая людям, она спустилась в бренный мир, родилась на южном острове Шаньбучжоу, уединилась на горе Пудоло в южном море. Затем решила принять человеческий облик и родилась в стране Синлинь, во дворце царя Мяо-чжуан. В восточную землю вернулась в период династии Тан. Принимая различные облики, повсюду спасала все сущее.

Далее рассказывается, что стоит кому-нибудь прийти на гору Путошань и обратиться с просьбой к Гуаньинь, как она тотчас является. Иногда она предстает в облике девятнадцатилетней принцессы, иногда являет огромное великое тело, а иногда – малое, временами являет все тело целиком, а временами – часть его. Иногда предстает в золотом облике, иногда с вазой и веткой ивы. Облики ее многочисленны и разнообразны, так что перечислить все невозможно.

Рассказчик убеждает всех следовать примеру Мяо-шань, ставшей бодхисаттвой Гуаньинь, призывает всех совершенствоваться и стать буддой, объявляет, что женщина тоже может стать буддой.

Добродетельные мужчины и женщины, – обращается рассказчик к своим слушателям, – прослушав эту сутру, вы уже не простые смертные, а дети Князя закона (т.е. Будды). Достигнете успеха-результата и никогда не попадете в подземную тюрьму. Будете вечно жить на небе, станете буддой.

Конец "Сутры об основных деяниях бодхисаттвы Гуаньшиинь". Весной 11-го года Тун-чжи господин (госпожа?) Ань из Жисяо почтительно издал. Доски хранятся в печатне добродетельных книг Ихуатан, что в парке храма Чэнхуанмяо в Шанхае.

D 450

觀音濟度本願真經 "Истинная сутра об основном обете Гуаньинь спасать /все сущее/". 板存上海邑廟後花園內翼化堂善書坊 "Доски хранятся в печатне добродетельных книг Ихуатан, что в парке за храмом /Чэнхуанмяо/ в Шанхае". 咸豐壬子年重鐫 "Переиздано в год жэнь-цзы правления Сянь-фэн (1852)".

Ксилограф. Брошюровка: книжка, прошитая нитками, в бумажной обложке. Экземпляр в хорошем состоянии.
1 бэнь, 2 цз. 24,2 x 15,4; 17,8 x 11,3; 9/23. 10 + 3 + 1 + 61 + 51 (л.1а–2б – предисловие Гуаньинь, л.3а–5а – славословие Дамо, л.5а–6б – славословие Люй-цзу, л.7а–10б – предисловие; л.1а–3б – 16 правил чтения данного сочинения; л.1а – иллюстрация: изображение Гуаньинь, в углу семисложное четверостишие, л.1б – надпись: "Гуаньинь во сне вручает сутру" и перечень дней, когда надо поститься; пагинация по цзюаням: цз.шан л.1а–61а; цз.ся л.1а–50а, л.50б – иллюстрация (изображение бодхисаттвы Вэйто), л.51а, б – послесловие). 12 глав. Названия глав: 1. Цы-хан спускается в бренный мир, рождается /в облике человека/. 2. Претерпев страдания в саду, получила целительное дао. 3. Монастырь Байцяосы сгорел в пламени. 4. Будучи удушена и попав в царство тьмы, обходит подземные тюрьмы. 5. Вернувшись в мир света, в горах покоряет тигра. 6. На горе Сяншань питает священный плод. 7. Злодеяния Чжуан-вана переполнены. Верховный владыка велит невинно загубленным душам требовать возмездия. 8. Принцесса Мяо-шань являет изначальный дух. Срывает объявление, спасает отца. 9. Зятья и принцессы уговаривают /царя/ прекратить пост. 10. На горе Сяншань /царь/ выполняет обет. Принцесса Мяо-шань убеждает отца совершенствоваться в дао. 11. На горе Сяншань зятья домогаются дао. 12. Написанное киноварью письмо-приглашение ниспослано. Постигнув дао, удостоены ранга-титула. Проза перемежается семи- и десятисложными стихами. Текст размечен нерегулярно, в конце цз. ся не размечен.
Из коллекции Алексеева, 9. Каталог 1973, т.2, № 2084; см.: Ли Шиюй, № 498; Савада, с.128.
Структура сочинения: прозаический отрывок (видимо, вступительная часть), 12 глав, славословие цзань (заключительная часть?).
Схема глав представлена двумя вариантами: 1/ стихи ши (семисложные или десятисложные) – проза – стихи ши – проза – стихи ши . . .; 2/ проза – стихи ши (семисложные или десятисложные) – проза – стихи ши – проза . . .

Содержание

Цы-хан принимает решение спуститься в бренный мир, родиться в облике женщины, чтобы указать всему сущему путь выхода из перевоплощений и вступления в страну Высшего блаженства. Живя на небе Великая сеть и видя, что существа восточной земли погрязли в пороках, вращаются в круговороте перевоплощений, Цы-хан опечалился, проникся к ним состраданием и решил посвятить себя спасению всех тварей.

Золотая матушка (Сиванму) одобрила решение Цы-хана и обещала послать ему в помощь будду Жаньдэн.

Цы-хан прибыл в государство Синлинь, где царем был Чжуан-ван. Царица госпожа Бо-я увидела во сне, что в нее вошло солнце. Она забеременела и по прошествии 10 месяцев родила третью дочку, которую назвали Мяо-шань. В возрасте 5–6 лет принцесса проявила необыкновенные способности – много читала, вела мудрые речи. Когда принцессе исполнилось 16 лет, родители решили выдать ее замуж, но Мяо-шань заявила, что не хочет выходить замуж, а хочет посвятить себя совершенствованию и спасению заблудших людей. Мяо-шань призвала отца и мать также заняться со-

вершенствованием, молиться будде, поститься, читать сутры.(В цз.ся л.13а даны фамилия и имя царя: Мяо-чжуан ван, царь государства Синлинь, по фамилии Поцзя, по имени Ло).

Чжуан-ван разгневался и наказал дочь - отправил ее в сад работать. Духи и божества помогали принцессе выполнять тяжелую работу. Тем временем царица, обеспокоенная судьбой младшей дочери, послала к ней сестер убедить ее одуматься и выбрать мужа. Мяо-шань не согласилась последовать совету сестер и осталась в саду. Сюда в облике монаха явился будда Жаньдэн, чтобы испытать принцессу. Убедившись в твердости и искренности намерений Мяо-шань, Жаньдэн преподал ей пять заповедей и три прибежища, указал истинный путь, т.е. посвятил ее в буддизм.

Царь Чжуан-ван, узнав, что принцесса упорно совершенствуется и не собирается отступать, отослал ее в монастырь Байцяосы, наказав настоятельнице поручить принцессе самую черную и тяжелую работу, непременно убедить ее одуматься и вернуться во дворец, выбрать мужа. Однако Мяо-шань не отступила от своего решения совершенствоваться, да еще поучала монахинь, укрепляла их веру и силу духа.

Видя, что принцессу никак не разубедить, царь приказал сжечь монастырь со всеми его 500 монахинями. Монастырь и монахини погибли, лишь одна принцесса осталась цела и невредима. Царь приказал доставить ее во дворец и снова пытался переубедить дочь, заставить ее выбрать себе мужа. Но принцесса твердо стояла на своем. Она выдвинула невыполнимые условия, соглашаясь выйти замуж лишь за того, кто сможет покорить тигра и дракона, раздобыть мозг тигра и семя дракона, кто поднесет ей печень ворона, что на солнце, и печень зайца, что на луне. И чтобы свахой была Сиванму, а сватом - Юй-хуан.

Царь разгневался и приказал отрубить принцессе голову. Однако духи оберегали ее - меч палача разломился на несколько частей. Тогда царь приказал удавить принцессу шнуром. Духи снова вмешались, и удавить принцессу не удалось. Поняв, что это духи оберегают ее, Мяо-шань обратилась к ним с просьбой не мешать казни, так как ей надлежит принять возмездие за грехи прежней жизни. Только после этого принцессу удалось удавить.

Прибывший к месту казни Хуан-лун (Желтый дракон), посланец Золотой матушки, приказал священному тигру унести останки принцессы в сосновую рощу на горе Иньцзишань. Сам же вместе с буддами проводил истинное тело принцессы на Куньлунь. Отсюда они отправились на Священную гору, где принцесса поклонилась четырем тяньцзуням и трем буддам.

Будды объявили, что Цы-хану надлежит отправиться в подземное царство, осмотреть там все тюрьмы и наказания в них.

После этого принцесса отправилась поклониться Золотой матушке, которая открыла ей, что в свое время Цы-хан дал обет спасти изначальных людей. Поэтому сейчас принцессе надлежит отправиться в подземное царство и обойти там все тюрьмы, а затем вернуться в мир света наставлять и спасать всех живых. Когда этот подвиг будет завершен, принцесса получит приглашение явиться на Яшмовый пруд.

Далее подробно описано путешествие Мяо-шань по тюрьмам подземного царства в сопровождении Хуан-луна, золотого отрока и яшмовой девы. Здесь она встречалась с князьями, судьями, расспрашивала их, за какие прегрешения назначались те или иные наказания. Проникшись состраданием к грешникам, Мяо-шань спасла всех из подземных тюрем.

На границе между миром света и тьмы принцесса Мяо-шань и сопровождавшие ее Хуан-лун, золотой отрок и яшмовая дева попрощались с Янь-цзюнем и отправились в сосновую рощу на горе Иньцзишань, где духи охраняли тело принцессы. Тут душа ее вернулась в тело, и принцесса ожила. Между тем Хуан-лун превратился в старуху, золотой отрок и яшмовая дева превратились в ее внуков, а дух Золотой звезды Тай-бо принял облик старика.

Они утешили очнувшуюся принцессу и пригласили ее идти вместе с ними на гору Сяншань в женский монастырь, где она сможет найти пристанище.

По дороге на Сяншань принцесса прошла еще через одно испытание – встречу с тигром. Предложив тигру съесть ее вместо стариков, Мяо-шань с честью выдержала и это испытание.

На горе Сяншань спутники принцессы исчезли, а в небе повис свиток, на котором было написано, кто ее спутники и что новая встреча с ними произойдет на Священной горе.

Мяо-шань в течение 9 лет совершенствовалась в монастыре на горе Сяншань.

Между тем царя Чжуан-вана постигла кара за все его злодеяния: Юй-хуан повелел призвать царя в царство тьмы, а душам 500 невинно загубленных монахинь повелел отправиться к нему и потребовать возмездия.

Царю во сне явилась толпа монахинь, которые ругали и били его и требовали к ответу за содеянные злодеяния. Царь не мог больше спать – души регулярно приходили за ним, а днем все тело болело от их побоев. Оно покрылось волдырями, словно рыбьей чешуей.

Никто из приглашенных лекарей не смог вылечить царя. Тело его стало гноиться, от него исходила невыносимая вонь. От страшной боли глаза вылезали из орбит. Души монахинь толпились возле царя и днем и ночью.

Царь приказал вывесить объявление с обещанием щедро вознаградить того, кто вылечит его. Тем временем принцесса узнала о болезни отца и поняла, что это невинно загубленные души требуют возмездия. Превратившись в монаха, она отправилась во дворец и объявила, что может вылечить царя, но для лекарства потребуются руки и глаза ближайшего родственника. Когда обе дочери царя отказались пожертвовать собой, монах посоветовал отправить гонца на гору Сяншань и просить тамошнюю бессмертную пожертвовать своими руками и глазами. Получив требуемое, монах приготовил лекарство и вылечил царя. Прощаясь, монах потребовал в награду, чтобы царь восстановил сожженный монастырь и впредь творил добро и соблюдал заповеди и чтобы он отправился на гору Сяншань поблагодарить бессмертную. Царь выполнил все, а прибыв на Сяншань, узнал в бессмертной свою младшую дочь. Раскаявшись, он отрекся от престола и вместе с царицей остался на горе совершенствоваться.

Решив спасти сестер, Мяо-шань отправилась в государство Синлинь и предстала перед ними в облике монахини. Она поведала сестрам, что Мяо-шань стала бессмертной и в доказательство приняла свой изначальный облик и поднялась в небо на облаке.

Сестры рассказали об этой встрече мужьям, которые никак не хотели поверить, что Мяо-шань не погибла. Получив известие, что царь отрекся от престола и остался на горе Сяншань совершенствоваться, зятья с принцессами поспешили на Сяншань убедить царя вернуться. Однако и они все остались там совершенствоваться, попросив Мяо-шань преподать им учение и наставить на путь истинный.

В конце концов будда-предок приказал Цы-хану, т.е. Мяо-шань, явиться на Священную гору и привести с собой четверых бессмертных – царя, царицу и принцесс, 500 монахинь монастыря Байцяосы, а также всех спасенных. Когда все они собрались на Священной горе, будда Миром чтимый пожаловал им почетные титулы: Цы-хану титул бодхисаттвы Гуаньшиинь, принцессе Мяо-инь – бодхисаттвы Вэньшу, принцессе Мяо-юань титул бодхисаттвы Пу-сянь. Зятья и сановники отправились в страну Высшего блаженства. Поблагодарив будду за милость, все покинули дворец.

В послесловии сочинение приписано самой Гуаньинь. Анонимный автор послесловия рассказывает, что он увидел это сочинение в бытность свою на Путо. Настоятель тамошнего монастыря сказал, что доски износились и перемешались. Позже автор послесловия получил экземпляр книги от

Гуан-е лаожэня. Не имея возможности отпечатать, хранил несколько десятков лет. Наконец, благодаря тому, что добродетельные люди собрали средства, смогли отпечатать.

G 9

救苦救難靈感觀世音寶卷 "Баоцзюань о чудотворной Гуаньшиинь, спасающей от бед и несчастий" (перед текстом цз. шан); 救苦救難靈感觀音寶卷 "Баоцзюань о чудотворной Гуаньинь, спасающей от бед и несчастий" (на обложке и в конце обоих цзюаней, а также перед текстом цз.ся).

Место и время издания не указаны. Предположительно, Пекин, конец XУ1-пер. пол. XУП в.

Ксилограф. Брошюровка: листы, сложенные гармоникой. Обложки - многослойный картон. Верхние обтянуты парчой (на желтом фоне разноцветные драконы, фрукты, цветы), нижние обтянуты однотонным зеленым шелком. На обложках синие бумажные наклейки, на которых золотой краской написано название сочинения. Экземпляр в хорошем состоянии.

2 цз. (цзан,ся). 38,3 x 11,6; 25,1 x 11,6; 8/15.

В цз.шан 29 л.текста, в цз.ся 24 полных и 2/5 л. Нумерация просматривается на свет. Лист сложен и образует 2,5 разворота, или условных страниц. Перед текстом в цз.шан 1 л. иллюстрации и 0,5 л.стела. На иллюстрации изображение Гуаньинь, справа и слева от нее стоят яшмовая дева и золотой отрок. Вокруг них изображения различных бедствий, от которых спасает Гуаньинь. Бедствия сопровождены надписями, которые в большинстве случаев невозможно разобрать из-за плохой печати. В сочинении всего 137 условных страниц: цз.шан с.1-76, цз.ся с.77-137. На условной странице 8 строк. На половине условной страницы, т.е. от сгиба до сгиба 4 строки.

24 главы, по 12 в каждом цзюане. Названия глав однотипны: "Славная Гуаньинь спасает от такого-то бедствия" и номер главы, или бедствия. Например, 南無觀音救火坑第一難。 1. Славная Гуаньинь спасает от огненной ямы. 南無觀音救生產第十三難。 13. Славная Гуаньинь спасает при родах. 南無觀音救群狼第二十二難。 22. Славная Гуаньинь спасает от волков.

Проза перемежается пяти-, семи- и десятисложными стихами ши, стихами цы, ариями цюй.

Текст не размечен.

Из коллекции Библиотеки Азиатского департамента, 264. Каталог 1973, т.2, № 2370; Каталог 1843, № 264; см.: Ли Шиюй, № 186.

Структура сочинения: вступительная часть, за нею 24 главы. Схема глав: проза - пятисложное четверостишие гатха - вариант заголовка - стихи ши (семисложные в нечетных главах и десятисложные в четных) - стихи цы - ария цюй (во всех главах одна и та же ария Гуа цзинь со).

Содержание

В пятисложных стихах объявляется о начале исполнения свитка. Духов-хранителей приглашают спуститься. Далее следует ритуальное обращение к Гуаньинь и триратне. Рассказчик объявляет, что в "Драгоценном свитке о Гуаньинь" не пойдет речь о государях, их величии и гибели, о воинах и военных событиях, об упадке эпохи.

Провозглашается здравица в честь императора: 10 тысяч лет нашему императору. Далее следует благодарение небу за то, что покрывает, и земле за то, что держит на себе, солнцу и луне за то, что освещают, родителям за то, что родили и вырастили.

Оповещается, что место, где исполняется "Свиток о Гуаньинь" охраняют духи и божества. Бодхисаттвы Вэньшу, Пу-сянь, Милэ почтили его своим

присутствием. И сама Гуаньинь лично является, как только раскрывают-разворачивают свиток.

У слушающих и исполняющих баоцзюань должны быть чистыми сердце и помыслы. Кто ошибется в чтении хотя бы одного иероглифа, тот утрачивает священный свет. Благоговейное и сосредоточенное чтение вслух избавляет навеки от всех бедствий.

Каждая из 24 глав посвящена описанию одного из чудес бодхисаттвы Гуаньинь. Рассказано, как, увидев или узнав от приближенных о человеке, попавшем в беду и обратившемся к ней с мольбой о спасении, Гуаньинь тотчас устремляется на помощь. Так она спасает из огненной ямы, из тюрьмы, от злых разбойников, от казни, назначенной правителем, от яда, подсыпанного злоумышленником, спасает от свирепого тигра, ракшасов и якшасов, спасает от змей и скорпионов, от волчьей стаи, от грозы и ливня, от гибели в бою, спасает при родах, при обвале дома или скалы, спасает покушающихся на свою жизнь (повесившегося на балке, бросившегося в реку); Гуаньинь спасает души умерших от всех наказаний подземной тюрьмы (гл.23) и от всех возможных бед (гл.24).

Добродетельные мужчины и женщины, говорится в баоцзюань, должны чистосердечно и целеустремленно произносить имя Гуаньинь, и тогда она освободит их от всех бед, спасет от всех бедствий и несчастий, уничтожит все страдания. При этом неважно, был ли человек праведен всю жизнь или нет, молился ли он постоянно или только в минуту опасности вспомнил о Гуаньинь - достаточно обратиться к ней с просьбой о спасении, произнести имя ее, и она тотчас явится.

В гл.3 рассказано о добродетельном человеке, который постоянно молился утром и вечером без лени, произносил имя Гуаньинь. Но за ним остался долг прежних его воплощений, поэтому ему предстояло возмездие. На него напали разбойники. Жизнь его висела на волоске - разбойники сбросили его с обрыва. Человек позвал на помощь Гуаньинь. Она явилась и спасла, не дала упасть, подставила руки.

В гл.5 говорится о добродетельном человеке, который постоянно молился Гуаньинь. Однажды повстречал врагов прежней жизни - на него напали кровожадные разбойники с острыми мечами. Человек призвал на помощь Гуаньинь. Она сотворила чудо - разбойники смилостивились над своей жертвой и разошлись.

В гл. 7 добродетельный человек, постоянно молившийся Гуаньинь, совершил однажды преступление. Его заковали в цепи, приговорили к смерти. Сознавая свою вину, человек этот тем не менее уповал на помощь Гуаньинь и все время молился ей, просил помочь. Гуаньинь сотворила чудо - цепи упали сами собой.

В гл.8 рассказывается, как к Гуаньинь, восседающей в окружении золотых отроков и яшмовых дев, явилась иволга и сообщила, что один добродетельный уроженец Гуанси, который 9 лет непрерывно молился Гуаньинь, попал в беду - злой человек хотел отравить его вином. Гуаньинь тотчас отправилась туда на благостном облаке и сотворила чудо. Она показала, что вино отравлено и его не следует пить.

В гл.16 рассказано, как однажды Гуаньинь, сидя на горе Восьми драгоценностей, читала вслух сутры Трипитаки. Окинув мудрым оком даль, увидела, что на юге, в мире Яньфути над достойными людьми, что беспрерывно в течение четырех-пяти лет чистосердечно молились ей, нависла смертельная опасность: эти люди, занимаясь строительством, потревожили князя земли Тай-суй. Разгневанный повелитель столкнул на людей скалу, чтобы погубить их. Но Гуаньинь явилась вовремя и спасла их.

Во всех главах наряду с изложением конкретных случаев, бедствий, из которых спасает людей Гуаньинь, говорится, что люди должны быть добродетельными, должны вести праведный образ жизни, поститься, молиться

буддам и Гуаньинь в особенности, что все добрые и дурные деяния людей строго фиксируются, подробно записываются в специальные книги. За добрые дела люди будут вознаграждены, за дурные их ждет возмездие. После смерти люди получают то, что заслужили при жизни. Человек еще жив, его еще не призвали в царство тьмы, а демон смерти уже является в подземное царство с докладом о его добрых и злых делах. Придет смерть и никакими деньгами невозможно будет откупиться от нее и ничего нельзя будет взять с собой. Добрые же дела засчитываются судьями и спасают от наказаний в подземной тюрьме.

В гл.23 описаны наказания, которые ждут грешников в подземной тюрьме. Янь-ван неподкупен, он суров и жесток, не щадит тех, кто творил зло. Грешников жгут огнем, варят в кипящем масле, перепиливают и перемалывают, их рвут на части, вырывают внутренности и язык. Добродетельные люди, которые блюли пост, молились будде, никогда не попадут в подземную тюрьму. Яшмовые девы и золотые отроки встретят их со стягами и хоругвями и проведут по золотому мосту на лотосовую башню. Здесь праведники будут жить вечно в блаженстве, наслаждаясь покоем.

D 453

普陀寶卷 "Баоцзюань о /горе/ Путо". Вариант названия перед текстом: 普陀觀音寶卷 "Баоцзюань о Гуаньинь с /горы/ Путо".

常郡樂善堂藏板 "Доски хранятся в печатне Лэшаньтан в Чанцзюне". 光緒庚子年秋月彭門徐氏敬刻 "Осенью в год гэн-цзы правления Гуан-сюй (1900) господин (госпожа?) Сюй из Пэнмэня почтительно издал".

Ксилограф. Брошюровка: книжка, прошитая нитками, в бумажной обложке.
Деф.: отсутствует конец послесловия.
1 бэнь. 24,1 x 15,3; 17 x 11,6; 7/21. 54 + 1 (послесловие). Деление на главы отсутствует.
Проза перемежается семисложными стихами; пятисложные стихи встречаются один раз в конце сочинения. После названия следует благопожелание бодхисаттве Гуаньинь с пометой "повторить трижды".
Из коллекции Алексеева, 12. Каталог 1973, т.2, № 2181; см.: Ли Шиюй, № 298; Савада, с.134.
Структура сочинения: семисложные стихи - проза - семисложные стихи - проза - . . . стихи семисложные и пятисложные.

Содержание

Рассказана история двух братьев Ван. Старший - Ван Юцзинь - следовал предсмертному наставлению своего добродетельного отца: молился, читал сутры, подавал милостыню монахам, помогал бедным, творил добро. Младший брат Ван Юинь и его жена Лю, напротив, притесняли бедных, занимались ростовщичеством, ели скоромное, пили вино, не желали молиться и читать сутры, а монахов прогоняли с бранью.

Бодхисаттва Гуаньинь решила наставить братьев Ван на путь истинный. Она послала к ним отрока Шань-цай и деву Лун-нюй, которые превратились в монахов и явились к братьям просить средств для постройки на вершине горы Путошань храма, посвященного Гуаньинь. За это монахи обещали братьям долголетие, а после смерти - превращение в будду и пребывание в стране святых на западе.

Старший брат дал обет внести единолично все необходимые для строительства средства - 100 тысяч лян серебра. Продав все свое имущество, включая и драгоценности жены, он набрал лишь 99 тысяч 600 лян. Чтобы раздобыть недостающие 400 лян Ван Юцзинь продал своих детей: десяти-

летнюю дочь Цяоин в дом академика Лу, а тринадцатилетнего сына в дом историографа Ли.

Через 10 лет дочь Ван Юцзиня стала императрицей, а сын был лучшим на дворцовых экзаменах. Узнав в императрице свою сестру, он рассказал императору историю их родного отца, который продал все имущество и детей, чтобы выполнить обет и построить храм на горе Путошань. Император послал гонца пригласить во дворец Ван Юцзиня с женой. Здесь старики встретились со своими детьми и прожили до ста лет, пользуясь почетом и уважением. После смерти они стали буддами.

Еще прежде Гуаньинь явилась в дом к младшему брату, когда того не было дома. Приняв облик хозяина, Гуаньинь выставила за дверь настоящего Ван Юиня, который после целого ряда злоключений отправился совершенствоваться на Путошань. Жена его Лю тоже образумилась и отправилась на Путошань поднести благовония Гуаньинь. Здесь она встретила мужа и, не выдержав упреков в неверности, утопилась в реке. Гуаньинь спасла ее и перенесла домой, где Лю совершенствовалась до конца своих дней.

Что касается детей Ван Юцзиня, то дочь его родила наследника престола. А сын стал премьер-министром, и все его потомки пользовались милостью императора, были знатны и богаты.

Сочинение заканчивается стихами, в которых слушателям напоминают о воздаянии за добро и зло и призывают их молиться будде Мито, поклоняться Гуаньинь, что спасает все сущее от бед и несчастий. Далее следует благословение исполнителю свитка и его слушателям, говорится, что исполнение свитка способствует процветанию и долголетию.

Послесловие написано, видимо, Чжан Дэфаном (уточнить невозможно из-за отсутствия конца), который рассказывает о своих прегрешениях и призывает не следовать его примеру.

D 452

十二圓覺經 "Сутра о двенадцати просветленных" (на титуле); 觀音菩薩度十二圓覺真經 Гуаньинь-уса ду ши эр юаньцзюе чжэньцзин – "Истинная сутра о том, как Гуаньинь спасла двенадцать просветленных" (на обложке). 板存鼓山勇泉寺 "Доски хранятся в монастыре Юнцюаньсы на горе Гушань (т.е. в окрестностях Фучжоу, главного города провинции Фуцзянь.– Э.С.)". 光緒戊寅年重刊 "Издано вторично в год у-инь правления Гуан-сюй (1878)".

Ксилограф. Брошюровка: книжка, прошитая нитками, в бумажной обложке. Экземпляр в хорошем состоянии.

1 бэнь. 23,6 x 14,1; 17,8 x 11,5; 9/23. 2 + 2 + 97 (2 л. предисловие, 2 л. список донаторов с указанием пожертвованных сумм. На обороте титульного листа иллюстрация: изображение Гуаньинь, восседающей на лотосе-троне).

Деление на главы отсутствует.

Проза перемежается семи- и десятисложными стихами. Текст не размечен.

Из коллекции Алексеева, 11. Каталог 1973, т.2, № 2436 б; см.: Ли Шиюй, № 115, Савада, с.128.

Структура сочинения: проза – семисложные стихи – проза – семисложные стихи . . . – проза – десятисложные стихи . . . проза – семисложные стихи. В целом в сочинении преобладают семисложные стихи; десятисложные встретились в 6 случаях, пятисложные – один раз.

В предисловии рассказано о триединой религии, о том, что все люди могут стать буддами. Их призывают следовать примеру добродетельных людей, достигших просветления, которых наставила на путь истинный бодхисаттва Гуаньинь и о которых рассказано в сочинении.

В списке людей, пожертвовавших на изготовление книги, 82 человека плюс группа женщин без указания их числа; самый крупный взнос 4 тысячи вэней, самый мелкий 100 вэней. Инициатор издания Ши Фубэнь (釋復本) пожертвовал 4 тысячи вэней и отпечатал 100 экземпляров. На средства остальных донаторов было отпечатано еще 100 экземпляров. Кроме того, на средства коллективного донатора было отпечатано еще 120 экземпляров. Таким образом, всего было отпечатано 320 экземпляров книги.

Содержание

Будда-предок Миром чтимый повелел бодхисаттве Гуаньинь спуститься в бренный мир и побудить заблудших и омраченных людей одуматься и обратиться к добру. Гуаньинь дала обет спасти=обратить 12 человек, дабы они достигли полного просветления.

Получив в подарок от будды парчовую рясу, туфли и шапку, золотую патру и оловянный посох с девятью кольцами, Гуаньинь отправилась в восточные земли, в великий город Чанъань. Приняв облик старой нищенки, она три дня и три ночи ходила по городу, прославляя Гуаньинь и взывая к состраданию горожан. Но никто не обращал внимания на старуху. Тогда Гуаньинь поднялась на облаке над городом и увидела в саду одного богатого дома молодую девушку. Это была Лю Сучжэнь, единственная дочь обер-прокурора Лю. С детства она была обручена с Чэнь Тяньдэ, сыном начальника области. И вот теперь, когда девушке исполнилось 16 лет, родители жениха известили о своем намерении сыграть свадьбу. Узнав об этом, Лю Сучжэнь вышла в сад погоревать о предстоящей разлуке с родителями.

Тут перед нею предстала Гуаньинь в облике нищенки и разъяснила девушке иллюзорность и суетность бренной жизни, рассказала ей об особой греховности женщины, рожающей и воспитывающей детей, и призвала поскорей заняться совершенствованием, приведя в пример Мяо-шань. Лю Сучжэнь вняла словам нищенки и дала обет совершенствоваться. Поднявшись на облаке, Гуаньинь открылась барышне и призвала ее упорно совершенствоваться и не отступать от пути истинного.

Барышня Лю вернулась к себе, достала из сундуков наряды и драгоценности и сожгла их. Испуганным родителям она объяснила, что дала обет заняться совершенствованием, а потому замуж не пойдет.

Сват передал Чэням решение невесты совершенствоваться. Отец жениха сильно разгневался и грозился подать императору жалобу на семью Лю за нарушение брачного контракта. Сам жених очень сочувствовал решению невесты и втайне от отца послал барышне Лю письмо, в котором принимал ее отказ выходить замуж, поддерживал стремление совершенствоваться и заявлял о своем решении тоже заняться совершенствованием.

Вскоре Чэнь Тяньдэ оставил отчий дом и отправился в путь. Гуаньинь решила превратиться в красавицу и испытать Чэня. Когда он отклонил предложение красавицы и отгадал загадки, Гуаньинь открылась ему и посоветовала обосноваться в монастыре Гуансянсы.

Между тем барышня Лю решила покинуть отчий дом и уединиться. По дороге она выдержала испытание, которое ей устроила Гуаньинь, превратившись в прекрасного студента, а затем в грозного разбойника. По совету Гуаньинь, она пришла в монастырь Гуансянсы. Здесь молодые люди встретились и узнали друг друга благодаря письму, которое Чэнь написал барышне Лю.

Затем Гуаньинь отправилась в город Хунчжоу, приняла облик монаха, стала ходить по улицам и просить подаяние. Жители города Хунчжоу не только ничего не подали монаху, но еще и обругали и пригрозили поколотить. Гуаньинь превратилась в старую нищенку и снова отправилась в Хунчжоу. Однако и ее выгнали из города.

Тогда поднявшись на облаке, Гуаньинь увидела в одном из переулков дом богача-греховодника Фу Тяньчжэня и решила наставить на путь истинный самого хозяина и обеих его жен. Она превратилась в нищенку и отправилась к богачу, который приказал слугам избить старуху. Когда Гуаньинь явила золотое тело бодхисаттвы, богач раскаялся во всех грехах и принял решение совершенствоваться. Пожертвовав все свое состояние на ремонт монастыря Цзиньгуансы и выдержав испытание, Фу Тяньчжэнь пришел в монастырь Гуансянсы.

Обе его жены тоже решили достичь просветления, уйти в горы и стать монахинями. По дороге они выдержали испытание, которое устроила Гуаньинь, приняв облик молодого монаха. Убедившись в твердости их намерения, Гуаньинь велела им идти совершенствоваться в монастырь Гуансянсы.

Тем временем Гуаньинь увидела, что в Чанъани добродетельная госпожа Чжоу, чтобы спасти больных свекра и свекровь, отрезала кусок от своей печени и сварила целебный отвар. Тронутая таким поступком Гуаньинь решила наставить Чжоу на путь истинный и велела ей идти совершенствоваться в монастырь Гуансянсы. Через некоторое время муж этой добродетельной женщины, выдержав испытание, тоже прибыл в монастырь.

Далее следует рассказ о почтительной невестке госпоже Ли, которая после смерти мужа осталась жить со свекровью. Однажды после длительной засухи в городе Хунчжоу начался голод. Невестка отправилась в лес набрать съедобных трав. Здесь она повстречала разбойников братьев Ли, которые были тронуты ее почтительностью к свекрови, назвали ее своей сестрой и дали ей еды, чтобы накормить свекровь. Гуаньинь, тронутая добродетельностью госпожи Ли, явилась ей, наставила на путь истинный и перенесла в монастырь Гуансянсы. Узнав об этом, ее названные братья решили бросить разбой и заняться совершенствованием. Они прибыли в монастырь, который им указала Гуаньинь, где и встретились с госпожой Ли.

После этого Гуаньинь решила наставить на путь истинный богача Ли Даочэна и его жену, живших в Пэйчжоу, в городе Цзелян. Этот богач ненавидел монахов и дал клятву убить 100 монахов. Гуаньинь явилась к нему в облике монаха, которого Ли и убил. Затем Гуаньинь приняла облик красавицы и пришла к Ли разыскивать убитого им монаха и тоже погибла в его доме. Тогда Гуаньинь явилась в облике мальчика, который искал мать и дядю. Мальчик сказал богачу, что мать его принцесса, а дядя – наследник престола. Единственное спасение для убийцы в том, чтобы построить монастырь и поселиться в нем. Ли с женой с радостью пожертвовали свое состояние на строительство монастыря. Благодаря чудесной силе Гуаньинь монастырь был сооружен за одну ночь, а сам Ли Даочэн с женой были перенесены в монастырь Гуансянсы.

Так бодхисаттва Гуаньинь выполнила часть своего обета – наставил... на путь истинный 12 человек, которые в монастыре Гуансянсы совершенствовались в достижении полного просветления. По истечении 9 лет все они поднялись на небо, отправились на Священную гору, где удостоились титула бодхисаттв.

Вместе с ними получили титулы великих бодхисаттв 10 старых монахов из монастыря Цзиньгуансы, которых Гуаньинь тоже наставила на путь истинный, а 550 послушников этого монастыря получили титул архатов.

D 451

十二圓覺 "О двенадцати просветленных" (на титуле); 觀音十二圓覺 Гуаньинь ши эр юаньцзюе – "О двенадцати просветленных /бодхисаттвой/ Гуаньинь" (на сгибе листа). 上洋翼化堂板 "Доски шанхайской печатни Ихуатан". 宣統元年新刻 "Вновь вырезано в первый год правления Сюань-тун (1909)".

Ксилограф. Брошюровка: книжка, прошитая нитками, в бумажной обложке. Экземпляр в хорошем состоянии.
1 бэнь. 24,3 x 15,4; 18,8 x 11,5; 10/23.
2 + 87 (2 л.предисловие).
Деление на главы отсутствует. Проза перемежается семи- и десятисложными стихами. Текст не размечен.
Из коллекции Алексеева, 10. Каталог 1973, т.2, № 2436а; Ли Шиюй, № 15; см.: Савада, с.128.
Структура сочинения: проза - семисложные стихи - проза - семисложные стихи . . . проза - семисложные стихи (десятисложные стихи в 6 случаях, пятисложные в одном).

Содержание: предисловие и текст сочинения полностью идентичны баоцзюань издания 1878 г. (D 452).

G 8

靈應泰山娘娘寶卷 "Баоцзюань о чудотворной матушке горы Тайшань" (на обложке и перед текстом цз. шан, ся); 太山寶卷 Тайшань баоцзюань "Баоцзюань о горе Тайшань" (в конце цз.шан) /б.м., б.г./. Судя по тексту, сочинение издано в Пекине в период династии Мин (с.9, 52, 85, 95).

Ксилограф. Брошюровка: свиток, сложенный гармоникой. Обложки цзюаней и тао - многослойный картон, обтянутый красно-зеленым шелком. Нижние обложки цзюаней - тонкий красный шелк. На обложках полоски желтого шелка с названием, написанным черной тушью.
Деф.: бумага на сгибах прорвалась, пятна от сырости (в конце цз.ся), в начале цз.шан и в конце цз.ся червоточина, тао разорвано. Текст не поврежден.
2 цз. 38,3 x 12,8; 28,7 x 12,8; 8/15. Цз.шан: 1 л. + 37 л. + 1 неполный л.; цз.ся: 37 л. Условных страниц 190: цз.шан с.1-97, цз.ся с.98-190.
Иллюстрации: в начале цз.шан изображение трех богинь, окруженных свитой. Перед каждой богиней изображение младенца, глаза или горы Тайшань. В конце цз.ся стела без текста и изображение бодхисаттвы Вэйто. В тексте много заставок.
В сочинении 24 главы, по 12 в каждом цзюане. Названия глав: 1. Впервые раскрываю "Баоцзюань о горе Тайшань". 2. Пожалован титул святой матушки небесной бессмертной. 3. По всей Поднебесной построены залы, где оставляют коней. 4. Святая матушка расспрашивает Сун-шэн. 5. Добро и зло различаются четко, воздаяние безошибочно. 6. Чудесная сила матушки Янь-гуан огромна. 7. Страна процветает, народ спокоен, все люди радуются. 8. Причина правильна, тогда и следствие правильно, и бодхи правильно. 9. Святая матушка даровала потомство. 10. Из простых смертных превратился в святого. 11. Матушка раскрыла сердце, оставила сутру. 12. Пожертвовать средства, вырезать доски - добродетель безмерная. 13. Матушка увеличивает счастье, прибавляет долголетия. 14. Матушка охраняет страну, спасает народ. 15. Госпожа просит матушку разобраться где правда, где ложь. 16. Святая матушка наставляет людей повиноваться воле неба. 17. Святая матушка небесная бессмертная объезжает три мира. 18. Есть счастье, культивируй счастье, переместишься наверх еще на одну ступень. 19. После инспекции матушка вернулась на гору Тайшань. 20. Явление священного света матушки. 21. Пожертвовали средства, вырезали доски, попросили даровать сына. 22. Добро и зло не спутать, причина и следствие безошибочны. 23. Пожертвовать средства, изготовить сутру - добродетель безгранична. 24. Полный результат достигнут, драгоценный свиток завершен.

Проза перемежается пяти-, семи-, десятисложными стихами ши, стихами цы и ариями. Текст размечен нерегулярно.
Из коллекции Библиотеки Азиатского департамента, 258. Каталог 1973, т.2, № 2132; Каталог 1843, № 258; Ли Шиюй, № 240; см.: Савада, с.113.
Структура сочинения: благопожелание императору, название сочинения, славословие при поднесении благовоний цзюйсянцзань. Далее следуют благопожелания 10 божествам, затем вступительная гатха кайцзинцзи (семисложное четверостишие), прозаический отрывок, еще одна семисложная вступительная гатха и наконец стихи цы.
Схема глав: название главы – ария цюй – проза – семисложное двустишие – десятисложные стихи – стихи цы – пятисложное четверостишие. Исключение представляет гл.23: название – ария – проза – семисложные стихи – пятисложное четверостишие – семисложные стихи – десятисложные стихи – стихи цы – пятисложное четверостишие. Заключительная часть построена по следующей схеме: ария – пятисложное четверостишие – семисложные стихи – стихи цы – пятисложное четверостишие.

Содержание

Матушка горы Тайшань это Святая матушка небесная бессмертная изначальная государыня Лазоревой зари (Тяньсянь шэнму Бися юаньцзюнь); родилась в деревне Шэнсяньчжуан, что на западном острове Нюхэчжоу. Отец ее богач по фамилии Цзинь, мать госпожа Хуан. С трех лет девочка начала поститься. В семь лет сердце ее озарилось. Была умна, добра, талантлива. Проникла в 10 тысяч дхарм. Сын Неба, услышав об ее достоинствах, хотел взять девушку в жены, но она отказалась выходить замуж. Отец и мать выгнали дочь из дому, и она пошла куда глаза глядят.

Так попала она на гору Тайшань, что находится в восточной земле. Здесь, скрыв свое имя, стала упорно совершенствоваться и через 32 года достигла просветления. Обрела огромную чудотворную силу. Стоило ей указать на гору, и гора обваливалась. Стоило указать на реку, и река иссякала. Позвала [illegible]ер, и ветер тотчас явился. Кликнула дождь, и дождь тут как тут. Могла [illegible]орять оборотней, уничтожать чудовищ. Она управляла горой Тайшань, видела на 108 тысяч ли вокруг. Матушка охраняла страну, поддерживала мудрого правителя, помогала народу. И страна процветала, народ жил спокойно. Ветер был умерен, дождь своевремен.

Яшмовый император, получив доклад трех чиновников – духов неба, земли и воды, – об упорном 32-летнем совершенствовании барышни из рода Цзинь, об ее огромной чудотворной силе, получив одобрение тысячи будд, пожаловал ей титул Небесной бессмертной яшмовой девы изначальной государыни Лазоревой зари. Он повелел ей управлять горой Тайшань. Вверху она управляла небесными воинами, посередине – 108 тысячами божественных воинов, внизу – бесчисленными душами. Матушке подвластен дух Восточного пика князь Равный небу (Тянь-ци). Она управляет всем царством тьмы, ей подвластны десять князей подземного царства и все 18 тюрем. Она контролирует добродетельных мужчин и женщин во всей Поднебесной.

Огромная чудотворная сила матушки стала известна всем добрым людям Поднебесной. Они стали подносить ей благовония и обращаться к ней с просьбой даровать долголетие и благополучие родителям, а бездетные обращались с просьбой даровать им сына или дочь. Невинно наказанные обращались к ней с просьбой о заступничестве. Матушка горы Тайшань награждала людей добрых и чистосердечных, а злых и коварных наказывала. Она не давала возможности подняться на гору Тайшань людям злым, неискренним. А добрые люди поднимались быстро, будто шли не в гору, а по ровной дороге.

Матушка построила храм в Тяньцзиньвэе, чтобы охранять от варваров этот важный пункт у выхода к морю. Кроме того, для охраны Пекина она

построила храм в городе Чжочжоу, у моста Мацзюйцяо, а в Байцаова построила еще походный храм.

По всей Поднебесной люди воздвигали храмы в ее честь, благовония в них курились постоянно.

Однажды матушка горы Тайшань собрала всех духов, приказала позвать Цзы-сунь няннян (Матушку потомства) и Сун-шэн няннян (Матушку, дающую жизнь). Обе богини явились и на коленях приветствовали небесную бессмертную. Матушка Сун-шэн держала в своих объятиях мальчика. На каждой руке у нее сидело еще по одному мальчику. На спине разместилось семеро ребят. 20-30 мальчиков прижимались к ней, и еще 50-60 находились рядом. Сун-шэн объяснила, что в объятиях она держит наследника престола, будущего Сына Неба. На руках у нее царские отпрыски. Семеро, что на спине - это будущие знатные сановники и великие ученые, министры и князья. Те, что жмутся к ней - это четыре категории обычных людей, а те, что толпятся несколько поодаль - это бесприютные души младенцев, умерших в возрасте 2-3 лет.

"Я ведаю лишь рождением, - сказала Сун-шэн. - А судьбой ведает Чжу-шэн няннян. Она определяет происхождение человека, долгую жизнь или раннюю смерть его. Она определяет в бедной или богатой, знатной или низкой семье предстоит ему родиться."

Матушка горы Тайшань спросила Бань-чжэнь няннян (Матушку оспы), что это за пять цветных мешков она держит. Та ответила: "В этих мешках бобы пяти сортов. На дитя добродетельных родителей я сыплю несколько штук красных бобов, и у ребенка появляется небольшая и неопасная сыпь. Детей дурных родителей я густо посыпаю темно-фиолетовыми бобами, чтобы тело их покрылось чирьями. Испуганные родители тотчас обращаются с молитвами к небу и земле, просят Матушку горы Тайшань вылечить дитя и в благодарность за это обещают принести жертвоприношения, поднести благовония. Если же родители не выполнят обещания, навлекут бедствия на себя и на свое потомство".

Матушке горы Тайшань известно, о чем будут просить ее люди, стоит им только открыть уста. Добродетельным она продлевает жизнь, дарует счастье, благополучие, исполнение всех желаний и просьб. Злых же наказывает - насылает на них звезду несчастья. Поэтому счастье и несчастье зависят от самих людей.

Матушка горы Тайшань сказала Янь-гуан няннян (Матушке света очей): "Озари светом очей живые твари Поднебесной, отдели добрых от злых". Янь-гуан няннян рассказала, что у нее есть две драгоценности: камень и трава. Стоит потереть ими глаза, и глаза будут видеть ясно. Когда люди рушат стены, копают землю, строят жилища они беспокоят землю-батюшку, землю-матушку, детей и внуков земли. Тогда у этих людей тускнеют глаза. Если же они чистосердечно поднесут благовония и помолятся, Янь-гуан во время сна натрет им глаза травой и камнем, и глаза прояснятся.

Все, что сказано в "Драгоценном свитке о горе Тайшань", - истинная правда. (Эта фраза повторяется в каждой главе после прозаического отрывка).

Матушка горы Тайшань приказала священному чиновнику Вану даровать силу ногам и легкость телу тех добрых людей, которые прибывают на гору Тайшань лицезреть золотой лик матушки. А людей злых, прибывающих на Тайшань с лживыми намерениями и неискренним сердцем, наказывать или даже убивать плетью.

Матушка горы Тайшань охраняет покой всех людей Поднебесной, говорится в баоцзюань. Поэтому добрым людям советуют отправиться на Тайшань, поднести матушке благовония, пожертвовать денег и продовольствия. Пожертвовавшие один вэнь получат 10 тысяч вэней, хорошую должность и

высокое жалованье. Матушка не тратит ничего из поднесенного, все отдает императорскому двору. Государя следует благодарить за милость. Следует молиться, чтобы государство не изменялось 10 тысяч по 10 тысяч лет. Почитать государя лучше, чем молиться будде или почитать родителей. Государь – это будда, охраняющий страну. Государь – это живой будда. Все страны Поднебесной принадлежат великой Мин.

Матушка горы Тайшань созвала со всего неба духов всех звезд, Ковша, князя Тянь-ци, духа Восточного пика, 10 владык подземного царства, всех крупных и мелких чиновников 75 ведомств подземного царства. Явившись на аудиенцию, они стали группами по обе стороны от матушки. Дух Дан-чжи доложил матушке, что многие добродетельные люди Поднебесной не достигли полного благополучия – у одних есть богатство, но нет детей, у других есть дети, но нет богатства. Многие бездетные знатные и богатые люди дали обет пожертвовать значительные средства, вышитые хоругви, если матушка дарует им потомство. Дух интересовался, разрешит ли матушка удовлетворить их просьбу.

Матушка разрешила даровать этим людям мудрого, знатного и богатого сына либо дочь, которая в будущем выйдет замуж за богатого и знатного человека.

Далее в сочинении утверждается, что хотя матушка пребывает на горе Тайшань, ее космическое тело находится повсюду. Если она встретит человека страдающего, то спасет от страдания, если встретит человека в затруднении, то избавит от затруднения. В доказательство того, что матушка откликнулась на просьбу и даровала сына, рассказана история о бездетной госпоже Цзинь из деревни Цзиньгуаньтунь.

Рассказчик призывает слушателей совершенствоваться. За это он обещает им долгую жизнь до ста лет, а после смерти они удостоятся лицезреть У-шэн лаому, воссядут на цветок лотоса, превратятся в святых, достигнут просветления, не будут больше рождаться и умирать.

Большое место в баоцзюань занимает рассказ о богатом и почтенном Чжане и его жене по фамилии Дун, жившим в столице. Чжану было 51 год, а его жене – 48, но у них не было детей. Госпожа Дун предложила мужу обратиться к чудотворной матушке горы Тайшань с молитвой дать им сына. Муж и жена стали поститься, молиться, устроили в доме алтарь для жертвоприношения и обратились с молитвой к матушке горы Тайшань, Сун-шэн и Янь-гуан. Каждый день госпожа Дун воскуряла благовония и молилась чистосердечно. Она просила дать ей сына, а еще она просила вызволить ее умерших родителей, чтобы они вознеслись на небо и воссели на золотой лотос.

Матушку тронула дочерняя почтительность госпожи Дун, и она решила дать ей сына и выполнить все ее просьбы. Однако у матушки горы Тайшань не было драгоценного свитка, чтобы просветлять людей Поднебесной, общаться с ними. Поэтому она решила: "Пошлю-ка У-куна. Пусть войдет в их жилище, передаст закон, оставит сутру. Пусть велит госпоже Дун пожертвовать средства на изготовление сутры, чтобы распространился – остался драгоценный свиток в Пекине. Не пройдет и трех лет – будут у нее и сын, и дочь, увеличится достаток семьи".

Заслуга изготовления книги огромна, она не потускнеет во веки веков. Когда будут изготовлены доски, произойдут радостные события. Матушка явит свою чудотворную силу, пошлет потомство, навеки избавит всех родственников от бедствий, сохранит благоденствие семьи, дарует счастье и долголетие. А после смерти переправит всех в Чистую землю, где они станут буддами.

Батюшка Десять тысяч лет – живой будда в бренном мире. Святой Сын Неба – он охраняет великую Мин. Живой будда – это император. Он живет в настоящее время в Пекине. Матушка охраняет страну, помогает народу.

В Цанчжоу жил один ничтожный человек. Он оклеветал почтенную женщину. Женщина поднесла благовония матушке горы Тайшань и просила разобраться в этом деле, убедиться в ее невиновности и наказать клеветника. Она поведала матушке, что отец и муж ее крупные чиновники, что сама она никогда не выходила за ворота дома и не сделала ничего дурного, что она постоянно молилась Амитабе и читала вслух сутры. Священный чиновник Ван по приказу матушки выяснил, что женщина говорила правду, что она добродетельна, а подлый простолюдин оклеветал ее. Матушка разгневалась и приказала отправить клеветника в царство тьмы.

Как-то матушка спросила своих приближенных, нет ли где в Поднебесной засухи или наводнения, не оказался ли какой-нибудь добродетельный человек в беде или опасности. Приближенные ответили, что по всей Поднебесной ветер благоприятен, дождь своевременен, страна процветает, народ спокоен и радостен.

Матушка решила самолично проверить, как обстоят дела в Поднебесной, и приказала приготовить экипаж. Она двигалась быстро, словно ветер. Ее сопровождали 84 тысячи духов на пятицветных облаках.

Матушка прибыла в Байцаова проверить, как подносятся благовония. Заметила, что в Сематан вырастили прекрасную рощу. Приняла князя Тянь-ци из храма Вэньцзямяо. Не задерживаясь тут, села на благостное облако и в мгновение ока прибыла в Тяньцзиньвэй. Духи обследовали все и доложили, что жители города молятся Амитабе, почитают матушку горы Тайшань. Отсюда матушка отправилась в Саньтоуин, затем на гору Яцзешань, а оттуда в город Чжочжоу. Увидев, что тут все в порядке,- народ спокоен и нет никаких бедствий,- отправилась в Мацзюйцяо. Вошла в храм, села, глянула вокруг и увидела бесчисленное множество жителей Пекина.

Заметив, что богатые служат чиновниками и получают хорошее жалованье, а бедные просят на улицах милостыню, чтобы прокормиться, матушка вздохнула: "И те, и другие одинаково люди, но бедные и богатые не равны между собой". Есть семьи богатые и знатные, но не имеющие потомства. В то же время есть семьи, в которых много детей, но им нечего есть и не во что одеться.

Однако и бедные, и богатые не должны роптать на будду. Каждый пусть пеняет на себя. Ведь неблагополучие в этой жизни есть результат того, что в прежней жизни они не совершенствовались. Поэтому люди мудрые должны поскорей одуматься, обратиться с молитвой к будде, засеять поле счастья, провозглашает рассказчик.

Десять Янь-ванов в подземном царстве знают, кто творил зло, а кто - добро. Кто творил добро, родится в Чистой земле, вернется домой, попадет на небо. Кто творил зло, попадет в подземную тюрьму.

Покинув Мацзюйцяо, матушка поднялась на облако, понеслась словно ветер на гору Тайшань. Здесь она спросила отроков-слуг, кто это так ревностно молится ей, что тело ее стремится вверх? Отроки доложили, что это господин Чжан и госпожа Дун.

Они уже несколько лет совершают жертвоприношения матушке, каждый день воскуряют благовония и молят дать им сына. Они выразили готовность оплатить издание драгоценного свитка. Услышав это, матушка обрадовалась и приказала узнать, какого духа можно послать на землю, чтобы родиться в семье Чжана. В результате она послала отрока и деву из свиты Сиванму. За то, что господин Чжан не пожалел средств на печатание драгоценного свитка, а госпожа Дун была искренна и чистосердечна в своих намерениях, матушка даровала им сына и дочь, сто лет жизни, отвратила навеки все несчастья.

Далее в сочинении говорится, что исполнение драгоценного свитка обеспечивает благополучие, отвращает все бедствия: исполнишь его, и родители

будут спокойны, и дети будут благополучны, выметешь без остатка все дурные причины, образуется результат, прибавится счастья и долголетия, заболевший поправится, вся семья обретет радость и покой, души умерших вознесутся за три мира, на золотой доске будет написано ваше имя, у соблюдающих пост озарится сердце. Обо всех делах матушке безошибочно докладывают 84 тысячи священных отроков. За добро людей ждет награда, за зло – наказание. Каждый получает, что заслужил.

Три человека – написавший свиток, пожертвовавший денег на изготовление и исполнивший его – родятся на небе Высшего блаженства.

Госпожа Дун объявлена небожительницей, спустившейся в бренный мир. Не всякий мужчина может сравниться с этой женщиной. Она почтительна к родителям, не ругается с братьями и их женами, одинаково благожелательна ко всем родственникам, мудрость ее велика.

Муж и жена не стали собирать пожертвования, а все необходимые средства выделили сами. За это они получили потомство, счастье, благополучие. Со временем они родятся в Чистой земле, воссядут на лотос-трон, станут сотоварищами будд.

"Я для матушки написал драгоценный свиток. С пустыми руками отправился в столицу. Не имея средств, не мог завершить дело. К счастью, матушка явила чудотворную силу. Объявились госпожа Дун и господин Чжан. Они пожертвовали средства для напечатания драгоценного свитка. Матушка горы Тайшань пожалела их, даровала им потомство, избавила от всех бедствий, дала долголетие, а после смерти они вернутся домой, воссядут на лотос-трон, станут святыми".

Если кто будет исполнять – читать вслух драгоценный свиток, матушка поможет ему, выручит из беды. Если кто приобретет свиток и будет хранить его в своем доме, матушка возьмет этот дом под покровительство. Счастье и благополучие пребудут в нем вечно. С тех пор, как матушка обосновалась на горе Тайшань, в Пекине не было драгоценного свитка. Матушка несколько раз побуждала добродетельных изготовить драгоценный свиток. Сначала это был "Драгоценный свиток о десяти князьях". Люди, собиравшие средства на его изготовление, получили все, что просили. Затем один почтенный житель Пекина решил пожертвовать средства на изготовление "Драгоценного свитка о покорителе демонов". К нему присоединились добродетельные люди. Все они получили что просили. "Драгоценный свиток о чудотворной матушке горы Тайшань" изготовлен на средства одной лишь госпожи Дун. И матушка отблагодарила ее – дала ей все, что она просила.

Далее следуют семисложные стихи, в которых перечислены десять благодарений:

Благодарим небо за то, что накрывает нас, землю за то, что носит нас; солнце и луну за то, что освещают; государя за то, что правит страной; отца и мать за то, что родили и вырастили; мудрого учителя за то, что передал закон-учение; за то, что в шести сторонах нет войн; благодарим всех собравшихся в зале; благодарим за то, что народ восьми сторон спокоен и радостен; за то, что девять предков выбрались из трех миров; благодарим от имени десяти видов одиноких душ.

В стихах цы провозглашается здравица императору и наследнику: "Императору 10 тысяч по 10 тысяч лет! Наследнику тысяча осеней! Страна процветает, народ спокоен. Чудотворная сила матушки спасет всех людей – они отправятся на Священную гору".

В завершающем баоцзюань пятисложном четверостишии всех чистосердечных и добродетельных, присутствующих при исполнении, заверяют, что в свое время они отправятся во Дворец высшего блаженства.

D 460

寵君寶卷 "Баоцзюань о Цзао-цзюне". 板存常州

大街郡廟前培本堂善書坊 "Доски хранятся в печатне добродетельных книг Пэйбэньтан перед храмом /Чэнхуана/ в Чанчжоу".

光緒十年孟冬新鐫 "Вновь вырезано зимой 10-го года правления Гуан-сюй (1884)".

Ксилограф. Брошюровка: книжка, прошитая нитками, в бумажной обложке. 1 бэнь. 24,1 x 15,2; 20,7 x 12,5; 9/20. 47 л.

Деление на главы отсутствует.

Проза перемежается стихами, преимущественно семисложными. В двух особых случаях десятисложные стихи: л.6б - 8а двенадцать заповедей Цзао-цзюня; л.38а - 39а гатха Великого учителя с Лотосового пруда. Пятисложные стихи встречаются только один раз - в начале сочинения.

Из коллекции Алексеева, 31. Каталог 1973, т.2, № 2344; Ли Шиюй, №544; см.: Савада, с.227.

Структура сочинения: семисложное и пятисложное четверостишия - проза - апеллятив "Намо Амито фо" - семисложные стихи - проза - апеллятив "Намо Амито фо" - семисложные стихи - проза - . . . семисложные стихи.

Перед текстом следующее предписание: "В доме, где исполняется баоцзюань, прежде всего необходимо прибрать и почистить очаг, воскурить благовония, зажечь свечи, совершить обряд поклонения. Только после этого приступить к исполнению".

Содержание.

Яшмовый император послал на землю божество очага, дабы управлять огнем, следить за деяниями и нравами людей, которые сильно ухудшились со времен Пяти владык. Духи жаловались Яшмовому императору, что им трудно уследить за всеми делами людей. Поэтому по рекомендации праведника Мяосина Яшмовый император пригласил на аудиенцию божественного человека Чжан Чаня (Шаня?) с горы Куньлунь и повелел ему быть владыкой очага - Цзао-цзюнем, - контролировать и регистрировать заслуги и промахи всех членов семьи, награждать за добрые поступки и карать за дурные, распределять среди людей богатство и почести, прибавлять счастья, увеличивать жалованье.

Цзао-цзюнь принял приказ, превратился в пять владык очага - синего, красного, черного, белого, желтого (соответственно странам света). Затем эти пятеро владык превратились в десятки тысяч Цзао-цзюней, которые стали божествами во всех домах. 24-го числа каждого месяца эти Цзао-цзюни собираются все вместе, чтобы представить свои записи о добрых и дурных делах каждой семьи. А 24-го числа последнего месяца года Цзао-цзюнь отправляется на небо с докладом Яшмовому императору. Возвращается он на свое место в очаге в первый день первого месяца нового года. Встречать и провожать Цзао-цзюня следует с почтением.

Далее рассказчик призывает слушателей соблюдать 12 правил, установленных Цзао-цзюнем: почитать небо и землю, отца и мать, старших и предков, почитать исписанную бумагу и злаки, не готовить на огне очага мясных и рыбных блюд, не бросать в очаг волос и костей, не сушить у огня грязной одежды, у очага нельзя ругаться, плакать, петь или обнажаться и т.п.

Соблюдающие эти правила добродетельны и им воздастся за это добром, а нарушители будут наказаны. Перечислено множество добрых деяний. Главнейшее среди них - почтительность к родителям. Названы разнообразные дурные поступки людей. Эти люди по докладу Цзао-цзюня наказываются Яшмовым императором. Он велит одних отправить в подземную тюрьму, на других наслать болезни и несчастья; например, скандалисту - типун на язык, сквернослову и клеветнику - немота в следующем рождении.

Далее приведено несколько примеров, когда Цзао-цзюнь помогал добродетельным людям, а также раскаявшимся грешникам, которые отвратились от зла, стали творить добро.

Вот один из этих примеров:

Во времена правления династии Мин жил некто Юй Цинъи. Хотя он и обладал большими способностями, тем не менее семь раз проваливался на экзаменах. Из четырех его сыновей трое умерли детьми, а четвертый исчез в возрасте 8 лет. Жена Юя ослепла от слез. Семья много лет прожила в бедности. Доведенный до отчаяния Юй Цинъи обратился наконец с просьбой к Цзао-цзюню. И вот в канун нового года явился Цзао-цзюнь и разъяснил Юю, что все его беды происходят оттого, что он не совершал добрых дел, своими речами прогневил духов. Чтобы избежать наказания неба, надо поскорей исправить ошибки и творить добрые дела.

После этого наставления Юй вел праведную жизнь. И вот пришло воздаяние - в возрасте 50 лет он выдержал экзамен, стал цзиньши, прославился по всей Поднебесной, встретился с некогда пропавшим сыном, жена от радости прозрела. У сына родилось 7 сыновей. Сам Юй дожил до 88 лет.

Много места в баоцзюань уделено изложению закона причины и следствия, показу иллюзорности жизни, которую автор сравнивает с пьесой, разыгрываемой на театральных подмостках. Он советует людям выбраться из бренного мира и описывает страну Вечного блаженства, что на Западе. Попасть туда, как утверждает автор, могут все до одного. Кратчайший и легчайший путь - повторять постоянно имя будды Амитабы.

П. Баоцзюани, содержащие жизнеописания и деяния простых смертных, достигших святости

С 470

目蓮救母三世寶卷 "Баоцзюань о том, как Мулянь в трех воплощениях спасал мать" (на титуле); 繪圖目蓮三世寶卷 Хуэйту Мулянь сань ши баоцзюань - "Иллюстрированный баоцзюань о трех воплощениях Муляня" (на обложке); 繪圖目蓮救母三世寶卷 Хуэйту Мулянь цзю му сань ши баоцзюань - "Иллюстрированный баоцзюань о том, как Мулянь в трех воплощениях спасал мать" (перед текстом); 目蓮寶卷 "Баоцзюань о Муляне" (на сгибе листа). 上海河南路中市宏大善書局藏版 "Доски хранятся в печатне добродетельных книг Хунда, что на улице Хэнаньлу в Шанхае".

壬戌秋月 "/Издано/ осенью года жэнь-сюй (1922)".

Литография. Брошюровка: книжка, прошитая нитками, в бумажной обложке. Экземпляр в хорошем состоянии.

1 бэнь, 3 цз. (шан, чжун, ся). 20 x 13,1; 17x 11,1; 11/25.*1 + 53 + 2 (л.1а иллюстрация: изображение Муляня в монашеском одеянии, в облике Хуан Чао и мясника Хэ Иня; 1б - семисложное восьмистишие; цз.шан 1а - 36б, цз.чжун 37а - 40б, цз.ся 41а - 53б; 2 л.издательский проспект).

На обложке и л.53б печать: 董憲章敬贈 "Дун Сяньчжан почтительно подносит". Деление на главы отсутствует.

Проза перемежается стихами, преимущественно семисложными. Значительно реже использованы десятисложные стихи, по одному разу употреблены четырех-, пяти- и шестисложные стихи. В 4 случаях использованы стихи цы

или арии цюй без названия мелодии. Судя по структуре, на л.7б ария Ку у гэн, остальные определить не удалось.
Из коллекции Азиатского музея, опись 1925, 10. Каталог 1973, т.2, № 2164; Ли Шиюй, № 277; Савада, с.123.
Структура сочинения: стихи – проза – стихи – проза – . . . стихи.

Содержание

В Наньду жил добродетельный и богатый человек по имени Фу Сян. Детей у него не было, и он просил будду дать ему сына. Однажды он наблюдал, как слуги копали репу. Тут подошел за подаянием старый монах. Получив репу и даже не помыв, монах съел ее и тотчас упал замертво. Фу Сян похоронил монаха. А ночью во сне ему явился тот самый монах и объявил, что отблагодарит Фу Сяна за доброту.

На другой день жена Фу Сяна родила сына, которого назвали Лобу, т.е. Репа. Второе имя его было Мулянь. Фу Сян всю свою долгую жизнь творил добро, совершенствовался, питался постной пищей, постоянно молился будде, подавал милостыню монахам, помогал бедным. За это он средь бела дня вознесся на небо на журавле. Перед смертью Фу Сян завещал жене вести праведную жизнь, не есть скоромного, молиться будде, подавать милостыню монахам.

Похоронив отца, Мулянь ушел совершенствоваться в монастырь Баоэньсы. Мать же его госпожа Лю, уступив уговорам своего брата, нарушила заповеди, перестала молиться, ежедневно ела мясное, пила вино. Когда же Мулянь пришел навестить мать и узнал от людей, что она нарушила запреты, ела мясо и пила вино, госпожа Лю дала ложную клятву, заверяя сына, что ничего подобного не было. Обращаясь к небу, она призвала наказать ее смертью, если сказанное людьми правда. Тотчас хлынула кровь, и она умерла.

Далее следует рассказ о том, как госпожа Лю прибыла в царство тьмы, что она видела по дороге и как ее там допрашивали. Расследовав дело, Янь-ван приказал заключить госпожу Лю в тюрьму Аби (т.е. Авичи), чтобы она никогда более не рождалась в мире света – ни в облике человека, ни в облике другой живой твари.

Мулянь же, похоронив мать, сильно горевал и в конце концов решил отправиться на запад, чтобы найти там в стране Высшего блаженства отца и мать, отблагодарить их за милость – рождение и воспитание сына.

По дороге он выдержал испытание, устроенное ему Гуаньинь, принявшей облик юной красавицы. Добравшись до Священной горы, Мулянь узнал от будды, что отец его стал помощником Ди-цзана, бодхисаттвы в царстве тьмы, а мать брошена в подземную тюрьму. Получив от будды одежду, патру и посох, Мулянь отправился спасать свою мать. Подробно описано путешествие Муляня по аду в поисках матери. В конце концов Мулянь выяснил, что его мать находится в тюрьме Аби и ударом волшебного посоха распахнул ворота тюрьмы. Заключенные в ней грешные души воспользовались этим и разбежались. Муляня с матерью доставили к Янь-вану, который распорядился вернуть госпожу Лю в тюрьму Аби, а Муляню приказал собрать и вернуть в подземное царство 8 миллионов душ, которые разбежались, когда он распахнул ворота. Для этого Муляню предстояло отправиться в мир света.

Далее следует рассказ о Хуан Чао, в которого воплотился Мулянь. Хуан Чао родился в богатой семье добродетельного торговца солью Хуан Цзунданя, который вместе со своей женой госпожой Тянь просил небо послать ему сына. И вот однажды после очередного молебна госпожа Тянь чудесным образом забеременела и через 25 месяцев родила необыкновенного сына. Испугавшись отвратительной внешности сына, Хуан Цзундань

бросил ребенка в омут. Однако дух земли спас его и отнес в гнездо, а ночью явился во сне Хуану и велел принести назад мальчика и воспитать его. Хуан Чао подрос и проявил отменные способности в учении и в военных искусствах.

В это время император Си-цзун (874–888), обеспокоенный смутой, объявил о проведении в Чанъани испытаний в скачках и стрельбе из лука для выбора лучших воинов. Хуан Чао победил в этих испытаниях, однако император, напуганный его уродством, отослал его из столицы. В окрестностях Чанъани Хуан Чао забрел в монастырь. Тут монахи рассказали ему, что от слуг правителя царства тьмы они узнали о предстоящем мятеже, в ходе которого погибнет 8 миллионов человек. Предводителем мятежников, сказали служители подземной канцелярии, будет Хуан Чао. Ночью, когда Хуан Чао любовался луной, явилась фея и вручила ему волшебный меч, которым ему предназначено сразить 8 миллионов человек.

Хуан Чао поднял мятеж, захватил Чанъань и объявил себя императором. Однако в дальнейшем он потерпел поражение, бежал и повесился у подножия горы Ягушань. Исполнив предназначенное ему Янь-ваном, Мулянь снова попал в подземное царство и снова стал просить Ди-цзана отпустить из ада госпожу Лю. Но поскольку она погубила множество свиней и баранов, Муляню было велено родиться в мире света в семье мясника Хэ Сяна и самому стать мясником, чтобы души зарезанных животных обрели лучшее рождение.

После смерти Хэ Сяна ремесло продолжил Сын Хэ Инь. Он подружился со своим добродетельным соседом Ваном, к которому в один прекрасный день в облике монаха явилась сама Гуаньинь. Вслед за соседом Хэ Инь объявил себя учеником монаха, и они втроем отправились в горы совершенствоваться. По дороге они остановились переночевать в доме, где жили мать и две дочери. Праведник Ван уступил уговорам старухи, решил жениться на ее дочери и остаться в их доме. Хэ Инь выдержал это испытание, которое устроила Гуаньинь, и ушел с монахом. Когда они пришли к реке, монах велел Хэ Иню искупаться в ней, и тут обнаружилось, что бывший мясник – воплощение Муляня. Попав в царство мертвых, Мулянь снова обратился к Ди-цзану с просьбой помиловать мать и освободить ее из тюрьмы Аби, чтобы она могла родиться на небе.

На этот раз Ди-цзан объявил, что Мулянь своими делами в трех рождениях искупил вину матери и поэтому госпоже Лю позволено покинуть подземную тюрьму. Мулянь привел мать во дворец Ди-цзана. Здесь они встретились с Фу Сяном, и вся семья вознеслась на небо, чтобы никогда больше не рождаться в бренном мире среди людей.

D 461

孝心寶卷 "Баоцзюань о сыновней почтительности" (на обложке, на сгибе листа); 錢孝子寶卷 Цянь сяо цзы баоцзюань- "Баоцзюань о почтительном сыне Цяне" (перед текстом и в конце цз.шан). 常州府廟樂善堂藏板 "Доски хранятся в печатне Лэшаньтан, что в храме /Чэнхуана/ в Чанчжоу".

Время издания не указано, судя по дате последнего предисловия, 1887 г. или после него.

Ксилограф. Брошюровка: книжка, прошитая нитками, в бумажной обложке. Экземпляр в хорошем состоянии.

1 бэнь, 2 цз. (шан, ся). 24,2 x 15,3; 19 x 13; 10/20.

1 + 1 + 59 (1 л.предисловие 1824 г.; 1 л.предисловие 1887 г.; в конце три послесловия: 1852, 1852, 1878 гг.). В конце книги указано: 朱孔慶華合送貳百本 "Чжу и Кун Цинхуа совместно подносят двести экземпляров".

Деление на главы отсутствует.
Проза перемежается стихами, преимущественно семисложными, но есть и десятисложные. В начале сочинения семи- и пятисложные стихи; в конце те же пятисложные стихи, что и в "Путо баоцзюань". Текст не размечен. Из коллекции Алексеева, 37. Каталог 1973, т.2, № 2273; см.: Ли Шиюй, № 480.
Структура сочинения: стихи – проза – стихи – проза – . . . стихи.

Содержание

Рассказана история почтительного сына Цянь Цзюйваня, жившего на юге Китая во времена правления Цзя-цин (1796–1820).

Цзюйвань был вторым сыном в семье бедняка Цянь Чанюаня из деревни Шуйцюй, что находится в области Чанчжоу в Цзяннани. В семье было три сына. Когда Цзюйваню было 9 лет, а его братьям 12 и 6, умер отец. Дети остались на попечении матери госпожи Цзян, женщины мудрой и добродетельной. Цзюйвань во всем помогал матери, старался отвлечь ее от горестных дум и тоске по покойному мужу. Сам же, вспоминая отца, уходил в горы, чтобы там в безлюдном месте выплакаться.

Когда Цзюйваню было 18 лет, мать его простудилась и заболела. Никакие лекарства не помогали. Цзюйвань отрезал кусок от своего плеча, приготовил отвар и им вылечил мать.

Старший и младший братья женились, а Цзюйвань, которому было уже 26 лет, не собирался жениться. Вся семья жила дружно. Но вот нагрянула беда: у госпожи Цзян серьезно разболелось горло. Лекари объявили, что спасти ее может лишь чудо. Тогда Цзюйвань решил отдать свою жизнь для спасения матушки. Он обратился к небу и земле с мольбой спасти мать. Затем отрезал кусок от печени и при помощи младшего брата сварил целебный отвар. Однако госпожа Цзян не смогла проглотить ни капли и умерла.

Слава о почтительном сыне, вырезавшем печень для спасения матери, разнеслась далеко вокруг. Со всех сторон приходили люди посмотреть на Цзюйваня. Похоронив мать, Цзюйвань 49 дней оставался на могиле. Сюда однажды ночью явился небесный владыка Тай-бо, дух грома Пи-ли и другие божества, посланные Яшмовым императором залечить рану почтительного сына.

В другой раз во время сильной засухи Яшмовый император послал дождь, который пролился только над местностью, где жил Цзюйвань. Местные жители хотели воздвигнуть триумфальную арку в честь почтительного сына, но Цянь Цзюйвань отказался от всех почестей, а по истечении трех лет траура постригся в монахи и поселился в обители на горе Дуаньганьшань. Чтобы иметь возможность ухаживать за могилой матери, он перебрался в обитель Таньба, что недалеко от отчего дома. Почтительный сын изготовил из сандалового дерева фигуры отца и матери, поклонялся и служил им так, как будто они были живыми.

Дожив до 44 лет, праведный монах и почтительный сын Цзюйвань скончался, заранее объявив о дне своей смерти.

Владыка царства мертвых послал за ним священного коня, и сам вышел встретить Цзюйваня, который прибыл в сопровождении толпы слуг и музыкантов.

Свидетелем торжественного приема, устроенного почтительному сыну во дворце владыки царства мертвых, оказался некто Чжоу Фаньчжэн, добродетельный человек и земляк Цзюйваня, умерший с ним в один день. По ходатайству Цзюйваня Янь-ван решил вернуть Чжоу назад в царство света, но прежде велел показать ему все подземные тюрьмы и наказания, которые претерпевают в них грешники. Описанию этого посвящена значительная часть сочинения. Кроме того, сам Янь-ван подробно разъяснил Чжоу, за какие добрые или злые поступки в прежней жизни люди получают воздаяние добром

или злом в последующей жизни. Все это Чжоу должен был рассказать людям, вернувшись в мир света.

Что касается почтительного сына, то после двухлетнего совершенствования в Зале творящих добро он отправился на гору Эмэйшань, где встретился со своей матушкой. Вместе они отправились на запад, где приветствовали будду Шицзя и матушку Сиванму, бессмертных Цао Гоцзю, Люй Дунбиня, Хань Сянцзы и других. Отсюда мать и сын поднялись на небо.

В конце сочинения слушателей призывают учиться у Цянь Цзюйваня, следовать примеру почтительного сына, ибо среди всех добрых поступков сыновняя почтительность – главнейшая, а отец и мать – это живые будды.

III. Баоцзюани, содержащие наставления, связанные с отдельными сторонами буддийского (даосского или конфуцианского) учения

в 101

十月懷胎卷 "Свиток о десяти месяцах ожидания ребенка" (на обложке); 新刊十月懷胎寶卷 Синь кань ши юе хуайтай баоцзюань – "Вновь изданный баоцзюань о десяти месяцах ожидания ребенка" (перед текстом); 十月懷胎 Ши юе хуайтай – "О десяти месяцах ожидания ребенка" (на сгибе листа). 三元堂 "Печатня Саньюаньтан" (предположительно, в Ханчжоу). 同治五年小春月新刻 "Вновь вырезано весной 5-го года правления Тун-чжи (1866)".

Ксилограф. Брошюровка: книжка в бумажной обложке, листы склеены. Экземпляр в хорошем состоянии. Издание дешевое.
1 бэнь. 16,3 x 10,1; 14,9 x 8,5; 8/14. 4 л.
Семисложные стихи.
Из коллекции Алексеева, 67. Каталог 1973, т.2, № 2437.01 .: Ли Шиюй, № 88; Савада, с.129.

Содержание

В стихотворении описываются страдания, испытываемые беременной женщиной из месяца в месяц, ее беспокойство о будущем ребенка, страх перед неблагополучными родами. Рассказывается, что пища ей кажется горькой, у нее нет никакого желания приодеться, сделать прическу, а на пятом месяце ноги так распухают, что и туфель вышитых не надеть, и ходить трудно. Когда через 10 месяцев наступают роды, женщина переносит ужасные боли. Жизнь матери и ребенка в опасности. После описания состояния ожидания ребенка в течение 10 месяцев в баоцзюань говорится о заботе матери о ребенке при кормлении его грудью, уходе за младенцем. Поэтому люди не должны забывать доброты родителей, воспитавших их. Они обязаны отблагодарить отца и мать за то, что они родили и воспитали их: они должны быть почтительными детьми, молиться будде, соблюдать пост. Но прежде всего люди должны быть благодарны небу за то, что оно покрывает их, земле за то, что она носит их на себе. Далее люди должны быть благодарны солнцу и луне за то, что они светят. Третья благодарность – государю. Четвертая – родителям (о ней говорилось выше). Пятая благодарность – учителю. Чтение вслух данного свитка полезней, чем чтение "Лотосовой сутры", говорится в конце сочинения.

с 104

慈靈寶卷無常十。嘆回頭偈附刻 "Баоцзюань о милосердной душе". С приложением Гатхи раскаяния и десяти призывов У-чана (на обложке); 新刻慈靈省省篇

Синь кэ цы лин синсин пянь – "Вновь вырезанная книжка о том, как очнулась-образумилась милосердная душа" (перед текстом, л.1а); 無常十喚回頭偈 У-чан ши хуань хуэйтоу цзи (перед текстом, л.3а). 甯郡芝蘭橋大壯齋印刷 "Отпечатано в печатне Дачжуанчжай у моста Чжиланьцяо в Нинцзюне". 同治九年巧月新鐫 "Вновь вырезано в седьмом месяце 9-го года правления Тун-чжи (1870)".

Ксилограф. Брошюровка: книжка в бумажной обложке, листы склеены. Экземпляр в хорошем состоянии.
1 цз. 18,5 x 11,4; 16,8 x 10,2; 8/14 и 7/14.
6 л. (пагинация сплошная: 1а – 2б "Цы лин баоцзюань", 3а – 6б "У-чан ши хуань хуэйтоу цзи"). Семисложные стихи.
Из коллекции Алексеева, 17. Каталог 1973, т.2, № 2383.

Содержание

В стихотворном тексте, озаглавленном "Баоцзюань о милосердной душе", говорится о бренности и мимолетности жизни, о том что люди подобны рыбам в воде: неизвестно, кто из них попадется на удочку-крючок Янь-вана. Богатство, почести, супруг, дети – все эфемерно, ничто не может спасти от смерти. Жизнь людей – пребывание в гостях, смерть – возвращение домой.

В приложении рассказывается также о воздаянии за добро и зло, о бренности и непостоянстве жизни, о том что в смерти ни дети, ни родители, ни супруги не могут заменить друг друга. Приходит демон смерти У-чан, и человек один-одинешенек отправляется в царство мертвых. Злые люди попадают в подземную тюрьму Аби и больше не рождаются в мире света. Добрые люди, которые постоянно молятся будде Амитабе, попадут в страну Высшего блаженства, бессмертные отроки проводят их на остров Пэнлай.

в 94

灶君經 "Сутра о Цзао-цзюне"(на обложке); 出身灶君經 Чушэнь Цзао-цзюнь цзин –"Сутра о происхождении Цзао-цзюня" (перед текстом); 灶君真經 Цзао-цзюнь чжэнь цзин – "Истинная сутра о Цзао-цзюне" (на сгибе).

上洋文益堂刊 "Отпечатано в печатне Вэньитан в Шанъяне." Время издания не указано. По внешнему виду похоже на сочинение под шифром В 101, изданное в 1866 г.
Ксилограф. Брошюровка: книжка в бумажной обложке, листы склеены. Экземпляр в хорошем состоянии. Издание дешевое.
1 цз. 16,1 x 9,6; 13,3 x 7,8; 6/14. 2 л. Семисложные стихи.
Из коллекции Алексеева, 32, Каталог 1973, т.2, № 2345.

Содержание

В стихотворении говорится, что владыка очага Цзао-цзюнь – женщина. Она получила эту должность от самого Яшмового императора. Цзао-цзюней много, она присутствует в каждом доме. Почтенная матушка контролирует поступки людей, заносит их добрые и дурные деяния в специальные книги. А 24 числа каждого месяца отправляется с докладом на небо. Далее перечислены дурные деяния женщин, за которые их ожидает возмездие. Это корысть, непочтение к духам, родителям, непочтительное отношение к Цзао-цзюнь: громыхание посудой, неосторожное обращение с огнем, нарушение

запрета ставить ноги на ограду очага и т.п. Почтительные люди, почитающие Цзао-цзюнь, воскуряющие благовония и зажигающие свечи, говорится в книжке, получат воздаяние добром, их ждет счастье, богатство, знатность.

1У. Баоцзюани, содержащие наставления, полученные во время гадания с медиумом

D 458

金母家書後附普門大士救劫渡生經 "Письма из дому от Золотой матушки. С приложением Сутры о спасении от бедствий и переправе живых тварей великим мужем Пу-мэнем". 板存丹陽大東門城內楊兆興 "Доски хранятся / в лавке/ Ян Чжаосина, что внутри городской стены у ворот Дадунмэнь в Даньяне".

光緒二十六年敬刊 "Отпечатано в 26 году правления Гуан-сюй (1900)".

Ксилограф. Брошюровка: книжка, прошитая нитками, в бумажной обложке. Экземпляр в хорошем состоянии.

1 бэнь. 24 x 13,7; 20,8 x 11,9; 8/23.

1 + 54 (1а - 1б предисловие, 1а - 45а основной текст, 45б - 51а приложение, 52а - 54б послесловие).

Семи- и десятисложные стихи с небольшими прозаическими вставками.

Из коллекции Алексеева, 25. Каталог 1973, т.2, № 2358.

Структура сочинения: основная часть состоит из 14 писем. Каждое письмо датировано: указаны год, месяц, день, час. Письма разного объема: от 3 до 9 л. Письма написаны семи- и десятисложными стихами с небольшими прозаическими вставками, в которых объявляется о прибытии того или иного божества, либо божество, прибывшее с письмом от Золотой матушки, представляется само. Приложение написано прозой, состоит из 12 частей.

Схема письма: дата - семисложные стихи - проза (назван доставивший письмо) - десятисложные стихи (текст самого письма) - семисложное четверостишие (передавший письмо объявляет о выполнении поручения и возвращении).

Содержание

Сочинение содержит 14 писем, посланных Золотой матушкой своим детям, обитающим в бренном мире. Первое письмо датировано вторым днем третьего месяца года бин-сюй правления Гуан-сюй (1886). Последнее - восьмым днем третьего месяца года дин-ю правления Гуан-сюй (1897).

В качестве примера приведем третье письмо:

Ниспослано в третий день третьего месяца года у-цзы /правления/ Гуан-сюй (1888.- Э.С.), в час сюй (от 7 до 9 часов вечера. - Э.С.).

Стихи гласят:

Пара фениксов прилетела с Девятиярусного неба,
Хочет спасти десять тысяч цветов лотоса, что пребывают
в бренном мире.
Хочет лишь, чтобы живущие приложили усилия,
Перевозит людей на корабле, созидает добрую судьбу-удел.

Я, Сюй Фэйцюн, бессмертная дева с Яшмового пруда, спустилась вниз. Получила приказ Золотой матушки передать письмо, спуститься в бренный мир, переправить изначальных людей.

В год у-цзы матушка
с Яшмового пруда
передала в мир письмо,

Адресовано оно лишь
алтарю Абрикосового света,
залу Журавлями посещаемому.

Матушка на небе надеется,
что сыны и дочери
вскоре вернутся в родную сторону,

Невозможно жаждать
славы и выгоды,
позабыть ради них родину.

Далее следует десять советов-наставлений, которые Золотая матушка дает своим детям. Это призыв быть почтительными к родителям, быть преданными подданными, быть любящими и добрыми родителями, быть добрыми женами, помогать людям в трудную минуту, выручать их из беды, совершенствовать свое тело и т.п. Далее говорится о необходимости соединения "отрока" и "девы", о приведении в гармонию воды и огня для получения пилюли, выплавления нетленного, алмазного тела. Жажда богатства и знатности, восхищение славой и блеском, наставляет Золотая матушка, все это пустое, эфемерное, подобно свече на ветру или инею на крыше. Необходимо совершенствоваться для достижения долголетия, а после смерти это позволит избежать подземной тюрьмы, отправиться на небо, прибыть к матушке на Яшмовый пруд. Далее матушка выражает надежду, что дети ее в бренном мире заблаговременно приготовят поднос с песком и деревянную кисть (т.е. принадлежности гадания по способу фулуань.-Э.С.), тогда матушка сможет передать им письмо с наставлением, сможет спасать их повсеместно. Она обещает переправить всех смертных, а также и предков их, прежде умерших. Золотая матушка рассказывает, что она, пребывая на Яшмовом пруду, целыми днями думает о своих сыновьях и дочерях, думает, как бы помочь им достичь великой истины, подняться на корабль милосердия и отправиться к небесному дворцу, вернуться к корню, к истоку; напоминает изначальным людям, что следует совершать добрые поступки, что все добрые дела записываются божествами в специальные книги, чтобы в дальнейшем воздать добром за добро.

Письмо, как и все остальные письма, заканчивается семисложным четверостишием:

Передала письмо, вернулась на небо бирюзовое,
В рукавах еще сохранился дымок яшмовой печи.
Яшмовый пруд – вот страна божеств, бессмертных,
Стоит съесть лишь один персик бессмертия и обретешь
долголетие на десять тысяч лет.

с 106

呂祖真經 "Истинная сутра патриарха Люя" (на обложке);
呂祖真經內附導濟仙方 Люй-цзу чжэнь-цзин. Нэй фу Бо цзи сянь фан – "Истинная сутра патриарха Люя. С приложением Святого рецепта повсеместной переправы" (на титульном листе).
學院前廣經閣藏板 "Доски хранятся в печатне Гуанцзингэ, что перед училищем (предположительно, Гуанчжоу)".

宣統三年仲春重鐫 "Повторно вырезано весной 3-го года правления Сюань-тун (1911)".
Ксилограф. Брошюровка: книжка, прошитая нитками, в бумажной обложке. Экземпляр в хорошем состоянии.
1 бэнь. 21,2 x 13,4; 18,2 x 10; 4/17 и 6/17.
1 + 1 + 13 (1а иллюстрация: изображение патриарха Люя, переходящего озеро Дунтинху).
Текст смешанный, стихотворный и прозаический. Текст размечен нерегулярно.
Из коллекции Алексеева, 28. Каталог 1973, т.2, № 2150.

Содержание

Книга, состоящая из ряда самостоятельных стихотворных и прозаических текстов, имеющих свои заголовки, открывается четырехсложным восьмистишием, в котором людей бренного мира призывают творить добро и не делать зла. Из десяти тысяч зол прелюбодеяние объявлено главным, а сыновняя почтительность считается главнейшей среди сотни добрых поступков.

Далее говорится о том, что распространение этой книжки, все новые и новые переиздания ее равнозначны десяткам тысяч добрых поступков, что книга эта ниспослана на алтарь при гадании по способу фулуань лично самим патриархом Люем из сочувствия к людям, дабы указать им прекрасный способ избавления от всех страданий.

В прозаическом отрывке, озаглавленном "Автобиография патриарха Люя", рассказано о жене и сыновьях Люя, о предсказании физиогномиста, перечислены имена и прозвания патриарха. Преуспев в чиновничьей карьере, Люй-цзу уединился в горах, где постиг истину.

В "Священном заклинании бодхисаттвы князя Чжунь-ти" приведен текст дхарани. В "Драгоценном указе о назначении на должность патриарха наставника Люя" утверждается, что Люй-цзу является на зов каждого, кто нуждается в нем. Объявляется о назначении Люя на должность министра яшмовочистого дворца, бессмертного в золотом дворце, наставника трех учений, истребителя оборотней, а также на должность помощника владыки, премьер-министра третьего ведомства, небом чтимого распространителя сокровенного дао.

Далее следует "Заклинание первонаставника Люя 'Отпускайте живых тварей на волю'", где добрых людей призывают не губить живых тварей, не убивать их, а отпускать на волю. Заканчивается заклинание дхарани. За ним следует прозаический текст без названия, в котором говорится, как изготовить амулет и как декламировать заклинания после сожжения этого амулета, когда воскурять благовония, сколько свеч зажечь и какому божеству их поднести.

Сама "Истинная сутра патриарха Люя" открывается вступительным заклинанием кайцзинчжоу и заканчивается заключительным заклинанием цзецзинчжоу. В сутре говорится, что Люй пребывает во дворце Лао-цзюня. По приказу небесного владыки он инспектирует деяния людей, докладывает Яшмовому императору о добрых и злых поступках людей. Те люди, которые творят добро и читают каждый день "Истинную сутру патриарха Люя", могут быть уверены, что никакая беда их не коснется.

Кроме указанных выше, в книге содержатся следующие тексты: "Великое божественное заклинание, спасающее от урагана-ветра, избавляющее от опасности", "Божественное заклинание помощника владыки Люй-цзу, спасающее от страданий и бед", "Различные стихи, наставляющие мир и ниспосланные вновь /с помощью гадания/ луань", "Песня первонаставника Люя 'Не убивайте живых тварей'", "'Тайные добрые деяния' владыки Вэньчана".

С 475

善宗寶卷 "Баоцзюань о добродетели". 版存上海河南路宏大善書局 "Доски хранятся в печатне добродетельных книг Хунда, что на улице Хэнаньлу в Шанхае". 壬戌仲春之吉 "/Издано/ весной года жэньсюй (1922)".

Литография. Брошюровка: книжка, прошитая нитками, в бумажной обложке. Экземпляр в хорошем состоянии.

1 бэнь. 19,9 x 13,4; 17 x 11; 14/28.

31 + 2 (1а–2а три предисловия, датированные 1919 г. и подписанные именами божеств: владыки Гуаня, помощника владыки Ли, бодхисаттвы Гуаньшиинь; 2 л. после текста: издательский проспект, перечень 152 изданий, выпущенных данной печатней).

Текст прозо–метрический, стихи пяти– и семисложные.

На обложке печать с дарственной надписью: 董憲章敬贈 "Дун Сяньчжан почтительно подносит".

Из коллекции Азиатского музея, опись 1925, 15. Каталог 1973, т.2, № 2423; см.: Ли Шиюй, № 374.

Содержание

Сочинение представляет собой наставления, ниспосланные якобы бессмертными, небесными владыками, буддами, бодхисаттвами. Утверждается, будто они "спускаются на алтарь", устроенный верующими, и диктуют свои послания. Время этих нисхождений: с 27 числа десятого месяца по 18 число двенадцатого месяца, днем и вечером. Год не указан. В течение этого времени было проведено 27 сеансов.

Наставления представляют собой рассуждения о добре и зле, об ухудшении нравов в современном мире, призывы соблюдать морально–этические нормы поведения, быть верными долгу, искренними, преданными, почтительными к родителям и вообще к старшим. Говорится о том, что небо посылает бедствия, чтобы предупредить людей, но люди не хотят одуматься и исправиться. За добрые дела божества обещают людям свое содействие в получении наград в этой жизни и после смерти, а совершающим злые дела грозят наказанием.

Вот пример наставления божественного государя Ли /шэньцзюня/, ниспосланное второго числа одиннадцатого месяца:

"Получил приказ охранять курильницу. Я родился и вырос в западной Шу (т.е. в западной Сычуани. – Э.С.). Обладал кое–какими добродетелями. После смерти назначен сюда руководить собранием. Сегодня вечером вы пригласили меня прибыть на этот алтарь, провести время с живущими. Я контролирую проступки и заслуги живых. Все до единого записываю четко. Подаю выше для ознакомления. Наблюдаю за тем, как живые соблюдают правила охраны алтаря. Совершили подвиг – будет награда. Совершили проступок – будет наказание".

Далее уже в стихотворной форме Ли шэньцзюнь призывает верующих быть добродетельными, обещает награду за добрые дела, а за злые грозит наказанием, обещает свою помощь добродетельным людям, а распутникам грозит преследованием и лишениями.

В тот же день алтарь еще "посетили": бессмертный учитель Цзо Бо, батюшка дух земли данной местности и первонаставник Хуа То. Все они "призывали" собравшихся соблюдать порядок вещей, дарованный небом, говорили о непреходящих ценностях – гуманности, чувстве долга, почтительности к родителям, уважении старших и младших, верности, скромности, о том, что люди зачастую мало чем отличаются от птиц и зверей. Они рабо–

лепствуют перед высшими и глумятся над низшими, пренебрегают родителями, лишаются друзей, втираются между супругами, творят множество дурных поступков, а между тем человек должен соблюдать пять правил взаимоотношения людей. За добрые деяния, за верность и искренность человека ждет награда – он станет министром на небесах, бессмертным в Яшмовой стране, а злые деяния приведут его в царство тьмы, где он будет рядовым бесом в подземной тюрьме.

Утверждается, будто сам Гуань-ди спустился на алтарь и дал название сочинению. В конце сочинения Ли говорит, что получил повышение: Яшмовый император назначил его богом-покровителем (чэнхуаном) данной области.

Основные божества: Гуань-ди и Вэнь-чан, Гуаньинь и Люй Дун-бинь. Главные духи, которых считают охраняющими алтарь и осуществляющими связь с верховными божествами, объявляющими верующим об их прибытии: Чжан шэньцзюнь и Ли шэньцзюнь, видимо, простые смертные, получившие после смерти ранг божества. Так, Чжан говорит о себе: "Я уроженец Чжэцзяна. При жизни был ученым-конфуцианцем, за добродетельные поступки удостоился назначения сюда на должность духа, охраняющего алтарь и ведущего запись событий". В дальнейшем, когда Чжан Чжэн получил повышение, императорским указом он назначен на должность бога-хранителя города, а его обязанности хранителя алтаря и распорядителя перешли к Ли шэньцзюню.

В наставлениях объявляется, что происходящие в настоящее время бедствия посланы небом, дабы пробудить мир. Для спасения от этих бедствий необходимо следовать наставлениям, совершать добрые поступки, соблюдать пять норм поведения – таков призыв, обращенный к слушателям.

У. Баоцзюань, излагающий вероучение секты Желтое небо

G 7

普明如來無為了義寶卷 "Баоцзюань о познании буддой Пу-мином конечного смысла недеяния". Место издания не указано. Предположительно, Пекин.

萬曆二十七年孟冬重刻 "Издано вторично зимой 27 года правления Вань-ли (1599)".

Ксилограф. Брошюровка: свиток, сложенный гармоникой. Обложки представляют собой твердый многослойный картон. Верхние обтянуты сине-серой парчой, расшитой серебряной нитью, с тканым рисунком (разноцветные цветы и фрукты). Нижние обложки обтянуты однотонным шелком – синим (цз. шан) и желтым (цз.ся). На верхних обложках наклейки из синей бумаги с названием сочинения, написанным выцветшей от времени черной тушью. Экземпляр в хорошем состоянии. Издание выполнено на высоком уровне.
2 бэня, 2 цз. (шан, ся). 38,3 x 12,8; 27,9 x 12,8; 8/15.
Цз.шан: 47 полных и 1 неполный лист; цз.ся: 45 полных и 1 неполный лист; Пагинация на месте склейки листов, хорошо просматривается на свет, раздельная, по цзюаням. Для удобства пользования нами введены условные страницы – один полный разворот. Таких условных страниц в сочинении 232: 119 в цз. шан, 113 в цз. ся. Иллюстрации: в начале цз. шан изображение Будды Шакьямуни на лотосовом троне в окружении будд и бодхисаттв; в конце цз.ся изображение бодхисаттвы Вэйто. В тексте много заставок – благопожелательных символов; жемчужина чинтамани, ваджра, мандала, листья дерева бодхи и т.п.
Сочинение состоит из 36 глав, вступительной и заключительной частей. Названия глав: 1. Жулай Шакьямуни. 2. Жулай Алмазный нетленный. 3. Жулай

Драгоценный свет. 4. Жулай Почтенный князь дракон. 5. Жулай Усердный в ратном деле. 6. Жулай Усердный в наслаждении. 7. Жулай Драгоценный огонь. 8. Жулай Драгоценный свет луны. 9. Жулай Явивший отсутствие невежества. 10. Жулай Драгоценная луна. 11. Жулай Лишенный скверны мира. 12. Жулай Отрешившийся от скверны мира. 13. Жулай Отважный податель. 14. Жулай Чистый. 15. Жулай Чистый податель. 16. Жулай Солюна. 17. Жулай Божество вод. 18. Жулай Благость твердости. 19. Жулай Сандаловая благость (цз.шан). 20. Жулай Неисчерпаемый свет. 21. Жулай Благость света. 22. Жулай Беспечальная благость. 23. Жулай Налоянь. 24. Жулай Цветок благости. 25. Жулай Свет лотоса Являющий чудеса. 26. Жулай Благость богатства. 27. Жулай Благостная память. 28. Жулай Благость славного имени. 29. Жулай Князь Огненный императорский стяг. 30. Жулай Благость славного странника. 31. Жулай Победоносный. 32. Жулай Славный странник. 33. Жулай Всеукрашенная благость. 34. Жулай Странник Драгоценный цветок. 35. Жулай Драгоценный цветок лотоса Благоживущий Князь дерева Соло. 36. Жулай Познавший конечный смысл неделяния Пу-мин (цз.ся).

Текст прозо-метрический. Стихи ши пяти-, семи-, десятисложные, стихи цы, арии цюй. Текст не размечен.

Из коллекции Библиотеки Азиатского департамента, 257. Каталог 1973, т.2, № 2180; Каталог 1843, № 257; см.: Ли Шиюй, № 294.

Структура сочинения: вступительная часть, 36 глав, заключительная часть. Схема глав: название - проза - стихи ши (пяти- или семисложные) - стихи ши (семи- или десятисложные) - стихи цы - ария цюй.

Содержание

Вступительная часть сочинения открывается пятисложным четверостишием, следующим непосредственно после названия сочинения. Далее идет благопожелание трем драгоценностям: Будде, учению, монашеской общине. После вступительной гатхи (семисложного четверостишия) следует прозаический текст, повествующий о милосердии и сострадании будды Пу-мина и призывающий слушателей очиститься и покинуть бренный мир, воссоединиться со своей матушкой, воспользовавшись счастливой долей - встречей с учением Желтого неба. За прозаическим отрывком следует стереотипное семисложное двустишие, представляющее собой обычное для сочинений жанра баоцзюань обращение к учению, буддам всех сторон и монашеской общине, восхваление колеса учения, которое вращается вечно и спасает все сущее.

Далее следует большой прозаический отрывок. В нем представляется Пу-мин, говорится об учении бодхисаттвы Пу-сянь, которое называется Великий путь Абсолютной истины и избавляет от страданий бренного мира. Излагаются космогонические представления вероучения Желтого неба, являющиеся смешением даосских и буддийских понятий. Говорится о пилюле бессмертия, о различных стадиях и способах ее образования. Изложены буддийские понятия о трех драгоценностях, трех учениях, трех формах единого будды, о буддах трех миров. Далее следует призыв к избавлению от страданий от колеса перевоплощений, к достижению блаженства и самоестественной свободы. Утверждается, что каждый человек может стать буддой и вращать вместе с ним колесо учения.

В семисложном четверостишии повторены некоторые положения, изложенные прозой. За четверостишием идут семисложные стихи, озаглавленные "Исполнение истинной сутры". В них объявляется о начале исполнения "Баоцзюань о Пу-мине", все будды приглашаются низойти в собрание. Предлагается зажечь пять благовонных свеч. К божествам и драконам обращена просьба о поддержке и помощи для избавления от мирской скверны.

Слушателей призывают со вниманием и почтением выслушать рассказ о буддах, вышедших за пределы трех тысяч миров, освободившихся из пучины страданий.

В следующих за этим стихах жанра цы повторяется приглашение всем буддам низойти в собрание, сообщается, что золотые отроки и яшмовые девы проводят добродетельных верующих в край родной, где они будут избавлены от моря страданий, достигнут страны блаженства. Пятисложное четверостишие, следующее далее, повествует о повсеместности непревзойденного сокровенного закона, уразумение которого открывает ворота чистоты.

В прозаическом отрывке далее повествуется о соборе будд трех миров на Священной горе, о трудностях познания сокровенного закона (т.е. буддийского учения), пришедшего с запада, о необходимости спасти не только себя, но и своих предков, души которых после смерти попали в царство тьмы и не могут оттуда выбраться. Рассказывается, что будды и бодхисаттвы спускаются в царство тьмы, спасают души предков, возвращают их в мир света, где они могут приобщиться к Великому пути Желтого неба и вместе со всеми возвратиться в край родной.

В десятисложных стихах слушателей призывают к добродетели, в них рассказывается о колесе закона, постоянно озаряющем все сущее, о жемчужине, испускающей свет, который озаряет небо и землю. Заблудшие существа не ведают истины, они жадны и любят богатство, убивают животных, едят мясо и пьют вино. Таким людям трудно выбраться из моря страданий, они обречены на бесконечные перевоплощения на шести путях, в четырех видах рождения. Будда Амитаба, наблюдающий все это, проникся состраданием к заблудшим и омраченным тварям, стал повсюду спасать все сущее.

Далее опять следуют стихи цы, в которых варьируется сказанное в предшествующем отрывке. За этими стихами следует ария на мотив "Аромат коричной ветви", состоящая из четырех куплетов. В них повторяются некоторые понятия, изложенные выше в тексте баоцзюань, – отмечается бренность мира, содержится призыв к совершенствованию, достижению свободы от перевоплощений, овладению сокровенностью недеяния, Священным путем Желтого неба. Говорится, что лодка закона спасает все сущее, указывает путь к вечной жизни. Надо лишь приложить старания, усердно трудиться, и тогда тело станет прозрачным, покинет море страданий, вернется в родной дом.

Все главы сочинения посвящены так называемым "35 буддам покаяния" и будде Пу-мину (последняя глава). Независимо от того, какому будде посвящена глава, о нем самом почти ничего не говорится. Лишь одна-две фразы в самом начале прозаической части разъясняют имя будды, отдельные слова, входящие в состав его имени. Иногда объясняются те или иные слова и понятия, говорится о пути жулая к просветлению. Весь же остальной текст глав пронизан призывом к спасению из суетного мира, к совершенствованию, к просветлению, достижению бессмертия, нирваны, к возвращению в свой край родной, к матушке У-шэн лаому, т.е. слушателей и читателей как бы призывают следовать примеру жулая – героя той или иной главы.

Первая глава посвящена Будде Шакьямуни (Шицзя). Как и все прочие главы, она начинается прозаическим отрывком, в котором говорится, что жулай Шицзя почитаем во всех трех мирах, что он – первосущее начало всех вещей. Перевоплощаясь тысячи, десятки тысяч раз, принимая различные облики, он повсюду спасает живые существа, озаряет все вокруг своим светом. Далее говорится о заблудших тварях, отвернувшихся от истинного пути, жадных до пяти мирских соблазнов. Они испачкали свое чистое тело, утратили частицу истинного духа древнего будды. Тем не менее будда со-

страдателен, утверждает рассказчик. Он проповедует истину недеяния, скандирует истинную сутру ненаписанную, благодаря чему десять тысяч законов сами собой исчезают.

За этим прозаическим текстом следует семисложное четверостишие, рассказывающее об этапах "выплавления золота".

В десятисложных стихах, следующих далее, людей, занимающихся самоусовершенствованием, наставляют не жалеть усилий, денно и нощно трудиться, дабы они не уподобились некоторым из детей матушки У-шэн лаому, жадных до суеты мирской, домогающихся богатства, падких на соблазны. Они вызывают гнев своей матушки, им не уберечься от демона смерти, от владыки подземного царства Янь-цзюня. Заблудшие твари не в состоянии прозреть, даже столкнувшись с Великим путем, проповедуемым буддой Амитабой.

В стихах жанра цы совершенствующих свои поступки людей заверяют в том, что они познают конечный смысл, достигнут выхода из круговращения перевоплощений.

Замыкающая гл. 1 ария на мотив "Сутра, написанная золотыми знаками", посвящена преимущественно даосским способам питания духа, дыхательной гимнастике, достижению вечной юности, блаженства и свободы.

Глава 2 названа именем жулая Алмазного нетленного. Однако даже первые слова прозаического текста, которым начинается глава, не говорят о жулае. Речь идет о людях. В каждом из них есть природа будды. Однако люди не ведают о частичке истинного духа в себе, утверждает автор. Они жадны до мирского, домогаются лишь иллюзорного, ищут богатства и знатности. Следуя закону деяния, они читают сутры, произносят молитвы, строят храмы, возводят пагоды. Но все это не есть истинное. Раз у людей есть тело, есть у них и страдания. Карма их тяжела, как гора. Поэтому автор призывает людей стремиться к достижению совершенства, а для этого упорно трудиться.

Семисложное двустишие как бы подытоживает сказанное выше. В нем рекомендуется культивировать истинное, не держаться иллюзорного.

В десятисложных стихах идет речь и о даосской пилюле бессмертия, волшебные свойства которой считаются особенно эффективными после девятикратного "плавления", и о древнем будде Амитабе, радующемся спасению достойных из бренного мира, и о гатхе недеяния, способной привести к просветлению, избавить от моря страданий, дать возможность увидеть матушку У-шэн лаому, и о вечно вращающемся колесе закона, и о заблудших существах, обрекших себя на пучину бесконечных рождений.

Стихи цы, следующие за десятисложными стихами ши, повествуют о достижении долголетия, равного долголетию будды, о посещении пира в Персиковом саду теми, кто сумеет соединить в гармонии природу и судьбу.

Сразу за стихами цы следует ария на мотив "Козел на горном склоне", которая завершает главу. В ней рассказывается о том, как нелегко спасать людей из моря страданий. Взяв с собой пилюлю бессмертия, будда спустился в бренный мир. Он хочет помочь людям понять великую мысль, пришедшую с запада, раскрывающую природу и избавляющую от колеса перевоплощений. Слушателей призывают покинуть колесо перевоплощений, воссесть на Лотосовом пруду. Только покинув мир Яньфу, исчерпают они время своего пребывания в круговороте перевоплощений.

У1. Баоцзюань, излагающий исторические события – падение династии Мин

С 26

佛說崇禎爺昇天十忠寶卷 "Рассказанный буддой баоцзюань о вознесении на небо государя-батюшки Чун-чжэня и о

десяти верных подданных" (на обложке цз.чжун); 佛 說 崇 禎 爺 賓 天 十 忠 臣 盡 節 寶 卷 Фо шо Чун-чжэнь е бинь тянь ши чжун чэнь цзинь цзе баоцзюань - "Рассказанный буддой баоцзюань о посещении неба государем-батюшкой Чун-чжэнем и о кончине десяти верных подданных"(в конце цз.шан перед текстом цз.чжун); 佛 說 崇 禎 爺 賓 天 寶 卷 Фо шо Чун-чжэнь е бинь тянь баоцзюань - "Рассказанный буддой баоцзюань о посещении неба государем-батюшкой Чун-чжэнем" (в конце цз.чжун); 崇 禎 爺 Чунчжэнь е - "Государь-батюшка Чун-чжэнь" (на сгибе листа).

Место и время издания неизвестны (отсутствует титульный лист, обложка и начало цз.шан). Судя по косвенным данным, издано во второй половине XVII-XVIII в.

Ксилограф. Брошюровка: книжки в бумажной обложке, листы склеены. Каждый цзюань состоит из двух книжек. Деф.: в цз.шан отсутствует л.1-2а, в цз.ся л.1-13. В цз.шан на листах коричневые пятна - подпалины. Из обложек сохранилась только одна - цз.чжун.

Издание дешевое.

3 цзюаня. 21,5 x 13,6; 18,8 x 12,5; 12/25.

Пагинация по цзюаням, от 1 до 25: в первой книжке л.1-13, во второй л.14-25. Цз.шан: 2а-25б, цз.чжун: 1а - 25б, цз.ся: 14а - 25б.

В сочинении 24 главы. Названия глав: 1. Императору подают доклады о недобрых знамениях неба. 2. Духи, поднявшие шум в аудиенц-зале, отступили. 3. В храме Таймяо поднес жертву предкам. 4. В красных сундуках найдены пять изображений умерших. 5. Наваждения злого духа в запертом павильоне. 6. Во дворце Вэньхуа поднесено днем три картины. 7. На большой аудиенции военные и гражданские разглядывают картины. 8. Чжан Чжифа разъясняет императору три трудности (цз.шан). 9. Чун-чжэнь батюшка во сне отправляется в страну бессмертных. 10. Канцлер Чэнь разъясняет иероглиф "иметь". 11. Старый Мусульманин поднял смуту в западной Цинь. 12. Ли Цзычэн трижды осаждает Бяньлян. 13.Генерал-губернатор Гао использовал воды Хуанхэ. 14. Ли Цзычэн разделил армию и пошел походом на север. 15. Чун-чжэнь батюшка молит небо о выборе генерала. 16. Чун-чжэнь батюшка в башне Дилоу устраивает проводы (цз.чжун). <...> 22. Евнух Ван помогает императору покинуть дворец. Чун-чжэнь открывает ворота, спасаясь от беды. 23. Чун-чжэнь батюшка и евнух Ван, государь и подданный, покоряются небу. 24. Чун-чжэнь батюшка и Ван Чэньэнь становятся божествами, возвращаются на место. Десять верных подданных погибают, не имеют возможности отблагодарить государя (цз.ся). Прозаический текст сочетается с четырех-, пяти-, семи- и десятисложными стихами ши, стихами цы, ариями цюй.

На обложке цз.чжун почерком XVIII в. сделана надпись на бумажной наклейке: " № 31. Последнее завещание и сожаление о потере государства тайминскаго последнего хана дайминскаго называемаго чунжин. 7."

Прозаический текст не размечен.

Из коллекции Броссе, УШ, 70 d (цз.шан, 25б). Каталог 1973, т.2, № 2300; Каталог 1818, № 194.

Структура сочинения: вступительная часть (проза и стихи - семисложные и пятисложное четверостишие), 24 главы, заключительная часть.

Схема глав: ария - проза - стихи ши пяти-, семи- и десятисложные, стихи цы. В разных главах встречаются следующие варианты стихов.

1. Семисложные + десятисложные + цы + семисложные. 2. Четырехсложные + цы + семисложные + десятисложные. 3. Пятисложные + десятисложные + цы + пятисложное четверостишие. 4. Семисложные + десятисложные

+ цы + семисложное четверостишие. Последний вариант наиболее типичен и часто использован.

Содержание

Во вступительной части перечислены все минские императоры и их деяния. Сказано о решении неба уничтожить Мин и о недобрых знамениях, предвещающих гибель династии, о бедствиях, которые происходили в разных частях страны. В 8 главах цз.шан рассказано, что последний минский император Чун-чжэнь, озабоченный положением в стране, стихийными бедствиями, смутами, решил объявить амнистию, решил поститься и совершенствоваться, дабы повернуть колесо фортуны, спасти народ от бедствий, а династию от гибели. Подробно описана аудиенция, на которой чиновники подали императору доклады о недобрых знамениях и удивительных делах, происшедших в разных частях страны: появлении кометы, бобовом дожде и каменной муке во время голода, слезах из глаз каменной статуи, обвале городской стены в Линцю, рождении двуглавой свиньи в Сиани, появлении оборотня-людоеда в храме Ши-хуана и т.п. Перепуганный император решил совершить жертвоприношения предкам. Накануне этого дня во дворце происходили удивительные вещи. Стража увидела, что из дворцовых ворот вышла толпа вооруженных людей, а один великан вошел в храм предков.

Жертвоприношения предкам и просьба защитить страну не возымели действия - страшный, непрерывный грохот заставил императора приказать слугам отворить запечатанные много лет двери бокового зала в храме предков, откуда исходил шум. В зале оказалось пять опечатанных сундуков. На первом была надпись, в которой говорилось, что человека, которому суждено через 200 лет отпереть сундуки, постигнет несчастье-возмездие невинно казненных.

Император ознакомился с содержанием сундуков. В них, помимо доспехов, пушек, парадной одежды, лежали картины, содержание которых объяснило Чун-чжэню, что дело касается пяти генералов - духов огня, которые в свое время помогли императору Чэн-цзу (Юн-лэ) разбить северных варваров и которых император велел казнить.

Когда Чун-чжэнь приказал сжечь сундуки, рассказывается далее, из племени доносился горестный плач. А затем поднялся ураган, который с воем унесся на север, юг и запад, оттуда же появился комариный рой, налетевший на придворных и покусавший их. Позже императору было явление духа-великана и пяти людей, сидящих на карнизе башни, а затем император услышал плач, который исходил из бокового зала, запертого уже 200 лет.

В зале оказалась шкатулка, в ней три картины. Чун-чжэнь велел показать картины всем придворным, чтобы они разгадали их смысл. Однако никто не смог понять смысла картин. В конце концов чиновник палаты наказаний Чжан Чжифа сказал, что картины представляют собой загадки-ребусы и разъяснил императору их смысл. В картинах в завуалированном виде говорилось о чиновниках, обирающих народ и армию, которые вынуждены поэтому покидать свои дома, бежать куда глаза глядят и поднимать мятежи. Последняя картина предвещала беды самому императору Чун-чжэню: босой и растрепанный, он будет спасаться бегством от преследователей.

В цз.2 рассказывается о вещем сне императора. Лишь канцлер Чэнь Янь смог разгадать его смысл: сон предвещал утрату половины страны и гибель династии. Он означал, что души прежних императоров покинут храм предков, оставят династию без своей защиты. "Небо родит, небо и казнит. Разве следует оно воле человека?" - говорится о предопределении неумолимой судьбы.

Далее речь идет о мятежах в провинции Шэньси, о поражениях императорских армий, о смерти одного из предводителей мятежников Старого Мусульманина, о совете, на котором было решено разделить армию повстанцев на несколько армий со своим предводителем и со своим районом действия. Сиань была отдана Ли Цзычэну.

Отсюда он повел свои войска на Кайфэн. Трижды осаждал Ли Цзычэн город. По его приказу повсюду были развешены объявления с призывом к населению присоединяться к повстанцам, обещанием после победы дать всем землю и титулы, уничтожить чиновников-обирал. В объявлениях население оповещалось о приказе войскам не обижать народ.

Люди откликнулись на этот призыв. Как говорится в баоцзюань, "9 человек из 10 покорялись Ли Цзычэну". Хотя Ли Цзычэн не смог взять Кайфэн, город оказался в отчаянном положении - население и армия голодали, не было корма для коней, а помощи ждать было неоткуда. В довершение всего генерал-губернатор приказал прорыть дамбу Хуанхэ, рассчитывая, что воды реки вспугнут Ли Цзычэна и заставят его убраться из-под стен города. Однако Ли Цзычэн успел вовремя увести свои войска, а хлынувшие воды реки затопили все вокруг Кайфэна, и город оказался окружен водой, проникшей и в город. Погибло множество людей. А Ли Цзычэн тем временем тренировал своих воинов в Сиани. Здесь он объявил себя императором Шунь-ваном.

Из Сиани Ли Цзычэн послал в Пекин своих людей с манифестом, в котором предлагал Чун-чжэню править в землях Янь, что на северо-востоке, а ему уступить правление в землях Цинь, т.е. в Шэньси, что на западе.

Чун-чжэнь стал готовиться к решительным действиям. Он назначил командующим Ли Цзяньтая, устроил торжественные проводы, дал прощальный банкет и написал стихи в его честь. Однако командующий Ли Цзяньтай предал императора, покорился Ли Цзычэну и привел его войска к столице. Об этом рассказывается в последнем цзюане, в котором отсутствуют гл.17-20 и начало гл.21.

В сохранившейся части цзюаня ся рассказывается о судьбе близких императора после вступления войск Ли Цзычэна в Пекин - императрица, наложницы, принцессы покончили с собой, наследник покинул дворец. Сам государь метался в панике вместе с придворным Ван Чэнъэнем от одних дворцовых ворот к другим, пытаясь выбраться из дворца и укрыться в городе, но все ворота тщательно охранялись повстанцами. В конце концов, видя, что им не спастись, император и придворный повесились на дереве у подножия горы Цзиньцзяньшань.

Перед смертью им явилась среди облаков большая группа бессмертных во главе с духом звезды Тай-бо, который объявил им указ Яшмового императора, приглашающего их занять почетные места на небесах. Вместе с тем дух звезды Тай-бо объяснил, что нынешнее бедствие есть возмездие за казнь духов огня, погибших по приказу императора Юн-лэ. Этот император воплотился-де в императора Чун-чжэня, а дух огня - в Ли Цзычэна. В этой жизни встретились враги прежней жизни, и невинно казненный отомстил своему обидчику.

В последней части баоцзюань рассказывается о десяти преданных вельможах, которые, узнав о захвате столицы Ли Цзычэном и о гибели императора, не стали просить пощады у победителей, а предпочли смерть. Все они покончили с собой, были убиты повстанцами или погибли в бою. Вместе с ними кончали с собой их близкие - жены, дети, родители, слуги.

Смерть верных подданных, прославивших свое имя на тысячи лет, одобряется автором. Все они провозглашаются небожителями, спустившимися в мир, которые ныне вернулись на небо вслед за драконом-государем.

Сочинение завершается стихами, в которых всех людей призывают поскорей одуматься, начать молиться будде, поститься, совершенствоваться, творить добрые поступки, не делать зла. Ибо все злые люди будут наказаны, а добрые будут награждены. Они найдут приют в стране Высшего блаженства на Западе, выйдут из круговорота перевоплощений, достигнут просветления, поднимутся на Тот берег.

Список сокращений

Каталог 1818 – Каталог китайским и японским книгам, в библиотеке Академии наук хранящимся, по препоручению господина Президента оной Академии Сергия Семеновича Уварова, вновь сделанный государственной Коллегии иностранных дел переводчиками, коллежскими асессорами Павлом Каменским и Степаном Липовцовым. /СПб., 1818/.

Каталог 1843 – Каталог книгам, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в библиотеке Азиатского департамента. СПб., 1843. /составлен Аввакумом Честным/.

Каталог 1973 – Б.Б.Вахтин, И.С.Гуревич, Ю.Л.Кроль, Э.С.Стулова, А.А.Торопов. Каталог Фонда китайских ксилографов Института востоковедения АН СССР. 3 т., М., 1973.

Ли Шиюй – 李世瑜. 寶卷綜錄. Ли Шиюй. Сводный каталог баоцзюань. Пекин–Шанхай, 1961.

Савада – 澤田瑞穗. 寶卷の研究. Савада Мидзухо. Исследование о баоцзюанях, доп. изд. Токио, 1975.

Примечания

[1] О жанре баоцзюань см.: Баоцзюань о Пу-мине. Факсимиле. Издание текста, перевод с китайского, исследование и комментарий Э.С.Стуловой. М., 1979("Памятники письменности Востока". LУ1).

[2] 澤田瑞穗 寶卷の研究 Савада Мидзухо. Исследование о баоцзюанях. Нагоя, 1963; доп. изд. Токио, 1975; 鄭振鐸 佛曲敘錄 Чжэн Чжэньдо. Описание буддийских цюй.– Изучение китайской литературы. Т.2. Пекин, 1957., с.1068–1101.

[3] 李世瑜 寶卷綜錄 Ли Шиюй. Сводный каталог баоцзюаней. Пекин–Шанхай, 1961; см. также рецензии: Б. Рифтин, Л. Казакова, Э.Стулова./Рец. на:/ Ли Шиюй.Сводный каталог "драгоценных свитков". – НАА, 1963, № 1, с.216–220; Б.Л. Рифтин./Рец. на:/ Савада Мицуо. Исследование о баоцзюанях.–НАА, 1964, № 3, с.201–202.

РЕЦЕНЗИИ

В. С. Кузнецов

ШАХ-МАХМУД ибн МИРЗА ФАЗИЛ ЧУРАС. ХРОНИКА. КРИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ, ПЕРЕВОД, КОММЕНТАРИЙ, ИССЛЕДОВАНИЕ И УКАЗАТЕЛИ О.Ф.АКИМУШКИНА.

Издательство "Наука". Главная редакция восточной литературы. Москва. 1976. 405, 121 стр.

О прошлом той части Центральной Азии, которая ныне входит в состав Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, известно крайне мало. Это относится как к истории общественной, так и духовной жизни. В частности, так обстоит дело со средневековым периодом Восточного Туркестана, или Кашгарии, каковым общеупотребительным названием обозначается этот ареал.

В сравнении с теми странами (Египет, Греция, Китай), чья историческая традиция широко известна не только узким специалистам, но и широкому читателю, Восточному Туркестану не повезло. Здесь не сыскалось авторов, которых зачисляли в ранг "отцов истории", да и письменное наследие исторического характера казалось не только невелико по объему, но и по значимости.

Из сочинений, посвященных истории Моголистана и Восточного Туркестана, наибольшую известность получил труд Мухаммад-Хайдара Дуглата "Тарих-и Рашиди". Описываемые им события не шли далее первой половины XУ1 в. Попытки в известной степени продолжить хронологическую канву "Тарих-и Рашиди" предпринимались, но их никак нельзя признать исчерпывающими или всецело удовлетворительными. Таким образом, вплоть до настоящего времени наличие значительных лакун в воссоздании средневековой истории Восточного Туркестана периода второй половины XУ1 – второй половины XУII в. объясняется недостаточностью источниковедческой базы. В научный оборот был введен очень ограниченный круг произведений, которые не могут претендовать на полноту, а в иных случаях и на достоверность сообщаемых сведений.

В немалой степени упомянутый пробел восполняет "Хроника" Шах-Махмуда б. мирзы Фазила Чураса. Имя его и его сочинение уже не новы для исследователей. Однако сам этот труд на русском языке увидел впервые свет в переводе О.Ф.Акимушкина. Не ограничившись лишь переводом, он проделал многотрудную, кропотливую работу по составлению научного комментария, по написанию специальных разделов о самом источнике и его авторе.

Скрупулезный анализ приводимых в сочинении данных и их сопоставление дали О.Ф.Акимушкину основание по-иному, чем прежде, датировать время написания Шах-Махмудом Чурасом своего труда. В частности, академик В.В.Бартольд и другие исследователи отмечали, что "Хроника" была написана в период 1670-1682 гг. Однако О.Ф.Акимушкин считает, что Шах-Махмуд составил свое сочинение в период между началом 1673 и летом 1676г. (с.62-64). Новая, логично обоснованная, датировка памятника – несомненная творческая удача переводчика и комментатора "Хроники".

Конкретному восприятию событий и деяний определенных лиц, излагаемых Шах-Махмудом Чурасом, уяснению их побудительных мотивов в немалой степени способствуют специальный раздел "Введение в изучение памятника", а также комментарий, пространный и достаточно глубокий (в той степени, насколько это возможно на основании имеющихся источников и литературы).

В своем сочинении Шах-Махмуд воспроизвел важнейшие события бурной внутри- и внешнеполитической жизни Восточного Туркестана. Сведения, сообщаемые в "Хронике", позволяют глубже представить степень развития государственности в средневековой Кашгарии. Данные "Хроники" со всей очевидностью свидетельствуют, что в Восточном Туркестане до его завоевания ойратами, а потом империей Цин существовало единое государство - факт, принципиально важный как в научном отношении, так и политически. Сведения "Хроники" о внутриполитической жизни восточнотуркестанского общества способствуют изживанию такого неверного представления, когда понятие "Восточный Туркестан" нередко воспринимается как географический ареал, а не как определенное государственное образование. В этом плане "Хроника" достаточно обоснованно и убедительно показывает тенденциозность традиционной установки китайской имперской историографии, согласно которой Восточный Туркестан квалифицируется как некий аморфный "мусульманский удел", к которому не применимо понятие "го" - "государство". Но именно Абдаллах-хан, сын Абд ар-Рахим-хана, успешно завершил сорокалетнюю борьбу своего отца за яркендский престол и объединил, хотя и на весьма непродолжительное время, в одно государство обе части Восточного Туркестана.

По своему содержанию "Хроника" выходит за пределы повествования только о собственно Восточном Туркестане и деяниях его правителей. Она представляет собой немаловажный источник и для изучения истории казахских и киргизских владетелей. Сообщаемые о них в "Хронике" данные тем более ценны, что ни казахи, ни киргизы, как известно, не имели своей писаной истории, их сведения о своем прошлом в значительной степени представлены лишь в устной традиции (легенды, сказания, песни). Достоверность же подобного рода источников, учитывая неизбежную гиперболизацию и неадекватность событий их отражению, требует тщательной проверки[1].

Сведения "Хроники" позволяют пролить свет на затемненные страницы истории Джунгарского ханства, игравшего важную роль в жизни народов Центральной Азии. И.Я.Златкин, излагая внешнеполитическую деятельность хана Сенге, обошел молчанием, в частности, вопрос об его политике в отношении Восточного Туркестана[2]. Этот существенный пробел восполняют материалы "Хроники". Как явствует из них, Сенге не только совершал вторжения в Восточный Туркестан, но и назначал здесь правителями угодных ему людей (с.243).

Шах-Махмуд зафиксировал важнейшие сведения о внешнеполитической истории владетелей Восточного Туркестана. Естественно, что он не мог в силу тех или иных причин нарисовать абсолютно полную картину. "Примечательно, и это заслуживает определенного внимания, указывает О.Ф.Акимушкин, - что автор "Хроники" ни словом не обмолвился о наличии каких-либо связей, будь то торговые или политические, с минским или цинским Китаем" (с.17). Действительно, это обстоятельство достойно серьезного внимания. Но справедливости ради следует сказать, что, по словам самого Шах-Махмуда, правитель Хами Баба-хан неоднократно выступал в поход против Китая (с.224). Правда, чем заканчивались эти походы, автор "Хроники" не говорит. Более подробные сведения на сей счет содержатся в документах цинского двора. В 6-м году Шунь-чжи (1649 г.), как говорится в них, сын Бабай-хана Тулуньтай захватил Сучжоу и утвердился в нем. Этому непосредственно предшествовало восстание мусульман в Хэси во главе с Дин Го-чжэном. Он же и способствовал воцарению Тулуньтая в Сучжоу. По данным китайских источников, под началом Тулуньтая выступила такая мусульманская ("чалмоносная") коа-

лиция: "хунмаохуй" (紅帽回), "хуйхэрхуй" (輝和爾回), "карахуй" (哈拉回) и "ханьхуй" (漢回)[3].

В своем комментарии О.Ф.Акимушкин высказывает предположение, что сообщение китайского источника, использованного П.Пелльо, относительно попытки Тулуньтая взять в 1649 г. Ганьсу ошибочно и, видимо, речь шла о самом Баба-хане (с.312). Китайские источники однако вполне определенно сообщают, что по взятии обратно цинскими солдатами Сучжоу они пленили там Тулуньтая и отрубили ему голову[4]. Среди пленных называют также Дин Го-чжэна, хамиского предводителя Ходжу-Хацзы, старшину "чалмоносцев" Хубофэка. О Баба-хане же ничего не говорится.

По утверждению Шах-Махмуда и как говорится в комментарии О.Ф.Акимушкина, выступлениям правителя Хами против Китая систематически препятствовал владетель Турфана (с.224, 312). Тем не менее среди тех, кого казнили цинские войска, вновь овладев Сучжоу, наряду с хамискими старшинами, упоминается и владетельное лицо из Турфана - Хашикэцзя[5].

Если Шах-Махмуд и не говорит о наличии контактов (политических, торговых) между правителями Восточного Туркестана с минским двором, домом Цин, то не следует делать вывода, что таковых не существовало вообще. В частности, в 4-м году Шунь-чжи (1647 г.) цинский губернатор Ганьсу Чжан Шан докладывал трону, что в конце правления династии Мин (1368-1644 гг.) хамиский "вэйхуйхэрдуду" поддерживал посольские связи с минским двором[6]. Со стороны владетелей Восточного Туркестана имели место попытки вступить в контакты и с домом Цин. В 8-м году Шунь-чжи (1651 г.) мусульманский старшина Кэбай, прибыв на заставу Цзяюйгуань, от имени правителя Хами говорил о намерении последнего установить посольские отношения с домом Цин. В 10-м году Шунь-чжи (1653 г.) с аналогичным предложением к цинским властям обратился от имени султана Турфана Сайид-хана его посол Мусуламачабак. Наконец, в 12-м году Шунь-чжи (1655 г.) к цинским властям явился уже упоминавшийся Кэбай с грамотой яркендского хана Адула-хана[7].

Одному человеку, понятно, не под силу было в равной мере изложить все перипетии бурной и богатой событиями истории средневекового Восточного Туркестана. И когда закрываешь последнюю страницу труда Махмуда Чураса **проникаешься глубоким убеждением, что издание его вполне оправданно.**

Примечания

[1] Так, например, в "Хронике" упоминается казахский правитель Джаханшир-хан (с.226), в русских источниках фигурирующий как Янгир-султан. И.Фишер, ссылаясь на изустные предания, писал в своей "Сибирской истории", что в 1643 г. ойратский хан Батур с 50 тыс.войска напал на казахского Янгыр-султана. Последний, имея не более 600 человек, разгромил Батура, положив до 10 тыс.калмыков. "Это чистая Киргиз-Казачья (казахская. - В.К.) сказка", - с основанием заключает Я.Н.Бичурин (Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом. СПб., 1834, с.55).

[2] И.Я. Златкин. История Джунгарского ханства. М., 1964.

[3] Ци Юнь-ши. Хуанчао фаньбу яолюэ. /Б.м./, 1884, гл.15, л.2б.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же, л.2а.

[7] Там же, л.2б. Кэбай сообщил следующие данные о царствующем в Восточном Туркестане доме. Правители Хами, Турфана, Яркенда – братья. Их отец, Адула-хан, жил в Яркенде; умер давно. У него было девять сыновей. Старший – Абдула-хан, ныне в Яркенде. Второй – Абу-л-Мухаммад-хан жил в Турфане; умер два года назад, и ему наследовал Сайид-хан. Третий – Бабай-хан, правил в Хами, яркендским правителем был заточен в тюрьму, в качестве правителя Хами Бабай-хана сменил сын Абу-л-Мухаммад-хана. Четвертый – Махмуд-султан, живет в Пали (?). Пятый, Шах-хан, жил в Куче, рано умер. Шестой – Исма'ил, живет в Аксу. Седьмой – Ибрахим, живет в Хотане. Ныне яркендский хан является старшим среди братьев. См.: Ци Юнь-ши. Хуанчао ..., гл.15, л.3аб. По весьма категоричному утверждению О.Ф.Акимушкина, информация, которую давали китайским властям жители из сопредельных мусульманских владений о конкретных представителях правившей в Восточном Туркестане фамилии, не всегда была достоверной. В частности, вместо одного правителя Турфана и Чальша Султан-Са'ид-Баба-хана появилось два правителя: Султан Са'ид и Баба-хан (с.15). Однако в 10-м году Шунь-чжи (1653г.) турфанский посол Мусуламачабак представил цинским властям грамоту, на которой стояла подпись: "Султан-Сай'ит-хан" (см.: Ци Юнь-ши. Хуанчао ..., гл.15, лл. 2б-3а). Сомнительно, чтобы в грамоте была опущена часть имени "Баба".

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МВССО	–	Министерство высшего и среднего специального образования.
НАА	–	"Народы Азии и Африки". М.
ПС	–	"Палестинский сборник". М.–Л.
СИФ	–	Серия истории философии.
СЦ У	–	Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. Транскр., пер., примеч., комм. и указ. Л.Ю. Тугушевой. М., 1980.
тат.	–	татарский язык.
турецк.	–	турецкий язык.
туркм.	–	туркменский язык.
УЗ	–	"Учёные записки".
Ямада 1965	–	Nobuo Yamada. The Forms of the Uighur Documents of Loan Contracts. – «Memoirs of the Faculty of Letters Osaka University». Vol. XI. 1965.
Ямада 1972	–	Nobuo Yamada. Uighur Documents of Slaves and Adopted Sons. – «Memoirs of the Faculty of Letters Osaka University». Vol. XVI. 1972.
AO	–	«Acta orientalia». Budapest.
BZ	–	«Byzantinische Zeitschrift». München.
Clauson	–	G. Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Ox., 1972.
EI^1	–	The Encyclopaedia of Islam. Leyden–London, 1913-1936.
EI^2	–	The Encyclopaedia of Islam. New ed. Vol. I-III. Leiden–London, 1960-1971...
Hüen I	–	A. von Gabain. Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsangs. – SPAW, VII, 1935.
IA	–	«İslam ansiklopedisi. İslam alemi, tarih, coğrafya ve biografya lûgati». C.I-II... İstanbul, 1950-1967.
KP	–	J.R. Hamilton. Le Conte Bouddhique du Bon et du Mauvais Prince en Version Ouigoure». P., 1971.
MK	–	«Divanü lûgat-it-türk tercümesi. Çeviren Basim Atalay. C. I-III. Ankara. 1939-1941.
QBK	–	«Kudatgu Bilig». Tıpkıbasım. III. Mısır nüshasi. İstanbul, 1943.
QBN	–	«Kudatgu Bilig. Tipkibasim. II. Fergana nüshasi. İstanbul, 1943.
RESEE	–	«Revue des etudes sud-est européennes». Bucarest.
TOEM	–	«Tarih-i osmani encümeni mecmuasi». İstanbul.
TT VII	–	G.R.Rachmati. Turkische Turfan-Texte. VII. – APAW, XII, 1936.
USp	–	W. Radloff. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

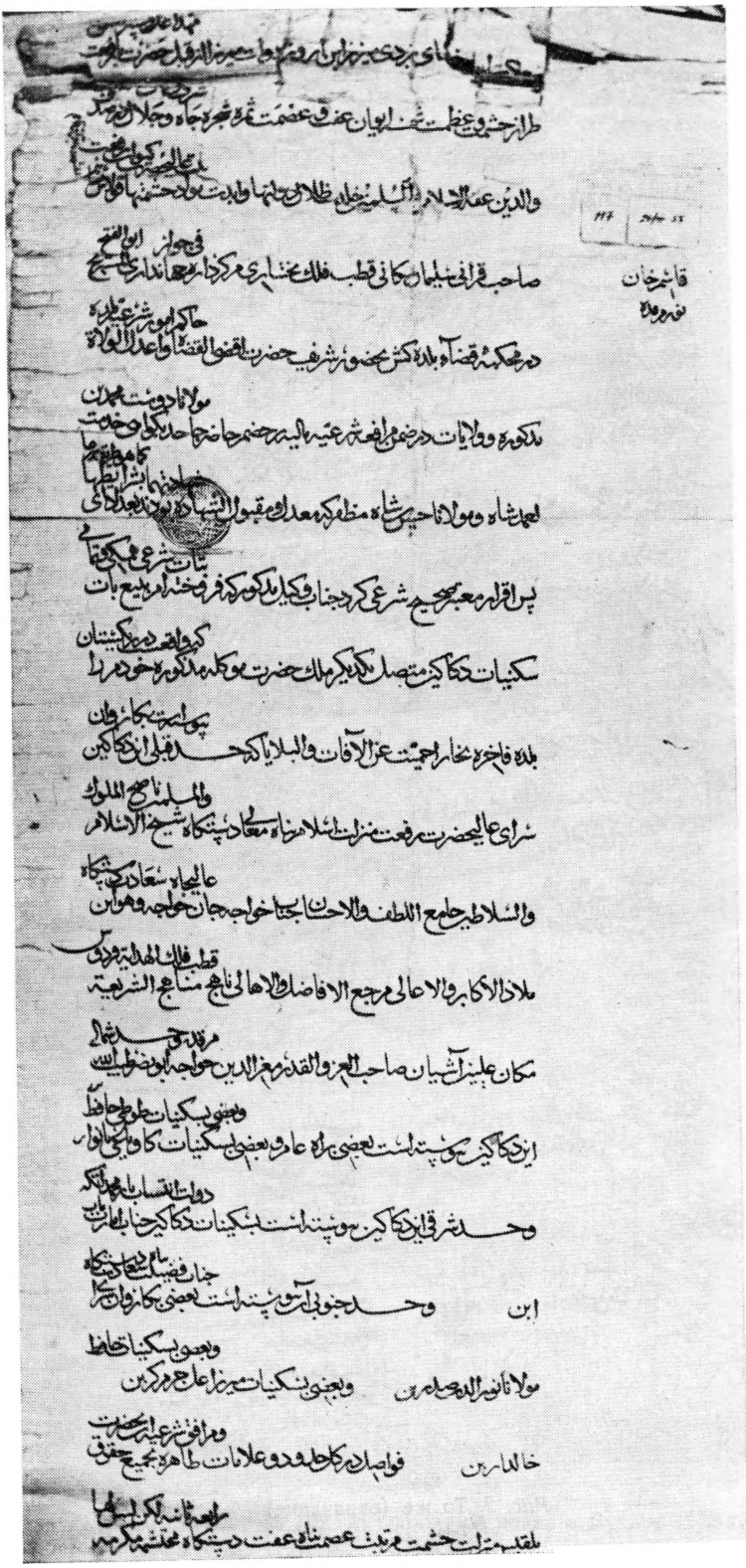


Рис. 1. Документ № 101.
Акт продажи лавок в Бухаре XVI в. (начало)

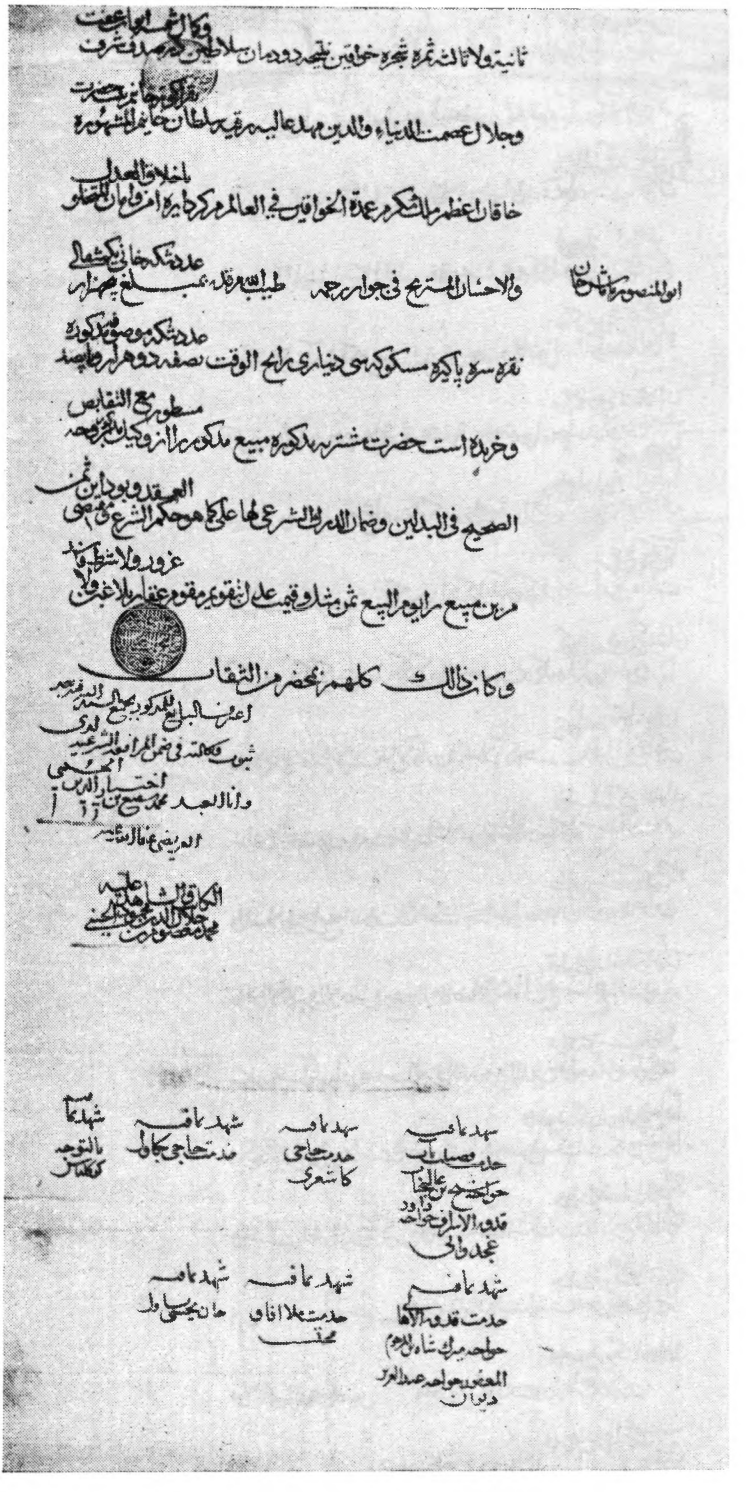


Рис. 2. То же (окончание)

Рис. 3. Документ № 102. Акт продажи лавки в Бухаре 1538 г.

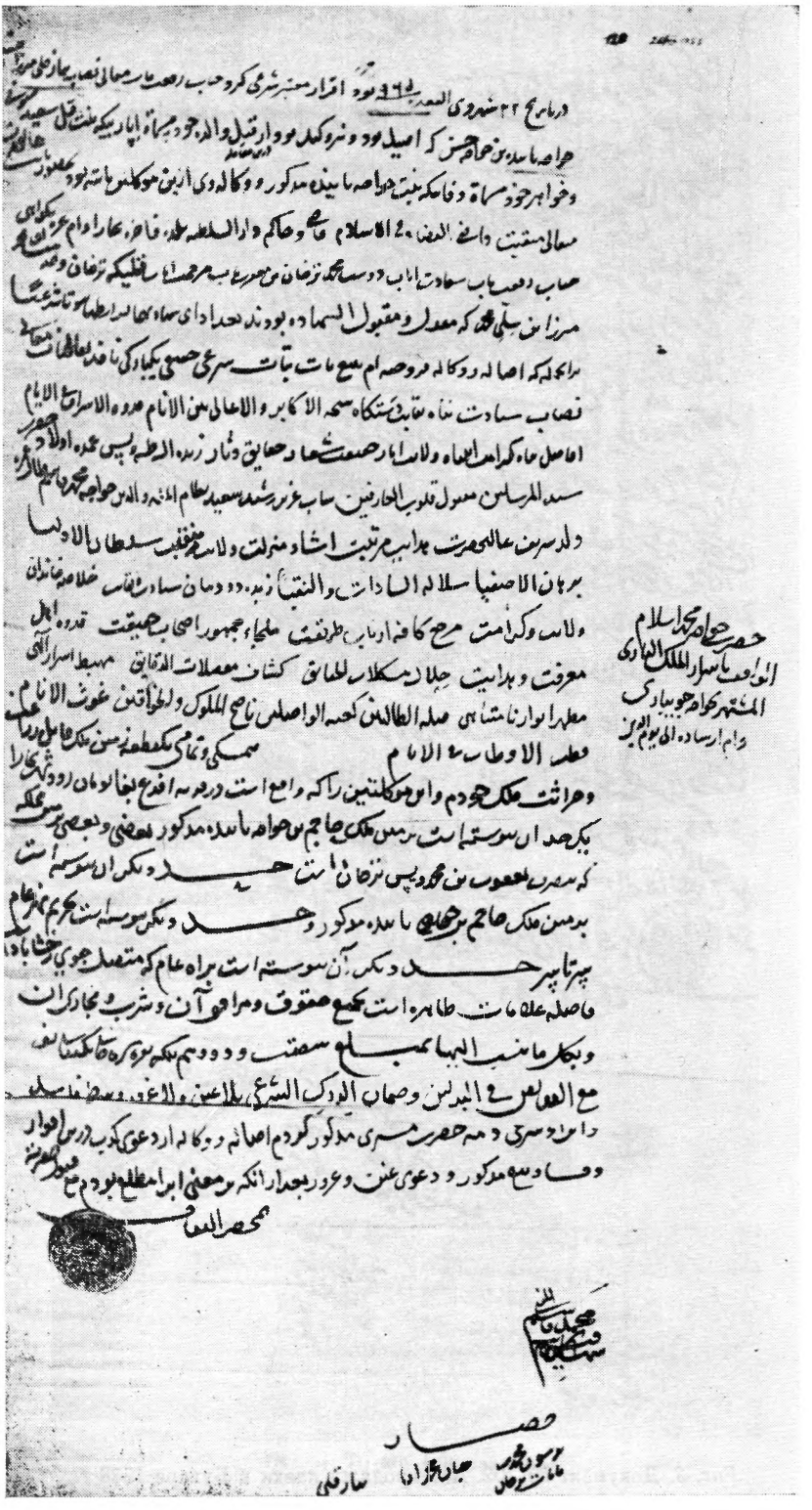


Рис. 4. Документ № 103. Акт продажи земли в Бухарском тумане 1558 г.

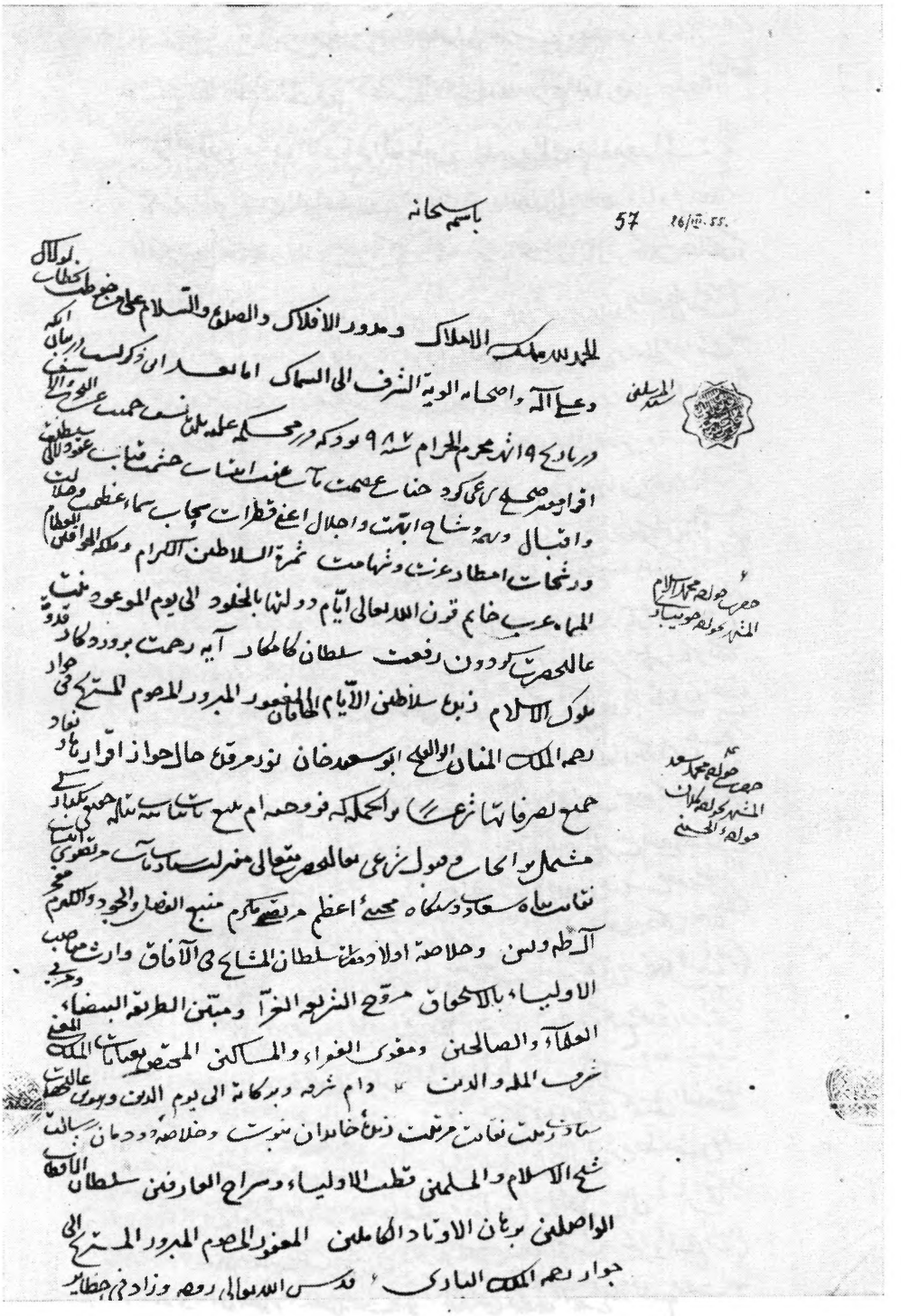


Рис. 5. Документ № 104. Акты продажи земель и селений в Самаркандском тумане 1579 г. (начало)

Рис. 6. То же (продолжение)

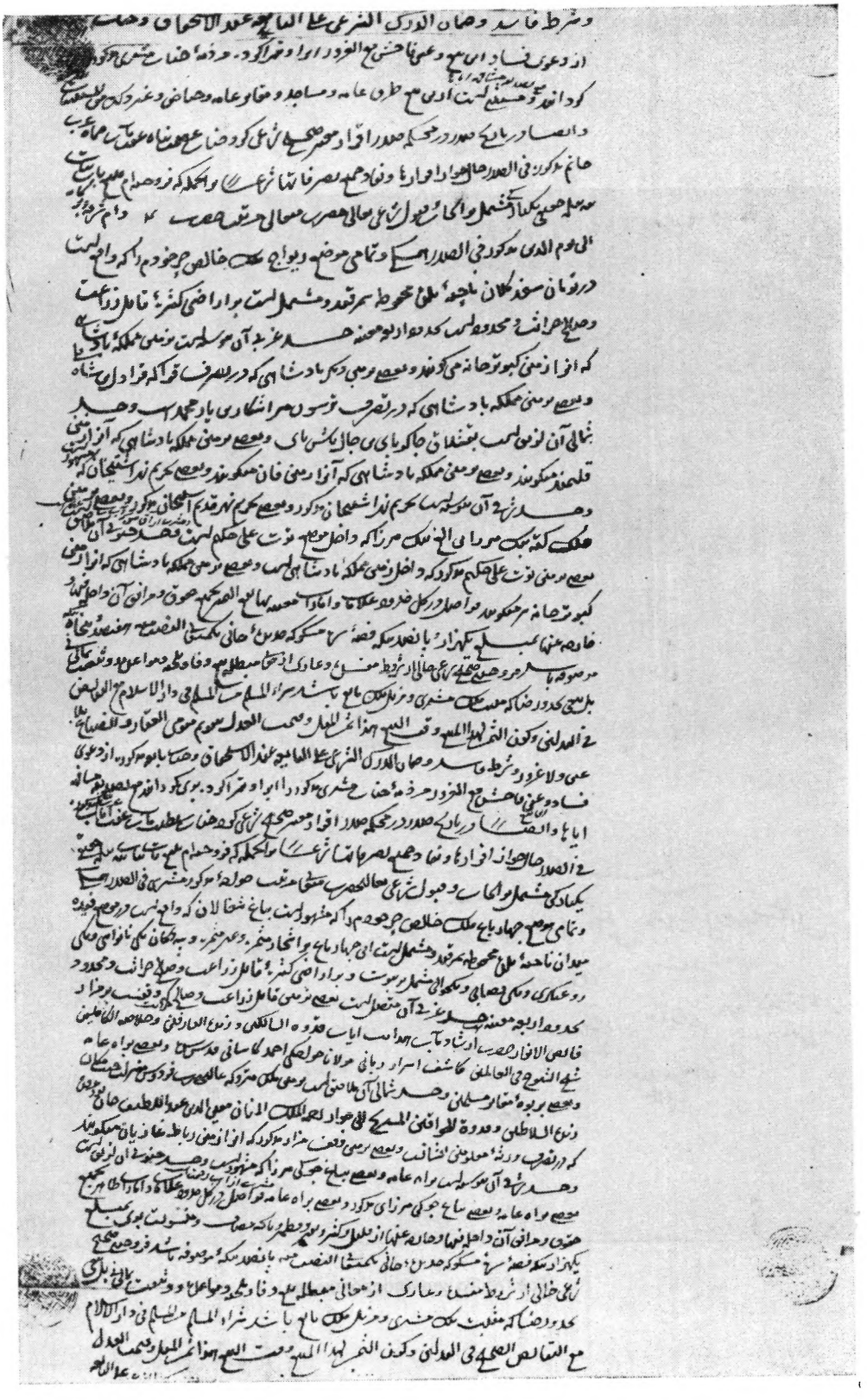


Рис. 7. То же (продолжение)

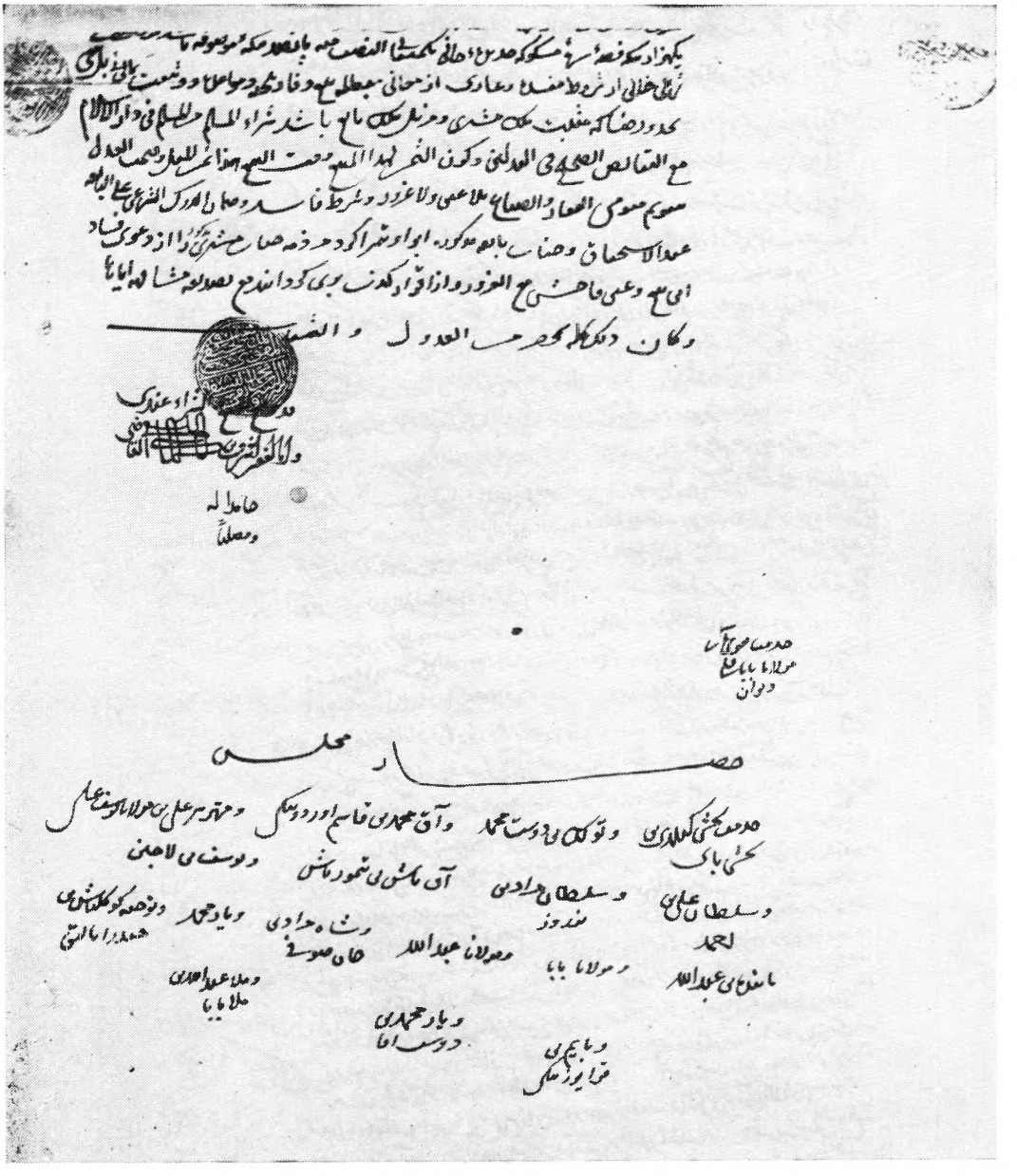


Рис. 8. То же (продолжение)

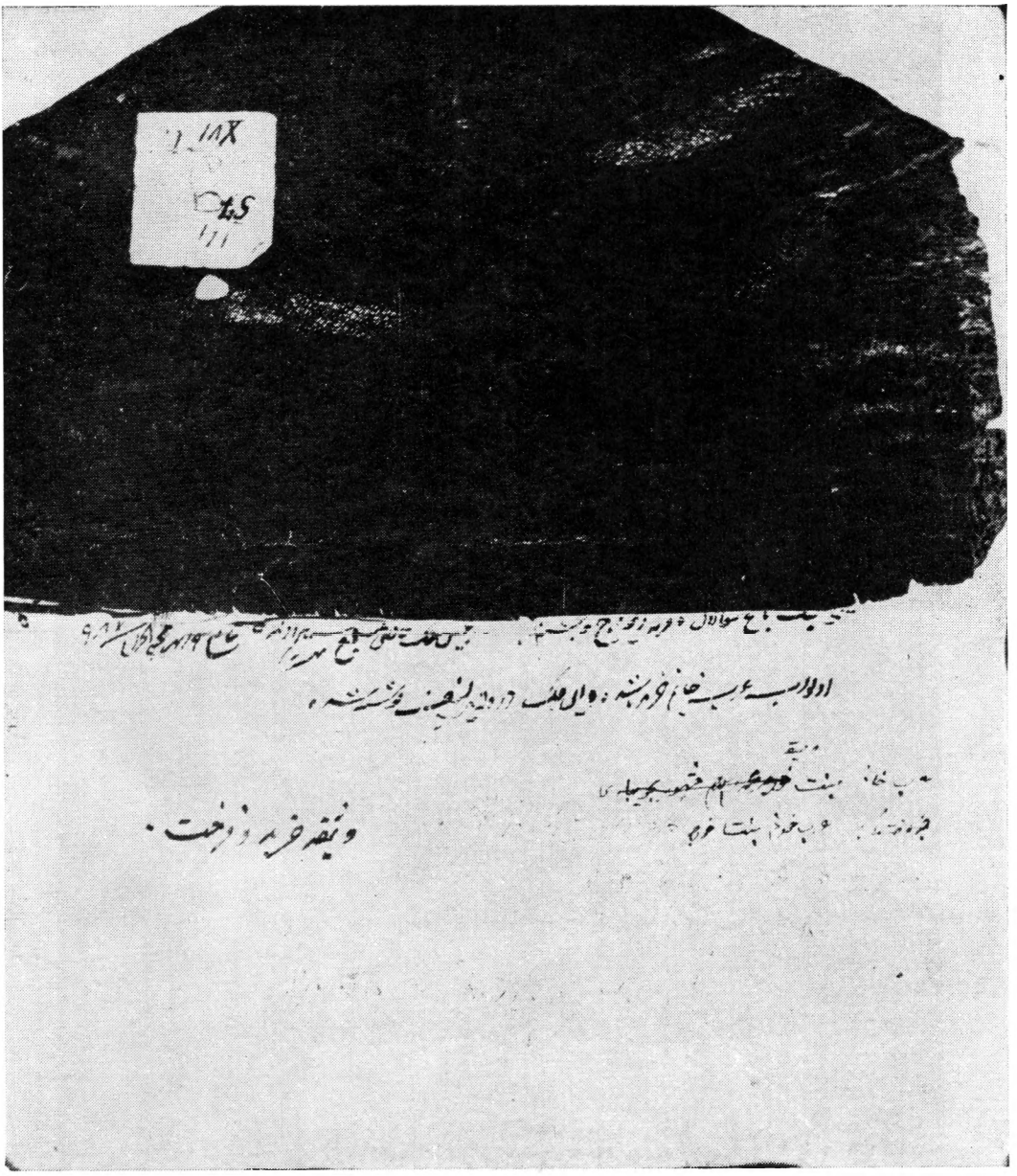


Рис. 9. То же (окончание)

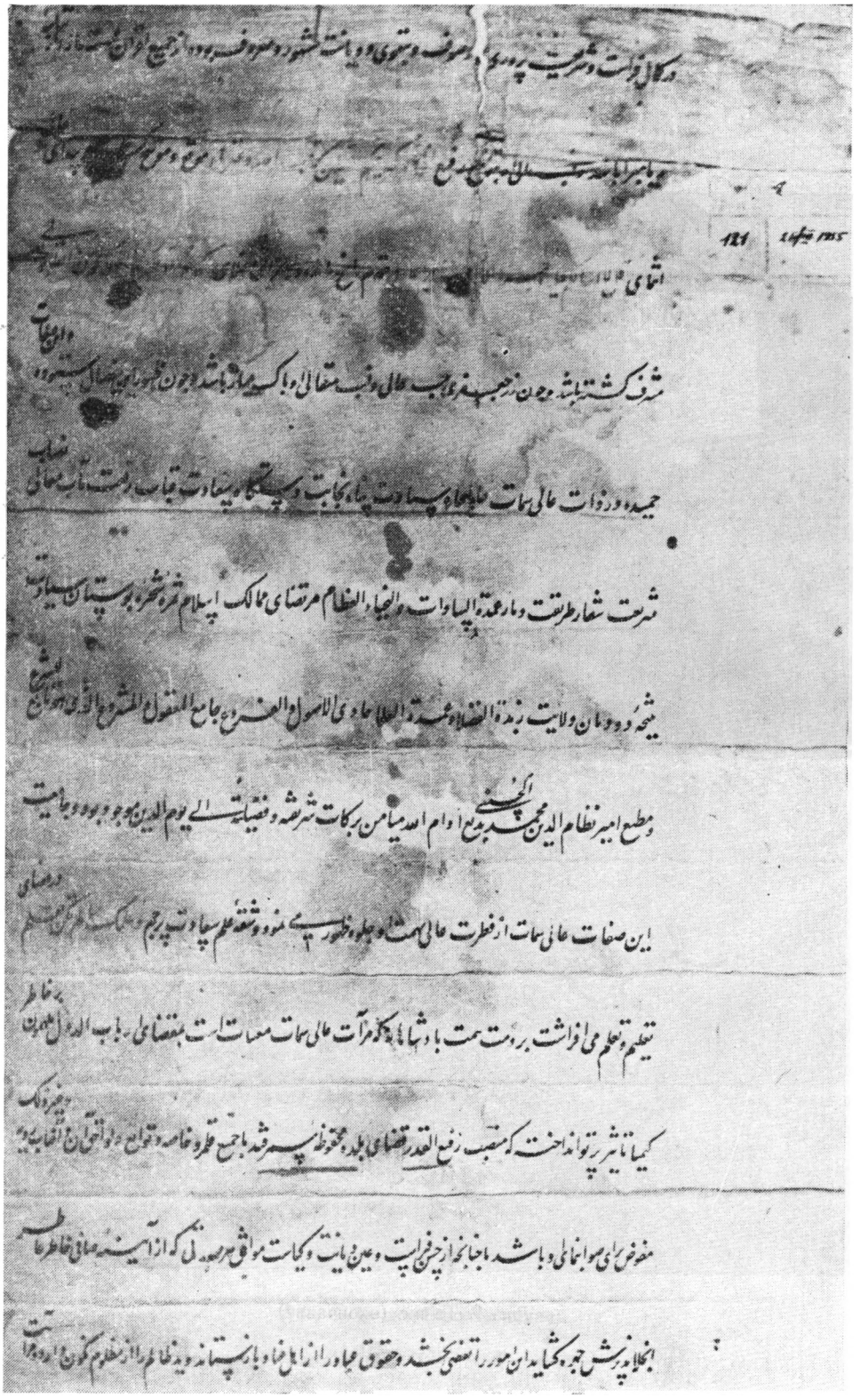


Рис. 10. Документ № 105. Указ о назначении самаркандского казия 1584 г. (начало)

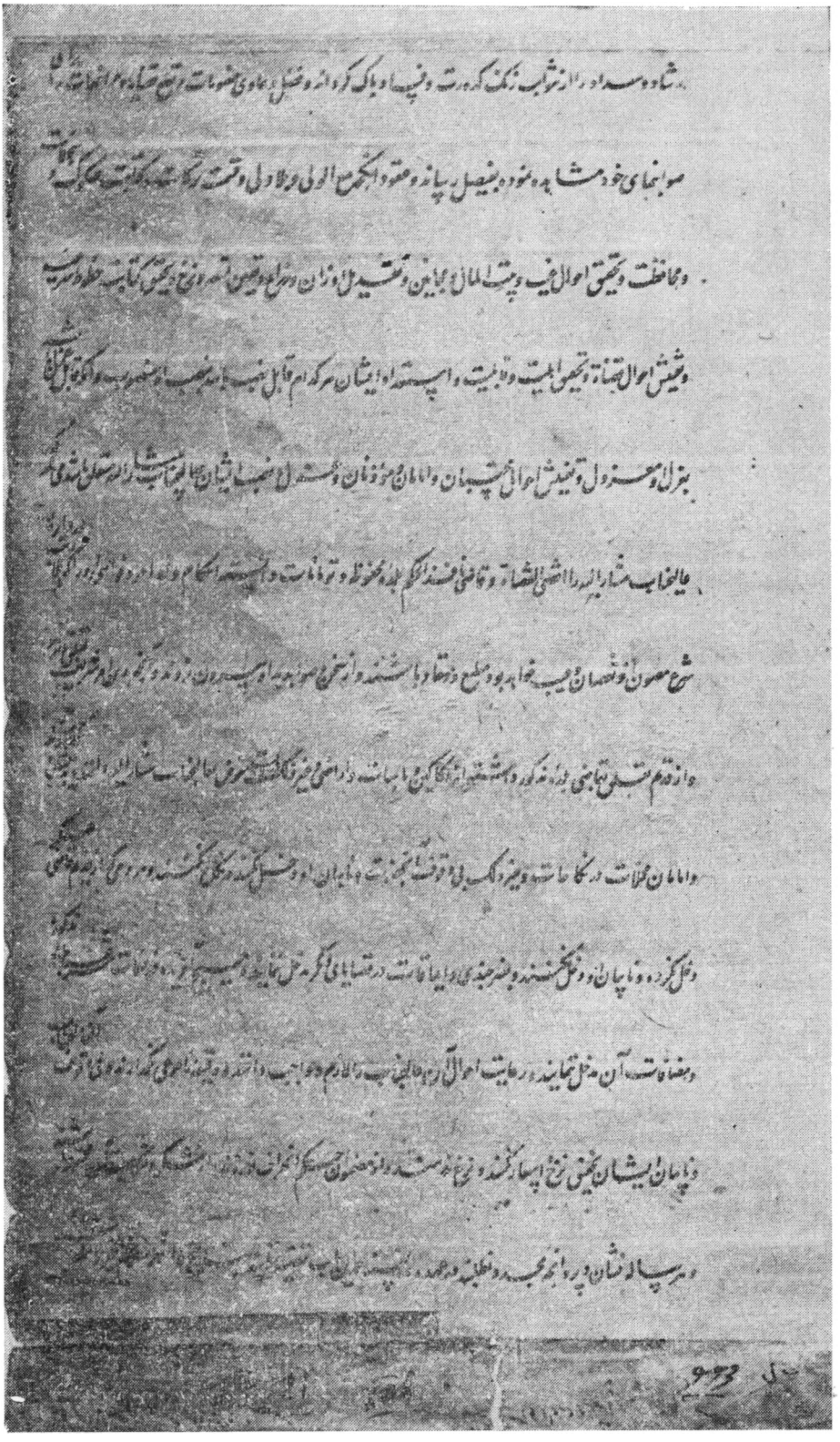


Рис. 11. То же (продолжение)

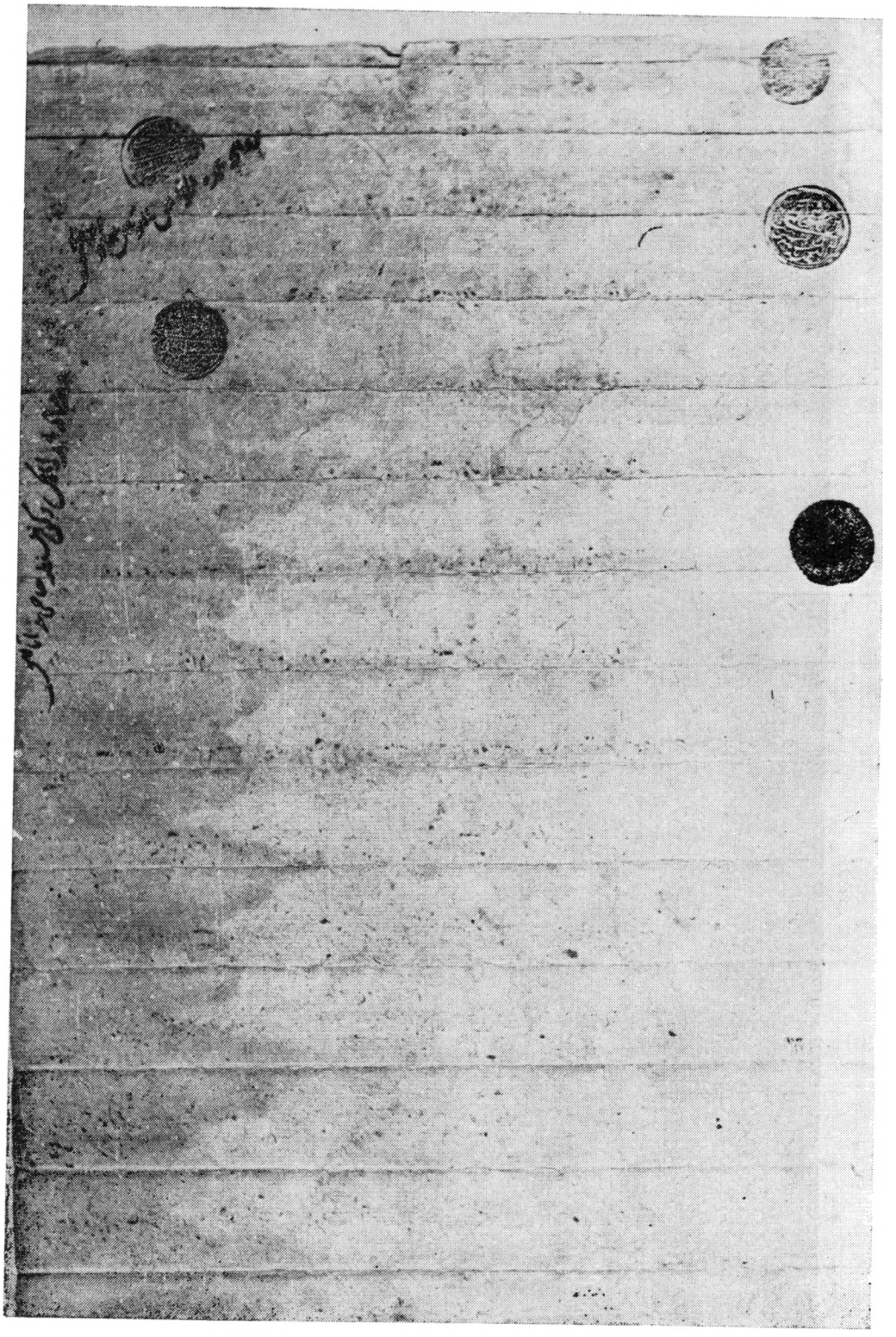


Рис. 12. То же (окончание)

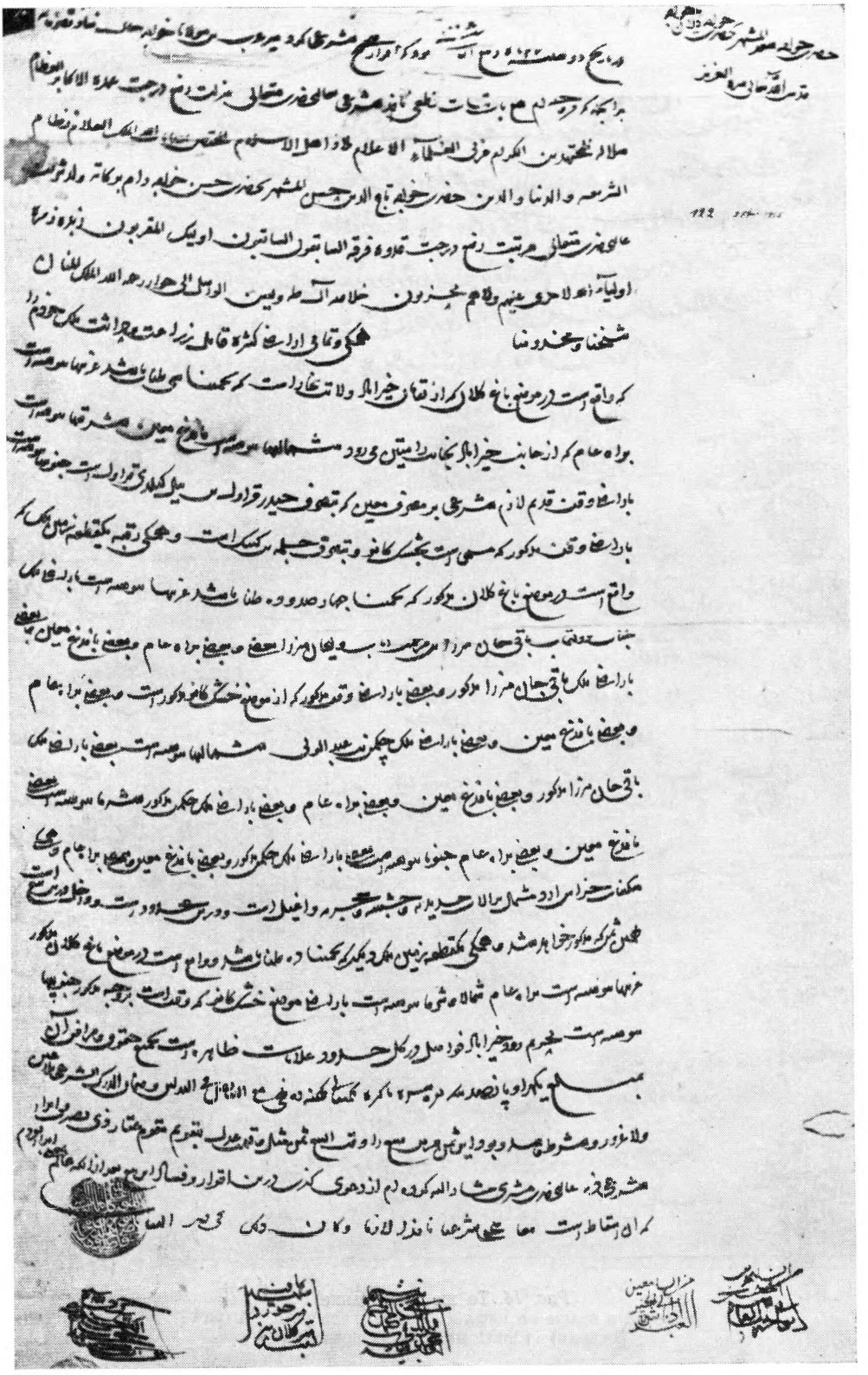


Рис. 13. Документ № 106. Акт продажи земли и мельницы в Бухарском тумане 1597 г. (начало)

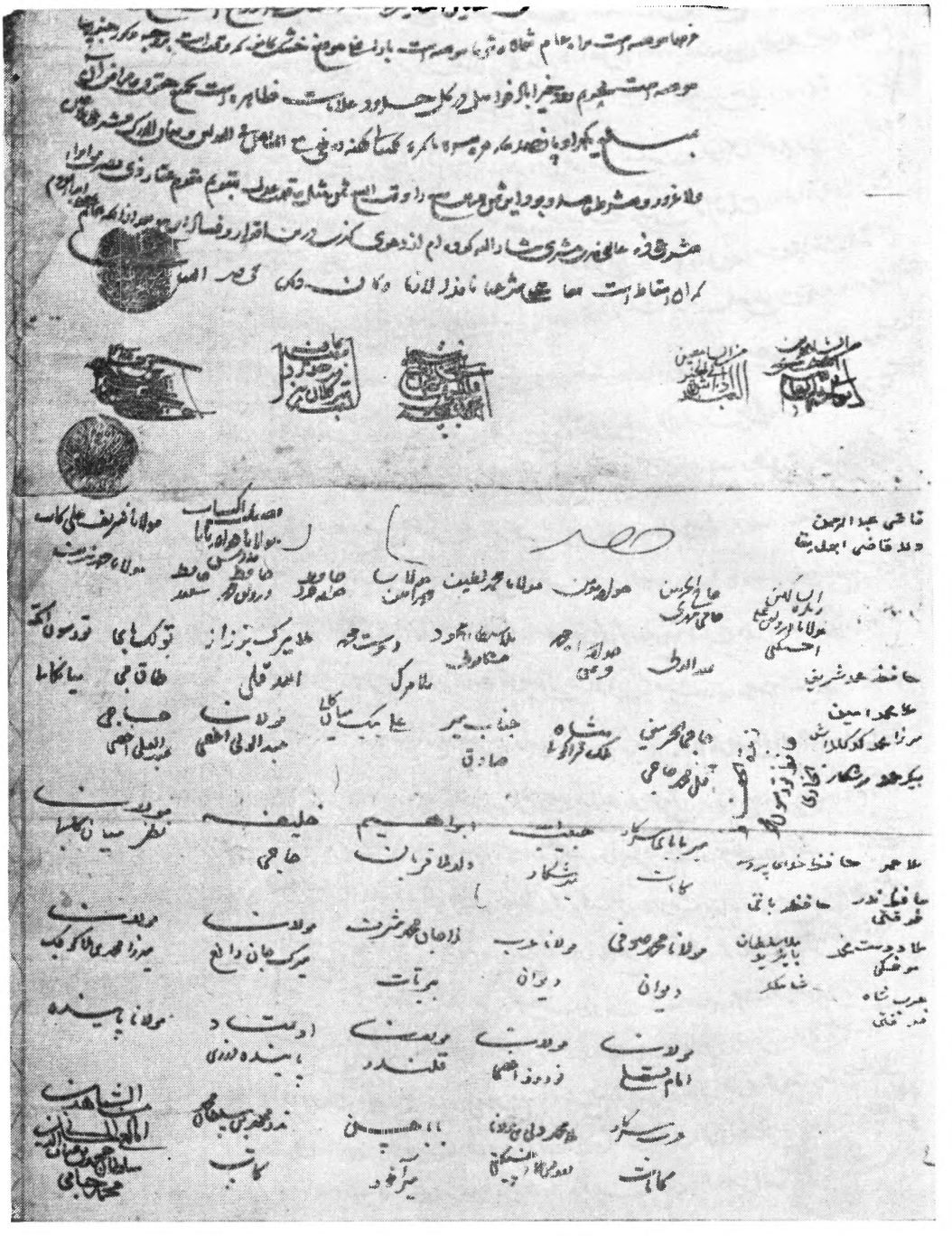


Рис. 14. То же (окончание)

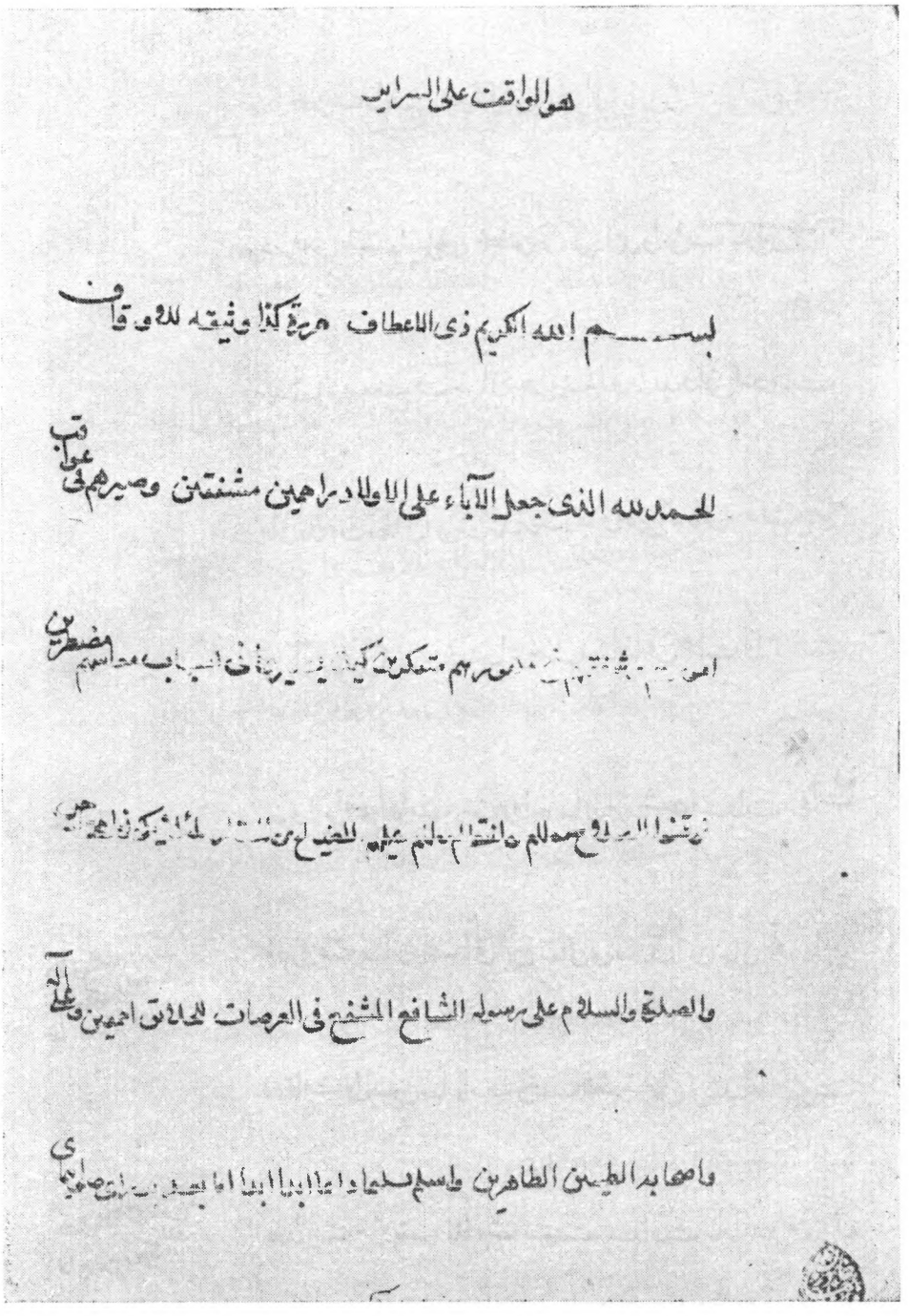


Рис. 15. Документ № 107. Вакфия на земли и селение в окрестностях Бухары 1609 г. (начало)

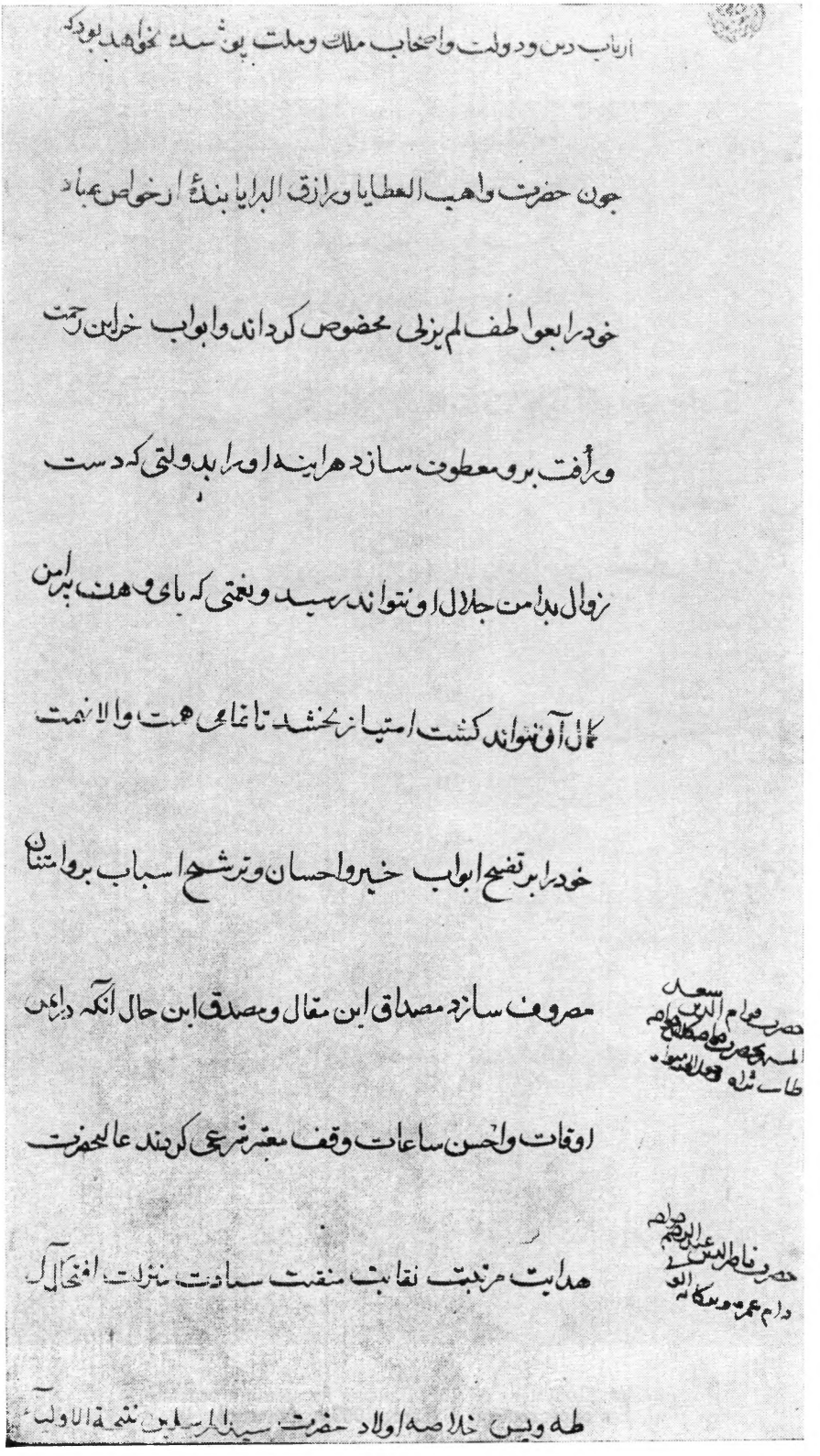
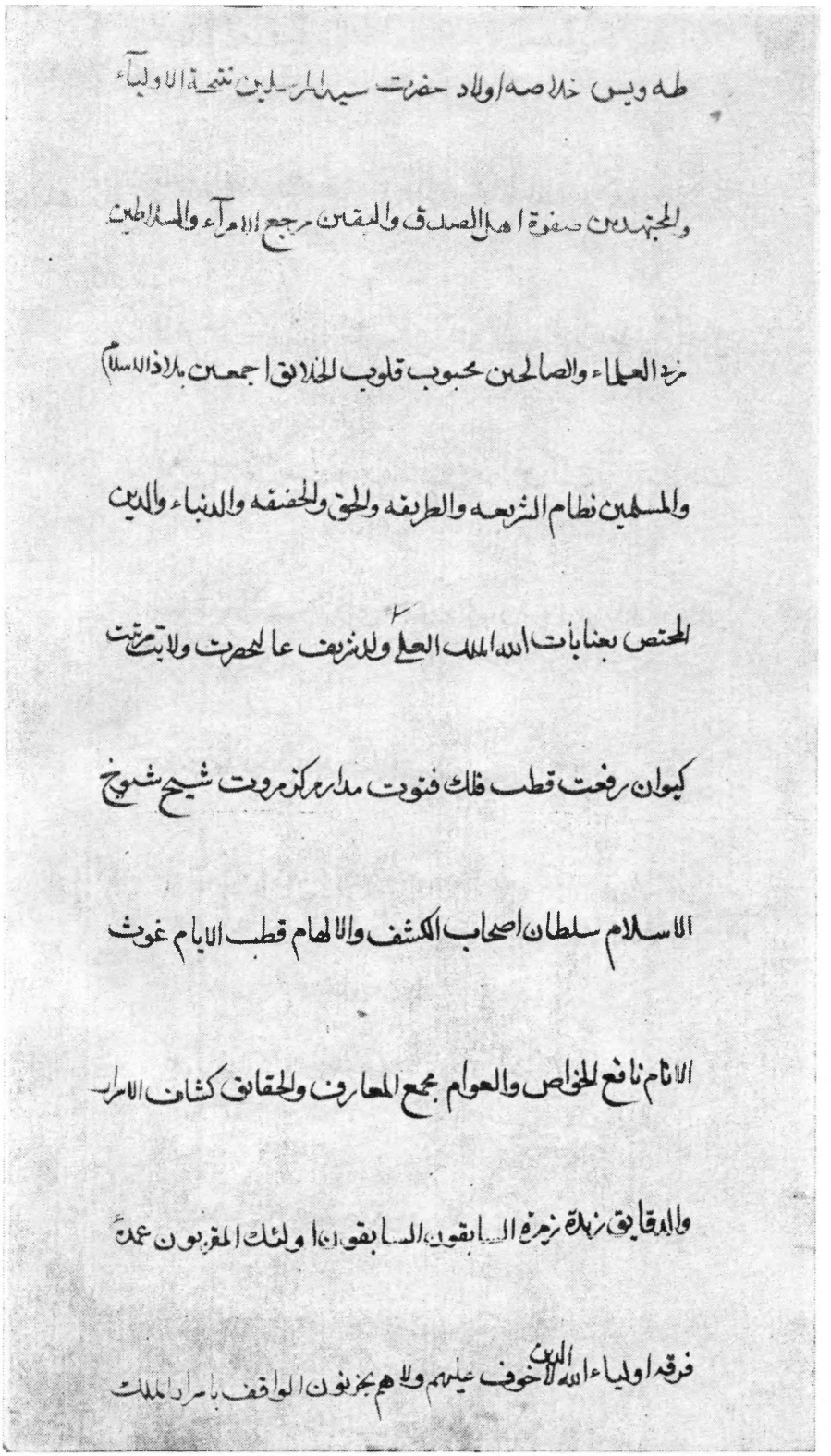


Рис. 16. То же (продолжение)



طه ويس خلاصه اولاد حضرت سيد المرسلين نتيجة الاولياء

والمجتهدين صفوة اهل الصدق واليقين مرجع الامراء والسلاطين

مربي العلماء والصالحين محبوب قلوب الخلائق اجمعين بلاد الاسلام

والمسلمين نظام الشريعه والطريقه والحق والحقيقه والدنياء والدين

المختص بعنايات الله الملك العلي ولد شريف عالي حضرت ولايت مرتبت

كيوان رفعت قطب فلك فتوت مدار مركز مروت شيخ شيوخ

الاسلام سلطان اصحاب الكشف والالهام قطب الايام غوث

الانام نافع الخواص والعوام مجمع المعارف والحقائق كشاف الاسرار

والدقايق زبدة زمرة السابقون السابقون اولئك المقربون عمدة

فرقه اولياء الله الذين لا خوف عليهم ولا هم يحزنون الواقف باسرار الملك

Рис. 17. То же (продолжение)

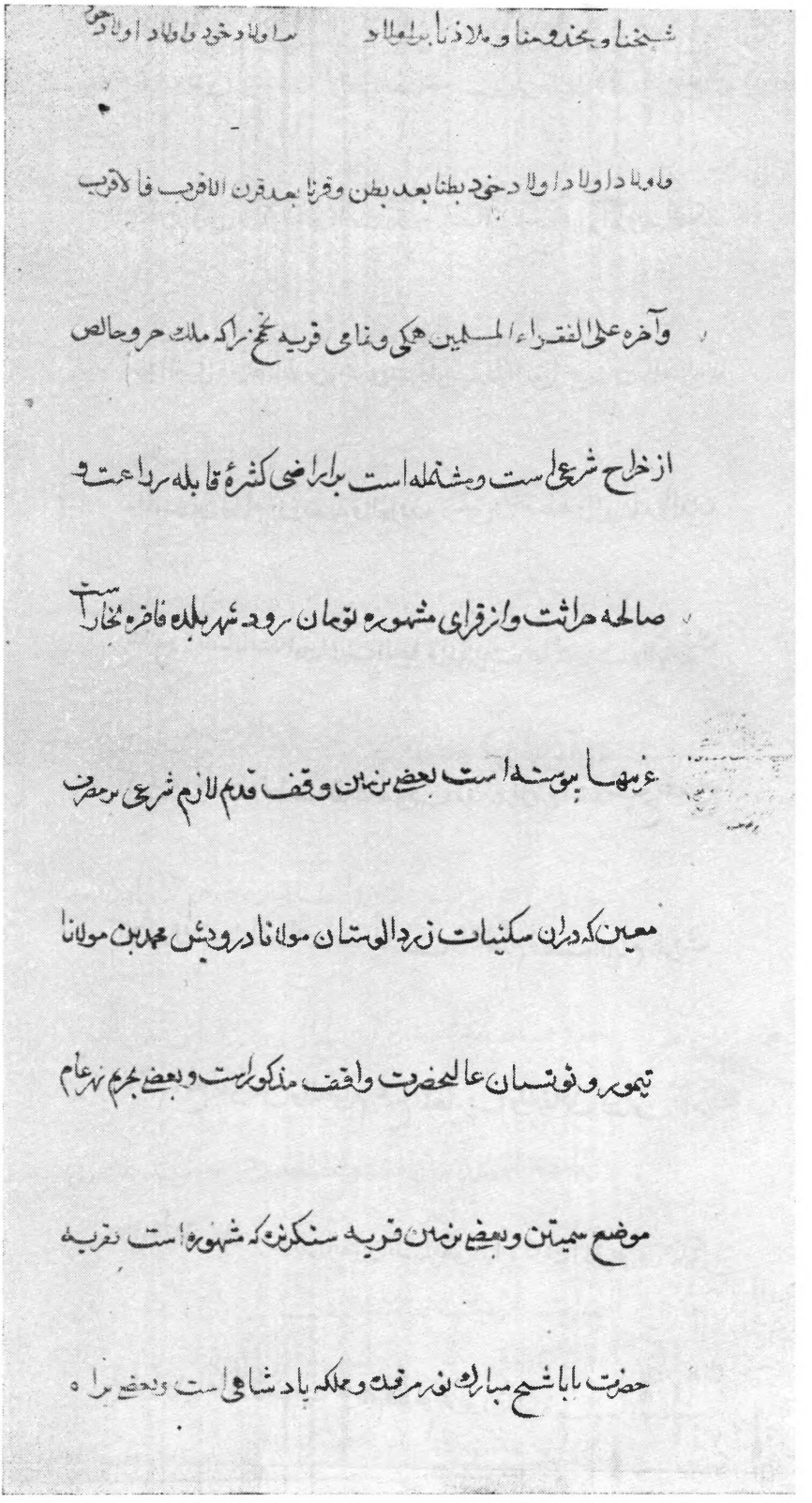


Рис. 18. То же (продолжение)

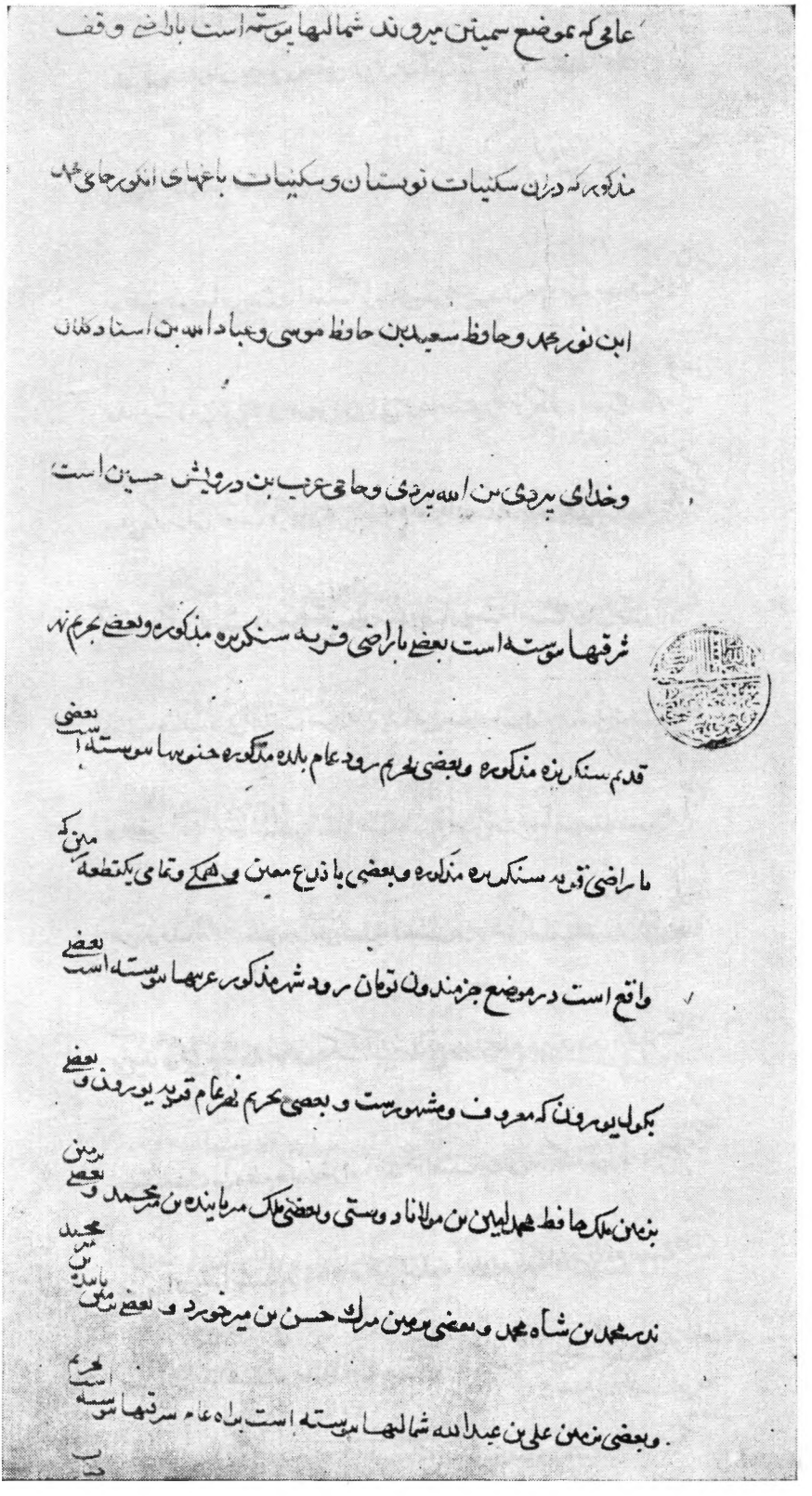


Рис. 19. То же (продолжение)

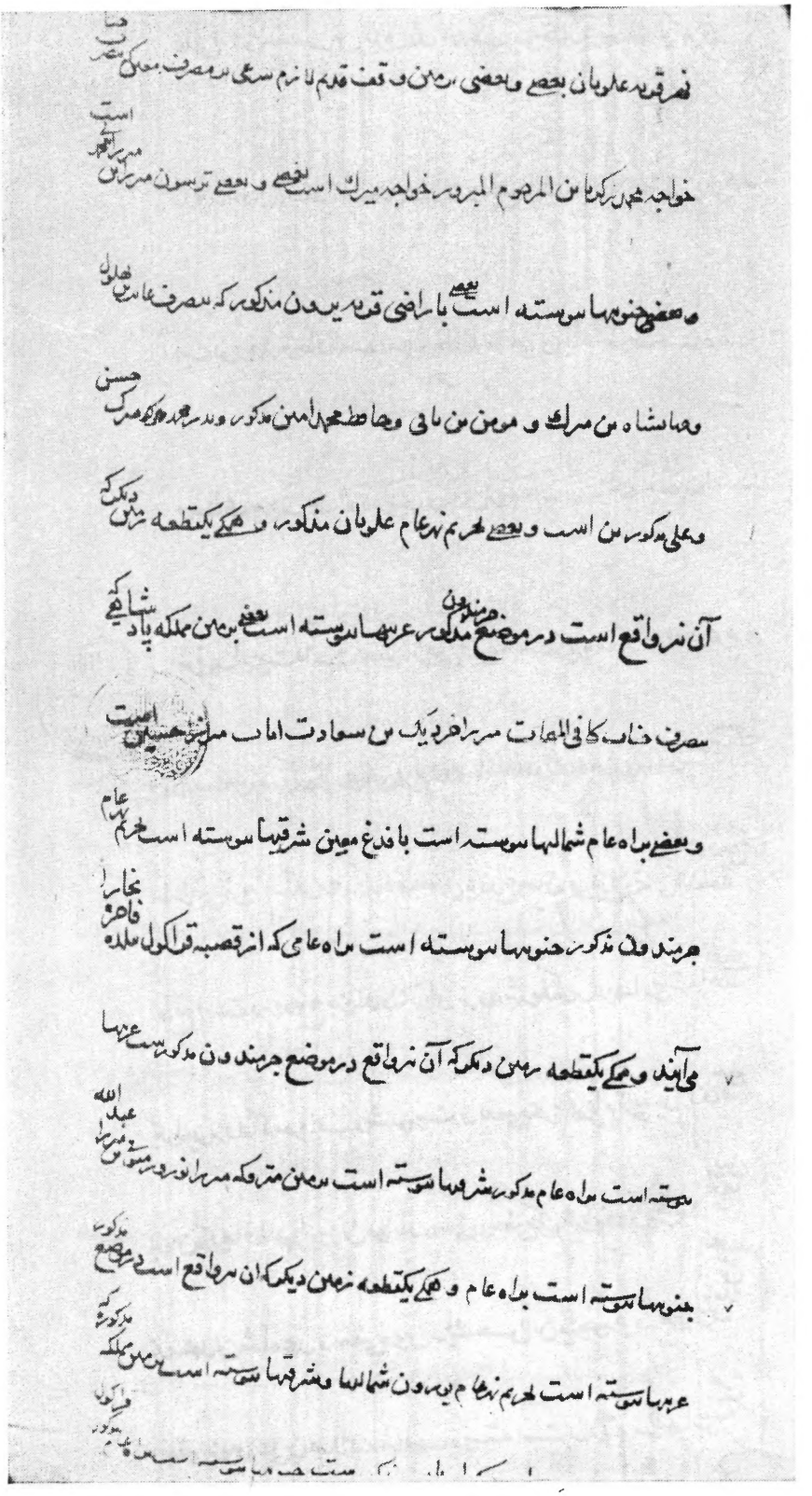


Рис. 20. То же (продолжение)

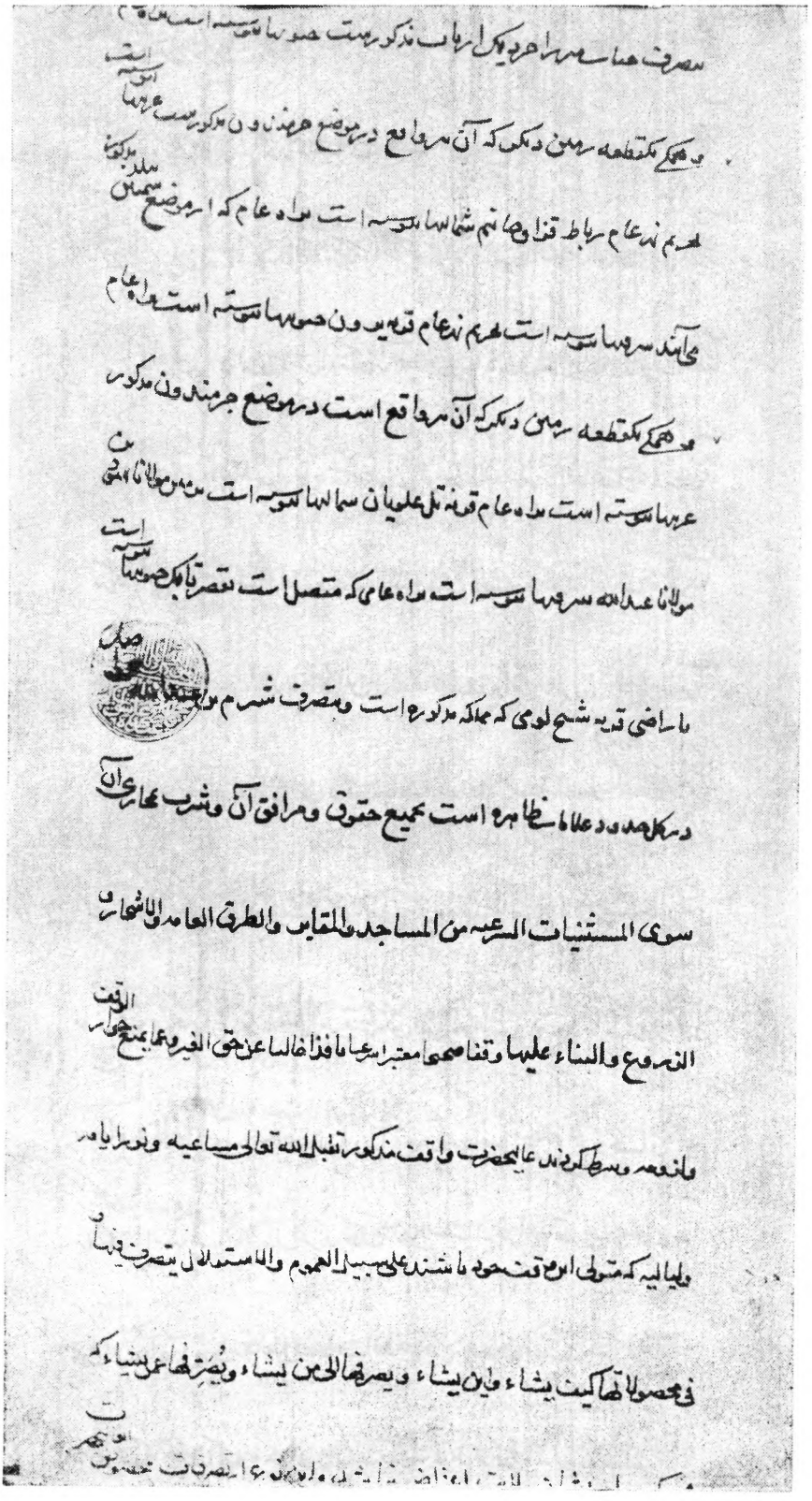


Рис. 21. То же (продолжение)

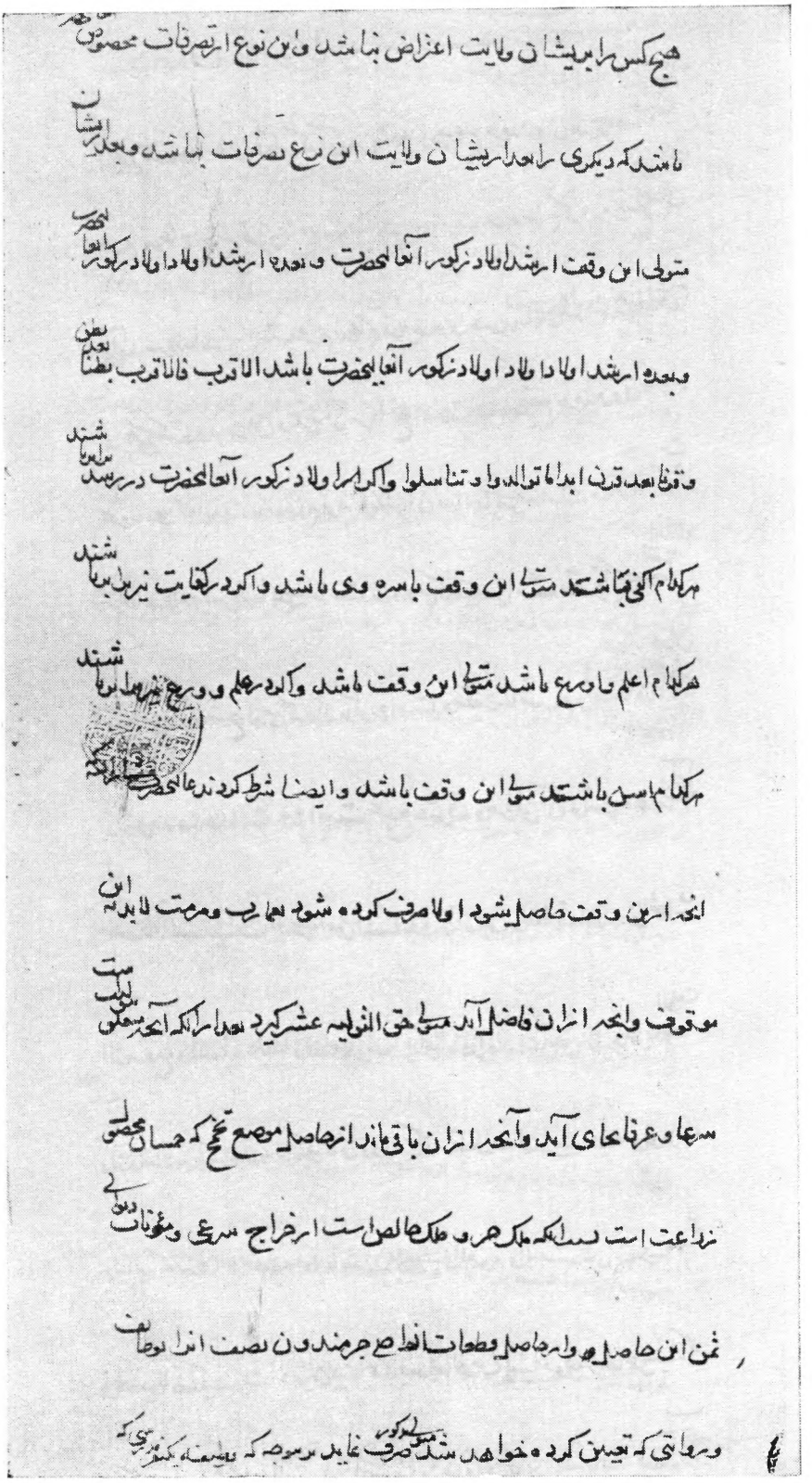


Рис. 22. То же (продолжение)

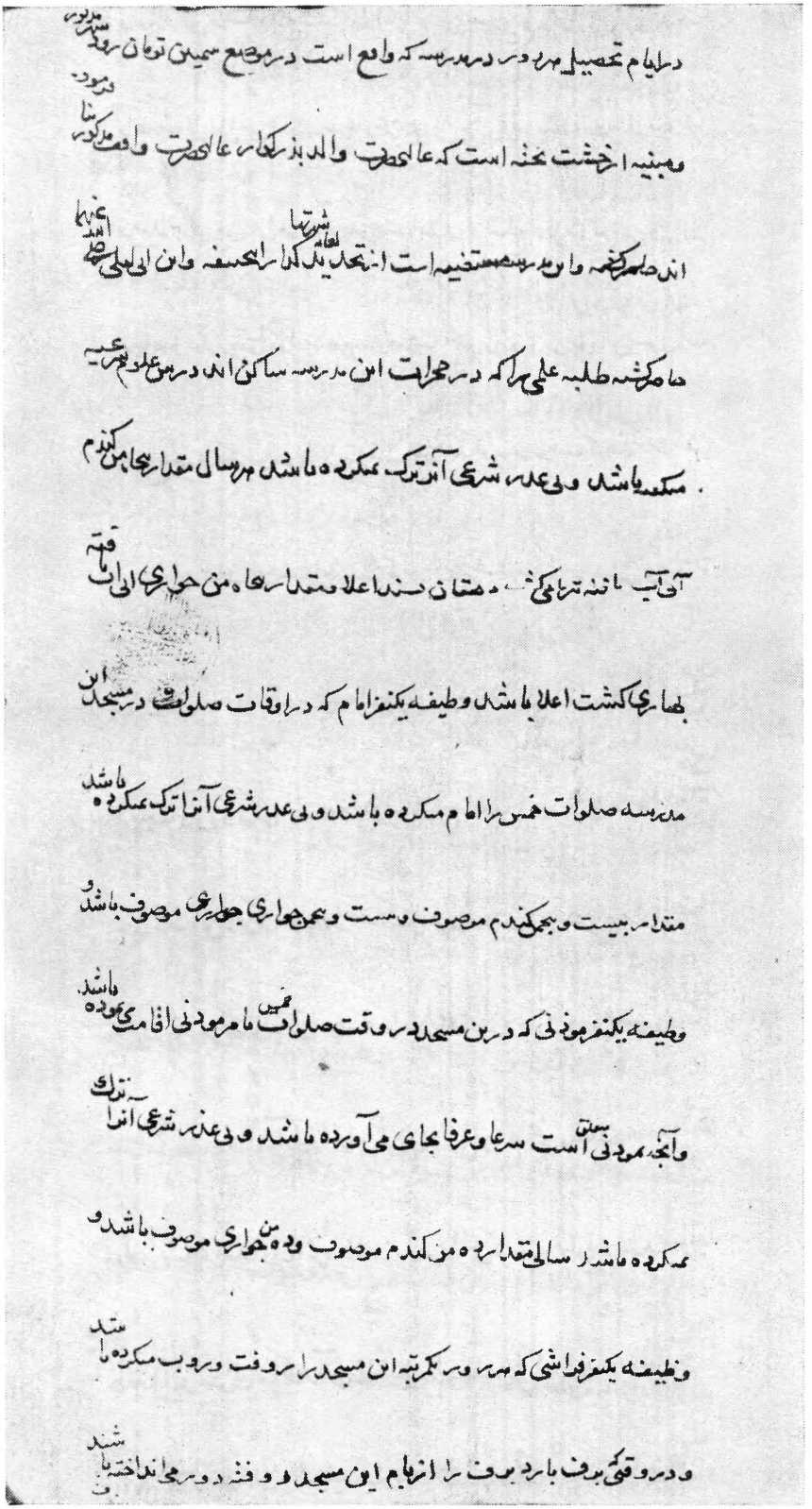


Рис. 23. То же (продолжение)

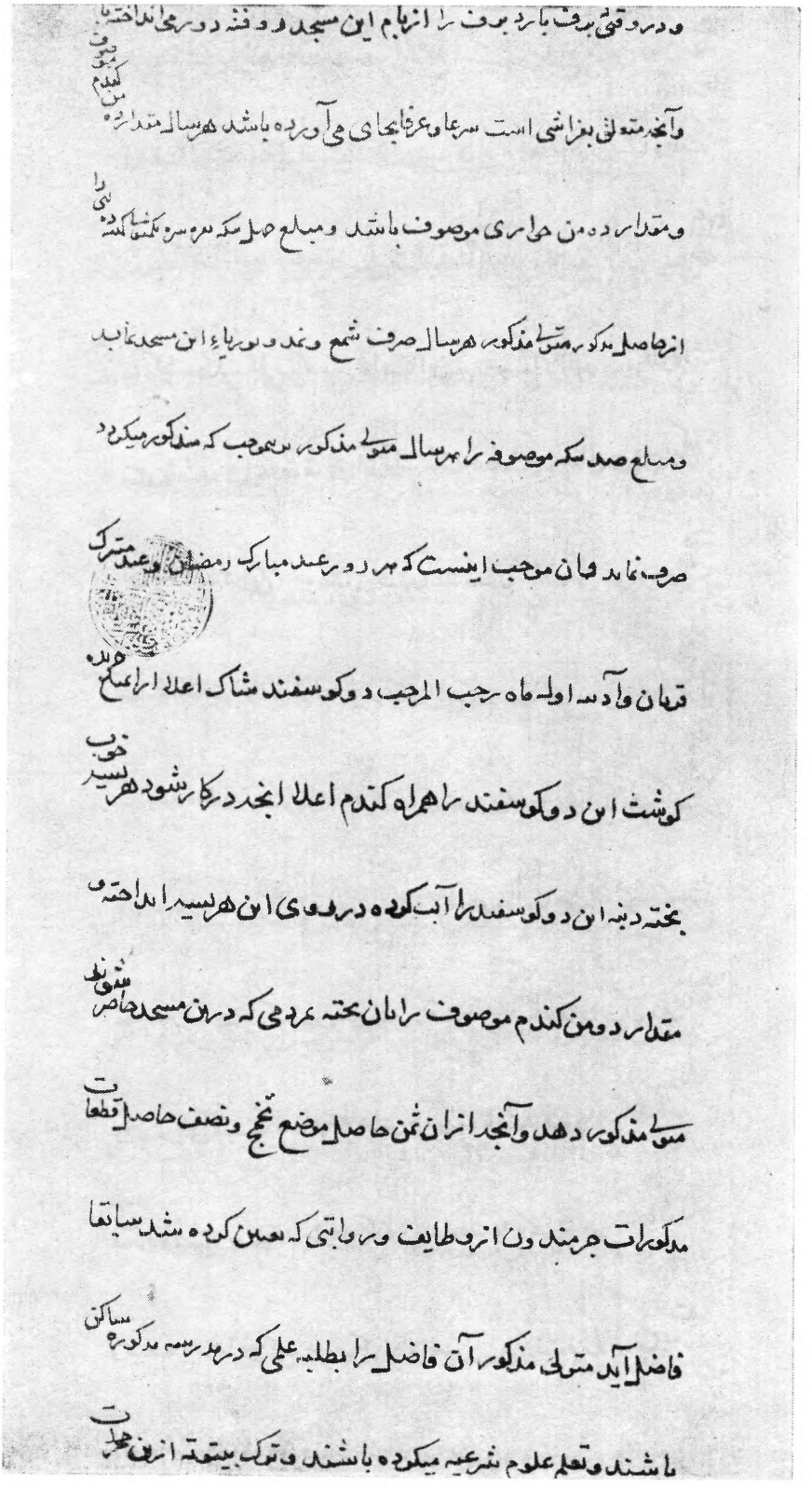


Рис. 24. То же (продолжение)

Рис. 25. То же (продолжение)

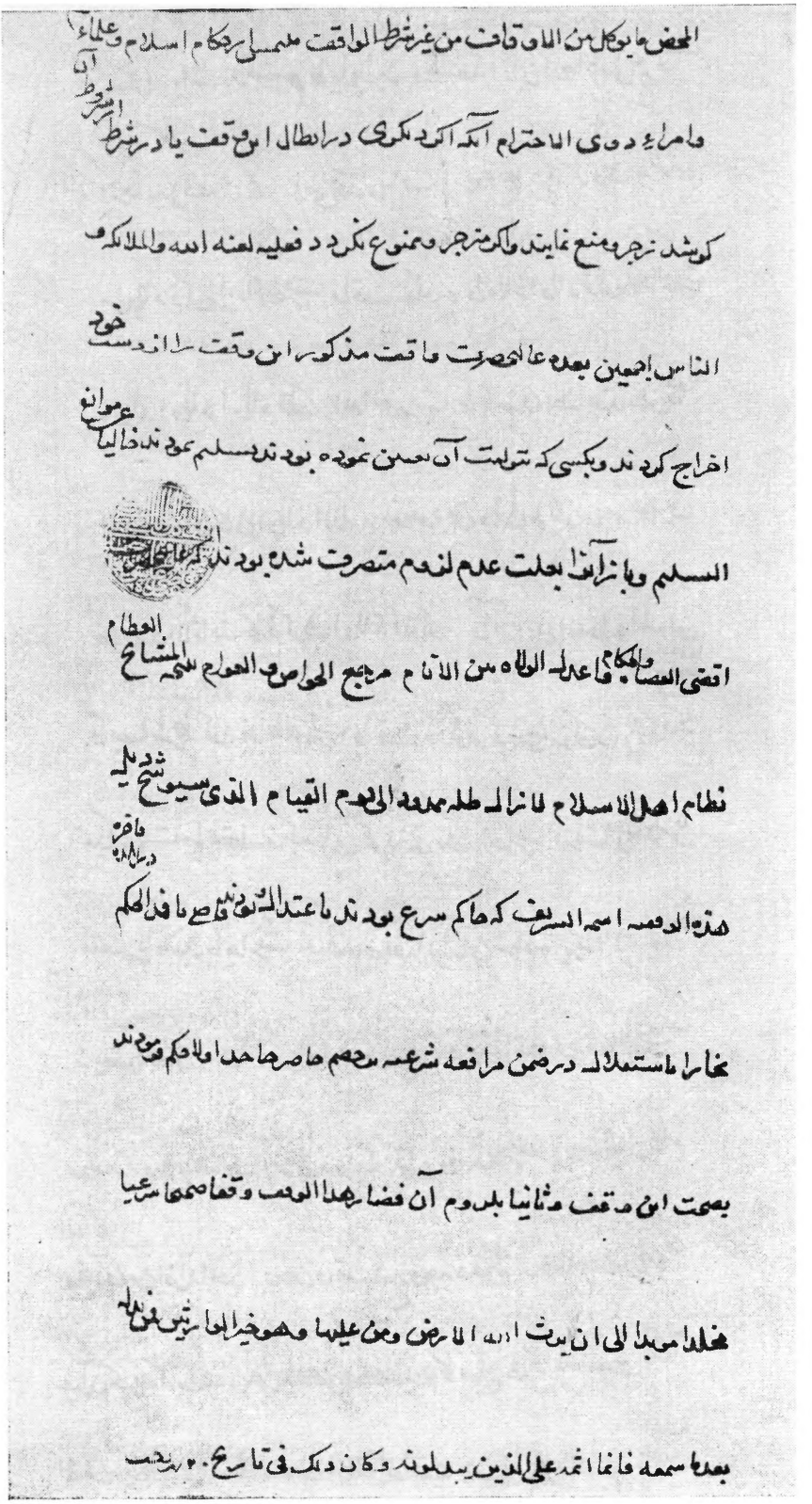


Рис. 26. То же (окончание)

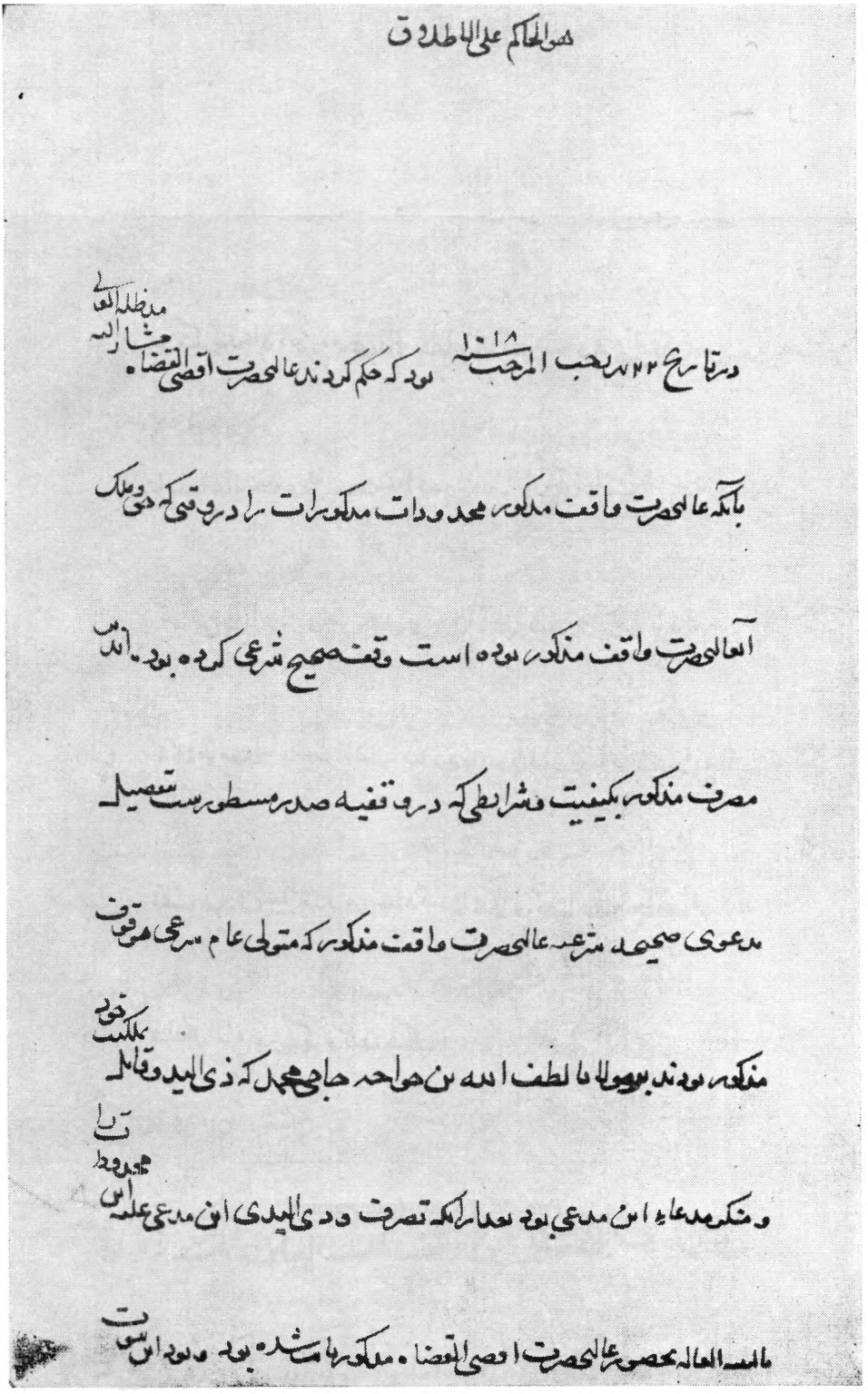


Рис. 27. Документ № 107. Решение казия о вакфе 1609 г.

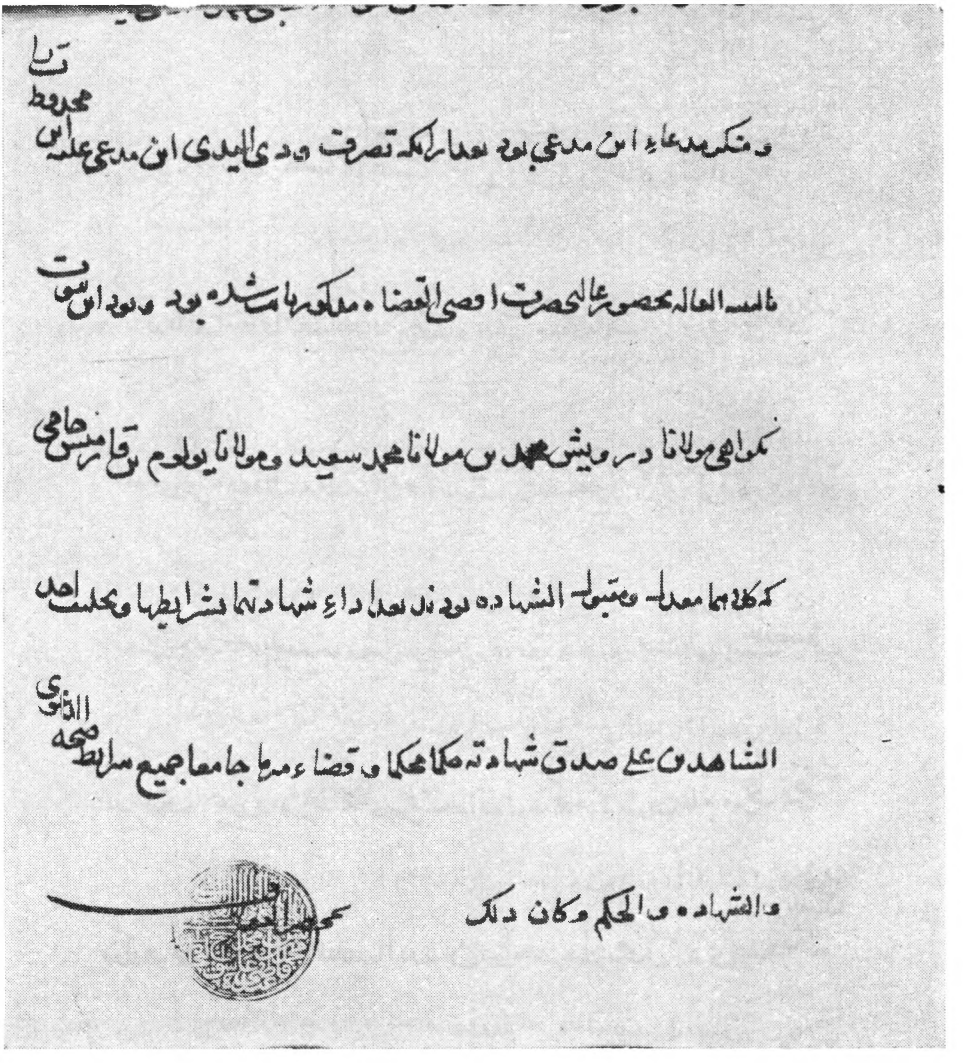


Рис. 28. То же (окончание)

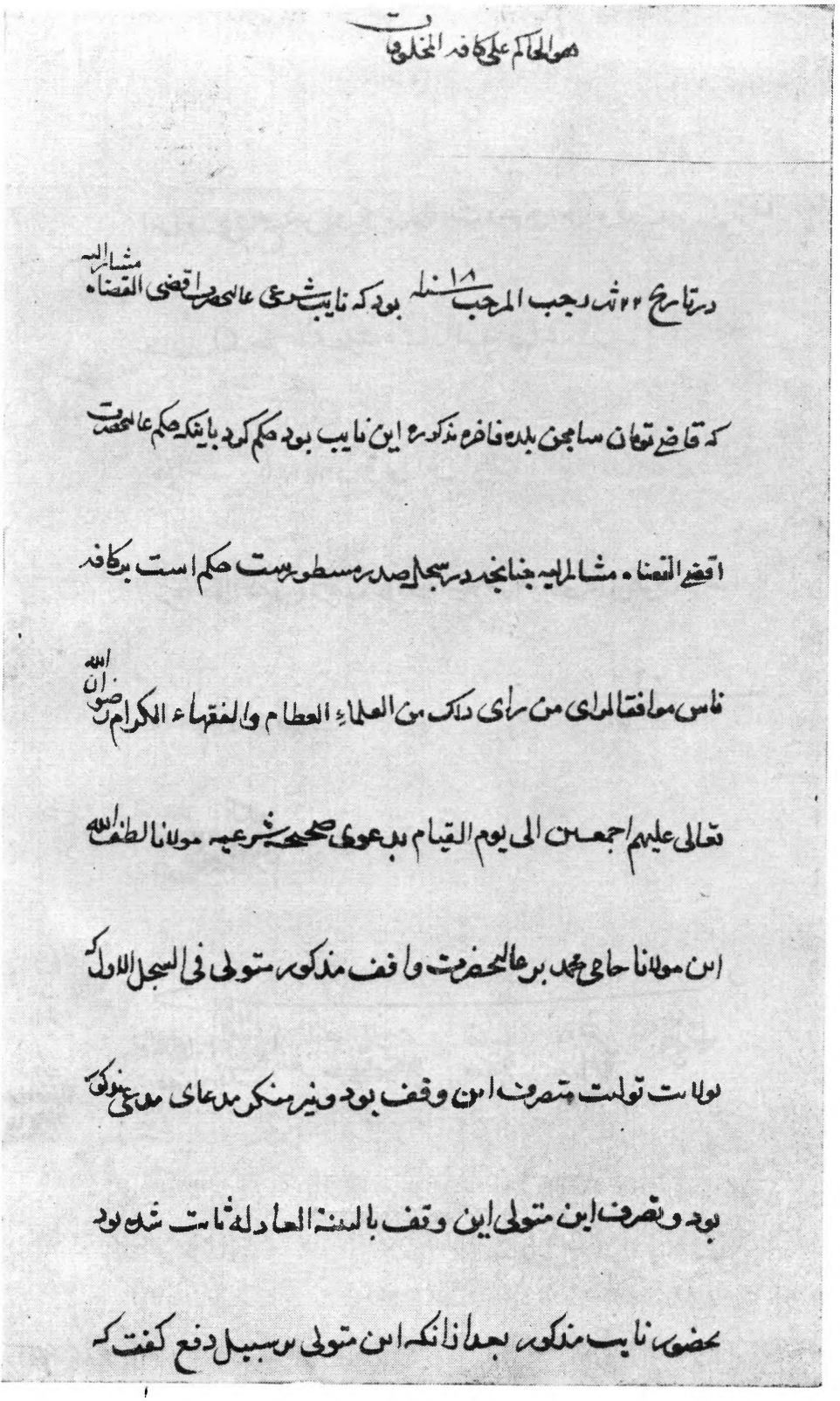


Рис. 29. Документ № 107. Второе решение казия о вакфе 1609 г. (начало)

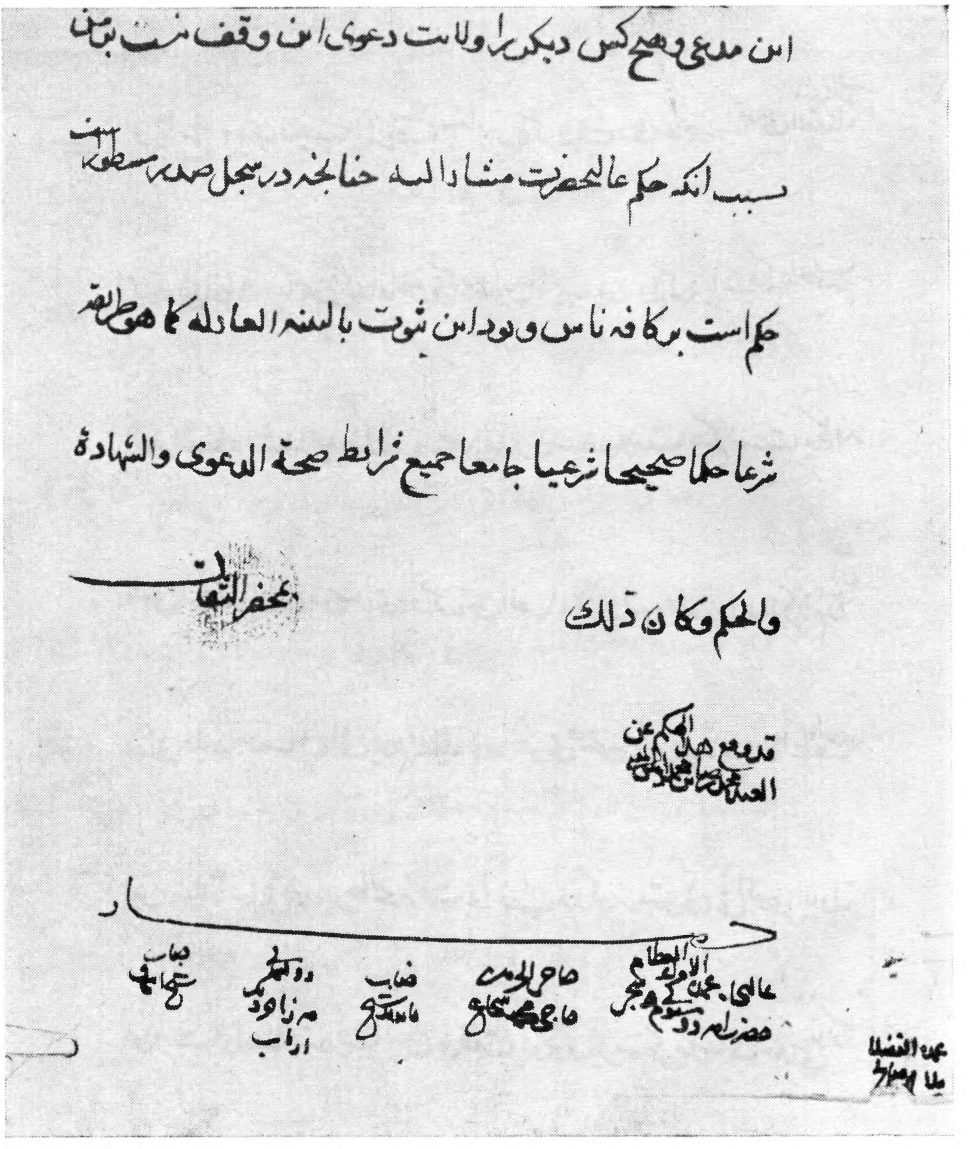


Рис. 30. То же (окончание)

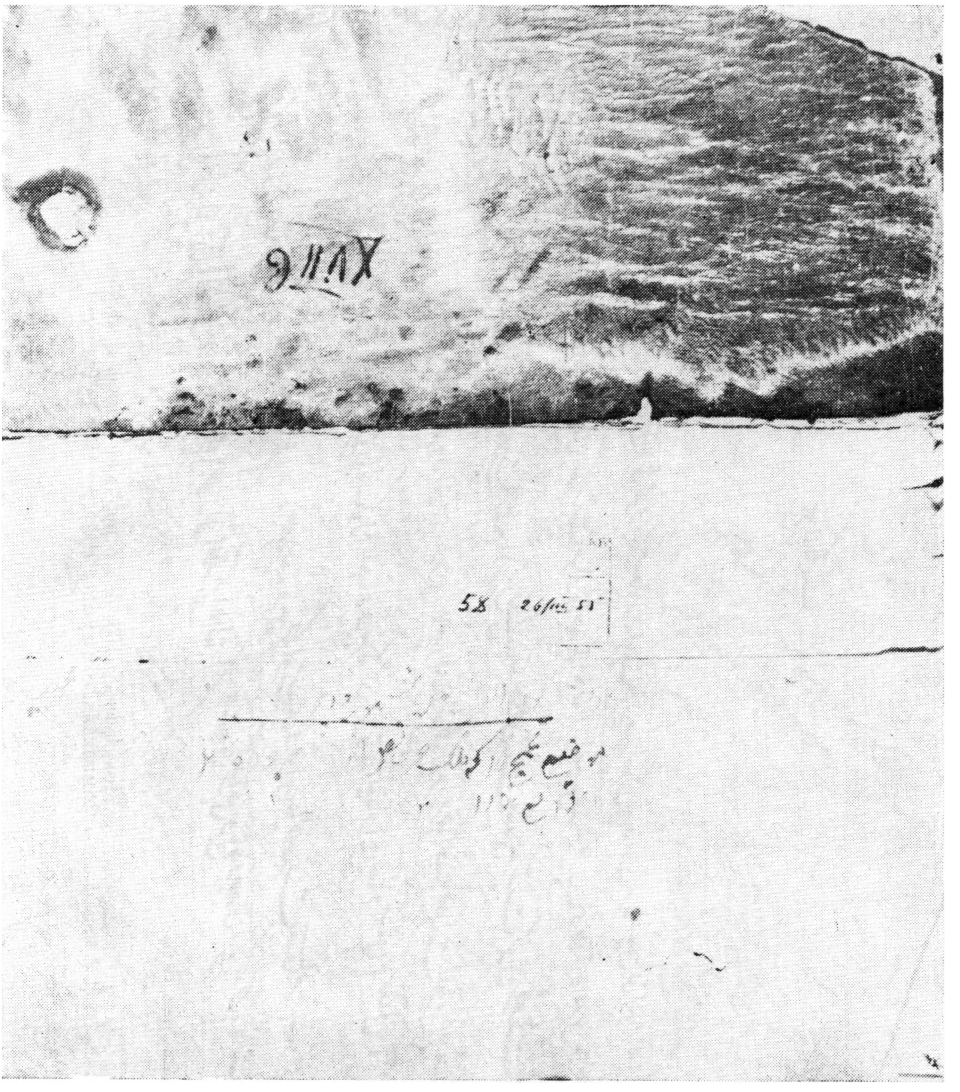


Рис. 31. Документ № 107. Надпись на оборотной стороне вакфийи 1609 г.

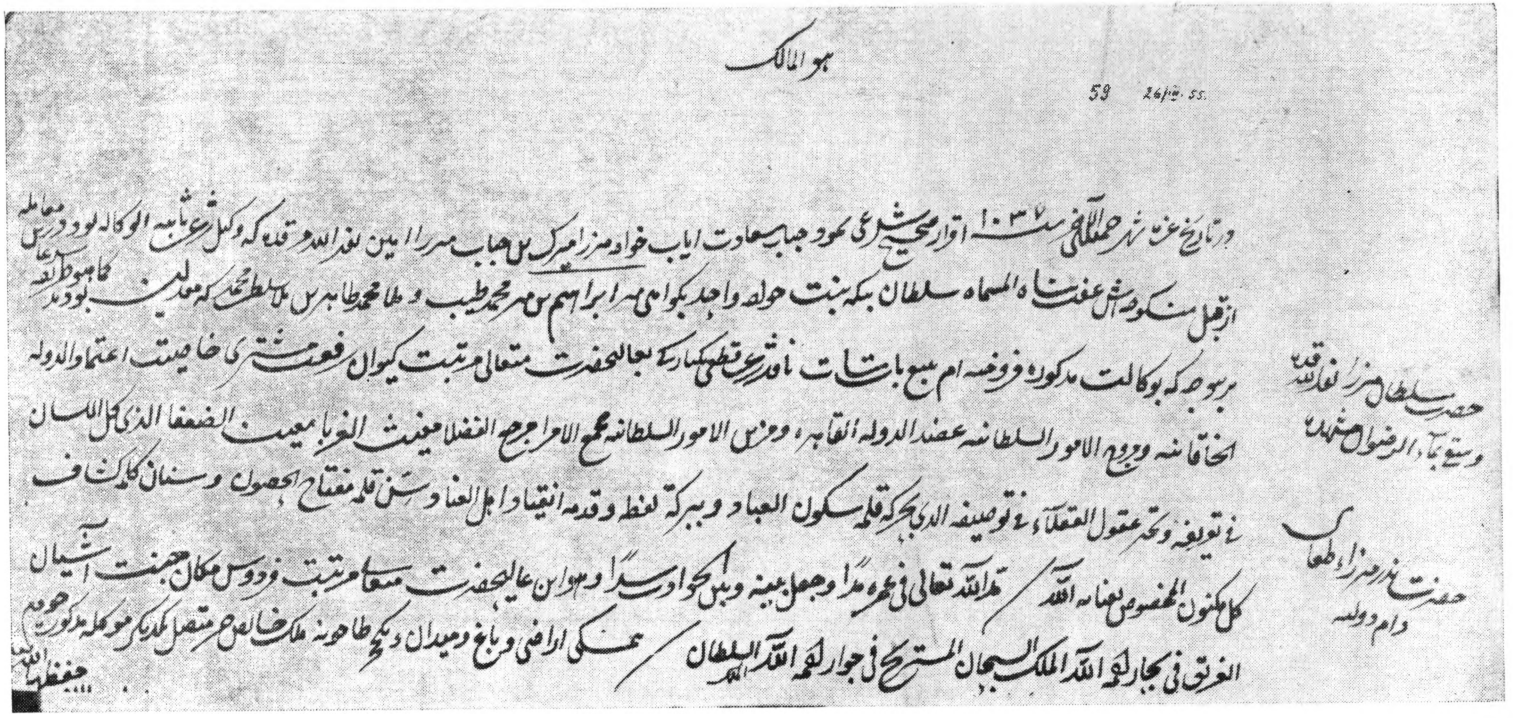


Рис. 32. Документ № 108. Акт о продаже земель и мельницы в Самаркандском тумане Шаудар 1628 г. (начало)

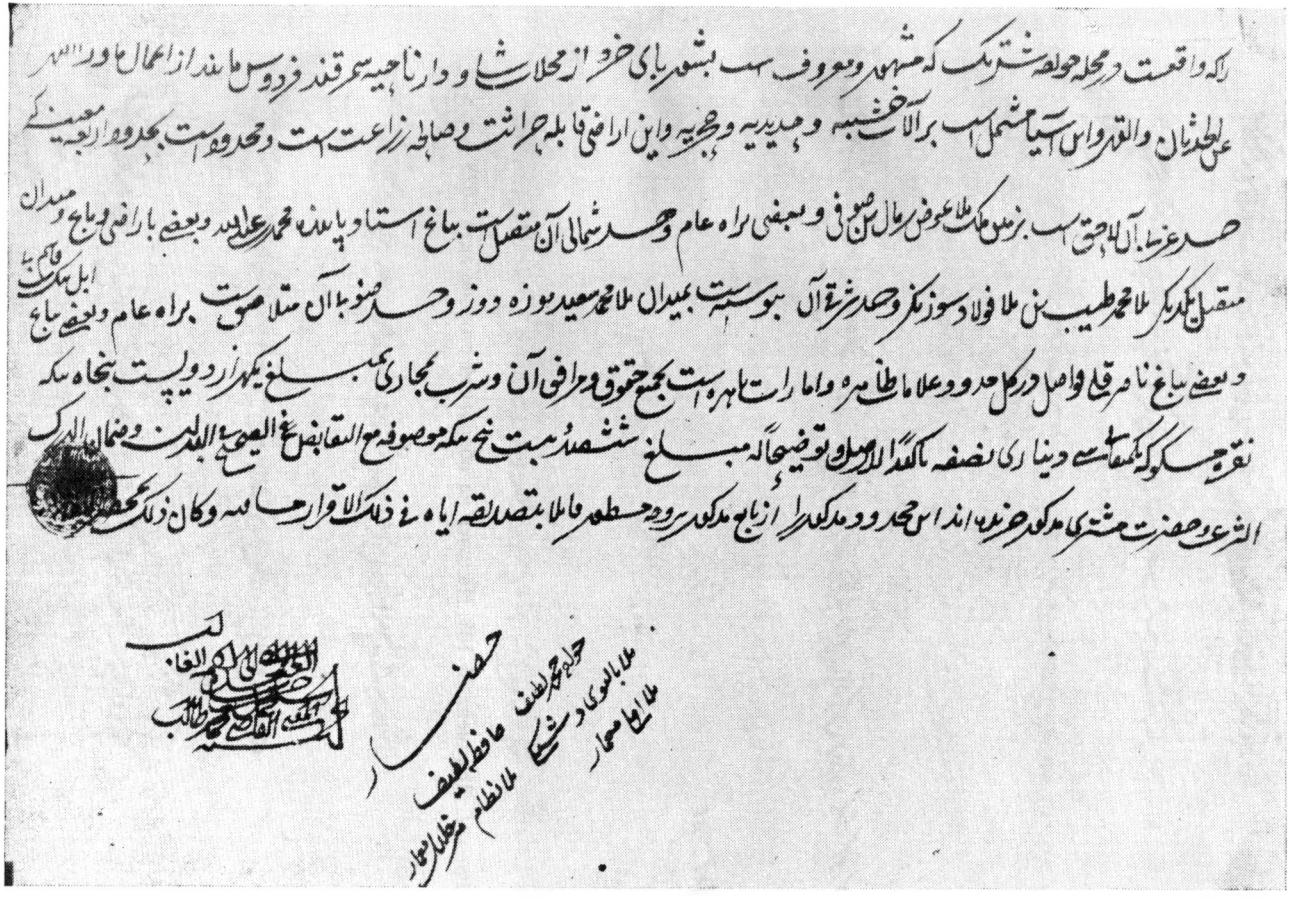


Рис. 33. То же (окончание)

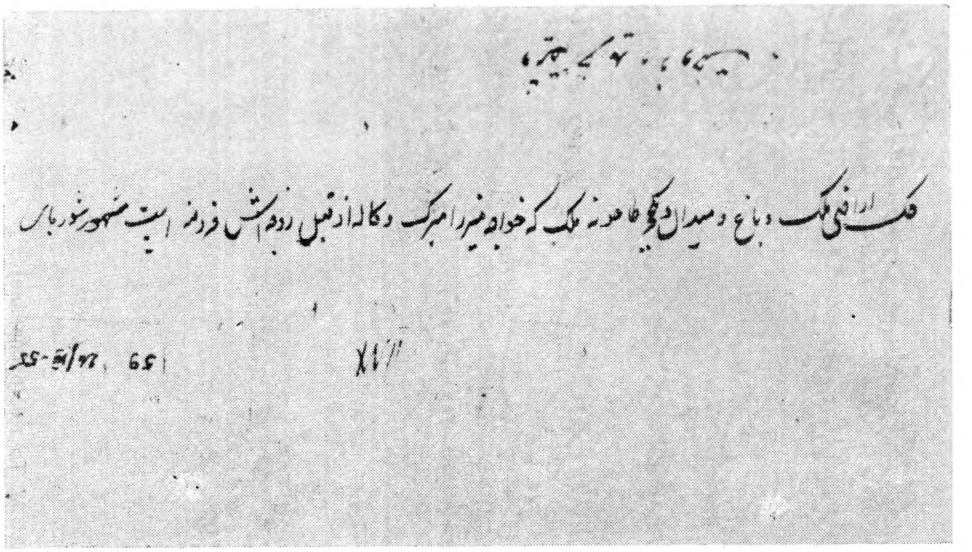


Рис. 34. Документ № 108. Надпись на оборотной стороне акта 1628 г.

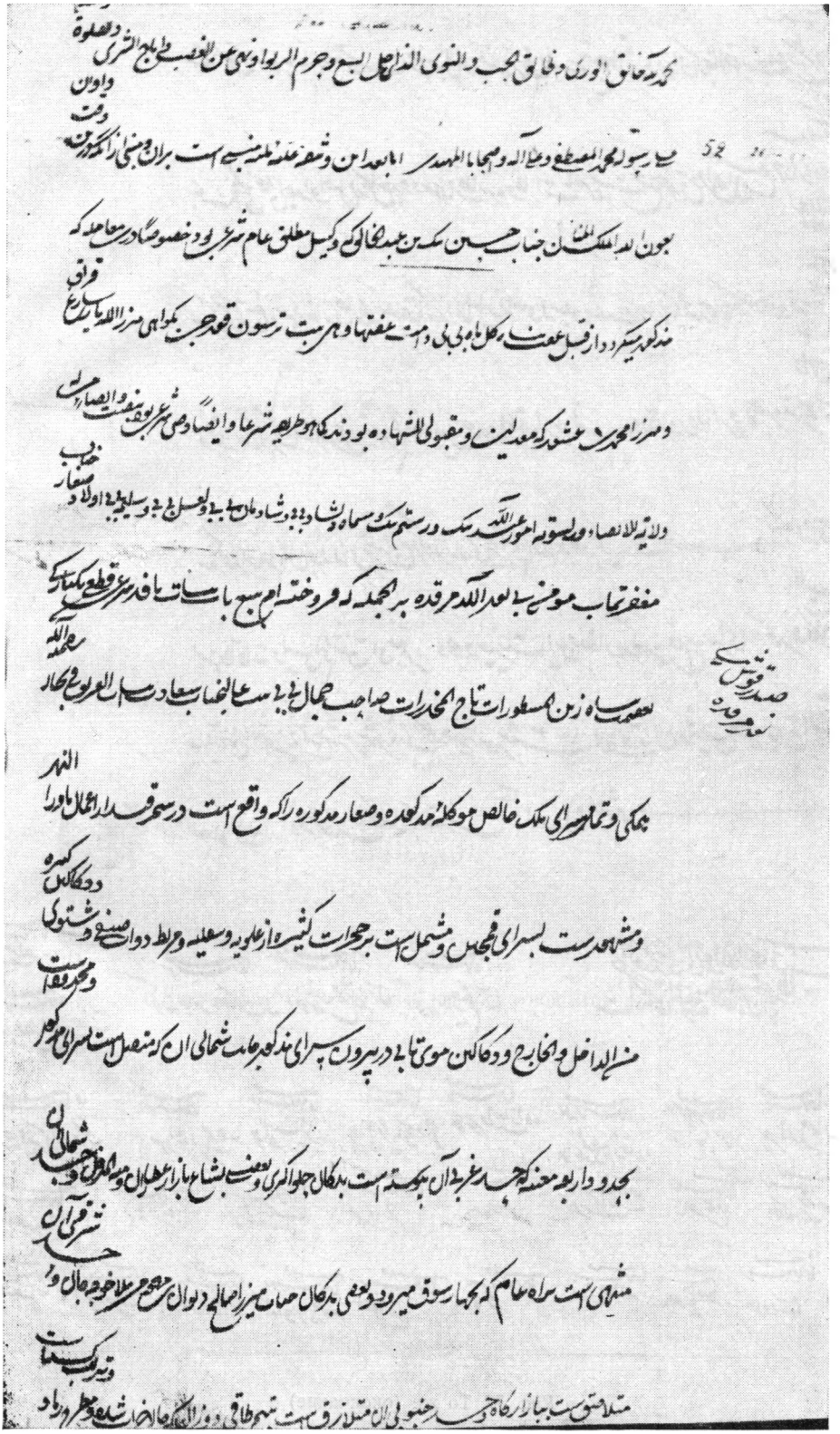


Рис. 35. Документ № 109. Акт о продаже караван-сарая в Самарканде 1629 г. (начало)

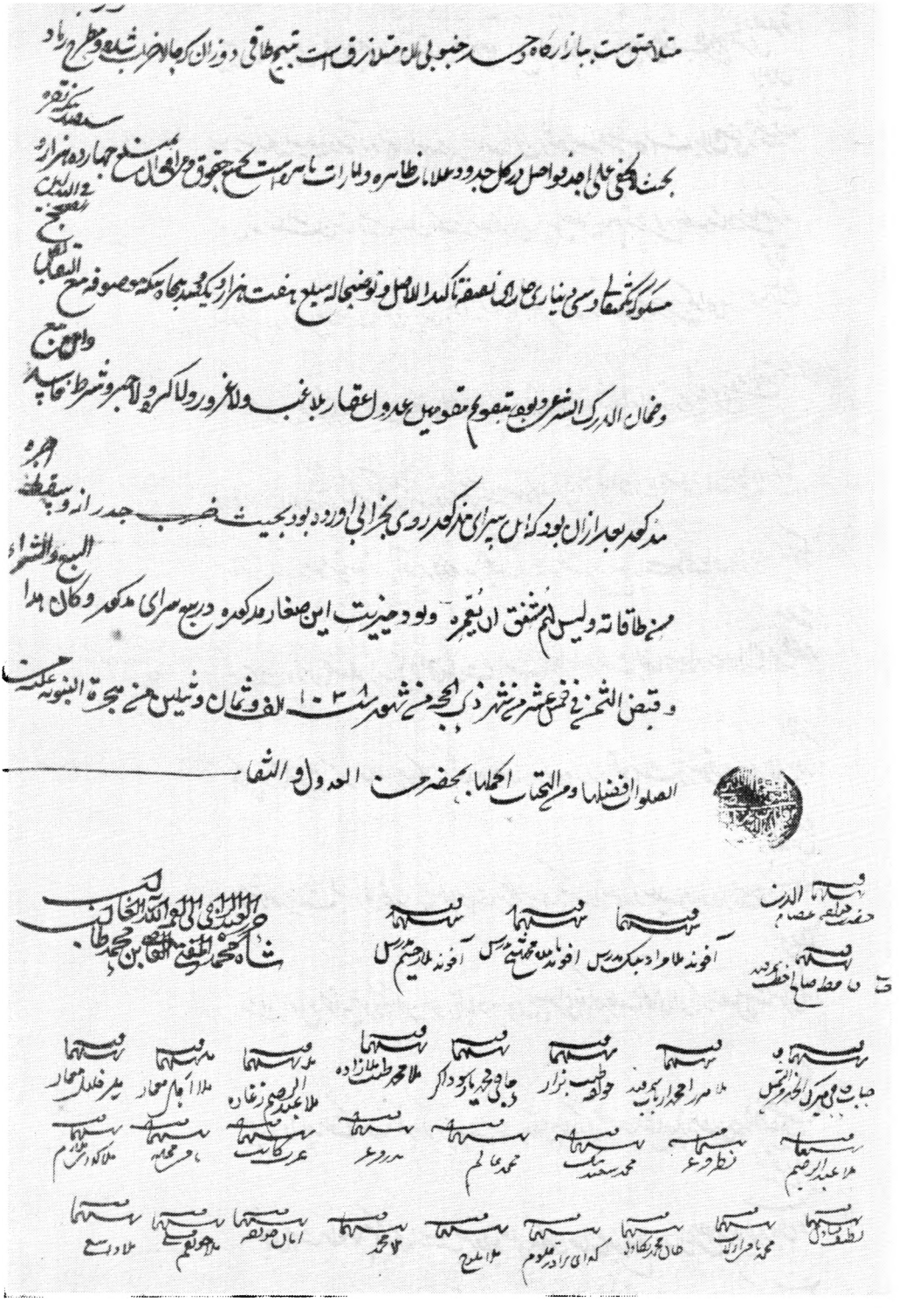


Рис. 36. То же (окончание)

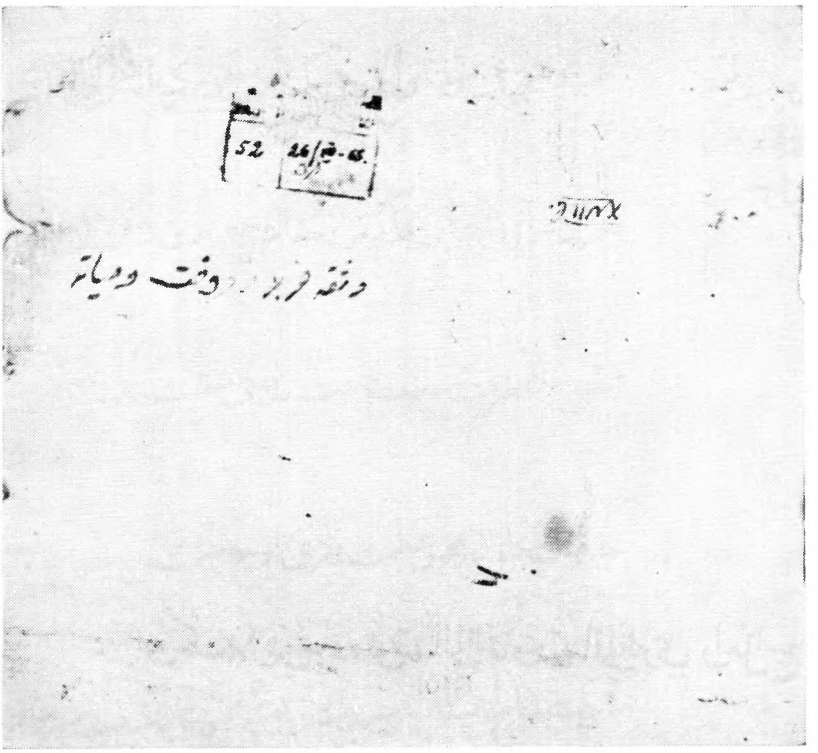


Рис. 37. Документ № 109. Надпись на оборотной стороне акта 1629 г.

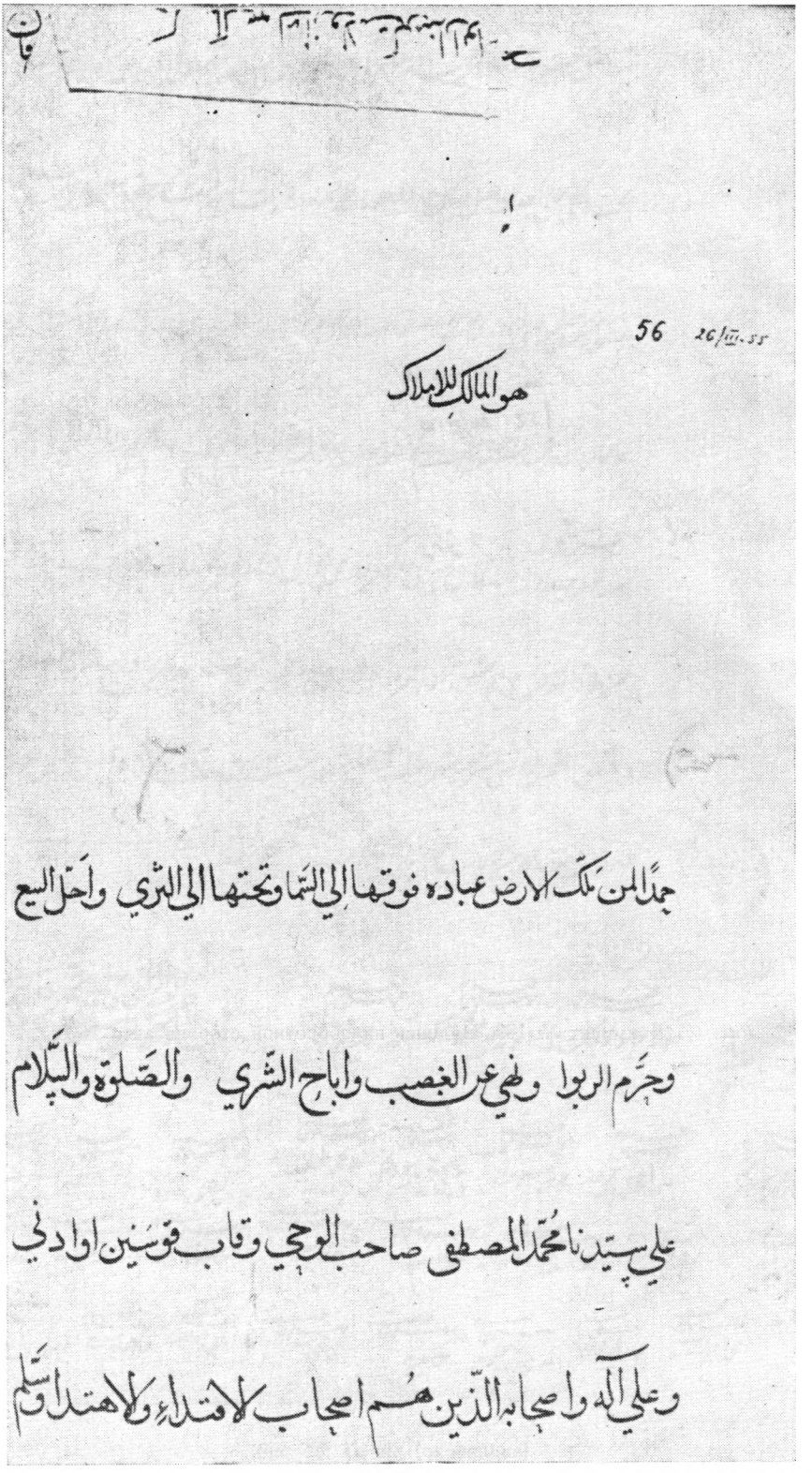


Рис. 38. Документ № 110. Акт о продаже земель в вилайате Кармина 1638 г. (начало)

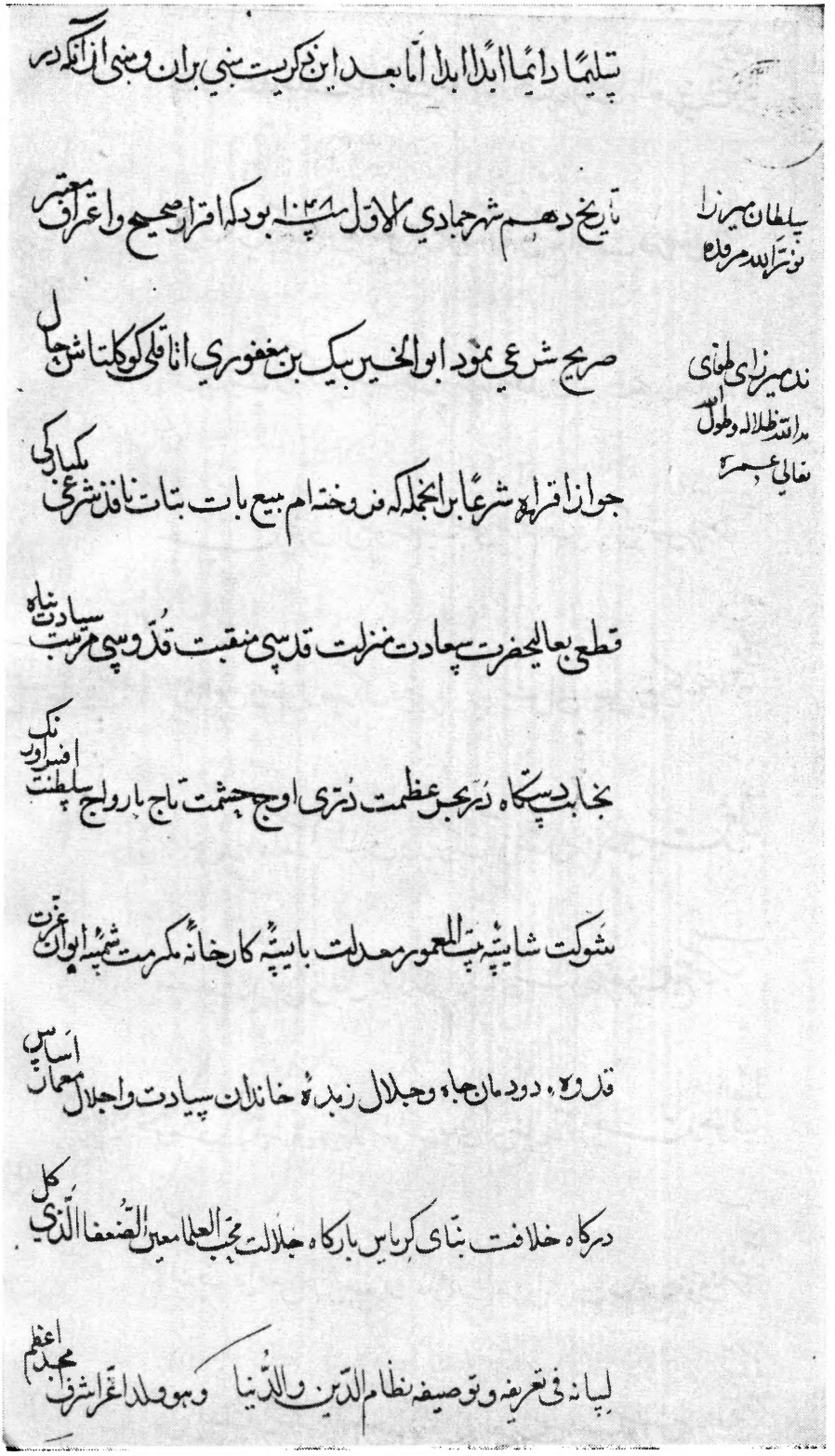


Рис. 39. То же (продолжение)

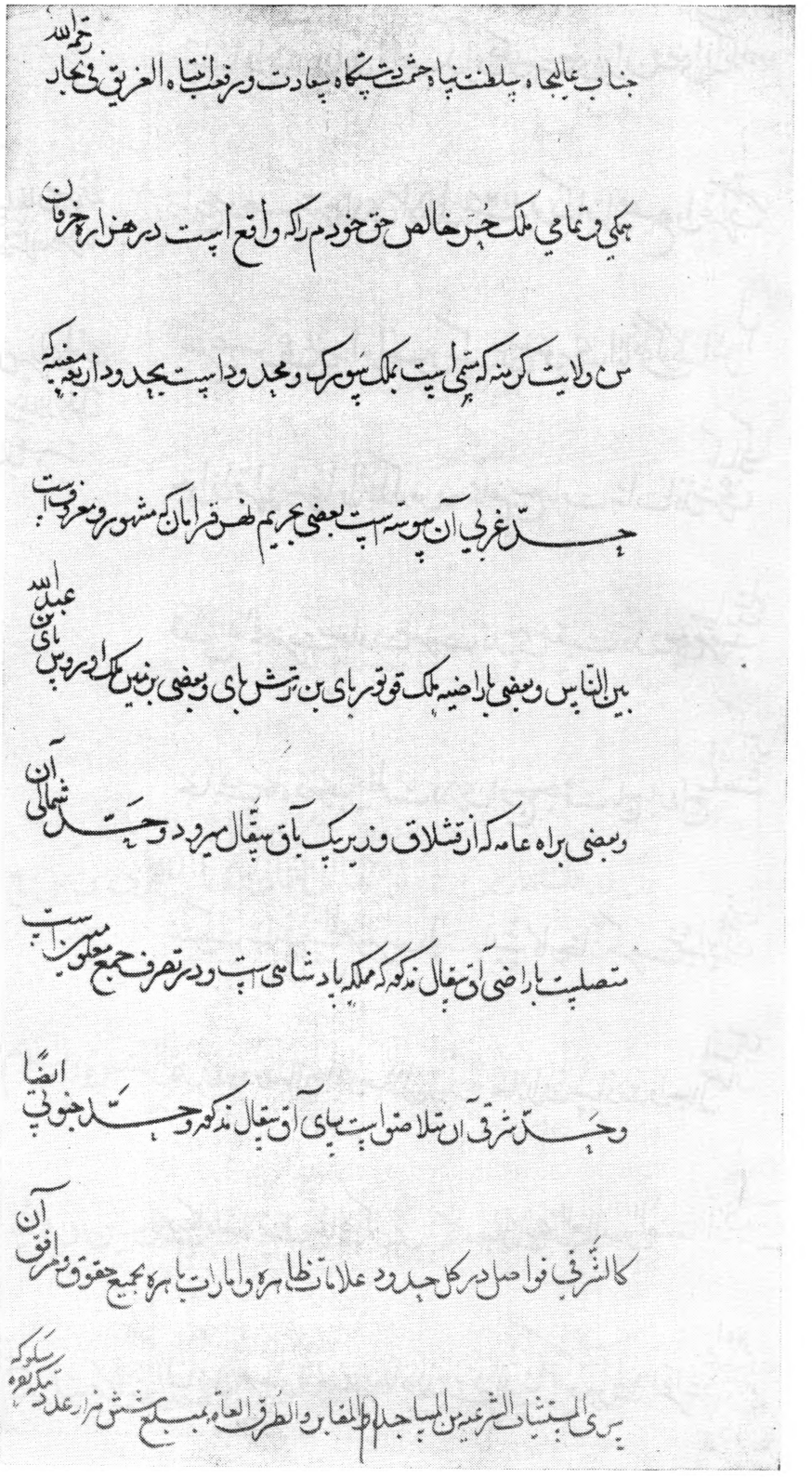


Рис. 40. То же (продолжение)

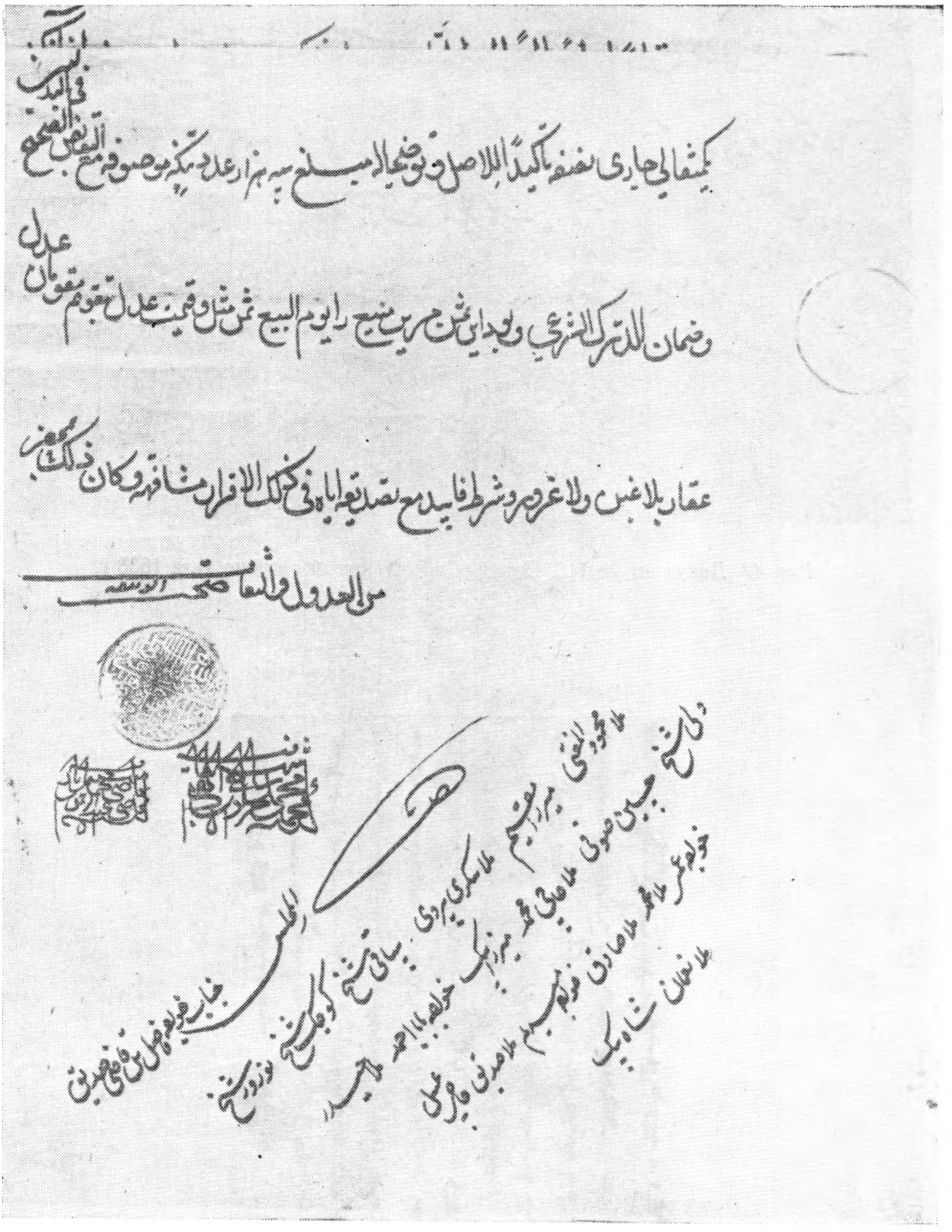


Рис. 41. То же (окончание)

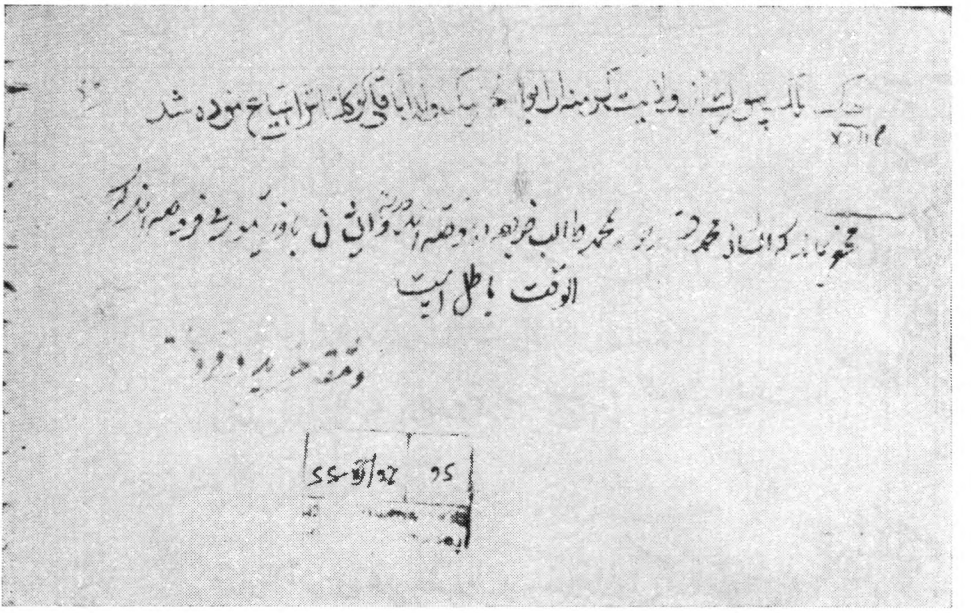


Рис. 42. Документ № 110. Надписи на оборотной стороне акта 1638 г.

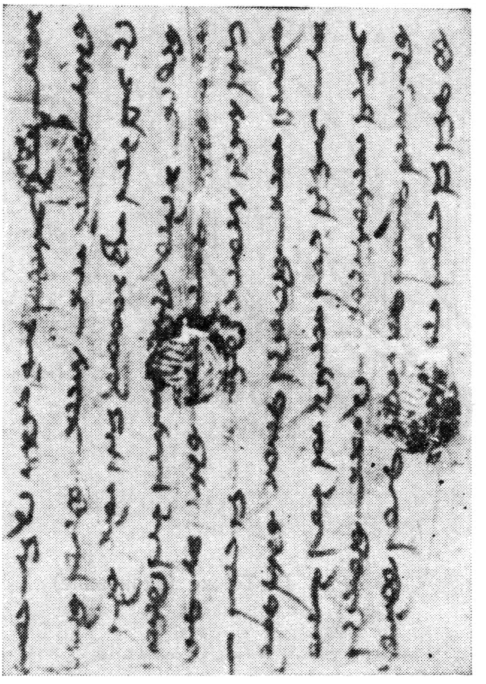


Рис. 43. Документ 3 Kr 31a, USp 112

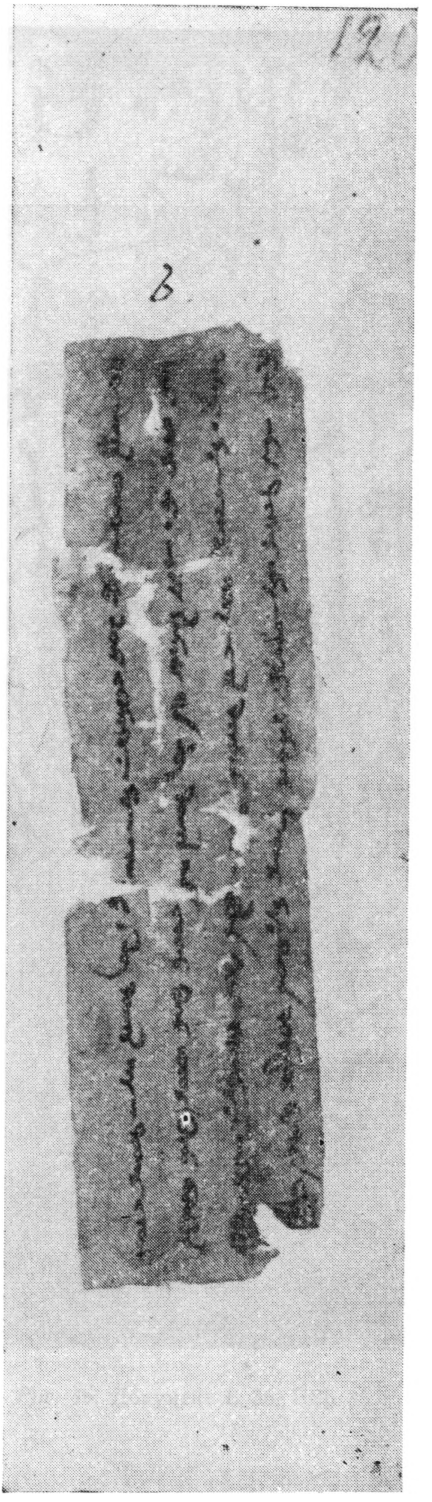


Рис. 44. Документ 3 Kr 32b, USp 120

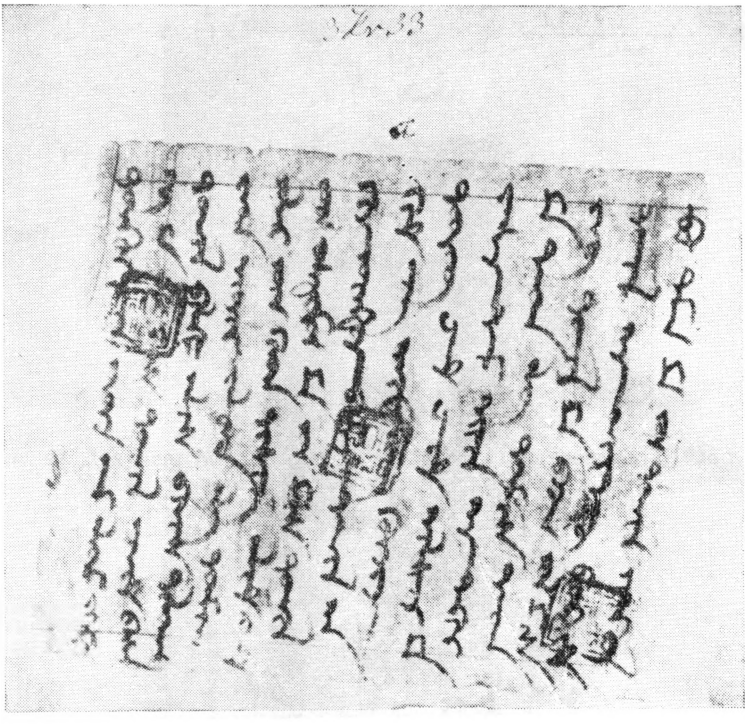


Рис. 45. Документ 3 Кг 33а, USp 111

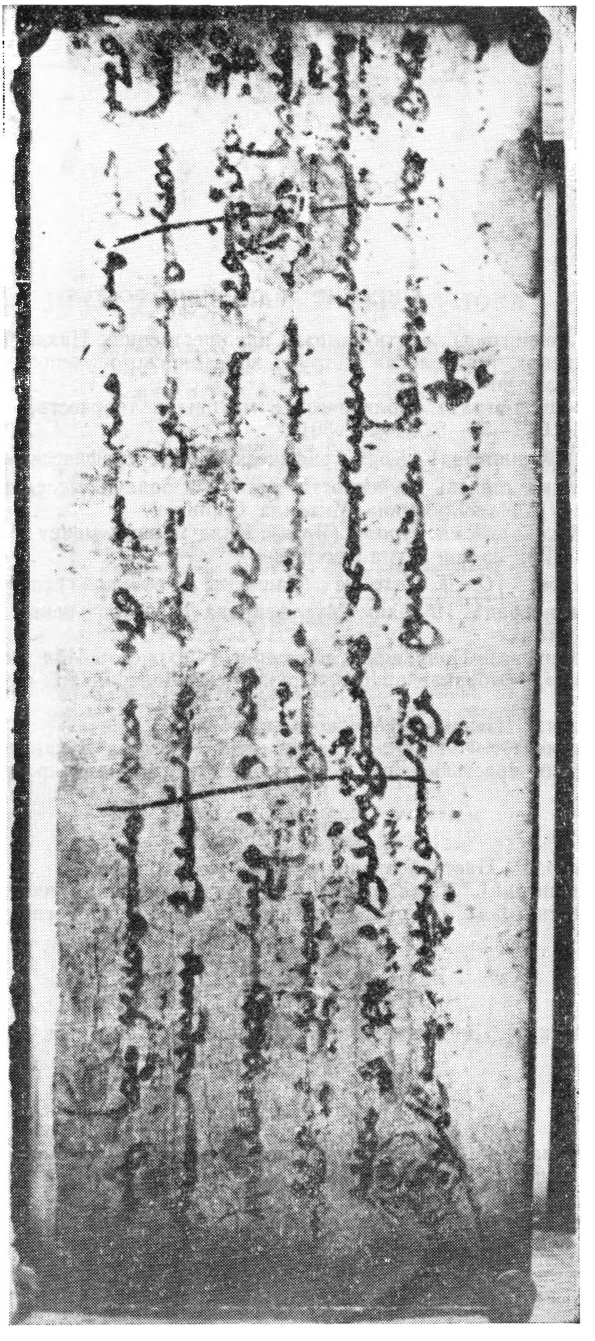


Рис. 46. Документ B 36, USp 36

СОДЕРЖАНИЕ

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

О. Ф. Акимушкин (Ленинград). «Тути-наме» и предшественник Нахшаби 4
Р. Бахадиров (Ташкент). Метрология в труде хорезмийского ученого X в. «Мафатих ал-улум» («Ключи наук») 22
В. М. Бейлис (Ворошиловград). Политические мотивы в творчестве арабского поэта ал-Газзи (441/1049—50—524/1129—30) 27
Ю. Е. Борщевский (Ленинград). Космографическая и географическая литература на персидском языке: степень изученности, методы и задачи исследования . . . 54
Р. А. Гусейнов (Баку). Из «Хроники» Михаила Сирийца 73
Е. А. Давидович (Москва), *К. К. Попов* (Ялта). Клад медных монет Мухаммада б. Текеша (1200—1220) из-под Куня-Ургенча 92
А. А. Егани (Душанбе), *О. Д. Чехович* (Ташкент). Регесты среднеазиатских актов 105
Ю. А. Каменев (Ленинград). Ибрахим Мутеферрика и его сочинение «Усул ал-хикам фи низам ал-умам» 111
В. В. Полосин (Ленинград). Поправка к изданиям «Фихриста» Ибн ан-Надима . 158
В. С. Рыбалкин (Киев). Собрание арабских рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР 161
В. С. Фотиева (Москва). Певцы омейядского периода 183
К. З. Хакимова (Ташкент). Фонд «Канцелярии кушбеги эмира Бухарского» — источник изучения истории крестьянского движения в Бухарском эмирате 204

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

К. Б. Кепинг (Ленинград). Цветообозначения в тангутских текстах 226
Е. И. Кычанов (Ленинград). Люди, принадлежавшие государю (государству) . 232
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Некоторые дополнения к чтению древнеуйгурских деловых документов 240

ЮЖНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

С. В. Кулланда (Москва). Древнеяванская надпись из Пенггинга. (Проблема датировки) 248

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

А. Ш. Кадырбаев (Алма-Ата). «Юаньши» как источник по истории кераитов и найманов 254
В. М. Рыбаков (Ленинград). Танский кодекс «Тан люй шу и» о должностных наказаниях чиновников 260
Э. С. Стулова (Ленинград). Аннотированное описание сочинений жанра *баоцзюань* в собрании ЛО ИВ АН СССР 271

РЕЦЕНЗИИ

В. С. Кузнецов (Москва). Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника . . 314
Список сокращений 318
Иллюстрации 319

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Историко-филологические исследования

Ежегодник 1976—1977

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редакторы *Н. А. Кукушкина, М. М. Хасман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Е. А. Пронина*
Корректоры *Г. Э. Пабст, Е. В. Анохина*

ИБ № 14778

Сдано в набор 17.12.82. Подписано к печати 13.07.84. А-13346. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Иллюстрации отпечатаны по высокой печати на типографской бумаге № 1. Усл. п. л. 32,2. Усл. кр.-отт. 32,55. Уч.-изд л. 31,05. Изд. № 4908. Тираж 1000 экз. Зак. 243. Цена 4 р. 80 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

4 р. 80 к.